АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Под редакцией
С. Б. БЕРНШТЕЙНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1958

ПРЕДИСЛОВИЕ

В научно-исследовательском плане сектора языкознания Института славяноведения АН СССР уделяется большое внимание сравнительно-историческому изучению синтаксиса славянских падежей. Этот отдел сравнительной грамматики славянских языков разработан слабо. Не определены точно приемы сравнения значений падежей в родственных языках, не разграничены грамматические значения и синтаксические функции падежей, не установлены принципы сравнительного изучения падежных синонимичных конструкций, не решена задача реконструкции падежных значений в дописьменный период истории языков. До сих пор при изучении синтаксиса падежей мы сталкиваемся с такими приемами анализа, которые в области фонетики или морфологии отвергнуты уже давно (см., например, работы Е. К. Тимченко). До сих пор исследователи игнорируют диалектный материал, мало внимания обращают на стилистические и жанровые особенности тех памятников письменности, из которых извлекают примеры. Это часто приводит к крупным ошибкам, так как в области синтаксических конструкций сосуществование архаического, книжного, с одной стороны, и нового, характеризующего современный разговорный язык — с другой, встречается гораздо чаще, нежели, скажем, в области морфологии. Все это нередко приводит к нарушению хронологии: новообразования принимаются за архаические конструкции, в очень древних конструкциях часто видят результат новообразований.

Авторы поставили перед собою задачу изучения славянских падежей на основе тех методологических принципов, которые сформулированы в первой главе данной монографии „Методы и задачи изучения истории значений и функций падежей в славянских языках". Они ясно отдают себе отчет в том, что не все принципы осуществлены в настоящей работе в должной мере. Состояние источников таково, что многое пока еще осуществить невозможно. Это прежде всего относится к диалектному материалу, очень скудному и не очень надежному. При решении многих вопросов реконструкции древнейших значений падежей авторы сталкивались с непреодолимыми трудностями из-за отсутствия сравнительно-исторических исследований в области синтаксиса падежей родственных языков (главным образом языков балтийских). Они отказались от сравнения архаических славянских конструкций с аналогичными литовскими, так как у них не было никакой уверенности в том, что литовские отражают в данном

случае особенности прабалтийского языка. Вот почему труд Э. Френкеля „Syntax der litauischen Kasus“ (1928) не мог оказать им существенной помощи. Поэтому в своих реконструкциях и предположениях они, как правило, не идут глубже поздних эпох праславянского языка.

Кроме исследования „Творительный падеж в славянских языках“, закончена монография „Локатив в славянских языках“. Описание значений дательного приглагольного в старославянском и древнерусском языках опубликовано в XIII томе „Ученых записок Института славяноведения АН СССР“.

Глава первая

МЕТОДЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЗНАЧЕНИЙ И ФУНКЦИЙ ПАДЕЖЕЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Индоевропейское склонение за длительный период существования индоевропейских языков прошло сложный путь развития. Происходили глубокие изменения в самой системе склонения, существенно преобразовывались падежные флексии, наблюдались многочисленные случаи переразложения, менялись значения и функции падежей, развивалась система предложных управлений, в ряде языков восторжествовал аналитический строй. Самые древние тексты индоевропейских языков (например, хеттского языка) отражают уже сравнительно поздний период в истории склонения. Особенно это относится к славянским языкам, древнейшие тексты которых моложе хеттских на две с лишним тысячи лет. „Первоначальный период в истории падежей, — писал в свое время Ф. И. Буслаев, — сокрыт от нас в эпохе доисторической, потому что уже в древнейших памятниках нашего языка видим падежи во всем их полном и богатом развитии, которым уже окончательно заключился период доисторического их образования“ [1].

Можно согласиться с теми лингвистами, которые предполагают, что древнейшей падежной системе индоевропейского языка предшествовал длительный период ее формирования. Возможно, что падежная система возникла из наречных образований, которые имели очень широкое значение и разнообразные функции. Надо думать, что первоначально они не изменялись по числам. В течение длительного периода шел процесс формирования специальных суффиксов, которые позже стали падежными флексиями.

Некоторое представление о данном процессе могут дать неиндоевропейские языки древнего Востока (например, хурритский язык). „Падежные отношения выражаются в хурритском отделимыми частицами типа послелога. Эти частицы могут присоединяться не только к основе, но и к основе + притяжательное энклитическое местоимение. Послелоги имеют тенденцию превратиться в падежные окончания. Эта тенденция нашла

[1] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Изд. 5. М., 1881, стр. 250.

полное выражение в урартском, где послелоги превратились в настоящие падежные окончания, причем дифференцировались особые формы для единственного и множественного числа“ [1].

Следует, однако, указать, что все попытки индоевропеистов представить данный процесс не в общих чертах, а детально, в его частностях, терпели крах. Слишком велико расстояние между начальными эпохами существования индоевропейского склонения и склонением хеттским, санскритским, греческим, старославянским и пр. Вот почему вопросы возникновения индоевропейских падежей, определения так называемых основных их значений всегда решались априорно, без материала, в зависимости от господствовавших в данный момент теорий.

О происхождении и истории индоевропейских падежей существует огромная литература. Особенно популярны эти вопросы в науке были в 30—80-е годы XIX в. Именно в это время шла ожесточенная дискуссия между логицистами и локалистами, между сторонниками грамматической теории Румпеля и теми, кто придерживался взглядов Боппа и Потта. В обсуждении этих вопросов принимали деятельное участие крупнейшие лингвисты XIX в. Большое внимание уделяли им и русские лингвисты (Буслаев, Потебня, Попов, Нетушил, Добиаш и мн. др.). Нужно, однако, сказать, что, несмотря на все попытки, изучить процесс формирования индоевропейского склонения не удалось. Объяснялось это не только сложностью самой проблемы, но и весьма существенными недостатками в методах и приемах ее решения.

Исследователи-компаративисты не учитывали того обстоятельства, что решение вопросов происхождения индоевропейской падежной системы, истории значений и функций отдельных падежей требует всестороннего и детального изучения данных вопросов на материале памятников письменности с широким привлечением народных говоров. Сопоставление отдельных изолированных явлений, не проработанных в историческом плане, всегда приводило исследователей к ошибочным выводам. Подобных примеров можно привести немало (например, утверждения Боппа, Куна и Курциуса о том, что славянские формы 1 л. ед. ч. наст. вр. типа сербского *pletem* являются архаическими глаголами на *-mi*, тогда как во всех славянских языках они представляют собою новообразования по аналогии с глаголами нетематического класса). Однако лингвисты рано научились при изучении звуков и форм пользоваться сравнительно-историческим методом, т. е. интерпретировать факты фонетики и морфологии в историческом плане. Совсем иначе дело обстоит в области синтаксиса, при изучении значений и функций грамматических категорий. Не только в XIX в., но и в настоящее время в синтаксисе господствуют такие приемы и методы изучения, которые в фонетике и морфологии уже в середине XIX в. вызывали серьезные возражения.

---

[1] И. М. Дьяконов. О языках древней Передней Азии. —„Вопросы языкознания“, 1954, № 5, стр. 53.

Не случайно, что из всех томов „Сравнительной грамматики славянских языков" Ф. Миклошича лишь один, четвертый, посвященный синтаксису, имеет широкое хождение до сих пор. Объясняется это отнюдь не тем, что Миклошичу в области синтаксиса удалось решить исторические проблемы более углубленно, нежели в области фонетики или морфологии. Объяснение нужно искать в необычайной архаичности современных методов изучения исторического синтаксиса.

Для каждого компаративиста ясно, что нельзя реконструировать древнейший вид морфемы, если предварительно не изучена всесторонне история данной морфемы в определенной группе родственных языков. Именно поэтому развитие сравнительно-исторического языкознания способствовало широкому развитию исторической фонетики отдельных языков. Другое дело синтаксис. Здесь крепко укоренилось убеждение в том, что сравнитель может обойтись без истории языка. Именно это привело к тому, что исторические исследования в области синтаксиса проводились сравнительно редко. Лингвисты довольно часто сопоставляли различные синтаксические явления, имевшие разную судьбу и представлявшие на какой-то стадии развития случайные совпадения. Особенно широкое распространение получили труды, авторы которых к готовой схеме подбирали разнообразные синтаксические явления из различных родственных языков. Примеров можно привести много. Укажу на один.

В 1881 г. отдельным изданием вышла монография рано скончавшегося харьковского лингвиста А. В. Попова „Синтаксические исследования", посвященная изучению именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, авесте, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянском языках. Однако фактически речь в самом исследовании идет не об истории указанных падежей в перечисленных языках. Автор приводит отдельные и довольно случайные примеры из различных языков для доказательства уже готовой схемы происхождения именительного и винительного падежей в индоевропейском языке. В монографии находим в ряде случаев очень ценную и основательную критику локалистов. Однако в своих собственных построениях, опирающихся на грамматическую теорию Курциуса, Попов также исходит не из материала. А. В. Попов приводит огромное количество примеров из различных индоевропейских языков (как показала критика, не всегда безупречных и правильных). Каждое свое положение автор иллюстрирует многими примерами из санскрита, авесты, греческого, литовского, русского и многих других языков. Однако сам Попов не знает истории тех явлений, на которые он опирается. Игнорируя элементарные требования сравнительно-исторического метода, Попов сравнивает праславянский факт с немецким, современные латышские явления с индоевропейскими и т. д. В одну группу попадают примеры, характеризующие старое, архаическое, и новое, нарождающееся. Автор не знает внутренних закономерностей развития синтаксических конструкций тех языков, на которые он опирается в своих построениях. Именно поэтому все его выводы не могут убедить читателя.

Правильно критикуя Буслаева за то, что он „новое явление ставит основанием для более древнего", сам Попов не только часто повторяет подобные ошибки, но, и это самое главное, не имеет никаких строгих критериев для определения соотносительной хронологии синтаксических явлений. Обычно он полагается на свое чутье, которое часто приводит его к неверным выводам.

Попов полагал, что индоевропейские падежи пережили две эпохи. Первая, древняя, характеризовалась тем, что были известны только два падежа: именительный (также звательный) и винительный. В начальные эпохи истории индоевропейского языка эти два падежа выполняли все те функции и имели все те значения, которые позже приобрели падежи, представленные, например, в санскрите. Винительный падеж (с флексией *-m*) Попов считал более древним, нежели именительный (с флексией *-s*). Таким образом, падеж с флексией *-m* в какой-то период истории индоевропейского языка мог выполнять и функции подлежащего, пережиток чего можно обнаружить в словах среднего рода. Автор вслед за многими лингвистами полагал, что первоначально флексии *-s* и *-m*, восходящие к местоимениям *sa* и *ma*, указывали на близкий и отдаленный предмет, а не служили для выражения падежных отношений. Лишь позже они стали падежными флексиями, но и тогда они еще не были флексиями в собственном смысле слова именительного и винительного падежей, так как выполняли разнообразные функции.

Позже, согласно Попову, появились падежи „второй формации". Они возникли главным образом из винительного, который характеризовался многообразием значений и функций. „Винительный же представляет такое разнообразие в употреблении, что самый термин объекта, при распространении его на разнообразные случаи употребления винительного, расплывается в нечто неопределенное, неуловимое" [1]. Формирование именительного падежа как падежа подлежащего приводит к формированию так называемого зависимого винительного (винительного объекта). Но одновременно продолжает существовать винительный „независимый", который выполняет функции винительного места, времени, комитативного и т. д. Таким образом, для определенного периода истории индоевропейской падежной системы следует предполагать наличие именительного, зависимого винительного и независимого винительного, который был „общим косвенным падежом". Позже все функции и значения независимого винительного взяли на себя падежи „второй формации". „Эти винительные (повода и причины. — *С. Б.*) не достигли широкого употребления, так как с развитием падежей второй формации обозначение повода и причины стало одной из главных функций аблятива и отчасти творительного" [2]. Аналогично шло развитие и других падежей.

Нельзя отказать А. В. Попову в том, что его гипотеза отличается известной стройностью. Взяв за исходную точку основные положения

---

[1] А. В. Попов. Синтаксические исследования. Воронеж, 1881, стр. 13.

[2] Там же, стр. 155.

Курциуса, Попов сумел нарисовать интересную картину истории индоевропейских падежей. Можно понять, почему некоторые лингвисты того времени (например, Нетушил) давали высокую оценку труду молодого лингвиста. Вместе с тем нужно прямо сказать, что в распоряжении Попова никаких серьезных доказательств не было. Гипотеза его является чисто умозрительной и не опирается на материал, несмотря на большое количество разнообразных языковых примеров в самой книге.

Локалисты, как известно, утверждали, что наиболее древними падежами являются те, которые служат для выражения пространственных отношений. Попов критикует это положение и выдвигает теорию, согласно которой самыми древними падежами являются грамматические падежи (именительный и винительный), а не локальные. С этим взглядом можно было бы считаться в науке лишь в том случае, если бы автор доказал на материале индоевропейских языков (древних и новых), что чисто грамматические падежи древнее, нежели падежи локальные. Интересно, что Попов даже и не пытается этого делать. Он считает возможным говорить о происхождении всей индоевропейской падежной системы только на основании изучения именительного и винительного падежей. Между прочим указанный недостаток характерен для очень многих трудов, посвященных истории отдельных падежей: *исследуются отдельные элементы падежной системы, на основании чего делаются выводы о происхождении всей системы.*

Поставив перед собой труднейшие задачи, Попов не изучил истории падежных функций и значений в отдельных индоевропейских языках. Он не знал, как и в каком направлении развивались эти явления в индоевропейских языках, он не поставил перед собой задачи реконструкции функций и значений падежей в индоиранском, прагреческом, италийском, балтийском, праславянском и других языках. Очевидно, что изучение истории индоевропейского языка должно опираться не на отдельные разрозненные факты, а на всю ту сумму наших знаний, которую дают специалисту по сравнительной грамматике индоевропейских языков специалисты по отдельным языкам этой семьи. Всяким реконструкциям в области индоевропейского языка должны предшествовать реконструкции индоиранские, праславянские и т. д. Нельзя ставить вопрос об основных значениях индоевропейских падежей, если исследователь не знает истории падежных значений в отдельных индоевропейских языках и если прежде он не решил вопроса о значениях падежей в индоиранском, прагреческом, италийском и т. д.

Иначе думал Попов. Близок к нему был и Нетушил. В своей статье „Локализм" Нетушил писал: „Вопрос об исходном значении падежей очень важен для грамматики. Без того или другого решения этого вопроса невозможно систематическое изложение употребления отдельных падежей, другими словами, невозможно научное отношение к этой части синтаксиса" [1].

---

[1] ЖМНП, 1881, июнь, ч. CCXV, стр. 269.

Итак, Нетушил ставит Попову в большую заслугу именно то, что автор „Синтаксических исследований" начал с определения исходных значений древнейших грамматических падежей. Однако очевидно, что при таком методе решить поставленную проблему нельзя. Определение основных, исходных, древнейших значений индоевропейских падежей возможно лишь в итоге длительной и кропотливой исследовательской работы. Это очень хорошо показал Ф. Ф. Фортунатов в своем отзыве об исследовании Попова. Акад. Фортунатов справедливо указал, что теория Попова не может быть принята даже в качестве гипотезы, так как автор прежде строит теорию, а затем уже при помощи этой теории объясняет факты. „Автор отправляется от известных предположений относительно происхождения именительного, звательного и винительного в индоевропейском праязыке и как бы забывая то, каким путем добыты им эти сведения, он принимает их основанием при объяснении именительного и винительного в исторические эпохи жизни индоевропейских языков" [1]. Фортунатов справедливо полагал, что такой метод исследования не может дать в науке положительных и устойчивых результатов.

Мы подробно остановились на исследовании Попова потому, что оно является типичным для изучения истории синтаксических явлений древнейшей поры. Аналогичными методами и приемами решались эти вопросы такими крупными лингвистами XIX в., как Гартунг („Über die Kasus, ihre Bildung und Bedeutung in der griechischen und lateinischen Sprache erlangen", 1831), Румпель („Kasuslehre in besonderer Beziehung auf die griechische Sprache", 1845; „Zur Kasuslehre", 1886), Курциус („Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung", 1873; „Grundzüge der griechischen Etymologie", 1879), Гюбшман („Zur Kasuslehre", 1875), Нетушил („Этюды и материалы для научного синтаксиса латинского языка", 1885) и мн. др. Во всех этих трудах решаются вопросы, относящиеся к начальным эпохам истории индоевропейского склонения, устанавливается хронология возникновения падежей, определяются основные значения падежных форм. Одни и те же факты, извлеченные главным образом из текстов древнеиндийского, древнегреческого и латинского языков, дают основания для различных гипотез. Легко заметить, что у всех указанных выше авторов теории предшествовали анализу собранных фактов. Вот почему длительная борьба между сторонниками различных теорий оказалась бесплодной. Теории сменяли одна другую, отдельные лингвисты переходили от одних гипотез к другим, а конкретных исследований, посвященных истории функций и значений в определенных языках на материале памятников письменности и говоров, почти не появлялось. Бесплодность дискуссий, которые велись как на страницах книг и журналов, так и на съездах (например, на лингвистическом съезде в Мейссене в 1864 г.), привела, наконец, к тому, что начиная с 80-х годов падает интерес к данным проблемам. Резко сокращается число исследований о происхождении

[1] „Отчет о 26 присуждении наград графа Уварова". Приложение к т. XLIX Записок АН, № 1. СПб., 1884, стр. 97—98.

индоевропейских падежей. Все чаще и чаще встречаются скептические заявления о бесплодности борьбы между локалистами и логицистами, о том, что погоня за основными значениями падежей уводит лингвистов в сторону от важных проблем науки. Многие лингвисты призывают отказаться от преждевременных попыток решения происхождения падежной системы и указывают на необходимость тщательной обработки материалов по отдельным индоевропейским языкам. Это дает положительные результаты. Появляются труды Потебни, Шпейера, Винклера и ряда других лингвистов, которые дают очень много для изучения истории падежей и их значений в различных индоевропейских языках.

* * *

Одним из первых наиболее значительных опытов в изучении синтаксиса славянских падежей является знаменитый труд А. А. Потебни „Из записок по русской грамматике", первоначально опубликованный в журнале „Филологические записки" за 1874 г.

Исследование Потебни лишь частично посвящено значению некоторых падежных форм. В центре внимания ученого находится составное сказуемое и способы его выражения. Отсюда интерес лингвиста к истории так называемых предикативных падежей (второго винительного, второго родительного и второго дательного), большое внимание к творительному предикативному, а одновременно и к его непредикативным функциям. „Однако, — писал Потебня, — ввиду связи этого так наз. предикативного творительного с другими, казалось нелишним здесь рассмотреть и эти последние (другие значения творительного падежа. — *С. Б.*), останавливаясь преимущественно на спорных вопросах"[1]. В сравнении, например, с Поповым Потебня поставил очень скромные задачи, но к решению их он подошел, опираясь на большой и ценный фактический материал (гл. обр. славянских языков).

Подойдя к изучению падежей со стороны исследования категории предикативности, Потебня нарисовал интересную картину употребления вторых косвенных падежей. Труд Потебни наглядно показал, как важно для понимания закономерностей развития падежной системы в употреблении отдельных падежей видеть внутреннюю взаимосвязь, обусловленную общими законами развития всего грамматического строя.

В отличие от своих современников Потебня стремился прежде всего вскрыть различные грамматические значения внутри падежа. „Задача состоит в том, чтобы на место отвлечения, называемого одним падежом, поставить более конкретные формальные значения, по возможности разграничить их между собою и показать их генетическую связь или ее отсутствие"[2]. При такой постановке вопроса определение исходных значений падежей отходит на второй план, ученый занимается интерпретацией

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II. Харьков, 1888, стр. 443.

[2] Там же, стр. 443.

исследуемого материала, а не произвольным рассуждением о начальных эпохах истории индоевропейского склонения.

Нельзя сказать, что в исследовании Потебни отсутствуют те методы и приемы изучения падежей, которые мы находим в трудах многих его современников. И Потебня нередко выдвигает отдельные положения, которые не являются итогом его конкретных разысканий, часто строит гипотезы, для доказательства которых у автора материала нет. Иногда теоретические положения Потебни находятся в противоречии с конкретным исследованием того или иного вопроса.

Говоря о необыкновенной сложности творительного падежа, А. А. Потебня писал: „Необходимо твердо знать, что при счете форм должно стремиться к тому, чтобы считать за единицу действительную форму, а не абстракцию. Мы привыкли, например, говорить об о д н о м творительном падеже в русском языке, но на деле этот падеж есть не одна грамматическая категория, а несколько различных, генетически связанных между собою. Всякое особое употребление творительного есть новый падеж, так что собственно у нас несколько падежей, обозначаемых именем творительного“ [1]. Это заявление Потебни не раз вызывало справедливые критические замечания. Правильно указывалось, что падеж представляет собою не только грамматическое значение, а единство грамматического значения и формы. Следует, однако, заметить, что в самом исследовании творительного падежа Потебня счастливо избежал возможной ошибки и дал подробное описание различных значений именно творительного падежа, а не различных падежей. В своем исследовании он верно рассматривает грамматические значения творительного падежа как значения единой грамматической категории (единого падежа).

Лишены всякого основания замечания А. Добиаша о классификации значений творительного падежа Потебни. Перечислив различные виды творительного, которые дает Потебня, Добиаш замечает: „Где тут можно толковать о каком-нибудь *начале* для определения значения творительного падежа?“ [2]. Но как можно определить начало, т. е. исходное значение падежа, не изучив прежде совокупности всех его значений на всем протяжении его исторического развития? Добиаш стоял, как мы видим, на общепринятой в его время точке зрения: исследователь синтаксиса падежей должен начинать с определения исходных значений падежа. Потебня избрал другой путь, который обеспечил ему серьезный успех (подробнее см. ниже).

Большое значение для успешного изучения истории падежей имело исследование И. Шпейера „Vedische und Sanskrit-Syntax“, 1896 („Grundriss der indoarischen Philologie“, I), так как помогло специалистам по сравнительной грамматике индоевропейских языков лучше понять многообразие значений древнеиндийских падежей. В отличие, например, от своего пред-

---

[1] А. А. Потебня. Из записок . . . , стр. 56.

[2] А. Добиаш. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага, 1897, стр. 60.

шественника Б. Дельбрюка (см. его популярный „Altindische Syntax", 1888), Шпейер не стремился распределять материал по готовым схемам, а пытался всесторонне исследовать те значения санскритских падежей, которые сохранены в текстах.

В истории языкознания известны многочисленные случаи, когда черты индоевропейского языка восстанавливались не в результате сравнительно-исторических реконструкций, а путем бездоказательных сопоставлений с реально существовавшими особенностями древних индоевропейских языков. На различных этапах истории языкознания предпочтение давалось разным языкам. „А. Лудвиг, превосходный знаток вед, придерживается того мнения, что языкознание до сих пор слишком односторонне копировало свои представления о природе общеиндоевропейского языка с греческого. В гораздо большей степени должны быть использованы веды, так как только из ведийского языка можно было бы получить указания для верного понимания флексий, а также именных и глагольных суффиксов" [1]. Действительно, греческий, а позже древнеиндийский часто служили эталонами для воссоздания особенностей индоевропейского языка. В области падежной системы отдавалось предпочтение санскриту, который якобы в этом отношении наиболее близок индоевропейскому.

Серьезный удар по этим представлениям был нанесен Шпейером. Он на большом материале убедительно показал, что значение санскритских падежей явилось результатом длительного и самостоятельного развития. Шпейер вскрыл разнообразные случаи падежной синонимики, исследовал параллельные конструкции, показал многообразие значений падежей. Исследование Шпейера обнаружило, что санскрит не представляет какого-то исключения в кругу древних индоевропейских языков и не может служить надежным критерием для определения исходных значений индоевропейских падежей. На большом и разнообразном материале было показано, что принятые в науке определения древнеиндийских падежей страдают схематизмом и далеко не отражают всего многообразия их значений, а также всей сложности их исторического развития.

Большим вкладом в науку об индоевропейских падежах явился труд германиста Г. Винклера „Germanische Kasussyntax. I. Der Dativ, Instrumental, örtliche und halbörtliche Verhältnisse" (1896). Здесь автор не занимается бесплодными и рискованными реконструкциями исходных значений, а пытается всесторонне исследовать процесс изменения значений и функций дательного падежа в германских языках. Винклер хорошо показывает расширение и сужение функций и значений падежа, обнаруживает своеобразие процессов в различных германских языках, исследует историю инструментального и локального употребления дательного падежа. Критика неосновательно упрекала Винклера в том, что он не дал четкого ответа на вопрос о сущности исходных значений дательного падежа в германских языках, ограничившись указанием лишь на то, что дательный падеж является косвенным падежом. Но этот упрек неоснователен. Германист

[1] B. Delbrück. Einleitung in das Sprachstudium. Leipzig, 1893, стр. 78.

не может решать вопрос об исходных значениях древнегерманских падежей, так как выделение германских языков из индоевропейского произошло на той стадии развития падежной системы, когда дательный падеж имел уже разнообразные значения. Труд Г. Винклера до сих пор сохраняет большое методологическое значение и с пользой изучается историками падежей в любом индоевропейском языке.

Появление конкретных исследований самым благоприятным образом сказалось на изучении истории падежей. Изучение исходных значений падежей, определение соотносительной хронологии их формирования — все это отходит на задний план. В центре внимания исследователей оказывается главным образом „объем значений" падежей и история этих значений. Исследователи стремятся найти более точные и надежные приемы определения падежных значений, отделить грамматическое значение падежа от его синтаксической функции, установить принципы изучения падежной синонимики.

Показателен в этом отношении путь, пройденный К. Бругманом. И он в своих исследованиях по сравнительной грамматике индоевропейских языков начал с попыток установления основного значения (Grundbedeutung) древнейших падежей. Однако позже он отошел от этого, так как сравнительно-исторический метод давал возможность установить не исходное значение, а лишь „объем значений" индоевропейских падежей[1].

Для славянских языков письменного периода связь между основными значениями творительного падежа установить уже невозможно. Вероятно, ее не было и в праславянском языке. Вот почему в нашем исследовании мы вынуждены ограничиться изучением основных значений творительного, не устанавливая вслед за некоторыми исследователями связи между ними. Иначе обстоит дело с изучением вторичных значений падежа (об этом см. ниже).

Несмотря на отсутствие внутренней связи многих значений славянского творительного падежа, мы, однако, можем сказать, что наибольшую роль играют два значения: социативное и инструментальное. Эти значения являются наиболее устойчивыми, они охватывают наибольшее число случаев употребления творительного падежа. Однако отсюда делать вывод о том, что именно эти два значения являются самыми древними значениями творительного падежа, нельзя. Самым древним значением могло быть такое значение, которое позже в результате ряда причин ослабло, стерлось и, возможно, совсем вышло из употребления.

В 1867 г. Б. Дельбрюк опубликовал свою первую большую работу, посвященную синтаксису падежей, — „Ablativ, lokalis, instrumentalis im Altindischen, Lateinischen, Griechischen und Deutschen". После этого в течение всей своей научной деятельности он неоднократно возвра-

[1] K. Brugmann, A. Thumb. Griechische Grammatik. Strassburg, 1913, стр. 427. Бругман справедливо указывал на то, что, несмотря на все попытки лингвистов, исходные значения индоевропейских падежей остаются невыясненными. См., например, „Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen". Strassburg, 1922, стр. 418.

щался к данным вопросам в специальных монографиях, статьях и общих руководствах. Обратив внимание на существенные различия падежной системы во многих индоевропейских языках, Дельбрюк исследовал значение ряда падежей и указал на то, что в языках происходило разнообразное слияние значений различных падежей, что приводило к усложнению их значений. Так, в латинском исходный падеж (аблятив) объединил в себе значения древних исходного, творительного и местного, в греческом дательный падеж выполнял роль древних трех падежей (дательного, творительного и местного), дательный в готском заместил даже четыре падежа (дательный, исходный, творительный и местный). Дельбрюк назвал это явление падежным синкретизмом[1]. Ценность исследований Дельбрюка состоит в том, что он обратил внимание на многозначность индоевропейских падежей (на падежный синкретизм), на формирование этого синкретизма.

Следует, однако, заметить, что учение Дельбрюка о синкретизме индоевропейских падежей в ряде случаев требует серьезной критики. Нет сомнения в том, что для подтверждения своей теории Дельбрюк часто опирался на реальные факты. Вот почему нельзя вслед за некоторыми лингвистами полностью отрицать всякое научное значение теории падежного синкретизма. Однако многое требует серьезного пересмотра (особенно в свете новых данных древних индоевропейских языков Малой Азии). Дельбрюк в своем учении исходил из системы восьми падежей санскрита, полагая, что именно древнеиндийский язык наиболее близок в этом отношении индоевропейскому. С этим согласиться невозможно. Отдельные индоевропейские языки выделились из индоевропейского праязыка в разное время и на различной стадии развития падежной системы. Мы не можем, например, только на основании данных санскрита с полной уверенностью говорить о первоначальном различии дательного и местного в хеттском и о позднем переходе значений местного на дательный в связи с утратой флексии хеттского локатива.

Дельбрюк убедительно показал, что с помощью этимологии невозможно решить вопрос о древнейших значениях падежей.

Этимология флексий для многих лингвистов была той основой, на которой строились гипотезы об истории грамматических значений и функций индоевропейских падежей. Еще Бопп пытался определить характер древнейшей падежной системы на основе этимологических исследований падежных форм. В дальнейшем этот метод получил особенное развитие в трудах Курциуса и ряда других лингвистов XIX в. Отдали дань этому методу и некоторые крупные лингвисты XX в. (Уленбек, Шухард и др.). Пользовались им и ученики акад. Марра (см., например,

---

[1] См. его „Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen," I. Strassburg, 1893, стр. 189, а также исследование „Synkretismus. Ein Beitrag zur germanischen Kasuslehre." Strassburg, 1907.

статью С. Л. Быховской „К вопросу о происхождении склонения" (ИАН ОГН, 1930).

Многим лингвистам XIX в. казалось, что изучение генезиса падежных флексий даст ответ на вопрос о формировании всей падежной системы в целом, поможет определить древнейшее значение отдельных падежей. Установив соотносительную хронологию формирования отдельных падежных флексий, можно будет определить последовательность появления падежей, т. е. решить, наконец, старый спор логицистов и локалистов. Определив источник различных падежных флексий (местоимения, послелоги и пр.), можно будет найти исконное значение падежей. Однако исследователи генезиса падежных флексий не смогли выработать таких принципов, с которыми должны были серьезно считаться специалисты по историческому синтаксису.

Как мы указали выше, среди лингвистов был широко распространен взгляд, что падежные флексии именительного и винительного *-s* и *-m* местоименного происхождения. Так думали Бопп, Потт и многие другие. Однако на основе этой этимологии возникали совершенно различные теории о древнейших значениях именительного и винительного падежей. Так, для Попова эта этимология явилась основанием рассматривать древнейшее отличие именительного и винительного в указании на отдаленный и близкий предмет. Но Уленбек, также признававший справедливость данной этимологии, устанавливал совершенно иное значение этих двух падежей. Он утверждал, что первоначально падеж с окончанием *-s* был активным падежом, падежом субъекта при переходных глаголах, а падеж с окончанием *-m* был пассивным, падежом субъекта при непереходных глаголах: „Под активным падежом следует понимать падеж действующего лица, падеж субъекта при переходных глаголах: в индоевропейском праязыке он характеризовался суффигированным *-s*, которое едва ли можно отделять от основы указательного местоимения *so* и которое, вероятно, следует рассматривать как постпозитивный артикль" [1]. Многие лингвисты, разделявшие взгляд Боппа на происхождение флексии аблятива *-t* из местоимения *ta*, в то же время не одинаково интерпретировали исходное значение индоевропейского аблятива. И таких примеров можно привести очень много.

Дельбрюк был первым лингвистом, который справедливо указал на то, что невозможно на основе этимологии падежных флексий решать вопросы значения и функций падежей. Дельбрюк неоднократно указывал на то, что вместо этимологизирования исследователь синтаксиса падежей должен всесторонне изучить употребление падежей в отдельных родственных языках в различные исторические эпохи.

Против объяснения исходных значений падежей на основе этимологии падежных флексий выступали и после Дельбрюка. Однако этот метод получил в языкознании широкое распространение и, бесспорно,

---

[1] Х. К. Уленбек. Agens и patiens в падежной системе индоевропейских языков. — Сб. „Эргативная конструкция предложения". М., 1950, стр. 101.

сыграл отрицательную роль в истории изучения синтаксиса индоевропейских падежей. Его, кстати, широко применяли также последователи акад. Марра, этимологизируя, однако, на основе пресловутого палеонтологического анализа. В статье „К вопросу о происхождении склонения" С. Л. Быховская вслед за Уленбеком утверждает, что „первоначальными падежами были падежи Пассивный и Активный" [1]. Этот вывод она делает на основании изучения этимологии флексий в различных неродственных языках.

На основании сказанного нельзя делать вывод, что изучение происхождения падежных формативов не является задачей научного языкознания. Такой вывод был бы глубоко ошибочным. Вопросы происхождения падежных флексий принадлежат к важнейшим разделам сравнительной грамматики. Однако и здесь нужно четко дифференцировать задачи и точно определить возможность материала. Славист, конечно, не может решать вопроса о происхождении флексий им. ед. м. р. *-s* или вин. ед. *-m*, так как эти флексии сформировались задолго до выделения праславянского языка. Флексия тв. ед. основ на *-a* возникла на почве праславянского языка. Ряд флексий сформировался поздно в отдельных славянских языках (например, флексия род. мн. *-ā* в сербохорватском языке). Изучение генезиса этих флексий — важнейшая задача специалиста по сравнительной грамматике славянских языков.

* * *

Начиная с 70-х годов XIX в. намечаются новые тенденции в области изучения синтаксиса. Они наглядно обнаруживаются в известной диссертации акад. Ф. Е. Корша „Способы относительного подчинения" (1877), в которой сопоставляются способы относительного подчинения в индоевропейских, семитических и тюркских языках и на основе этих сопоставлений предлагаются различные гипотезы. В области изучения синтаксиса падежей эта новая тенденция обнаружилась в исследовании Гюбшмана „Zur Kasuslehre" (1875), в котором автор пытается решать вопросы происхождения индоевропейских падежей при помощи сопоставления падежных систем различных неродственных языков. Однако большинство лингвистов прошлого столетия скептически относилось к сравнению подобного типа.

В XX ст. сопоставления различных неродственных языков получают широкое распространение. Одним из первых здесь выступает Уленбек, который решительно стирает грань между сравнением родственных и неродственных языков. В своей известной статье „К учению о падежах", опубликованной в 1906 г., а также в более ранней статье „Agens и patiens в падежной системе индоевропейских языков" (1901) Уленбек доказывает происхождение индоевропейских именитель-

[1] С. Л. Быховская. К вопросу о происхождении склонения. ИАН ОГН, 1930, № 4, стр. 293.

ного и винительного падежей из активного (транзитивного) и пассивного (интранзитивного) падежей с помощью данных баскского, гренландско-эскимосского и дакотского языков. Уленбек приводит отдельные примеры, которые демонстрируют различные способы выражения субъекта и объекта в некоторых неродственных языках. Формативы во всех примерах генетически не родственны. Речь идет лишь о синтаксических конструкциях, простое сравнение которых дает основание Уленбеку утверждать, что „все эти приводимые мною свидетельства безусловно подтверждают правильность моего взгляда на индоевропейские падежи с окончанием *-s* и *-m* как на первоначальные транзитивный и интранзитивный падежи“ [1]. Однако основным, если не единственным, аргументом голландского лингвиста является его решительный тон. В статье отсутствует даже подобие каких-либо доказательств. Нельзя же серьезно считаться с заявлением Уленбека, что наличие в индоевропейском языке флексии *-s* не только в именительном, но и в родительном находится в каком-то отношении с фактами гренландско-эскимосского языка, в котором падеж с формативом *-p* „функционирует не только как падеж деятеля, но и как родительный падеж“ [2]. А ведь на этом шатком основании делается далеко идущий вывод о транзитивном характере индоевропейского падежа на *-s*!

Методы и приемы Уленбека в дальнейшем получили широкое распространение у некоторых лингвистов структурального направления (гл. обр. в трудах датского лингвиста Ельмслева) и среди представителей так называемого „нового учения о языке“.

Ельмслев уделяет вопросам падежей, изучению их функций и значений большое внимание. Однако его мало интересует конкретная история падежной системы в определенной группе языков. Он разрабатывает систему взаимоотношений (корреляций) падежей, пытается исследовать на материале самых разнообразных неродственных языков различные типы корреляций. В этом направлении прежде всего следует упомянуть его известную монографию „La catégorie des cas“ (I, 1935, II, 1937).

Вместо изучения истории падежей, их функций и значений Ельмслев пытался установить внеисторические типы падежных систем. Он строит свою классификацию типов склонения на основе установленных им самим общих принципов координат, соотношений падежной системы с другими элементами языковой структуры. Он обращает внимание на характер соотношений падежей с категорией числа, рода, определяя на этой основе различные типы склонения. В монографии находим беглую характеристику различных падежных систем (например, табасаранскую с 52 падежами, аварскую с 36 падежами), на основании которой автор строит схему различных типов внутренних координат, совершенно не

---

[1] Х. К. Уленбек. К учению о падежах. — Сб. „Эргативная конструкция предложения“. М., 1950, стр. 100.

[2] Там же, стр. 98.

считаясь с родственными связями языков, конкретной историей падежей в каждом языке[1]. Ельмслев пытался установить мертвые схемы возможных падежных систем, которые не находили поддержки в реальной действительности. Монография датского ученого была сурово встречена многими лингвистами[2]. Справедливо указывалось, что конкретную историю языков автор подменил внеисторическими схемами универсальной грамматики. Следует подчеркнуть, что исследование Ельмслева, представляющее некоторый интерес для изучения грамматических систем, ничего не дает историку языка.

Было бы, однако, большой ошибкой утверждать, что представители структуральной лингвистики не внесли серьезного вклада в изучение синтаксиса падежей. С известным трудом Р. Якобсона „Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus" („Travaux du cercle linguistique de Prague", 6, 1936, стр. 240—288) должен считаться любой исследователь синтаксиса падежей современных славянских языков. Можно не соглашаться с учением Якобсона об „общем" значении падежа, отрицать то определение „общего" значения, которое он дает русским падежам, но нельзя легко отмахнуться от тех приемов исследования взаимосвязи, взаимозависимости отдельных русских падежей, которые мы находим в его исследовании. Падежи русского языка представляют собой определенную с и с т е м у. Р. Якобсон это показал глубже и убедительнее всех.

* * *

При изучении истории падежей перед исследователями встают различные задачи, которые требуют различных методов и приемов исследования.

Наибольшее внимание уделялось изучению генезиса падежных флексий. Эти вопросы решаются на основе сравнительно-исторического изучения родственных морфем. Лингвистам удалось установить происхождение многих падежных флексий. До сих пор, однако, некоторые вопросы остаются нерешенными. Ученики Марра в свое время пытались объяснить это тем, что не было никакого родства между индоевропейскими языками, а следовательно, не было и общих падежных форм. „Падежи в индоевропейских языках чрезвычайно ярко показывают отсутствие такого материального и структурного единства, какое позволяло бы говорить о едином источнике происхождения, при наличии,

---

[1] Специалисты по различным языкам обнаружили много фактических ошибок в труде Ельмслева. Так, Л. И. Жирков указал, что установленные Ельмслевым 52 табасаранских падежа „приблизительно *вдвое* превышают действительное число падежей в этом языке" („Табасаранский язык". М.—Л., 1948, стр. 31).

[2] „Он (Ельмслев. — *С. Б.*) уводит читателя в дебри отвлеченных и бесплодных схем, не имеющих уже ничего общего с конкретными языковыми фактами" (А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I, Братислава, 1954, стр. 128).

однако, целого ряда сходных черт и единстве общего типа выражения субъектно-объектных отношений, объединяющих так называемые индоевропейские языки в систему“ [1]. А. В. Десницкая решительно утверждала, что „разбор объяснений славянских падежей показал шаткость и ненадежность морфологических реконструкций; большинство падежных окончаний в славянских языках необъяснимо с точки зрения праязыковых форм“ [2]. Это не соответствует действительности. Специалисты по сравнительной грамматике славянских языков установили происхождение большинства падежных форм.

Перед историком падежных флексий в различных семьях родственных языков стоит несколько задач. Первая — изучить историю падежных флексий в группе близкородственных языков (например, в славянских, балтийских и т. д.). Вторая — реконструировать на основе сравнительно-исторического метода древнейший вид флексий праязыка (например, флексии праславянского, прагреческого... и, наконец, индоевропейского языка). Третья — установить генезис падежных флексий в индоевропейском языке. Последняя задача наиболее трудная и сложная. Она не может решаться специалистами по отдельным группам языков (славистом, романистом, германистом).

Совершенно иначе решаются вопросы истории функций и значений падежей. Существенное различие наблюдается в принципах и методах реконструкций.

Падежную форму мы реконструируем на основе сопоставления реальных родственных форм, история которых нам должна быть хорошо известна. Мы должны хорошо знать фонетические законы изучаемых языков, всегда учитывать особые условия конца слова. Иногда исследователю удается безошибочно установить древнейшую исходную форму, а более поздняя ее история остается неясной (например, слависты до сих пор не знают, каким путем *-jens* в восточных и западных славянских языках изменилось в *-ě*).

Реконструкции в области синтаксиса (структуры предложения, синтаксиса частей речи) носят принципиально иной характер. Объясняется это коренными отличиями фонетических и морфологических процессов, с одной стороны, и синтаксических, с другой. Зная фонетические закономерности определенной группы родственных языков, мы восстанавливаем реальные морфемы. В области синтаксиса подобные реконструкции, как правило, невозможны. Изучая, например, историю употребления падежей в отдельных родственных языках, мы видим, как меняются их значения и функции. Так, в некоторых старославянских текстах приименной дательный часто выполняет функции старого приименного родительного, т. е. служит для выражения принадлежности. В данном случае тексты отражают очень важный процесс в истории болгарского языка —

---

[1] А. В. Десницкая. О мнимом структурном единстве индоевропейских языков. — ИАН ОЛЯ, 1941, № 1, стр. 75.

[2] Там же.

замену старого родительного принадлежности дательным принадлежности. Здесь мы наблюдаем расширение функций дательного падежа при одновременном сужении функций родительного. Процесс этот был длительным и сложным. Он по-разному проявился в различных частях речи (например, в именах существительных и местоимениях), в разных лексических группах. Данный синтаксический процесс существенно отличается от любого фонетического, так как здесь не было перехода, изменения одного падежа в другой, а лишь постепенное вытеснение одного падежа другим. В течение длительного времени можно обнаружить параллельное употребление разных падежей в одном значении. Это приводит к падежной синонимике, судьба которой бывает различной.

Таким образом, всякие реконструкции в области синтаксиса гораздо сложнее, нежели в области фонетики и морфологии. Здесь больше места для всяких произвольных сопоставлений, неоправданных гипотез и теорий. Параллелизм синтаксических явлений дает широкую возможность на одних и тех же фактах строить диаметрально противоположные гипотезы.

Было бы, однако, большой ошибкой, если бы мы на этом основании отказались от всяких реконструкций в области синтаксиса и, в частности, в области синтаксиса падежей. Реконструкции в области синтаксиса возможны. Но они требуют от исследователя глубокого знания истории синтаксиса по памятникам письменности и записям народных говоров. Любой реконструкции должно предшествовать выявление закономерностей изучаемого синтаксического явления от первых памятников письменности. Изучая падежную синонимику, надо обратить внимание на *тенденции* развития каждой конструкции. Именно это поможет верно определить роль синтаксических явлений в дописьменный период.

Простое сопоставление параллельных конструкций не может быть основой для надежной реконструкции. Это наглядно можно показать на изучении славянского творительного предикативного.

Еще в 1911 г. И. М. Эндзелин в „Славяно-балтийских этюдах“ писал, что наличие творительного предикативного в славянских и балтийских языках „указывает на эпоху совместной жизни славянских и балтийских племен“ [1]. Синтаксические конструкции типа *он был моим избавителем* „jis buvo mano gèlbėtoju“ (литовск.) свидетельствуют, по мнению Эндзелина, что составное сказуемое с творительным предикативным употреблялось в очень глубокой древности. Несмотря на основательную критику, которой подвергся этот взгляд Эндзелина со стороны Э. Френкеля [2], проф. Эндзелин вновь, уже в 1953 г., говорит о генетических связях творительного предикативного в славянских и балтийских языках. „Так, у балтов и славян общий так называемый твори-

---

[1] И. М. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911, стр. 190.

[2] E. Fraenkel. Der prädicative Instrumental im Slavischen und Baltischen und seine syntaktischen Grundlagen. — „Archiv für slavische Philologie“, XL, Berlin, 1926, стр. 77—117.

тельный предикативный, например русское *он был моим товарищем*. Так же говорят еще и теперь литовцы — „jis buvo mano gèlbėtoju“ [1]. О том, что и латыши прежде могли так выражаться, свидетельствуют латышские народные песни... Здесь снова возражает проф. Э. Френкель, что и в латинском языке встречаются такие же предложения, как, например, aqua nive concrescit 'вода застывает снегом'. Но дело в том, что предложения такого типа с таким употреблением инструменталиса или аблатива в латинском языке очень редки и не убеждают в том, что балтийский творительный предикативный не может иметь связи с славянским творительным предикативным“ [2]. Дело, конечно, не в сравнении с латинским aqua nive concrescit, которое, действительно, не имеет никакого отношения ни к славянскому, ни к балтийскому творительному предикативному. Дело в том, что Эндзелин сопоставил две аналогичные конструкции, не изучив их историю, т. е. стал на путь, который никогда в науке еще не давал положительных результатов.

Большой методологической ошибкой проф. Эндзелина явилось то, что он обратил внимание только на творительный предикативный, а синонимическую конструкцию с именительным предикативным оставил в стороне. Между тем всякое генетическое исследование в области синтаксиса требует от языковеда изучения взаимоотношений на различных этапах развития параллельных и синонимических конструкций. Без этого обязательного требования всякие реконструкции обречены на неудачу.

Против гипотезы Эндзелина свидетельствует прежде всего славянский материал. Известно, что творительный предикативный в славянских языках является сравнительно новой синтаксической конструкцией. В старославянском языке творительного предикативного не было. Редко встречается он в текстах древнерусского языка, а также в древнейших текстах западнославянских языков. Исследователи русского и польского языков обратили внимание на то, что с течением времени в этих языках расширяется сфера употребления в сказуемом творительного падежа и сужается употребление именительного. Во многих славянских языках в течение длительного времени идет процесс вытеснения второго именительного из сказуемого. Этот процесс охватил прежде всего имена существительные, позже прилагательные. Различным темпом он шел в разных лексических группах слов. Существенную роль играло и время глагола, входящего в состав сказуемого. Развитие новой синтаксической конструкции (творительного предикативного) дало возможность формальными средствами (различными падежами) выразить постоянный и временный признак на определенной стадии развития славянского сказуемого.

Необходимо учесть, что новая синтаксическая категория не получила развития во всех славянских языках. Наиболее активной она ока-

[1] Здесь у Эндзелина ошибка: *Gelbėtojas* по-русски значит 'избавитель', 'спаситель'.

[2] Эндзелин. Древнейшие славяно-балтийские языковые связи. — „Академия наук Латв. ССР. Труды Института языка и литературы“, II. Рига, 1953, стр. 77.

залась в западной их группе. Что касается южной, то здесь второй именительный оказался очень устойчивым и представляет очень редкие случаи замены творительным.

В середине XIX в. Шлейхер и Миклошич высказывали предположение, что славянский творительный предикативный древнее второго именительного. Даже в то время этот взгляд не нашел поддержки. А. А. Потебня справедливо указал, что „явление это в славян. нар. (т. е. творительный предикативный. — *С. Б.*) слагалось и образовывалось до последнего времени и везде, кроме немногих окраин слав. языка, было вытесняющим, а не вытесняемым“ [1].

Итак, у нас есть все основания предполагать, что в ранний период истории праславянского языка творительного предикативного не было. „Распространение так называемого творительного предикативного, выступившего на смену второму падежу в конструкциях с двойным винительным или дательным, во всех славянских языках явление относительно позднее, хотя степень активизации этого процесса в разных славянских языках неодинакова и время его интенсивного развития в отдельных языках различно... Ни в одном из славянских языков широкое распространение этого грамматического явления не может быть отнесено ко времени более раннему, чем XIV—XV вв.“ [2]

Все это, конечно, свидетельствует против распространенного в настоящее время взгляда, что творительный предикативный в славянских языках возник в результате влияния древнейшего финского субстрата (носителей культуры гребенчатой керамики).

Существенно отличается от славянских языков употребление творительного предикативного в балтийских языках.

По авторитетному указанию Эндзелина, творительный предикативный в прошлом был известен латышскому языку. Однако позже он утратился, оставив следы лишь в народных песнях. Таким образом, судьба этой синтаксической конструкции существенно отличается от судьбы творительного предикативного в славянских языках.

Наибольшее развитие творительный предикативный получил в литовском языке. Употреблялся он уже в древних литовских текстах. По мнению Френкеля, употребление творительного в сказуемом в литовском ближе к русскому, нежели к польскому [3]. Однако и в русском творительный предикативный употребляется чаще, чем в литовском. Так, прилагательное в сказуемом в литовском может стоять только в именительном падеже. „По-литовски ни в коем случае нельзя сказать tàs peĩlis bùs gerù“, — пишет К. Явнис [4]. Тут возможен только именительный падеж: gẽras.

---

[1] А. А. Потебня. Из записок..., I—II, стр. 493.

[2] В. В. Виноградов. Учение А. А. Потебни о стадиальности развития синтаксического строя в славянских языках. — „Вестник Моск. ун-та“. 1946, № 3—4, стр. 14.

[3] E. Fraenkel. Syntax der litauischen Kasus. Kaunas, 1923, стр. 199. В книге дано подробное описание творительного предикативного (стр. 198—208).

[4] К. Явнис. Грамматика литовского языка. II, 1908—1916, стр. 26.

Отсутствие памятников письменности до XVI в., слабая изученность народных говоров (особенно их синтаксиса) не дают возможности делать какие-либо определенные выводы относительно времени появления в литовском творительного предикативного. Шлейхер полагал, что исконный творительный в сказуемом вытесняется именительным под немецким влиянием. В этом еще в свое время усумнился А. А. Потебня: „Именительный в литовском, в случаях, где можно бы с точки польского языка ожидать творительного, может не происходить от немецкого влияния, вообще мало заметного в литовской грамматике, но быть явлением вполне туземным и весьма древним“ [1].

Как бы то ни было, но в распоряжении специалиста по балтийским языкам нет неопровержимых доказательств, что в прабалтийском языке был известен творительный предикативный.

Итак, наличие творительного предикативного в некоторых славянских и балтийских языках не доказывает существования славянско-балтийского праязыка. С полным основанием Френкель писал, что данная синтаксическая конструкция есть результат „параллельного новообразования обеих языковых ветвей“ [2]. Акад. Виноградов справедливо пишет: „Необходимо согласиться, вопреки мнению И. Эндзелина, с положением Френкеля о независимости течения этого процесса в балтийских и славянских языках“ [3].

Ошибка И. М. Эндзелина очень поучительна. Она наглядно показывает те опасности и трудности, с которыми должен считаться каждый, кто поставил перед собой задачу изучения синтаксиса древнейшего дописьменного периода в истории языка.

Следует, однако, обратить внимание на то, что приведенный нами пример синтаксической реконструкции относится к случаям сравнительно легким. Можно привести еще пример реконструкции грамматических значений местоименных прилагательных в праславянском языке. Задача эта облегчается тем, что старославянский язык еще хорошо отражает древнее значение местоименных и именных прилагательных, не связанных с их атрибутивным и предикативным употреблением. Объясняется это тем, что формирование местоименных прилагательных произошло в поздний период истории праславянского языка (после многочисленных изменений конца слова, вызванных главным образом процессом утраты закрытых слогов).

Гораздо сложнее, а часто и невозможно, реконструировать те явления праславянского языка, которые имели место в начальные эпохи его истории или являются в нем наследием индоевропейского языка. Если говорить о падежной системе, то здесь можно обнаружить явления различных эпох. Интенсивное развитие предложных конструкций происходило поздно. Еще древнейшие памятники русского языка содержат

[1] А. А. Потебня. Из записок..., I—II, стр. 494.

[2] E. Fraenkel. Sintax der litauischen Kasus. Kaunas, 1928, стр. 198.

[3] В. В. Виноградов. Учение А. А. Потебни о стадиальности развития синтаксического строя в славянских языках. — „Вестник Моск. ун-та“. 1946, № 3—4, стр. 14.

много фактов, отражающих черты глубокой древности (например, употребление беспредложного творительного социативного). Появление многих параллельных и синонимических конструкций, связанное с развитием предложных конструкций, относится также к поздним эпохам, и в ряде случаев мы имеем возможность исследовать их историю.

К очень трудным вопросам славянского синтаксиса относятся вопросы развития грамматических значений и синтаксических функций падежей. В некоторых случаях лингвист встречается с непреодолимыми трудностями. Задача исследователя состоит в том, чтобы точно определить возможности материала.

Не только индоевропеисты, но и слависты часто говорят об исходных значениях различных падежей. Миклошич, примыкавший по своим воззрениям на происхождение падежей к локалистам, утверждал, что исходным значением славянского творительного было пространственное значение. Именно его он полагал „основанием всем остальным“ [1]. На такой же точке зрения стояли Даничич, Зикмунд. Близок к ней и Потебня. Высказывались славистами и другие предположения относительно исходного значения славянского творительного.

Следует указать, что все теории и споры между славистами по данному поводу лишены какой-либо научной основы. Нет сомнений, что исходное значение творительного сформировалось еще в индоевропейском языке. Уже на почве этого языка творительный приобрел значение и места, и времени, и орудия, и сопровождения, и мн. др. Об исходных значениях падежей можно говорить применительно к периоду формирования индоевропейской падежной системы, т. е. к начальным эпохам индоевропейского языка. *Падеж мог иметь одно значение в то время, когда наряду с падежной системой употреблялись еще послелоги, выражавшие многие и разнообразные значения. Период завершения формирования индоевропейского склонения — это уже период падежной полисемии.*

При установлении исходных значений необходимо еще учитывать возможность слияния различных падежей в индоевропейском языке. Именно это видят в древнем творительном падеже, в котором объединились древнейший инструментальный и древнейший социативный, о чем давно уже писал Шлейхер, объясняя исходный параллелизм древнейших флексий творительного падежа. Аналогичный взгляд высказывался и в XX в.[2] В подобном случае следует предполагать уже не одно, а два исходных значения падежа.

Задача слависта состоит в том, чтобы верно определить „объем значений“ каждого падежа для праславянского периода. Это возможно только в том случае, если будет изучена история употребления падежа

---

[1] F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, IV. Heidelberg, 1926, стр. 683.

[1] См. H. Hirt. Indogermanische Grammatik. VI, Syntax I, Heidelberg, 1934, стр. 53—54.

в отдельных славянских языках. Это изучение покажет, какие изменения в значениях происходили в славянских языках после появления памятников письменности, как развивались их синтаксические функции, какие значения падежа оказались устойчивыми, в каких случаях появились другие способы выражения данных значений. Очень важен для решения этих вопросов диалектологический материал, так как говоры могут сохранять такие пережитки в употреблении падежей, которые не зафиксированы самыми древними текстами. К сожалению, в этом направлении сделано еще мало. Диалектологи мало внимания уделяют синтаксису, а специалисты по историческому синтаксису пренебрегают данными народных говоров.

При сравнительно-исторических исследованиях вопрос об „объеме значений" падежа представляется нам чрезвычайно важным. Для каждой эпохи этот объем значений будет различным. Необходимо учитывать, что одни значения активны и развиваются, другие пассивны и постепенно утрачиваются. Сопоставляя объем значений родительного падежа в древнем и современном русском языке, мы легко обнаружим ряд весьма существенных отличий. Задача исследователя состоит не в простой регистрации этих отличий, а в том, чтобы обнаружить общие и частные закономерности в истории русского родительного падежа в тесной связи со всей падежной системой.

При изучении объема значений падежа перед исследователем стоит задача установления внутренней взаимосвязи между отдельными значениями. Для каждого периода в истории падежной системы она решается по-разному. Нет сомнения, что самые отдаленные в настоящее время значения падежа в прошлом были ближе друг к другу. По-разному эта задача решается и для различных падежей. Так, сравнительно легко установить взаимозависимость различных значений современного славянского дательного падежа[1], труднее это сделать в отношении родительного, для творительного эта задача невыполнима. Часто закономерно ставят вопрос о том, что́ кроме формы объединяет основные значения творительного падежа: социативное, инструментальное, причины, логического субъекта, места, времени и пр.

* * *

Между грамматическими значениями падежей и их синтаксическими функциями существует самая тесная связь. Изменение в одном влечет за собою изменение в другом. Так, переход творительного из дополнения в обстоятельство (изменение синтаксической функции) приводит к изменению значения падежа. Вместо обычного творительного инструментального находим уже инструментальный образа действия:

---

[1] „Употребление дательного падежа представляет в современном литературном языке (русском. — *С. Б.*) стройную и целостную семантическую систему" (В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 170).

чем изменилось в *как*. Изучение этих процессов — важнейшая задача исследователя падежей.

Следует, однако, заметить, что многие исследователи не различают значения и функции падежей. Спорным представляется мне заявление А. М. Пешковского о том, что „функции всякого падежа заключаются, по существу,... в *значении* его“ [1]. Функции и значения падежей представляют различные аспекты. Это очень наглядно можно показать на падеже прямого дополнения.

В ряде славянских языков прямое дополнение может выражаться средствами винительного и родительного падежей: ср. в русском *дай хлеб*, но *дай хлеба*, *налей воду*, но *налей воды* и т. д. В данных параллельных конструкциях функция родительного и винительного будет общая: здесь представлено прямое дополнение. Однако значение этих конструкций будет разное, и именно значение будет определять употребление разных падежных форм. Как убедительно доказал в свое время проф. А. И. Томсон, употребление винительного и родительного падежей связано с противопоставлением предметных и вещественных понятий. В первом случае употребляется винительный, во втором — родительный. „Только в прямом дополнении выработалось в праязыке особое формальное различие для „вещественных“ и для „предметных“ понятий, а именно: при первых употреблялся род. п., который, таким образом, по неизбежной ассоциации и сделался знаком представления неопределенного пространственно неограниченного вещества и сходного с ним представления множества предметов в совокупности“[2]. В противоположность этому винительный „употреблялся тогда, когда действие переходило на «весь объем именного понятия»“[3].

Исследователь истории творительного предикативного в славянских языках обязан обратить внимание не только на новую синтаксическую функцию творительного падежа, но и изучить одновременно, какие новые значения связаны с появлением новой синтаксической конструкции, как эти значения развиваются и преобразуются.

Грамматическое значение и синтаксическую функцию нужно различать не только в падежах. Выше мы уже упоминали о прилагательных. В праславянском языке местоименные и именные прилагательные различались значениями (категория определенности — неопределенности). Позже эти различия были утрачены. Прилагательные стали отличаться синтаксическими функциями (категория атрибутивности-предикативности). Необходимо также последовательно различать значения и функции и в глаголе.

---

[1] Рецензия А. М. Пешковского на кн. Е. К. Тимченко „Функции генетива в южнорусской языковой области“. — ИОРЯС, XX, кн. 3. СПб., 1915, стр. 294.

[2] А. И. Томсон. К вопросу о возникновении род.-вин. п. в славянских языках. Приглагольный род. п. в праславянском языке. СПб., 1908, стр. 293 (отд. оттиск из ИОРЯС, XIII, кн. 3).

[3] Там же, стр. 287.

В языкознании широко применяется термин „употребление". Когда речь идет о грамматической форме, то в „употреблении" нужно строго различать „значение" (т. е. грамматическое значение) и „функцию" (т. е. синтаксическую функцию). При изучении истории употребления какой-либо формы мы часто можем обнаружить различия в грамматическом значении и тожество в синтаксической функции. Следует, однако, помнить, что между значением и функцией имеется глубокая связь. На примере истории падежной системы мы можем указать на многочисленные случаи, когда изменение синтаксической функции определяло важные изменения грамматического значения и наоборот.

Как же выражается грамматическое значение падежа? На что опирается исследователь, когда он пытается разграничить, например, творительный сравнения (*летит птицей*) и творительный социативный (*летит с птицей*)? Грамматическое значение падежа выражается в словосочетании. Совершенно закономерно А. А. Шахматов все значения русских падежей рассматривает в учении о словосочетании, а не в учении о предложении. В определении значения падежа важную роль играют предлоги и особенно глагол. *Именно значение глагола в большинстве случаев будет определять грамматические значения падежа.* В отличие от грамматического значения синтаксическая функция, как правило, не может быть определена на основе словосочетания. Здесь мы опираемся уже на предложение. Словосочетание даст нам материал, чтобы отделить, скажем, творительный сравнения от социативного, однако на основе словосочетания вскрыть переход дополнения в обстоятельство или обнаружить процесс адвербиализации падежной формы невозможно. Грамматическое значение падежа сплошь и рядом определяется значением слов (чаще всего глагола), входящих в словосочетание. Бесспорно, что существует связь между значением слов, входящих в словосочетание, и синтаксической функцией, но обнаружить ее часто бывает трудно.

Исследователи синтаксиса падежей обычно в основу классификации материала кладут значения падежей. Иногда это вызывает возражения, так как здесь усматривают якобы игнорирование грамматики. Вместо этого предлагаются различные группировки по чисто грамматическим признакам[1]. Некоторые исследователи кладут в основу классификации падежей синтаксические функции (например, творительный дополнения, творительный обстоятельства, творительный предикативный). Следует, однако, указать, что классифицировать падежи по синтаксическим функциям неудобно. Классификация по грамматическим значе-

[1] См., например, у Е. К. Тимченко („Функции генетива в южнорусской языковой области". Варшава, 1913) — родительный падеж изучается при глаголах, при именах существительных, при именах прилагательных, при именах числительных, при местоимениях, при наречиях, при предлогах и при междометиях. А. М. Пешковский в рецензии на эту работу Е. К. Тимченко убедительно показал, что „такая классификация не выделяет специальных функций родительного падежа, в чем задача исследования" (ИОРЯС, XX, кн. 3, стр. 296).

ниям наиболее показательна. И именно поэтому ей следует большинство языковедов. Однако и эта классификация часто представляет для исследователя серьезные трудности.

Языковеды среди различных значений, например, творительного падежа обычно выделяют творительный образа действия. Метод выделения этого значения, однако, различен. В академической „Грамматике русского языка" (I, 1952) творительный образа действия вместе с творительным времени и творительным места объединяется в общую группу творительного с обстоятельственными значениями. У А. А. Шахматова творительный образа действия представляет самостоятельное значение, но объединяется в одну группу с творительным сравнения, творительным признака и творительным количества. Творительный времени и творительный места, объединенные А. А. Шахматовым в одну группу, противопоставляются творительному образа действия. А. А. Потебня творительный образа действия рассматривает как вполне самостоятельное значение. Анализ творительного образа действия в славянских языках показывает, что при анализе значений падежей нужно различать основные, исходные значения (конечно, для данного периода, а не в генетическом плане) и производные значения. В современных славянских языках творительный образа действия является производным значением, он представляет собою развитие ряда основных значений творительного падежа на пути развития его обстоятельственных функций. Вот почему творительный образа действия обнаруживается и в творительном инструментальном, и в творительном причины, и в творительном места и т. д. В свое время Потебня упрекал Миклошича за то, что он рассеял примеры творительного образа действия по разным значениям творительного. Однако все эти примеры убедительно обнаруживают связь творительного образа действия именно с различными значениями творительного падежа.

Приведем еще пример. Во всех работах, посвященных славянскому творительному падежу, не различаются два значения: творительный орудия и творительный средства. В академической „Грамматике русского языка" читаем: „Основным, наиболее типичным для творительного падежа является значение орудия или средства, при помощи которого производится действие. Это — творительный орудия"[1]. Итак, для автора данного раздела творительный в примерах — *он разрезал хлеб ножом*, но *вспахал поле волами*, *он прилетел самолетом* — будет иметь одно значение. Согласиться с этим нельзя. В указанных примерах творительный различается не только значением, но и судьбой в различных славянских языках.

Вместе с тем оба значения орудия и средства восходят к общему значению творительного инструментального, из которых они и раз-

---

[1] „Грамматика русского языка", I. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 126.

вились[1]. На определенной стадии развития славянских языков творительный инструментальный имел одно нерасчлененное значение. Позже единое значение распалось на несколько отдельных значений, между которыми имеется связь, но имеются и существенные различия. На основе творительного инструментального развилось вторичное значение вспомогательного материала — *он покрыл стол салфеткой*. Итак, мы видим, что нельзя все различия в значениях падежей рассматривать в одной плоскости. Для каждого изучаемого периода исследователь должен не только обнаружить различные значения падежей, но и установить их иерархию. Появление новых значений падежа связано с развитием его синтаксических функций. До определенного периода новое значение обнаруживает связь с другими значениями. Затем эта связь ослабевает, наконец прерывается, возникает новое основное значение. Выделение вторичных значений падежа внутри основных является обязательным условием исторического исследования. Углубляя и расширяя изучение синтаксиса падежей в данном направлении, мы найдем пути установления исконных значений падежей.

Беда в том, что мы, слависты, располагаем материалом, который не дает нам возможности проникнуть очень глубоко. Определить объем значений любого падежа для древних эпох истории праславянского языка возможно лишь на основе сравнительного изучения славянских языков с другими индоевропейскими.

Историк языка стремится выделить различные грамматические значения падежа на основе изучения не только современного литературного языка, но и данных говоров, древних памятников и родственных языков. Для него могут оказаться очень важными те значения, которые пережили разную судьбу. Вот почему наша группировка значений творительного падежа в ряде случаев существенно отличается от тех, которые найдем во многих грамматиках современных славянских литературных языков.

* * *

Уже давно лингвисты обратили внимание на то, что во всех индоевропейских языках шло развитие предложных конструкций. На более древней стадии развития этих языков предложное управление было развито слабее, позже оно получает значительное распространение. Достаточно сравнить русские тексты XIII и XX вв., чтобы убедиться в том, что русский язык утратил многие беспредложные конструкции, заменив их предложными. Так, исчез в русском языке беспредложный творительный причины. Вместо него теперь употребляется предложная конструкция (*из-за*+родительный падеж); ср. древнерусское *изнѣмогаху же людье гладомь и водою* и современное *изнемогали*

[1] Вот почему мы в своем исследовании объединяем эти два значения и рассматриваем их в одной главе.

же люди из-за голода и отсутствия воды. Широкое развитие получили предложные сочетания с дательным падежом, совсем исчезли конструкции с беспредложным локативом и т. д. Аналогичные процессы пережили не только славянские языки.

Распространено мнение, что усиление роли предлогов привело в ряде индоевропейских языков к утрате склонения и к развитию аналитического строя. „Нет сомнений, что употребление предлогов ускорило утрату падежей. Внимание с падежных флексий перешло на предлоги" [1]. Так обычно объясняют утрату падежей, например, в романских языках. Существует взгляд, что и славянские языки идут по пути аналитизма, о чем якобы свидетельствуют многочисленные предложные сочетания, возникшие на месте беспредложных.

Развитие падежной системы в различных группах индоевропейских языков шло не одинаково. Во многих языках произошла утрата падежных флексий, и теперь прежние синтаксические отношения имени выражаются предлогами и порядком слов. Этот процесс пережили, например, романские языки. Латинский язык, отраженный в древнейших памятниках письменности, сохранил еще падежные флексии, несмотря на весьма глубокие изменения, пережитые им в этом отношении в дописьменный период [2]. Это был язык с развитым склонением. Кроме беспредложного употребления падежей, широко было представлено и предложное, которое обычно служило для выражения пространственных и временных значений. В романскую эпоху латинский язык пережил процесс перехода от синтетического склонения к аналитическому, когда были утрачены падежные флексии. На этой основе сформировалось склонение романских языков. Аналогичный процесс был пережит многими индоевропейскими языками. Среди славянских его пережил болгарский язык, который, подобно романским, утратил падежные флексии.

Вопрос об утрате падежей в индоевропейских языках не связан непосредственно с задачами нашей работы и поэтому не будет нами здесь рассмотрен. Укажу лишь на то, что утрата падежей связана с процессами этнического и языкового скрещиваний. Решительно нельзя согласиться с тем, что утрата падежей связана с фонетическим процессом конца слов, в результате которого произошло совпадение ряда падежей. Современные славянские языки очень убедительно свидетельствуют о том, что формальные сходства между падежами не имеют в данном случае существенного значения [3]. А. И. Смирницкий очень убедительно показал, что и в германских языках изменения в области падежной системы не являются следствием фонетических изменений (в частности, редукции безударных гласных): „Фонетическая редукция безударных гласных и грамматические изменения системы

[1] B. Delbrück. Vergleichende Syntax. . . , Bd. I, стр. 199.

[2] А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М., 1950, стр. 25.

[3] Подробнее об этом см. С. Б. Бернштейн. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии, 1. М.—Л., 1948, стр. 361—362.

имени в германских языках в историческую эпоху их развития взаимодействуют между собой и могут способствовать друг другу (как в английском); но это по существу два разных, самостоятельных процесса, которые не вызываются один другим: они могут приходить в столкновение (как в шведском и немецком), причем редукция может происходить при тенденции к сохранению в общем прежней грамматической структуры (как в немецком) и, наоборот, существенное изменение этой структуры может в очень значительной мере осуществляться без редукции (как в шведском)" [1].

В современном языкознании энергично дискутируется вопрос о грамматической категории падежа в аналитических языках (в английском, испанском, болгарском и пр.), но эти вопросы не могут быть предметом нашего внимания в данном случае.

Однако далеко не все индоевропейские языки утратили склонение. Как известно, падежные формы сохраняются в славянских и балтийских языках, хуже — в некоторых германских, кельтских и др. Следует указать, что во всех индоевропейских языках синтетического строя широко развито предложное управление. С течением времени это предложное управление расширяется, охватывая все новые и новые значения и синтаксические конструкции. На этом основании многие лингвисты сделали вывод, что переход от синтетизма к аналитизму является общим законом всех индоевропейских языков (в том числе и славянских). Согласно этой концепции, современный болгарский язык не представляет существенного отличия от других славянских языков — он лишь обогнал их в общем для всех индоевропейских языков процессе утраты падежных флексий. „Поэтому, хотя мы и сожалеем, что наш язык утратил свое старое падежное богатство, — писал Б. Цонев, — в сущности, потеря не так велика, потому что она должна была когда-нибудь произойти" [2]. И в отношении русского языка часто говорят о развитии аналитизма в склонении, усматривая это в расширении значений предложных конструкций. Сохранение падежных флексий свидетельствует якобы об архаичности русского языка. „Современный русский язык представляет в этом отношении (в отношении склонения. — *С. Б.*) более архаический тип, в основном сохраняющий флексию, несмотря на наличие элементов аналитической структуры (предлогов, вспомогательных глаголов)" [3].

В действительности же дело обстоит, видимо, не так. Усиление роли предлогов в аналитических и синтетических языках имеет разный характер. В аналитических оно является следствием утраты флексий,

---

[1] А. И. Смирницкий. Взаимоотношение между редукцией гласных и историей грамматической системы имени в германских языках. — ИАН ОЛЯ, 1951, X, 2, стр. 197.

[2] Б. Цоневъ. История на българский езикъ, 2. София, 1934, стр. 457.

[3] В. М. Жирмунский. Развитие строя немецкого языка. — ИАН ООН, 1935, № 4, стр. 347. Ср. также в книге В. В. Виноградова „Русский язык": „Семантическое обеднение окончаний падежа возмещается богатством предлогов-префиксов. В этом явлении отражается развитие аналитического строя" (стр. 172).

в синтетических — оно вызвано развитием и обогащением значений падежной системы, стремлением точнее дифференцировать значения и функции падежей. Это, в свою очередь, приводит к развитию падежной синонимики, которая не имеет никакого отношения к аналитизму. В славянских и балтийских языках развитие предложных конструкций может привести к изменению падежной формы, но никогда не приводит к ее утрате. Т. П. Ломтев совершенно верно пишет, что „нет никакого основания утверждать, что грамматические средства русского языка развиваются путем накопления в качественном отношении аналитических элементов. Если качество грамматических средств английского языка состоит в так называемом аналитизме, то качество грамматических средств русского языка не может быть подведено под категорию аналитизма. Грамматические средства имени в русском языке имеют не аналитический, а предложно-падежный характер“ [1]. Предложно-падежный тип склонения в какой-то степени характеризовал уже праславянский язык, некоторые предложные конструкции перешли в него из индоевропейского. В дальнейшем при сохранении падежной системы в истории славянских языков обнаруживается интенсивное развитие предложных конструкций, что приводит к обогащению грамматических средств языка. Аналогичный процесс был пережит балтийскими языками, в которых, однако, новые предложные конструкции не получили такого широкого развития.

В самих предложно-падежных сочетаниях необходимо различать разные эпохи. Имеются в славянских языках факты очень древнего употребления предлогов (например, употребление предлога *отъ* с родительным падежом). Много предложно-падежных конструкций развилось в поздние периоды истории праславянского языка. Особенно интенсивными эти процессы были в ранние эпохи существования уже отдельных славянских языков.

Развитие предложно-падежных сочетаний шло различными путями. В одних случаях новые, предложные конструкции, быстро вытеснили старые, беспредложные, в других — предложные и беспредложные сохранились и стали синонимическими конструкциями, сохраняя, однако, известные различия в значениях.

Наименее устойчивыми оказались те беспредложные конструкции, которые были заменены предложными с сохранением того же падежа (беспредложный творительный сопроводительный и предложный творительный сопроводительный, беспредложный дательный направления и предложный дательный направления, беспредложный локатив и предложный локатив и ряд других). В большинстве славянских языков рано утратились беспредложные сочетания типа *идти братом*, *идти Киеву городу*. А. Б. Правдин в своем исследовании „Дательный пригла-

---

[1] Т. П. Ломтев. О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания. — „Вопросы философии“, 1953, № 5, стр. 83.

гольный в старославянском и древнерусском языках“ [1] убедительно показал, что дательный направления беспредложный в древнерусском языке ограничивается группой собственных имен существительных, преимущественно мужского рода, со значением населенного пункта. Однако очень рано и в этих сочетаниях утвердилась предложная конструкция. О творительном беспредложном см. в главе „Творительный социативный“ [2]).

Утрата указанных беспредложных сочетаний вызвана, видимо, была тем, что замена их предложными шла сравнительно быстро и формальные различия между ними не были использованы. Беспредложные сочетания стали излишними и быстро утратились.

Иначе складывались взаимоотношения между старой беспредложной конструкцией и новой предложной, которые различались между собою и падежом. Формирование подобных предложных сочетаний происходило в течение длительного времени. Во многих случаях они представляют существенные различия по славянским языкам.

Замены творительного причины предложной конструкцией с родительным, или творительного места предложной конструкцией с дательным (местным), или творительного времени предложной конструкцией с родительным имели более сложный характер, нежели замены творительного беспредложного творительным предложным, локатива беспредложного локативом предложным. В этом случае, как правило, между беспредложными и предложными конструкциями устанавливались различия в значениях, и это способствовало сохранению старых беспредложных сочетаний (ср., например, *идти лесом — идти по лесу*).

Однако старая беспредложная конструкция могла сохраняться и при совпадении значений с новой. На это некоторые исследователи не обращают внимания. Так, в указанной выше статье Т. П. Ломтев к „альтернантам“ (так он называет грамматические средства, находящиеся во взаимоисключающей друг друга позиции) причисляет творительный причины и предложную конструкцию „предлог + родительный“. Они находятся „в позиции взаимного исключения и одна из них подлежит отсеиванию“ [3]. Действительно, в славянских языках не возникли различия в значениях между творительным причины и пришедшим ему на смену предложным сочетанием „предлог + родительный“. Во всех славянских языках в данном случае мы имеем дело с „альтернантами“. Лишь в чешском творительный причины сохраняется. Однако, несмотря на полное совпадение значений творительного причины с новой предложной конструкцией, во всех славянских языках мы находим многочисленные следы старого творительного причины. Ответ нужно искать в том, что падеж, сохраняя старое значение, приобретает но-

---

[1] „Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР“, XIII. М., 1956.

[2] Стр. 41 и сл. данной книги.

[3] Т. П. Ломтев. О соответствии грамматических средств языка..., стр. 85.

вую синтаксическую функцию. Во всех случаях мы имеем дело с адвербиализованной формой творительного падежа, т. е. наречием (ср. в русском *спастись чудом*).

Именно в этом нужно искать причину большой устойчивости творительного времени в славянских языках, несмотря на наличие параллельных конструкций. Нет сомнения, что сохранение в славянских языках многочисленных случаев беспредложного творительного объясняется его широкой способностью к адвербиализации. „В кругу наречий, восходящих к беспредложным формам имени существительного, обнаруживается тесная связь с функциями таких именных падежей, которые склонны к выражению обстоятельственных отношений. Таким падежом является преимущественно творительный падеж“ [1].

Итак, при изучении истории параллельных конструкций нельзя ограничиваться только их грамматическим значением. Необходимо исследовать и их синтаксические функции. И в данном случае нужно строго разграничивать изучение значений и функций падежей (об этом см. выше).

Часто приходится встречаться с параллельными конструкциями в славянских литературных языках, между которыми невозможно обнаружить различий ни в области значения, ни в области функции. Это может объясняться влиянием разных говоров или даже влиянием различных языков. Исследователь синтаксиса падежей древнерусского языка должен учитывать возможность влияния старославянского языка. В языке Гоголя можно обнаружить следы украинского синтаксиса (в частности, некоторые особенности синтаксиса падежей).

Исследование синонимических конструкций ставит перед языковедом много трудных вопросов, решение которых требует глубокого проникновения в историю изучаемых языков. При анализе предложно-падежных сочетаний в сравнении с беспредложными вскрываются как общие закономерности, так и много частного, свойственного лишь данному сочетанию.

Явления падежной синонимики свидетельствуют о существовании тесной связи между различными падежами и необычайно усложняют их изучение. Прежде на это обращалось мало внимания. В качестве примера можно привести синтаксические исследования украинских падежей Е. К. Тимченко, который стремился сделать все, чтобы обособить, искусственно отделить употребление одного падежа от другого. А. Добиаш, например, утверждал, что славянский творительный падеж стоит „совершенно *особняком*“ [2]. Между тем история любого славянского падежа, в том числе и творительного, показывает, что иногда различия внутри одного падежа бывают глубже, нежели различия отдельных значений разных падежей. Всестороннее изучение славянского родительного падежа невозможно вне изучения дательного

---

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 359.

[2] А. Добиаш. Опыт семасиологии частей речи. . ., стр. 343.

(так называемый дательный принадлежности), винительного (винительного прямого дополнения), творительного (творительного времени) и т. д. Ни специалист по современному языку, ни историк языка не могут изучать падежи изолированно, вне системы. Отсюда, конечно, нельзя делать вывод, что синтаксические исследования всех значений и функций отдельных падежей являются невозможными. Необходимо лишь помнить, что в языке каждый падеж вступает в сложные отношения с другими падежами, изучение которых точно определит сферы употребления данного падежа, его значения и функции.

Несмотря на наличие ряда работ по синтаксису падежей отдельных славянских языков (труды Буслаева, Потебни, Шахматова, Даничича, Зикмунда, Лося, Тимченко, Ломтева, Илич и др.), еще очень мало сделано в области сравнительно-исторического изучения славянской падежной системы. Соответствующие разделы сравнительной грамматики Миклошича (второе издание четвертого тома вышло из печати в 1883 г.) устарели. Слабо разработаны вопросы синтаксиса падежей в сравнительной грамматике Вондрака.

Потребность в сравнительно-исторических исследованиях в области славянского синтаксиса (в частности, синтаксиса падежей) ощущается постоянно.

В последние годы усилился интерес к вопросам синтаксиса падежей. Были защищены кандидатские диссертации, посвященные как *монографическому описанию значений одного падежа*, так и некоторым частным вопросам синтаксиса падежей вообще (работы А. Д. Григорьевой, Е. А. Седельникова, Н. С. Василенко, И. Я. Сахарова, Н. Х. Ивановой, А. Б. Правдина, Н. М. Елкиной и др.). Существенным недостатком многих из указанных диссертаций являлось игнорирование сравнительно-исторического материала. Часто делались широкие обобщения, относящиеся не только к письменному, но и к дописьменному периоду истории языка, на основании изучения памятников письменности лишь одного славянского языка. Специалисты по русскому языку оставляют в стороне не только данные таких близких языков, как украинский и белорусский, но часто игнорируют и русский диалектный материал.

Уже несколько лет в Институте славяноведения АН СССР ведется работа в области сравнительно-исторического изучения синтаксиса славянских падежей. Завершено изучение творительного и местного падежей, исследуется дательный.

* * *

Особый интерес к синтаксису творительного падежа не является случайным. В. В. Виноградов справедливо писал, что „у современных грамматистов больше всего тревоги возбуждает категория творительного падежа“ [1]. Этот славянский падеж соединяет в себе необычайное

[1] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 171.

разнообразие значений, имеющих разные синонимические конструкции, характеризуется многогранностью синтаксических функций, необыкновенной способностью к адвербиализации. Употребление творительного падежа характеризуется в ряде случаев архаичностью и дает возможность исследователю уяснить некоторые закономерности падежной системы дописьменного периода.

Несмотря на близость славянских языков между собою, в употреблении творительного падежа они представляют много отличного и своеобразного. Для исследователя важнее, однако, то, что общие процессы характеризовались различными темпами. Так, в ряде случаев факты современного чешского языка находят аналогию в древнерусском языке, а некоторые особенности сербохорватского языка в других славянских утратились в дописьменный период. Сопоставление подобных фактов дает исследователю надежную опору для изучения истории славянского творительного падежа не только в отдельных языках, но и в поздние эпохи праславянского языка. Для изучения истории творительного падежа более раннего периода необходимо широкое привлечение материала других индоевропейских языков (прежде всего балтийских).

Перед группой молодых исследователей были поставлены задачи изучения истории значений и функций творительного падежа в славянских языках. Необходимо было проследить их историю на материале отдельных славянских языков, определить общее и своеобразное в истории славянского творительного падежа и установить характерные особенности в употреблении этого падежа в поздний период истории праславянского языка.

Первый этап работы состоял в составлении картотеки и в обработке материала по отдельным славянским языкам. По старославянскому и среднеболгарскому языку эта работа была выполнена К. И. Ходовой, по сербохорватскому и словенскому языкам Э. А. Барутчевой, по русскому языку М. А. Гадолиной, по польскому и кашубскому Л. С. Малаховской, по чешскому и лужицким языкам А. М. Булыгиной, по словацкому Д. С. Станишевой. Картотека насчитывает 28 100 примеров. По украинскому языку была использована картотека В. К. Тимофеевой. Были изучены тексты древних памятников славянских языков, диалектные тексты, а также собран значительный материал по современным славянским языкам[1].

Кроме примеров, самостоятельно извлеченных из текстов, были использованы примеры из трудов Ф. И. Буслаева („Историческая грамматика русского языка", 1881), Ю. Даничича („Србска синтакса", 1858), Джьорджевича („Прилози за синтаксу српскога језика". — „Гласник српскога ученог друштва", кн. 69, 1889), Я. Лося ("Funkcje narzędnika w języku polskim," — „Rozprawy Akad. Umiejętności", wyd. filologiczny, seria II, t. XXV, og. zbioru t. XL, 1905), Ф. Миклошича („Ver-

[1] Список текстов см. в конце книги.

gleichende Grammatik der slavischen Sprachen", 1926), А. А. Потебни („Из записок по русской грамматике", I—II, 1888), Е. К. Тимченко („Вокатив і інструменталь в українській мові", 1926), А. А. Шахматова („Синтаксис русского языка", 1941) и М. Ивић („Значења српскохрватског инструментала и њихов развој", 1954). Подобные примеры в нашем исследовании имеют указание на источник и на автора.

Были изучены материалы, содержащиеся в неопубликованных кандидатских диссертациях по синтаксису русских падежей: Н. С. Василенко („Конструкция с творительным падежом в современном русском литературном языке", 1947); А. Д. Григорьевой („К отношениям предложности и беспредложности локатива по древнейшим памятникам письменности", 1946); А. А. Кока („Беспредложные и предложные падежные конструкции с временным значением в современном русском литературном языке", 1952); Р. Маркорян („Страдательный залог и страдательные обороты в современном русском языке", 1952); Е. А. Назиковой („Выражение причинных отношений в современном русском литературном языке. Сочетание падежей с предлогами и придаточные предложения", 1952); О. В. Петрушининой („Наречия, образованные от имен существительных, в древнерусском литературном языке (XII—XVII вв.)", 1951); Х. М. Сайкиева („Конструкции с винительным падежом в современном русском литературном языке", 1950); И. А. Сахарова („Функции творительного падежа в современном русском литературном языке", 1947); Е. А. Седельникова („Функция непредикативных конструкций с творительным падежом в древнерусском литературном языке", 1953)[1].

По ряду объективных причин по некоторым языкам не удалось собрать достаточного материала. Так, для белорусского языка пришлось ограничиться примерами из работ академика Е. Ф. Карского и нескольких фольклорных сборников. Небольшая картотека примеров составлена по словенскому языку. Наиболее обширными материалами мы располагаем по старославянскому, русскому, чешскому и польскому языкам. Однако и по этим языкам имеются серьезные лакуны. По чешскому языку почти полностью отсутствует диалектологический материал, что объясняется состоянием чешской диалектологии. Мало удалось собрать примеров из русских диалектов, так как синтаксические вопросы почти не интересовали русских диалектологов. Лучше в наших материалах представлены польские диалекты.

После обработки собранного материала и описания истории значений и функций творительного падежа по отдельным славянским языкам (не было составлено описания лишь по украинскому, белорусскому, сербохорватскому и словенскому) было приступлено к написанию самого исследования[2]. В основу группировки материала и его описания мы

---

[1] Диссертация Е. А. Седельникова частично опубликована под названием „Беспредложные конструкции с творительным падежом в древнерусском литературном языке" в сб. „Вопросы изучения русского языка". Алма-Ата, 1955, стр. 112—179.

[2] Составленные описания содержат богатый материал и характеризуют историю зна-

положили значение творительного падежа. Лишь в одном пункте мы отошли от данного принципа: в исследовании дано самостоятельное описание всех значений творительного в его прииенном употреблении.

Исследование открывается главой „Творительный социативный". Этим мы отнюдь не хотим подчеркнуть, что данное значение творительного в славянских языках является тем основным значением, из которого развивались все остальные. Выше уже было указано, что мы исследуем такой период в истории падежей, когда их „объем значений" уже в основном определился.

Творительный социативный в свою очередь подразделяется на разделы: творительный собственно социативный, творительный образа действия, творительный качественной характеристики, творительный взаимного действия, творительный цели, времени и творительный косвенного объекта. В описаниях употребления творительного падежа в разных славянских языках обычно творительный образа действия рассматривается как равноправное значение с социативным, инструментальным, причины и т. д. Между тем славянский творительный образа действия представляет собою развитие ряда значений. Имеется не только творительный образа действия социативный, но и инструментальный, причины и т. д. Творительный образа действия внутри различных значений отражает одну из начальных стадий процесса адвербиализации (см. выше).

Глава „Творительный инструментальный" содержит разделы: творительный орудия, творительный средства, творительный вспомогательного материала или содержания, творительный образа действия. Здесь требуют пояснения первые два раздела. Часто творительный орудия и творительный средства рассматривают как одно значение. С этим согласиться нельзя. Оба указанных значения входят в более общее значение творительного инструментального, но внутри него каждое из них четко дифференцируется (подробнее см. выше).

В главе „Творительный логического субъекта в страдательных конструкциях" исследуется значение, близкое в каком-то смысле к инструментальному, но пережившее в славянских языках особую судьбу и представляющее существенные синтаксические особенности. Близко к нему стоит употребление творительного в безличных конструкциях типа: *его убило громом.*

Глава „Творительный причины" посвящена значению, получившему особое развитие в дописьменный период истории славянских языков. Лишь в чешском литературном языке это значение очень характерно для современного творительного падежа. В других славянских языках сохраняются лишь отдельные адвербиализованные формы. Естественно, что в данном случае уделяется большое внимание изучению синонимических конструкций.

чения и функции творительного падежа в каждом славянском языке подробнее, нежели в данном исследовании. Некоторые из них будут опубликованы позднее.

Глава „Творительный превращения и сравнения" дает описание значения, получившего особенное развитие в древние эпохи истории славянской падежной системы. Высказывалось в науке предположение (например, И. В. Ягичем), что именно из этого значения позже развился творительный предикативный.

Следующие главы посвящены творительному совокупности, творительному ограничения, творительному времени, творительному места, предложному творительному места. В самостоятельной главе рассматривается творительный приименной, она состоит из двух разделов: творительный при именах существительных и творительный приадъективный.

Выше мы уже указывали на то, что одной из характерных особенностей развития творительного падежа является стремление к адвербиализации, выраженное, однако, различно в разных его значениях. Этот вопрос, естественно, рассматривается авторами ряда глав. Однако, кроме этого, мы сочли целесообразным исследовать данный процесс самостоятельно на материале одного языка. Это позволило обнаружить не только общие тенденции, но и много важных частностей, уясняющих характер адвербиализации падежной формы. Этому вопросу посвящена глава „Процесс адвербиализации творительного падежа". Выполнена она на материале польского языка.

Во многих грамматиках славянских языков дается описание значений лишь беспредложного творительного. Предложный творительный рассматривается в главах, посвященных предложному управлению вообще. Поставив перед собою задачу сравнительно-исторического изучения синтаксиса и функций одного падежа, мы, естественно, не могли пойти по такому пути. Известно, что современный предложный социативный творительный пришел на смену беспредложному. Много своеобразий и отличий по славянским языкам представляет употребление предложного творительного места. Однако в нашем исследовании не нашли места все случаи беспредложного творительного. Так, мы оставили в стороне творительный предикативный, а также полупредикативный[1]. Объясняется это не только наличием многих исследований славянского творительного предикативного (А. А. Потебни, О. Патоковой, Т. П. Ломтева, З. Клеменсевича и др.). Следует отметить, что вопрос о генезисе творительного в составе сказуемого до сих пор еще далеко не решен. Тем не менее, в рамках данной работы мы не могли взять на себя задачу решения этой проблемы, так как она потребовала бы всестороннего изучения истории сложного сказуемого и истории вторых согласуемых падежей. В плане чисто синтаксическом мы касались лишь дополнения и обстоятельства. Остались в стороне и некоторые редкие случаи творительного непредикативного, материала по которым оказалось слишком мало.

---

[1] О полупредикативности см. у А. М. Пешковского „Русский синтаксис в научном освещении". М., 1934, стр. 220.

Глава вторая

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ СОЦИАТИВНЫЙ

Творительный социативный (сопроводительный) во всех современных славянских языках употребляется с предлогом *с*. Однако нет сомнения в том, что в праславянском языке был известен творительный социативный беспредложный. Об этом свидетельствуют прежде всего факты древнерусского, сербохорватского и некоторых других славянских языков.

Процесс вытеснения старых беспредложных конструкций новыми предложными в области творительного падежа очень рано обнаружился именно при употреблении творительного социативного. В отличие, например, от творительного места здесь развитие предложной конструкции не привело к смене падежной формы: творительный беспредложный заменился творительным предложным.

Творительный социативный предложный отличается от старого беспредложного некоторыми новыми значениями, возникшими в более позднее время. „В общем, — справедливо писал А. А. Потебня, — отношение съ с творительным к беспредложному социативному должно быть сходно с отношением позднейших предложных падежей винительного, родительного (с аблятивом), дательного, местного к замененным ими беспредложным. Т. е. как, например, местный без предлога не выражает в точности именно тех отношений, какие заключены для нас в нашем предложном с въ, на (например: жрьтва же Ѥго облацехъ сѧ коснетъ, 1499, Бусл. гр. II, 301), так социативность нашего съ с творительным не равна социативности древнего беспредложного творительного социативного, несмотря на то, что эта разница иной раз может быть для нас неощутима“ [1].

Творительный социативный беспредложный представлен небольшим, числом примеров в текстах древнерусского языка. Эти примеры приведены в исследовании А. А. Потебни „Из записок по русской грамматике“: *Касандра низка, круговатымъ лицемъ, чиста зѣло, мужескымъ творомъ*. Пов. о взят. Трои, Калайд. Jo. Экз., 182—183. *Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, черменъ лицемъ, великыма очима.*

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II. Харьков, 1888, стр. 447.
[2] Там же, стр. 447—448.

Лавр., 65. *Борисъ тѣломъ бяше красенъ, высокъ, лицемь круглому, плечи велици, тонькъ въ чресла, очима добрама.* Ск. о Бор. Срезн., 69[1] и др.

Современные восточнославянские языки не знают творительного социативного беспредложного. Лишь в архаических фольклорных текстах изредка можно обнаружить следы творительного беспредложного (ср. в украинском: *Не однією дівчиною не було ій так важко ходити.* Сп. К. С. IV, 407; *Ой не ходи молода дівчино відрами по воду.* 1225. Колб. IV, 287).

Известен творительный беспредложный некоторым текстам старославянского языка (гл. обр. в Супрасльской рукописи). Например: ѥ́диꙑ же нѣкыи̑ сты и̑мъ муженикомъ касилеемъ вꙑкыи̑ по сѫ̑конь҃ании̑ ѥ́го прѣшьдъ · къ ѥ́лиспонътскыа̑ страны. Супр. 538_{7} ... и̑ пакы и̑мъ за оу̑здж конь цѣсара рече къ цѣсароу дрꙑзостьж. Супр. 194_{7}. ... и̑ оу̑жасомъ къ҃звикъ прѣси · къ҃зпи къ вьсѣмъ. сѫпаштиимъ отъ вѣка. Супр. 468_{14}. ... обрѣте прѣподобьна нѣкоѥго ... жижшта бъздръжании̑мъ великомъ и̑ ништетоу̑. Супр. 547_{16}. ... ꙗжште га пакы граджшта ... радостиж же сватыиҳъ и̑ правѣдныиҳ. Супр. 486_{13}. Нъ и̑же чистомъ оу̑момь̑ и незълобивомъ срьдьцемъ приходатъ ... Супр. 338_{5}. ... даште томоу вѣроу̑ши и̑ко вѣрж иматъ. той то вѣроу̑ж прии̑ми Супр. 361_{29}. ... нъ тчно вьсалюбьвьж и̑же ѳ̑ возѣ к немоу приходаштаѧ прии̑маше. Супр. 557_{14}. нъ сь̑ горькы̑ми сльзами ... вьсе врѣма прѣпроводи̑къ. Супр. 528_{26}. (Примечание издателя: „сь“ над строчкой рукой писца“.) ... простъръ же ржкж пи̑ѳнии̑ свѣтломъ лицемъ ѳ̑тъкѣштавъ рече. Супр. 126_{4}. ... и̑ а҃вие излѣзе мрътвы̑и̑. съвязанама ржкама и̑ ногама оу̑кроі̑. Супр. 317_{6}. ѣ̑ веселѣаѫ сѧ вьсѣмъ домомъ. Супр. 541_{16}.

В этом памятнике тот же творительный встречается с предлогом **съ:** видѣвъши же господкыни̑ села того вꙑкъшеѥ чоудо · кѣрова гоу̑ съ вьсѣмь̑ домомъ своі̑мъ. Супр. 18_{21}. В Саввиной книге есть пример творительного социативного с предлогом съ, поставленным писцом над строкой: что се ꙗко съ мытары и̑ грѣшъникы ѥстъ и̑ пиѥ́тъ. Марк. II, 79. 66.

Примечательно, что все примеры обнаружены в Супрасльской рукописи, язык которой, как известно, представляет ряд существенных отличий от языка других старославянских текстов. Это дает нам основание утверждать, что большинство говоров Болгарии и Македонии в XI в. уже не знало творительного социативного беспредложного.

Обращает на себя внимание тот факт, что в древнерусском и старославянском языках творительный социативный беспредложный почти исключительно употребляется в значениях, производных от основного значения творительного социативного (значения сопровождения одного

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, стр. 447.

предмета другим). Значение собственно социативное отражено в единичных примерах (нѣкъі и ст҃ъіим мѫчеником василеемъ, веселѣаѫ сѧ вьсѣмъ домомъ). Причем некоторые случаи употребления творительного беспредложного могут быть объяснены фонетически (нѣкъіи ст҃ыимъ мѫченикамъ). Наиболее часто творительный социативный беспредложный в древнерусском и старославянском языках встречается в значении образа действия — вторичном значении творительного падежа, значительно отошедшем от исходного значения — собственно социативного. Почти полное отсутствие в памятниках письменности славянских языков примеров творительного собственно социативного беспредложного свидетельствует о древности процесса вытеснения творительного социативного беспредложного конструкцией с предлогом *с*. Для основного значения творительного социативного этот процесс закончился уже в праславянский период.

В текстах древнечешского и древнепольского языков случаи творительного социативного беспредложного отсутствуют. Нами зафиксировано всего несколько примеров, в которых предлог *с* отсутствует перед словами, начинающимися с буквы *с*. Это легко объяснить особенностями произношения.

Древнечешский:

Творительный беспредложный встретился только в произведении Смиля Фляшки „Nová rada". Причем творительный беспредложный характерен лишь для одной рукописи этого произведения — (А); во второй рукописи (Б) во всех случаях творительный беспредложный заменен предложной конструкцией. Примеры: *Tehdy orel bez meškánie... sta před králem svými ptáky*. Рук. А. *Tehdy orel bez meškanie... sta před kralem s svými ptáky*. Рук. Б. Fl. Nov. r. 89, 18. *...buď ochoten svú družinú*. Рук. А. *Bydl ochotnie s svú družinú*. Рук. Б. Fl. Nov. r. 69, 515. *Vždyť hotov budu svú sběří*. Рук. А. *Vždyť hotov budu s svú sběří*. Рук. Б. Fl. Nov. r. 83, 731.

Древнепольский: *S dzeczmy naszymy poydzyemy y straszymy y syny, y z dzewkami y z owczamy, y z dobitky*. B. Z., 52, 35. *Czekayczye tu s oslem, a yacz synem tam poydǫ́...* B. Z., 25, 17. *Aby gesz my otpowyedzal, abich czyj wiprowadzyl s radoszczǫ́ s wyeszelym, spyewanym, s bǫ́bni a gǫ́czczi*. B. Z., 35, 3.

Аналогичные примеры встречаются в текстах кашубского языка и в записях польских диалектов.

Творительный социативный беспредложный отмечен исследователями в кашубском языке, но только перед местоимением *sobą: ta b'ałka vząła to ʒevčą sobą*[1].

Совершенно особое место в отношении употребления творительного социативного беспредложного среди славянских языков занимает сербохорватский язык, в котором и теперь употребляются необычные для других славянских языков беспредложные конструкции творительного

[1] Fr. Lorentz. Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache. Berlin—Leipzig, 1925, стр. 212.

социативного. Это единственный славянский язык, в котором творительный социативный беспредложный употребляется и в настоящее время. Однако и сербохорватский язык был подвержен общему для всех славянских языков процессу вытеснения беспредложной конструкции творительного социативного предложной. Но здесь этот процесс проходил гораздо медленнее. Поэтому в нем сосуществуют старый творительный социативный беспредложный и новый — предложный. Материал сербохорватского языка свидетельствует об общих для всех славянских языков закономерностях замены творительного социативного беспредложного конструкцией с предлогом *с*. Процесс вытеснения творительного социативного беспредложного предложным протекал неравномерно в различных группах творительного социативного. Наиболее интенсивно он проходил в группе творительного собственно социативного — в этом значении творительного социативного беспредложные конструкции в сербохорватском языке не встречаются. Отсутствие предлога *с* в следующих примерах из древнесербского языка объясняется позицией перед последующим *с*. *Брать Аньдреи. И своимь си братомь соломонь и тѫдорь бѫдачикъ...* Cmoj., I, 18. *...милє тѫлєковиħь и своими сини и братоє радониħь своими сини... и радичь са всѣми вышє именованѣми...* Cmoj, I, 125, 126 и др.

Употребление творительного социативного беспредложного в сербохорватском языке свойственно, в основном, творительному социативному образа действия и творительному социативному времени, т. е. значениям обстоятельственным. Но и в этих значениях предложная форма творительного падежа употребляется значительно чаще. Причем творительный беспредложный почти всегда легко заменяется равнозначной формой творительного с предлогом *с*.

Грамматическим условием употребления творительного социативного беспредложного в сербохорватском языке является наличие при существительном, стоящем в творительном падеже, определения. Определение при творительном беспредложном отсутствует лишь в тех случаях, когда существительное в творительном падеже является уже наречием: *натегом* 'с напряжением', 'еле-еле', *муком* 'с трудом', *помоħу* 'с помощью' и т. д. *Најпосље се маче и натегом дотетура до своје куħе.* Ђип., За крухом. *Муком отргнувши се од прозора, свуче се и пружи по постељи.* Ђип., За крухом.

Примеры творительного социативного беспредложного в значении образа действия: *И наста мук, а људи спуштеним рукама наново једнако гледаху у књигу.* Ђип., За крухом. *Ми се сви разбегосмо, и он обореном главом оде сам кући.* Лаз., Прип. *Младен је стајао прекрштеним на прса рукама, мирно и тихо.* Атан., Два идола (Ср. в том же значении творительный с предлогом *с*: *Горе, насред гостинске собе, стајала је мати. Обучена у свилену антерију, опасана новом, танком бошчом и са прекрштеним рукама на појасу.* Станк., Неч. крв. *Он извади своју бритвицу, заборе велику страну себи у бутину, и корачаше поред ње с уздигнутом главом.* Лаз., Прип.).

Стао ток, а гледате слеђене таласиће исто онако, како сепреко ган дизаху, и веселим жубором тецијаху низбрдицом. Дом., Укид. *Она га дочека поуздано, благим осмјехом.* Ђип., За крухом. (Ср. в том же значении творительный с предлогом *с*: *А како не би устао на јутрењу? рече дијете с добродушнијем осмјејком, и поче му ситати воду у прегршт.* Мат., Ускок.). *Учинио је за себе; то је паметније!* — *одговори Иво очитом одвратношћу.* Ђип., За крухом. *И то је први човјек у мјесту!* — *очитим увјерењем, да истину говори, изусти доктор.* Ђип., За крухом. (Ср. в том же значении творительный с предлогом *с*: *И с одвратношћу премишљаше, како је могуће некоме пакостити у онаковој ноћи...* Ђип., За крухом. *Мучимо себе и друге, а да би зашто?* — *с увјерењем одговори Иво.* Ђип., За крухом.

Примеры творительного социативного беспредложного в значении времени: *...али смрћу његовом Стамена беше слободна.* Мил., Међудн., *Васиним је рођењем осетио прву љубав родитељску.* Дом., Укид. *Сваким кораком срце им се цијепало на догледу поломљених грана.* Ђип., За крухом. *Сваким даном газио сам све дубље и дубље.* Лаз., Прип.

Случаи употребления беспредложной конструкции в других значениях творительного социативного редки. Ср. творительный качественной характеристики: *На обали ишчекиваше његов долазак неколико носача и два-три гоњача зађенутом палицом иза паса.* Ђип., За крухом. Творительный косвенного объекта: *Може се мислити, каквим се тешкоћама бори становништво нарочито оно што се на висини настанило.* Нуш., Крај. охр.

Опущение предлога в социативных конструкциях свойственно некоторым диалектам (например, говору Крашована), что находит отражение в языке отдельных писателей[1].

* * *

При анализе творительного социативного целесообразно учитывать следующие грамматические факторы:

а) соотнесенность существительного в творительном падеже с существительным или глаголом и характер этой соотнесенности: *Девушка с темными волосами вошла в комнату* (какая девушка?); *Девушка со страхом вошла в комнату* (как вошла?);

б) вещественность или отвлеченность существительного, стоящего в творительном падеже: *Он ехал с матерью. Он ехал с волнением;*

в) порядок слов в предложении: *Человек пришел с ружьем* (с чем?). *Человек с ружьем пришел* (какой?);

г) залоговую принадлежность глагола: *Он пришел с отцом* (глагол действительного залога). *Он простился с отцом* (глагол возвратно-среднего залога);

[1] М. Ивић. Значења српскохрватског инструментала и њихов развој. Београд, 1954, стр. 219—220.

д) возможность замены творительного с *с* другими равнозначными конструкциями: ср. *Он пришел с цветами. Он пришел с предложением* (т. е. пришел, чтобы предложить).

При анализе творительного с предлогом *с* мы будем учитывать степень равноправности двух членов совместности[1], определяемую совместной активностью участия в действии. Отметим, что активность членов совместности иногда определяется одушевленностью или неодушевленностью существительного, стоящего в творительном падеже: *Он пришел с отцом* (пришел он и пришел отец); *Он пришел с топором* (он пришел и принес топор).

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ СОБСТВЕННО СОЦИАТИВНЫЙ

Творительный собственно социативный обозначает сопровождение одного лица или предмета другим. Это значение мы могли бы назвать основным значением творительного социативного, так как выражение сопровождающего предмета конкретным вещественным существительным делает наиболее очевидной социативную связь его с другим предметом.

Творительный собственно социативный может быть выражен существительным одушевленным и неодушевленным. Это объясняется значением творительного собственно социативного: „нельзя себе представить такого действия, которое нельзя было бы проделывать, или состояния, которое нельзя было бы переживать совместно с кем-нибудь другим. Поскольку сочетание это выражает не внутреннюю связь, а просто сопровождение действия или состояния одного субъекта таким же действием или состоянием другого, ясно, что оно всеобще, что оно приложимо к любому глаголу“[2].

Обычно при этом наблюдаем следующий порядок слов: именительный падеж + глагол, согласующийся в числе с именительным падежом, + творительный падеж с предлогом *с*. Эта формула может быть изменена только в отношении места глагола, который чаще всего разделяет члены совместности, нередко стоит впереди них и реже всего занимает третье место. Приведем примеры из текстов древних славянских языков.

Старославянский: ... ‘отъвѣшта блаженый’ ‘иринеи глаголѧ нъйжити же съ вами не хоштѧ. Супр., 252_{21}. петрь же... въшъдъ въ нѫтръ сѣдѣше съ слугами... Савв. кн., Мат. XXVI, 110, 104, Ассем., Мат. XXV, 21—75, 120_{19}. Мар., Мат. XXVI, 58, 103. ...стоѣше же июда съ нимі іже и прѣдааше... Ассем., Ио. XVIII 1—2, 129, 27. ... Іс҃ъ же отиде съ оученикы своими къ морю... Мар., Марк. III, 7, 124, 10. і абие вълѣзъ въ корабъ съ оученикы своими. Мар., Марк. III, 10, Ягич, 145_4. ѣды съ мъноѭ хлѣбъ въздвиже на мѧ прѣльщение свое. Мар., Ио. XIII, 18, 372,

[1] Членами совместности мы условно называем предметы, обозначенные именительным падежом (первый член совместности) и творительным падежом (второй член совместности), объединенные одновременным участием в одном и том же действии.

[2] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934, стр. 256.

20. ... омочии съ мъноѭ рѫкѫ въ солило тъ мѧ прѣдастъ. Мат. XXVI, 23, Мар., 99, 7, Зогр., 39. Савв., Мат. XXVI, 94, 83. Ассем., Мат. XXV, 21—75, 118_7.

Дневнесербский: *И пошаѡ ш ними по кои годѣ пꙋть...* Стој. II, 67, 26. ...*дрьжаль ѥ ꙋ мене цр҃инꙋ и ковницꙋ за гѡдицѥ Богдань милѣновикь зь Братиѡ*ᵐ... Стој. I, 163, 4.

Древнерусский: ...*а инии останокъ вбѣгоша в город и затворишася в городѣ с княземь Афанасьемь.* Новг. 1, 95, л. 159 об. ...*и гдѣ хто жыветъ въ нашыхъ отчинахъ, и хто кому служытъ, тотъ съ своимъ осподаремъ и ѣдетъ.* Собр. гос. гр. 109, 52. *Скажы ты въ Божью правду, ты съ ними тогды по темъ потесомъ ходилъ-ли и потесы еси съ ними клалъ-ли?* Арх. Стр., 1, 76.

Древнечешский: ...*a měštěné jsú andělé, s nimiž máme býti.* Št., 0. V., 5, 6. *Bydle s svatým budeš svatý, s proklatým budeš proklatý.* Fl. Nov. r., 155, 1849.

Верхнелужицкий: *Twoi swate Jandzel budz so mnu.* Kat. War., 76. A, 11.

Нижнелужицкий: *Alë ty, buschy ty sse mnu.* Niedersorb. Ps., 133, 21.

Древнепольский: *A tak otszedl Gepte s ksyǫ́szǫ́ti Galaaczskimy, i uczinyl gy wszitek lyud swim ksyǫ́szǫ́cyem.* B. Z., 173, 14. *I stanyesz se mnǫ́ na wyrzchu gory.* B. Z., 70, 11.

Количество примеров употребления творительного собственно социативного в древних славянских языках можно было бы увеличить. В них творительный собственно социативный — широко распространенная, вполне грамматически оформленная конструкция творительного падежа.

То же мы находим в современных славянских языках.

Се́рбохорватский: *Младен погледа к вратима, кроз која је у собу ушла једна временита госпођа са својом лепом ћерком; то беше Ружа са својом мајкот.* Атан., Два идола.

Словенский: *Mati je naglo stopala z njima in mu hlastno šepetala.* Ostr.

Русский: *Она заметно постарела, похварывает и каждую осень уезжает с матерью в Крым.* Чех., Ионыч.

Украинский: *Оре Семен, оре зо стареньким дїдом.* Чуб. V, 656 (Тимч. 96).

Чешский: *Snad šla s děvčaty věnce házet do potoka? Mínila dcera.* Němc., 5 pov.

Словацкий: *Jej muž, čo robil s chlapmi na trati, padol v prvom boji.* Jilem., Kron.

Верхнелужицкий: *Khiba zo druhdy Łućanski hajnik ze swojim synom a hajniskim přikhadźeše.* Haš., Mar.

Польский: *Byłem wczoraj z towarzystwem na Saskiej Kępie, ale cóż to, panie, za ordynaryjna młodzież!* Prus, Lalka, II.

Разберем один пример: *Sel s Jardou Jandákovým, studentem, synem poslance* (чешск. Olbr., Anna pr.) 'Он шел с Ярдой Яндаковым, студентом, сыном депутата.' В этом примере, как и во всех предыдущих, глагол (*šel*) относится по смыслу не только к существительному, стоя-

щему в именительном падеже, но и к существительному, стоящему в творительном падеже, так как действие фактически является общим для обоих лиц ('он шел' и 'Ярда шел'). Однако одному из участников действия (субъекту) принадлежит главенствующая роль в действии, другой же участник действия (обозначенный творительным падежом) лишь сопутствует первому, сопровождает его.

Главное в действии лицо может иногда выражаться не именительным, а творительным падежом. Это бывает в тех случаях, когда существительное в творительном падеже обозначает лицо, выделяющееся своей значимостью, общественной ролью или просто большей активностью в данном конкретном действии (*ребенок шел с матерью, ученики пришли с учителем* и т. д.). В таком случае вопрос 'с кем?' к творительному падежу ставится в значении 'кого сопровождает субъект', а не 'кем он сопровождается'. Примеры:

Старославянский: **'Іс҃ъ же отиде съ оученикы своими къ морю.** Мар., Марк. III, 7, 124_{10}, т. е. Иисус (им. п.) шел, сопровождаемый учениками (тв. п.). ... **многа же тѣлеса оуснш҃ихъ ст҃ыхъ въсташа съ хрь'стомъ...** Супр., 485_{29}, т. е. Христос (творительный падеж) встал и вслед за ним встали святые (именительный падеж).

Древнерусский: *Мьстислав же поиде съ новгородьци къ Переяславлю.* Новг. 1, об. 56 л., 86 об., т. е. новгородцы (тв. п.) сопровождают Мстислава (им. п.). *В то же лѣто, на зиму придоша под Новъгород суждальци съ Андреевицемь...* Новг. 1, 33, т. е. суздальцы (именительный падеж) пришли, ведомые Андреевицем (творительный падеж).

Чешский: *Po prázdninách přijel Frybort s otcem a požádal o ruku Marinčinu.* Jir., Fil. Hist. 'После каникул приехал Фриборт с отцом и попросил руки Маринки', т. е. Фриборт (именительный падеж) приехал в сопровождении отца (творительный падеж). *Půjdu s tebom.* Řez., Nast. 'Пойду с тобой', т. е. я пойду, ведомый тобой (творительный падеж).

Словацкий: *Pribehol Liščiak s celým miličným sborom...* Jilem., Kron. 'Прибежал Лишчак со всем милицейским отрядом', т. е. Лишчак прибежал, сопровождаемый милицейским отрядом. *Na druhý deň, len čo sa rozvidnelo, celá skupina partizanov s Ivanom Kozlovom v čele tiahla do dediny.* Jilem., Kron. 'На другой день, лишь только рассвело, целая группа партизан с Иваном Козловым во главе направлялась в деревню', т. е. группа партизан направлялась, будучи ведома Иваном Козловым. Наречие *v čele* подчеркивает роль Ивана Козлова.

Таким образом, творительный с предлогом *с* выражает сопровождение без установления какой-либо подчинительной связи. Ведущая роль одного из предметов выясняется из общего контекста, в зависимости от того, кого автор выдвигает в качестве основного действующего лица вне учета его роли в происходящих событиях. Однако чаще всего ведущее лицо обозначается именительным падежом существительного. Второстепенная роль в действии одного из его участников грамматически

выражается согласованием глагола в числе с первым членом совместности. Проследим факт согласования глагола с первым членом совместности на материале древнерусского языка.

1. Единственное число существительного в именительном падеже — единственное число глагола: *На ту же зиму иде Мьстислав съ зятьмь съ Глѣбомь и съ братомь Яропълкомь на Суждаль.* Новг. 1, 35 л., 40 об. *И Иштерекъ де князь ко мнѣ з братьею писалъ...* А. вр. межд., 30.

2. Двойственное число существительного в именительном падеже — двойственное число глагола: *Беста бо 2 князя съ Мьстиславом.* Новг. 1, 63, л. 99. *И ста Ярославъ и Гюрги съ братьею на рѣче Хзѣ.* Новг. 1, 56, л. 85.

3. Множественное число существительного в именительном падеже — множественное число глагола: *Новгородци же съ княземь Юрьемь погонишася по нихъ, инии на конихъ, а инии в насадѣхъ повѣхаша...* Новг. 1, 87, л. 147. *Апостолу рекшу: аще страждеть единъ удъ, то всѣ уды съ нимъ страждутъ.* Дом., 2.

Однако во всех современных славянских языках нередко встречаются конструкции с творительным падежом, в которых глагол согласуется с обоими членами совместности, т. е. стоит во множественном числе при наличии единственного числа первого и второго членов совместности. При этом глагол стоит всегда либо на первом, либо (чаще) на третьем месте: именительный падеж + творительный + глагол во множественном числе или — глагол во множественном числе + именительный падеж + творительный падеж.

В этих конструкциях несколько изменяется значение творительного падежа с предлогом *с*: оттенок сопроводительности отходит на второй план либо иногда совсем не чувствуется. На первый план выступает новое значение — совместности, общности участия обоих лиц в одном и том же действии. Например: *Андрей с Куртом отделились от толпы, вошли в университетский сад.* Фед., Гор. и годы. *Táta s Mit'ou ji vyzkoušeli ještě poslední den, a lodička krásně plavala.* P. Hra s ohn. 'Отец с Митей ее (лодочку) испытывали еще последний день, и лодочка прекрасно плавала'.

Действие (*отделились, вошли, vyzkoušeli*) в одинаковой степени относится как к существительному в именительном, так и в творительном падеже. Оба члена (отец и Митя, Андрей и Курт) одинаково активны в совершении действия. Поэтому сочетание именительного падежа с творительным воспринимается как единое подлежащее, к которому правильнее поставить один общий вопрос: Кто отделился? кто испытывал? (Андрей с Куртом, отец с Митей), а не отдельный вопрос к каждому члену совместности: (кто испытывал? — отец; с кем? — с Митей). Разделение членов совместности глаголом невозможно. Нельзя сказать: 'Отец испытывали лодочку с Митей', 'Андрей отделились от толпы с Куртом'.

Обычно при описании творительного социативного отмечают возможность замены творительного с предлогом *с* именительным падежом, присоединенным с помощью союза *и* (*отец с сыном — отец и сын*). Мы

считаем необходимым подчеркнуть, что подобная замена возможна только в отношении творительного совместного, т. е. в том случае, если глагол стоит во множественном числе и, таким образом, обозначает действие, в котором с одинаковой активностью участвуют оба члена совместности: *шли отец с сыном — шли отец и сын.*

В предложении *отец шел с сыном* замена творительного падежа именительным (*отец шел и сын*) изменяет смысл предложения.

Конструкции типа *шли отец с сыном* (творительный совместности) возникли сравнительно поздно. В исследованных памятниках старославянского, древнечешского, древнепольского, древнелужицких языков нам не встретилось ни одного примера творительного совместного[1]. В сербохорватском языке множественное число глагола при творительном социативном зафиксировано с XIII в. Например: *ѣ кнезь вели хльмьски аньдрѣи с моими сыньми жѫпаномь Богданомь и сь жѫпаномь радославомь и сь моими властелы ки соу здѣ подьписани кльнемо се.* Пов. 5 (1247—1249 гг.) (Ивич, 191).

В русском языке первые случаи творительного совместного встретились нам в Новгородской летописи (памятнике конца XIII — начала XIV в.). В XIV в. в русском языке была еще живой категория двойственного числа, поэтому глагол при творительном совместном стоял не во множественном, а в двойственном числе.

Например, древнесербский: *ѣ кнезь вели. хльмьски. аньдрѣи с моими сыньми жѫпаномь Богданомь и сь жѫпаномь Радославомь и с моими властелы ки соу здѣ подьписани. кльнемо се.* Стој, I, 5. *Азь жань михаиль кнезь дѫбровьчьки с Боларими дѫброзьчькими тебе влиемѫ краль рашъкомѫ ... кльнемо сѣ.* Стој, I, 16.

Древнерусский: *Того же лѣта заложиста Твьрдиславъ съ Федоромь церковь камяну святого Михаила.* Новг. 1, 59, л. 92. *...ту абие оканьныи, проклятыи Глѣбъ съ братомъ начаста сѣчи прѣже князи, та же бояры и дворянъ множьство.* Новг. 1, л. 58.

В дальнейшем творительный совместный получил довольно широкое развитие и в настоящее время представлен во всех славянских языках, за исключением сербохорватского. Например:

Словенский: *Popoldne sva prišla z meterjo iz Loke.* Tavč.

В словенском языке существует категория двойственного числа, поэтому глагол при творительном совместном стоит в двойственном числе.

Русский: *Аддают мине батюшка с матушкой лютому змею на съяденья.* Курск. сб. IV, 76.

Украинский: *Так уни собі там з мамов сидїли.* Kolb., P. IV. 24 (Тимч., 96).

---

[1] Следует отметить, что о творительном совместности определенно можно говорить лишь в том случае, когда именительный и творительный падеж существительного стоят в единственном числе. Выражение первого (или обоих) членов совместности множественным числом существительного вносит неясность, согласуется ли глагол с обоими членами совместности или с первым из них.

Чешский: *O tom všem živě vypravovaly paní Roubínková s dcerou, když se domů navrátily.* Jir., Fil. hist.

Словацкий: *Kým Liščiak s Debnárem potriasli hlavou a zasmiali sa, ktorýsi lagan skríkol odpoveď.* Jilem., Kron.

Польский: *Hrabina z panną Izabelą poszły naprzód, za nimi pan Tomasz z Wokulskim.* Prus, Lalka, II.

Кашубский: *Nędza s bjéda v pôrze chodza.* Cen., Skôrb.

Верхнелужицкий: ... *ale jogo žona ze synoma Tugemeroma a Stojgněwom huběgnu pśez pódzeḿski chód a ps'iz'o do Łužyce.* Páta, serbsk. č.

Отметим наличие в славянских языках конструкций, в которых подлежащее выражено личным местоимением множественного числа *(мы, вы, они)* и подразумевает двух или нескольких участников действия. Одним из участников действия является говорящий или лицо, о котором идет речь, а вторым — лицо, обозначенное творительным падежом с предлогом *с*.

Например, старославянский: ... мы сь н҃ими коупьно ликоуимъ. мы сьсими праздьноуємъ. Супр., 326,7.

Древнерусский: *И мы с владыкою приказали тѣло ево среди улицы собакамъ бросить* ... Жит. Авв., 20, т. е. приказали я и владыка.

Современный русский (диалект): *Мы с жынихом рядом сидели, блăславля̆ли нас, пăтсóлнухи крызли.* Будде, Гов. Тульск. и Орл. губ., т. е. сидели я и жених.

Словацкий: *Nad'a dávno spala a my sme s Rózkou sedeli v kuchni pri stole.* Jilem., Kron.

Польский (диалект): *ozý^{e}l'i my ze starý^{e}m Sabołom* ... N., Wув. 'Поехали мы со старым Сабалом', т. е. поехали я и старый Сабал.

Творительный падеж в этих примерах имеет значение совместности. Однако конструкция в целом несколько отличается от случаев употребления творительного совместности, разобранных нами выше. В ней глагол, всегда стоящий во множественном числе, фактически согласуется с первым членом совместности, поскольку первый член совместности выражен множественным числом местоимения. Творительный же падеж как бы поясняет, раскрывает, кого подразумевает говорящий под 'мы', 'вы', 'они'.

В сербохорватском языке творительный совместности встречается в текстах до конца XVI в. Для современного сербохорватского языка употребление творительного социативного в сочетании с множественным числом глагола необычно[1].

Выше мы охарактеризовали творительный социативный, обозначающий лицо, сопровождающее производителя действия. Однако сопроводителем в действии может быть не только человек, но и животное.

---

[1] М. Ивић. Значења српскохрватског инструментала. . ., стр. 193—194.

Например, древнерусский: *или чародѣйствуетъ, и волхвуетъ, и отраву чинитъ; или ловы творитъ съ собаками, и со птицами, и съ медведи.* Дом., 73.

Древнепольский: *Czekayczye tu s oslem, a yacz synet tam poydǫ.* B. Z., 25, 16.

Русский: *Вотъ идетъ молодецъ со собакой, нужно-ле звать?* Онч., Сев. ск.

Чешский: *Lonskou jeseň trefilo se mi nejednou, že jsem sama s Lyšajem pásla...* Něm., 5 pov.

Польский: *Pszykazołym jeszczyk Antkowi, żeby Szarka zamknuł duo chlywa, coby za mnum nie lecieł, buo nie wolno siy włoczyć s psami puo drodze.* N., Wyb.

Кашубский: *Tą — jīžetă dva — šlą̃χtařä s — celą̃tamï.* Lor., Sl.

Следует иметь в виду, что в данном случае творительный социативный по характеру своих связей с глаголом приближается к обстоятельству образа действия: *пасти скот* — как? — *с собакой*, или — с кем? — *с собакой.*

При выражении творительного социативного неодушевленным существительным им всегда обозначается сопровождающий предмет. При этом действие совершается только одним членом совместности, другой же не принимает в нем никакого (ни активного, ни пассивного) участия. Он лишь находится при субъекте в период совершения им указанного действия. Грамматически это выражается обозначением второго члена совместности неодушевленным, конкретным, вещественным существительным *(Яков вышел с лопатой, Она пряла с очками на носу, Люди идут с серпами).*

Творительный социативный, обозначающий предмет, сопутствующий субъекту в его действии, наиболее часто встречается с глаголами движения. Приведем примеры из текстов древних славянских языков.

Старославянский: **ꙗко же пріемъ спирѫ. е отъ арꙋпереи и фарисѣи слоꙋгы. приде тамо съ свѣтилы і свѣштами и оржжии...** Мар., Ио. XVIII, 3, 387_{22}. **... ѩко на разбоиника ли изидете съ оржжьемъ и дрꙑколиы ѩти мѧ...** Мар., Мат. XXVI, 55, 102_{19}.

Древнесербский: *Тогꙗ придоше вь славни дворь почтєни властеле... с почтєниєми дарьми и частьми...* Stoj., II, 37, 54—55.

Древнерусский: *... прибѣгоша нѣмьци и-замория съ житомь и мукою. и створиша много добра.* Новг. 1, 71, л. 114 об. *... ни на стѣну не приклонятися, ни къ столпу; ни съ посохомъ не стояти...* Дом., 30.

Древнечешский: *Opiet zaklev zemiu do Prus jide, ottud s korunú mučennickú k bohu dojide.* D. chr. 58, 453. *Chodíce s knihami velikými po dvoru.* Chelč., S. v., 354, 15.

Древнепольский: *Genze szǫ zaszǫ wroczyl s olywowim zzelonim listem, w swich uszczyech gy mayǫcz.* B. Z., 10, 2. *Ale potem winydǫ z wyelykym nabitkyem.* B. Z., 17, 22.

Приведем примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: *Младен сеђаше у својој соби на угодном дивану, са цигаром у устима.* Атан., Два идола. *У близини сеђаше замишљен Јанко, са затвореном књигом у руци.* Лаз., Прип.

Словенский: *On e je prihitel k nam z golim mečem v roki.* Tavč. *Pa sem odšel z malo bisago ob rami...* Tavč.

Русский: *В довершение всего она пришла в валенках и с корзиной, крест на крест обтянутой красным ямщицким кушаком.* Леонов, Дор. на ок.

Украинский: *Вийди мати з калачем.* Rokos, 155 (Тимч., 97). *Люде идуть з серпами, а Маленка з склянками.* Гол. IV, 148 (Тимч., 97).

Чешский: *Panna Pepinka obyčejně šukala po domě nebo na poli, předla nebo s brejlemi na nose záplatovala...* Němc. 5 pov. · *Znova odešed k vozu na dvůr, vrátil se s menším bílým uzlíkem.* Jir., Skal.

Словацкий: *Vrátili sa s mapami a pravdepodobne i so soznamom l'udí, na ktorých bude možné spol'ahnúť sa...* Jilem., Kron.

Польский: — *To juści krzywda dla mnie iść znowu dzisiaj... z listem, mil trzy... do miasteczka...* Krucz., Kord. ch.

Кашубский: *Na svjęti vavrzinc s kósą v zèto przinc.* Cen., Skôrb.

В данном случае очень важным представляется порядок слов. Обычный порядок слов будет таким: именительный + глагол + творительный. При изменении порядка слов (именительный + творительный + глагол) творительный социативный приобретает значение качественной характеристики. Приведем примеры.

Сербохорватский: *Кога ту нема: ту су вам државни великодостојници са лаганим ходом; трговци; чиновници; амали са тешким теретима на леђима,.. слуге са издрпаним оделом и лепим корпама на рукама.* Дом., Укид.

Русский: *Каждое утро Иван Матвеевич Семиёнов, весь в белом, в широкополой соломенной шляпе, с ситцевым цветистым зонтиком, являлся к дверям таниной палаты и терпеливо ждал.* Андр., Шир. теч.

Словацкий: *Ak mal pušku, závidel tomu, ktorý našiel automat, ale tí s automatom neboli by dbali mat'hoci aj kanón.* Jilem., Kron.

В приведенных примерах существительные в творительном падеже обозначают признак, по которому автор выделяет одного из участников действия. Чаще такой творительный употребляется в ряду определений.

До сих пор мы рассматривали творительный социативный, связанный с субъектом. Во всех славянских языках встречается употребление творительного социативного, который находится в сфере объекта. Существенных отличий эти случаи не представляют. Следует лишь указать на то, что они возможны только при переходных глаголах. Приведем примеры из текстов древних славянских языков:

Старославянский: ...и въшедъше въ храмінѫ (в) идѣшѧ отрочѧ съ Маріеѭ материѭ его... Ассем., Мат. II, 1—2, 174_3. И сего камене иже имамъ на ногоу: хоштѫ вам' да погребете съ моимъ тѣломъ... Супр. 154_{26}.

Древнесербский: *И ако се разъратитє съ кралемь рашьки. да васъ не дамь ни вашь добитєк. паче да ви ѯхранимо съ вьсмь вашимь добиткомь.* Stoj. I, 9—10.

Древнерусский: *...А на Углечи поли далъ есмь Княгинѣ своей село Богородицьское со всѣми деревнями и съ луги и съ лѣсомъ.* Собр. гос. гр., 77. *Онъ же иде тамо, а жену с дѣтми остави въ Глуховѣ у Всеволожье.* Моск., 76 л. 93.

Древнечешский: *Rači zloby v nás umniti a dobroty pribaviti, dušu s tělem uzdraviti.* Št. pís., 121, 127.

Нижнелужицкий: *Za zu hoprowasch wolow s koslami.* Niedersorb. Ps., 73, 15.

Древнепольский: *Bocz bi snadz przydącz, y zabylbi maczyerz s dzeczmy.* B. Z., 36, 36.

Примеры из современных славянских языков:

Сербохорватский: *Прије тога, прије него што пођоше на лијегање, сјети се љубљења с браственицима, са својим браственицима!* Мат., Ускок.

Русский: *Посадют жениха с нивѣстай.* Будде, Гов. Тульск. и Орл. губ.

Украинский: *Догоняйте сестру із ляхами.* Бал. 38 (Тимч., 95).

Чешский: *Já bych vás raději v rakvi viděla, než s tím plešatcem u oltáře.* Němc., 5 pov.

Словацкий: *Znova ho vidím s jeho štyrmi bratmi ...* Jilem., Kron.

Польский: *Była to najprawdopodobniej karuzela pionowa „młyn diabelski", bo łączyła w tym wzroku a następnie w wyobraźni, dół z górą, ziemię z niebem.* Rudn., St.

Кашубский: *Vuboższi budovalé razę s checzamy chlevjic czasę é stödółkę ..* .Cen., Skôrb.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ СОЦИАТИВНЫЙ ВЗАИМНОГО ДЕЙСТВИЯ

Творительный социативный взаимного действия (типа: *он боролся с врагом, он беседовал с братом, весна встречается с летом*) обозначает лицо или предмет, объединенные общим участием в действии с другим лицом или предметом, выраженным именительным падежом. Оба участника действия являются одновременно производителем и объектом его, так как действие взаимно переходит с одного из них на другой. Как очевидно, своеобразие значения творительного социативного взаимного действия обусловлено залоговой принадлежностью глагола.

Употребление творительного социативного при глаголах взаимного значения теснейшим образом связано с категорией залога в славянских языках. Большинство глаголов, обозначающих взаимное действие, является возвратным и относится к возвратно-среднему залогу. Общим значением глаголов возвратно-среднего залога является значение концентрированности действия на самом производителе его.

Отличительной особенностью возвратных глаголов является то, что они могли быть образованы только от переходных глаголов. С течением времени возвратные глаголы, развив самостоятельное значение, обособились от соответствующих невозвратных глаголов и стали отдельными словами.

В зависимости от лексического значения глагольных основ внутри глаголов возвратно-среднего залога выделяется ряд групп, отличающихся друг от друга различными отношениями между производителем действия и его объектом. Разновидностью возвратных глаголов являются глаголы взаимные. Они обозначают действие, которое совершается несколькими (не менее двух) лицами, взаимно переходящее с одного участника действия на другого.

Синтаксически взаимность выражается либо множественным числом взаимно-возвратного глагола (*друзья обнялись, они попрощались*), либо оборотами со значением 'между собой', 'друг с другом' (*друзья простились друг с другом, они поругались между собой*), либо единственным числом глагола в сочетании с творительным падежом с предлогом *с* (*он обнялся с братом, брат попрощался с отцом*).

В последнем случае взаимность выражается уже не самой по себе залоговой формой глагола, а целой предложно-падежной конструкцией.

По мнению А. В. Попова, творительный падеж возник здесь на месте более раннего винительного и является „падежом, имеющим специально комитативное значение“ [1]. Замена винительного падежа другим (творительным) в среднем залоге (в media) обусловлена стремлением языка избежать двойных винительных, так как глаголы среднего залога уже заключали в себе один объект (местоименный).

В славянских языках это приводит к тому, что присоединение к глаголу возвратного объекта *ся* (*se, sa, się*) препятствует употреблению *при нем другого объекта в винительном падеже*. Поэтому на месте второго винительного при медиальных глаголах возник другой падеж — творительный.

Замена второго винительного падежа именно творительным обусловлена тем, что значительная часть винительного объекта имела первоначально сопроводительное значение.

Гипотеза А. В. Попова нам представляется правдоподобной. Она дает основание высказать предположение, что судьба творительного с предлогом *с* при глаголах возвратных взаимного значения сближается с судьбой творительного социативного в области объекта (типа: *я встретил сына с матерью*), где творительный падеж также заменил более ранний второй винительный при переходных глаголах.

Близость этих конструкций доказывается также тем фактом, что процесс агглютинации (слияния с глаголом) частицы *ся* в глаголах именно взаимного значения в русском и других языках был чрезвычайно длительным.

---

[1] А. В. Попов. Синтаксические исследования, Воронеж, 1881, стр. 214.

Различие в значениях творительного падежа при глаголах взаимно-возвратных и творительного падежа, обозначающего второй объект (при переходных глаголах), обусловлено обособлением возвратных глаголов от соответствующих невозвратных и постепенным развитием в них взаимного значения.

В данном разделе мы рассмотрим творительный социативный не только при взаимно-возвратных глаголах, но и при ряде невозвратных глаголов (*говорить*, *беседовать*, *играть*, *болтать*, *торговать* и т. д.). Эти глаголы обозначают действие, которое распространяется от одного лица на другое. Участники действия обозначаются существительным, являющимся не прямым, а косвенным объектом (*говорить*, *болтать*, *шептать*, *торговать* — *кому*, *с кем*, а не *кого*). В этих глаголах проявляется иной оттенок взаимного значения — совместность, общность участия в действии обоих участников его.

Некоторые возвратные глаголы также имеют значение не взаимного, а совместного действия. Они выражают не прямое отношение к объекту (ср. *бороться*, *прощаться*, *биться* и др.), а отношение косвенное (*сходиться*, *съехаться*, *делиться*, *меняться* и др.).

В славянских языках творительный социативный взаимного действия известен при следующих лексических группах глаголов: при глаголах, обозначающих взаимный разговор, беседу, спор, сговор; при глаголах, обозначающих борьбу, игру; при глаголах со значением встречаться, знакомиться, расставаться, прощаться, общаться; при глаголах со значением ссориться, мириться, судиться и под.; при глаголах со значением венчаться, сродниться и под.; при глаголах со значением слиться, смешаться, соединиться, съехаться, сходиться и под.; при глаголах, обозначающих торговлю, обмен, дележ.

Творительный социативный при глаголах взаимного действия употребляется во всех славянских языках. Однако возвратные конструкции взаимного значения особенно широко распространены в сербохорватском языке, где возвратные формы могут образовываться едва ли не от всех глаголов, обозначая взаимное действие двух лиц: *барабарите се* 'болтать друг с другом'; *дуелити се* 'драться друг с другом на дуэли'; *руковати се* 'здороваться друг с другом за руку'; *загледавати се* 'смотреть друг на друга'; *мрзети се* 'ненавидеть друг друга'; *опријатељити се* 'быть друг с другом приятелями' и под.

Примеры из текстов древних славянских языков:

Старославянский: ...а҆гг҃е́лъ съ дѣ҃комъ глаго́летъ ... Супр., 244$_2$. **Нарече дѣ҃комъ ѥ҃же съ҆ндетъ са съ ратьникы** ... Супр., 196$_{12}$. ... **и шед пр҃ѣжде съмири са съ братромъ своимъ. ... вѣроуи къ҆ нике҃йскаго съ҃бора запов҃ѣди и҆ примири са съ праковѣрънъ҃ыми** ... Супр., 200$_6$.

Древнесербский: *И* ꙋ҃чини ц҃рвми ш ними *разлог* ... Stoj. I., 65—66. *И да зна племеньство ви* ѥво ѥ *тръ*ш҃валь *с нами вашь* гра*ђ*анинь. Stoj. I, 161, 6. ... *а з градомь. да се рат*ꙋ҃ѥ *ц*р҃*в ми*. Stoj. I, 95, 70.

*Зато ако инни ѳзрокь нє ви*ᵀ *биль ималь би доки кь своимь прила-*тєл^{ю_м}*да се* ш *ними видишь.* Стоj. I, 130, 14.

Древнерусский: *Того же лѣта заратишася устьюжане с новгородци изъимаша новгородцевъ.* Новг. 1, 97, л. 163. *Уладися Ростислав съ Андрѣем о Новъгородъ.* Новг. 1, 31. *Яко Изяславъ съединяется со Всеславомъ, мысля на наю, да аще его не попредимъ, имать наю прогнати.* Моск., 8, л. 3. *И тут бых до великого заговейна в Бедери: и познася со многыми индеяны и сказах им веру свою.* Хожд. Аф. Ник. 41.

Древнеукраинский: *Не дали ся скупити з Шереметом.* Лет. Сам., 62 (Тимч., 99). *Мѣли потребу з ордою.* Лет. Сам., 175 (Тимч., 101).

Древнечешский: *Smluvilo se dřievi se dřievim, aby ustavilo nad sebú krále.* Chelč., S. v., 134, 10. *Svú dobrotu v tom dal znáti s hřiešnými chtěl obcovati.* Fl. Nov. r., 53.

Древнепольский: *У rzekl gest gospodzyn ku Abramowy, gdisz bil szǫ s Lotem rozdzelyl.* B. Z., 15, 18. *Nye uczinisz sobye s nimi miru...* B. Z., 143, 10.

Примеры из современных славянских языков:

Сербохорватский: *И сад сам дошао да се с тобом разрачунам.* Атан., Два идола. *Ни с једном да се истински спријатељи.* Станк., Неч. крв... *И онда се заграли с Младеном.* Лаз., Прип.

Словенский: *Vsak dan je hotel imeti višjo desetino, vse dni svojega vladanja se je pravdal s svojimi podložniki.* Tavč. *Tu in tam se je pripetilo, da je z Marksom klepetala v nemščini.* Tavč.

Русский: *С сильным бороться — сам сильным станешь.* Андр., Шир. теч.

Украинский: *От і став пан з мужиком радитись.* Чуб. II, 8 (Тимч., 97—98). *Так паробок замінив сє з циганам.* Kolb. P., IV, 23 (Тимч., 100).

Чешский: *... po bílém plášti řinula se mu teplá krev a do sněhu kapajíc pojila se s rudými skvrnami věrné Medušky.* Jir., Skal. *Není a nemůže být míru tam, kde se člověk s člověkem musí rvát o každý kousek chleba.* F., Vyb. ze st.

Словацкий: *Tak sme sa boli s Bezákom dohovorili.* Jilem., Kron. *A tak sa stalo, že keď sa skončil spomenutý deň, 25 augusta... rozlúčili sme sa s ostatnými dobrovoľníkmi a vojakmi.* Jilem., Kron.

Нижнелужицкий: *Jaden groni s drugim.* Niedersorb. Ps., 11, 3.

Польский: *Na progu zetknął się z wychodzącym Zięba, który pożegnał go niskim ukłonem.* Prus, Lalka, II. *Jak noc pogodna ze dniem, walczy Homer z Osjanem o piękności.* Brodz., Klas.

Кашубский: *S jakym przestajesz, takim sę stajesz.* Cen., Skôrb. *Wonj sę tak lubja, jak pjes s kòtę.* Cen., Skôrb.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ СОЦИАТИВНЫЙ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ

Творительный социативный может определять состояние субъекта в момент совершения действия или самое действие. В этом случае он обозначает признак действия. При этом членами совместности явля-

ются не два предмета (как в творительном собственно социативном), а два действия, одно из которых, будучи основным, выражено глаголом, а второе (второстепенное) — отвлеченным существительным в творительном падеже. Такой творительный социативный мы называем социативным образа действия.

В научной литературе была высказана мысль о широком распространении в русском языке творительного социативного в значении образа действия лишь со второй половины XVIII—начала XIX в. под влиянием западноевропейских языков (ср. немецкий предлог *mit*, французский *avec*)[1].

Академик В. В. Виноградов приводит по этому поводу высказывание А. С. Шишкова, объяснявшего распространение этих оборотов влиянием французского языка, и в примечании указывает: „В церковнославянском языке употребление предлога *с* в этом значении, поддерживаемое влиянием греческого и латинского языков, по-видимому, было ограничено“[2].

Замечания о распространении творительного социативного образа действия в последние два века справедливо лишь в отношении некоторых его разновидностей. Важно отметить, что это относится не только к русскому, но и к другим славянским языкам — чешскому, польскому, сербскому. В памятниках письменности древних славянских языков широко представлены две разновидности творительного образа действия, в которых наиболее очевидно проявляется значение сопровождения одного действия (состояния) другим:

а) Творительный социативный образа действия, определяющий состояние субъекта в момент совершения им действия.

Приведем примеры из текстов древних славянских языков.

Старославянский: ... съ ѡ҃тъ̀ванїемъ вь градѣ прѣбыва́ѭ. Супр. 98, 10. ... работаите гв҃ї съ страѫомъ: и радоуі тѣ сѧ ємоу съ трепетомъ. Син. пс. 2в, 5. ... и възърѣвъ на нѧ съ гнѣвомъ скръбѣѫ о окаменени ср҃ца и҃хъ. Мар., Марк. III, 5, 124, 3.

Древнесербский: ... *с великомь любвомь примисмо писаные гп҃ства ти* ... Stoj. I, 196, 3. ... *за тѫзи свадѫ да не ратѫю ни шѥ҃ѫ съ злѫ҃м котора.* Stoj. I, 100, 24.

Древнерусский: *Онъ же то прия съ радостию, яко Иоанн Златоустьць и Григории Акраганьскыи.* Новг. 1, 52, л. 77 об. *И вземше тѣло его идоша къ Суждалю къ отцю с жалостию.* Моск., 39, л. 45 об.

Древнечешский: *A ono, ještoj' v Šalomúnových knihách psáno, velmě pilně a s bázní máme slyšeti.* Št., O. v. 5, 34, c. 34. *S hnievem z komniaty vynide.* D. chr., 111, 5.

Верхнелужицкий: *Se wscheiu hnadziu ieho prosecz derbime.* Katech. war., 85. A. 28, 8.

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. М. — Л., 1947, стр. 696.

[2] Там же.

Нижнелужицкий: *Sslusshuscho tomu knĕhcu s bojasnostsku.* Niedersorb. Ps., 2. 11.

Древнепольский: *A wznyesly swoy glos, z wyelyką szaloscyą poczęły plakacz.* B. Z., 174, 29. *S boleszczyą bądzesz rodzycz swe syni...* B. Z., 4, 13.

То же значение творительного образа действия представлено в современных славянских языках.

Сербохорватский: *И кад је бјежао из которске стране, мислио је на њих с болом у души...* Мат., Ускок. *С поносом је пролазио наш Јова поред комшија.* Срем., Прип.

Русский: *Дневные посетители с любопытством посматривали на человека с узелком, точно пришел в баню.* Леонов., Дор. на ок.

Украинский: *Три мѣсяцы с упокоем живуть.* Ак. З. Р., 1,16 (1347). (Тимч. 95). *З тяжким жалем промовляю: розстатися треба.* Чуб. V, 315 (Тимч. 95).

Чешский: *Matka se zalíbením a nadšením patřila na svěží, v pravdě sličnou dívku.* Jir., Fil. hist. *Ondřej pozoroval se zájmem člověka, zvyklého delat rukama, a se zvedavostí chlapce...* P., Lidé na kříž.

Словацкий: *Ďakujeme pekne, ćaće (otče), vraví Petar i za Ivana s hlubokou vd'akou.* Kukuč.

Верхнелужицкий: *tamny jemu ze spokojnym wobličom připosłuchowaše a druhdy so směješe z wjesołosc'u, kaž so zdaše.* Haš., Mar.

Польский: *Pan Łęcki patrzy na zakrystiana z wielką pogardą...* Prus, Lalka, II.

б) Творительный социативный образа действия, обозначающий второстепенное действие, которое сопровождает основное, выраженное глаголом.

При этом второстепенное действие может быть вызвано основным действием (*орел взлетел с шумом* — шум вызван тем, что орел взлетел); иногда творительный социативный образа действия может обозначать внешнее проявление состояния человека (*говорил с рыданьем, поднялся со стоном*). Приведем примеры из текстов древних славянских языков.

Старославянский: ... и то глаголѧ аноу-патъ проплака сѧ съ стенаниимъ великомъ. Супр., 102. ... и оврѣтъшіе мошти изнесоша съ пѣсньми и хвалами... Супр. 219, 10.

Древнерусский: *И приде съ поклономь съ князи Половьцьскыми къ зяти въ Галичь.* Новг. 1, 62, л. 97. *со слезами и рыданіемъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдаемся о своих согрѣшеніяхъ.* Дом., 28.

Древнечешский: *Tehdy kniez ieden tu bieše, s velikým pláčem prosiéše.* D. chr., 51, 383. *A ty věci konají s jakýms zvukem bublavým, se řvánim v chrámiech.* Chelč. S. v., 354, 13.

Древнепольский: *A gdisz syą wrocy Gepte u Masfa do swego domu: srzatla gy gedina dzewka gego r bębni y s tanci.* B. Z., 174, 30.

...uczynyly ucztǫ za Yordanem s wyelykym placzem y grosznym kwyelenym y napelnyli szedm dny. B. Z., 44, 30.

То же в современных славянских языках.

Сербохорватский: *Већ греде са треском падаху, а пламен биваше све силнији.* Дом., Укид.

Русский: *В атаку шли с музыкой и барабанным боем.* Глинка, Старос. пов.

Украинский: *Тільки подививсь. да й так пішов со плачем.* Чуб. II, 190 (Тимч., 95).

Чешский: *S houkáním a ohlušujícím rachotem vyrazilo ze vsi nákladní auto.* Řez., Nást.

Словацкий: *Spýtala sa ma so slzami v očiach.* Jilem., Kron.

Нижнелужицкий: *do třec'eg' zezydali se te służomne a z wrjeskotom wšycke su wujeli.* Čas mac'.

Польский: *O ciociu, tego już za wiele! — przerwała jej panna Izabela ze śmiechem.* Prus, Lalka, II.

Кашубский: *Dlô teho wónj wumarłèho jak nôréchli v bjêłą płôchtę wóvjnęlí abo v zgło wubrale e svjêlgim płaszę na mjescé pògrzebu provadzélé.* Cen., Skôrb.

Выделенные две группы творительного образа действия, широко представленные в ранних памятниках письменности славянских языков, не могут, таким образом, свидетельствовать о позднем возникновении и развитии творительного социативного образа действия в славянских языках.

Однако кроме указанных выше двух групп в современных славянских языках отмечены другие разновидности творительного социативного образа действия, которые или совсем не представлены в древних славянских языках, или употребление которых в древних славянских языках ограничено. Мы имеем в виду: а) творительный социативный образа действия, характеризующий внутренние особенности действия; б) творительный социативный образа действия, определяющий основное действие через характеристику второстепенного непроизвольного действия субъекта.

а) Творительный социативный образа действия, определяющий внутренние особенности действия, его характер, всегда выражается существительным невещественного значения. Внешней отличительной особенностью конструкций с таким творительным является то, что они почти во всех случаях могут быть заменены наречием: *бороться с отвагой — бороться отважно, сражаться с решительностью — сражаться решительно, говорить с придирчивостью — говорить придирчиво, читать со вниманием — читать внимательно* и т. д.

Употребление творительного социативного, характеризующего внутренние особенности действия, в древних славянских языках было ограничено узким кругом оборотов. Ограничимся несколькими примерами.

Старославянский (зафиксировано всего несколько случаев в Супрасльской рукописи): ... **въшедъ же свѧты ѻ҆тьць нашъ въ клѣть ... й**

сѣде въ н҃еи съ многомъ оу҃срьдиѥмъ . . . Супр. 204, 21. . . . Приймъ же слѫжьбѫ тѫ съ оу҃срьдиѥмъ и съ радостиѭ. Супр. 284, 9. . . . и въиздыхаѧ съ тихостиѭ въздвиже рѫцѣ свои на небо . . . Там же, 568, 4. . . . и моливъ и самъ съ говѣйнъствомъ и тихостиѭ . . . Там же, 553, 24.

Древнесербский (отмечен один пример): *Коупьци ихь да си ходе по земли кра^вства ми: без боязни и без≈абаве: сь всакомь свободомь . . .* Стој., I. 33.

Древнерусский (самые ранние примеры зафиксированы в памятниках XV в.); *Тѣмъ же чада моя любезная прочитайте Божественная писанія людемъ въ слухи во воскресны дни и праздники Господскія по литургіи и со вниманіемъ.* Др. гр. Ряз. кр., 133, № 51. *и съ прилежаніем внимати и ученія ихъ слушати, яко отъ божіихъ устъ.* Дом., 1. *Тогда адмирал, вынев из ношен свою шпагу, и с пристрастиемъ рече.* Ист., 13 об., 124. *А жить бы тебе в селе Богороцком с великим береженьем.* А. х. Мор., 95, № 29.

Древнечешский; *Dobuda drzí je s pečí.* Fl. Nov. r., 151, 1789.

Верхнелужицкий: *Wy Muz'ojo bydlcʒle podla swojich źonach s rozomom*; Katech. War., 102, B. 109.

В древнепольском примеры не отмечены.

В современных славянских языках рассматриваемая разновидность творительного образа действия действительно получила широкое распространение.

Сербохорватский: *С муком, с кићењем, с увјерењем, с натегом, са снагом, с неуморношћу, с сигурношћу и т. д. Онда стадоше састављати одговоре; ишло је с муком, али се сврши како тако.* Мат., Ускок. *Чивутин му одма један извади, а ђока са особитом грацијом слаже банке у шлајбук . . .* Игњ., Чуд. св.

Русский (примеров типа следующих очень много): *обличать с дерзостью, работать с напряженьем, даваться с трудом, делать с напором, подхватить с готовностью, толкнуть с силой, прочитать с выраженьем, нестись с бешеной скоростью, плевать с остервенением, обратиться с усилием, приступить с рвением, бороться с отвагой* и т. д. *. . . валялся без сна на сбитой постели, плевал с остервенением на пол и крепко ругался.* Глинка, Старос. пов.

Украинский: *Треба з тобою, хмелю, з розумом жити.* Мил. Жлк. 234 (Тимч., 95).

Чешский: *Pak vyskočíla rovnýma nohama s náhlostí dětí . . .* P., Lidé na křiž. *Bojujte s nádhernou odvahou ruských partyzánů! Bojujte s velkolepým důmyslem, silou a odhodlaností, hodnou husitského národa!* F., Vyв. ze st.

Словацкий: *Ešte nikdy neutekal s takým chvatom.* Jilem., Kron. *Do tohto nášho kúta dochodily noviny s vel'kým oneskorením.* Jilem., Kron.

Польский: *Zawiązał Wokulskiemu ręcznik na szyi i, mydląc mu policzki z szybkością pioruna mówił dalej...* Prus, Lalka, II.

Характерно, что творительный образа действия рассматриваемой разновидности нередко переводится с польского языка на русский соответствующим наречием: *Przypominał sobie każdy ruch,... każdy wyraz panny Izabeli, z podejrzliwą troskliwością, wyszukując w nich śladu niechęci...* Prus, Lalka, II. *Он вспоминал каждое движение..., каждое слово панны Изабеллы, придирчиво стараясь найти в них следы враждебности или высокомерия.* Прус, Кукла, II (досл.: 'с подозрительной заботливостью'). *Znalazł stronicę i z uwagą przeczytał dwa listy* ...Prus, Lalka, II. *Он нашел страницу и внимательно прочитал два письма* (досл.: 'со вниманием') Прус, Кукла, II.

б) Творительный социативный образа действия, определяющий основное действие через характеристику второстепенного непроизвольного действия субъекта, свойствен только современным славянским языкам. Он представляет собой дальнейшее развитие значения образа действия в славянских языках. Рассмотрим некоторые из примеров.

Сербохорватский: *И са истим осмехом, са очима мало затвореним од задовољства, ...попе се горе, матери.* Станк., Неч. крв.

Русский: *Курилов сидел, подбородком упираясь в грудь и с закушенными губами.* Леонов, Дор. на ок.

Чешский: *Jarda Jandák... s očima vytřeštěnýma, ústy rozevřenými a rukou zdviženou letěl.* Olbr., Anna pr.

Словацкий: *Ide rýchlym krokom a so sklopeným zrakom cez ulicu očí, na ňu zvedavo obrátených.* Kukuč.

Как видно из примеров, в этой группе рассмотрен творительный с предлогом *с* таких существительных, которые обозначают либо часть человеческого тела (*сидел с поднятой рукой, со склоненной головой, с наморщенным лбом, с опущенными глазами, с нахмуренными бровями*), либо явления, присущие человеку (*сидел с затаенным дыханием, с опущенным взором* и т. д.).

На первый взгляд в приведенных примерах творительный падеж характеризует не действие субъекта, а его самого: *Ярда с вытаращенными глазами, девушка с опущенным взором.* Однако есть основания полагать, что в выделенных случаях творительный падеж определяет не предмет, а его действие; и только через характеристику действия предмета характеризуется и самый предмет. *Девушка идет* — как? — *с опущенным взором*, а не *девушка идет* — какая? — *с опущенным взором* и т. д. Именно поэтому возможно заменить творительный падеж деепричастным оборотом без малейшего изменения значения: *Jarda Jandák... s očima vytřeštěnýma, ústy rozevřenými s rukou zdviženou letěl* и *Jarda Jandák... vytřeštiv oči, rozevřev ústa, zdvihnuv ruku letěl. Ide rýchlym krokom a so sklopeným zrakom* и *Ide rýchlym krokom a sklopiv zrak.*

Возможность замены творительного падежа деепричастным оборотом обусловливается тем, что творительный падеж существительного в данном случае всегда имеет при себе определение, выраженное причастием,

при замене переходящим в соответствующее деепричастие, и что это определение обозначает существенный для настоящего действия признак предмета, который акцентируется в словосочетании.

Чешский: *Standa se sklonil nad kočárek, spalo tam děcko se zaťatýmі pěstičkami ...* Čap., Pr. parta. *Chod' všude s očima otevřenýmal* F., Výb. ze st.

Словацкий: *Jova ide popri ňom so sklonenou hlavou.* Kukuč. *máte z týchto omrviniek sostaviť kroniku, ktorú by raz naše deti a deti našich detí čítaly so zatajeným dychom...* Jilem., Kran.

Польский: *Siedział bez ruchu, jak człowiek śpiący, z szeroko otwartymi oczyma.* Prus, Lalka, II.

Показательным является то, что во многих случаях творительный падеж, относящийся к описываемой группе примеров, переводится с польского языка на русский деепричастным оборотом:

Niekiedy pod ścianą domów przesuwali się ludzie obdarci, skuleni, z rękami wbitymi w rękawy, jakby to był nie czerwiec ale styczeń. Prus, Lalka, II. Ср. перевод: *Время от времени, пугливо ежась, пробирались вдоль стен какие-то оборванцы, засунув руки глубоко в рукава, словно был не июнь, а январь.* Прус, Кукла, II.

Сербохорватский: *Он извади своју бритвицу, забоде велику страну себи у бутину и корачаше поред ње с уздигнутом главом.* Лаз., Прип.

В сербохорватском языке творительный падеж в этом значении очень часто заменяется конструкцией с родительным падежом:

1. ... *стаде преда њ, прекрстивши руке на појасу и с мало нагнутом главом...* Станк., Неч. крв.

Ср.: 2. *Тома је, удубљен у мисли, корачао лагано погнуте главе.* Дом., Укид.

1. *Спавао је мирно, дубоко, са испруженим рукама и згрченим коленима.* Станк., Неч. крв.

Ср.: 2. *Он, раскречених ногу, подбочених руку о колена, седео је на пресавијеном јастуку...* Станк., Неч. крв.

1. *Дочекивала их је све са ужареним очима и као крв руменим устима...* Станк., Неч. крв.

Ср.: 2. *Наш стари учитель остави нас — оде сиромах на пут, на који се иде затворенијех очију.* Лаз., Прип.

Как мы увидим ниже, тот же процесс наблюдается в творительном социативном качественной характеристики при условиях, специфичных для данной конструкции: при наличии определения при существительном и при обозначении существительным неотъемлемой, существенной части предмета или части человеческого тела (см. стр. 64—68).

Форма родительного падежа на месте творительного в сербохорватском языке чрезвычайно широко распространена и является, как мы увидим ниже, более поздней, вытесняющей творительный падеж при указанных выше условиях.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ СОЦИАТИВНЫЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Творительный социативный качественной характеристики определяет предмет:

а) по его характерной особенности, обладанию чем-нибудь (*девушка с голубыми глазами*);

б) по его содержимому, составу (*ведро с водой*).

Творительный социативный качественной характеристики представляет собой явление, безусловно развившееся на базе творительного собственно социативного, оформившееся как особое значение творительного социативного, надо полагать, еще в общеславянский период, так как уже в древнейших памятниках письменности славянских языков творительный качественной характеристики представляет собой особую по значению группу.

Творительный качественной характеристики, обозначая предмет несамостоятельный по отношению к главному предмету, грамматически связан только с существительным, обозначающим этот определяемый предмет. Поэтому он совершенно не влияет на выбор глаголов в предложении и может употребляться при существительном как в именительном, так и в любом другом косвенном падеже (ср. *палка с резиновым наконечником была у него в руках, он держал палку с резиновым наконечником* и *он ударил палкой с резиновым наконечником* и т. д.).

Характеризуя предмет, творительный падеж может выступать в предложении в качестве определения и в качестве именной части составного сказуемого.

а) Творительный социативный качественной характеристики, обозначающий характерные особенности лица, предмета.

Чаще всего творительный социативный качественной характеристики служит для обозначения характерных особенностей лица или предмета, касающихся их внешнего вида (*человек с голубыми глазами, диван с высокой спинкой*). Значительно реже творительный падеж употребляется для определения сущности предмета или лица, их предназначения (*знамя с серпом и молотом, люди с белыми повязками и красными крестами на рукаве, человек с дурным характером*).

Приведем примеры из текстов древних славянских языков.

Старославянский: ...і оужасадѫж сѧ о оученіи его. ѥко съ власт҃ьіж вѣ҃. Мар., Лук. IV, 32, 208_{27}. Ассем., Лук. IV, 22—32, 195_{6}. ...Твоѥ мышьца съ сілоѫ ...Син. пс., I, XXXVIII, 14, $117_{в}$. Пріѧсте же тѣло иско. і обисте є ризами съ ароматы. Мар., Ио. XIX, 40, 396_{17}.

Древнерусский: *Въ то же лѣто бяше буря велика съ громомь и градомь, и хоромы раздьра* ...Новг. 1, 21, л. 11. *Двор боярской, на дворе строенья: горница в глухом подклете с сеньми, против ее клетка на подклете, изба приворотнея, погреб с выходом осыпной, на погребе онбар с навесом...* А. х. Мор, 58.

Древнечешский: *Hlédaj, Jakub patriarcha, ješto měl dvě ženě: nekrassí s očima potuchlýma.* Št., O. v., 127, 1. *vyhlédají jako škaredí drakové s velikými zuby.* Chelč., S. v., 265, 1.

Верхнелужицкий: *Pscheto gdiby zwascheye gromasischny prczisschel jeden Musch s ję̇dnim slottim perszczeniem...* Br. Jak., 5, 8. *Ia cu tebi wele bolosczi naczinicz kdsch ty schczaschkim schivotom budzesch.* Katech. War., 97, 7.

Древнепольский: *Nye bǫ́dzecze geczcz myǫ́ssa se krwyǫ́.* B. Z., 84, 28. *Tako udzyela wszitky czky stanowe. S ktorich dwadzyeszczya k stronye poludzenney bili przeczyw poludnyu, se cztyrmy dzeszyǫ́t postawky szrzebrnimy.* B. Z., 74, 17.

Приведем примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: *Народ са патријархалним појмовима могао је врло лако поверити једном старешини управу над целом земљом...* Марк., Срб. на ист. *Свет се расклони у два реда, пуштајући напред инвалида: красног, једрог момка, с мушким лицем и жалостивним осмејком око усана.* Лаз., Прип.

Словенский: *Kmalu za malo kneginjo je vstopil zajeten, debel mlad človek z ostriženo glavo...* Tolst., Vojna in mir. *Ko je ugledal Jernej od daleč, tam pod klancem, belo hišo z zelenimi okni...* Cank.

Русский: *Яков — русый, белолицый, сероглазый, с доброй улыбкой, а Егор — смуглый, похожий на цыгана, в ухе золоченая серьга, с недоверчивым, насмешливым взглядом далеко расставленных карих глаз из-под широкого, выпуклого лба.* Глинка, Старос. пов. *Судьба сапожника также была ясна, потому что пьесы с двояким решением вопроса редко попадали на сцену.* Леонов, Дор. на ок.

Украинский: *Зсушила мене молода дівчина з карими очима, з чорними бровами.* Чуб. V, 81. *Піп з бородою. Відро з дужкою. Уродила жінка дитину з трома головами.* Ж. С. III, 346 (Тимч., 102).

Чешский: *Poznal tu tmavou tvář s tupým nosem a malýma, sivýma očima.* Jir., Skal. *Také tam byla lenoška s vysokým, vycpaným lenochem a nizkými opěradly pro lokte...* Němc., 5 pov.

Словацкий: *Dedina s bielymi krovmi a s vežou, s ktorej počuť zvonenie, ako by sa bola tiež pustila k moru...* Kukuč. *Už sme mali... svoju vlastnú republiku s revolučnou vládou.* Jilem., Kron.

Польский: *Daniłko, teraz już wysmukły, osiemnastoletni, ładny chłopak z pociągłą, różową twarzą, cienkimi usty i filuternymi oczami, przez cały prawie dzień pomagał Pawłowi sznury kręcić i haczyki robić.* Orz., Cham. *Ciągną one długim sznurem, jeden za drugim, kołysząc jukami na obie strony, każdy z szyją wygiętą w hak, przed każdym człowiek w długich szatach, z białym zawojem na głowie.* Sienk., L. Afr.

Кашубский: *Bjałkj nosélé zgło s krótkjmj rękôvamj, mucé ceplè s długjmj wuszamj.* Cen., Skôrb.

Итак, во всех славянских языках творительный социативный качественной характеристики употребляется для обозначения признака предмета. Однако в некоторых славянских языках (польском, сербохорватском и словенском) творительный признака нередко заменяется синони-

мичными конструкциями, активно конкурирующими с творительным качественной характеристики.

В польском языке творительный признака заменяется конструкцией местного падежа с предлогом *c*, в сербохорватском и словенском — родительным падежом без предлога. Особенно часто эти конструкции употребляются при описании внешности человека или внешнего вида предмета.

Польский: *nizko, prawie tuż nad falą, leciał, długi czas jakiś niewielki ptak o pomarańczowym upierzeniu i pstrych skrzydłach.* Sienk., L. Afr. *Przesuwamy się wzdłuż domów o ciemnych oknach.* Sienk., L. Afr. *... drzewa z resztkami żółtych liści, o gałęziach czarnych od wilgoci, a zarazem nieco zatartych przez mgłę, wydawały się już zupełnie obumarłe.* Sienk., Nov. I.

Сербохорватский: *У карловачкој пивари беше до 15 простака, сами Сремци, лепи високи људи, јуначког стаса и здравог и ведрог лика.* Атан., Два идола. *Окружни прота, Јован Иванић, један је леп господин: човек висока стаса, црне масти, орлова носа, крупних очију.* Мил., Међудн. *Возари, који се редовно риболовом баве, људи су здрави и крепки, ванредно развијених мишића и истрајни.* Нуш., Крај охр.

Словенский: *Eden izmed njih, širokih pleč, krivogled in velikega štirioglatega obraza, je rekel.* Ost. r. *Visoka, polna dama ponosnega obraza in njena okrogloličnа, smehljajoča se hčerka sta prišumelī v salon.* Tolst., Vojna in mir.

Интересно, что условия употребления обеих конструкций (местного и родительного падежей) — одни и те же.

а) При наличии определения при существительном.

Польский: *Ptak o pomarańczowym opierzeniu* 'птица с оранжевым оперением'. *Dom o ciemnych oknach* 'дом с темными окнами'.

Сербохорватский: *Човек около педесет година, мало сувоњав, шпицасте браде и носа.* Игњ., Чуд. св. *Диван, такође пространи, висока наслона, кожом застрт, бјеше мање очуван.* Мат., Ускок ('диван с высокой спинкой'). Ср. *... а при источном забату издигла се кула на два боја с прозорчићима.* Мат., Ускок ('башня с окнами').

б) При условии, если существительное обозначает неотъемлемую, неотделимую часть предмета, органически с ним связанную, а определение при нем — ее (части) постоянный признак.

Польский:

1. *... drzewa o gałęziach czarnych od wilgoci* 'Деревья с ветвями, черными от влаги'.

Ср.: 2. *Drzewa z resztami żółtych liści* 'Деревья с остатками желтых листьев'.

1. *Chłopak o włosach jak len jasnych* 'Мальчик с волосами, как лен светлыми'.

Ср.: 2. *Człowiek ... z białym zawojem na głowie* 'Человек... с белой чалмой на голове'.

Сербохорватский:

1. *За овим гласом уђе усред собе леп млад човек, витког и високог узраста, бледог лика, црне косе, црних обрвица и црних, великих ватрених очију* 'За этим голосом появился посреди комнаты красивый молодой человек... с черными большими глазами'. Атан., Два идола.

Ср.: 2. *Мисли како ће његова млáда и мајка бити у црним марамама, са исплаканим, црвеним очима* 'Его молодая и мать будут... с заплаканными красными глазами'. Дом., Укид.

1. *Диван, такође пространи, висока наслона, кожом застрт, бјеше мање очуван* 'диван с высокой спинкой'. Мат., Ускок.

Ср.: 2. *У џепу прслука златан сат са великим злáтним ланцем* 'В кармане жилетки золотые часы с большой золотой цепочкой'. Игњ., Чуд. св.; ... *говорило се, да је она увек била повезана главе.* 'Говорят, что она всегда была с повязанной головой'. Станк., Неч. крв.

В последнем примере употребление родительного падежа объясняется тем, что признак *с повязанной головой* стал уже не случайным, а постоянным признаком лица, на что указывает наречие *увек* 'вечно'.

В сербохорватском языке можно указать на одно условие, при котором невозможна замена творительного падежа родительным: при характеристике не самого человека (глаза человека, лицо человека, волосы человека и т. д.), а отдельных частей его тела (*руки с костлявыми пальцами, глаза с черными бровями, голова с выпуклым лбом* и т. д.).

Например: *И Софки онда, на ужас, одмах би упадале у очи његове руке, кратке, мађаве, већ исте као у оца и онај Марков здепаст врат са сниским челом и извученим, високим потиљком.* Станк. Неч. крв. *Баба Симка ју је купала. Полако зналачки, својом руком са већ као пергаменат отврдлом кожом ...* Станк., Неч. крв.

Рассмотренные синонимичные конструкции характерны только для современных польского, сербохорватского и словенского языков. Их почти нет в древнепольском и древнесербском языках. Следовательно, рассмотренные предложные конструкции сравнительно поздно семантически сблизились с творительным социативным качественной характеристики, вступив с ним в отношения синонимичные (при указанных ограниченных условиях).

В древнепольском языке нам встретился пример употребления местного падежа с предлогом *o* при определении количественного признака предмета. Он относится к XV в.: *Chwalcze gospodna w|gesszlyech, y w zoltarzu o dzeszyǫczy strun spyewaycze ye|yetu.* P. P., 52, 32.

В Флорианской псалтыри тот же пример передан без предлога: *W szaltarzu dzesǫczy strun.* Местный падеж здесь употреблен для указания, из скольких частей, членов состоит предмет. В таком же значении местный падеж с предлогом *o* употребляется в русских диалектах и фольклорных текстах (*стол о трех ножках, палка о двух концах, змей о двенадцати головах* и под.), встречается в народных говорах чешского языка. Не исключена возможность, что и в польском языке первоначально местный падеж употреблялся только в сочетании

с числительным для определения количественного признака, и лишь позднее он стал употребляться для обозначения качественного признака при условиях, указанных выше.

Следующий пример из древнечешского языка также подтверждает эту точку зрения: *A okolo něho mnoho rozličných lidí viděl: jedny o jednom oce, a jiné o jedne noze... jiné o dvú hlavú, jiné s psíma hlavama.* Výb. d. II, 63.

б) Творительный социативный качественной характеристики, определяющий предмет по его содержимому, составу.

Примеры из текстов древних славянских языков.

Старославянский: ... и ѩзвлачиша трьстиѥ съ плътиж ѥго ... Супр. 270_3.

Древнерусский: *...пироги съ блинцы, и съ рыжики, и съ груздми, и съ макомъ, и съ кашею, и съ репою, и съ капустою, и съ орѣшки въ соку, и коровацы съ чѣмъ Богъ послалъ.* Дом., 106.

Древнечешский: *Protož viera v nich stojí jako kostnice s mrtvými kostmi* Chelč., S. v., 283, 4.

Примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: *Он јој предао кључеве од сандука са новцима.* Станк., Неч. крв.

Русский: *...их сопровождал Илья Сарафанов — тащил две корзины с продуктами.* Андр., Шир. теч.

Украинский: *Казав собі коня дати войскового, вороного, шаблю из похвою, фляшку з горівкою.* Гол. I, 6 (Тимч. 102).

Чешский: *Vtom to s té strany, kde pracoval tesař, zapraskalo, heklo a potom těžce žuchlo, jako by se svalil pytel s moukou.* Čap., Pr. parta.

Словацкий: *V ruke držal kotlík so snehovou vodou.* Jilem., Kron.

Польский: *I bez żadnej ceremonii, a nawet bez dalszych wyjaś — nień doręczył panu Ignacemu album z widokami Warszawy.* Prus, Lalka, II.

Кашубский: *Przé wòbleżenju ząmków abi mjast wużivalé wónj, kamjenj, grankóv s varę abo górącim wóleję...* Cen., Rozm.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ СОЦИАТИВНЫЙ ЦЕЛИ

Творительный социативный цели обозначает цель совершения действия (*пришел с предложением, приехал с просьбой*). По своему значению и грамматическим условиям употребления (в основном при глаголах движения) он наиболее близок к творительному собственно социативному неодушевленного предмета. Своеобразие значения творительного социативного цели обусловливается тем, что он выражен отвлеченным существительным при обязательном выражении субъекта существительным одушевленным. Ср. *он пришел с топором* (творительный собственно социативный неодушевленного предмета) и *он пришел с просьбой* (творительный социативный цели). Правомерность выделения социативного цели подтверждается возможностью замены творительного падежа при-

даточным предложением цели: *Он пришел с предложением — он пришел, чтобы предложить. Он пришел с просьбой — он пришел, чтобы попросить. Он пришел с извинением — он пришел, чтобы извиниться* и т. д. Ср. *Он пришел с корзиной*, где подобная замена невозможна.

Творительный социативный цели — одно из вторичных значений, возникших на базе творительного собственно социативного. По памятникам письменности творительный социативный цели почти не представлен. Некоторые примеры древних славянских языков могут трактоваться двояко. Так, в древнесербском языке отмечены два примера, в которых творительный падеж может быть понят и как творительный социативный цели и как творительный социативный сопровождающего предмета: *Зато гпгѥ молимо гптво ви бꙋди ви млть гптва ви. ꙋписати ни и свѣтовати смѣю ли наши трьгоци слобоно с трьзми приходи*... Стој I., 187. *И да гредꙋ ваши лꙋдиѥ по моѥи земли сь трьгомь: безь вьсакѥ боѣзни.* Стој. I. Неясно, означает *ли ходити с трьзми* ходить с торгами' — 'ходить с товаром' или 'ходить торговать'.

Древнерусский: *Тои же зимы приѣха Михаило Пинещиничь из Низу со лживымь посольствомь...* Новг. 1, 82, л. 137.

Древнепольский: *...a iuszescye przyszly ku mnye s potrzebǫ́ przesdzǫ́cznǫ́?* B. Z., 172, 36.

В современных славянских языках творительный цели наиболее употребителен в русском языке и в языках западной группы.

В современном сербохорватском языке примеры с творительным цели очень редки и могут заменяться другими конструкциями: ... *а вратару је заповеђено да свакога ко дође на честимаље само позове на ручак.* Толст., Рат и мир.

В современном русском языке употребление творительного цели значительно расширяется по сравнению с древнерусским языком: *придти с делом, придти с извинением, с извещением, с предложением, бежать с жалобой, обратиться с просьбой* и т. д. Например: — *А что? Вы думаете, я приехала к вам так, с женской болтовней?* Погод., Когда лом. копья. *Не протягивать руку с мольбой, не вымаливать кусок хлеба у богача, а взять свое по праву, с бою — таков смысл песни.* „Правда" 11 мая 1953 г.

Чешский: *Miller, Homola a Kolátor přišli s návrhem na dobrovolnou chudobu.* Čap., Tov.

Словацкий: *Uvedomovala si, že chlapci prišli na ňu s klamstvom.* Jilem., Kron. *Hned' som sa dovtípil, že ten človek neprišiel ku mne iba s pozdravením.* Jilem., Kron.

Польский: *...kiedy w nieszczęściu jedni sprzysięgli się przeciw nam inni opuścili nas, on pośpieszył z pomocą...* Prus, Lalka, II ... *Komitet proponuje, aby zwrócić się do tych samych sędziów z prośbą o wybranie... najleprzych prac i wystawienie ich.* Przegl., 26 (1—4) III, 1953 г.

Кашубский: *Tãkə tĕn χlùəp-sȯd nãcŏ.u̯n sĩe̯ svȯu̯ sprãvȯu.* Lor., Sl.

К творительному цели относятся некоторые формы творительного падежа, входящие в устойчивые словосочетания (*обратиться с просьбой, с призывом, возобновить переговоры с целью* и под.).

Следует заметить, что сравнительно неширокий круг конструкций творительного падежа, обозначающих цель, ускоряет процесс их перехода в разряд устойчивых словосочетаний. Собственно таковыми воспринимаются уже и такие выражения, как *пришел с предложением, с просьбой* и др. Сравнительно же неширокое распространение творительного цели объясняется значительными грамматическими ограничениями его употребления (почти исключительно при глаголах движения в формах отглагольных существительных).

К творительному социативному цели следует отнести также творительный с предлогом *с* при глаголе *посылать*, обозначающий действие, совершение которого является целью основного в предложении действия (посылать). Ограничимся тремя примерами.

Древнерусский: *И увѣдавше Нѣмци, прислаша послы с молбою...* Новг. 1, 88, л. 147 об. *И посылаютъ къ женихову отцу съ вѣстью, что венчалісь въ добромъ здоровье.* Котош., 152.

Польский: *Do powiatu posyłamy z wiadomością żeby przyjeżdżał instruktor, który waszą wieś zna ...* Twór.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ СОЦИАТИВНЫЙ ВРЕМЕНИ

Творительный социативный времени обозначает событие, действие, явление, время года и т. д., с наступлением которых, как бы их сопровождая, начинает проявляться другое действие, выраженное глаголом. Это значение творительного социативного возникло поздно. Оно свойственно только современным славянским языкам. Значение сопровождения творительного времени очевидно: *Я с солнцем встаю* (действие субъекта сопровождает действие предмета, выраженного творительным падежом).

Творительный социативный времени может означать:

а) момент времени, с которого начинается то или иное событие (*с зимой пришли холода*);

б) действие, одновременно с которым началось другое, выраженное глаголом (*он проснулся с первыми лучами солнца*);

в) ряд последовательных моментов, по мере наступления которых развивается какое-либо действие (*с каждым днем он хирел*).

Приведем примеры по языкам.

а) Сербохорватский: *Нема да вредна снаја подрани рано са сунцем ...* Нуш., Крај. охр.

Русский: *...придет к нему счастье, с ней все его невзгоды и горести исчезнут, как изчезает туман с появлением солнца.* Андр., Шир. теч.

Украинский: *Я з сонцем встаю.* Полт. п. (Тимч., 101).

Чешский: *Mnohé z nich patřily dni a s dnem zemřely.* F., Výb. ze st.

Польский: *Pewnego dnia, jakoś z końcem kwietnia, został Kazimierz wysłany z sierżantem kompanijnym... do Końskich...* Krucz., Kord. ch. *Brano mu także za złe że z wiekiem stał się pobożnym i podejrzewano jego szczerość.* Sienk., Now. I.

Кашубский: *... zamjerzélé sobje jich czésto zowòjovac abo przénômnj jim stôrą, mjłą, naturalną vjarę védrzèc, mészląc, skòro takj vstęp mdą mjec, to jich s czasę gvésno vénarodovją é jim całi krôj wòdbjerzą.* Cen., Rozm.

б) Сербохорватский: *Ту је сав онај реализам који је тада царовао у јевропској књижевности а у нашу недавно почео улазити с преводима руске приповетке и романа...* Јован, Предг. *С падом Обреновића бирократија је добила неограничен простор...* Марк. Срб. на ист.

Украинский: *З вашим поворотом і я повернувся.* Київ, п. (Тимч., 101).

Чешский: *s jeho životem končilo pro něj vše.* F., Výb. ze st.

Польский: Powiem, że był on jednym jeszcze aktem rządowej samowoli, jako wydany z pominięciem sejmu... Krucz., Kord. ch.

Нижнелужицкий: *Ssodmym sslowom wôn poruczi sswoj duch do božeje Ruki.* Čas. mać.

Сербохорватский: *Али у исто време и сами су примали са сваким даном у говору или начину живота понешто од староседелаца* — Иво Андрић (Ивич, 182).

Русский: *Он слабел с каждым днем.*

Чешский: *Přesto však s každou novou scénou Nových lidí stoupal chlad hlediště...* F., Výb. ze st.

Польский: *Z każdą chwilą zwiększa się ich natręctwo, a zmniejsza moja cierpliwość.* Sienk., L. Afr.

Творительный социативный времени, представляя в славянских языках новообразование, генетически не связан с творительным времени беспредложным. В отличие от творительного времени беспредложного он не содержит прямого указания на время действия, а лишь косвенное указание — относительно другого явления или действия. (Ср. *товарищ ушел вечером* и *с этими словами он ушел*).

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ СОЦИАТИВНЫЙ КОСВЕННОГО ОБЪЕКТА

Во всех славянских языках творительный с предлогом *с* употребляется при некоторых глаголах для обозначения предмета, на который направлено действие или по отношению к которому совершается действие. Творительный косвенного объекта употребляется с глаголами *быть*, *случаться*.

Сербохорватский: *Дакле, како је са старим Антом?* Ђun., За крухом. *ђока оде кући, но сад није могао више околишити већ је признао све, што се с њим сбило...* Игњ., Чуд. св. *зна, шта се овде с Мађаром догодило.* Атан., Два идола.

Словенский: *Kaj bo jutri z menoj.* Cank.

Русский: *Ну, Аннушка, что будет мне с тобою, не вѣдаю — объявил о тебе отцу твоему!* Ист. Фр. Скоб., 67. *В эфтих местах со всеми бывает...* Мат. по русской диалектол.

Украинский: *Що буде с нами? Батько догадається, що я тобі помагаю и уже конець буде з нами.* Чуб. II, 188 (Тимч., 97).

Чешский: *Tu bylo s Jankem zle.* Němc., Nár. bách. *Co asi je s Franckem, zasnila se Lidka.* P., Hrá s ohn. *Co se s ním asi stalo, s bledým lepičem Miškeříkem.* P., Lidé na kříž.

Словацкий: *Môj milý pane, s Fjodorom bolo to vel'mi zle.* Jilem., Kron. Ked' *videl nepochopitel'nú zmenu, čo sa so Strmeňom stala...* Jilem., Kron.

Польский: *Ze mną było to samo.* Sienk., L. Afr. *A cóż stałoby się. z plantacjami, gdyby niewolnicy mieli własną osobność, ludzkie dążenia i ludzkie snuli marzenia?* Wojt., Czarn. *Dźań dobri, sómśadze! — zawołał Adam — aźjak tam z waszim źitam?* N. Wyb. (хелминско-добжинский диалект).

Кашубский: *Jakźe, moj Kochani, będzje s jęzikjem?* Cen., Rozm.

В языках сербохорватском, чешском, словацком, польском в том же значении при глаголах *быть, случаться* употребляется форма дательного падежа (обозначает лицо, испытывающее какое-либо действие).

Сербохорватский: *Шта је теби Јосипе? — упита она све више чудећи се.* Вес., Од срца. *Од како је она у кућу дошла, од то доба није прошао један знаменити дан у години да нам се није каква незгода догодила.* Атан., Два идола.

Чешский: *Co ti je? Co se mu stalo? Stalo se jí neštěstí. Stala se jim takova příhoda.*

Польский: *Co ci jest? Zdarzył mu się wupadek. Zdarzyło mu się nieszczęście.*

В русском языке дательный падеж при глаголе *случаться* употребляется в сочетании с формой инфинитива в ином значении: *Случилось ему бывать в больших городах, в этот день случилось ему ехать одному безлюдной дорогой* (глаголом *случаться* в сочетании с дательным падежом подчеркивается случайный характер действия).

Творительный объекта с глаголами *делать (с кем), обращаться (с кем), возиться (с кем), обходиться (с кем), управиться (с кем), нянчиться (с кем)* и т. д. Приведем примеры из текстов древних славянских языков:

Старославянский: ...а҆ ли ты съ клеврѣтомъ свои҆мъ моудиши. враждѫ дръжѧ̀ како можеши и҆ти къ мирьнѣи трепезѣ и҆ господьни... Супр. 422_7. ...кто оубо тѣхъ трии икръниил мьнить сѧ быти въпадъшѭоумоу въ разбойникы онъ же рече. сътвореши милость съ ним... Мар., Лук. X, 37, 245_2. Благо сътворилъ еси съ рабомь твоімъ гі... Син. пс. CXVIII 65, $159^a{}_1$.

Древнесербский: *Шнимь хок*[ѥ] *ѹчини*[т] *како с вашѣмь дльжнико*[м]. Пов. 155 (1406 г. Дубровник). *Scijeńahu imat što činit s ovijem zemal-*

skiem gujami koje mi ližu zemlju. М. Држић II, 288 (Ивич, 176).

Древнерусский: *и бил челом он, Исай, чтобы ему, Исаю, дали сроку марта до 16 числа, и хотел с крестьянишки моими во всем разделатця.* А. х. Мор., 115, № 53. *Водится с кумою, волочится с сумою.* Сим. 87.

Древнечешский: *On skrze ně muož činiti cožkoli chce s těmi národy.* Chelč., S. v. 190, 27.

Древнепольский: *Uczyn s nyǫ́, czso chczesz.* B.Z., 17, 30.

Приведем примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: *Знала је, да они то и тако са њоме не могу да чине.* Станк., Неч. крв. *Todora je dabome vrlo grizla savest, što je tako postupio sa Ilijom...* Nuš.

Словенский: *o, kako brezbožne so bile tvoje besede, in kako hudo je storila krivica s tvojim srcem!* Cank. *Tudi se ni upiral, ko so ravnali z njim kakor z bolnikom...* Cank. *Kaj uganjate komedije z njim?* Cank.

Русский: *Я не хочу писать! Мне отвратительно возиться с бумажонками, когда кругом бьются насмерть!* Фед., Гор. и годы. *Посмей тебе сказать, что ваш Чебаков фокусничает с наукой, как ты мгновенно делаешься синей от негодования.* Погод., Когда лом. копья.

Украинский: *Що маю робити з Вами?* (Тимч., стр. 97). *Страх мені не хочеться з старим дідом морочиться.* Ном. 12536 (Тимч., 99).

Чешский: *Teď vyšel chvatně pan Kejřík a přistoupil ke kočáru, kde se paničky s omdlelou paní radovou obíraly.* Ner., M. pov. *Zacházela s bratrem jako s hodným malým chlapečkem* P., Lidé na křiž.

Словацкий: *Pozri, čo sa robí pod Žilinou ... čo robia Nemci s našimi na východe ...* Jilem., Kron.

Польский: *A z taką Walczykową nie ma co się bawić... Niech ją zarząd na wstyd poda.* Twór.

Кашубский (словинский диалект): *Cèš jä̆u̯ — mȯu̯m s — tȯu̯ — travö̆u̯ na — tĭm-dãcä čińĭc?* Lor., Sl.

Творительный косвенного объекта стоит несколько обособленно в ряду других значений творительного социативного. Трудно установить его непосредственную связь с творительным собственно социативным. Очевидна близость некоторых случаев его употребления к творительному взаимного действия. Почти все глаголы второй группы косвенного объекта могут быть употреблены как глаголы взаимного значения: *обращаться (с кем) — обращаться друг с другом, возиться (с кем) — возиться друг с другом, обходиться (с кем) — обходиться друг с другом, нянчиться (с кем) — нянчиться друг с другом, справиться (с кем) — справиться друг с другом, заниматься (с кем) — заниматься друг с другом, церемониться (с кем) — церемониться друг с другом* и т. д.

В этом случае один из участников действия является пассивным, не производящим обратного воздействия на субъект. Поэтому взаимное действие становится уже односторонним, имеющим лишь одно направление — от субъекта к объекту.

Сербохорватский: *Ну да се упознамо са историјом овога манастира, треба да уђемо унутра где ћемо ваљада што научити.* Нуш., Краj. Охр.

Чешский: *Přišel den, já se musel rozloučit s chaloupkou.* Němc., 5 pov.

Словацкий: *Dať taká pušku, to je, ako keby si sa mal raz navždy rozlúčiť aj so svojimi horami.* Jilem., Kron.

Польский: *Niepokój ów potęguje się wreszcie do tego stopnia, że człowiek poczyna się z nim zmagać i mimowoli zadaje sobie pytanie, skąd się to bierze?* Sienk., Now. I.

* * *

Изложенные выше наблюдения позволяют сделать ряд общих выводов.

Социативное (сопроводительное) значение во всех современных славянских языках выражается творительным падежом с предлогом *с*. Исключение составляет сербохорватский язык, в котором наряду с предложной конструкцией творительного социативного встречается творительный социативный беспредложный. Творительный социативный с предлогом *с* заменил собой более ранний творительный социативный беспредложный, единичные случаи употребления которого мы находим в старославянском и древнерусском языках. Эти языки и современный сербохорватский язык свидетельствуют, что процесс утраты творительного социативного беспредложного начался в праславянскую эпоху и наиболее интенсивно проходил в группе творительного собственно социативного. Творительный социативный беспредложный в памятниках письменности встречается лишь в значениях, производных от творительного собственно социативного, к каким относится прежде всего творительный образа действия.

Творительный социативный предложный отличается от старого беспредложного некоторыми новыми значениями. К таковым относится творительный цели, творительный времени, сформировавшиеся в поздний период. Другие значения творительного социативного, возникновение которых относится к праславянскому периоду, в отдельных славянских языках получили особое развитие. В ряде случаев их интенсивное развитие связано с новым периодом истории славянских литературных языков (см. творительный образа действия).

В современных славянских языках различаются следующие группы творительного социативного: творительный собственно социативный, творительный социативный образа действия, творительный социативный качественной характеристики, творительный социативный цели, твори-

тельный социативный времени, творительный социативный косвенного объекта. Выделение указанных групп творительного социативного проведено на основе учета ряда грамматических и лексических факторов, из которых особое значение приобретает порядок слов. Порядок слов в некоторых случаях обусловливает переход одного значения в другое.

Творительный социативный качественной характеристики является единственной группой творительного социативного, которой свойствен синонимичный параллелизм в трех современных славянских языках — сербохорватском, словенском и польском. Особенностью синонимичных связей творительного качественной характеристики является соотнесенность его с двумя различными конструкциями — родительным падежом беспредложным (сербохорватский язык) и местным падежом с предлогом *o* (польский язык). Обе синонимичные конструкции активно конкурируют с творительным падежом в одинаковых условиях. Вероятно, конструкция местного падежа в польском языке первоначально была возможна только для определения количественного признака и лишь позднее стала употребляться для обозначения качественного признака предмета.

Глава третья

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ

Инструментальное (орудийное) значение творительного падежа является одним из древних его значений, несомненно, существовавших в праславянском языке.

Почти во всех славянских языках (старославянском, русском, украинском, белорусском, чешском, словацком, польском, кашубском) творительный инструментальный является беспредложным. Поскольку предложные конструкции вообще вторичны, развиваются из беспредложных, мы имеем основание полагать, что в перечисленных выше славянских языках творительный инструментальный вообще никогда не имел предлога.

В нескольких славянских языках (верхнелужицком, нижнелужицком, словенском, а также в говоре кашубских словинцев) орудийность, как и другие значения творительного падежа, выражается творительным падежом с предлогом *с*, в болгарском языке — предлогом *съ* в сочетании с несклоняемой формой. В лужицких, словенском и кашубском языках эта черта обычно объясняется влиянием немецкого языка, в болгарском — аналитизмом.

Несколько обособленно в этом отношении стоит сербохорватский язык, в котором орудийность обычно выражается беспредложной конструкцией творительного падежа, но в котором возможен и творительный инструментальный с предлогом *с*. Существует мнение, что особенно распространены предложные конструкции в чакавском и кайкавском говорах[1]. Однако эта черта проникла и в сербохорватский литературный язык.

Творительный инструментальный в лингвистической литературе обычно называют творительным орудия или средства, внутри которого не выделяются какие-либо группы (см. Vondrák. Vergleichende slawische Grammatik, II, стр. 345; F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen, IV, стр. 689; Ф. И. Буслаев. Историче-

[1] L. Zima. Nekoje, vec'inom sintaksične razlike između čakavštine, kajkavštine i stokavštine. Djeja jugoslav. Akad. znanosti i umjetnosti, kn. VII. Zagreb, 1887, стр. 241—242; М. Ивић. Значења српскохрватског инструментала и њихов развој. Београд, 1954, стр. 4.

ская грамматика русского языка, стр. 258; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 341—342; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 269). Характерно в этом отношении следующее место из новой академической „Грамматики русского языка": „Основным, наиболее типичным для творительного падежа является значение орудия и средства, при помощи которого производится действие ... например: *писать чернилами, резать ножом, расколоть топором, влиять своим авторитетом*" [1].

Иногда в качестве критерия разграничения двух групп творительного инструментального — творительного орудия и творительного средства — выдвигается признак вещественности или отвлеченности существительного, стоящего в творительном падеже. Для этой точки зрения, по нашему мнению, нет оснований. Невозможно различать *не оружьем ся бьевѣ, но борьбою* [2] или *он убил ее ножом* и *он убил ее известием*. В первом случае мы имеем дело с прямым, во втором случае — с переносным употреблением одной и той же разновидности творительного инструментального — творительным орудия.

Мы выделяем в творительном инструментальном следующие группы:

I. Творительный орудия: *он разрезал хлеб ножом, он засыпал яму лопатой, он выкрасил пол кистью, он расколол дрова топором, он позвонил звонком, он помахал платком.*

II. Творительный средства [3]: *он вспахал поле волами, он убрал хлеб комбайном, он ехал поездом, он прилетел самолетом.*

III. Творительный вспомогательного материала или содержания [4]: *он покрыл стол салфеткой, он засыпал яму землей, он выкрасил пол краской, он накормил ребенка кашей.*

При выделении указанных групп творительного инструментального мы исходим из учета исторической судьбы выделенных групп в славянских языках (их расширение или полная или частичная замена синонимичными конструкциями).

Однако творительный орудия, творительный средства и творительный вспомогательного материала различаются и семантически.

Творительный средства возможен при глаголах переходных и непереходных.

Творительный вспомогательного материала обозначает предмет, который либо присоединяется к объекту с целью произведения в нем вещественных изменений (*выкрасить дом краской, закрыть окно зана-*

[1] „Грамматика русского языка". Изд-во АН СССР, 1952, I, стр. 126.

[2] Е. А. Седельников. Функции непредикативных конструкций с творительным падежом в древнерусском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1953, стр. 5.

[3] См. о выделении значения посредничества у М. Ивич в статье „О предлогу по у српскохрватском језику". — „Јужнословенски филолог", 19, књ. 1—4. Београд, 1951—1952, стр. 185, § 8.

[4] Выделение группы творительного вспомогательного материала внутри творительного инструментального сделано впервые Лосем (См. „Funkcye narzędnika". — „Rozprawy akademii umiejętności". Serya II, t. XXV. Kraków, 1905, стр. 113).

веской), либо потребляется и тем самым обусловливает совершение самого действия (*отоплять комнату углем, освещать квартиру электричеством, накормить ребенка молоком* и т. д.).

В зависимости от лексического значения глагола одно и то же существительное в форме творительного падежа может иметь значение то творительного орудия, то творительного материала: *он протер очки платком* (творительный орудия), *он закрыл окно платком* (творительный материала), *мальчик ударил собаку палкой* (творительный орудия), *мальчик припер дверь палкой* (творительный материала).

Творительный средства обозначает определенный круг предметов: машины, животных, человека.

1. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ОРУДИЯ

Творительный орудия при глаголах переходных

Разграничение групп творительного орудия при глаголах переходных и непереходных обусловлено различием в значении творительного в зависимости от переходности или непереходности глагола.

В данном разделе мы рассматриваем наиболее типичные случаи употребления творительного орудия — а именно употребление его при переходных глаголах, где творительный падеж обозначает, с помощью какого орудия или какой части тела субъект производит преобразование в объекте. Само значение основ переходных глаголов предполагает, с одной стороны, наличие деятеля, который это действие реализует, а с другой стороны — наличие прямого объекта, на который это действие направлено.

Сюда же мы относим творительный орудия при возвратных глаголах на том основании, что в них непереходность — вновь приобретенное уже в исторический период развития славянских языков качество, обусловленное потерей лексического значения возвратной частицей (*ся, se, sa, się*), исторически представляющей собой винительный падеж возвратного местоимения. Значение прямого объекта до сих пор чувствуется довольно явственно во многих возвратных глаголах (*он защищается оружием* — он защищает себя оружием; *она забавляется куклой* — она забавляет себя куклой).

По лексической значимости существительных в творительном падеже внутри творительного орудия при глаголах переходных целесообразно выделить три группы:

Творительный орудия, выраженный существительным вещественного значения (*ударить топором, убить ножом, написать пером, подгонять палкой*).

Творительный орудия, выраженный существительным отвлеченного значения (понятие, явление, действие: *убить известием, подгонять криком*).

Творительный орудия, выраженный существительным, обозначающим часть тела или орган чувств человека или животного, с помощью ко-

торого совершается действие или воспринимается что-либо (*убить кулаком, сжать пальцами, хлопать рукой*).

Как мы увидим ниже, выделенные группы в разной степени подвержены процессу адвербиализации, свойственному творительному инструментальному.

а) Творительный орудия, выраженный существительным вещественного значения.

Эта группа является наиболее устойчивой, не допускающей по славянским языкам синонимичного параллелизма.

Как следует из самого определения, орудие в этой группе обозначается существительным с вполне конкретным вещественным значением. То же можно сказать и о лексическом значении глагола, обозначающего конкретное переходное действие, производимое субъектом. Приведем из огромного количества примеров некоторые.

Примеры из текстов древних славянских языков.

Старославянский: ... **или почто не сьвѣштавааcте сѧ на манаскѭ ѥгда ѥсаиѭ пилоѭ прѣтираaше.** Супр., 397. **начѧтъ оумыкати нозѣ оученикомъ і отирати лентиемь. імьже бѣ прѣпоѣсанъ.** Ио. XIII, 5, Мар., 371_{15}, Зогр. 162; Ио. XIII, 93, Савв. 82, Ио. XIII, 3—17, Ассем., 117_{11}.

Древнесербский: ... *и зато сѣми нашими листьми рєчнога протовистиꙗря ѿ всега ѡсвобаѣмо.* Стоj., 178, 30. ... *и тизи сꙋ листи ꙋ лонетє дєржикꙗ ѥдєн ѥ пєчакѥнь моимь прьстєномь а дрꙋги печатью вєликомь.* Стоj. I, 72, 6—7.

Древнесловенский: *nebo je tepechu metlami i prinizše ogni pečachu, i měci tnachu* ... Vondr., Frisinské památky, 57, II, 100.

Древнерусский: *Нѣкогда же пришедшу ему к неи и уснувшу, она же хотѣ его ножем зарѣзати,* Моск., 31, л. 35. *И приведоша я́ къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша вѣдромь и льяша в латки.* П. вр. л., 88.

Древнеукраинский: *А оу ставу ... ловити сѣтью ѥму добровоулно.* Укр. гр., 6, 12.

Древнечешский: *Téhož léta łuh zkopachu, druhého rádłem zorachu.* D. chr., 7, 134. *A muož ta siet vytáhnúti z moře hlubokých hřiechuo a těžkých, když se kto sietí táhnúti dá.* Chelč., S. v. 11. 28.

Нижнелужицкий: ... *humosch moju duschu s twohim mchtzom.* Niedersorb. Ps., 15, 13.

Древнепольский: *Kgdisz kto zelazem urazi kogo, y umrze ktoris iest urazon, vinyen bǫ́dze mǫ́zoboystwa* ... B. Z., 129, 3 ... *ienze rosgnyewaw syǫ́ nagle, bil kiem boki gey.* B.Z., 114, 25.

Примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: *Пилипенда уздахну, одмахну главом, па захватив половину, сасу га у врелу воду, па мјешајом проврти кашу.* Мат., С мора. *Он убриса зној рукавом, па рече.* Вес., Сл. из сеоск. жив.

Словенский: *nato mu odsekaj glavo z mečem, ki bo visel izpod stropa.* Bev. *Kmet je pokazal z bičem na polje...* Cank.

Диалекты: *Lumìŋ oŋ — má daŋ-iŋvìt, k-o-óni wȍkъw; tó-səužgə̀z nìn fɯlmináŋtaŋ.* Б. Ю.-сл.

Русский: *А на дворовой избе баба стряпуха ... взяла да ухватом все горшки перебила в печи.* Тург., Беж. луг. *По ночам усольцы ловят рыбу „пауком" — плоским сачком, прикрепленным к длинному, из цельного ствола молодой березки шесту.* Нагиб., Паук.

Украинский: *Ти мене тов шпильков уколола.* Kolb., P. IV, 87 (Тимч., 35). *Палашем посїк того змія.* Чуб. II, 179 (Тимч., 36).

Белорусский: *И якъ ён валокъ, то дубомъ позавалявъ много хатъ и подавивъ людей.* Карск., Мат. *Бачиць, бабы идуць по воду; якъ углядзѣли воўка, да давай его биць коромыслами.* Шейн., Мат. II.

Чешский: *I běžela to staré povědět, která bez meškání spícímu princovi ostrými nůžkami opatrně několik vlasů ustříhla.* Němc., Nár. bách. *Brendl si sňal brýle a horlivě je čistil velkým modrým kapesníkem.* Řez., Nást.

Словацкий: *...milý pán notár, ktorého vláčili po kriminálоch a hladili býčou žilou, napokon im pri transporte zutekal ...* Jilem., Kron. *Ach, aký kat! Išiel so skupinou svojich paholkov, švihal plačúce detičky korbáčom.* Jilem., Kron.

Верхнелужицкий: *A we žywośe by śi cašne rězało kaž z nožami.* Čas. mac'. *Woni koša jemu křud, z kotrymž jich bije.* Kubš., Knjez a rob.

Польский: *Podano sandacza, którego Wokulski zaatakował, nożem i widelcem.* Prus, Lalka, II. *Chował się, ten znajda, u gazdów w sąsiedztwie i zawsze widać go było, jak wielkimi widłami wyrzucał grój z obory.* Wyb. p.

Кашубский: *... ã-te nə̀-bälə f-kúo̯mjīn přäbjī̃te třìemī gəzʒmī́.* Lor., Sl. *Klin klinę sę vébjjô.* Cen., Skôrb.

В древнечешском языке нам встретилось два примера одного и того же автора, в которых орудийность выражается предложной конструкцией: *Aniž chce toho trpěti, aby kto s celú sietí viery lovil ...* Chelč., S. v. 65, 19. *A když to učinichu popadli jsú aneb zahrnuli sú ryb mnozstvie veliké, až se s nimi siet jich trháše.* Chelč., S. v. 7, 4. Как известно, орудие и средство выражается в современном чешском языке, его говорах и в древнечешском творительным падежом без предлога. Приведенные случаи употребления творительного орудийного с предлогом *с* можно объяснить, вероятно, только влиянием немецкого языка, которое проявилось в языке памятников XIV—XV вв.

б) Творительный орудия, выраженный существительным отвлеченного значения.

Эта группа по значению и своим синтаксическим связям ничем не отличается от группы творительного вещественного орудия. В ней также творительный падеж обозначает орудие, которым субъект воздействует на объект: 'наказать его гневом', 'предать его лобзаньем' и т. д.

Творительный 'гневом', 'лобзаньем' также обозначает орудие (хотя оно и не вещественное), с помощью которого человек производит действие.

Выделение группы творительного отвлеченного орудия в отличие от творительного конкретного вещественного орудия не представляет трудностей. Однако известные затруднения представляет разграничение групп творительного отвлеченного орудия и творительного отвлеченного вспомогательного материала или содержания (ср.: *вывести его из задумчивости вопросом, засыпать его вопросами*). Для разграничения этих двух групп мы пользуемся приемом подстановки.

Например, сравним:

I	II
Этого не исправишь песнями.	*Связать уста свои молчаньем.*
Поразить их известием.	*Осыпать лицо поцелуями.*

Первые два примера употребления творительного падежа мы относим к творительному орудия, так как глаголы *исправить, поразить* требуют наличия при них существительного, обозначающего орудие (*исправить замок инструментами, поразить их мечом*); вторые два примера относим к творительному материала, так как глаголы *связывать, осыпать* обычно употребляются с творительным материала (*связать руки веревкой, осыпать друга снегом*). Перевод действия из отвлеченной области в конкретную дает возможность правильно отнести творительный инструментальный к творительному орудия или вспомогательного материала.

Примеры из текстов древних славянских языков.

Старославянский: ...**ранами и҆ съмрьтьми и҆ мѫками безмѣрънами досаждаа҆ше и҆м.** Супр., 87_{10}. ...**Іс҃ же рече емоу июдо. лобъзаниемь ли сн҃а чл҃скааго прѣдаеши.** Мар., Лук. XXII, 48, 300_{20}...**и твоимь именемь бѣсы изгонихомъ.** Мат. VII, 22, Мар., 20. Зогр. 8, 8.

Древнесербский: *Кто ли се ѡбрѣте преслꙋшавь повеленѥ кралевьства ми да се накаже гневомь наказаниемь кралевьства ми* ... Стоj. I, 17. ... *потом же повелѣ затворити ихъ въ темницу, морѧ ихъ' жаждою и гладомъ.* Жит. св. Н., II, 25.

Древнесловенский: *Poneže zavistju by neprijazninu vignan od slavi božije* Vondr., Frisinské památky, 55, 9. *vede stvoril ili nevede nudmi ili lubmi.* Ibid., 60, III, 32.

Древнерусский: *И поразихь вы зноемь и различными казньми.* П. вр. л., 113. *Молю, и паки молю престаните отъ злоб и от всякихъ душетлѣнныхъ дѣлъ и очистимъ истиннымъ покаяниемъ, яко да милостивъ Господь помилуетъ отъ грѣхъ.* Дом., 19.

Древнечешский: *Učiec je slovem i příkladem.* Št., O. v., 231, 2. ... *že své hřiechy pláčem shladí.* Fl. Nov. r., 163, 2006.

Нижнелужицкий: *Ty hich s gnadu kronujosch ak s janim shtzitom.* Niedersorb. Ps., 4, 13.

Древнепольский: *Vszmyerzal yesm postem duszę moyę...* P. P., 57, 21, 34—16. *Rani czǫ pan byadǫ, y zymniczǫ, y zymnǫ gorǫczosczǫ, y wyodzem, y powyetrzim skazenya, y rdzyǫ.* B. Z., 149, 4.

Примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: *Он не проговори ни ријечи, чинило му се, да би којом му драго бесједом оскврнуо њихову бол.* Ђір., За крухом. *Пошто је народним устанком уништена турска државна система, у народу је моментално настало безвластије.* Марк., Срб. на ист.

Словенский: *Mislil je, da ji bo s tem dokazal svojo ljubezen...* Bev. *Zrl je v breg, lovil s pogledi stezo in stopnice ter zaradi solnca rahlo zapiral veke.* Bev.

Русский: *Криками и выстрелами их остановили, — через десять минут все снова были в сборе.* Фурм., Чап. *Умоляю вас чувствами супруги, любовницы, матери, всем, что ни есть святого в жизни, не откажите мне в моей просьбе.* Пушк., Пик. д.

Украинский: *Генерал давай їх утішати, що тепер вони йому непотрібні, що він їх не буде насильною работою морити.* П. М. Хрв., 191. *Вчи лінивого не молотом, а вчи голодом.* Ном., 11021 (Тимч., 34).

Белорусский: *Тата праўду сказаў, што трэба розумом ваяваць, а не тапаром.* Я. К. Т. *Госці воплескамі спаткалі гаспадыню...* У. Турскі.

Чешский: *Štíhlý důstojník k ní do okna vzhledl a pohledem i úsměvem pozdravoval.* Jir., Fil. hist. *Proč ani nejkrutějším terorem nelze zničit komunistickou stranu...* F., Vyb ze st.

Словацкий: *Popadla ho divá žiadosť schytiť toto stvorenie, krásne a splašené, pritisnúť ho k srdcu a zadusiť odpor vrelými bozkami.* Kukuč. *Hľa, veď aj vtedy, keď Miško mučil svoju strapatú hlávku sčítaním, pozeral chvíľami na hradskú...* Jilem., Kron.

Верхнелужицкий: *Uschitzy druhy k njemu pschistupiwschi jeho s wokoschenjom postrowichu.* S., K. a m. *Zo by z nuchanjom mócnje wonjacych kwětkow wostudne spanje sebi zac'ěrjała.* Páta, Serbsk. č.

Польский: *Żyd opiera się, ale majestatyczny pan jednym argumentem rozcina jego wahania.* Prus, Lalka, II. *Umilkł, jakby się własnym głosem zadławił.* Krucz., Kord. ch.

Кашубский: *Wòn robj vszétko gębą, a wuczinkę nic...* Cen., Skôrb.

в) Творительный орудия, выраженный существительным, обозначающим часть тела или орган чувств человека или животного, с помощью которого совершается действие или воспринимается что-либо.

Группа творительного действующего органа ограничивается определенным кругом существительных, обозначающих часть тела или органы чувств: рукой, ногой, кулаком, ладонями, пальцем, локтем, плечом, головой, губами, глазами, ушами, зубами, носом, горлом, телом, хвостом, крыльями и т. д.

Примеры из текстов древних славянских языков.

Старославянский: ... Іс҃ъ же низъ поклонь сѧ поъс҃томь писааше на земи. Ио. VIII, 6, Мар., 347_{12}, Зогр., 150. сп҃і десніцеѭ твоеѭ і оуслыші мѩ. Син. пс., XXII, 7, Сев. $143^{в}_{21}$.

Древнесловенский: *I da bim uslišal na sodni den tvo milost velju s temu, ježe vzoveš tvoimi usti: pridete, otca mega izvoljeni.* Vondrák, Frisinské památky, 54, 34.

Древнерусский: *олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома болъ.* П. вр. л., 162. ... *а ядят все рукою правою, а левою не приимется ни за что, а ножа не держать, а лъжицы не знають.* Хожд. Аф. Ник., 45.

Древнечешский: *Uzří osviecenie slavné jmene božieho okem člověčím.* Št., O. v., 52, 26.

Нижнелужицкий: *Moy pschiaschël... s nogoma mno teptzo.* Niedersorb. Ps., 47, 10.

Древнепольский: *Y weszmye kaplan krew gey palczem swim, a dotknye rogow oltarzowich.* B. Z. 78, 19. *A syna y dzewkǫ́ǫ́ aczbi rogem uderzyl, takyemusz szódu bǫ́dze poddan.* B. Z., 68, 21.

Примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: ...*После ових речи Бачванин протре руком своје очи.* Атан., Два идола.

Русский: ... *она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный, огненный поцелуй прозвучал на губах моих.* Лерм., Гер. наш. вр.

Отец засмеялся, крепко сжал меня коленями. Горьк., Детство. То же в диалектах: *Вырыла свинья яму рыломъ, легла въ нее, стало и свиньѣ холодно.* Онч., Сев. ск. *И дошолъ до рѣки, стоитъ мужикъ въ воды, бородой езъ заезилъ, а ртомъ рыбу хватаетъ.* Онч., Сев. ск.

Украинский: *Коню, мій коню, чом води не пйеш, а копитами сиру землю бйеш.* Чуб. V, 80. *Вона* (собака) *лапою двері одчинить.* Чуб. II, 53 (Тимч., 34).

Белорусский: *На Лексѣя щука хвостомъ ледъ пробиваець.* Нос. Бел. посл. *Мужикова жонка хлеб расчиняла, а ногой дзиця колыхала.* Шейн, Мат. II.

Чешский: *To je můj hoch, milostpaní! Těmahle rukama jsem ho vychovala.* Olbr., Anna pr. *Uhasil prsty cigaretu.* Řez., Nást.

Словацкий: *Vtedy som náhodou zbadal, že starý Chudík... vytrel si päsťou z oka slzu.* Jilem., Kron. *Kto by chcel hlavou prebiť mur, rozbije si hlavu.* Jilem., Kron.

Польский: *Rzecki schwycił się obu rękoma za głowę.* Prus, Lalka, II. Диалекты: *Pos'li dali, přys'li do ryby, pchneli jo nogo ryba tylo jem ogonem podziękowała i posła w moře...* N., Wyb.

Кашубский: *Chto pòd łavą lègô, teho nogami kòpją.* Cen., Skôrb. *Głovą muré njeprzebjjesz.* Cen., Skôrb.

Творительный инструментальный орудия (при глаголах переходных) представляет чрезвычайно распространенное явление в современных славянских языках. Будучи, несомненно, свойственным праславянскому языку, творительный орудия в современных славянских языках употреб-

ляется часто за счет расширения лексического состава существительных — главным образом невещественного и абстрактного значения. С другой стороны, развитие творительного орудия идет в направлении изменения синтаксической функции (об этом см. ниже).

Особенностью творительного инструментального орудия при переходных глаголах является почти полное отсутствие в славянских языках различного рода синонимических конструкций. Только в польском можно редко встретить предложную конструкцию: *otworzył z klucza drzwi do swojego pokoju* 'открыл ключом дверь в свою комнату', Bieńk., Dach nad gl., в словацком: *uterla mokré ruky do zástery* 'вытерла мокрые руки фартуком', Sln. cesta, в черногорских говорах: *по прсту кажује* 'показывает пальцем'[1].

Особо следует остановиться на вопросе употребления в западнославянских языках на месте творительного орудия конструкции *przez* (польский), *skrz* (чешский) с винительным падежом.

Можно предположить, что эта конструкция заимствована западнославянскими языками (чешским, польским, кашубским, лужицким) из немецкого языка, вероятно, в период активной немецкой колонизации (XIV—XV вв.). Колонизационное движение в Словацкой области не было таким значительным, как в области чешско-моравской и, возможно, поэтому мы не находим никаких следов указанной выше конструкции в словацком языке.

В немецком языке предлог *durch* употребляется при обозначении неодушевленного логического субъекта и при обозначении орудия абстрактного значения (*durch das Dekret, durch diesen Beschluss* и т. д.).

В чешском языке оборот *skrze*+винительный падеж зафиксирован только в языке XIV—XV вв., где он употребляется параллельно с конструкцией творительного падежа. В современном чешском языке он не употребляется.

Примеры из древнечешского: *Přijde také člověk skrze to osviecenie k milování Boha...* Št., O. v., 180, 32. *Neb sú to vše nástrojové slúhy božího, aby tiem a skrze to Bohu slúžil k dobrému cierkve.* Chelč., S. v., 188, 14.

Очень часто употребляется оборот *skrze*+винительный падеж в пассивных конструкциях: *tehda nemohú skrze to zřiezenie božie spaseni býti.* Chelč., S. v. 158, 9. *Aby všickni do každého člověka (oklamáni byli) skrze znamenie a zazraky.* Chelč., S. v., 5, 17.

В польском языке оборот *przez*+винительный падеж употребляется не только в памятниках XIV—XV вв., но и в современном литературном языке и в диалектах. В современном польском языке конструкции с предлогом *przez* характерны только для существительных отвлеченного значения (но также наряду с творительным падежом); в древнепольском языке — большей частью для существительных абстрактного значения, но встречаются и с существительными конкретного значения.

[1] См. М. Ивић. О предлогу по у српскохрватском језику..., ЈФ, т. 19, кн. 1—4, стр. 186.

Примеры из древнепольского: *Tocz sǫ́ przikazania y sǫ́dowye y prawa, geszto iest dal pan myedzi sobǫ́ a myedzi synmi israelskimi na gorze Synay przes rǫ́kǫ́ Moyzeszowǫ́.* B. Z. 96, 4. *Czaruy my przes gusla ...* B. Z., 191, 24, *I zawola Farao mǫ́trczow a czarownykow, y uczynyly ony takyesz przez czary egipskye a nyektoree tagemnoszczy.* B. Z. 47, 22.

Ср.: *Y uczynyly takyesz czarownyczy Egipsczy swymi czary.* B. Z., 48, 31.

То же в современном польском: *Przez malowanie szczęścia uczy on moralności, przez prostotę — szlachetnych uczuć.* Brodz., Klas. *...sąd w słusznej troskliwości o całość Rzepowej, postanowił ją ubezpieczyć przez zamknięcie Rzepy w chlewku na dwa dni.* Sienk., Now. II.

Замена творительного падежа в польском языке оборотом *przez*+винительный падеж наблюдается значительно реже в современном языке, чем в древнепольском. В текстах XX в. нами не зафиксировано ни одного случая подобной замены. Это свидетельствует о непродуктивности, возможно, даже о тенденции к исчезновению оборотов *przez*+винительный падеж для выражения значения орудия в современном польском языке.

В кашубском и лужицком языках нами отмечено лишь несколько случаев употребления конструкции *przez*+винительный падеж в орудийном значении. Это не позволяет нам сделать определенных выводов о судьбе указанного оборота. Ясно только, что оборот *przez*+винительный падеж употребляется в них наряду с конструкцией творительного падежа. Приведем примеры:

Кашубский: *Spòré mjêsze vôgi roztrzigêł szêltés sąm, abo sobje jesz vezvêł do pòmòcé przésęznéch, czasę é całą gromadę przez wòbesłanjè kòzła zwòłêł ...* Cen., Rozm. *...ga-må-brâträ ńìęcă mjìę tå-krolš̄i̯stvă z-dùobrè vùǫbdac, te-jåu̯ jimă vĕi̯zńą přìęz-mječ tùǫ prêi̯č.* Lor., Sl.

Верхнелужицкий: *Alĕ ton swat Duch je mĕ pschĕs Evangelion powolal se swojimi darami rosswjecʒil.* Katech. War., 85, 13, 1. *Powjedasche ... schto bĕ Bóh psches jeho ruku bjes póhanami cʒìnił.* S., K. a m.

Нижнелужицкий: *...ten tu narod nemosche s nyczim wen wyczy, yeno psches modlitbu a posczene.* Ev. sv., Mark., 226, 27.

2. Творительный орудия при глаголах непереходных

Во всех славянских языках отмечена группа творительного орудия при глаголах непереходных, свойственная, в основном, современным славянским языкам. Этот творительный отличается от творительного „собственно орудия“ (при глаголах переходных) по своим семантическим и грамматическим признакам. Здесь объединяются случаи употребления творительного падежа при глаголах косвенно-переходных или непереходных, обозначающих действие или состояние (*махнуть платком, грозить палкой, моргнуть глазом, пожать плечами, пошевелить рукой, обрасти волосами* и т. д.).

Эта группа творительного орудия представляет большой интерес с точки зрения ее исторических связей. Большинство примеров твори-

тельного орудия при глаголах непереходных (при глаголах, обозначающих действие, но не состояние) обнаруживает очевидную связь с винительным объекта.

Во всех славянских языках мы находим группу творительного падежа, которую обычно квалифицируют как „творительный падеж объекта" (*бросить камнем, швырять хлебом, сеять рожью* и т. д.)[1].

А. М. Пешковский считает эти конструкции творительного падежа особенностью славянских языков[2].

Творительный падеж объекта обозначает предмет, полностью охваченный действием субъекта. Грамматическим признаком этой группы является то, что глагол, употребляясь в приведенных выше конструкциях в роли непереходного, может выступать и в роли переходного, соответственно требуя винительного падежа объекта вместо творительного падежа: *бросить камень — бросить камнем, швырять хлеб — швырять хлебом, двинуть стул — двинуть стулом* и т. д.

В каждом конкретном случае „переходные или непереходные глаголы ... определяются по сочетаемости с винительным падежом прямого дополнения (т. е. синтаксически)"[3].

Обе конструкции (*он бросил камень — он бросил камнем*) существуют во всех современных славянских языках одновременно, не вытесняя одна другую (хотя в одних славянских языках одна из этих конструкций может быть более распространенной, чем в других). Это происходит потому, что хотя конструкции *он бросил камень — он бросил камнем* чрезвычайно близки по смыслу, но ими передаются, как указывал А. А. Потебня, весьма важные оттенки мысли: „... между глаголом с творительным и глаголом с винительным возникает та разница, что в первом случае внимание сосредоточено на самом действии, которое может быть бесцельно, а во втором — на дополнении, в котором выражена ближайшая, вполне определенная цель движения"[4].

Отличаясь друг от друга оттенками одного и того же значения, конструкции с винительным и с творительным падежом вступают в отношения синонимичные. Но функция объекта в целом продолжает оставаться в рамках одного падежа — винительного.

Творительный объекта не является предметом нашего специального исследования. Нас интересуют те случаи употребления творительного падежа, когда творительный падеж теряет связь с винительным прямого объекта, выражая не только иной оттенок, но и иное значение, иные отношения. Так произошло с творительным падежом, обозначающим

---

[1] См. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 341; J. Łoś. Funkcje narzędnika w języku polskim. — „Rozprawy Akad. umiejętności", XXV, 1905, стр. 135 и другие работы.

[2] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 282.

[3] „Грамматика русского языка", I. Изд-во АН СССР, 1952, стр. 414.

[4] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II. Харьков, 1888, стр. 457.

часть тела (*пошевелить рукой, покачать ногой* и т. д.). Творительный падеж здесь передает смысл уже иной по сравнению с винительным объекта. Творительным падежом обозначается часть тела человека, в которой, по выражению Потебни, „действие становится заметным".

Потеряв связь с винительным объекта, творительный части тела перестает играть роль синонимичной винительному падежу конструкции. Этот творительный оформляется уже как творительный орудия, с помощью которого действие вообще проявляется. Приведем примеры.

Русский: *Я устал ... сказал он и задвигал бровями, силясь поднять веки.* Чех., Попрыгунья. *Бабушка, качая головою, молчит минуту.* Горьк., Детство. Ср. *После обеда Тема идет в сад, где ветер уныло качает обнаженные деревья.* Гар., Детство Т. *Экая скрытная! А вот я кое-что про тебя узнал (она не изменилась в лице, не пошевельнула губами, как будто не об ней дело).* Лерм., Гер. наш. вр. Ср. *Бабушка, снимавшая разорванную кофту, укоризненно сказала ... и плюнула на пол: „Чтоб у тебя язык вспух, не пошевелить бы тебе его, не поворотить!"* Горьк., Детство.

Чешский: *Mnohý z nich kočímu to štěstí záviděl, mnohý taky nad tím vrtěl hlavou, jak takový ničemný člověk tak veliký čin mohl vykonat ...* Erb., Poh. *Poslední rudá stráž otáčí hlavou za ujíždějícími vagony.* F., Výb. ze st.

Словацкий: *Mlýnár sa na mňa díval, krútil hlavou a čakal, čo odpoviem.* Jilem., Kron. Ср. *Ten krúti hlavu..., a že neverí.* Vážný.

Польский: *Zakrystian w szafirowych okularach, kłania się, poruszając przy tym lewą łopatką...* Prus, Lalka, II. *Oglądaj się, oglądaj — mruczał — to ja ci się obejrzę! Patrzcie go! Nie może duchem usługiwać., tylko będzie nogami włóczyć, jak stara krowa na marszu.* Sienk., Now. I.

Кашубский: *Njekòżdi kąszô, co vąsami pòtrząsô.* Cen., Skôrb. *Jak zdéchél, pôlcami réchêl, bo beł grôcz.* Cen. Skôrb.

В других случаях оформление творительного орудия в отличие от значения объекта идет по линии закрепления за ним определенного лексического состава существительных. Это значит, что при одном и том же глаголе одни существительные (в форме творительного падежа) выступают в значении орудийном: *хлопать ушами, разводить руками*; другие существительные при том же глаголе — в значении объекта: *хлопать его по плечу, разводить мосты.*

Здесь мы наблюдаем различия по славянским языкам. Так, в чешском языке глагол *máchati* обыкновенно, как и в русском, употребляется с творительным орудия (*máchati šavlí — махать саблей*). Но он же может управлять и винительным падежом объекта (*máchati prádlo* в значении 'полоскать белье'). В польском языке тот же глагол (*machać*) также может управлять винительным объекта, но в другом значении: *Tyle wszyscy gadają o nowych formach w architekturze, tyle się szkolą i dyskutują, a czy ktokolwiek potrafi jak on machnąć taką robotę bez*

wysiłku, szybko, starannie i to tak, aby do niczego nie można się było przyczepić? Bieńk., Dach nad gł.

В русском языке глагол *махать* не управляет винительным падежом. Но, например, другой глагол *ломать* требует в русском языке всегда винительного падежа, в чешском и сербохорватском языках в том же значении (в сочетании с существительным *рука, руки*) — только творительного падежа.

— *Какие надежды он подавал нам всем! — продолжал Коростелев, ломая руки.* Чех., Попрыгунья.

Чешский: *Už jí bylo v sednici tolik, že stará odtud musela do sínĕ utéct; tu lomila rukama a bĕdovala.* Erb., Poh.

Сербохорватский: *Djevojke blijede kao krpe lomile rukama.* Šen., Sabr.

В русском языке глагол *кивать* — абсолютно непереходный (*кивать головой*), в украинском языке он имеет способность сочетаться с винительным объекта некоторых существительных (*кивати батіг*). Приведем некоторые параллели по славянским языкам, где, при одном и том же глаголе, мы встречаем одни существительные — только в значении орудия, другие — в значении объекта:

Русский: *Щелкать зубами — щелкать его по носу, бить ногами — бить кон, мотать головой — мотать нитки, дергать головой — дергать бороду* и т. д.

Украинский: *Кивати головою, кивати батіг.*

Чешский: *drkotati zuby* 'стучать зубами', *drcnuti ho* 'стукнуть его', *pokrčiti ramenem* 'пожать плечем', *pokrčiti šaty* 'почистить платье'.

Словацкий: *tlieskat' rúčkami* 'хлопать ручками', *tlieskat' tĕsto* 'хлопать тесто', *prepletat' nôžkami* досл. 'переплетать', 'переступать ножками', *prepletat' košík pentlemi* 'переплетать корзинку лентами', *rozkladat' rukami* досл. 'раскладывать', 'разводить руками', *rozkladat' knihy* 'раскладывать книги'. Приведем примеры из текстов.

Сербохорватский: *Крцун се намрштн, мрдну обрвама и заврти главом.* Мат., Ускок. *Пошто се обуче, Степан Аркадијевић ... поправи рукаве кошуље ... и отреснувши марамицом ... изађе... у трпезарију.* Толст., Ана К.

Русский: *Зимой, когда море замерзло и нельзя было больше ездить, верные друзья ходили по берегу ... щелкали зубами.* Гар., Детство Т. Ср.: *Дед „десять процентов" пощелкал меня по золотым твердым жабрам и засмеялся.* Пауст., Избр. *Дед кричал, бил ногами по скамье.* Горьк., Детство. Ср.: *Когда Тема прибежал к игравшей в пуговки ватаге, озабоченно и взволнованно следившей за движениями Гераськи, в третий раз победоносно собиравшегося бить кон, Тема облегченно вздохнул.* Гар., Детство Т. *Встряхнув кудрями, он согнулся над гитарой.* Горьк., Детство. Ср.: *Одевшись, Степан Аркадьич ... выправил рукава рубашки, привычным движеньем рассовал по карманам папиросы, бумажник, спички, часы с двойной цепочкой и брелоками и, встряхнув платок, ... вышел ... в столовую.* Толст., Анна К. ...*Ну-ка, Акуля, встряхни коклюшки.* Горьк., Детство.

Чешский: *Drak se svíjel jako klubko, řval, až bylo hrozno, tloukl sebou a šlehal na vše strany plamenem...* Erb., Poh. Ср.: *tloukl máslo* 'взбивал масло'. *Potom postřikl mouchu z druhé tykvice živou vodou, a moucha začala sebou házet...* Erb., Poh. Ср.: *házet kamen* 'бросить камень'. *Alina pokrčila nosem.* P., Hra s ohn. Ср.: *pokrčiti šaty* 'почистить платье'.

Словацкий: *Ružena hodila rukou.* Sln. cesta. *Žmurkol na Ruženu a hodil hlavou.* Sln. cesta. Ср.: *Michal hodil lopatu na uhlie.* Sln. cesta.

Польский: *Ukłonił się niezgrabnie, machnąwszy łbem niby źrebak.* Bieńk., Dach nad gł. *...i machnął ręką na pożegnanie sekretarzowi.* Bieńk., Dach nad gł. *Machnęli kawał roboty — z uznaniem stwierdził Stehlik.* Bieńk., Dach nad gł.

Наконец, некоторые непереходные глаголы, обозначающие действие, в славянских языках могут употребляться исключительно с творительным орудия. Эти глаголы мы называем абсолютно непереходными.

Примеры из текстов древних славянских языков (примеры единичны).

Старославянский: ...и ржкама плѣштѧ ликоуіж. Супр., 332, 23. ...і пѣны тѣштитъ, и скрьжьштетъ зжбъи своіми. Зогр., Марк. IX, 18, 62.

Древнерусский: *Сего Ладона, бѣса, по нѣкаких странахъ, и донынѣ на крестинахъ и на брацѣхъ величаютъ, поюще своя нѣкія пѣсни, и руками о руки или о столъ плещуще ...* Густинск., 257.

Древнечешский: *Na Niemce mečem máva a velikú jim hrózu dáva.* D. chr., 182, 19. *A protož Buoh jim tu hrozí hladem, vězením i jiným zlým.* Št., O. v., 93, 2. *Tehdy král lev rukú kynu...* Fl. Nov. r., 41, 33.

Древнепольский: *Y rosgnyewal syǫ Balaak przeczіw Balamowi, klasw rǫkama, rzekl...* B. Z., 117, 25. *Wszytczy lyudzye, klyesczczye rękama; spyewa | ycze bogu wgloszye | wyesszyelya.* P. P., 80, 14, 46—1. *S | trzecz będze grzeszny prawe | go, y skrzytacz będzye nayn | zęby swymy.* P. P., 61, 22, 36—12. *Nyewyeszyelczyeszye nademnǫ, gysz to szye przeczywyayą mnye zgloblywye gysz nyenawydzyely | mye zadar y mygaly oczyma.* P. P., 58, 15, 34—22.

Примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: *Чича Радован само слеже раменима.* Вес., Слике из сеоск. жив. *Стока се успролетала по пашњацима; гушчић и лупају крилима и деру се.* Вес., Слике из сеоск. жив.

Словенский: *Gospodski človek pa je pogledal, skomizgnil je z ramen in je hitel dalje.* Cank.

Русский: *Грушницкий слывет отличным храбрецом; я его видал в деле: он махает шашкой, кричит и бросается вперед, зажмуря глаза.* Лерм., Гер. наш. вр.

Украинский: *А він на бáльку сидит і ногами махайи.* Г. Р. Д., 12. *Тівий, що аж зубами скрегоче.* Ф. Г. Р. П. 5483 (Тимч.).

Белорусский: *Гануля махнула рукамі.* Я. К. Т. 92. *Гольці ківаюць галавамі.* Я. К. Т. *Мышка бегла, хвостиком мотнула, и разбила...* Ром., Бел. сб.

Чешский: *Kýval těžkými automobilistickými brýlemi na ruce a blížil se ke skupině před stolem.* Řez., Nást. *Trnec cvakl závěrem samopalu.* Řez., Nást. *Standa mžourá ospale očima.* Čap., Pr. parta.

Словацкий: *Karol Janovský zaškrípal zubami...* Sln. cesta.

Нижнелужицкий: *Potom pak kiwascho pschijaschelie s glowu.* Serb.

Польский: *Przypomniała sobie, że na obiedzie ma być Wokulski i mimo woli wzruszyła ramionami.* Prus, Lalka, II. *Białe rączki panny Anieli zadrgały, zatrzepotały, zaszeleściły kartkami Poezyj...* Krucz., Kord. ch. *Puść — woła Madzia majdając nogami w powietrzu.* New., Pam. z Cel.

* * *

Несколько обособленно от рассмотренных выше случаев стоит группа творительного орудия при глаголах, обозначающих состояние, выяснение исторических связей которой требует специального исследования.

Рассмотрение этой группы в одном разделе с творительным типа *махнуть платком* основано на учете семантики конструкций творительного падежа. Творительный орудия при глаголах состояния обозначает предмет, через который обнаруживается состояние (*кишеть мухами, поникнуть ветвями, зарасти травой* и т. д.). Однако, синтаксические особенности рассматриваемых конструкций (употребление при глаголах состояния) обусловливают несколько особый оттенок значения творительного падежа — оттенок причины или источника: *город сиял огнями, лес шумел голосами* и под.

В русском языке нам встретилось несколько случаев употребления творительного орудия (при глаголах состояния), которые на сербохорватский язык переведены типично причинными конструкциями — родительным падежом с предлогом *от: Он втянул голову в плечи и хотел иметь жалкий и покорный вид, но он все-таки сиял свежестью и здоровьем.* Толст., Анна К.

Сербохорватский: *Међутим лице му је сијало од свежине и здравља.* Толст., Ана К. Русский: *...ему захватило дыхание, что-то подступило к горлу, и глаза его заблестели слезами.* Толст., Ана К.

Сербохорватский: *...дисање му застада, нешто га стеже у грлу и очи му се засијаше од сузе.* Толст., Анна К.

Группа творительного орудия при глаголах, обозначающих состояние, отмечена нами и в древних славянских языках: старославянском, русском, украинском, чешском и польском. Очевидно, она была представлена и в праславянском языке.

Старославянский: **Что ли ꙗко зимѣ глаголет еуаггелистъ быти въ то врѣмѧ. въ неже смокы листвиѥмъ красоуꙗше.** Супр., 352_6.

Древнерусский: *Тако сущу оруженицу стоящимь на немь, блистакуся щити и оружници подобни солнцю.* Гал. Вол., 510. *И се, за мо-*

литвами пресвятой Богородицы, повелѣніемъ Божіимъ, тихое море внезаапу бурею возкипѣ. Густинск., 237.

Древнеукраинский: *Нечаянно же узрѣвъ на главѣ ея вѣнецъ лучезарный и Божества свѣтомъ возсіявшіе очи, вельми удивился.* С. У. ж., 489. *Медомъ каплютъ уста твоя.* С. У. ж., 487.

Древнечешский: *Ale na základ se všecko ssulo a porostlo lesem.* Chelč., S. v. 5, 24. *A také abychom pláli velikú milostí k Bohu, jest přeužitečno,* Št., O. v. 51, 39.

Древнепольский: *Bǫdzeli chczesz miloscivi pan, wyedze nasz w nyǫ a podda nam zemyǫ mlekyem a myodem czekǫczǫ.* B. Z., 103, 9. *Blyskay blyszkawyczǫ ytrzszkawyczǫ yrozproszysz'.* P. Fl., 308, 34, 143—147.

Примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: *Он се наслонио на самац камен, сав обрастао уоколо бршљаном...* Ђуп., За крухом. *Djevojka pristupi grobu, razmaknu rukom grmlje i ubra napokon velik, liep karamfil, koji se je divno žario rumenilom.* Šen., Sabr.

Словенский: *Borovci so šumeli, trste se trepetale, drevje je šklepetalo z vejami...* Bev.

Русский: *Пыль, все такая же, неподвижно стояла над говором гудевшими, остановившимися войсками.* Л. Толст., Война и мир (Шахм., Синт., Тв. орудия). *Крыша мастерской уже провалилась; торчали в небо тонкие жерди стропил, курясь дымом, сверкая золотом углей.* Горьк., Детство.

Украинский: *Доріженька... терном заросла, листом припала, червоною калиною понависала.* Метл., 255. *Вже тое мѣстечко людми осѣло.* Ак. Ю. З. Р., I, 85 (Тимч., 52).

Чешский: *Okolo Petra a Pavla kvetly, až svítily, a hučelo to včelami jako v úlu.* P., Lidé na kříž.

Словацкий: *Kde rubaniská bronely jahodami, zasychala l'udská krv.* Jilem., Kron. *Všetko, s čím sa musí uspokojit' človek, ktorý nesmie obrastat' sadlom.* Jilem., Kron.

Верхнелужицкий: *...do wysokeje runiny, kotraž je ze wšelakim drjewom rjenje porosc'ena.* Haš. Mar.

Польский: *Musiało być już dobrze po południu, bo w izbie szarzeć zaczynało brudnym zmierzchem...* Krucz., Kord. ch.

К этой группе творительного падежа следует отнести также творительный при глаголах со значением 'вонять', 'пахнуть'.

Сербохорватский: *Липа је мирисала божанским мирисом.* Вес., Од срца... *Кућа је задавала старежем и неугодним задахом.* Ђип., За крухом.

В сербохорватском языке при глаголах *мирисати, заударати* наряду с творительным падежом возможна конструкция винительного падежа с предлогом *на.*

Све мирише на пролеће, издашност, пластичност... Лаз., Прип. *Једино из оног тамокута у дну дворишта, где се сливала и скупљала нечистоћа, заударало је, на ђубре, на трулеж.* Станк., Неч. крв.

Семантически обе конструкции очень близки, однако существует и различие: творительным падежом выражается совершенно определенный запах какого-то вещества или предмета (*мирисати медем, цвећем);* предложная конструкция употребляется для выражения запаха, похожего, напоминающего что-то: *мириса на мед* означает, что пахнет не собственно медом, но 'как мед', 'похоже на мед'.

Словенский: в словенском языке при глаголе *dišati* 'пáхнуть' употребляется не творительный падеж, а предложная конструкция *по* + местный падеж, происхождение и условия употребления которой объяснить из-за недостатка материала не представляется возможным. Например: *Dišalo je po vinu; Víno po sq̑du dìši* (примеры из словаря Хостника).

Русский: *Но все это только приблизительные уподобления, потому что книга пахнет книгой, как вино — вином, уголь — углем, — она завоевала место в ряду с основными стихиями природы.* Фед., Необ. лето.

Украинский: ... (река) *барзо смердит смолою и сѣркою.* Пам. укр. м., IV, 27 (Тимч., 75).

Древнечешский: *a druhdy zlú řeč vypustí, ješto hněvem vonie.* Št., O. v., 41, 23. *kterážto poctivost všecka pýchú vymyšlená od světa smrdí.* Chelč., S. v., 268, 2.

Чешский: *Trochu čpělo benzinem, trochu zavánělo bahnem.* P., Hra s ohn. *Starý hochu, to smrdí konkursem...* Čap., Tov.

Словацкий: ... *tráva rozvoniavala medem i horkým liekom.* Jilem., Kron.

Польский: *Muchy łaziły i po wójcie tak, jakby po jakim zwyczajnym sobie ławniku, ale szczególniej nęciła je wypomadowana, woniejąca goździkami głowa pana Zołzikiewicza.* Sienk., Now. II.

Исходя из изложенного выше, можно выделить в славянских языках несколько групп глаголов, при которых употребляется творительный орудия, расположив их по признаку переходности или непереходности.

I. Глаголы абсолютно переходные, т. е. глаголы, выступающие в роли переходных с любым лексическим составом существительных. Творительный орудия при этих глаголах обозначает предмет, которым субъект воздействует на указанный объект: *написать (письмо) пером, срубить (сосну) топором, сбить (яблоки) палкой.*

II. Глаголы, которые с одним и тем же составом существительных могут выступать то в роли переходных, то в роли непереходных. Состав существительных, употребляющихся при этих глаголах, ограничен узким кругом существительных, обозначающих некоторые части человеческого тела. В зависимости от переходности или непереходности глагола меняется значение творительного падежа от значения объекта (пошевелить руку) до значения орудия (*пошевелить рукой).* Творительный орудия при этих глаголах обозначает часть тела человека, на которую направлено действие: *трясти головой, крутить пальцами, качать ногой.*

III. Глаголы, которые с одним составом существительных выступают в роли переходных, с другим — в роли непереходных. Состав существительных, выражающих орудие, также ограничен большей частью существительными, обозначающими части человеческого тела. Творительный орудия при этих глаголах обозначает предмет, которым производится действие: *щелкнуть бичом* (ср. *щелкнуть его по носу*), *перебирать ногами* (ср. *перебирать зерно*).

IV. Глаголы абсолютно непереходные, т. е. глаголы, выступающие всегда в роли непереходных.

Творительный орудия при этих глаголах также обозначает предмет, через который действие проявляется либо обнаруживается состояние субъекта: *скрипнуть дверью, махнуть рукой, всплеснуть руками, хлюпать носом, одежда блестит золотом, комната кишит мухами.*

В силу количественной ограниченности данных существительных, сочетания непереходных глаголов с ними в значительной степени приобрели характер устойчивых словосочетаний, часто переходящих в сочетания идиоматические (ср. *всплеснуть руками, лязгать зубами, хлопать ушами, шевелить мозгами, вертеть хвостом* и др. — в русском языке; *vrtěti hlavou* — в чешском языке; *krútiť hlavou* — в словацком языке и др.).

Творительный орудия при глаголах непереходных, безусловно, новое явление в славянских языках. Об этом свидетельствует резкое увеличение случаев его употребления в современных славянских языках по сравнению с языками древними. В древних славянских языках творительный орудия при непереходных глаголах (особенно при глаголах, обозначающих действие) представлен несколько однотипными конструкциями (в старославянском: **плѣшта ржкама, скрьжьштетъ зжбъи**; в древнепольском: *klasw rǫkama, skrzyталy sǫ zęby; zemyǫ plinǫczǫ mlekem a myodem*). Синонимичных конструкций творительному орудия при глаголах непереходных в славянских языках нет.

II. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ СРЕДСТВА

Творительный средства в историческом плане представляет собой творительный орудия, выраженный существительными, обозначающими ряд предметов, применение которых в качестве орудий характеризует определенную историческую эпоху. Однако группа творительного средства постепенно выделилась в особую группу, резко отличающуюся от остальных случаев употребления творительного орудия.

Особая судьба творительного средства обусловлена специфичной ролью предметов-средств в процессе труда. Как уже указывалось выше, при использовании предмета-средства субъекту принадлежит минимальная роль. Предмет-средство действует в известном смысле совершенно самостоятельно, выполняя волю субъекта (например, в древнерусском: *пахать поле волами, мять людей конем, держать Новгород сыном* и под.).

Грамматически самостоятельность предмета-средства выражается в возможности его выступать в том же действии в качестве субъекта (*прилететь самолетом — самолет прилетел; прибыть поездом — поезд прибыл* и под.).

Творительный средства был известен всем древним славянским языкам. Он возможен при глаголах переходных и непереходных. При глаголах переходных творительный средства обозначает человека, животное или машину, посредством которых совершается действие, переходящее на объект. При глаголах непереходных творительным падежом обозначается средство передвижения.

Рассматриваемая группа творительного падежа претерпела значительные изменения. Так, одна из разновидностей творительного средства, — творительный средства выраженный существительным, обозначающим лицо, человека (при глаголах переходных), полностью утрачена во всех славянских языках. На месте ее в современных славянских языках мы находим обычно конструкцию *через* + винительный или реже — другие предложные конструкции. Эта группа творительного средства отмечена нами в древних славянских языках.

Старославянский: **Іоаннъ же слышавъ къ жилиціи дѣла Хва, посълавъ оученикы своими рече емоу** Мат. XI, 2, Мар., 34_4. Зогр., 13. Ассем. 187_{15}. **Благословѣнъ єси господи боже и҃же рабомъ твоимъ даніилоⷨъ съверъгый змиѧ**... Супр., 229_9.

Древнесербский:

Людіє бѫлгарскіѧ, пр҃пбнє, прежде сѣдмірїѧ во тмѣ лютаго невѣрїѧ, тобою видѣша свѣтъ разѹма... Жит. св. Н. II, 17. *Бысть же тогда архїєп҃копь адріа҃тъ великїи. Тои бо ꙗко же оуслыша пришествїе ихъ, изыдє въ срѣтєніє имъ*... *Єгда же и вниⷣоша во градъ, велі҃ѧ и оужасна҃ѧ показа г҃ь оугодниками своими прославлѧѧ сты҃ѧ своѧ того прославлѧющиⷨ*. Жит. св. Н. II, 23. *Да к волѧнь г҃нь воєвода сандаль ѕ всако врѣмє ѕзети самь своѭ*[м] *главомь, или своими слѕгами.* Stoj. I, 363, 18.

Древнерусский: *Тогда же новгородци послаша мужи стареишти къ Гюргю: ѥже ти не угодьно дьржати Новагорода сыном, а въда ны брат'.* Новг. 1, 61 л. 94 об. *Дигитрию же чюдьную, иже по граду хожааше, святую богородицю съблюде ю богъ добрыми людьми, и ныне есть, на нюже надѣемъся.* Новг. 1, 49, л. 70 об. *Сего ради, понеже исперва родъ человѣческий женою съгрѣши, дьяволъ прельсти Евгою Адама, и отпаде рая.* П. вр. л., 73. *Князь же, осердясь, многими людми в тюрму ево оттащили.* Жит. Авв., 75.

Древнечешский: *Nemóžeš ty bez nich býti, beřiž si bátio na Rýn s nimi, dobudiž ciesařstva jimi.* D. chr., 112, 3. *Budúť námi smiéch płoditi.* D. chr., 21, 475. *Aby pán Buoh, choť věčný své choti, jimi neučil své vóli.* Št. O. V., 4, 4.

Древнепольский: *Bocz zasluzila mnǫ́ klamala.* B. Z. 114, 31.

В современных славянских языках подобные конструкции вышли из употребления. Единичные случаи этого типа изредка встречаются в говорах.

Украинский: *Жид не мав ким косити.* Kolb. P. IV, 190 (Тимч., 39). *Післала-ж би* (хустку) *й а своїм батеньком...* Е. 36. 36, 214 пор. (Тимч., 40). *Кабанів я охотниками обступлю і побйу.* Чуб. I, (Тимч., 39).

Польский:... *tegdi Iaroslaw sprzeczslawem oswadozil voznim to wstrǫcene.* Altp., 187.

Наиболее древние случаи замены этой группы творительного средства отмечены в древнерусском и древнечешском языках: в древнерусском языке в Густинской летописи (XVII в.), в древнечешском языке в памятниках XV в.

Глаголите царемъ, яко крещуся, понеже недавно извѣстно испытахъ през своихъ мужей... Густинск., 255.

Чешский: *Jevil jest duch svatý skrze proroka Daniele.* Št., O. v., 141, 16. ... *a jiní proroci, svatí apostolé, evangelisti i učenníci, skrze něž Buoh táhne k milování sebe všecky jihé řádu nižšie.* Št., O. v., 123, 8.

В старославянском и других древних славянских языках замена творительного средства не отмечена. Приведем случаи замены рассматриваемой группы творительного средства в современных славянских языках.

Сербохорватский: ... *И по нарочитом човеку послао с молбом.* Глиш., Прип.

Русский: *Теперь Хаджи-Мурат переезжал в Нуху с намереньем попытаться через своих приверженцев в Дагестане хитростью или силой вырвать семью от Шамиля.* Толст., Х. Мур.

Украинский: *Послать їх* (пиріжки) *через дружка до свого батька.* Чуб. IV, 578 (Тимч., 40).

Чешский: *Skrz něho jsem se dověděla, že jsi byla nemocna* (из разговорной речи).

Другим случаем полного вытеснения творительного средства новыми конструкциями является замена творительного средства при глаголах, обозначающих процесс ловли, охоты. В старославянском и древнерусском языках при этих глаголах употреблялся творительный средства.

Старославянский: ... **овьцѫ травѧштиймѫ вльꙗкомь. овьцеіѫ лачѫть ловьци** Супр., 328, 23.

Древенерусский: ... *а потом здравствуй, да добывай кречетами, а добыв кречетами по росписи, какова тебѣ дала, кому что добывать.* Собр. пис. Ал. Мих., 84, XXII. *Мертвым соколом ворон не ловяти.* Сим., 120.

В современном русском языке творительный средства при глаголах со значением ловли полностью вытеснен конструкцией винительного падежа с предлогом *на (поймать рыбу на червяка)*. Заметим попутно, что орудие при тех же глаголах выражается по-старому — творительным падежом (*ловить рыбу удочкой, неводом, сачком*).

Особое место в рассматриваемом значении занимает группа творительного средства передвижения при глаголах переходных (*привезти зерно лошадью*) и непереходных (*приехать лошадью*).

При глаголах движения творительный падеж обозначает или животное, которым действие совершается, или вид транспорта (*приехать поездом, машиной, самолетом*). Иногда при глаголах движения может стоять существительное, обозначающее не сам одушевленный предмет (животное), а приводимый им в движение предмет неодушевленный (сани, повозка, телега, воз и т. д.). Эту группу мы специально не выделяем, поскольку исторически эта группа примеров ничем не отличается от других случаев употребления творительного средства передвижения. Творительный падеж средства передвижения свойствен, в противоположность рассмотренным выше группам творительного средства, не только древним славянским языкам, но и современным славянским языкам (правда, по различным славянским языкам он имеет различное распространение).

Старославянский: і идошѧ въ поусто мѣсто кораблемь єдини. Зогр., Марк. VI, 32, 57.

Древнерусский: *Куряне... придоша коньми, а выгоньци галичскыя придоша по Днѣпру.* Ип., 164. *Пошли двѣма суды.* Хожд. Аф. Ник., 370. *А гдѣ будетъ ноугородець заѣхалъ лодьею или лавкою торгует, или староста, на том не взяти.* Гр. Н. Пск., 39, № 21.

Сербохорватский (отмечены примеры только в современном языке): *Свет радо излази у вече чамцима, али то тек Турци умеју како треба па чак и да допуне оно уживање.* Нуш., Крај. охр. *Колима би одлазили у Доње Врање на Чивлук.* Станк., Неч., крв., 27. *Нека бих коњем у гору текла.* I, 148. Дан., Срп. синт.

Словенский: *„Šel je Tonin“, mu je bilo ob spominu na prejšnji dan čudno grenko in tesno pri srcu. Toda ob dekletu je pazabljal na vse. „Pojdiva tudi midva“, je predlagal. „S čolnom“.* Bev. *Nekaj ribičev je z najlažjo barko odveslalo na morje, da poiščejo Mikolovo truplo,* Bev.

Русский: *Ты вот пароходом прибыл, пар тебя вез, а я в молодости сам, своей силой супроти Волги баржи тянул.* Горьк. Детство.

Украинский: *війшло іх вісім тисяч вороними кіньми.* Шух. Чуц. III, 178. *Золотов колясков по болоті їздила.* Kolb. P. II, 287. *Виїхав проти його козою.* Рудч. Ск. I, 55 (Тимч., 41).

Чешский: *Přiletěl ze Scotska aeroplánem...* P., Hra. s ohn. *Sám jej pak dovezl vozíkem k svému kolotoči...* Čap., Tov. *Někdy s ním Standa sjížděl klecí dolů do šachty.* Čap., Pr. parta.

Словацкий: *Přišiel vlakom, to mu bolo ľahšie.* Jilem., Kron. *A naozaj rozmýšľal som o tom. Stojí to za to postaviť tu chalupu, kus chodiť peši k vlaku a vlakom do roboty pol hodiny.* Sln. cesta.

Польский: *Czy nie mógłbym jeździć dorożką, albo tym oto trajkoczącym omnibusem z płóciennymi firankami?* Prus, Lalka, II. *Wprzódy koleją jechała, a od bliższego miasta jednokonną furmanką chłop jakiś za złotówkę ją tu przywiózł...* Orz., Cham. *Niedługo po zachodzie słońca przyjechał saniami Stasek.* Wyb. p.

Как видно из приведенных примеров, творительный средства передвижения чаще всего употребляется при глаголах *ехать* и *идти*. Параллельное употребление обоих глаголов характерно для древнерусского, древнебелорусского и староукраинского языков, а также для современного чешского языка.

Приведем примеры.

Древнерусский: *А лоткою ѣхать нелзѧ, а около Царицына города кругомъ степь...* Хожд. Ф. Кот. *Оныи же, иже за Днѣпромъ, поѣхаша противу ему лодіями и привезоша его ко дружинѣ.* Густинск., 246.

В древнерусском языке с творительным средства чаще употребляется глагол *идти: Куряне ... придоша коньми, а выгоньци галичскыя придоша по Днѣпру.* Ип., 164. *И со сими всѣми пойде Олегъ конми и кораблями, и бѣ кораблей 6000.* Густинск., 239.

Чешский: *Jel tenkrát autem.* Havr. *Kamarád z protějška jdé take na práci, týmž transportem, jako ona.* F., Rep.

В языках южной группы (сербском и словенском), а также в словацком языке в сочетании с творительным средства употребляется только глагол *идти* (см. примеры выше).

То же употребление глаголов *ехать* и *идти* по языкам характерно и для синонимических конструкций.

В современных славянских языках восточной группы и в двух языках западной группы (польском и кашубском) с творительным средства передвижения употребляется только глагол *ехать*.

Данные славянских языков свидетельствуют о вторичном, позднейшем употреблении в некоторых славянских языках глагола *ехать* с творительным средства.

В русском языке глагол *идти* в этом употреблении был вытеснен глаголом *ехать* совсем недавно — первые случаи употребления глагола *ехать* с творительным средства отмечены только в памятниках XV в. Значительно чаще глагол *ехать* с творительным средства употребляется в памятниках XVII в. — Густинской летописи и в „Хождении на восток“ Ф. А. Котова.

Творительный средства передвижения во всех славянских языках вытесняется синонимичными конструкциями местного падежа с предлогом *на* (*ехать на лошади, на санях, на поезде*) или реже — *в* (*ехать в карете, в лодке*). Развитие конструкций синонимичных творительному средства передвижения протекает, в основном, одинаково по всем славянским языкам. Однако есть различия, касающиеся интенсивности процесса вытеснения творительного средства при глаголах движения.

Процесс замены творительного средства синонимичными конструкциями более активно протекал в языках восточной группы и словацком. В древнерусском языке этот процесс закончился в общих чертах к XV в. Уже в Ипатьевской летописи на месте творительного средства передвижения мы находим синонимичные конструкции: *И бысть дождь, и стече снѣгъ, божіимъ промысломъ и тако идяху на конихъ* (в примечании: *на конѣхъ*) *и на санехъ къ городу.* Ип., 21... *и перебралъ*

дружину у братьи, и безъ возъ, пришелъ бѣ на конихъ въ трехъ тысячахъ. Ип., 27. *И тако поидоша, другъ друга не останя вси, съ радостью, по своихъ князѣхъ, и на коних и пѣшии.* Ип., 62. *...И поидоста оба въ лодьяхъ к Городку къ Гюргеви.* Ип., 58. *А итъти на коняхъ и на осметахъ, а верблюжья ходу нѣтъ...* Хожд. Ф. Кот., 86. *...А ход о малыхъ судѣхъ нужен темъ гдѣ погодою прибьеть к берегу.* Хожд. Ф. Кот., 82. *По семъ повелѣ Олег подъ кораблѣ колеса сдѣлати, и бывшу погодну вѣтру, пойдоша въ кораблях по землѣ ко граду.* Густинск., 240. *Во 14-е лѣто Михаила царя греческого, Осколдъ и Диръ пойдоста на Грековъ, во двою сту кораблей.* Густинск., 237.

В Густинской летописи (XVII в.) нами отмечены два случая употребления творительного средства — *кораблями и конми: ...Царь же радъ бысть, и согласившеся снiйдошася къ себѣ кораблями на мори.* Густинск., 241. *... И мало тогда не истребиша христiянъ въ землѣ святой, аще бы пришли Венеты въ то время кораблями.* Густинск., 292. *И со сими всѣми пойде Олегъ конми и кораблями, и бѣ кораблей 6000.* Густинск., 239. *Всѣ князи Рускiе вышепомянутые собрашася на Татаръ ... и со множествомъ вои пойдоша за пороги, и оттуда пойдоша конми и пѣшо въ землю Татарскую.* Густинск., 335.

Однако, судя по последнему примеру, форма *конми* является формой в какой-то степени адвербиализованной — переходящей в наречие. Об этом свидетельствует употребление ее наряду с наречием *пѣшо* в одной и той же синтаксической функции.

В современном русском литературном языке синонимичные конструкции творительного средства передвижения полностью вытеснили творительный падеж в тех случаях, когда ими обозначается животное или немеханизированное средство передвижения (телега, лодка, коляска и т. д.).

Примеры: *Михайло в церковь погнал на лошади за отцом.* Горьк., Детство. *Вдали вилась пыль — Азамат скакал на лихом Карагёзе.* Лерм., Гер. наш. вр. *Каких быков мне дадите? — Паши на моих, — посоветовал Кондрат.* Шол., Подн. цел. *...для чего в известные часы все три барышни с m-lle Linon подъезжали в коляске к Тверскому бульвару.* Толст., Анна К. *Ежедневно от девяти часов утра до полудня он принимал больных и занимался у себя в палатае, после полудня ехал на конке в другую больницу, где вскрывал умерших больных.* Чех., Попрыгунья. *Рыбаки, пускавшиеся в море на своих утлых челноках, были в глазах Темы и всей ватаги какими-то полубогами.* Гар., Детство Т.

В том случае, когда существительное обозначает какой-нибудь вид транспорта, машину, в русском языке возможен творительный падеж средства. Однако чаще и в этом случае мы встречаем указанную предложную конструкцию. Примеры: *Я проехал более десяти тысяч километров на машине и поездом.* „Новый мир“, 1953, № 3, стр. 157. *Все эти папиросы, бутылки, коробки с икрой, доставленные*

самолетом из Москвы, упаковывались в Кабуле и на легковой машине доставлялись через Хайберский проход в Пешавах. Тих., Расск. горн. ст.

В архаичных диалектных текстах славянских языков восточной группы иногда можно обнаружить в исключительных случаях творительный падеж. Так, в белорусских былинах, записанных А. Марковым, находим: *заезжай-ко-ся добрым конем на широкий двор, повезли именьице из города обозами*[1].

Аналогичную картину наблюдаем в словацком языке: *Keď sa Jano lepšie pozrel, zistil, že to cváľa na koni poručík, ale s nemeckým dôstojníkom.* Bolo nás 18. *Nebolo času deho rozmýšľať, lebo sa chýlilo k večeru, Na šťastie išli okolo sedliaci, vezúci na sanach hnoj.* Bolo nás 18. *Ich ženy sa trochu porádily, nosily pavučinkové páčuchy a deti vozily v kočíkoch podľa módy.* Sln. cesta. *Dobiehol na motorke do Hlbokého.* Sln. cesta. *Aby vás Janovský tu nenechal, vari sa poveziete s ním na aute.* Sln. cesta. *Cesta peši k vlaku, a vlakom do roboty bolo dobrá na rozmýšľanie.* Sln. cesta.

Диалекты: *Jeden jeų na vozi a videų tam hastrmana... Vážný.*

В южной группе славянских языков и в чешском языке процесс вытеснения творительного средства синонимичными конструкциями в основном ограничен именами существительными, обозначающими животных и иные немеханизированные средства передвижения. Однако в этих славянских языках творительный средства прочно закреплен за существительными, обозначающими вид механизированного транспорта.

Сербохорватский: *Из Неапоља пошли смо на колима рано, јер је то прилично далеко.* Ненад., Св. 11 ... *па одем сама на конијашким колима.* Толст., Рат. и мир. *На једном се волу не може орати.* Дан., 65. *Да бих знао и на кози орати. Ко се на туђим колима вози неће далеко отићи.* Дан., Срп. синт., 610. Но: *Из Неапоља пошли смо железницом на ону страну к Резину, куд се иде на Везув.* Ненад., Св. 11. *Ишао влаком, авионом* (из разг. речи).

Чешский: ...*kde nikdo nechodí pěšky, nýbrž každý jezdí v zlatém kočáře, čtyřmi nebo šesti sněhobílými koni taženém...* Arb., Syn předm. *Šel po mostě, kudy jeli fordkou tenkrát v zimě.* P., Lidé na kříž.

Диалекты: *Jeden zase na tem koňovi jede...* Havr., *Ešče za živobití podjela ho vohňivá sviňa, a von musil v noci na ňí jezdit.* Havr. *Nejde to aňi na saňech ani na vozi.* Havr. *Jel tenkrát autem.* Havr.

Однако в чешских диалектах уже наблюдается проникновение предложных конструкций для обозначения и технического вида транспорта: *Ale ti bi sez mňela nóbl. Jezdila biz v autonóbile.* Ганацкие гов., Havr.

В современном польском языке употребление творительного падежа в сочетании с глаголами движения является продуктивным. Польскому

---

[1] См. А. А. Васильев. Язык „Белорусских былин". — ИОРЯС, VII, кн. 4, стр. 39.

языку известны формы творительного падежа всех существительных, обозначающих то или иное средство передвижения в пространстве. Например: *Przyjechał jednak koleją i nazajutrz witałem go w jego mieszkaniu.* Noma kult., 1954, 10. I. *Każdy może tramwajem jechać, komu się podoba!* Grodz., Pl. *Samochodem z nią do mnie zajechał.* New., Pam. z Cel. *Pamiętam tak raz opowiadał nam — Tuwimowi i mnie historię, którą teraz odnalazłem w jego dziennikach, jak przeprawił się, kiedyś końmi przez lód...* Iwaszk., Odb. *Uśmiechał się do piaskarza, wiozącego swój towar nędznym koniem w podługowatej skrzyni...* Prus, Lalka. II.

Предложная конструкция в польском языке употребляется только в одном словосочетании, где она заменила собой творительный падеж: *jechać na koniu, na koniach* в значении 'ехать верхом на коне'.

Żywność mu dawać trzeba i paszę dla konia, bo jużci na koniu se przyjechał... Krucz., Kord. ch.

То же в диалектах: *Ludzi kon'mi najizdzál miáł takigu konia, co jak stanoł na dwoch nogach, tak prosto set na cłowieka.* N., Wyb.

Сербохорватский и словенский языки свидетельствуют, что замена творительного средства передвижения синонимичными конструкциями ранее всего касалась существительных, обозначающих животных.

III. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛА ИЛИ СОДЕРЖАНИЯ

Творительный инструментальный вспомогательного материала или содержания возможен исключительно при глаголах переходных или при глаголах возвратных. Он обозначает предмет, ряд предметов или вещество, используя, затрачивая которое, субъект воздействует на объект. Воздействие на объект при затрате материала всегда производится с помощью орудия или действующего органа: *Я руками* (орудие) *засыпал яму песком* (вспомогательный материал). *Мне удалось палкой* (орудие) *закрыть окно шторами* (материал).

Чрезвычайно редко в одном и том же предложении можно встретить специальное указание и на орудие и на материал: *Еремей в углу молча возится с концами упряжных ремней, бесконечно налаживая и пригоняя к концу, собираясь сшивать их приготовленными шилом и дратвой.* Гар., Детство Т.

В таких случаях творительный орудия всегда предшествует творительному вспомогательного материала. Редкое употребление в одном и том же предложении творительного орудия и творительного вспомогательного материала объясняется тем, что в предложении обычно акцентируется либо орудие воздействия на объект, либо вспомогательный материал: *Я засыпал яму лопатой* (орудие). *Я засыпал яму землей* (вспомогательный материал). *Я написал письмо пером* (орудие). *Я написал письмо чернилами* (вспомогательный материал).

В группе творительного вспомогательного материала мы так же, как и в группе творительного собственно орудийного, выделяем три раздела:

а) творительный вспомогательного материала, выраженный существительным вещественного значения;

б) творительный вспомогательного материала, выраженный существительным отвлеченного значения;

в) творительный вспомогательного материала, выраженный существительным, обозначающим часть тела или органы чувств.

Как и в творительном собственно орудия, эти три группы принципиально не различаются, отличаясь друг от друга лексическим значением существительного в творительном падеже (ср. *заткнуть уши ватой* и *заткнуть уши пальцем; насладиться пищей* и *насладиться сном*).

а) Творительный вспомогательного материала, выраженный существительными вещественного значения.

Приводим из многочисленных примеров употребления творительного вспомогательного материала некоторые.

Примеры из текстов древних славянских языков.

Старославянский: ... **полиа́но бѣа́ше крⷭ́вижⷣ вⷭ́ѣ тⷭ́ѣло**. Супр., 117_{17}. ... **Приⷭ́сте же тⷭ́ѣло нⷭ́во. і обисте є ризами съ ароматы**. Мар., Ио. XIX, 40. ... **гⷭ́ла къ Филипоу̀ чимь коупимъ хлⷭ́бы да ⷣ́дать сии... отъкⷭ́ща̀та є́моу̀ Филипъ. Дьвⷭ́ма сътома пⷭ́нязъ хлⷭ́бъ не довⷭ́лⷭ́жⷮ̀ имъ да къждо и҃ъ мало чѣто приимⷮ̀ъ**. Ио. VI, 7. Зогр., Ио. VI, 5, 145. **а́коже бо шаръчиⷨ на ⷣ́днои ⷣ́ⷭ́стⷭ́ ѝ о́бразы грⷮ̀ⷭ́ⷮ̀ъ и и҃стинѫ пишѫⷮ̀ъ шаромъ**. Супр., 418_{2}.

Древнесербский: *И прⷯслави ихъ паче всеⷯ царь земалнихь на земли и пакь на небеси виⷽнци свⷭ́тлиⷽми ⷯкрасивь ихъ са всиᴹ светиⷽми.* Stoj. I., 48. ... *что сте посадили лозиемь земⷯ̂ⷽ кралевьства ми.* Stoj. I., 11.

Древнерусский: *Отроци Свⷭ́нелъжи изодⷭ́лися суть оружьемъ и порты а мы нази.* П. вр. л., 39. *Двор и денники огорожены забором, ворота с притвором, крыты лубьем.* А. х. Мор., 58, № 8. *а къ нынешнему году рожью посиялъ треть земли.* Бл. б. Од., 74, V, 21.

Творительный вспомогательного материала при глаголе *посеять* очень широко распространен в хозяйственных документах XVI—XVII вв., но в современном русском языке не употребляется.

Древнечешский: *A když tu viežu dielachu, twrdými cihłami stłachu.* D. chr., 5, 78. *Tu hrad pražský zdiú hradiéše ...* D. chr., 81, 45. *Že jest jej opěknil kožemi rozličných barev, zlatem a jinými okrasami.* Chelč., S. v., 41, 31.

Древнепольский: *A pakly nye bǫ́dzesz chczyecz wipuszczycz, tocz ya zaraszǫ́, wszidky krage twe szabamy...* B. Z., 48, 9. *Mǫ́sz stari gydze, odzaw syǫ́ plasczem.* B. Z., 8, 28.

Примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: ... *јада се чича — Јордан, и подупире мотком грану.* Срем., Прип. *Мати, сва срећна, служила је госте нарочито дуваном.* Станк., Неч. крв.

Словенский: *Na sprednja vrata so nekaj časa razbijali, pa niso ničesar opravili, ker so bila z železom okovana.* Tavč. *Okoli in okoli obzidan, ograjen z ograjo do neba?* Cank.

Диалекты: *Tje — u — karnī́cax o — jэ daŋ — nȍr, ké sɯ — a zvezȁlь wrā́ta z — nɯ́ — jedȅnɯ.* 'В Корницах живет сумасшедший, которого привязали к дверям цепью'. Б., ю.-сл.

Украинский: *Сирими дриви топила, красненько їсти зварила.* Roczk., 23 (Тимч., 45). *Понагружували вони кораблі пшеницею.* Боришп. Чуб. II, 29 (Тимч. 53).

Белорусский: *Куземка ня вытрывавъ — „мыя", кажыць, — узявъ дый жупанымъ накрыв.* Карск., Мат. *Подковаў яго сталёвыми подковами и пусьціў ў поле — на лугъ.* Шейн., Мат. II.

Чешский: *Tedy se mně svou krví na tento lístek zapiš.* Němc., Nár. bách. *Bloudi, což nerozumíte? Omázli to medem, aby to tak odporné nebylo.* Jir., Skal.

Словацкий: *Zahnali ich do koliby, ktorú poliali benzínom a zapálili.* Jilem., Kron. *Šupli ho pod postel' a zatarasili kuframi.* Jilem., Kron.

Верхнелужицкий: *Ze złotym ławrjencom staj wobaj wěncowanaj.* Páta, Serbsk. č.

Нижнелужицкий: *Hochłoʒ' owascho jomu ʒoło ze zymneju wódu a da jomu pisch.* Serb.

Польский: *Weszli do izby dusznej i mrocznej, przesyconej dymem tudzież zawiesistą wonią odwaru miętowego i gotowanych kartofli.* Krucz., Korď. ch. *Piękna była ta głowa wyłysiała, zdobna dwiema szramami — głowa starego żołnierza i uczciwego człowieka.* Sienk., Now. I.

Кашубский: *Dzis je jedną suknją cepli* ... Cen., Skôrb.

б) Творительный вспомогательного материала, выраженный существительным отвлеченного значения.

Примеры из текстов древних славянских языков.

Старославянский: **Облѣчєтє сѧ силоѭ съвише** ... Зогр., XXIV, 49, 135. ... **да съвѧжѫ млъчаниимъ оустьнѣ.** Супр., 242_7. ... **а они вина не въкоусивъше завистиѭ оупивъше сѧ зыбаа^с^хѫ.** Супр., 398_{26}.

Древнесербский: *Заградилъ єси злоє глꙋмлєнїє слова простотою.* Жит. св. Н., II, 19.

Древнерусский: *Украшен же бѣ добрыми дѣлы, и прослу в бѣдах за Русскую землю.* Моск., 29. ... *и царь ... жалует за выслугу честью, какъ о том выше написано.* Котош., 55.

Древнепольский: *Malzonka w domu mǫze swego gdisz syǫ slubem zawyǫze a przisyǫgǫ: uslisili mǫz, a milczalby...* B. Z., 125, 13. ... *kar-*

micz syǫ́ bǫ́dzesz wszistkim dobrim, ktoreszto gest pan bog twoy dal tobye... B. Z., 146, 34.

Примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: *... не бејаше му могуће наслађавати се сном.* Атан., Два идола. *Мислите ли да се ријечима и здравицама може глад утолити!* Мат., Ускок.

Словенский: *Tihota noči ga je navdajala z grozo in s plašnimi mislimi.* Bev. *Hrupni dnevi, prepojeni z razburjenjem in radostjo so minili.* Ostr.

Украинский: *Бик вйежи сі воловодом, а чоловік словом.* Kolb. W., P. III, 179 (Тимч. 44). *Було-ж мене, моя мати, щастєм наділити.* Kolb. W, 279. (Тимч. 48).

Чешский: *...brána s heslem proletářské země se mihne nad námi a zavírá se dálkou.* F., Výb ze st. *Měsíce úporného boje spojily nás nádherným kamarádstvím.* F., Rep.

Словацкий: *Obsypal tvár vrúcimi bozkami.* Kukuč. *Každý z nás bol obalený vlastným mlčaním.* Jilem., Kron.

Польский: *Wsiadł do swego powozu i przymknąwszy oczy nasycał się jego lekkim kołysaniem.* Prus, Lalka, II. *Całe zalewisko wygląda w czasie pełni wód, jak wielkie jezioro, ograniczone kręgiem wzgórz.* Sienk., L. Afr.

в) Творительный вспомогательного материала, выраженный существительными, обозначающими часть тела или органы чувств.

Русский: *Она искоса, воровато взглянула на Давыдова и, прикрываясь плечом, сунула маленький теплый комочек за лифчик.* Шол., Подн. цел.

Белорусский: *Але Марыня, сама гэтача не бачачы, загараджвае ей собою дарогу.* Я. К. Т., 37.

Чешский: *Trnec se vrátil do své kanceláře, usedl za stůl a zakryl si uši dlaněmi.* Rez., Nást. *Zaclonil dlaní svou ruční lampičku.* P., Lidé na kříž.

Польский: *Rzecki przysłaniając oczy ręką spojrzał na Wokulskiego.* Prus, Lalka, II.

Диалекты: *Tedy(k) g^{u}osp^{u}odo^{u}sz pszykrů^{u} ry^{e}ǫkami uoczy k^{u}y^{e}n'a.* N., Wyb. *Staryguǫ́ Vuǫ́jtka, jak se rås puǫ́žn'iv'é na uuvrechu zasnǫu, to jag guo s'fisnou, bo jaz na čšec'i zågon s'e pšekuǫ́pyrtnou i jino negamy s'e nakryu.* N., Wyb.

Во всех современных славянских языках при глаголах со значением наполнения, насыщения употребляется творительный падеж (*наполнить чашу водой, наполнить ведро песком* и т. д.). Но на месте творительного вспомогательного материала в языках старославянском, старо-украинском, древнепольском, древнечешском и древнелужицком нередко мы находим родительный падеж без предлога или (только в старославянском языке) — родительный с предлогом *от*. Например:

Старославянский: **испльнень кѣсмъ бесьмрътънааго брашьна**... Супр., 19_{13}. **Гла имъ йсъ напльните водоносы водъı**... Мар., Ио. II, 7, 319_{21}.

...і желаше насытити чрѣво свеє отъ рожецъ ꙗже ѣдѣахѫ свиниꙗ. Лук. XV, 16, Мар., 269_1, Ассем., 95_{18}.

Древнечешский: *Nebo člověk naplněn(ý) (jest) proměn, jimiž se pudí sem i tam.* Chelč., S. v. 13, 28. *Třetí vstupeň jest, když již člověk syt bude světských lahod a rozkoší.* Št., O. v. 194, 37.

Древнепольский: *Napełnisz mię wiesiela.* Fl., 15, (Bg, 72). *A napelnyony bǫ́dǫ́ǫ́ wszitczi domowye Egipssczy much...* B. Z., 49, 10.

Родительный падеж без предлога или с предлогом *от* при глаголах наполнения, насыщения имел, вероятно, несколько иное значение, чем творительный падеж при тех же глаголах. Быстронь[1] связывает родительный при глаголах наполнения в польском языке с родительным разделительным. Действительно, можно высказать предположение, что родительный падеж, обозначающий материал или вещество, которое наполняет объект, указывает на то, что вещество, наполняющее объект, используется не целиком, а частично: от него отделяется часть. Что касается времени появления конструкции творительного падежа вспомогательного материала при глаголах наполнения, то Быстронь относил этот процесс для польского языка к XV в. Однако наши материалы свидетельствуют о том, что творительный наполнения начал употребляться значительно раньше, так как в памятниках XV в. он был уже широко распространен, а случаи употребления родительного падежа были уже редки.

В древнечешском языке в памятниках XV в. нам встретилось всего два примера родительного наполнения.

Творительный вспомогательного материала сохранился в славянских языках на протяжении их истории без существенных изменений, употребляясь в неизменных синтаксических условиях — при глаголах переходных, допуская незначительное количество синонимичных конструкций. Это самая устойчивая группа творительного инструментального.

Развитие конструкций, синонимичных творительному вспомогательного материала, имеет свои особенности — оно идет исключительно по пути выделения определенных глаголов, при которых творительный вспомогательного материала последовательно вытесняется предложной конструкцией. Особенно значительные изменения претерпел творительный вспомогательного материала при глаголах, обозначающих процесс одевания, закутывания, обертывания.

В старославянском языке при глаголах облѣщи, облѣщи сѧ были возможны две формы выражения: творительный падеж вспомогательного материала и винительный падеж с предлогом *в* — конструкция, синонимичная творительному падежу. ...бѣ же иоанъ облъченъ власы вельбѫждi. Мар. Марк. 1, 6, 116_{14}. Савв. кн. Марк, 1, 146, 142. ...ѻблѣчете сѧ силоѭ съ выше. Зогр., Л. XXIV, 49, 135. ... и въ ризѫ трапрѫдънѫ облѣшѧ и. Мар., Ио. 2, 392_7.

---

[1] J. Bystroń. O użyciu genetyvu w języku polskim. Kraków, 1893, стр. 72—73.

Процесс вытеснения творительного вспомогательного материала при глаголах со значением 'облачиться', предложной синонимичной конструкцией продолжался во всех славянских языках (древнесербском, древнерусском, древнечешском, древнепольском). Этот процесс закончился сравнительно поздно. В работе М. Ивич отмечены примеры употребления творительного падежа в сочетании с глаголом *обући, обући се* в памятниках сербского языка XV—XVIII вв.[1] Однако уже в памятниках XIV—XV вв. этих языков широко распространены синонимичные предложные конструкции.

Древнесербский: *Въ рабіи ѡблѣцисѧ ѡбразъ восхотѣлъ єси ...пѣснословлю твоє благоутробіє.* Жит. св. Н., II, 17. *ѡблечетсѧ въ бронѧ правды, и возложитъ шлемъ, сѫдъ нелицемѣренъ.* Жит. св. Н., II, 10

Древнерусский: *Бяшетъ бо добрый поборникъ отечьства своего, въ руцѣ божіи преда духъ свой, и съвлекъся ризы тлѣньнаго человѣка, и въ нетлѣньную и многострастьную ризу оболкъся Христа...* Ип., 34. *И яко бысть утро, митрополитъ, епископи, игумени, оболкоша ся у святительскыя ризы и свѣща вжегъ съ кадѣлы благовоньными, и придоша къ ракама святою.* Ип., 6. *И оболчишася во броньѣ, и полки изрядиша, и поидоша ко граду Шаруканю.* Ип., 2.

Ср. в современном русском языке: *А приходя домой, снимает черный со светлыми пуговицами служебный сюртук, облекается в какой-то неопределенного цвета лапсердак, разваливается с газетой в кресле и через каждые три минуты приговаривает, разводя руками.* Фурм., Пов. и расск.

В славянских языках западной группы единичные случаи употребления творительного вспомогательного материала при указанном глаголе также встречаются еще в памятниках XV в.

Древнечешский: *Protož všecka spravedlnost a kázeň proti té nespravedlnosti a nekázni všíkú pilností a všemi mocmi jakožto v oděnie má se obléci.* Chelč., S. v. 209, 9.

Ср. в современном чешском: *Oblečena jest v prostý, ale čist'oučký šat městský...* Arb., Syn před.

Древнепольский: *Nye obleczesz syǫ w rucho, gesto z velni a ze lnu tkano gest.* B. Z., 141, 33.

По материалам польского и чешского языков можно установить, что процесс вытеснения творительного падежа при глаголе *obléci se, oblekać się* ранее начался и закончился для существительных, обозначающих конкретные, вещественные предметы. Показательны в этом отношении два примера из польского и чешского языков, где в одном и том же предложении мы находим употребление обеих синонимичных конструкций.

Древнечешский: *Protož smělost žabky k zemi tlačí a volá proti ní, aby všíkú pilností a mocí jako v odění se oblekli a usta jejieho škřehotu zavřeli.* Chelč., S. v. 214, 7.

---

[1] М. Ивић. Значења српскохрватског инструментала..., стр. 21.

Древнепольский: *On crolowal w czasǫ oblekl ſe oblekl ſe iest gn moczǫ.* P. Fl., 238, 33 (92, 1).

Указанная синонимичная конструкция винительного падежа с предлогом *в* распространилась в современных славянских языках и на другие глаголы, обозначающие процесс одевания.

Например:

Древнерусский: *Узрѣвъ Сава нѣкоторого престарѣла нища мужа стояща, рубищами гнусными одѣянна.* Пов. о Савве Груд., 31. *Въ то же лѣто рекоша дружина Игору: отроци Свенелди одѣшася оружіемъ и порты, а мы есмы нази.* Густинск., 243.

Древнеукраинский: *Одѣвают ся косматиєм и шкурами звѣрят.* Пам. укр. м., IV, 31 (Тимч., 49).

Ср. в современных языках.

Русский: *Квадратный, широкогрудый, с огромной кудрявой головой, он явился под вечер, празднично одетый в золотистую, шелковую рубаху, плисовые штаны и скрипучие сапоги гармоникой.* Горьк., Детство. — *Ты почему не на прополке? — Сейчас пойду, видишь — одетая во все будничное.* Шол., Подн. цел.

Украинский: *Пан одіг ся в дякову одежу.* Харк. г. (Тимч., 49).

Процесс распространения предложной конструкции на месте творительного при глаголах одевания продолжается и в современных славянских языках. Об этом свидетельствуют многие случаи параллельного употребления предложной конструкции и конструкции творительного падежа.

Русский: *Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина, в соломенной шляпке, окутанная черной шалью...* Лерм., Гер. наш. вр. *...ее большое тело было окутано теплым и мягким красным платьем...* Горьк., Детство.

Ср.: *Рябовский окутал ее в свой плащ и сказал печально: я чувствую себя в вашей власти...* Чех., Попрыгунья. *...накинув на голову пустой мешок, обернувшись попоной, она бежала прямо в огонь...* Горьк., Детство.

Ср.: *Лежит, в запон обернут.* Горьк., Детство.

Польский: *Awdocia z głową tak od mrozu płócienną płachtą owiniętą, że tylko nos zadarty ukazywał się zza niej i czarne oczki...* Orz., Cham. *Niebawem spostrzegał, że był to jednokonny wózek..., albo wlokący się o kiju żebrak, albo kobieta z głową od chłodu w grubą płachtę owiniętą.* Orz., Cham.

Другой группой глаголов, при которых развились конструкции, синонимичные творительному вспомогательного материала, являются глаголы *купить* и *продать*.

В древнесербском, древнерусском и древнеукраинском языках (по другим славянским языкам примеры не отмечены) при этих глаголах употреблялся творительный вспомогательного материала.

Древнесербский: *Kupljeni jeste cijenom velikom.* M. Divkovic' (Ивич, 24).

Древнеукраинский: *Сребро малою ценою продавали.* Лет. Сам. 10 (Тимч., 49).

Современный украинский (*купувати, продавати + за + винительный падеж*): *Продал* (дѣдину) *за 30 копъ* (Тимч., 19). *А за що продав? За пйать кіп.* Ном., 10570 (Тимч., 49). *Я тебе продам за сто червоних.* Шух. Гуц. III., 101 (Тимч., 49).

Древнерусский: *Вчора многих избихъ, а нынѣ требѣ ми быша, и златомъ купилъ бы*[г] *вас.* Густинск., 262. *Но Ярополкъ искупися отъ нихъ златомъ.* Густинск., 294. Ср. в том же памятнике: *Но искупи его Василко за двадесятъ тысящъ гривенъ сребра.* Густинск., 292.

В современном русском языке при этих глаголах употребляется исключительно предложная конструкция (винительного падежа с предлогом *за*). Эта же конструкция отмечена М. Ивич для современного сербохорватского языка[1].

То же — в других славянских языках.

Словацкий: *... predal vozik dreva za štiriccadz zlatí.* Vážný.

В русском языке нам встретилась конструкция *в* + винительный при глаголах: *оковать, обделать, вымазаться*, при которых обычно употребляется творительный падеж. Отметим, что это — основная синонимичная творительному падежу конструкция. *... и нападе на него куря князь Печенѣзскій, и порази Русь, Святослава же убивъ отсѣче главу его, и оковавъ ю во злато піяше зъ нея яко съ чаши.* Густинск., 248. *И, заметив полосу света, пробившуюся сбоку одной из суконных стор, он весело скинул ноги с дивана, отыскал ими шитые женой ... обделанные в золотистый сафьян туфли.* Толст., Анна К. При глаголе *жениться* в современном русском языке употребляется конструкция местного падежа с предлогом *на* (*жениться на ком*). Ср. в древнерусском: *Той же зимѣ повелѣ Гюрги Мьстиславу, сынови своему, Новѣгородѣ, женитися Петровною Михалковича.* Ип., 79.

Е. К. Тимченко отмечает в украинском языке конструкцию винительного падежа с предлогом *в* наряду с конструкцией творительного вспомогательного материала при следующих глаголах: *Оправляти — чим* и *у що. Осідлати:* (Дурень) *осідлав того коня соломйаним сідлом.* Черк. п. Чуб. II, 323. *Осідлаю я коника у срібне сідельце.* Шух. Гуц. III, 207. *Узброювати — чим* и *у що. Умазати: Умазать морду їх мазкою.* Котл. Е. V, 62 (и *в мазку*). *Умастити — чим* и *у що*[2].

* * *

Древним славянским языкам была свойственна еще одна группа творительного инструментального — творительный, обозначающий материал, из которого что-либо сделано.

[1] М. Ивић. Значења српскохрватског инструментала. . ., стр. 25.

[2] Е. К. Тимченко. Вокатив і іінструменталь в українській мові. Київ, 1926, стр. 49.

А. А. Потебня определяет значение творительного материала таким образом: „... в творительном падеже ставится название вещества, из которого сделано что-либо, при чем творительный означает средство возведения, создания и проч.“ [1].

Творительный материала, из которого что-либо сделано, рано утрачен во всех славянских языках. Он употреблялся в славянских языках при глаголах со значением *сделать*, *составить*, *создать*. Нами зафиксированы лишь единичные случаи употребления творительного материала, из которого что-либо сделано: несколько примеров из старославянского языка, два — из древнесербского, несколько — из древнерусского; один из древнечешского и один из древнепольского. Приводим все примеры.

Старославянский: ... и҆ дастъ ти а҆кы снѣгъ. о҆дѣждѫ водоѭ҃ и҆ доухомь истьканѫ. Супр., 348_8. ...аще кто не родитъ сѧ водоѭ҃ и дх҃омь. не можетъ вьнити въ цр҃тви бж҃иѥ. Мар., Ио. III, 5, XXXVII, 322_{12}. Тон҆ пакы глинънъıи҆мъ брьниѥ҆мъ грнь҆н҆чаремъ сътворень быти. Супр., 396_{20}. ... не бо нъ а҆ште и҆ златомъ съставьѥ҆на ти бъıша оу҃ста бъıла и҆ камениѥ҆мъ чьстънъıи҆мь Супр., 380_{18}.

Древнесербский: *Два ѡботца начинѥна бисерѡ*ᵐ*ь*... Стоj, I. 394, 11. *Г*ᶜ*дь бо плотію раждаєтсѧ ѡбновлѧѧ и тварь* ... Жит. св. Н., II.

Древнерусский: *Дивен есть столп великимъ каменемъ сдѣланъ.* Дан. Паломн. *По истинѣ лжа то; створилъ богъ человѣка от землѣ, сставленъ костьми и жылами отъ крове.* П. вр. л., 118. *церковь же бѣ в нем святаго Михаила камена, а верх ея древом нарублен.* Моск., 54, л. 65 об. *Да передъ тьми же гробами возятъ на ишакѣ нарядного мужика сдѣлан мѣхомъ, да набитъ соломой...*[2] Хожд. Ф. Кот., 17.

Древнечешский: *Poslúchaj, králi, mé rady Stavěj sobě tvrze i hrady, Vše dřievím a bez kamenie.* Fl., Nov. r., 141, 1645.

Древнепольский: *Białym alabastrem budowane gmachy.* Koch. (Loś, F. n., 117).

Эта группа творительного инструментального чрезвычайно рано по всем славянским языкам полностью вытесняется синонимичной конструкцией родительного падежа с предлогом *от* (в старославянском и сербском языках), *из* (в словенском, русском, чешском, польском, словацком языках). Например:

Старославянский: і въложи въ гробъ іже бѣ исѣченъ от камене. і привали камень на двьри гробоу. Зогр., Марк. XV, 46, 183_5.

Древнесербский: ... *гдь раждаєтсѧ из отроковицы чистыѧ въ вертепѣ виѳлеємстѣмъ.* Жит. св. Н., II, 20.

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике..., стр. 459.

[2] Последний пример взят из диссертации Е. А. Седельникова „Функции непредикативных конструкций...“, стр. 208.

Древнерусский: *В Бутханѣ же Бутъ вырѣзан ис камени, велми великъ, да хвостъ у него черезъ него.* Хожд. Аф. Ник., 378. *Стоит волъ велми велик а вырѣзанъ ис камени ис чернаго.* Хожд. Аф. Ник., 378.

Сербохорватский: *Десно од врата, у дну собе, био је камин од мромора.* Ненад., Св. 11.

Словенский: *Linčínə sə — narédijω wòs — xłωda, wóz-ʒeljéza šə̀.* 'Багры делаются из дерева, а также из железа'. Б., Ю.-сл.

Русский: *У подножья памятника — высеченная из мрамора фигура матери-работницы, которая перед уходом на фабрику укачивает на руках ребенка.* Расс., На сев. Фр.

Словацкий: *Býva v „kući" otcovskej a starootcovskej. Vyštavená je z holého kamenia, rukou neumelou.* Kukuč.

Указанные конструкции, явившиеся на смену творительному материала, являются точной заменой его и не допускают двойственности в толковании высказывания, которое могло быть при употреблении творительного материала.

О древности процесса вытеснения творительного материала синонимичными конструкциями свидетельствует единичность употребления творительного материала в древнеславянских языках. Очевидно процесс вытеснения творительного материала начался уже в праславянском языке и к XIV—XVI вв. был, в основном, закончен по всем славянским языкам.

В русском языке все случаи творительного зафиксированы в древнейших летописных сводах и в летописях более позднего времени в тех их частях, где описываются события раннего времени, так что употребление подобного творительного может быть объяснено влиянием языка древнейших сводов, которые явились протооригиналами позднейших списков летописей — „Московского летописного свода конца XV в." и „Ипатьевской летописи". В более поздних памятниках древнерусской письменности творительный материала не отмечен.

Творительный инструментальный образа действия

Творительный падеж в славянских языках, в отличие от других косвенных падежей, создает чрезвычайно продуктивную группу беспредложных наречий и наречных сочетаний. Эту особенность творительного падежа неоднократно отмечали исследователи в специальных работах и общих курсах по отдельным славянским языкам.

Основной причиной, обусловливающей переход существительного в творительном падеже в наречие, является употребление его в обстоятельственных функциях. Процесс адвербиализации заключается в изоляции падежной формы от системы склонения и переосмыслении ее на основе новой функции слова. Как было указано выше, процесс адвербиализации свойствен в общем одной группе творительного инструмен-

тального — творительному орудия, явившемуся источником формирования творительного образа действия.

Предварительным условием процесса адвербиализации творительного орудия является изменение синтаксической функции — от функции дополнения до функции обстоятельства образа действия, что приводит к затушевыванию первичного значения падежа и переходу к более общему значению. Особенно наглядно процесс изменения синтаксической функции творительного падежа можно проследить в группе творительного орудия при глаголах переходных, обозначающего часть тела, которой производится действие.

Группа творительного падежа со значением конкретного, вещественного орудия, наоборот, отличается безусловной устойчивостью и не тяготеет в своем прямом употреблении к переходу в творительный образа действия. Из всех славянских языков нами отмечено лишь несколько случаев в древнерусском языке (в древнейших памятниках): *Тогда оканьнымъ възда господь по дѣломъ ихъ: всю бо землю ихъ оружиемь поплѣни, а по христьяньскои земли веселие бысть всюда.* Новг. 1, 85, л. 141 об. *Безъ князя что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу мечемь, того ся всего отступаемъ.* Новг., 1, 78, л. 130. *И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла к грекомъ, глаголя ...* П. вр. л., 50. *И приде къ Володимерю, и взя и копьемъ и изби не щадя.* Гал.-Вол., 523. *... и взяша градъ Рязань копьемъ.* Гал.-Вол., 518.

Необходимым условием изменения орудийного значения в значение образа действия является отвлечение творительного, обозначающего орудие, от конкретного значения, переносное употребление существительного, обозначающего орудие. Так, в *убить копьем, ударить мечем* творительный падеж несомненно выступает в значении инструментальном (орудия). Но употребление этого же существительного в ином контексте, с иным глаголом при абстрагировании предмета сообщает выделенному творительному падежу иное значение — значение образа и способа. Ср. в древнерусском: *ударить копьем — взять город копьем*, где существительное *копьем* уже фактически обозначает не конкретное определенное орудие (ср. *взять город копьями*), но способ взятия города.

Группа творительного орудия, обозначающего часть тела человека или животного, очень близка к группе вещественного орудия по своим грамматическим и смысловым особенностям. Однако творительным части тела обозначается все же не орудие в буквальном смысле, т. е. внешний по отношению к деятелю предмет, используемый им для совершения любого действия, а определенные постоянные органы чувств, части тела субъекта, предназначенные для совершения определенных действий. Это значит, что творительный части тела ограничен определенным лексическим кругом существительных (*глаза, уши, рука, нога, палец* и т. д.) и употребляется при определенных глаголах (*видеть, слышать, брать, молвить* и т. д.). Такая лексическая ограниченность

является одной из причин, обусловивших изменение значения творительного падежа.

Выделение значения образа действия из орудийного происходит двумя путями: путем выделения творительного падежа с определением и путем образования фразеологических оборотов.

В одном случае имя существительное, обозначающее часть тела или органы чувств и выступающее в сочетании с обычно подсказываемым смыслом существительного глаголом, употребляется с каким-либо определением. Определение, являясь семантическим центром словосочетания, способствует ослаблению лексического значения существительного. Поэтому сочетание существительного с согласованным с ним определением приобретает значение наречного определения со значением образа действия. Однако не всякое определение может обусловить переход творительного орудия в группу образа действия, т. е. не всякое определение способно ослабить субстанциональность существительного.

Сравним несколько примеров.

Сербохорватский:

1. *Он извади из уста лулицу и погледа нас црним великим очима.* Мат., С мора. 'Он вынул изо рта трубку и посмотрел на нас черными большими глазами'.

2. *Пјер је гледао скоро запрепашћеним, усхићеним очима.* Толст., Рат и мир. 'Пьер смотрел почти испуганными, восхищенными глазами'.

Русский:

1. *Он играл правой рукой.* Пауст., Избр.

2. *Человек играл одной рукой, поэтому из мелодии выпадала нарядность и оставалась только суровая тема.* Там же.

Украинский:

1. *Лівою ручкою держит білу трембіту.* Федьк., 1, 180 (Тимч., 38).

2. *Учепи ся за його обома руками.* Kolb. IV, 260, (Тимч., 36).

Чешский и словацкий:

1. *A tenoučkou ručkou vytírala slzy.* Jir., Skal. *Levou tučnou rukou svíral stříbrnou tabatěrku.* Jir., Skal.

2. *...chceli drhnúť Nemcov a domácich zradcov holými rukami.* Jilem., Kron. *Věneček, třesoucí se rukou dolo spuštěný, točil se okamžení na jednom místě ...* Němc., 5 pov.

Польский:

1. *Lecz gdy wyszedł Makbet-Rossi, przysłaniała twarz do połowy wachlarzem i cudownymi rozmarzonymi oczyma zdawała się pożerać aktora.* Prus, Lalka II.

2. *Cądej ta kto fce, a jå vųåsnyma ųocamy n'eråz na-to pačšaų...* N., Wyb.

В примерах под № 1 определение обозначает несущественный для действия, внешний признак предмета: величина или толщина руки никак не характеризует действие, которое производит субъект с ее помощью (вытирает слезы или сжимает табакерку). Несущественность признака предмета для производимого им действия, в свою очередь, определяется его постоянностью — определение в этих примерах характеризует один из постоянных признаков самого предмета — орудия.

В примерах под № 2 определение обозначает временный признак предмета, связанный или обусловленный производимым действием. Поэтому признак, выраженный определением, — через характеристику орудия действия, — приобретает особое значение и для характеристики действия: *бросить венок дрожащей ручкой* означает — бросить его (как?) — с волнением, с душевным трепетом; *взять немцев голыми руками* означает — взять их (как?) — не имея оружия; *уцепиться за него обеими руками* — означает — уцепиться за него (как?) — крепко.

Во втором случае определение, относящееся к существительному в творительном падеже, по своим семантическим связям выходит за пределы того словосочетания, в состав которого оно входит. Отсюда — в примерах под № 2 опущение определения при существительном, обозначающем орудие действия, привело бы к обеднению всего предложения (ср. *бросить венок рукой* и *бросить венок дрожащей рукой; уцепиться за него руками* и *уцепиться за него обеими руками*).

В древних славянских языках творительный образа действия с определением, возникший из творительного орудия, почти исключительно представлен кругом определенных штампов, часто встречающихся, но однотипных. Причем определение творительного падежа существительных чаще всего бывает выражено притяжательным местоимением *свой* (*написать своей рукой, увидеть своими глазами*, и т. д.).

Старославянский: **Помолихъ сѧ лицю твоемоу вьсѣмь срцемь моїмь.** Син. пс., CXVIII, 58[а], 21. **Въразоуми мѧ ї испытаѭ законъ твої: ї съхраниѭ ї вьсѣмь срцемь моїмь.** Син. пс., CXVIII, 34, 156[в]$_{17}$. ... **възлюбиши га ба твоего. вьсьмъ срдцемъ твоимъ. и вьсе дшеѭ своеѭ. і вьсеѭ мыслью твоеѭ.** Мат. XXII, 37, Мар., 81$_{19}$. Зогр., 32; Лук. X, 27, Зогр., 104.

В последнем примере орудийное значение творительного падежа имен существительных проявляется довольно очевидно. Это можно объяснить тем, что повторение одного и того же определения при ряде существительных в творительном падеже подчеркивает их конкретное значение.

Древнесербский (примеры приведены все): *А се писа дражеславь диꙗкь своиомь рꙋкомь малокорисномь...* Стоj. I, 73. *И тамо ихь к вамь по͠слахь да ви ꙋзмете своиомь рꙋкомь сверхь себе поꙗсь...* Стоj. I, 70.

Древнерусский: *Феодосий же сам своима рукама омываше и спряташеть и́.* П. вр. л., 129. *Имѣемъ бо кормлю отъ землѣ. Аще ли не вѣруете, да узрите своима очима.* П. вр. л., 88.

Древнечешский: *A sám jest to také ukázal, že jest dělal rukama svýma.* Št., O. v., 31—32, 1. *A když tak Boha miluji vším srdcem, vší mysli i vší duší.* Št., O. v., 285, 31.

Древнепольский: *Ale czosz gest gedno vislo s twich ust, spelnisz, a uczinicz czoszesz slubil panu bogu twemu, czosz s dobrey woley swimi usty przemowil.* B. Z., 143, 22. *Synowe twogi y dzewki twe poddany bǫdǫ ginemu l'udu, a ty patrzasz swima oczima* na to... B. Z., 149, 7.

Однако уже в древних славянских языках встречаются случаи употребления творительного падежа с другими определениями, имеющие характер не устоявшихся штампов, а живых оборотов речи.

Древнесербский: *А сьди гпⷭ погледаи сръ҃чнѣма ѡчима къ приⷯтельствꙋ и почьтенью нашемь.* Стој. I, 378.

Древнерусский: *отъ всея душа и отъ всего помышленія и всѣми чювствы, теплою вѣрою вѣровати...* Дом., 7. *Иштерекъ князь молылъ Прокофью, что де онъ, Иштерекъ князь, государю служитъ прямымъ серцемъ и правда де у него, Иштерека, къ нему, государю, въ серце, а не въ шапке.* А. вр. Межд., 12.

Древнечешский: *aby neomylně, plným srdcem hledali jeho.* Chelč., S. v. 36, 21.

Нижнелужицкий: *Woni possluschaj'u mno s posshischima uschima.* Niedersorb. Ps., 18, 44. 'Он слушает меня внимательными ушами'.

В современных славянских языках рассматриваемая группа — живая категория, значительно распространившаяся, но исключительно за счет расширения круга определений при тех же существительных (ср. *смотреть открытыми глазами, испытующими глазами, печальными глазами* и т. д.; *взять своими руками, голыми руками, неумелыми руками, дрожащими руками* и т. д.).

Примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: *Dovukao se Rući, uhvati Janko kćer objema rukama za glavu.* Šen., Sabr.

Ласно је туђим рукама за врело гвожђе хватати. Посл. *Окрчио својим рукама.* В. С. Караџић, Дан. 5, 57. *Љуби Господа бога својега свијем срцем својијем и свом душом својом и свом мисли својом.* Мат., 22, 37. (Дан., Срп. синт. 572).

Словенский: *Potîn sən — sə̀ — naučîw sàm s swójì ȣlàve.* 'После я научился сам собственным умом'. Б., Ю.-сл.

Русский: *Она щедрой рукой положила в чашку целый килограмм кислейшего откидного молока.* Шол., Подн. цел., II.

Белорусский: *А сама я ўласнымі рукамі...для вас выткала і вымыла.* Я. К. Т., стр. 117. *З сваёй яблыні й сваімі рукамі зрабіў.* Я. К. Т.

Чешский: *Jen se nebojte, my si pro vás přijdeme; i kdybych měl jenom holými nehty ty skály rozškrabat.* Čap., Pr. parta. *„Pozor", zařval Standa a letí chytit tu stropnici holýma rukama.* Čap., Pr. parta.

Словацкий: *Býva v „kući“ otcovskej a starootcovskej: Vystavená je z holého kamenia, rukou neumelou.* Kukuč. *Pozrela okom ustrašeným naňho — na pozvanie ktorého sa sem opovážila.* Kukuč.

В современных славянских языках из конструкций, синонимичных творительному образа действия, отмечена лишь одна: в украинском, чешском и словацком языках вместо творительного „собственными, своими глазами“ при глаголах со значением 'видеть' употребляется конструкция винительного падежа с предлогом *на*, имеющая значение наречия образа действия.

Украинский: *Сам на свої очи бачив.* Чуб. V, 67 (Тимч., 36). *На власні очи того птаха видїв.* Ж. С. П., I, 62 (Тимч., 37).

Чешский: *Kdo viděl vše to jako já na vlastní oči, musí doznati, že dobytí všech těch barikád stálo by potoky krve...* Arb., Syn. předm.

Словацкий: *Videl som na vlastné oči zastavenú textilku v časoch nezamestnanosti.* Sln. cesta.

Из группы творительного, обозначающего часть тела человека (участвующего в действии), происходит выделение некоторых фразеологических оборотов, представляющих собой неразложимые сочетания, составные элементы которых не выступают уже в своем прямом, реальном значении. Этот процесс свойствен древним славянским языкам. К подобным фразеологическим сочетаниям относятся в старославянском языке — **клънити сѧ главоѭ**; в древнерусском языке — широко распространенные в памятниках сочетания *бити челомъ, писати своимъ цѣлымъ умомъ*; в древнесербском языке — *рече д҃шомъ; присегꙋ дꙋшомь.*

Старославянский: ...**Ни главоѭ своѥѭ клъни сѧ**...Мат. V, 36, Мар., 13_9; Зогр., 4.

Древнесербский: ...*Ми Бѣльѣкъ и радичь са всѣми вишє именованѣми на свѣто писмо Христова Еван(ћелиа з добр)е волє и с права срца есмо присегли нашомь вѣромь и дꙋшомь...* Стој. I, 126, 77.

Древнерусский: *А мы поехали к Ширванше во Коитул, и били есмя ему челом, чтобы нас пожаловал чем доити до Руси.* Хожд. Аф. Ник., 29. *А сам прииде на Москву и би челом князю великому Василью Дмитриевичю.* Моск., 232, л. 325. *Се язъ рабъ Божьи Игнатей Афанасіевъ сынъ Тольцина, пишу собе духовную грамоту своимъ цѣлымъ умомъ и разумомъ кому ми что дати и на комъ ми что взяти.* Арх. Стр., 127, № 79. *Се азъ Иванъ церноризець скимникъ Матфѣевичь писалъ есми рукописанье своимъ цѣлъмь умомъ.* Гр. Н. Пск., 248, № 226.

Случаи употребления подобного типа сочетаний отмечены в самых различных по жанру памятниках древнерусской письменности до XVII в. включительно. Доказательством полной потери субстанциональности существительных *челом* в обороте *бить челом* может служить тот факт, что при данном обороте в памятниках позднейшего периода стал употребляться вторичный творительный падеж, указывающий на то, чем 'бьют челом': *положил Василей Кишкин на девку, на Реклицу, даную*

сына своего Захарья и бил челом словом, чтобы велели против тое даной разпросити Ивана Казимирова. Як. X, 342, № 5, VIII.

Творительный отвлеченного орудия при переходе в творительный образа действия адвербиализуется. Почти во всех славянских языках (кроме славянского и лужицких) отмечена форма со значением 'силой', представляющая адвербиализующуюся или адвербиализованную форму творительного невещественного орудия.

Примеры из текстов древних славянских языков:

Старославянский: ...**того силоѭ врагы распѧ҇ѣше**. Супр., 431_5. **і҇ ѡ҆ц҃рѣпѣ҇ѣ҆шоу҆ ѥ҆моу҆ зѣ҆ло. і҇ цѣ҆лоу҆ бы҇ѣ҆шоу҆. прѣ҆воѭ҆ силоѭ҆ сътвори т҃и на къставшѩ҇щ҃ъ на не҇го влъ҆шьвоѭ҆ богомрьзъкыѭщ҃ъ сращинъ**. Супр., 567_{21}.

Древнесербский: ...*и ѕзе силѡ*^{м}. *е҃. во҃ѵ҆а.* Stoj. II 65, 5. ...*и сьди тѫже кр҃ь имь кѫкѣ разбитаю и силомъ ѕзимлю молимо ѕставите ѡ*^{л}*ь тогаи.* Stoj. I, 157, 25—26.

Древнерусский: *А людье бьюще Михаля, отторгоша с него крестъ и чепи золоты, а врата у двора выломиша силою.* Моск. 42, л. 50. *Град же взял индейскы Меликъган ходя, а взял его силою, день и ночь билъся с городом 20 дни.* Хожд. Аф. Ник., 67.

Древнечешский: ...*ani jinak mocí chudiny drali.* Chelč., S. v., 143, 32.

Древнепольский: *Silǫ moczǫ gwałtem wszǫles mi newo...i tom swosznim zastal aczbi mi tego przal gotowem to ukazacz.* Altp., 188.

Примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: *Тада Илинка пође њојзи, ухвати је за руку и силом је пољуби.* Лаз.

Русский: *Мне уже теперь от вас ничего не вышло; будете силой навязывать, так не возьму.* Остр.

Украинский: *Людей гоним силою на присягу, то й батько присягав на унію.* Грин., IV, 119.

Чешский: *Nella musela babičku mocí odvést.* P., Hra s ohn.

Словацкий: *Štípala ma do tváre a silou-mocou chcela ma bozkávať.* Jilem., Kron.

Польский: *Siłą bierz doktora* na wóz, *jak nie będzie chciał.* Twór.

Форма творительного падежа *силой* в современных славянских языках является наречием, употребляемым в модальном значении 'насильно'. Как видно из приведенных примеров, и в древних славянских языках (старославянском, древнерусском, древнечешском, древнепольском, древнесербском) это значение в форме творительного падежа выступало довольно явственно — форма творительного инструментального уже тогда вступила на путь адвербиализации. Однако, например, в древнечешском языке нам встретился пример, в котором та же форма *mocí* выступает в значении творительного инструментального: *Čehož peřetohú mocí, smysl mají ku pomoci.* Fl., Nov. r., 143, 1669. 'Чего не преодолеют силой, имеют ум на помощь'.

В современном русском языке иногда в том же значении (чаще в разговорной речи) употребляются наречия *силком* и *силом*: *Ведь тоже по нынешнему времеию силом женить не велят.* Вл. тьмы, 1 (Шахм., Синт.). *А уже как осерчаешь да размахнешься, так и силком не оттащишь тебя тогда.* Леонов, Русск. л.

В. В. Виноградов объясняет происхождение наречия *силом* из формы творительного падежа профессионально-диалектного слова *сило* — силок для ловли птиц[1]. Наречие *силком* имеет подобное же происхождение (от слова *силок*).

Приведем другие примеры творительного образа действия из творительного инструментального отвлеченнного орудия.

Древнерусский: *Потом адмиралъ объявилъ королю: „Я королевну взял приступомъ“.* Ист. о В. Кор., 126. *Отцу ея и матери о томъ своемъ несчастіи не сказывать, а сказала бы, яко съ Цесаріи боемъ взялъ.* Ист. о В. Кор., 124. *Царя боися и служи ему вѣрою, и всегда о немъ Бога моли...* Дом., 11. *Аще земному царю правдою служиши, и боишися его...* Дом., 11. *...а нарокомъ по нихъ не посылати приставовъ того для, что мѣсто далнее.* Собр. Гос. гр., 436, 158. *И посла къ Святославу съ гнѣвом, глаголя: „даи мою дружину добром, яко же есь их у меня взялъ“.* Моск., 93, л. 114. *тою пустошью Поломкою владеютъ насильствомъ Алексѣевы крестьяне Годунова.* Бл. б. Од., 62, IV, 17.

Все рассмотренные формы творительного падежа в древнерусском языке либо уже представляют собой наречие (*добром, нароком, приступом*), либо являются адвербиализующимися формами творительного падежа, еще сохранившими орудийное значение (*боем, насильством*). Некоторые из них вышли из употребления в современном русском литературном языке, сохраняясь лишь в говорах или в произведениях русского народного творчества.

Древнечешский: *Že mnohý žije, dědiny Násilím drže, bez viny.* Fl., Nov. r., 117, 1288. *Však smy (s tvým otcem) koruny boiem dobyli.* D. chr., 116, 15.

Современный чешский: *Bože, stačilo se poděkovat telefonem, když už mermomocí chtěla.* P., Hra s ohn. *Pruští verbíři zmocnivše se ho nasilím odvezli ho, a již se nevrátil.* Jir., Skal.

Польский: *Jedni zapraszają mnie prawie przemocą do łodzi, drugie skaczą i żebrzą.* Sienk. L. Afr. *Suzin jedzie do Paryża i chce go gwałtem zabrać...* Prus, Lalka II.

Творительный тавтологический

Кроме случаев, рассмотренных выше, в славянских языках существует обширная группа творительного образа действия, о связях которой с творительным инструментальным имеются указания исследовате-

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 383.

лей[1]. Мы имеем в виду творительный тавтологический (*казнить казнью, спать сном* и т. п.). Творительный тавтологический характеризуется рядом отличительных особенностей. Некогда очень распространенный в своем исконном значении, т. е. в значении, идентичном значению глагола, позже творительный тавтологический значительно сузился в своем употреблении и сохранился в славянских языках только в двух случаях: в случае употребления его с определением, несущим основную смысловую нагрузку этого словосочетания (*смеяться горьким, веселым, звонким смехом; жить полной жизнью; умереть геройской смертью*), или же в случае адвербиализации, т. е. утраты данной формой всех черт имени существительного и перехода ее в наречие[2].

Во всех славянских языках — древних и особенно современных — существует обширная группа примеров творительного тавтологического с определением. Определение содержит в себе характеристику фактически не определяемого предмета, но описываемого действия. Реальное значение существительного в творительном падеже либо вообще теряется (*спать крепким сном, убояться великим страхом, смеяться добродушным смехом, шагать легким шагом, любить безумной любовью* и т. д.), либо значительно бледнеет (*идти медленным шагом, смотреть пытливым взглядом, сказать сухим тоном* и т. д.).

Творительный тавтологический с определением нам представляется удобнее рассмотреть в двух различных группах:

а) Творительный тавтологический, выраженный существительным, корень которого совпадает с корнем глагола-сказуемого.

В сочетаниях типа *спать крепким сном* логически выделяется определение, характеризующее действие и тем самым приобретающее значение наречного определения: *любить горячей любовью* = *любить горячо, судить праведным судом* = *судить праведно, жить замкнутой жизнью* = *жить замкнуто, плакать громким плачем* = *плакать громко* и т. д. Существительное в творительном падеже в рассматриваемых словосочетаниях является как бы формальной частью высказывания. Примеров этой группы много в древних и современных славянских языках.

Примеры из текстов древних славянских языков:

Старославянский: **По въздръжаниѝ ми въздръжаньѥ́мъ и҆стыи́мъ... вьниде сотона въ о҆троковицѫ нѣкѫѭ҃.** Супр., 525_{13}. **...се же г҃лаше клеплѧ коеѭ съмрътиѭ хотѣаше оумьрѣти.** Мар., Ио. XII, 33, 369_{9}. Сав., Ио. XII, 128, 122. Ассем., Ио. XII, 33, 35_{26}. **...и се анъѯелъ господьнъ ста въ ниχ и слова господьнѣ осіт сѧ, и оубоѣшаѧ сѧ страχомъ велиемъ.** Ассем., Лук. II, 1—20, 172_{23}. Зогр. Лук. II, 9, 84,

---

[1] См. J. Loś. Funkcje narzędnika w języku polskim. — „Rozprawy" A. Um., Ser. II, m. 25, стр. 133 и др.

[2] Об этом см. А. А. Потебня. Из записок, стр. 489—490.

Мар., 197_8. ...видѣвъше же звѣздѫ въздрадовашѧ сѧ радостиѭ велиѥѭ зѣло. Савв., М. II, 142, 138.

Древнесербский: ...*коимь сте се ѡбитомь ѡбитовали момꙋ г^дну кралꙋ*. Стој., I., 475, 9. *Папа же и иже с нимъ єдва возмогоша разлꙋчитисѧ ѿ нихъ, цѣлꙋюще дрꙋгъ дрꙋга цѣлованїємъ стымъ*. Жит. св. Н. II, 24.

Древнерусский: *И плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомь*. П. вр. л., 48. *теплою вѣрою вѣровати во имя отца и сына и святаго Духа въ нераздѣлимую Троицу*. Дом., 7. *Да вземъ патоки, и варити тихимъ варомъ, а пѣна на чисто ситомъ снимати*. Дом., 168. *чтобъ про ту пустошь сыскать повальнымъ обыскомъ*. Бл. б. Од., 128, IX.

Древнеукраинский: *И ѿписалъ єсмь своєи жѣнѣ кн҃гни маріи. и свои^м дѣте^м и єє дѣте^м. свою ѿчиноу, и свою выслоугꙋ. Иже єсмь выслужи^л на свои^х г'аирехь своєю вѣрною службою...имѣниє пръвоє*. Укр. гр., 145, № 83.

Древнечешский: ...*bude nás súditi súdem upřiemným*. Št., O. v., 186, 7. *že se na ně náramně hněvá velikým hněvem*. Chelč., S. v., 377, 31. *Tiem snem nerod' nikdy spáti*. Fl., Nov. r., 97, 939.

Древнепольский: ...*a wsechmogǫ́czycz poszegna tobye poszegnanym nyebyeskym s wyrzchu, poszegnanym przeswyecznim leszǫ́czego we spod, poszegnanym wyna i plodu*. B. Z., 43, 6. *Y udzyalal (pawlokǫ́ǫ́ albo) oponǫ́ s modrey barwy y s pawloky, y sz sukna czyrwonego..., dzalem przeszywanym, przemyennym y roszdzyelonym*. B. Z., 75, 16. *Wzvola wszistek lud wolanim przewyelikiim*. B. Z., 164, 23.

Примеры из современных славянских языков:

Сербохорватский: *Српски народ у свој турској држави живео је својим оделитим животом*. Марк., Срб. на ист. *Mladić planu živim plamenom*. Šen., Sabr. *Небо се над њим грчи и спушта облаке ниско, а језеро се креће из дубине и пење своје грдне таласе и поздрављају се јуначким риком и грле се мушким загрљајем*. Нуш., Крај охр.

Словенский: *In nasmehnila se je s svojim vznesenim smehljajem*. Bev. *Kmet, zavaljèn, čokat človek, je pogledal Jerneja z nezaupnim očesom*. Cank.

Русский: *Зашагал дальше широким вольным шагом человека, который вполне счастлив*. Кетл., Дни н. ж. *Бойцы, спавшие доселе походным, чугунным сном, попросыпались недоуменно*. Фурм., Чап. ...*его лицо совершенно невольно...вдруг улыбнулось привычною доброю и потому глупою улыбкою*. Толст., Анна К.

Украинский: *Ой ступай же конику тихою ступою*. Чуб. У, (1017) (Тимч., 65). *Сміялися веселим сміхом*. (Тимч., 62). *Твердим сном спати*. (Тимч., 62).

Чешский: *Tu a tam bylo vidět u silnice osiku neb jeřáb, z jichž haluzí, jezdce uzřevši, těžkým letem ulétala vrána*. Jir., Skal. *Když se k němu lidští tahouni přiblížili, musili vypnout prsa, udělat vpravo*

hleď a vykročit německým přehlídkovým krokem. Řez., Nást. *Zasmál se smíchem mladých lidí a tak vykročil z domova.* P., Hra s ohn.

Словацкий: *Kráča ľahkým krokom dolu chodníkom.* Kukuč. *Veď žili sme tam tvrdým, veľmi tvrdým životom.* Bolo nás 18. *Stiskla ústa a, sklopiac oči, zahorela živým ohňom.* Kukuč.

Польский: *Zasnął snem twardym tegoż momentu.* Kras., Hist. *Kamionka spał długo lekkim snem, lecz nagle zbudził się...* Sienk., Nov. I. *Ale kiedy niekiedy sinawe usta chorego poruszały się lekkim ruchem, jakby się modlił...* Sienk., Nov. I.

б) Творительный тавтологический, выраженный существительным, корень которого не совпадает с корнем глагола-сказуемого.

Принципиально это группа не отличается от первой группы. Однако лексическое значение существительных во второй группе ослаблено в меньшей степени, чем в первой. Сравним несколько примеров:

Первая группа	Вторая группа
Плакать громким плачем.	*Плакать горькими слезами.*
Шагать вольным шагом.	*Брести медленным шагом.*
Кричать громким криком.	*Кричать яростным голосом.*

При устранении определения творительный падеж существительного в первом случае либо теряет смысл *(шагать шагом)*, либо превращается в творительный усиления, характеризующий действие с количественной стороны, со стороны его интенсивности, напряженности *(плакать плачем, кричать криком)*. Во втором случае творительный падеж продолжает содержать качественную характеристику действия, переходя часто в качественное наречие *(плакать слезами, брести шагом)*.

Примеры из текстов древних славянских языков:

Старославянский: ...и се рекъ гласомь велиємь възъва лазаре грѧди вонъ... Ио. XI, 43, Мар., 364_9, Зогр., 158; Ио. XI, 83, Савв., 71. ...абиѥ же ѥдинъ отъ ѥлению отвръзъ оуста своꙗ рече чловѣчскомъ гласомъ. Супр., 224, 5. ...ст҃аго же дх҃а текѫшти къ пе҃моу благодѣти. ꙗсиѫ рѣчиѭ · и саврьскым ѧзыкомъ отъвѣшта. глаголѧ. Супр., 49.

Древнерусский: *Тогда воздвигнувся Ярополкъ выторъгъ изъ себе мечъ и рече велиимъ гласомъ.* Моск., 13 л., 11 об. *Начать кричать и вопить гласы неудобными, понеже бѣси ево жэстоко начаша мучить.* Жит. Авв., 68.

Древнечешский: *oni že smutnými notami zpievají.* Chelč., S. v., 49, 29. *Křikú všickni iedniém hłasem.* D. chr., 10, 190. *Špaček rozumnými slovy takto řka mluvi královi.* Fl., Nov. r., 129, 1157.

В исследованных памятниках древнепольского языка зафиксирован лишь один пример: *Molwil yesm moym językyem: zyaw my, gospodnye, konecz moy.* P. P., 67, 13; 38—5.

Примеры из современных славянских языков:

Сербохорватский: *— Госпођице! — рече он гласом који се једва чуо.* Лаз., Прип. *Ама ништо, брате, викам, ђе да ми поцепаше капут, брате, рече Ивко тонким и плачевним гласом.* Игњ., Чуд. св.

Словенский: *Vekal je s pustim, cvilečim glasom, kakor lačen pes na gmajni.* Cank. *Z opreznim korakom je prestopil Jernej prag.* Cank.

Русский: *— Товарищи! — крикнул чужим, зычным голосом, — Ревсовет приказал.* Фурм., Чап. *Она остановилась, гордо, несколько набок, подняла голову, встряхнулась и заржала сладким, нежным и протяжным голосом,* Толст., Холст.

Чешский (особенно часто в современном чешском языке в роли творительного второй группы выступает существительное *hlasem* 'голосом' с разнообразными определениями, легко заменяемыми наречием того же корня):

Vzkřikl hlasem zvučným — vzkřikl zvučně.
Zavrčel hlasem drsným — zavrčel drsně.
Pravila tichým hlasem — pravila ticho.
Pravil mi jemným hláskem — pravil mi jemně.

„Strýčku", pravil pan Šajvl hlasem pevným, ale přitom měkkým. Ner., M. pov. *Filosofé umlkli a Vavřena stoje za kathedrou, jal se jasným zvučným hlasem čísti.* Jir., Fil. hist. *V jejím životě se energickým pohybem ozvalo dítě.* Olbr., Anna pr.

Словацкий: *Bud'te trpezlivý, hneď vám nadviažem potrhanú niť tkačským uzličkom.* Jilem., Kron. *Pobral se za ňou ťažkým, unaveným krokom.* Sln. cesta. *Ona pozrela naň, vľúdne, milo... a ide rýchlym krokom a so sklopeným zrakom cez ulicu na ňu zvedavo obrátených.* Kukuč.

Верхнелужицкий: *Praji wona z bojaznym a třepotacym hłosom.* Haš., Mar.

Нижнелужицкий: *Wałaschtej s wotschym głosom stražnika.* Serb.

Польский: *A zmiótłszy ostatni kąsek z talerza, szybko otarł usta serwetą i, niby przypadkowo, spojrzawszy na zegarek, rzekł tonem niewypowiedzianie melancholijnym...* Krucz., Kord. ch. *Panna Aniela lekką stopą snuła się po ścieżkach i alejkach.* Krucz., Kord. ch.

Кашубский: *Pówjedz mye Vpąn, jaką mówą apóstołovje gôdale.* Cen., Rozm. *Ho me, moj Panje! Jo vjem, że le jedną mówą gôdale.* Cen., Rozm.

Рассмотренные две группы примеров несколько различаются своей судьбой. Примеры первой группы чрезвычайно широко распространены во всех древних славянских языках. Ее существование в праславянском языке не вызывает сомнения. В дальнейшем эта группа получила широкое распространение и в современных славянских языках, но главным образом — за счет распространения и расширения круга определений при отглагольных существительных. С другой стороны, многие обороты,

которые являются обычными для более раннего состояния славянских языков, для современных славянских языков либо вообще невозможны (*ужаснуться ужасом великим* — старославянский; *верить теплою верою* — древнерусский и т. п.); либо в значительной степени воспринимаются как фразеологические обороты (*спать крепким сном*). На их месте в современных славянских языках часто можно встретить равнозначные или сходные по значению с прилагательным наречия.

Характерно, что все случаи первой группы в древних славянских языках и старославянском языке могут быть заменены соответствующим наречием (*воздержаться воздержанием истинным*, т. е. воздержаться истинно; *упасть падением страшным*, т. е. упасть страшно; *радоваться невыразимою радостью*, т. е. радоваться невыразимо и т. д.). Только в древнепольском языке нам встретился один пример, где подобная замена невозможна: *poszegna . . . poszegnanym wyna i plodu*.

Развитие творительного образа действия тавтологического, отнесенного нами к первой группе примеров, шло по различным славянским языкам, в основном, одинаково.

В противоположность первой группе, примеры второй группы в древних славянских языках встречаются реже и чрезвычайно ограничены лексически. Здесь мы обычно находим существительное „голосом" с определением в старославянском, древнерусском, древнечешском; реже употребляются существительные „слезами" и „речью".

В современных славянских языках примеры второй группы получили значительное распространение.

Творительный тавтологический без определения

Творительный тавтологический без определения возможен при глаголах *(криком кричать, ходуном ходить)*, при именах *(свинья-свиньей)* и наречиях *(давным-давно)*. Творительный тавтологический без определения при глаголах служит для выражения интенсивности действия; качественной характеристики действия он не содержит: *криком кричать* — означает кричать очень громко, *слыхом не слыхать* означает — совершенно, абсолютно не слышно. Часто существительное в творительном падеже в других падежных формах неизвестно.

Сербохорватский: *nikom poniknu, гуком гукаху, мамом помамити* и т. п. (но: *радошћу радује се* и т. п.).

Русский: *кипом кипеть, иском искать, слыхом не слыхать, стойком стоять, торчком торчать* (но: *криком кричать, валом валить* и т. п.).

Украинский: *ходором ходити, слихом слихати, поїдом їсти* и т. п. (но: *криком кричати, голосом голосити* и т. п.).

Творительный тавтологический без определения при глаголах зафиксирован в языках: старославянском, сербохорватском, русском, украинском. В исследованных материалах по западнославянским языкам примеры творительного этого типа отсутствуют. Лишь в современ-

ном словацком языке нами отмечен один случай: *bitkom nabitej*. В древнепольском языке были известны выражения *śmiercią umrzeć* и *pośmiewać się pośmiewaniem*.

Старославянский: **дь҆несь҆ радостиѭ҃ радоуѥ́ть сѧ блаженый дауи́дъ.** Супр., 320_{14} ... **и рече къ нимъ желѣниемь се въжделѣхъ пасха ѣсти съ вами.** Мар., Лук. XXII, 15, 297_{24} **И прогнѣва сѧ ѣроростіѭ г҃ь на люді своѩ.** Син. пс. CV, 40, 140^{a}_{17}. **І иже зълословитъ от҃ца ли матерь съмрътьѭ҃ оумьрет.** Мар., Мат. XV, 4, 51_{17}.

Древнепольский: *Ktos poklnye otcza albo maczerz, smyerczǫ́ umrze.* B. Z., 85, 20. *Pozproſzeni ſǫ́ yſczuſzeni sǫ́ kuſili ſǫ́ me poſmewali se mne poſmewanim.* P. Fl., 161,1 (34, 19).

Сербохорватский: *Samo da popuhne vjetar, iskra će planuti plamenom.* Šen., Sabr. *I zažari se djevojka i poniknu nikom.* Šen., Sabr.

Русский: *кипом кипеть, иском ищичи, ходом пошли.* Гр., Лом. *Ходом ходят, съѣдом съѣли, стойком стоят, рёвом ревет, валом валит.* Манс., О г. Шенк. у. *онъ въ сторону помáхнетъ, так ёны валóмъ свалились вси; онъ въ дрýгу помàхнетъ, валóмъ валитъ всихъ.* Онч., Сев. ск. *А коля какая жара стоит об эвту пору: так варом же варит.* Гришк., Лека. *Дядя ломал дверь усердно и успешно, она ходуном ходила, готовая соскочить с верхней петли* Горьк., Детство. *Варвара криком кричит: „Что с тобой сделали?“.* Горьк., Детство.

Украинский: *Чарка й пляшка на столі ходором ходять, бо діти вовтузяться в хаті.* (Грин., IV, 408). *Анї слихом слихати, ані видом видати.* Ном., 1939 (Тимч., 37). *Дївчина у долинї голосом голосить.* Метл., 17 (Тимч., 61). *З людзького горя глузом глузували.* Кул. Баг. гал. 73 (Тимч., 62). *Там я буду, моя мати, горем горювати.* Z. P. II, 59 (Тимч., 63). *Поїдом їсти.* (Тимч., 65). *Ліжма треба лягти.* Сим. 236 (Грин. II, 368).

Словацкий: *Mali ste vidiet' tie preplnené senné búdy, mali ste vidiet', izby na samotách, bitkom nabité.* Jilem., Kron. — *Ked' l'udia v sieni bitkom nabitei boli v najlepšom... práve v tot čas poberal sa k Medved'ovu Tono Fukas.* Jilem., Kron.

Творительный тавтологический без определения наиболее широко распространен в языках старославянском, русском и украинском. В современных восточнославянских языках он характеризует главным образом разговорную речь и диалекты.

Нет сомнения, что творительный тавтологический усиления в древности был более распространен, нежели в современных языках. Об этом между прочим свидетельствуют многочисленные случаи его употребления в старославянском языке.

Творительный тавтологический без определения в славянских языках либо представляет собой застывшее сочетание с глаголом *(слыхом слыхать)*, либо переживает процесс адвербиализации. При сочетании творительного падежа с глаголом того же корня на первый план выступает значение усиления. В процессе адвербиализации форм творитель-

ного тавтологического возможно выделение качественного значения образа действия, которое становится более очевидным по мере ослабления связи творительного падежа с соответствующим глаголом. Переход творительного тавтологического в наречие обусловливается полным разрывом творительного тавтологического с однокоренным глаголом. Такой переход творительного в наречие можно продемонстрировать на многих примерах.

В современном русском языке употребляется наречие *даром* в значении: а) 'бесплатно'; б) 'бесполезно', 'напрасно'. Наречие *даром* возникло из творительного тавтологического при глаголе *дарить* (*дарить даром*). *Даром дарить* означает 'снабдить', 'наделить кого-нибудь подарком' (значение творительного инструментального вспомогательного материала). Это значение довольно явственно проявляется в древнерусском языке: *То же есмь не даромъ далъ, платиль за мен*[*е Д*]*анило и Воинъ искупъ литовьскыи.* Гр. Н. Пск., 162, № 105. *А въ Бежичяхъ тобе, княже, ни твоеи княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ приимати.* Гр. Н. Пск., 12, № 3.

Первым шагом по пути адвербиализации творительного *даром* явилось употребление его при глаголах, лексически близких к глаголу *дарить — дать, брать* и т. д. Дальнейшая потеря субстанциональности творительным падежом приводит к расширению круга глаголов, при которых возможна адвербиализирующаяся форма *даром*: *Ино самъ ѣлъ, и пилъ, и носилъ даромъ, а денги опять даша.* Дом., 108. *а что носилъ-поминковъ и самъ таскался, то лишное пропало даромъ.* Дом., 115. *Понапрасну па тою царя хлеб едите, даром.* Онч., Сев. ск. *Ему тоже промышлять чем-нибудь надо, даром что нечистая сила.* Пауст., Избр.

На его основе возникло наречие *недаром* в значении 'не без оснований', 'не без причины', 'незря': *Берг недаром показывал всем свою раненную в Аустерлицком сражении руку.* Толст., Война и мир.

Подобный процесс был свойствен многим формам творительного тавтологического, которые в современных славянских языках выступают в роли качественных наречий, употребляясь с различными глаголами (*мельком, молчком, рывком, ползком* и т. д.). Все эти наречия соотносительны с каким-либо глаголом. Обычно форма творительного падежа является изолированной формой, не имеющей соответствующего существительного.

Сербохорватский: — *Једи, благо мени, немој плакати — теши га мајка, када му угледа сузе на очима а и сама избриса крадом сузе са својих очију.* Дом., Укид. *И тада би слуге брата, већ онесвеслог од страха, кришом износили и склањали у комшилук, да га не би заклао.* Станк., Неч. крв. *Црква је служила сваки дан, а недељом је била увијек дупком пуна.* Лаз., Прип.

Русский: *Сидит старик, глядит молчком.* Твард. *Шестеро ее спутников, тоже неизвестные Вихрову, рывком обнажили головы.* Леонов, Русск. л. *Жизнь свою я тащу волоком, как беспокойный*

шлейф. Чех., Чайка. *Тут он взвизгнул тихонько и соскользнул кувырком с крыши-то во двор.* Горьк., Детство.

Украинский: *Ну бігать, гомоніть, чайнувати, аж усе піде жужмом.* М. В., II, 10 (Грин., I, 492). *Часом і по щоці дасть нишком та тишком.* Левиц. 1, 32. (Грин., IV, 268). *У наметі поставили образ Пресвятої і крадькома молилися.* Шевч., 365 (Грин., II, 297). *Се щось не даром.* (Грин., I, 359).

Итак, творительный тавтологический без определения явился во всех славянских языках источником качественных наречий, утративших связь с однокоренным глаголом и обладающих всеми признаками адвербиализованной падежной формы. Такие наречия могут быть отмечены и в западнославянских языках [1].

Чешский: *Oba byli skokem u něho.* P., Lidé na kříž. *Ichuchu! To budou dvě dlouhé! zavýsknul gamin, a hmátnuv hltavě po groši, již uhání úprkem po ulici.* Arb., Syn. předm. *Adam mávl rukou a chvatem se běží do umývárny přestrojit.* Čap., Pr. parta. *Lidka na něho pohlédla úkradkem.* R., Lidé na kříž.

Польский: *Wystarczyłoby, żeby Pan Jezus palec zakrzywił, a wszystko to leżałoby pokotem.* Rudn., St. *Swawolnie, chyłkiem Franka wybiegła z gęstwiny łodyg, których parę zakołysało się w powietrzu żołtymi kitami.* Orz., Cham. *Tę ostatnią Awdocia także omackiem znalazła...* Orz., Cham.

* * *

Изменения значения творительного инструментального могли происходить не только на основе изменения его синтаксической функции (см. предыдущий раздел), но иногда — путем прямого переосмысления орудийного значения творительного падежа.

Одним из таких производных значений от творительного инструментального является творительный меры.

В отличие от творительного орудия, обозначающего конкретный, обычно единичный предмет, служащий проводником воздействия субъекта на объект, творительный меры, будучи всегда выражен множественным числом существительного, не создает представления о конкретном предмете-орудии, с помощью которого субъект совершает действие, но обозначает количественную меру предметов или вещества, выраженных винительным падежом прямого дополнения (*носить воду ведрами, возить зерно мешками* и т. д.).

Творительный типа *носить воду ведрами* нет оснований считать новой конструкцией. Новым является лишь ее значение, оформившееся на основе творительного орудийного, вероятно, сравнительно недавно. Об этом свидетельствует тот факт, что творительный меры отмечен только в современных славянских языках.

---

[1] Подробнее см. в главе „Процесс адвербиализации творительного падежа", стр. 313 настоящей книги.

Сербохорватский: *Продају сиромашни људи, који тек једну краву имају, сир центама а масло качицама.* Р. Поповић. od 75 (Дан., Срп. синт., 577).

Русский: *Таких, как ты, дюжинами считают.* Кетл., Дни н. ж.

Украинский: *Носі горілку пляшками.* Гн., 1, 59 (Тимч., 77). *Стали вони воду відрами носити, а Петруньо приніс водиці полою.* Z. P., Ж. С. 1, 460 (Тимч., 77). *Уже люди возять (збіжжя) і мішками.* П., 82 (Тимч., 77).

Словацкий: *Naši po nich striel'ali celými salvami. Jil*em., Kron.

Польский: *... rąbał dłutem śledzie leżące na ławie, odrzucał łebki, a resztę wpychał kawałkami do ust Żydowina.* Krucz., Kord. ch. *Ów toast, który wtedy — w kawiarni zwanej Dziurką — wypito szklaneczkami ponczu, okazał się przedwczesnym i wzniesionym zgoła lekkomyślnie.* Krucz., Kord. ch.

* * *

Итак, инструментальное (орудийное) значение творительного падежа является одним из основных его значений, несомненно существовавшим в праславянском языке.

В творительном инструментальном целесообразно выделить три семантические группы: 1) творительный инструментальный орудия (*засыпать яму лопатой*); 2) творительный инструментальный средства (*вспахать поле волами*); 3) творительный инструментальный вспомогательного материала или содержания (*засыпать яму землей*). Выделение указанных групп творительного инструментального обусловлено и оправдано историческими особенностями развития каждой из них.

Творительный орудия употребляется при глаголах переходных и непереходных, которые образуют несколько групп: 1) глаголы абсолютно переходные, при которых творительный орудия обозначает предмет, которым субъект воздействует на объект (*написать письмо пером*); 2) глаголы, которые с одним и тем же составом существительных выступают то в роли переходных, то в роли непереходных. Творительный орудия при этих глаголах обозначает часть тела человека (*трясти головой*), через которую „действие становится заметным" (Потебня); 3) глаголы, которые с одним составом существительных выступают в роли переходных, с другим — в роли непереходных. Творительный орудия при этих глаголах обозначает предмет, через который действие проявляется (*перебирать ногами*, но *перебирать зерно*); 4) глаголы абсолютно непереходные. Творительный орудия при этих глаголах также обозначает предмет, через который проявляется действие или обнаруживается состояние (*всплеснуть руками, блеснеть золотом*). Творительный средства известен при глаголах переходных и непереходных. Творительный инструментальный вспомогательного материала возможен исключительно при глаголах переходных или при глаголах возвратных, для которых непереходность — свойство исторически приобретенное.

Три выделенные группы творительного инструментального существенно различаются судьбой и перспективами развития по славянским языкам. Творительному орудия не свойствен синонимичный параллелизм с предложными конструкциями. На определенном историческом этапе развития славянских языков творительный орудия расширил границы своего употребления — он стал возможным при глаголах непереходных. Особенностью развития творительного орудия является изменение синтаксической функции — от функции дополнения до функции обстоятельства образа действия. Для творительного средства характерны синонимичные связи с целым рядом предложных конструкций. В ряде случаев процесс вытеснения творительного средства синонимичными конструкциями закончен по всем славянским языкам. Творительный вспомогательного материала или содержания сохранился в славянских языках на протяжении их истории без существенных изменений. Ему не свойственно расширение синтаксических границ употребления (ср. творительный орудия при глаголах непереходных). Замена его синонимичными конструкциями ограничена узким кругом глаголов, при которых творительный вспомогательного материала последовательно вытесняется предложной конструкцией.

В древних славянских языках отмечена группа творительного инструментального, обозначающего материал, из которого что-либо сделано (*домъ сдѣланъ каменемъ*). Она очень рано утрачена по всем славянским языкам. Процесс вытеснения творительного материала, из которого что-либо сделано, без сомнения имеет свое начало еще в праславянском языке. По отдельным славянским языкам он отмечен в XIV—XVI вв.

Творительный инструментальный подвержен процессу адвербиализации, который заключается в изоляции падежной формы от системы склонения и переосмыслении ее на основе новой обстоятельственной функции. Процесс адвербиализации особенно характерен для группы творительного орудия, являющейся источником формирования творительного образа действия — позднейшего значения творительного падежа, возникшего на основе потери субстанциональности формами творительного падежа различных значений. В процессе адвербиализации творительного инструментального можно наблюдать ряд ступеней — от зачаточного состояния этого процесса до его завершения — перехода падежной формы в наречие. Процесс адвербиализации, специфический для группы творительного инструментального орудия, способствует сохранению в этом значении старой беспредложной конструкции творительного падежа. Важно отметить, что в тех группах творительного инструментального, которым процесс адвербиализации в основном не свойствен, наблюдается почти полная (творительный средства) или частичная (творительный вспомогательного материала) замена творительного падежа предложными конструкциями.

Глава четвертая

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В СТРАДАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ И БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

В истории всех славянских языков одним из важнейших средств выражения значения логического субъекта был творительный падеж без предлога. Во многих из языков он сохранился до нашего времени (в верхнелужицком с предлогом *s*), в некоторых был вытеснен из употребления падежно-предложными конструкциями, с древних времен употреблявшимися параллельно творительному падежу. История творительного падежа в рассматриваемом значении есть история его постоянного взаимодействия и борьбы с предложно-падежными конструкциями.

Наиболее близким к значению логического субъекта страдательной конструкции в современных славянских языках является значение логического субъекта и вместе с тем грамматического подлежащего действительной конструкции. Однако здесь нельзя говорить о тождестве. Прежде всего нельзя забывать, что далеко не от всех переходных глаголов образуются формы страдательных причастий. Употребление возвратных форм глаголов в страдательном значении также очень ограничено в славянских языках. Кроме того, не раз обращалось внимание на внутренние различия между страдательной и действительной конструкциями. Например, характеризуя русский язык, академик В. В. Виноградов отмечает:

„Морфологическая соотносительность между формами страдательного и действительного залогов нарушена, полустерта. Приходится говорить не столько о соотносительных залоговых формах глагола, сколько о стилистических функциях синтаксически соотносительных и синонимических активных и пассивных оборотов“ [1].

Страдательная конструкция выражает содержание, логически сходное с тем, что выражает действительная конструкция, но она при этом придает высказыванию новое грамматическое значение. Логический субъект страдательного действия в современном русском языке по сути дела несколько отодвинут от действия, показанного первым планом, он имеет к нему только косвенное отношение, он лишь принимает в нем участие.

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 640.

Когда мы в троллейбусе видим надпись: „Дверь открывается водителем", мы осознаем в ней не то, что водитель открывает дверь, а то, что дверь открывается при его вмешательстве.

* * *

Совершенно ясно, что не всякий творительный падеж в страдательной конструкции следует рассматривать как логический субъект. Известно, что при страдательном залоге может быть иногда употреблен творительный орудия (*письмо написано пером*). А. А. Потебня замечает по этому поводу:" ... в „ови вяжемы (-ми) и пятами пхаеми", Лавр. 95, творительный, несмотря на страдательность дополняемого, есть творительный орудия, потому что из контекста видно, что не пяты сами по себе толкали лицо, составляющее средоточие мысли (именительный наличный, или чувствуемый, как математическая точка), а некто попирал это лицо пятами; но в "печални, мучими, зимою оцепляеми", ib. 96 или в „ногы имуще сбодены терньемъ" ib., за предметами, означенными творительным, мы не видим других действующих предметов: холод оцепенял, терновник колол, а не некто производил эти действия посредством холода, терния" [1].

Перед исследователем логического субъекта страдательной конструкции в славянских языках стоят два основных вопроса: 1) широта распространения творительного логического субъекта страдательной конструкции в славянских языках (в зависимости от объема и содержания понятия страдательного залога в каждом из этих языков); б) история форм выражения творительного логического субъекта страдательной конструкции в славянских языках.

I. РАСПРОСТРАНЕНИЕ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ СТРАДАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И ИХ ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ (СТРАДАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ И ВОЗВРАТНО-СТРАДАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ)

Страдательные конструкции в славянских языках употребляются реже, чем действительные. Это относится и к литературным славянским языкам и, в еще большей степени, к разговорному языку и диалектам.

Исследователи старославянского языка отмечали, что при переводах с греческого переводчики более охотно пользовались действительными оборотами, чем страдательными. В книге А. Вайана сообщается: „Как это видно из переводов с греческого языка, страдательному обороту нередко предпочитается действительный. Особенно часто заменяет форму со страдательным значением третье лицо множественного числа, которое выражает обычно неопределенный субъект:

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. I—II. Харьков, 1889, стр. 467.

оумⷦ)рѣтъ... и погрѣсѧ и. Лука, XVI, 22 (вместо „он был похоронен" греческого оригинала); не сѫдите да не сѫдѧтъ вамъ. Лука, VI, 37 (греч. „да не будете судимы")[1].

Исследователи русского языка отмечали незначительное распространение страдательных оборотов в русском литературном языке. Е. С. Истрина пишет: „Обороты с творительным действующего лица сравнительно мало употребительны как в деловой, так и в художественной речи"[2].

Есть указания на редкое употребление страдательных конструкций в сербохорватском языке[3].

Основным компонентом, формирующим страдательный оборот, является либо причастие настоящего времени, либо причастие прошедшего времени, либо возвратно-страдательный глагол. Эти страдательные формы имеют различную степень распространения в разных славянских языках. В русском языке страдательные причастия настоящего времени уступают в количественном отношении страдательным причастиям прошедшего времени. В. В. Виноградов справедливо указывает: „Страдательные обороты из причастий с суффиксом *-м-*... свойственны далеко не всем стилям современного русского языка. Стилистическая сфера употребления этих пассивных оборотов (из причастий с суффиксом *-т.*—*К. Х.*) ограничивается официально-канцелярскими, научно-техническими, газетно-публицистическими и примыкающими к ним повествовательными стилями литературного языка"[4].

Есть указания на редкое употребление причастий настоящего времени в современном украинском[5].

В чешском и словацком причастие страдательного залога настоящего времени отсутствует, наблюдаются лишь некоторые прилагательные на *-т.* Нет его в лужицких, нет и в польском. Причастие страдательное настоящего времени было известно в старославянском языке и в позднейшем церковнославянском, в памятниках, возникших на сербохорватской почве, в памятниках среднеболгарских. В современных южнославянских языках оно отсутствует[6].

Второй важнейшей формой, образующей страдательные обороты, являются страдательные причастия прошедшего времени с суффиксами *-t-* и *-n-*. Они в славянских языках представлены широко. Форма на *-t-* преобладает в одних языках, на *-n-* — в других. Тип на *-t-* распространен более в восточнославянских, западных и словенском, нежели в болгарском и сербохорватском. Особенно слабо представлен он в старо-

---

[1] А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр., 386.

[2] Грамматика русского языка. АН СССР, 1952, I, стр. 416.

[3] П. Ђорђевић. Прилози за синтаксу српскога језика. — Гласник српскога ученог друштва. Књ. 69 У Београду, 1889, стр. 83.

[4] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 640.

[5] „Курс сучасної украинської літературної мові", I. Київ, 1951, стр. 330.

[6] См. B. Havránek. Genera verbi v slovenských jazycých, II. Praha, 1937, стр. 21—25.

славянском[1]. Форма на *-n-* широко представлена во всех славянских языках. По своему происхождению и те и другие формы восходят к индоевропейским отглагольным прилагательным, лишенным временны́х, видовых и залоговых значений, но близким по значению к причастиям перфективным, которые впоследствии внедрились в глагольную систему[2].

Страдательные причастия выступают в современных славянских языках в членных и нечленных формах. Они имеют в основном две синтаксических функции: атрибутивную и предикативную (со связкой или без связки).

В современном русском языке страдательное причастие в зависимости от функции, которую оно выполняет в предложении, имеет то один морфологический облик, то другой: в сказуемостном употреблении — краткую форму, в атрибутивном — полную. В этом отношении русский язык не представляет тождества с другими славянскими языками, материал которых далеко не однороден. Так, в западнославянских языках — польском, чешском, словацком — как в атрибутивной, так и в предикативной функции выступает полная форма причастия (со стяженным окончанием); южнославянские языки в предикативной функции имеют обычно краткую форму причастия, в восточнославянских языках — украинском и белорусском — в обеих функциях выступает причастие полной формы.

Возвратный глагол является третьим способом формирования страдательных конструкций с творительным падежом логического субъекта. Аффикс **sę* — средство формального выражения его страдательного значения. Но наряду с этим своим значением он имеет более широкое значение: он — показатель непереходности действия, его замкнутости в сфере субъекта. Поэтому страдательное значение возвратного глагола часто с большим трудом можно отделить от возвратных (средних) его значений. Для того, чтобы возвратная форма глагола воспринималась как страдательная, необходимо, чтобы в форме логического субъекта стояло лицо (или его заменитель), потому что только оно способно намеренно совершать действие, оказывать воздействие на объект; если же в форме логического субъекта стоит неодушевленное существительное, возвратная форма глагола не является страдательной. Возвратные глаголы в страдательном значении свойственны всем славянским языкам.

II. ИСТОРИЯ ФОРМ ВЫРАЖЕНИЯ ЛОГИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА СТРАДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В древних славянских языках зафиксированы две формы выражения логического субъекта страдательной конструкции — творительный падеж без предлога и родительный падеж с предлогом *отъ*. С древних

[1] См. B. Havránek. Genera verbi v slovenských jazycích, II. Praha, 1937, стр. 69.

[2] Там же, стр. 110—113.

времен эти две формы выступали в языках в тесном взаимодействии. При изучении взаимодействий этих способов выражения логического субъекта в истории отдельных славянских языков нельзя не учитывать фактов влияния одних языков на другие. Заимствования могли осуществляться с тем бо́льшей легкостью, что обе формы выражения были понятны и искони свойственны всем славянским языкам и, следовательно, могли восприниматься без труда.

Необходимо отметить, что кроме двух древних форм выражения логического субъекта уже в период существования письменности в некоторых славянских языках возникают новые способы его выражения.

Историю творительного падежа логического субъекта страдательной конструкции надлежит исследовать лишь в связи с историей другой древнейшей формы его выражения — родительного с предлогом *от*, а также винительного с предлогом *skrze* и *przez*, возникших позже в западнославянских языках, и родительного с предлогом *у*, отмеченного в севернорусских диалектах. Поэтому мы поставили своей задачей дать описание употребления творительного падежа логического субъекта страдательных конструкций на фоне истории указанных близких ему по значению падежных форм с предлогами, судьба которых в славянских языках тесно сплетена с судьбой творительного падежа.

Творительный в старославянском употребляется для обозначения логического субъекта-лица и не лица[1]. Чаще всего его можно встретить в страдательных оборотах со страдательным причастием настоящего и прошедшего времени, образованными от переходных глаголов. Изредка встречаются обороты с причастиями настоящего времени от глаголов косвенно-переходных или непереходных, употребляемых как косвенно-переходные: Например: ... веденъ бысть вь тьмницѫ. иже несь'вѣдъныи҆ми а҆ггелы о҆рѫженосьствоуѥ҆мъ. Супр. 431_{29}. ... излиха любїмъ ѥ҆стъ богомъ, чътомъ же ѥстъ кънѧзи. покланѧѥ҆мъ же чистители. и доброчьстивыимъ людемъ. и҆же и҆ дръзновениѥ и҆матъ молитвовати къ богоу за ны. Супр., 220.

Творительный логического субъекта зафиксирован при страдательных причастиях, образованных от переходных глаголов разнообразной семантики: Иродъ же четврътовластьникъ обличаѥмъ имъ. о иродиѣдѣ женѣ братра своего. Марк. I, 13, Мар., 117_{4}. Ср. Зогр., 47; Лук. IV, 2, Мар., 205_{24}, Зогр., 87. ... да събѫдетъ сѧ реченое пророкомъ їсаиемь глѭщемь. тъ недѫгы нашѧ приѩтъ. Мат. VIII, 17, Мар. 23_{12} Зогр. 9, Ассем. 49_{22} Ср. Савв. кн., Мат. VIII, 34. 14, ... и зъванъ на обѣдъ робомъ своимъ не подраживъ сѧ приде к немоу. Супр., 391_{1}. ... любимъ ѥстъ богомъ. чьтомъ же ѥстъ кънѧзи. Супр., 219_{29}. ... тои пакы глинъныимъ брьниѥ҆мъ грьн҆ьчаремъ сътворенѣ быти. Супр., 396_{20}. ... бози ѧже мѣниши ... ни глаголѫтъ ни ходѧтъ. ни слышѧтъ. камениѥ сѫште. чловѣкы изваѩны. Супр., 177_{7}. ... бѣгаахѫ акы огнемъ пакы гонимы. Супр., 39_{21}. ... вьзъпи гласомъ бѣсъ идѫ идѫ.

[1] Ср. В. Вондрак. Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915, стр. 20.

и исхождѫ ноуждеѭ и мѫкоѭ жсномъ ѥсмъ... Супр., 173_{17}. ...тако же и ариани до четыръ десѧтъ лѣтъ правовѣрныихъ цръкви дръжашѧ Ѳеѡдосиѥмъ же кръстиѩныимъ цѣсаремъ... из града изгънани бышѧ ... Супр., 200_{25-26}. дошъдъше же мѣста ижде бѣаше корабь воѥводинъ: и ти зѣло вѣтры и влъ҆нами мьчими възвраштаахѫ сѧ въспѧть. Супр., 151_{13}. ... придѫ къ немоу носѧште ослабленъ жилами носимъ четырьми. Марк. II, 3. Мар., 120_{10}. Ср. Савв. кн., 62. ... сѫпротивномъ вѣтромъ ѧ҃тъ. привръженъ бысть въ островъ нарицаѥмый а҆лсос ... Супр., 539_{3}. гнѣвъ б҃жі възіде на нѧ. и оубівъ мъножаішѩѩ въ ніхъ-ізбъранымъ іил҃емь запѩть. Син. пс., LXXVII, 31, 102^{a}_{6}. ... лютомь гнѣвомъ града и҆родомъ бнѥмы. Супр., 397_{10}.

В старославянском языке представлено несколько случаев творительного логического субъекта при возвратных глаголах со страдательным значением. При отделении возвратно-страдательных глаголов от возвратных с другими непереходными значениями мы руководствовались критериями, примененными русскими грамматистами для разграничения значений возвратных глаголов в современном русском языке[1]. Эти критерии дают нам основание рассматривать как страдательные по значению возвратные глаголы в следующих предложениях: ... не бо нь ѥстъствомъ дѣло велико. и кажетъ ѥ҆же ни вь҆ ветьхыи҆хъ. прьвы҆ими стыи ми мѫжи онѣми оу҃правило. сѧ. Супр., 371_{8}. ... сии нарече сѧ прѣпростыи вь҆сеѭ братиѭ҃ ѥ҆гоже молитвами причѧстьници бѫдѣмь цѣсарьства небесскааго. Супр., 174_{4}..., приими мѧ да прославитъ сѧ имѧ твоѥ .мноѭ оубогыимъ рабомъ твоимъ. Супр., 103_{21} — ...тебѣ бо тоу ѥстъ дано прославити сѧ чловѣкы. Супр., 236_{4}. Горе же чл҃вкоу томоу имъже сънъ чл҃вчскы прѣдаатъ сѧ. Марк. XIV, 21, Мар., 173_{27}. Зогр., 73. Ср. Лук. XXII, 22, Зогр., 129, Мар., 99_{10}. Ср. Савв. кн., Мат. XXVI, 94, 83. ... не посъла бо҃ бъ҃ с҃на своего вь миръ да содитъ мироу. нъ да съпасетъ сѧ миръ имъ... Ио. III, 17, Мар., 323_{15}. Ср. Ассем. 149_{18}. Ср. Савв. кн., 127, 121.

Творительный падеж логического субъекта отмечен в старославянском языке в конструкциях со страдательными причастиями от переходных глаголов различных семантических групп и с некоторыми возвратно-страдательными глаголами. Это говорит о широком распространении рассматриваемой формы выражения логического субъекта. Творительным падежом выражаются и действующие лица и действующие предметы: с одной стороны — чл҃вкы, женами, грьньчаремъ, слоугами, апостолы, робомъ, от҃цмь, иродомь, мѫжи, старѣишиноѭ, пр҃кы, материѭ, еп҆искоупомъ, ѩз҆ыкы, братиѥѭ, дх҃мъ; с другой — огнемъ, ноуждеѭ и мѫкоѭ,

---

[1] См. ст. Н. Н. Роде. Возвратно-страдательная форма глаголов в современном русском языке. — „Русский язык в школе“, 1941, № 3, а так же В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 632—633.

вѣтры и вльнами, невѣриѥмь, съномь, завистиѭ, соудищемъ, тьмоѭ.

Творительный падеж без предлога для выражения логического субъекта в старославянском употреблялся приблизительно столь же часто, что и *от* + родительный. Названные две формы в старославянском изредка могли заменять друг друга без изменения значения словосочетания. Это хорошо видно в тех случаях, когда при страдательных причастиях, образованных от одного и того же глагола, логический субъект выражается то творительным падежом, то родительным с предлогом *от*: ... они же слышавъше ѣко живъ ѥстъ и видѣнъ бысть ѥѭ не ѩсѧ вѣры. Марк. XVI, 11, Мар., 184_{12}. Зогр. 78.

Ср. ... оні же слышавъше ѣко жівъ есть и віден бъистъ отъ неѩ не ѩсѧ вѣръи. Ассем., Марк. XVI, 9—20. 204_{22}. Также в Остр.

Как показывает материал старославянского языка, *от* + родительный употреблялся только для выражения логического субъекта-лица, в отличие от творительного, обозначавшего не только лицо, но и предмет.

В древних переводах евангелия *от* + родительный передавал значение логического субъекта преимущественно при возвратно-страдательных глаголах; с причастиями прошедшего времени *от* + родительный употреблялся столь же часто, что и творительный, с причастиями настоящего времени не употреблялся. В Супральской рукописи предложная конструкция отмечена также и с причастиями настоящего времени, однако чаще всего она по-прежнему связывается с возвратно-страдательными глаголами.

В среднеболгарских рукописях XII—XIV вв. обнаруживаются существенные отличия в употреблении творительного логического субъекта сравнительно со старославянским языком. К. Мейер сообщает значительное количество примеров замены первоначального творительного падежа логического субъекта страдательной конструкции на *от* + родительный в соответствующих местах памятников, переписанных в среднеболгарскую эпоху: Врачанского евангелия XIII в., Тырновского евангелия 1273 г., Добрейшова евангелия XIII в., Погодинской псалтири XII в., и др.[1]

Интенсивное распространение конструкции *от* + родительный было связано в среднеболгарском с развитием аналитизма. Характерно, что современный болгарский язык для выражения этого значения пользуется именем существительным с предлогом *от*. Например: *Някога-той го помни-това кайначе беше голям бистър извор. Беше каптирано и оградено с тежки дялани камъни от някой си Емин ага.* Г. Караславов, Снаха. *Известно е, че отношението на хората към труда се определя от характера труда, от това, дали е той труд принудителен или труд свободен.* „Философска мисъл". 1954, X.

---

[1] K. H. Meyer. Der Untergang der Deklination im bulgarischen. Heidelberg, 1920, § 19, стр. 50 и сл.

Памятник, отразивший черты древнего словенского языка — Фрейзингенские отрывки — указывает на употребление в древнем словенском творительного падежа. Кроме нескольких случаев творительного орудийного во Фрейзингенских отрывках представлен один пример творительного падежа в значении логического субъекта страдательной конструкции — не лица: *Tako, sinci, i nam se modliti tomuje vrchnem(u) otcu gospodi, dožda ni tamoje vsedli v cesarstvo svoje, eže jest ugotovleno iskoni dokoni izvolenikom božiem.* Fr. pam., 56_{66}.

В современном словенском языке творительный падеж логического субъекта не употребляется. Конструкция *-от* + родительный стала в словенском языке основной формой выражения этого значения. Древнейший пример ее, хотя, впрочем, и не очень убедительный, встречается еще во Фрейзингенских отрывках: *Naš gospod, sveti Krist, iže jest bali teles našich i spasitel duš našich, ton posledine balovanije posledje postav(e) (i) ukazal je, imže se nam dostoji od iego zavećāti, i jemu se oteti.* Fr. pam., 57_{95}.

Примеры из современного словенского языка: *Božja Porodnica! — bil je res Marks Wulffing, od Boga zapuščen in zavržen, z odrezano levo nogo!* Tavč. *Oči so jim bile rdeče obrobljene, veke izjedene od slane vode in lica izbružena od vetra.* Bev. *Njena misel, vsa obsijana od solnca, se je daleč umaknila resnici* ... Bev. *Gledal je v materina lica, ki so bila obsijana od mesečine.* Bev. *Tam je bila streha od vetru oskubljena* ... Cank.

Как видно из примеров, конструкцией *от* + родительный обозначаются в современном словенском и действующие лица и действующие предметы в страдательных конструкциях.

В древнесербском языке одним из средств выражения логического субъекта страдательной конструкции был творительный падеж без предлога. В древних грамотах мы наблюдали творительный падеж лишь для обозначения логического субъекта-лица. Творительный логического субъекта замечен в оборотах со страдательными причастиями чаще прошедшего времени, реже — настоящего времени, образованными от глаголов разной семантики. Примеры: ... *и ꙋ сиѥзи се ѡбещаниѥ ѡбеща се кралѥвьство ми властелемь дꙋбровьчькимь. да има ходити дꙋбровьчьскы трьгъ и трьжци свободно и никимь не вьзбранно по всои земли и дрьжавѣ кралѥвьства ми.* Стоj., I, 79_{122}. ... *и вса (ѡпкина) гра*д *дꙋбровника проклети бго*м *живе*м *ѡ*т*це*м *синѡ*м *и све*тм *дꙋхомь и свеми свь*т*ми.* Стоj., II, 108_{145} ... *и свѣми би свѣдоченѡ* (засвидетельствовано. — *К. Х.*). Стоj., II, 90_{117}. ... *да више писанно данно и нами потврьгено нами и нашими послѣдними.* Стоj., I, 561_{13}. ... *да є клеть богомь ѡцемь и синомь и светимь дхомь.* Стоj., I, 423_{63}. ... *и ти вси закони ѥсꙋ потврьгнѥни цр*ем *стефано*м *и стопочивши*м *кнезо*м *и вама и всомь иномь господо*м *срьбьскомь.* Стоj., I, 180_{28-19}. ... *тои що се ѥ нами могло ꙋчинили смо.* (страдательная форма опущена. — *К. Х.*). Стоj., I, 483_{13} ... *и ѡвози записаниѥ и мою вѣрꙋ дарозах властелѡм' дꙋбровьчкимь ꙗко да имь ѥ*с *тврьдо и никимь неповторимо.* Стоj., I, 99_{24}.

Логический субъект-лицо, выраженный творительным падежом, был отмечен выше при сравнительно узком круге страдательных форм. Возможно, что это объясняется жанровой ограниченностью изученных памятников. Этим, вероятно, объясняется также и то, почему в грамотах нам не встретился выраженный творительным падежом логический субъект-не лицо.

По наблюдениям М. Ивич, творительный, которым обозначены одушевленные предметы в страдательных конструкциях, встречается часто в сербских грамотах XIV—XV вв., написанных хорошим народным языком. Это, как думает Ивич, указывает на то, что творительный логического субъекта, если и не употребляется в это время в разговоре, то, по крайней мере, недавно исчез из народного языка. В продолжение периода Неманичей, указывает Ивич, происходил процесс постепенного исчезновения творительного субъекта. В современном сербохорватском этот процесс закончился. Функцию деятеля творительный выражает сейчас в очень редких случаях. В современном сербохорватском известны случаи употребления творительного, которым обозначены не одушевленные предметы, а какие-либо другие понятия: человеческие чувства, настроения, или такие понятия как голод, жажда, усталость и др., которые понимаются как факторы, вызывающие известное состояние. Кроме того, несколько реже встречаются в творительном страдательных конструкций названия таких природных стихий, как вода, ветер, гром и т. д., которые в данных ситуациях понимаются как самостоятельные деятели[1]. Маретич в своей грамматике пишет, что в народном языке очень редко употребляется творительный падеж с глаголами в формах страдательного залога: *koji su osvećeni Bogom ocem i održani Isusom Hristom, ali se nezgodnijem vremenom zadržaste*[2].

Мы обнаружили в языке современных сербохорватских писателей следующие примеры творительного логического субъекта — одушевленного предмета: *Из Іањине чак добегла је ҷеладин бегу у Охрид лепа Фросина, гоњена Али-Пашом због ванредне лепоте своје.* Нуш., Крај. охр. *Софка крочи и, вођена њиме, пође.* Станк. Неч. крв. *Али како им дирек ништа не рече, продужише праћени поиздаље Іовом патролиијом.* Срем. Прип.... *власт извршна тако исто ваљала је да буде изабрана народом.* Марк., Срб. на ист. *Доцније под утицајем људи који су имали шири поглед на државну управу, образовао се „совјет“ који је у први мах био изабран народом.* Марк., Срб. на ист. *И њима двема придржаван, поче се пети.* Станк., Неч. крв.

Примеры с причастием от глагола *створити: Прва српска држава створена је устанком народа.* Марк., Срб. на ист. *А Ташула, окићена ћитајком и ширитом, срмом и кадифом, драгим каменом и златом, окружена и служена рајкињама и робовима, милосно се смешила*

[1] М. Ивић. Значења српскохрватског инструментала и њихов развој. Београд, 1954, стр. 51—67.

[2] T. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1899, стр. 578.

крај колена џеладин-бегова, а боно уздисала крај иконе мајке Божије. Нуш., Крај охр. *Неће умаћи! — викну Милутин загрејан мало вином.* Дом., Укид.

Еще в древнесербском языке для выражения логического субъекта страдательной конструкции наряду с творительным падежом употреблялся *от* + родительный. Например: ... да ѥ *проклетъ* ѡ҆ *г҃а б҃га и* ѡ҆ *прчисте мт҃ѥ бжиѥ и* ѡ҆ *всѣх ст҃ихь* ѡ҆ *вѣка бгꙋ ꙋгодившихъ.* Стој., I, 427_{43} ... *коѥ примисмо* ѡ҆ *кралєвства босьнскаго наамь даано.* Стој., I, 592.

Все примеры из древнесербского показывают, что в древнесербском эта конструкция употреблялась для обозначения логического субъекта-лица. В современном языке она употребляется очень широко и является формой, вполне заменяющей творительный падеж без каких бы то ни было различий в значении этих форм.

Сообщаем некоторые примеры со страдательными причастиями[1]: .. *подговорени од неког, нагрнуше на њу.* Станк., Неч. крв. ... *он је од Чивутина лако могао преварен бити.* — Атан., Два идола. ... *не беше формално признат ни од народа, ни од турака.* Марк., Срб. на ист. *За свако задоцњење од оца школи бивао је кажњен од професора, а за задоцњење код куће од оца.* Срем., Прип. *Не толико што је подржаван от Тодоре и Софке.* Станк., Неч. крв. ... *а сама је она све више окружавана и потискивана од сватове.* Станк., Неч. крв. *И у освитку дана, још није био на чисто што ваља да ради: Подати се наново животу, и тако лијечити ране од самога живота задате.* Ћип., За крухом.

Материалы современного языка указывают на широкое употребление конструкции с предлогом *од*. Обращает на себя внимание употребление родительного с предлогом *од* при обозначении логического субъекта — неодушевленного предмета (*лијечити ране од самога живота задате*). В древнесербском языке такой особенности мы не находили.

Следует отметить, что иного мнения о судьбе этой конструкции придерживается М. Ивич. Она считает, что эта конструкция не нашла широкого применения в языке, и в этой функции представляет собой сейчас, главным образом, книжную черту. Писатели, которые пишут хорошим народным языком, избегают ее употреблять[2].

Есть указание на употребление в языке некоторых западных сербохорватских писателей конструкции *по* + местный вместо творительного логического субъекта, например: *Bili su imenovani po Banu.* — *Djalski; Iz varmedjskih dana. 1912, 137*[3].

---

[1] Примеры употребления родительного с предлогом *од* в функции логического субъекта в сербском XIX в. см. также в книге Даничича „Српска синтакса", Београд, 1858, стр. 227. Едва ли только можно согласиться с Даничичем, что разбираемая форма в пассивных конструкциях одновременно несет в себе значение удаления.

[2] См. М. Ивић. Значења српскохрватског инструментала. . ., стр. 61—62.

[3] Там же, стр. 62.

Материал южнославянских языков дает основание утверждать, что творительный логического субъекта в древние эпохи употреблялся в них чаще, нежели теперь. Творительный вытесняется в южнославянских языках конструкцией от + родительный, пределы и условия употребления которой продолжают расширяться.

Творительный падеж логического субъекта страдательной конструкции в русском языке известен уже из древнейших письменных памятников. В них творительный употреблялся параллельно с *от* + родительный.

Творительный логического субъекта в древнерусском языке зафиксирован в преобладающем большинстве случаев в страдательных оборотах со страдательными причастиями прошедшего времени, являющимися либо именной частью сказуемого, либо входящими в состав распространенных причастных определений. Гораздо реже встречается в древнерусском творительный логического субъекта в оборотах со страдательными причастиями настоящего времени. Творительный при возвратно-страдательных глаголах исчисляется единицами. В древнейших письменных памятниках творительный употребляется очень широко, во всяком случае отнюдь не уже, чем родительный с предлогом *от*. Например: *И умолена быста царемъ, и послаша я̀ въ Словѣньскоую землю къ Ростиславу.* П. вр. л. 22. *Но уже бяше божию гнѣву не противитися, яко речено бысть дрѣвле Исусу Наугину богомь.* Новг. 1., 75. *Приде кнезь Юрьи в Новъгород, позванъ новгородци, и повелѣ порокы чинити.* Новг. 1, 96.

В литературном языке XV—XVII вв. уменьшается употребление формы творительного падежа за счет распространения родительного с предлогом *от*, что, видимо, связано со вторым южнославянским влиянием на русский литературный язык. В XIX в. эта конструкция, воспринимаемая как чуждая и искусственная, снова вытесняется творительным падежом.

В древнерусском языке творительный падеж обозначает логический субъект-лицо и неодушевленный предмет. Так в древних памятниках видим: *Велика бо бывает полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью.* П. вр. л., 102. *И ужасашеся побѣгоша, гоними гнѣвом божиимъ и святые богородици.* Моск., 86, л., 105. *И божиімъ страхомъ отгнани быша и побѣгоша вспять.* Жит. Авв., 19.

В современном русском литературном языке творительный падеж является единственным средством выражения логического субъекта страдательной конструкции. Это же характерно и для русской народной речи: *Аны были акалдованы адным волшебником.* Гришк., Лека. *Та дорога прямаежная заперта уш ровна 30 лет, а заперта ана Сылавьем-разбойником.* Гришк., Лека. *Коли бы нас позвали, мы бы посмотрели, каки кушанья ими едутся.* Онч., Сев. ск. *Тогда пошол к этой царевне в избушку. Не плачь царевна, не будешь ты топере змеемъ съежена.* Онч., Сев. ск.

Как указывалось, в истории русского языка наряду с творительным падежом в значении логического субъекта известны и другие формы выражения этого значения.

В древнерусских памятниках для выражения логического субъекта страдательной конструкции *от* + родительный употребляется почти столь же часто, как и творительный падеж. По мнению некоторых исследователей, конструкция *от* + родительный употреблялась в древнерусском даже чаще, чем творительный падеж. Например, такой взгляд был высказан проф. Л. А. Булаховским в книге „Исторический комментарий к русскому литературному языку". Однако это положение вызвало возражения рецензентов. Творительный при причастиях страдательного залога, действительно, встречается в древнерусских памятниках не часто (обычно при причастии нет прямого указания на логический субъект), однако и случаи с *от* + родительный не занимают большого места. Особенно редки случаи с *от* + родительный в памятниках деловой письменности. Так, в 219 грамотах, рассмотренных нами, мы встретили только два случая с *от* + родительный реального производителя действия: один — в грамоте 1373 г., другой — в грамоте 1588 г.[1] Наши наблюдения также не подтверждают взглядов Л. А. Булаховского. Как показывают материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, *от* + родительный употреблялся в большинстве памятников древнерусской письменности значительно реже, чем творительный со значением логического субъекта в страдательном обороте.

Детальный анализ употребления творительного падежа и конструкции *от* + родительный на материале Новгородской первой летописи произведен Е. А. Седельниковым[2]. В результате анализа оказалось, что творительный падеж при страдательном причастии употреблен в этом памятнике 41 раз, конструкция же *от* + родительный только 13 раз.

От + родительный чрезвычайно редко, лишь в единичных случаях, отмечается в памятниках деловой письменности. Проф. В. И. Борковский в исследовании „Синтаксис древнерусских грамот" приводит два случая: ... *или товаръ поиманъ, или головы побиты от новгородцев, то все князь михаило отложил.* Новг., 27. (Договорная грамота князя Тверского Михаила Александровича с Новгородом, писанная в 1373 г.). ... *тому Тимохе писано от государя нашего от боярина и конюшего и наместника Казанского от Бориса Федоровича Годунова* — Моск., 20. (Грамота царского воеводы в Пскове Никиты Романовича Трубецкого в Ригу 25 июня 1588 г.)[3].

---

[1] Проф. *В. И. Борковский* и проф. *П. С. Кузнецов*. Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3. „Русский язык в школе". 1951, № 2, стр. 73.

[2] Е. А. Седельников. Функции непредикативных конструкций с творительным падежом в древнерусском литературном языке. Кандидатская диссертация. М., 1953.

[3] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949, стр. 360.

Употребление родительного с предлогом *от* резко возрастает в произведениях церковно-книжного стиля, несущих на себе ясный след южнославянского влияния.

В исследованном нами первом послании Ивана Грозного князю Курбскому, написанном под сильным влиянием пышного „терновского" стиля с нарочитым внесением славянских элементов, творительный действующего лица в пассивных конструкциях отмечен лишь 4 раза, а родительный с предлогом *от* — 18 раз.

В русском литературном языке *от* + родительный был хорошо известен в XVIII в. и держался до первых десятилетий XIX в. Ломоносов в „Российской грамматике" указывает, что данная синтаксическая конструкция свойственна русскому литературному языку. „Страдательный глагол требует родительного с предлогом *отъ* или творительного без предлога: *книга твоя прочтена мною со вниманием, Дарий побѣжденъ отъ Александра, но убитъ отъ своих рабовъ*"[1]. Ф. И. Буслаев, отмечая конструкцию с предлогом *от* в языке Пушкина, писал: „Страдательный глагол может быть или определенный, т. е. при лице действующем, например, любим всеми, или неопределенный, т. е. без обозначения лица действующего, например, дом строится. Лицо действующее поставляется или в творительном падеже, например, „И встречен Веспер петухом" — Пушкин, 1, 156, или с предлогом *отъ*, например, „облеченный властью от самозванца" — Пушкин, 7, 171"[2].

Следует обратить внимание на то, что возвратно-страдательные глаголы с частицей *ся* значительно чаще употреблялись с конструкцией *от* + родительный, чем с творительным падежом. Это предпочтение одной формы другой при возвратно-страдательных глаголах наблюдается на протяжении всего периода развития древнерусского языка[3].

Употребление *от* + родительный в русском литературном языке прошлых эпох было результатом влияния на него языка старославянского. Оно было значительным в первые века существования письменности на Руси и характерно для определенных жанров древнерусской литературы, подвергавшихся влиянию старославянского языка. Употребление этой конструкции резко усиливается в эпоху второго южнославянского влияния, когда творительный падеж логического субъекта почти совершенно вытесняется из произведений, написанных книжным языком. Нам кажется, что веским доказательством иноземного характера конструкции *от* + родительный является почти полное отсутствие его в древней деловой письменности и современных русских диалектах[4].

---

[1] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. М.—Л., 1952, VII, 561.

[2] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 336.

[3] Е. А. Седельников. Функции непредикативных конструкций, стр. 252—253.

[4] В картотеке русского диалектологического атласа, объединяющей материалы, собранные на территории северозападных областей европейской части СССР, мы встретили только два примера родительного падежа с предлогом *от* в значении логи-

В XVIII в. творительный в значении логического субъекта страдательных конструкций имел в русском литературном языке синонимическую конструкцию *через* + винительный. На существование оборота *через* + винительный в значении логического субъекта действия в страдательном обороте указывал М. В. Ломоносов. „Предлог *чрезъ* хотя в недавних временах введен был вместо *отъ*, однако нам то не свойственное и со французского языка принужденное употребление“ [1].

Ф. И. Буслаев в „Исторической грамматике русского языка“ отмечает наличие в XVIII в. оборота *через* + винительный: „в XVIII веке некоторые писатели употребляли в этом случае, по свойству чужих языков, предлог через; например: „сия книга сочинена, переведена через Ивана Иванова“.

Конструкция *через* + винительный в русском литературном языке не удержалась.

В севернорусских диалектах европейской части СССР, преимущественно в западной их части, весьма распространен в функции логического субъекта безличных страдательных оборотов *у* + родительный (типа *у волкóф хóжэно*). Такой способ выражения логического субъекта наблюдается там и в страдательных конструкциях обычного типа: *... а у пч'óл здóрово поед'ен был* (пчелами поеден); *три афцы́ у волка зар'езано* (волком зарезаны); *у м'ен'а кýнпол был крыт* (т. е. я крыл купол, имеется в виду купол новгородского собора); *у вóлка поед'ено н'емнóшко, а н'е ун'óс* (волком съедено немножко, а не унесено); *ав'óс у пт'и́цах скл'óвано* (овес птицами склеван) и мн. др.[2]

Судя по материалам, имеющимся в нашем распоряжении, такая конструкция не находит себе параллелей в других славянских языках. В русских же диалектах она отмечена многими исследователями. Еще Ф. И. Буслаев обратил внимание на эту особенность синтаксиса северных русских говоров. „Особенно любима в народном языке замена действительного оборота причастием страдательным, в среднем роде, с дополнением лица действующего помощию предлога у: например, в Олон. былинах „впереди его проехано у богатыря“ (вм. богатырь проехал), по колен было у бурушки в землю зарощено (вм. бурушка в землю заросла — Рыбн., 1, 274, 297)[3].

Подробный анализ явления и география его распространения даны в книге проф. В. И. Борковского „Синтаксис древнерусских грамот“ [4].

ческого субъекта: *ат jej папрошено* (д. Жабино, Кингиссепского р-на, Ленинградской обл.) и *мн'е ета ат боль'шова калдуна наказана* (Эстония, ст. Калласе, Красные горы). Как видно, оба примера зафиксированы на территориях, где русское население граничит с иноязычным.

[1] М. В. Ломоносов Полн. собр. соч., т. VII, 1952, стр. 562.

[2] Примеры взяты из картотеки диалектологического атласа русского языка.

[3] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 159.

[4] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949, стр. 77—79.

Отмеченный оборот имеет наиболее широкое распространение в западной группе севернорусских говоров, а кроме того встречается в северных районах псковской и западной групп среднерусских говоров и в отдельных местах восточной и владимирско-поволжской групп. „Такое распространение этого оборота говорит о том, что данный безличный оборот есть, по-видимому, новгородская особенность, при этом древнейшего происхождения, имевшая место в крестьянских говорах, но не проникшая в письменный язык. Нормы литературного языка не смогли поколебать этой особенности, и безличный оборот типа: у него уехано — не вышел из употребления“ [1].

Своеобразие этой конструкции до сих пор не получило достаточно полного объяснения [2].

Излагая вопрос о значении глаголов возвратного залога в белорусском языке, проф. Т. П. Ломтев отмечает существование в современном белорусском возвратных глаголов в страдательном значении. Из примеров Т. П. Ломтева видно, что логический субъект страдательной конструкции в современном белорусском выражен творительным падежом в тех случаях, когда он является и лицом, и неодушевленным предметом: *дом будуецца рабочымі, кніга чытаецца студэнтамі, сапраўднасць познаецца чалавекам, галінка ветрам нахілілася до зямлі* [3].

Существование творительного логического субъекта в белорусском языке отмечено академиком Е. Ф. Карским [4]. К сожалению, он дает мало примеров и не высказывает никаких соображений о продуктивности или непродуктивности формы творительного в этом значении в белорусском языке. Примеры Е. Ф. Карского, однако, ценны тем, что они извлечены из текстов XV—XVI вв. и говорят о давнем употреблении творительного в страдательных конструкциях в белорусском: *возо ѡгневы є'сть оузѧ*. 27 Сб. XV в. Публ. б. № 391. *Не приатно буди писаниє єго вами.* 220 лет. Авр. XVI в. *ѿ сала и тлоустою наполниласѧ дше моѧ...* 61 Псалт. XVI в.

Что касается возвратно-страдательных глаголов и страдательных причастий в белорусском языке вообще, то, по-видимому, они не имеют там широкого распространения, и формы действительного глагола явно

---

[1] Там же, см. стр. 79.

[2] Замечание о родительном падеже с предлогом *у* в безличном предложении как форме, появившейся в безличном предложении в связи с необходимостью обозначить действующее лицо, см. у А. А. Потебни „Из записок по русской грамматике“, IV, 204: „В тех случаях, где в безличном предложении со страдательным причастием требовалось обозначить и явственное действующее лицо действительного глагола, это лицо очевидно может быть выражено только дополнением: у молодца было послужено = послужил“.

[3] Т. П. Ломтев. Белорусский язык. М., 1951, стр. 109—110.

[4] Е. Ф. Карский. Белоруссы, II. Язык белорусского племени, 3. Очерки синтаксиса белорусского наречия. Варшава, 1912, стр. 159.

предпочитаются. Карский говорит лишь об остатках причастий страдательного залога в белорусском языке.

Е. Ф. Карский отмечает почти полное отсутствие употребления страдательных причастий в составном сказуемом. Констатируя, что страдательный залог в живой речи может быть выражен формами возвратного глагола с *-ся*, Карский, к сожалению, приводит примеры с возвратными, а не страдательными глаголами[1].

В старом белорусском книжном языке наряду с творительным падежом употреблялась конструкция *от* + родительный. Например: *побиты ѿ безвѣрное литвы* (69 Крас.), *моудрость е^с ѿ бг҃а дана.* 7 Сб. XVI в. Крас. (Карск., II).

В современном украинском литературном языке творительный падеж является единственным способом выражения логического субъекта страдательной конструкции[2]. Примеры: *Тепер пропала я навік. Енеем кинута я, бідна.* Котл. *Дим хмарою заступить Сонце перед вами, і навіки проклянетесь Своїми синами.* Шевч. *Вечеріло. Блакитне небо неначе оперезалось широким рожевим поясом.* Коцюб.[3]

В старом книжном украинском языке наряду с творительным падежом имела распространение конструкция *от* + родительный.

Е. К. Тимченко указывает, что родительный с предлогом *від (од)* мы находим уже в старейших памятниках украинского языка, например: *Отъ множьства же овода и комара все тѣло ѥго покръвено боудяше.* Ж. Ф., 55.

В более поздних текстах: *Будеш (дівчино) від нас бита.* Купч., 431. *Я сарана від Бога прислана.* Чуб. II, 525. *Ми будемо од змія пожерті.* Сквир. п. Ж. С. II, 208. *Що від Бога суджено, то від людей не розлучено.* Е. Зб. X, 89. *Лист від матери писаний.* Верхр. Г. Б. 79 (Тимч., 73—74).

В некоторых старых пособиях по украинской грамматике эта форма выражения логического субъекта расценивалась как единственно приемлемая[4]. Этот взгляд разделяет, между прочим, и проф. Е. К. Тимченко, который считает, что употребление творительного лица при страдательных причастиях „идет вразрез с языковыми обычаями украинского народа и не находит себе желаемого оправдания“[5]. Более характерной для современного украинского языка Тимченко считает конструкцию

---

[1] Е. Ф. Карский. Там же, стр. 188.

[2] В. С. Ващенко. Граматика української мови. II. Синтаксис. Підручник для середньої школи. Київ, 1941, стр. 39; Б. М. Кулик. Курс сучасної української литературної мови. Київ, 1948, стр. 148; А. О. Загродський. Граматика української мови. II. Синтаксис. Київ, 1954, стр. 31; „Курс сучасної української літературної мови, II. Київ, 1952, стр. 81.

[3] „Курс сучасної української літературної мови“, стр. 81.

[4] Гр. Шерстюк. Українська граматика для школи. II. Складня. Київ, 1909, стр. 49—50; Н. К. Грунский. Украинская грамматика. Київ, 1918, стр. 38.

[5] Проф. Е. К. Тимченко. Вокатів і інструменталь в українській мові. Київ, 1926, стр. 73.

с предлогом *од (від)*. Точка зрения проф. Тимченко, взявшего под защиту старую книжную форму выражения логического субъекта, не отражает состояния современного украинского языка.

В курсе современного украинского языка под ред. Л. А. Булаховского читаем: „Бывшая в употреблении в большом количестве еще у писателей первой половины XIX ст. параллельная конструкция с предлогом од-від + родительный падеж, для современного языка целиком устарела: *Вона не виверла із-під лоба білків, Мов цап задушений в кошарі од вовків* (Гул.-Арт.)“ [1].

Среди материалов украинских говоров, собранных для Диалектологического атласа украинского языка, страдательная конструкция с *від* не встречается ни разу.

Итак, в отношении истории творительного падежа в страдательных конструкциях восточнославянские языки существенным образом отличаются от южнославянских.

Творительный логического субъекта страдательных конструкций представлен в чешском языке с древних времен до нашего времени. Уже в произведениях Штитного (XIV в.), Хельчицкого (XV в.), в Далимиловой хронике (XIV в.) он отмечен при страдательных причастиях от разнообразных семантических групп глаголов наряду с конструкцией *от* + родительный. Например: *...že ten král Bohem opovědien jest.* Chelč., S. v. 107_{11} *...když jest byla angelem pozdravena.* Št., O. v. 290_{26}. *...na raiském dvoře to psáno, což o tom mnú poviédano.* D. chr., 37, 897. *A protož hodně jest pannám kázati se oniem synem Davidovým.* Št., O. v., 77, 14—15.

В современном чешском языке форма творительного падежа служит главным способом выражения значения действующего лица и предмета страдательной конструкции. Эта форма наблюдается при страдательных формах от глаголов разнообразной семантики. Например: *Byl milován delnictvem a k smrti nenáviděn buržoasií.* Olbr., Anna pr. *Tato maska byla nyní prohlédnuta všemi.* F., Výb. ze st. *A resoluce ... byla vypracována a schválena nakonec celou schůzí.* F., Výb. ze st. *Pravím, že znárodnění bylo uskutečněno vládou.* Řez., Nást.

Творительный падеж логического субъекта страдательных конструкций отмечен в древнечешском и современном чешском языках при страдательных причастиях от всех важнейших семантических групп глаголов. Это говорит о том, что данная форма выражения рассматриваемого значения является широко распространенной в разговорном языке на протяжении длительного периода времени. Творительным падежом и в древнечешском, и в современном обозначаются в страдательных оборотах как действующие лица, так и действующие предметы: с одной стороны — *богом, ангелом, духом, князем, госпожей, отцом* и т. д., с другой — *мыслями, действием, нищетой, верой, милостью, внутренним голосом, колесом, молнией, армией, законом* и т. д.

---

[1] „Курс сучасної української літературної мови“, II, 1952, стр. 81.

Следует, однако, указать, что в произведениях Хельчицкого и Фляшки чаще находим *от* + родительный: *Nebo takovi douvodové v Bazilei potupeni jsú byli od mistra auditora.* Chelč., S. v., 40, 21. *...a viera by zkažena byla od násilnikuov.* Chelč., S. v., 260, 31. *...a někteří z těch mistruov spáleni sú pro vieru od těch najhorších kniežat.* Chelč., S. v., 143, 23. *Mnohy v súdě těžce blúdí, jenž od tebe jest usazen věře, aby on byl snažen pravdy.* Fl., Now. r., 77, 647.

Постепенно творительный падеж вытесняет конструкцию *от* + родительный. Однако некоторые примеры конструкции *от* + родительный изредка можно встретить и в современном чешском языке[1].

В древнечешском литературном языке XIV—XV вв. мы встречаемся с выражением логического субъекта при помощи винительного падежа с предлогом *skrze.* Примеры: *...do kudž čtenie Kristovo nebylo ohlášeno skrze apoštoly.* Chelč., S. v., 143, 20. *...Protož jeho královstvie od Boha opověděné jest, když skrze anjela zvěstovan matce jeho.* Chelč., S. v., 99, 33. *že bude skrze ně zkušen u viere a bude dokázán, že jest dokonalý u viere.* Chelč., S. v., 149, 21. *...najprvé skrze Ducha svatého řád boží uveden jest a nynie skrze moc s panováním pohanským.* Chelč., S. v., 107, 1. *...ale zřiezenie, kteréž jest uvedeno skrze Syna božího, málo patří k časným věcem.* Chelč., S. v., 169, 21.

Винительный с предлогом *skrze* обозначал в страдательной конструкции действующее лицо. Как утверждает Фр. Травничек, употребление этой конструкции изредка наблюдается в современном чешском[2].

В современном словацком языке логический субъект страдательной конструкции выражается творительным падежом. Например: *Pri revízii tém pre disertačné a diplomné práce boly zo soznamu vyčiarknuté nielen všetky témy vynesené na povrch marrizmom, ale i všetky všeobecné, široké témy. Marr popiral potrebu súčasnej gramatiky a tvrdil, že bola vytvorená „formálnym idelistickým učením o jazyku". Z uvedeného listu sa dotvedáme, že mládež slovenská, študujú ca na ev.* Lyc. v. B. *Štiavnici, veľká počtom podelená bola v kolá vedená.* J. Kozelnickým, L'ud. *Šmidom a Petrom Braxatorisom.* Sborn. Škult.

В старых текстах нижнелужицкого языка логический субъект страдательной конструкции чаще всего выражался с помощью родительного падежа с предлогом *wot.*

Приводим примеры, которые мы имели возможность извлечь из древних памятников этого языка: *Nech Schaden neprahi. gdisch zpittowany bucze, asch wod Bogha zpittany buce.* Br. Jak. 17, 1. *...a by wottego Satana zpittan.* Ev. Sv. Mark. *... (v) Knigwach stoy wote mno pissano.* Niedersorb. Ps., 45, 8. *Twoje meno budź' wot nas schitkich kwaljone.*

---

[1] Fr. Travníček. Mluvnice spisovné češtiny. II. Skladba. Praha, 1951, стр. 1366.

[2] Там же, стр. 1366.

Přikład muzakowskeje podryče, schularske modlitwy (примеры из рукописного сборника) Čas. mac'. 121, 32. ...*ale tam sjeden nomakany nebusho wote mnó.* Niedersorb. Ps., 78, 21. ...*a buschecze trestany wot zakona yako pczestupnicy.* Br. Jak. 18, 22.

В современном нижнелужицком языке действующее лицо или предмет в страдательной конструкции в подавляющем большинстве случаев также выражается при помощи родительного с предлогом *wot*. ...*a wot žednogo člowěka njewiżone přijżechu glucnje ze wsy az na mroku.* Erb., Poh. ...*Tež serbski lud bu wót takego plom'ien'a rozgrěty a wótžywjony.* Páta, Serbsk. č. *Na njom jo depa wiz'es', ta jo wot cartoweje ruki hus'išćana.* Cartowy kamjen'. Čas. mać. *W prěnej bitwje pak bu jadyn jogo synow zabity wót někakego carnego ryšarja lužyskego.* Páta, Serbsk. č. *Knigły su wót Hajna Jordana za jubilej Mas'ice zestajone.* Páta, Serbsk. č. ...*won jo zabity* ...*wót rospadankow nutschkownego grodu.* Páta, Serbsk. č.

В нижнелужицком языке известна кроме того конструкция *p s c h e s* + винительный: ...*beda pak temu zlowekowy, psches kotorego ten zloweczky syn pczeraschony bucze.* Ev. Sv. Mark. 241, 24. *Južo 1548 bu Nowy Testament do serbskeje rěcy ps'ełožony pšez Mikławša Jakubicu.* Páta, Serbsk. č.

В старых текстах верхнелужицкого языка логический субъект страдательной конструкции выражался родительным падежом с предлогом *wod*, творительным с предлогом *s*, винительным с предлогом *pschěs*. Примеры: *A do Jesum... Krista jecho jeniczkeho Syna (nascheho kneza) kisch io podiate wod swateho ducha/narodzene wod czistei kneschne Marij.* Katech. War., 74, 10. *Kisch ie podiate wod Swateho Ducha porodzene wod kneschne Marij* ...Katech. War. 83, A, 1. *Kiž so je podjal wot swjateho Ducha, narodžil so wot knježne Marie* ...Katech. War., 83, B, 12. *Chtož'pak rozwucž'eny budž'e s Bohž'em slowom.* Katech. War., 101, B, 35. ...*alě je ta woda do Bohžeje kasne sankněna a s Bohžem slowom Zawjazana.* Katech. War., 90, B, 11. ...*scho psches tu sboschnu Lijawicu nanim budže potepene.* Katech. War., 95, 4. *Kžěstianske praschauj pschěs D. Mercž'ina Luthera wustawene.* Katech. War., 104, 2.

В современном верхнелужицком существует несколько способов передачи рассматриваемого значения. Одно из них — творительный с предлогом *s*, представляющее собой явный отголосок старого славянского творительного беспредложного. Примеры: *Ja, waš serbski kral, běch zaslepjeny z lubosc'u za němskim hordym holčom?* Now., Posl. ...*narodž'eny niž stworjeny, s Wótzom jeneho byeža, psches kotrechož je wschitko stworjene;* S., kam. ... *Wono ma tłusty kóreń, kótryž jo ze šan'kimi nitkatymi kóren'kami wobdaty.* Čas. mac'.

Одновременно с этим способом передачи значения логического субъекта существуют и другие.

В большом количестве примеров мы имели возможность наблюдать в рассматриваемом значении родительный с предлогом *wot*.

Приведем некоторые из этих примеров: *Niewěš ty, zo su knjejstwa wot Boha postajene?* Kubš., Knjez a rob. *Hrabja Ekhard pak wot mócnišeho postajeny w přichodze nad serbskim ludom.* Now., Posl. *Lědma wot keižora postajeny, dyrbjał mjec' już krwawny k rucy brac'?* Now., Posl. *...a 1610 delnjoserbski katechismus, spisany wot Handrija Tary.* Páta, Serbsk. č. *...hdźež je najwjetši dźěl krajow wot słowjanow wobydleny.* Páta, Serbsk. č. *...a při spočatku šěsteho lětstoka widźimy jón wot samych Serbov wobzadźeny.* Páta. Serbsk. č.

Пример винительного падежа с предлогом *pscheš (prez): General běše přez tón wobraz tak přesłapnjeny, zo rucy na njón wupřestrje, a chcyše swoju njewjestu wobjimac'.* Čas. *mac'.*

Употребление творительного логического субъекта страдательных конструкций отмечено в древнепольских текстах. При этом в роли логического субъекта страдательных конструкций наблюдаются как одушевленные, так и неодушевленные предметы. Например: *Bo tobǫ́ wytargnyon będę spokussy, y wbodze moym przeydę mur.* P. P., 27, 7. ... *any sobye smyeszana bǫ́dǫ́ pokolenya, ale tak ostanǫ́, iakos sǫ́ bogem roslǫ́czona.* B. Z., 130, 14. *Pakli nye bǫ́dzecze posluchacz mnye, ...a nye uczyniczeli tego, czosz iest ustawyono mnǫ́, a ku wsruszenyu przewyedzecze slub moy: a ya to ucinyǫ́ wam.* B. Z., 94, 4. *Czlowyek z domu israelskyego y przichodzen, ktorisz bidli u was, ktosbi offyerowal obyatǫ́ swǫ́ ...abi offyerowano bilo wami.* B. Z., 87, 36. ...*bo przeklǫ́ǫ́t bogem gest wszelki, ktosz viszi na drzewye.* B. Z., 141, 34. ...*ty bǫ́dzesz czirpyecz zawzdi, byadǫ́ obczǫ́zon sǫ́ǫ́cz po wszitki dni, a lǫ́kayǫ́cz syǫ́ przed gego grozǫ́ yǫ́szto usrzita oci twogi.* B. Z., 149, 13. ...*wiszwolon bǫ́dze nyevinni z rǫ́ku pomsciczelowich, a nawroczon bǫ́dze sǫ́dem do myasta, do niegosby uczekl.* B. Z., 129, 24.

В современном польском языке творительным падежом может быть выражен изредка логический субъект — неодушевленный предмет. При этом значение логического субъекта часто ощущается недостаточно четко. Примеры: *Zrazu tą krzywdą niezmiernie był zmartwiony.* Kras., Hist. *Więc pan dzierżawca, że niby obrażony nieposłuszeństwem, kazał u mnie pierzynę zabrać.* Krucz., Kord. ch. *Bojaźń ta naturalna, powiększona jeszcze była zwyczajną troskliwością i niespokojnością podeszłego wieku.* Kras., Hist. *Świat, oparem nilowym przesłonięty, zatarty i niewyraźny.* Sienk., L. Afr. *Panna Izabela była zdumiona spokojem ojca i jego złym wyglądem.* Prus., Lalka, II. *Tymczasem Stach nie tylko nie wzruszył się dostojnymi zaprosinami na wieczór, ale wprost odmówił.* Prus., Lalka, II. *Spojrzeli na niego jakby oszołomieni tą determinacją.* Krucz., Kord. ch. *Obok, u węgła chałupy, kuliły się, zziębnięte, chude dzieciska, wystrachane, jak zawsze, widokiem obcych ludzi.* Krucz., Kord. ch. *Oprzytomniał już i dojrzał w ciemności szarą plamę okienka, sieczonego deszczem.* Krucz., Kord. ch.

Как показывают материалы современного польского языка, творительный падеж в нем иногда выполняет функцию, несколько отличающуюся от функции логического субъекта. Неодушевленный предмет,

выраженный формой творительного падежа, в некоторых случаях выступает не как производитель действия, а как причина или средство обнаружения состояния предмета-подлежащего. Лишь в немногих случаях творительный можно квалифицировать как форму выражения предмета-деятеля при страдательных формах, например: *Oprzytomniał już i dojrzał w ciemności szarą plamę okienka, sieczonego deszczem...* Krucz., Kord. ch.

В истории польского языка мы наблюдаем вытеснение исконной польской формы выражения логического субъекта — творительного падежа — новой формой. Впрочем, в диалектах польского языка творительный падеж употребляется до сих пор не только в значении действующего предмета, но и в значении действующего лица[1].

В старых польских текстах логический субъект страдательной конструкции выражался, наряду с творительным падежом, также родительным с предлогом *от*. Судя по имеющимся материалам, употребление данной конструкции в древнепольском преобладало над употреблением творительного: *Ten psalm powyada yze xps|wspomozon byl od oycza...* P. P., 44, 5.

Выражение логического субъекта страдательной конструкции, являющегося одушевленным предметом, через родительный с предлогом *od* мы дважды наблюдали у Красицкого (XVIII в.): *Był chwalonym za to od Greków szczerzej zapewne, niż za zwycięstwo pod Cheroneą.* Kras., Hist. *Batalia pod Arbellą od Kurcjusza i Plutarcha inaczej jest opisana, niż w tym manuskrypcie.* Kras., Hist.

В более поздних текстах логический субъект страдательной конструкции перестает обозначаться при помощи родительного падежа с предлогом *od*. Эта конструкция продолжает существовать в языке при страдательном причастии для обозначения причины состояния или качества, выраженного этим причастием, когда причина является вместе с тем источником состояния или качества. Например: *Z rozegrzanej w dzień od promieni słonecznych ziemi wstają opary.* Sienk., L. Afr. *...u pustego piaszczystego brzegu pozłocona od świateł zachodnich woda płynęła spokojnie, jednostajnie, nieustannie.* Orz., Ch.

Форму родительного с предлогом *od* здесь принимают имена существительные, обозначающие предметы неодушевленные.

Ян Лось в работе „Funkcje narzędnika w języku polskim" считает, что конструкция *от* + родительный возникла под влиянием латинского языка. Широкое распространение родительного с предлогом *od* не только в древнем польском языке, но и в других славянских языках едва ли может свидетельствовать в пользу этого мнения.

В современном литературном польском языке логический субъект страдательной конструкции может выражаться винительным падежом с предлогом *przez*. Наиболее древние примеры, имеющиеся в нашем распоряжении, идут от XVIII в. (Krasicki. Historia na dvie księgi podzie-

[1] См. J. Łoś. Funkcje narzędnika w języku polskim, стр. 129.

lona). *Żałuję tego bardzo, iż mi zginęła historia rzymska, pisana przez niejakiego Magona Kartagieńczyka w czasie drugiej wojny punicznej.* Kras., Hist. *Po nastąpionej porażce, ja, który byłem na odwodzie i na moje szczęście stałem na warcie u namiotu Porusa, byłem wzięty w niewolą przez Eurydyka, rotmistrza pułku Ptolomeuszowego.* Kras., Hist. *Według ich powieści siedział Dariusz na wozie złotym, stały posągi z drogich kruszców w kraju, gdzie przez religią Magów reprezentacje takowe były zakazane.* Kras., Hist.

В текстах более поздних: *Jako w czasach najdawniejszych najwęiecej przyszłością się zajmowano przez proroków i wieszczów; tak w naszych poetyczne uczucia do przeszłości najodleglejszej z tęskną rozkoszą unosić się lubią.* Brod., Klas. *Chmury, pędzone przez przeciwne wichry, uderzając wzajem o siebe, zalewają skały i morze dżdżem nawalnym.* Sienk., L. Afr. *Nędzny i brudny hotel, zajęty był od góry do dołu, jak się zdaje, przez urzędników kompanii.* Sienk., L. Afr. *Nagie skały prażone we dnie przez słonce, oddają nocą żar dzienny powietrzu...* Sienk., L. Afr. *Krzyk usłyszawszy, prędko twarz ku brzegowi obrócił i naprzód ujrzał blekitną rzecz jakąś, która przez wodę unoszona w jednej linii z czółnem płynęła...* Orz., Cham. *... Wokulski ma taki wyraz fizjognomii, jak gdyby był zmagnetyzowany przez ową łożę.* Prus., Lalka, II. *Po 13 miesięcach pobytu w Cytadeli Warszawskiej, ścigany przez rząd carski, znów uchodzi za granicę.* March., Z 5 miast.

Итак, в польском языке получила интенсивное развитие конструкция *przez* + винительный.

В кашубском языке мы отметили существование двух форм выражения логического субъекта: родительного с предлогом *vod* и винительного с предлогом *přiez*. В словенском диалекте кашубского языка находим: *Tä jěs glûpï třïmǫ̑ńï vèd-mjä, vèd mämä ȯs — vèd brată.* Lor., Sl. *Těi na-měrkā̆, eš těn knǫ̑b-bèl přemjeńǫ̀nï vot-těxǫ̀ndĕr'ĕrčkǯ̑ų.* Lor., Sl.

Наряду с этим встречаем: *Jǎ̑ų-tä-řię̑ką, to ʒêcą jię̑stă 'přemjeńǫ̀nė přię̑z — ǔndĕrmérskǯ̑ų.* Lor., Sl. *A-těn-vǫ̀otrog-bèl přemjeńǫ̑nï přię̑z-ǔndĕrmérskǯ̑ų, a-ta-mā̆c-to ńèvjeʒă̆.* Lor., Sl.

Творительный в значении логического субъекта в кашубском не отмечен.

* * *

Творительный падеж является формой выражения логического субъекта страдательных конструкций, искони присущей славянским языкам. Правда, мы не можем с уверенностью констатировать факт его существования в древнем словацком, древнем нижнелужицком, древнем верхнелужицком и кашубском языках: мы не располагаем древними текстами словацкого и кашубского языков, а материал древних лужицких языков, небольшой по объему, не позволяет сделать неоспоримый вывод о наличии или отсутствии данной формы в этих языках.

Творительный падеж употреблялся в древних славянских языках и в значении действующего лица, и в значении действующего неодушевленного предмета в конструкциях со страдательными причастиями или возвратно-страдательными глаголами. Так было в старославянском, древнесловенском, древнесербском, древнерусском, древнечешском, древнепольском языках.

Дальнейшая судьба творительного логического субъекта неодинакова по группам славянских языков. Наиболее полно он сохранился в языках восточнославянских, где является нормой современных языков. Из западнославянских близки к восточнославянским чешский и словацкий. В современном чешском творительный получил широкое распространение, почти вытеснив параллельные формы родительного и винительного падежей с предлогами. В современном польском логический субъект-лицо творительным падежом уже не обозначается, если не считать отдельных случаев по диалектам. В верхнелужицком наблюдается употребление творительного с предлогом *s* наряду с другими формами выражения логического субъекта. В кашубском и нижнелужицком творительный логического субъекта отсутствует. В южнославянских языках распространение творительного логического субъекта к нашему времени сильно сократилось. Теперь его можно отметить в сербохорватском, где он употребляется параллельно конструкции *от* + родительный.

Сужение сферы употребления творительного падежа находится в очевидной связи с распространением в славянских языках других способов выражения значения логического субъекта. Один из этих способов так же древен, как творительный падеж, и идет из праславянской эпохи (*от* + родительный), другие появились сравнительно недавно, в эпоху письменных памятников (винительный с предлогом *skrse*, винительный с предлогом *przez*).

Что касается конструкции *от* + родительный, то она издавна существовала в славянских языках, употреблялась в некоторых параллельно с творительным, с небольшим отличием в значении, которое было особенно заметно в древности. В древних славянских языках *от* + родительный служил для выражения действующего лица, тогда как творительный — лица и предмета (старославянский, древнесербский, древнерусский, древнечешский языки). В современном словенском языке конструкция *от* + родительный вытеснила творительный падеж и выражает как одушевленный предмет, так и неодушевленный.

В ряде западнославянских языков большое распространение получил *przez* + винительный.

В современном польском литературном языке он почти совершенно вытеснил творительный и стал главной формой выражения логического субъекта страдательной конструкции. Творительный сохранился только в говорах. Употребляется конструкция *przez* + винительный и в кашубском языке.

Przez + винительный известен в лужицких языках, где он употреблялся вместе с другими формами выражения логического субъекта.

В истории чешского языка был период (XIV—XV вв.), когда значение логического субъекта выражалось винительным падежом с предлогом *skrse*. Эта конструкция употреблялась преимущественно для обозначения логического субъекта — действующего лица.

В русском литературном языке XVIII в. в течение некоторого времени держалась конструкция *через* + винительный. Ее употребление не отличалось широтой.

В настоящее время в севернорусских диалектах европейской части СССР, преимущественно в западном их районе, распространена конструкция *у* + родительный в значении логического субъекта безличных страдательных оборотов или, реже, страдательных оборотов. Распространение конструкции территориально ограничено. Она обозначает, судя по нашим данным, только логический субъект-лицо.

В языке западных сербохорватских писателей отмечена конструкция *по* + местный на месте творительного логического субъекта.

При сравнении значений творительного падежа и падежно-предложных конструкций выясняется следующее. Творительный падеж во всех славянских языках обозначал издавна и логический субъект — одушевленный предмет и логический субъект — неодушевленный предмет. Это широкое значение творительного логического субъекта идет, по-видимому, из праславянского языка. Падежно-предложные конструкции, существуя параллельно с творительным падежом, обычно обозначали одушевленный предмет, чаще всего лицо. В тех языках, где они вытеснили творительный падеж и стали основным способом выражения значения логического субъекта, их значение расширилось. Так, конструкция *от* + родительный в современном словенском, *przez* + винительный в современном польском обозначают не только действующее лицо, но и действующий предмет.

* * *

К значению логического субъекта страдательных конструкций очень близко в некоторых славянских языках значение творительного падежа имени существительного неодушевленного, выступающего в качестве дополнения в безличных предложениях, главный член которых выражен личным глаголом, употребленным безлично[1]. Глагол встречается в этих предложениях преимущественно в форме прошедшего времени среднего рода, а кроме того изредка в форме настоящего или будущего времени. Безличные предложения этого типа обозначают разные действия, нося-

[1] В настоящей главе рассматривается творительный действующего предмета со значением, восходящим или к значению орудия, или к значению вспомогательного материала.

щие стихийный характер. Ср. русские примеры: *лодку залило водой, солдата ранило осколком, мальчика задавило паровозом.*

В грамматическом отношении творительный падеж не является неотъемлемым элементом всех этих предложений: вполне возможны безличные предложения и без него. Ср. русские примеры: *лодку залило, солдата ранило, мальчика задавило.* Но в большинстве безличных предложений этого типа творительный падеж присутствует.

Можно полагать, что безличные предложения с творительным падежом идут еще из праславянского языка: они распространены во всех восточнославянских языках (в том числе в древнерусском); кроме того, они изредка встречаются в чешском, словацком, польском языках. Однако дальнейшая их судьба сложилась по-разному: в различных группах славянских языков они имеют разную степень употребительности, а южнославянские языки вообще не знают безличных предложений с творительным падежом.

Широко распространены безличные предложения с творительным падежом в восточнославянских языках. Здесь они могут быть подразделены на две группы в зависимости от происхождения значения творительного падежа. В одной из групп (I) значение источника или производителя действия восходит к значению орудия, в другой (II) — к значению вспомогательного материала. Ниже даются примеры, распределяемые по этим двум группам[1].

Русский язык

I. Творительный источника или производителя действия, восходящий к творительному орудия

Убило в те поры въ кѣльи громомъ 3 человѣки. Новг. 2, 88. *И тою молніею у св. Пантелеймона въ монастыри не по всѣхъ иконахъ золото пожгло.* Пск. 1, 235. ...*и земли и нивы иныя ледомъ подрало.* Пск. 1, 234. *Бысть буря силна велми ... и бурею драло сады многіи и хоромы, да бурею жъ весь лѣсъ и — Славна выдрало.... да в Онтонове манастыре, у игумена бурею у Варлама сѣни выдрало.* Новг. 2, 85. (Примеры А. А. Потебни). ...*траву водою по рекам и по ручьям отняло.* Пск., 104. (Пример Ф. И. Буслаева). *А станетъ по грѣхомъ изнеможенье, занесетъ ветромъ Псковского ловца на Неметцкую сторону, ино в томъ пени нетъ.* Моск. грамота 1531 г. *А по грехомъ станетъ изнеможенье, занесетъ ветромъ Неметцкого ловца на Псковскую сторону, ино въ томъ пени нетъ.* Там же. (Примеры В. И. Борковского). *Рѣкою Вологдою подмыло и осыпалось... городового валу в длину по мѣрѣ на сто и на тритцать на три сажени.* А. до Ю. Б. 1, 293. *Барку от берега оторвало водою.* Жит. Авв. 36. *Отнесло их погодою отъ*

[1] Кроме безличных предложений, обнаруженных нами в художественной литературе, мы воспользовались примерами, сообщаемыми в исследованиях по синтаксису, как общих, так и специальных, посвященных безличному предложению.

пути верст за сто. Сказ. о Бове, Пам. др. письм. 1879, 1, 64. (Примеры А. А. Потебни). *Ветром всю крышу растовырило. Ветром ворота расхлебячило.* (Волоцкий, Сборник материалов для изучения ростовского (Яросл. губ.) говора. — ОРЯС, № 72 за 1903 г., стр. 78). *... ему дунуло будто сильным ветром в горло.* Гонч., Обл. *... этакой засухи старики не запомнят: яровое так и палит, словно полымем.* Гонч., Обл. *Меня, кубыть, ветром несло всю жизнь.* Шол., Подн. цел. *Ему помяло ребра на паровой лебёдке: неподпоясанную рубаху надул ветер, шестеренки закрутили ее, и шатуном угостило молодца в бок, так, что он не взвидел света.* Фед., Необ. лето. *Я же говорил, вот Мишка — свой парень, потому что у него отец — стрелочник, задавило его вагоном, от этого Мишка образования не получил.* Н. Остр., Как зак. ст. *Я сегодня посажен доктором на целый день в комнату и слышал только мельком, что Ватрушкину ногу рельсом отрезало.* Мамин-Сиб., 1. *... народ бьет и концом порвавшейся снасти, и жердями самого ворота.* Мамин-Сиб., 1. *Был этот офицер раненый — подполковник драгуновского полка, и ранило его снарядом в живот и в ноги.* Шол., Т. Дон. *Дорогой браток Артем, — писал Павка, — Извещаю тебя, любимый брат, что я жив, хотя и не совсем здоров. Стрельнуло меня пулей в бедро, но я поправляюсь.* Н. Остр., Как закал. ст. *Ранение у Гришки пустяковое, скобленул его неприятель палашом в голову, кожу стесал, а упал с коня и омороком его вдарило.* Шол., Т. Дон.

II. Творительный источника или производителя действия, восходящий к творительному вспомогательного материала

Студеной зимой живетъ бездорожьицо, Занесетъ путь широку дороженьку, Снѣжочкама ее да вѣдь перистыма. Барс., Пр., I, 91. (Пример А. А. Потебни). *Было душно, жарко; из леса глухо шумел теплый ветер; небо заволакивало тяжелыми облаками.* Гонч., Обл. *Влагу быстро выдуло, почву затянуло сверху плотной коркой.* Фед., Необ. лето. *Казакует по родимой степи восточный ветер. Лога позанесло снегом.* Шол., Т. Дон. *К заре слегка приморозило. Лужи затянуло сизым ледком.* Шол., Т. Дон. *Глаза застилало слезами.* Шол., Т. Дон. *...бакланов на косе теперь доставала вода прибоя: сидят, сушат крылья — и вдруг их окатит водой и даже сбросит.* Пришв., Избр. *Его обдало запахом и влагой цветов.* Чех., Дама с соб.

Украинский язык

I. Творительный источника или производителя действия, восходящий к творительному орудия

Щоб тебе вихрами та бурами винесло. Ном., 3667. *Ой, щоб іх віхром винесло.* Ном., 3667. *Чи вас хвилею прибило, чи духом тихим прикотило?* Ком., Н. зб., 19—20. *Не бере мольбою, чи не візьме*

грізьбою. Там же. *Так летять, як вітром несе бідного до пекла.* Ж. С., IV, 27. *Тепер тебе принесло чи човником, чи веслом.* Чуб. V, 67 (Тимч.). *Вітром погнало невеличку хвилю аж до берега. Бурею зірвало дах* (Загр.). *Греблю розмило водою* (Ващ.). *Снігу валило вище колін. Морозами стягло, скрутило, утрамбувало, як кригу.* Мирний, За водою. *А кузню Грицькову знесло водою аж у болото і там перекинуло.* Там же (Кул.). *Як цуркою крутить.* Ном., 8188 (Тимч.). *В серці мені мов цуркою крутить.* Г. Барв., 99. *Мені так, наче цуркою в серці повернуло.* Г. Барв., 294. (Цит. по Словарю украинского языка Б. Д. Гринченко)[1].

II. Творительный источника или производителя действия, восходящий к творительному вспомогательного материала

На різдво снігом дорожки позамітає, а на Великдень водицями позаливає, а на Святу Неділеньку травицями позаростає. Гн. 1, 91. (Тимч.). *Це ж ще отак на горі, а в яру на річці так снігом завалило, що ледве-ледве красноярці добилися, щоб ополонку прорубати.* Мирний, За водою.

Белорусский язык

I. Творительный источника или производителя действия, восходящий к творительному орудия

Бураки папякло слонцам. Мат. Б., № 11, Новоал. *Горох поело мошками.* Мат. Б., № 9, Бых., 17, Речиц. *Морозом повредзило яблокам.* Сл. Нос., 48 (Карск.). *Вадою падмыла бераг. Сонцам спаліла траву* (Карз., Жирк.). *Вывараценъ ляжыць, калісьта дуб палажыла навальніцай.* М. Лынькоў (Синт. бел. яз.).

II. Творительный источника или производителя действия, восходящий к творительному вспомогательного материала

Завалило, замяло сухими дривами. Ник. Част. 1870. Дисн. (Карск.). *Дарогу замяло снегам. Засняжыла снегам сцежкі і дарогі замяло* (Пример Карзон и Жиркевич).

Безличные предложения с главным членом, выраженным переходным глаголом, и творительным падежом реального производителя действия в восточнославянских языках являются продуктивными. Проф. Е. М. Галкина-Федорук пишет о русских безличных предложениях этого типа: „В современном русском языке эта конструкция (т. е. безличная конструкция с творительным падежом. — *К. Х.*) настолько продуктивна, что она начинает конкурировать с личным оборотом и даже вытеснять его. Как в книжной, так и в разговорной бытовой речи

[1] *Цурка* — палка, употреблявшаяся в старину при пытках для стягивания веревок („Словарь украинского языка" Б. Д. Гринченко).

чаще употребительна конструкция *ветром унесло лодку, снегом замело дорогу*, а не *снег замел дорогу* или не *дорога заметена снегом*"[1]. Здесь же она указывает: „В русском языке эти предложения неудержимо растут"[2]. Действительно, можно заметить, что наряду с древней конструкцией типа *убило громом* в языке встречаются конструкции, где творительным падежом обозначены новые понятия из области техники, военного дела: *убило током, задавило паровозом, выбросило взрывом, ранило пулей*, что прямо указывает на расширение пределов конструкции за счет новых словосочетаний. С другой стороны, конструкции *убило громом, унесло течением*, а также *заволокло тучами, засыпало снегом* в определенных семантических условиях употребляются в основном шире, чем личные обороты типа *гром убил, течение унесло лодку, тучи заволокли небо, снег засыпал лес* и т. п.

Между прочим отметим, что как личные, так и безличные конструкции с названным значением в равной мере соотносительны с конструкциями страдательными типа: *убитый громом* и *убит громом, унесенный течением* и *унесен течением, засыпанный снегом* и *засыпан снегом*. Это обстоятельство делает безличную конструкцию в какой-то мере равноправной с личной, что, возможно, также поддерживает ее употребление, хотя и косвенным образом.

В то же время в языке существуют определенные рамки, которые ограничивают сферу распространения безличных предложений с творительным падежом. Эти рамки — семантические, и для того, чтобы составить о них полное представление, необходимо обратиться к семантике безличных предложений с творительным падежом.

Наиболее существенным элементом в семантике безличных предложений с творительным падежом является стихийный характер действия, выражаемого глаголом. Это ясно ощущается в предложениях и первого и второго типов по нашей классификации. Разумная цель у действия отсутствует, оно очень часто имеет разрушительный характер или наносит явный ущерб. Объект попадает в сферу этих действий случайно, независимо от его воли.

Творительным падежом при этом в большинстве случаев обозначаются стихийные, часто разрушительные явления природы — ветер, вода, течение, солнце, мороз, пыль, гром, молния, буря, лед, дождь, град, снег, облака, мгла, воздух (см. наши примеры). Не случайно, что в этот круг из новых слов втягиваются именно названия орудий, частей движущихся сооружений, деталей некоторых машин, которые могут разрушать, причинять ущерб или убивать.

Таким образом, безличные предложения с творительным прежнего орудия и вспомогательного материала не могут расширяться безгранично. Они не выходят за пределы случаев с четко очерченной семантикой,

---

[1] Е. М. Галкина-Федорук. Безличные предложения в современном русском языке. — Сб. „Вопросы синтаксиса соврем. русского языка". М., 1950, стр. 317.

[2] Там же.

их расширение возможно только внутри традиционной сферы употребления.

Творительный падеж в безличных предложениях встречается и в диалектах, и в различных стилях литературного языка, а также в устном народном творчестве.

Соотношение между безличными конструкциями разбираемого типа и личными конструкциями в языке разных авторов неодинаково. Проф. Е. М. Федорук-Галкина указывает, что, например, Чехов предпочитал личные конструкции, в то время как Вересаев — безличные[1]. В белорусском и украинском языках рассматриваемые конструкции столь же продуктивны, как и в русском.

Есть указания на большое распространение безличной конструкции изучаемого типа в белорусском языке[2]. Категория безличных предложений с дополнением, выраженным именем существительным в творительном падеже, характеризуется как продуктивная в грамматиках украинского языка[3].

* * *

О том, что творительный в безличных предложениях имеет в восточнославянских языках значение источника или производителя действия, указывалось не раз. Об этом писал Миклошич[4]. На это указывает А. М. Пешковский: „...если мы вдумаемся в такие безличные предложения, как его *громом убило, его молнией убило, дождем помочило, градом побило* и т. д., стоящие ближе к нам по времени возникновения и потому ярче обнаруживающие для нас свой синтаксический смысл, то заметим, что подлежащее устраняется в них как неизвестная причина того явления, которое выражено в глаголе. В некоторых случаях ближайшая причина была даже налицо (напр. град, дождь) и, тем не менее, язык изобразил ее только как орудие какой-то другой отдаленной причины (градом побило, т. е. „посредством града", а что побило — неизвестно)"[5]. Проф. Е. М. Федорук-Галкина утверждает, что орудие, обозначенное в безличном предложении творительным падежом, по сути дела является деятелем-субъектом предложения, на что ясно указывает контекст[6].

В академической „Грамматике русского языка" читаем: „В предложения со значением активного действия, направленного на лицо или предмет, часто вводится дополнение в форме творительного падежа

---

[1] См. указ. статью, стр. 317.

[2] См. Е. Ф. Карский. Белоруссы. II, ч. 3, стр. 11—12.

[3] См., например, „Курс сучасної української літературної мови. II. Синтаксис" Київ, 1951, стр. 53.

[4] См. „Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, IV. Syntax", Heidelberg, 1926, стр. 352.

[5] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934, стр. 307.

[6] См. ст. „Безличные предложения в современном русском языке" в сб. „Вопросы синтаксиса соврем. русского языка". М., 1950, стр. 316.

имени существительного неодушевленного (реже — местоимения), называющего реально существующий предмет. Такие безличные предложения в современном русском языке представляют собой продуктивную и широко употребительную категорию. Форма творительного падежа со значением производителя действия обычно является их необходимой составной частью"[1].

Отход от значения орудия и вспомогательного материала наблюдается у творительного падежа безличных предложений также и в белорусском языке: „В некоторых безличных предложениях при главном члене употребляются дополнения в дательном или творительном падеже. В таких предложениях дополнение обычно соответствует по значению субъекту"[2].

В украинском языке творительный падеж в безличном предложении выступает как форма выражения действующего предмета.

„В таких примерах (т. е. в безличных предложениях с творительным падежом. — *К. Х.*) безличность предложения выступает как оборотная сторона личного характера его, все предложение воспринимается не как что-то такое, чего нельзя выразить личным предложением (ср. світає!), а как стилистически мотивированная перестройка личного предложения"[3].

Значение действующего предмета у творительного падежа в безличных предложениях ощущается, однако, не во всех случаях одинаково четко. Изредка имеет место полное отсутствие этого значения и сохранение древнего значения орудия. Действительно, в виде реального деятеля может восприниматься лишь такой предмет, обозначенный творительным, который по своей природе далек от понятия об орудии и с полным основанием может быть наделен способностью к самостоятельному действию. Таковы ветер, дождь, солнце, течение реки, снег и т. п. В безличных предложениях с такими именами существительными творительный вполне возможно квалифицировать как форму выражения логического субъекта. Если же творительным падежом обозначено название орудия (нож, иголка, бурав, палка, укр. цурка), то возможность представить такой творительный в виде деятеля значительно уменьшается или совершенно пропадает, так как по природе своей эти предметы далеки от представлений о самостоятельных деятелях.

Характерно, что в наших примерах безличных предложений, где творительный сохраняет значение орудия, часто содержится элемент сравнения: *словно обухом ударило, как ножом полыснуло, ровно бураво̀м сверлит, как рукой сняло, як цуркою крутить.* Некоторые из этих сравнительных оборотов стали застывшими (например, *как рукой сняло, як цуркою крутить),* другие находятся на пути превращения в устойчивые фразеологические сочетания. Все это как будто бы говорит

---

[1] „Грамматика русского языка". Из-во АН СССР. М., 1954, II, ч. 2, стр. 24—25.
[2] „Сінтаксіс беларускай мовы". Мінск, АН БССР, 1939, стр. 114.
[3] „Курс сучасної української літературної мови", II, стр. 55.

об остаточном характере тех безличных предложений, в которых творительный падеж употребляется в значении орудия.

Можно полагать, что некоторое расширение употребления безличных предложений с творительным падежом в восточнославянских языках имеет связь с эволюцией значения творительного падежа в большинстве из этих предложений в сторону значения субъекта. Наличие логического субъекта в односоставном предложении приближает его по семантике к двусоставному, в языке же развиваются и растут те безличные конструкции, которые воспринимаются на фоне личных как их особый семантико-стилистический вариант.

Следует принять во внимание и то, что в современном русском литературном языке творительный падеж является единственной формой выражения логического субъекта в страдательных конструкциях, и обозначение деятеля творительным падежом привычно для русского языка.

* * *

Безличные предложения с творительным падежом есть основания рассматривать как продуктивный тип лишь в восточнославянских языках. Миклошич прямо это подчеркивает. Он пишет: „В русском языке в безличных предложениях нередко стоит в творительном падеже то, что в других языках можно рассматривать как субъект". Далее, после примеров, он добавляет: „таким же образом в украинском" (затем следуют примеры из украинского языка)[1].

Действительно, в других славянских языках мы не обнаружили безличных предложений этого типа, если не считать отдельных разрозненных примеров из западнославянских языков.

В чешском языке в безличных предложениях типа, семантически близкого к рассматриваемому восточнославянскому, творительный падеж обычно отсутствует. Фр. Травничек среди примеров предложений, названных им предложениями с неопределенным подлежащим, приводит лишь одно безличное предложение с творительным падежом: *Ku odboji náhle ruku mdlou to stiská* (Vrch.)[2].

В „Синтаксисе чешского языка" Фр. Бартоша указывается, что глагол *pršeti*, являясь безличным, употребляется иногда с творительным падежом: *Pršelo kamením, krví*[3]. Зикмунд дает примеры творительного падежа при этом же глаголе, употребленном безлично: *V Lipště krví pršelo... po všem světe hvězdami pršelo*[4].

При этом следует отметить, что примеры взяты из старого языка: автор их, Daniel Adam z Veleslavína , жил в XVI в.

Таким образом, в чешском языке безличные конструкции с творительным падежом встречаются, но не являются продуктивными.

---

[1] Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik, IV. Heidelberg, 1926, стр. 352.
[2] Fr. Trávníček. Mluvnice spisovné češtiny, II. Praha, 1951, стр. 623.
[3] Fr. Bartoš. Skladba jazyka českého. Brno, 1899, стр. 12.
[4] V. Zikmund. Skladba jazyka českého. Litomyšl — Praha, 1863, стр. 175.

В словацком языке безличные предложения рассматриваемого типа встречаются в отдельных случаях. Например, в статье Д. Коллара читаем: *„Деятельность неизвестной силы посредством какого-нибудь инструмента.* Производитель действия здесь выражен творительным падежом. Примеры: *и ветром, наконец, то дерево свалило* (Крылов). *Труп Клавшина давно унесло рекой.* (А. Толстой). *Словно молнией поразило меня* (Достоевский). Словацкий язык не знает эту конструкцию предложения как продуктивный тип. Найдутся, вероятно, отдельные случаи вроде: Zavialo ho snehom. Zasypalo ho pieskom“ [1].

В польском языке отмечены следующие примеры: *rzucało falą, waliło śniegiem, szarpało drzwiami* [2].

В польских диалектах мы обнаружили одно безличное предложение с творительным: ... *na_polu s'y^{e}ly^{e}ło dyscem i v'ater ies'eny duł.* N. Wyb. Миклошич сообщает один пример польского безличного предложения, впрочем, без указания источников, в работе „Subjectlose Sätze“: *raziło go piorunem.*

Творительный падеж действующего предмета, восходящий к значению орудия или вспомогательного материала, в безличных предложениях встречается в тех славянских языках, где логический субъект страдательной конструкции может выражаться творительным падежом: в восточнославянских языках, чешском, словацком, польском. Эта связь, возможно, указывает на семантическое взаимодействие двух рассмотренных синтаксических категорий.

---

[1] D. Kollar. Neosobné vety v ruštine a v slovenčine. — „Sovětská jazykověda“, 5—6, Ročnik IV. Praha, 1954, стр. 427.

[2] Z. Klemensiewicz. Składnia opisowa współczesnej polszczyzny kulturalneij. Kraków, 1937, стр. 173.

Глава пятая

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРИЧИНЫ

Одним из средств выражения причинных отношений в славянских языках издавна является имя существительное в творительном падеже, обозначающее предмет, который обусловил состояние или действие, названное глаголом.

Следует заметить, что уже в древнейших памятниках славянских языков наряду с творительным причины обнаруживается другой, параллельный способ передачи причинных отношений — падежные формы имени существительного с предлогами.

Творительный причины в древности отличался широтой семантического объема. Им обозначалась и причина, вызывающая состояние или действие, и причина, препятствующая их проявлению, и внутреннее обоснование действия, и причина, влекущая за собой отрицательные последствия, и другие разновидности значения причины, которые в современных языках выражаются различными грамматическими средствами. Например, в древнерусском языке находим: ... *и начаша мерети гладомь*. Новг. 1, 95. ... *не бѣ лзѣ вкратися в градъ множьствомь вои ратных*. П. в. л., 145. *На лѧхы ида свѣтомъ Александровым*. Ип., 746. *Нарѣчахутся Ворота тѣснотою своєю*. Ип., 866.

В современном русском языке на месте творительного причины древнерусских предложений мы употребили бы разные конструкции с предлогами, отражающие разные оттенки причинных отношений: *начали умирать от голода; нельзя пробраться в город из-за скопления войск; идя на поляков по совету Александра; назывались воротами за их тесноту*.

Творительный причины обозначал обстоятельство причины чаще всего при простом глагольном сказуемом, выраженном непереходным глаголом (случаи с переходными глаголами более редки, значение причины в них выражено менее ярко). Кроме того, есть примеры творительного причины при составном сказуемом. Как простое глагольное, так и составное сказуемое, при которых употреблялся творительный причины, в подавляющем большинстве примеров указывали на состояние действующего лица или предмета.

Недифференцированный характер семантики творительного причины и его тенденция обозначать причину состояний вызывают мысль о том, что значение причины здесь развилось из другого, более раннего и более простого значения. Таким древним значением, как нам кажется, было значение источника, бывшего побудительной, движущей силой при появлении состояний или некоторых действий (главным образом, сосредоточенных в сфере субъекта).

Действительно, творительный причины указывает на посторонний по отношению к субъекту предмет, который вызывает у субъекта состояние, выражаемое сказуемым.

Переход значения источника в значение причины и установление между предметами причинной связи происходили, по-видимому, в древнейшую эпоху. В письменных памятниках творительный падеж в разбираемых случаях имеет четкое причинное значение.

В настоящей главе описываются такие примеры творительного, в которых причинное значение не вызывает сомнений, выступает отчетливо и не смешивается с другими значениями. Так, не привлекаются примеры с глаголами *заниматься*, *забавляться*, *стыдиться*, *прославляться* и т. п., относимые некоторыми исследователями (Джьорджевич, Е. Тимченко, М. Ивич) к творительному причины. Творительный при этих глаголах указывает на содержание или объект действия и по семантике стоит гораздо ближе к творительному орудия, чем к творительному причины. Далек от значения причины и творительный при глаголах типа *пахнуть*, *благоухать* и т. п. Отдельно от рассматриваемой категории следует разбирать и те случаи, которые М. Ивич выделяет в особый разряд творительного причины и называет творительным цели (*идти послом*).

Старославянский язык

Творительный причины при простом глагольном сказуемом

При сказуемом, выраженном непереходным глаголом

Непереходные глаголы, с которыми употребляется творительный причины в старославянском языке, четко подразделяются на несколько семантических групп. Наиболее обширной является группа глаголов состояния: трасти сѧ, съвиꙗти сѧ, расѣдати сѧ, радовати сѧ, веселити сѧ, съмѣꙗти сѧ, погыбнѫти, съконьчати сѧ, изъмрѣти ...и вьсь' миръ трасѧшть сѧ страхомь. Супр., 426_{21}. оужрогдиⷯть сѧ въздыханиемъмоімъ. Син. пс., $5^{в}_{6}$. ...анѹпатъ... расѣдаѧ сѧ коростиⷯ съпадааше съ прѣстола. Супр., 109_{7}. Да постыдѧтъ сѧ и посрамлѣѭтъ сѧ вькоупѣ: Радоужштеї сѧ зъломъ моїмъ. Син. пс., $44^{а}_{13}$.... вы веселите сѧ смѣхомъ·азъ же пѣтиемъ. Супр., 19_{20}. ... ѣростьⷯ твоеⷯ съмѣсомъ сѧ. Син. пс., $120_{5}^{а}$. ...личеса отъць' плачемъ прѣмѣнила сѧ вѣаужⷯ. Супр., 397_{19}. азъ же съдѣ гладомь гыбнѫ. Лук. XV, 17, Зогр., 115, ср. Мар. 128_{7};

ср. Ассем. 95_{21}. ...и протагъше выа своа съконьчаша са мечемь Супр., 181.

Значительное число примеров творительного причины отмечено при глаголах, обозначающих движение: изити, вънити, вьходити, излѣзти, оубѣжати, находити, съходити. ...завистиж диаволж смьрть вьниде вь миръ. Супр. 389_{8} ...человѣци благодѣтиж вжиж въходатъ въ цѣсарьство небесъскоѥ. Супр., 12. ... излѣзе силоѫ стаго Ага безъ врѣда и цѣлъ. Супр., 541.

Творительный причины при глаголах существования: быти, бывати, пребывати: ...слыша бо евагрелиста съповѣдающта...ѥже вь виѳании бышѧ Христосомъ дѣлеса. Супр., 343_{16}. ... по вьса мѣста бываѫж знамениа стымъ василиѥмъ. Супр., 19_{4}. Оучинениемь твоимь пребываетъ день. Син. пс., CXVIII,$_{91}$, 161^{a}_{3}.

При сказуемом, выраженном переходным глаголом

Творительный, обозначающий причину действий, направленных на объект и выраженных переходными глаголами, в древних славянских языках употреблялся несравненно реже, чем творительный причины при непереходных глаголах.

Среди переходных глаголов, имевших при себе творительный причины, трудно выделить определенные семантические группы. В числе наших примеров есть глаголы конкретного активного действия самой разнообразной семантики и глаголы, обозначающие чувственное восприятие и умственные и психические процессы. Имя существительное, стоящее в творительном падеже, обычно обозначает абстрактное понятие, связанное с посторонним по отношению к субъекту предметом (предметом, находящимся вне субъекта). Например: ...мнози же отъ сѣчецъ мѫчаштихъ стаа повелѣниемъ аурилиановѣмъ ... кѣроваша къ б°гоу. Супр., 6_{12} ...чистаа бо и безгрѣшьна ѥго доуша. по вса врѣмена пр°разоумѣваше таиная благодатьиж живѫштаго въ нем бога. Супр., 559_{10}. ... слава тебѣ Іс у ѥ ... без лъжа надежда познавъшимъ тобоиж отъца и стаго дха. Супр., 143_{10}. ... мнии бо силоиж господа нашего іс хса пришьдъша дъва агела издрста и ис тины тоа ... Супр., 193_{25}. ... коеиж властиж си твориши и кто ти дастъ область сиж. Зогр., Мат. XXI, 23, 30_{50}.

Большинство примеров творительного причины при переходных глаголах представлено в Супрасльской рукописи.

Творительный при сложном глагольном сказуемом

Творительный причины встречается в старославянском языке и при сложном глагольном сказуемом, состоящем из личной формы модального глагола моци и примыкающего инфинитива. Все примеры этого типа выражают причину невозможности произвести действие, выраженное инфинитивом.

Придѫ же къ немоу мати и братриѣ его. и не можѣахѫ бесѣдовати къ немоу народомь. Лук. VIII, 19, Мар., 228_{19}, Ассем., 77_{28}. Савв. кн. Лук. VIII, 51, 34. ... **і іскааше видѣти Иса къто єстъ, і не можааше народомъ.** Лук. XIX, 3, Мар., 283_{20}, Ассем., 91_{7}, Зогр., 122. ... **и, не могѫште пристѫпити къ немоу народомъ отъкръишѧ покровъ.** Ассем., Марк. II, 12, 102_{12}. Ср. Савв. кн., Марк II, 76, 62.

Творительный при именном составном сказуемом

а) Именная часть составного сказуемого представляет собой имя прилагательное. Творительный при таком сказуемом обозначает причину качества. ... **мокры быша ногы наша кръвьѭ нашеѭ.** Супр., 77_{24}. ... **не быша достоини своеѭ зълобоѭ ни съ своими оученикы въ рѧдоу стати.** Супр. 333_{15} ... **ноуждеѭ съмрьтьнъ ѥстъ.** Супр. 136_{20}.

б) Именная часть составного сказуемого представляет собой имя существительное. ... **сии нар-че сѧ прѣпростыи вьсеѭ братиѭ ѥгоже молитвами причѧстьници бѫдѣмъ цѣсарьства небесъкааго.** Супр., 174_{5}. ... **молимъ сѧ небеснааго цѣсарьства сьпричѧстьници имъ быти благодѣтьѭ и чловьколюбиимъ хса ба нашего.** Супр., 543_{10}.

Древнесербский язык

Творительный причины при простом глагольном сказуемом в древнесербском языке чаще всего встречаем в тех случаях, когда сказуемое выражено непереходным глаголом. Например: *Зато молимо ти гп^с^тво буди^т^ мл^с^ть ѡ семь промисли^т^ и ꙋчинити що се достои ѥрь г^д^не ѿнъ ѥ много злѣ ꙋчиниль видевь кьди ѡни селѧне бѣхꙋ ѿишли нашомь рѣчию на нашь посаль.* Стоj., I, 251, 14. ... *не могосмо ни щоузети ѥрь се томеи повеломь ѡправише.* Стоj., I, 205, 19. ... *ако би се по кѡ^м^ь времену када згодило терь се нашли на м|ору|го^д^нь воѥ^д^а иванишь кнезь петрь или кнезь никола |комь | годе узьрокѡ^мь^ да ихь имам^о^ ꙋзети ꙋ наше^х^ъ дрьве^х^ь...* Стоj., II, 106, 62. ... *акѡ коѥ^м^ ꙋзрокѡ^м^ не би бы^л^ своѥмь кипѡ^м^ у дубровнику.* Стоj., II, 81.

Примеры с переходными глаголами не так многочисленны, как с непереходными: ...*писахь сию книгꙋ повеловь бановь,* Стоj., I, 2. ... *ѥрь бжимь хотениѥмь до данась нѣ се никому потвориль.* Стоj., I, 181, 25. *А сьда у ѡвои врѣме бгь своиѡмь мл^с^тию ꙋмножи госпо^д^ство нѥгѡво...* Стоj., I, 86, 10. ... *ваши людиѥ ...уземе имь самосиль^м^ вашомь рчию на свѣтию стѣпку. 1. перьиѥ ^х^ у риба^х^ и у динархъ...* Стоj., I, 5—6.

Имя существительное, стоящее в творительном падеже, здесь обозначает абстрактное понятие, связанное с предметом, находящимся вне субъекта.

В древнесербском языке отмечено несколько случаев творительного причины при именном составном сказуемом с именем прилагательным в именной части: *И ми бжимь хѡтеныѥ живо смо и здраво.* Stoj., I, 161_5. ... *да знате ми смо хотѣникмь божимь здраво и веселѡ.* Stoj., I, 89_{2-3}. ... *и тада граѣне поидоше ѕ тврдо мѣсто и зидаше градь дѹбровникь кои есть и данась божьомь милостию почтень и слободань ѡ коихь лѹди старога града есу се родили...* Stoj., I, 124_{15}.

Древнерусский язык

И в древнерусском языке творительный причины чаще всего наблюдается при глаголах непереходных.

Примеры с непереходными глаголами, обозначающими состояние: ... *сѣде Кондратъ кнѧзь в Соудомирѣ кнѧземь Мьстиславомъ, снмъ королевымъ и его помочью.* Ип., 933. ... *бяше же новгородьцевъ мало: ано тамо измано вячьшие мужи, а мьньшее они розидошася, а иное помьрло голодомъ.* Новг. I, 55. *В си же времена мнози человѣци умираху различными недугы...* П. вр. л., 141. *Се слышавши торци, убояшася: пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи, божимъ гнѣвомь гоними, ови от зимы, друзии же гладомь, ини же моромь и судомь божьимъ...* П. вр. л., 109. ... *и сево, государи, году хлѣбъ у насъ не родился, многие крестьянишка помираютъ голодомъ...* Бл. б. Од., 67, V, 5. *Людье изнемогоша водною жажею и предашася.* П. вр. л., 76.

Примеры со сказуемыми, выраженными переходными глаголами, более редки: ... *о оканьніи! не вѣсте ся то творяще, се бо творите невѣденьемъ.* Ип., 33. ... *Мы же ту страсть видѣвъше, ни худѣ покаемся грѣхъ своихъ, но горше быхомъ на зло, братъ брата хотяще снѣсти завистию и друг друга.* Новг., 1, 87, л. 145 об ... *да аще намъ того не помянешь, еже створихом своим безумиемъ, и крестъ аще к намъ цѣлуешь.* Моск., 64, л. 77 об. ... *и всякая добродѣтель и любовь въ такихъ ссорахъ враждою совершается и конечною ненавистію.* Дом., 90.

В древнерусском языке известны примеры творительного причины при главном члене безличного предложения, выраженном сочетанием предикативного наречия модального значения с инфинитивом. Творительный причины обычно наблюдается в той разновидности указанного типа предложений, которая обозначает невозможность произвести действие. Эти предложения по существу обозначают состояние субъекта, именно состояние затрудненности, невозможности действовать. *Бысть сѣча зла, и не бѣ лзѣ озеромь печенегомъ помогати, и притиснуша Святополка с дружиною ко озеру.* П. вр. л., 96. ... *Святополкъ же посла имъ, и не бѣ лзѣ вкратися в градъ множьствомь вой ратных.* П. вр. л., 145. *Нѣлзѣ бѣше доити до търгу сквозѣ городъ, ни по гребли, ни на поле выйти смороды.* Новг. 1, 12. ... *мьстился быхъ,*

но нелзѣ Ростиславличи. Ип., 122. ... *и разыде ны с ними рѣка, и нельзѣ бѣ сы съ ними тою рѣкою биться полкомъ.* Ип., 37. ... *наяша наимиты возити мьртвьця из города, а смородъмь нелга вылести.* Новг. 1, 22, 12 об.

Творительный причины при именном составном сказуемом в древнерусском языке мы наблюдали лишь в одном случае: *Нарѣчахутьсѧ Ворота тѣснотою своєю* ... Ип., 866.

Древнечешский язык

Богато представлен творительный причины в древнечешском языке. И здесь он употребляется чаще при непереходных глаголах. Непереходные глаголы-сказуемые, при которых в древнечешском находим творительный причины, чаще всего обозначают состояние: *rosti, truchliti, veseliti se, kvésti, mréti, zahynouti. A takými věcmi roste ta padlost a rozmáhá se.* Chelč., *S. v.*, 118, 14. *Jímž by měl člověk truchliti, tiem se veselí, a jímž by měl vesel býti, tiem závisti chřiedne.* Št., O. v., 183, 29. *Protož počátek moci aneb panování s strany žádosti lidské ihned lúpežem a násilím kvetl jest.* Chelč., S. v., 165, 30. ... *leč táhnú, leč hladem mrú* ... Chelč., S. v., 332, 21. *A nad to, když sme zahynuli hřiechem, a v smrt upadli, on za ny umřel...* Št., O. v., 56, 6. ... *aby nezahynuli zatracením bez pokánie.* Chelč., S. v., 215, 28. *Goj' pomohlo Judášovi, žej' Kristus jeho proradú umřel.* Št., O. v., 9, 3.

Однако находим примеры и при глаголах движения: *utěci, jíti, vrátiti se, vyjíti, dojíti. ... všickni zlosynové, vinnější súce, utekli sú pryč hanbú.* Chelč., S. v., 228, 4. *Nevděčnost vše dobré duší, jako zlý vietr vysuší studnici božie milosti, jenž jde jeho šlechetností.* Fl., Now. r., 59. ... *a ktož práce nechtě jmieti, odstúpí boha, netbaje jeho zápovědi, lečt' se k němu pokáním vrátí.* Št., O. v., 110, 12. *A také, žej strach, by těmi marnostmi nezašli v hřiech smrtelný.* Št., O. v., 143, 26—27. *A tak každý člověk střez se, aby smrtedlrým hřiechem, ač i tajným, nevyšel z jednoty křesťanské obce...* Št., O. v., 28, 1.

Творительный при простом глагольном сказуемом, выраженном переходным глаголом: *Ti svú nesklidnú nevěrú obci všecko zlé přivodie..* Fl., Now. r., 67, 462 ... *tiém každý kniez svú čest ztrati, a protot iú nechcou (k tobie) dáti.* D. chr., 121, 10. *Ruben také, prvorozený syn Jakubóv smilstwem protratil od svého otce požehnánie* ... Št., O. v., 113, 30. *kterýž skup jest a nedaří, ten chováním zbožie zmaří slovo dobré, chválu i čest'...* Fl., Nov. r., 59, 348. *Již sú to všudy lidé ztratili, že již, teskností aneb rovnú lehkostí vyběhnúce z pokoje.* Chelč., S. v., 298, 28 (в комментариях — *pro tesknost*).

Именной частью сказуемого является имя прилагательное или страдательное причастие: *A tak jeden ne obrácením božstvie v tělo masné, ale vzetím člověčstvie v božstvie* ... Št., O. v., 15, 18. ... *jsa čist ode všech ode všech poškvrn, a čist ctnostmi a šlechetnostmi...* Št., O. v.,

180, 16. ... *ale ktož by přijal vieru, a rád by křest vzal, a nemá od koho, tú žádostí duchem svatým křest bude naplněn v něm.* Št., O. v., 210, 15.

Именной частью сказуемого является имя существительное: *Jest také „náš“ otce, ač ne týmž činem, jako svého syna přirozením jediného, ale vzvolením...* Št., O. v., 17, 9.

Древнепольский язык

Творительный причины представлен и в древнепольском языке.

Отметим творительный причины при простом глагольном сказуемом. Сказуемое выражено непереходным глаголом. Наиболее обширная семантическая группа глаголов-сказуемых обозначает состояние. Здесь находим глаголы: *drżeć, straszyć, plakać, zaginąć, umrzeć. Gospodna nye wzywaly, tam drzely strachem gdzyesz nyebul strach.* P. P., 20—1, 13—19. *A gdisz wyelikǫ́ zaloszczǫ́ plakal, slutowal sze Isaac nad nym.* B. Z., 30, 30. *Zaginǫ́li pospolitǫ́ smyerczǫ́ luczkǫ́...* B. Z., 108, 4. *Y umarl gest tam Moyzesz sluga bozi, w zemi Moabskyey, przikazanim bozim.* B. Z., 158, 6. *Nyeprzyjaczyelye zgynęly myeczen* (надо — *myeczem*) *do koncza, y myasta gych skazil iesz.* Puł. Ps., 12, 15, 9, 5.

Творительный причины при глаголе *być: Jako to szaczimi czo szǫ́ wodzili Jakusz esz Jendrrichem to yesto Jacuszewim nagabanim...* Altp., 185.

Творительный при сказуемом, выраженном переходным глаголом. *A viszedwszi z Kades, stane zastavili na gorze Or... prikazanim bozim.* B. Z., 126, 21.

* * *

В старославянском, среднеболгарском и древнерусском литературных языках известна форма творительного падежа *тѣмь* от указательного местоимения мужского рода *тъ* или среднего рода *то*, которая имеет значение 'вследствие этого', 'поэтому', 'по этой причине'. Употребляясь после главного предложения, эта форма охватывает и повторяет заключенное в главном предложении значение причины. Синтаксическая специфика примеров этого типа заставляет нас рассматривать их отдельно от прочих примеров творительного причины.

Старославянский: **Дьни же бывъшоу розьства иродова. плѧса дъшти иродиѣдина по срѣдѣ и оугоди иродови. Тѣмь же съ клѧтвоѭ издрече єи дати єгоже аще въспроситъ** ... Мар., Мат. XIV, 6. **Вѣровахъ тѣмьже възглаголахъ...** Син. пс., CXV, 1. ... **онъ же рече тѣмь же оубо блаженьні слышѧщтєі слово бж҃иє и хранѧштє є.** Зогр., Лук. XI, 28, 106. Ср. Савв. кн., Лук. XI, 126, 121.

Среднеболгарский: ... *познаста же наготѫ своѫ и срамотѫ тѣмь и съкрывааста въ глѫбокосѣннаа ѧдоліа.* Лет. Манас., 11_{20}.

Древнерусский: *От того же манастыря переяша вси манастыреве уставъ і тѣмь же почтенъ есть манастырь Печерьскый стареи всѣхъ.* П. вр. л., 107. *Не разумѣемъ бо ни гречьску языку, ни латыньску... Темь же не разумьемъ книжнаго образа ни силы ихъ ...* П. вр. л., 22. *Се же бог яви силу крестную, понеже Изяслав цѣловавъ крестъ, и я и, тѣмь же наведе богъ поганыя.* П. вр. л., 185. *... а мы имамъ въ б҃а мѣсто чрево и тѣмь на ползоу и на спасение никогъда же не подастъ намъ ...* Жит. Ниф., 290, 4.

* * *

Как видно из примеров, древние славянские языки употребляли творительный причины в очень сходных условиях. Общие черты его употребления по языкам таковы.

1. Творительный причины чаще всего находим при простом глагольном сказуемом, выраженном непереходным глаголом. Эти непереходные глаголы в древних языках представлены в пределах одних и тех же семантических групп (с небольшими различиями по отдельным языкам). В старославянском, древнерусском, древнечешском, древнепольском наиболее обширной по объему является группа глаголов, обозначающих различные физические и психические состояния. В этой группе заметно выделяется множество примеров творительного причины при глаголах, обозначающих смерть, гибель. Значительна по объему группа глаголов движения: творительный причины с ними отмечен в старославянском, древнесербском, древнерусском, древнечешском. Меньше по объему группа глаголов, обозначающих существование, наличие, пребывание в том или ином месте. Творительный причины с ними отмечен в старославянском, древнесербском, древнепольском языках.

2. Творительный причины при сказуемых, выраженных переходными глаголами — явление более редкое, чем при сказуемых, выраженных непереходными глаголами. Семантика переходных глаголов при этом не совпадает полностью по языкам. Частичные совпадения отдельных глаголов (например, *творить*, *говорить*, *писать*) объясняются, возможно, их большой употребительностью. В творительном падеже здесь обычно находим имя существительное, обозначающее отвлеченное понятие.

3. В сложном глагольном сказуемом, при котором известен творительный причины в старославянском языке, обращает на себя внимание постоянное присутствие личной формы модального глагола **мощи** с отрицанием. При главном члене безличных предложений, в которых творительный причины известен в древнерусском языке, столь же заметно присутствие предикативного наречия модального значения *нелзѣ*. Как в первом, так и во втором случаях творительный обозначает причину невозможности произвести действие.

4. Творительный причины при составном сказуемом с именем прилагательным или именем существительным в именной части — довольно

редкое явление в древних славянских языках. Он обозначал причину качества (при именах прилагательных) или причину состояния, явления, факта (при именах существительных).

* * *

Еще в древние эпохи наметился процесс вытеснения творительного причины, позднее он приобрел широкие масштабы. В современных языках творительный причины употребляется редко. Его остатки чаще встречаются в диалектах, нежели в литературных языках. Совершенно особую картину дает лишь чешский литературный язык, где выражение отношений причины все ещё осуществляется при помощи творительного падежа. Однако для чешского литературного языка наших дней эта форма становится архаичной.

Чешский язык

В современном чешском литературном языке древний славянский творительный причины хорошо сохранился. Он употребляется главным образом в тех же самых условиях, которые связывались с этой формой в древних славянских языках. Кроме того, немногочисленные случаи творительного причины отмечены в новых, не совпадающих с древними, грамматических условиях.

Творительный причины при простом глагольном сказуемом

При сказуемом, выраженном непереходным глаголом, творительный обозначает причину состояний и переходов из одного состояния в другое: ... *Chvěl jsem se radostí, že přátelé stále na mne myslejí.* Ner., M. pov. *A jak stlumené zvuky hudby až sem do komnatky zaletěly, zachvěla se Lenka tichou blažeností.* Jir., Fil. hist. *Chvěje se zimou chvátal do bytu vrchního...* Jir., Skal. *Každý ho upřímně vítal, stařec se přijemným rozčilením chvěl.* Ner., M. pov. *Když z něho vyšli, byl by Jaromil litostí plakal, že musí krásnou zahradu opustit.* Němc., Nár. bách. *Standa by plakal strachem, ale musí dál.* Čap., Pr. parta. *Standa se usmál, ačkoli mu bolestí tekly slzy.* Čap., Pr. parta. *Prošli zahradou kolem obou kovových soch, které se trochu leskly vlhkem, potmě...* P., Hra s ohn. *Co bude pak? myslívala si Anna a srce se jí při té otázce sviralo úzkostí.* Olbr., Anna pr. *Zastavil se údivem nad tou otázkou.* Řez., Nást. *K obědu přišly pozdě, a Ondřej, který uvykl doma brzo jíst, nepřiznávaje toho, padal hlady.* P., Lidé na kříž. *Slyšeli ho, jak se vydal na cestu a dýchá rychle a hlučně napětím.* Řez., Nást. *A tak se všech konců ozýval se zpěv a radost a všem hořely tváře rozkoší.* Němc., 5 pov. *Návrat ztraceného syna, řekl Trnec. Matička se pominula radostí.* Řez., Nást. *Pak dostanu mimořádnou profesuru a Regner pukne vztekem.* Čap., Tov. *Bondy se*

rozjařil touto vyhlídkou. Čap., Tov. *Večer baba přišla a zlostí ztrnula, vidouc, že vše, co poručila, hotovo jest.* Němc., Nár. bách.

Творительный причины отмечен при устойчивых словосочетаниях, выражающих состояние: *Tietze se bolestí probral k vědomí.* Řez., Nást. *Div, že jsme z rozumu nevyšli leknutím.* Němc., 5 pov. *Plakaly jsme, modlili jsme se ruce spínaly, jako beze smyslů byly jsme strachem a hrůzou.* Němc., 5 pov. *Bartoňka byla strachem bez sebe.* Jir., Skal.

Творительный причины возможен в безличном предложении — при безличном глаголе, обозначающем состояние: *Trochu ho mrazilo, snad chladem, přicházejícím z hloubi sklepa, snad vztekem...* Řez., Nást. *Zimou mně tuhlo tělo.* Ner., M. pov. *... hrdle ho svědilo dojetím.* Řez., Nást. *Ulehčilo se mu tím poznáním a skoro se rozveselil.* Řez., Nast.

Творительный обозначает причину различных непроизвольных речевых процессов людей и криков животных, выраженных непереходными глаголами: *Kapitan lehce vykřikl radostí.* Čap., Tov. *Když rozsvítila, div nevzkřikla zděšením.* Jir., Fil. hist. *Lidka překvapením vzkřikla, Skalák radostně tiskl jí ruku.* Jir., Skal. *Stanislav... vykřikl překvapením...* P., Lidé na kříž. *... jeho žena se tiskla do kouta a křičela děsem.* Řez., Nást. *Zmítala sebou, zápasila, kroutila se a vlekla se po kolenou, skučela námohou, strachy a vztekem...* Řez., Nást.

Творительный причины употребляется в современном чешском при глаголах, обозначающих явления умственной сферы и чувственные восприятия: *Ficek není doma, panno? Ach, ano, tím překvapením jsem zapomněla. Odešel s tetinkou a Lotty...* Jir., Fil. hist. *Nevěděl rozpaky, co odpovědět.* Řez., Nást. *...a Lyšaj nevěděl ani, co dělat radostí když Báru zase viděl.* Nemc., 5 pov. *Stanislav jí neposlouchal samým rozčilením, až bude číst Tichá jeho prózu.* P., Hra s ohn.

Творительный падеж при глаголах движения: *Český lev se otřásl jakom polítý, zalezl hanbou.* P., Hra s oh. *Vzmachem jejich paží šel od sletiště vítr.* P., Hra s ohn. *Děvče zbledlo a leknutím se nehýbalo.* Jir., Skal.

Творительный при переходных глаголах: *Chci vědět, kdo mě zatýká a jakým právem.* Řez., Nást. *Jakým právem... bude se rada Vogt párat v mých soukromých věcech?...* P., Hra s ohn. *Vidíš, že jsem si ho právem vzal, ale těší tě, vezmi si ho.* Jir., Skal. *...který (profesor Kahovec) hněvem ztrácel dar řeči...* Mrštík, Santa Lucia.

Как видно из материала, в вышеуказанных случаях при переходных глаголах употребляется, по существу, наречие, образованное из творительного причины. Впрочем, есть и иные примеры: *...vašim přičiněním dostalo se mi tribuny, o jaké se mi nikdy nesnilo.* P., Hra s ohn. *A sedláci otevřeli ústa podivením.* Jir., Skal.

Творительный при именном составном сказуемом

В современном чешском литературном языке наблюдается творительный причины при именном составном сказуемом с именем прилагательным в именной части.

Творительный падеж при этом указывает на причину качества: *Ale uzdravující se člověk je živ nejen injekcemi.* P., Hra s ohn. ...*je velká svou bojovnou lidskostí, svou demokratičnosti, svým usilím o nový řad světa...* F., Výb. ze st.

Творительный в обособленном определении

В обособленном определении творительный падеж указывает на причину качества, выраженного именем прилагательным: ...*nazpátek prchaly krajiny dvakráte čizí setmívanim.* P., Lidé na kříž. ...*muži i ženy bledí strachem, rozzuřeni na celý svět, hnali se k autům...* Erb., Poh.

Как видно из примеров, и в современном чешском литературном языке творительный причины чаще всего употребляется при непереходных глаголах. Семантические группы этих глаголов в общем совпадают с древними славянскими (глаголы состояния, глаголы движения). Следует отметить явное расширение объема группы глаголов, обозначающих состояние. Впрочем, в современном чешском начинают употребляться и новые группы — глаголы, обозначающие явления умственной и чувственной сферы, глаголы, обозначающие непроизвольные речевые процессы и крики животных. Отмечены единичные случаи творительного причины при переходных глаголах. Имя существительное здесь обозначает отвлеченное понятие. При именном составном сказуемом творительный обозначает причину качества, выраженного именем прилагательным. В обособленном определении он также указывает причину качества, выраженного именем прилагательным.

* * *

В других современных славянских языках творительный причины встречается очень редко, в отдельных языках он исчез полностью. Кое-где он сохраняется лишь в устойчивых фразеологических сочетаниях; иногда мы узнаем былой творительный причины в наречиях образа действия.

Остатки творительного причины чаще встречаются в диалектах, чем в литературных языках: литературные языки передают значение причины другими, более точными и разнообразными средствами.

Сербохорватский: *Увија се као змија око грла* (Ивич, 145—146).

Исследователи сербохорватского языка отмечают редкость употребления в нем творительного причины[1]. При этом примеры, принимаемые ими за творительный причины, в действительности часто имеют другое значение. Так, Джьорджевич приписывает причинное значение творительному падежу в таком предложении: *чим се коза дичила, тим се овца срамила* (Дивк., 55) и некоторых других, где творительный несет в себе значение содержания, а не причины[2].

Однако в литературных произведениях, написанных на сербохорватском языке, мы обнаружили несколько примеров творительного причины.

[1] См. П. Ђорђевић. Прилози за синтаксу српскога језика. I. О падежима без предлога. — „Гласник српскога ученог друштва", књ. 69. Београд, 1889, стр. 86.

[2] Там же, стр. 86—87.

Творительный при простом глагольном сказуемом

Сказуемое выражено непереходным глаголом: *Умрети њеним издајством? — мишљаше даље у себи...* Атан., Два идола. *Хохохо! и показа панталоне* (управо „панталону“) *јер Бог зна каквим сиј случајем престам бити.* Срем., Прип. *А међутим он, стари, зна да није због тога, што њега жали да би се он том лупом пробудио, узнемирио, растерао му се сан.* Станк., Неч. крв. *Искупиће се око ње, и као кајући се, што су, је ноћашњим својим толиким, од срца, као саможивим весељем, заборавили, почеће, чешљајући је и китећи, да плачу, наричу око ње.* Станк., Неч. крв. *Жаром сунца све је истајало.* С. Милутиновић. (Пример М. Ивич.). *За тобом и ја гинем жеђу истом.* Алекса Шантић. (Пример М. Ивич). *Намером и пажњом његовог друга Ивана и овог младе невесте, један се мали круг оцепио од великог сватовског круга у једну собицу за себе.* Атан., Два идола.

Сказуемое выражено переходным глаголом: *Често је, каже ми мати, доносио чича-ђорђе сомун испод мишке и куповао нам дрва, све док, опет његовим настојавањем, не би покупљена вересија...* Лаз., Прип. *Цела општина може својом вољом оделити поједином свом члану неки део општинске земље.* Марк., Срб. на ист.

* * *

В современном словенском творительный причины не отмечен.

Вопрос об употреблении творительного причины в русском языке XVIII и XIX ст. в русской лингвистической литературе освещен Л. А. Булаховским[1], который считает, что широкое распространение творительного причины в XVIII в. находится в связи с латинским влиянием. Его частое употребление в поэзии и несколько более редкое в прозе сохраняется в течение первых трех десятилетий XIX в.[2] Не нужно, однако, забывать, что творительный причины до сих пор, хотя и очень редко, встречается в русских говорах. Часть примеров, наблюдаемых в литературе XIX в., возможно, обязана своим существованием народному языку.

Творительный при простом глагольном сказуемом

Сказуемое выражено непереходным глаголом: *Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами, серпами злато нив.* (Державин). *Лица горцев померкли вдруг будто тяжелою мыслию* (Бестужев-Марлинский). *Не нами ль царствует корабль наш на морях!* (Крылов). *Которого мечом мой сын погиб в бою* (Озеров). *Остальные товарищи*

[1] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. II. Киев, 1953, стр. 268—269; Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954, стр. 335—336; рецензия на книгу Л. П. Якубинского „История древнерусского языка“. — ИАН ОЛЯ, 1953, т. XII, вып. 6, стр. 559.

[2] Л. А. Булаховский. Русский литературный язык перв. полов. XIX в., стр. 335.

его погибли изменою коварных врагов (Бестужев-Марлинский). *... С широких плеч разбойника морского, горячкой в ту же ночь умершего в тюрьме* (Пушкин)[1]. *... Тут же изъявил готовность принять на себя обязанность платить подати за всех крестьян, умерших такими несчастными случаями* (Гоголь, Мертвые души). *Недели с три назад заболел там и умер один рабочий азиатской холерой* (Достоевский, Бесы). *Если вы еще года два-три проживете в этом климате, да будете все лежать, есть жирное и тяжелое — вы умрете ударом* (Гончаров, Обломов). *„И Корней мне говорит: «родами, родами умрете, родами, матушка...» И я проснулась...“* (Толст., А. К.).

Творительный при сказуемом, выраженном переходным глаголом, представлен несколько реже: *Лишился я тобой спокойства и забав* (Сумароков). *Вспомни, что тобой злой рок мене унес, И вырони о мне хоть каплю слез* (Сумароков). *Я время, мысли и всё тобой гублю* (Сумароков). *Представь мне щеголя, кто тем вздымает нос, Что целый мыслит век о красоте волос* (Сумароков). *Сим средством не потеряем мы ни одной черты из ево похвальных дел* (Крылов). *Забудут, что покой я ею потерял* (Давыдов). *Однако братец ваш мне друг и говорил, Что вами выгод тьму по службе получил* (Грибоедов). *Мальчик, кажется, избегнул смерти и болезни своею чрезвычайною слабостью* (Герцен)[2].

Творительный причины при именном сказуемом: *Не правда ли, что мы Краса долины всей? Что нами дерево так пышно и кудряво, Раскидисто и величаво?* (Крылов). *Не ты ли их мужеством славен?* (А. К. Толстой)[3].

К концу XIX в. творительный причины исчезает в литературном языке. В говорах он иногда встречается до сих пор. Выражения *умереть тифом, умереть раком* и т. п. являются в них обычными.

В диалектных сборниках мы встретили несколько случаев творительного причины:

Да идеш эта видана, штоп христианская душа у патполью сидела, голодом умирала? Кур. сб., IV, 82. *У мене брат этим* (т. е. тифом) *и умер.* Манс., О. г. Шенк. у.

Творительный причины встречается в пословицах: *Мельница сильна водой, а человек едой. Владеет городом, а помирает голодом* (Примеры В. М. Гуссова. См. Учебник синтаксиса русского языка (в связи с морфологией). Кременчуг, 1915, стр. 44).

Ср. старую пословицу, упоминаемую в романе К. Федина: *Водой мельница стоит, да от воды и рушится.* Фед., Необ. лето.

Следует отметить, что в диалектных и просторечных выражениях типа *умирать голодом* значение причины почти стерто: *голод, болезнь* и т. п. выступают в этих выражениях не только как причины смерти,

---

[1] Примеры Л. А. Булаховского.

[2] То же.

[3] То же.

но и как характерные черты обстановки и условий, в которых произошла смерть. Таким образом, вместе с адвербиализацией творительных падежей этого типа происходят сдвиги и в их лексическом значении по направлению к значению образа действия.

Древний творительный причины можно вскрыть в таком современном выражении, как *спастись чудом*. Здесь значение причины уже совершенно вытеснено новым, наслоившимся на него значением образа действия. В современном языке *спастись чудом* значит не *спастись благодаря чуду*, а *спастись чудесным образом*.

Есть основание предполагать, что переосмысление старых фактов творительного причины пошло в русском языке и по другому пути. Так, в примерах типа *пылать гневом, звенеть голосами, пахнуть медом, сверкать росой* и т. п., возможно, в старину творительный падеж нес в себе значение причины-источника, или, по крайней мере, значение орудия и значение причины-источника выступало в них нерасчлененно. Сейчас мы осмысливаем эти примеры как творительный орудия при непереходных глаголах (творительный содержания), а в случае необходимости передачи причинного оттенка пользуемся в данном случае особым средством — родительным падежом с предлогом *от*.

Исследователи украинского языка отмечают, что употребление творительного причины в нем редко и архаично; самое значение причины ощущается в нем нечетко[1].

Сообщив примеры творительного причины из литературных источников — *Застогнав бо вже і Київ Жалем та тугою, Зажурився і Чернігів напастю лихою* (Руд., Ігор Сіверський); *Половина засланців, страйкарів-залізничників лягла тифом* (Смолич), — авторы „Курса сучасної украинськіі літературної мови“ указывают, что в современном живом языке мы бы сказали соответственно: *застогнав з жалю та туги, зажурився через напасть, лягла від тифу*. Остатки творительного причины можно видеть в творительном падеже при глаголах *журитися, бидкатися, турбуватися*, но и тут начинают господствовать конструкции с предлогом *(журитися за чим, про що; турбуватися про що)*[2].

Некоторые примеры творительного в украинском, которые принимает за творительный причины проф. Е. К. Тимченко, в большинстве случаев имеют значение образа действия и содержания (см. примеры: *Не будем своею смертю умірати, Паробок жениться охотою, дівка замуж іде неволею, Дитина заносилася срібним сміхом*, а также с глаголами *тріумфувати, тужити, жити* (например, *В городі на воловоді ні іст, ні пйе, Божим духом жие*), *зимувати, літувати* в значении ‘жить чем-либо зимой, летом’, *веселитись, дивуватись, радуватись, тішитись, величатись, гонорувати, хвалитись, чванитись, упи-*

---

[1] „Курс сучасної українськіі літературної мови“, II. Киів, 1951, стр. 80.

[2] Там же, стр. 80.

тись, підпити, захлинутись (Під липовим корчем, корчем захлинувся Василь борцем)[1].

Лишь немногие примеры Е. К. Тимченко действительно имеют значение причины, например: *Земля страхом потрясе ся* (XVIII в.). Пам. укр. м. IV, 135 (Тимч., 71). *Многими ударами і дуб лежит.* Е. Зб., 27, 235 (Тимч., 68). *Страхом великим всї закричали.* Kolb. P. II, 267 (Тимч., 68). *Хлопче зачепився за лопату та впав, а я тим засмиявси.* Мил. Жлк. 37 (Тимч., 68).

И в украинском языке творительный причины почти вышел из употребления. Категория причины выражается другими средствами, остатки творительного причины адвербиализуются и переосмысливаются.

В серболужицких языках творительный в причинном значении мало известен.

В нижнелужицких текстах мы обнаружили беспредложный творительный причины в примере *Glodem humrěsch mě daju*, Serb. Отмеченный пример интересен тем, что творительный употреблен здесь без предлога, что необычно для серболужицких языков. Можно думать поэтому, что в данном случае мы встречаемся с устойчивым сочетанием, сохранившимся от древнего времени. Характерно, что в рассматриваемом примере творительный причины выступает в условиях, наиболее типичных для него в славянских языках, т. е. при непереходном глаголе, обозначающем физическое состояние.

В современном верхнелужицком творительный причины также отмечен. Как обычно для лужицких языков, он сопровождается предлогом *c* (*z, s*). *Won bě zwjazany, ale je strašnje z mokrotu c'erpjeł, tak zo jeho wjazba wotpaduje a rozpaduje.* Čas., mac'. *...cźi wotpadnych s bojosczu abo se slabosczu.* S. k. am.

Творительный причины встречается в польском довольно редко. Он употребляется при простом глагольном сказуемом, выраженном глаголами непереходными: *Dygotali obaj jakąś wnętrzną utajoną trwogą, osaczali się wzajemnie...* Krucz., Kord., ch. *No to co się pan martwi tymi towarzyszami?* Nałk., Węzły *ż. Będziemy znani — przerwał — gdy wystąpimy! Gdy bruk stoliczny zadudni naszym krokiem!* Krucz., Kord. ch. *„Kwiatek" się troche niepokoi gzykaniem bąka, ale nie ucieka, bo wie, że go odpędzę.* Rudn., St. *Przeszedł po zgliszczach Smoleńska, darł się przez stosy trupów pod Borodinem, przymierał głodem w płonącej Moskwie i marzł do szpiku kości w sromotnym odwrocie wielkiej armii.* Krucz., Kord. ch.

При сказуемом, выраженным переходными глаголами: *Tymczasem zaś własną wielogodzinną cierpliwością uzyskał przyjęcie w komisji oświecenia* ...Krucz., Kord. ch. *Baczże więc, abyś, nierozważnymi kroki nie naraził się zwierzchności swojej!* Krucz., Kord. ch. — *Jakąż to zbrodnią zasłużył ten nieszczęśnik, że go w tak nieludzkich opresjach widzimy?* Krucz., Kord. ch.

[1] Е. К. Тимченко. Вокатив і інструменталь в українській мові. Київ, 1926, стр. 68—72.

Творительный причины отмечен и в польских диалектах: *Výnc níma spu̯osu̯obu sẙkac' takygou̯ cleka, coby muk pu̯ovézéć, co to znacy', ze tu̯o umžeć i̯adovitom śmérc'om...* N., Wyb. *Żołnerz jedzie bórę, lasę (przemjerając głodę czasę).* Пам.

НАРЕЧИЯ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ ИЗ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПРИЧИНЫ

Переход творительного причины в наречия со значением образа и способа представлен в славянских языках лишь единичными случаями. Иногда этот процесс не является завершенным — значение причины в таких наречиях как *счастьем, случаем* (в русском), *przypadkiem, szczęściem—nieszczęściem* (в польском) и т. д. еще проявляется довольно явственно и в современных славянских языках.

В старославянском языке нам встретился один пример творительного со значением причины, которое приближается к значению образа и способа: ...**иъ ѥда како въскръсъшоу ѥмоу мьнѣти начьнѫтъ ꙗко сълоучаѥмъ нѣкыимъ ожи лазаръ...** Супр. 314_4.

В сербохорватском языке: *Срећом из француских романа заборавио је браколомство, а запамтио част и славу.* Лаз., Прип. *Син му Кићун жив је, али се не уврже на оца, но је ситан, сметен, рђица, каквијех је, срећом, мало у овијем горама!* Мат., Ускок. *... а сав посут струготином са Пујина кајиша, да је изгледао као шишарка, а омотан паучином, које се срећом нашло задоста у школи.* Срем., Прип.

Формы творительного падежа не полностью перешли в наречие: они еще не утратили способности сочетаться с определением, правда, выраженным местоимением. Например: *Срећом њиховом бјеше им слободна позадина, те, и ако помало, ипак почаху узмицати.* Мат., Ускок. *Да је сад Максим којом несрећом био од оних учитеља старога кова и школе, он би извесно „узео у посао" победитеља.* Срем., Прип. *Бог зна, колико се пута, тобоже, топио и увијек, чудом неким, спасавао и шта све по свијету није видио, чега се ни у сну не привића;* Мат., Ускок.

В русском языке: *Он уцелел только чудом.* Чехов. — *А много денег собрать можно? — Счастьем ведь это.* Остр.

В украинском языке: *Вхопив за сокиру, котра щастем лежала під рукою.* Верб., Розб. на М., 14 (Тимч., 68). *Це сталося випадком.* (Тимч., 68).

В чешском языке: *Jen jeho legitimace se zachránila jako zázrakem.* P., Hra s oh. *Já kterého ulovil náhodou, jsem byl výjímkou.* F., Rep.

В словацком языке: *Dávno predtým, začiatkcm decembra,...stretol som Betu náhodou v obci.* Jilem., Kron. *...oni si dcma myslia, či sa náhodou neukáže u vás.* Jilem., Kron. *Vtedy scm náhcdou zbadal, že starý Chudík, sjazdový delegát, vytrel si pasťou z oka slzu.* Jilem.,

Kron. *Zdraví chlapi plieili košiky, viazali metličky z brezového prútia, ženy sbieraly maliny, jahody a huby až tohi žili zázrakom.* Sln. cesta. — *Hla, včera o takomto čase, keď sa mi zázrakom podarilo prepliesť sa cez nemeckú líniu, prechádzal som pod Kráľovu hoľu.* Jilem., Kron.

В польском языке: *Teraz na książkę wypadkiem spojrzawszy, wstał.* Orz., Cham. *Szczęściem jednak dla młodego Eskulapa, ciocia Marynia żywiła dla niego uczucia wprost Mikołajowym przeciwne...* Sienk., Now., I. *Szczęściem stróż natychmiast otworzył furtkę...* Prus, Lalka, II. *Wstrząsał się ze zdumienia, jak człowiek, który cudem znalazłby się w nieznanej sobie okolicy.* Prus., Lalka, II. *Szczęściem, człowiek nie zbłądzi do tego ostępu.* Mck., PT. *Nieszczęściem trącił krzaki suchego agrestu.* Mck., PT.

* * *

Употребление остатков творительного причины в сербохорватском, русском, украинском, серболужицких и польском языках характеризуется, в общем, теми же ограниченными грамматическими условиями, которые определили его существование в древности. Отличия заключаются лишь в масштабах его употребления. Чаще всего творительный причины представлен при непереходных глаголах состояния (сербохорватский, русский, украинский, серболужицкий, польский языки). В говорах отдельных языков долее всего держалась в словосочетаниях с творительным причины та группа непереходных глаголов состояния, которая обозначала умирание, гибель, уничтожение (русский, польский, серболужицкий языки). Случаи с глаголами движения редки (сербохорватский язык). Творительный с переходными глаголами — более редкое явление, чем с непереходными, однако оно имеет место в сербохорватском, в русском (в русском, главным образом, в литературе XVIII в.). Примеры творительного причины при именном составном сказуемом единичны (русский язык, польский язык).

Широкое распространение творительного причины при непереходных глаголах состояния в древности и наиболее длительное сохранение его (с последующей адвербиализацией) в современных славянских языках в этих же условиях можно объяснить тем, что здесь он не смешивается с творительным орудия (что возможно при переходных глаголах) или с творительным ограничения (что возможно при именном составном сказуемом).

Как указывалось, еще в древних славянских языках началось использование падежно-предложных конструкций в обстоятельствах, типичных для творительного причины. В большинстве современных языков (кроме чешского) этот способ выражения причины стал господствующим. Изучение истории падежных форм с предлогами в причинном значении не входит в задачи работы. Наша цель — отметить, какие конструкции появляются на месте исчезающего или исчезнувшего творительного причины в отдельных славянских языках.

Старославянский язык

При простом глагольном сказуемом, выраженном непереходным глаголом, мы обнаружили следующие падежные конструкции со значением причины.

Родительный падеж с предлогом *от* — ... от страха же его сътрѧсѧ сѧ стрѣгѫштеи ... Мар., Мат. XXVIII, 4, 112.

Родительный падеж без предлога: съмѫтішѧ сѧ бездьны мъножъство шюма водъ. Син. пс., LXXVI, 18, $98^{в}_{11}$.

Винительный падеж с предлогом *за* — ... и мнози лъжи прци въстанѫтъ і прѣлъстѧтъ многы і за оумножениѥ безакониѣ исѧкнетъ любы многъ. Зогр., Мат. XXIV, 12, 34.

Родительный падеж с предлогом *по* — ... абиѥ же по скръби дьнии тѣхъ. слъньце мръкнетъ. и лоуна не дастъ свѣта своего, Мар., Мат. XXIV, 29, 89_{20}.

При простом глагольном сказуемом, выраженном переходным глаголом:

Дательный падеж с предлогом *по* — ... гла имъ ѣко моси по жестосръдью вашемоу повелѣ вамъ · отъпоустити жены вашѧ. Мар., Мат. XIX, 8, 66_{12}.

Родительный падеж с предлогом *ради* — ... вѣдѣаше бо ѣко зависти ради прѣдашѧ і архиереі. Зогр., Марк XV, 10, 179_{22}.

При сложном сказуемом, состоящем из формы модального глагола и инфинитива, для выражения причины невозможности произвести действие:

Винительный падеж с предлогом *за* — ... і придѫ къ немоу носѧште ослабленъ жилами носимъ четырьми і не могѫште пристѫпити къ немоу за народъ. Зогр., Марк. II, 4, 120.

Родительный падеж с предлогом *ради* — ... и не обрѣтъше кѫдѫ вънестi народа радi вълѣзъше на храмъ скрозъ скѫдълии нізьвѣсі шѧ и съ ложемъ его. Ассем. Лук. V, 17—26, 71_{25}.

При именном составном сказуемом:

Винительный падеж с предлогом *за* — ... и прискръбьнъ бысть цсръ за клѧтвы. Зогр., Марк VI, 26, 137_{13}.

Сербохорватский язык

При простом глагольном сказуемом, выраженном непереходным глаголом:

Родительный падеж с предлогом *od* — ... *pogibosmo od žedje i gladi*. Šen., Sabr.

Родительный падеж с предлогом *из* — *Одбио је то из мржње.* (Ивич, 79).

Винительный падеж с предлогом *чрез* — *Шта си ово чинио, од Бога не нашао. Ко те је ово научио? Чрез тебе ћу страдати и ја!* Мил., Међудн.

Родительный падеж с предлогом *s* — *S te vike doleti popadija u sobu, a ja brže bolje na nju.* Cank.

При простом глагольном сказуемом, выраженном переходным глаголом:

Дательный падеж с предлогом *по* — ... *по мл҃сти бж҃ие створихъ мл҃сть градъ Дъбровникъ.* Stoj. I, 109, 1.

Кроме того, в книге М. Ивич, посвященной творительному падежу в сербском языке, указывается на существование в сербском конструкции с предлогом *због*, имеющей значение причины (см. ук. книгу, стр. 99).

Словенский язык

При простом глагольном сказуемом, выраженном непереходным глаголом:

Родительный падеж с предлогом *od* — *Črez gotska okna je gledala gospa Amalija, od veselja vzkliknila in hitela nama nasproti.* Tavč.

Родительный падеж без предлога — ... *sàm patišòw žejè anu làkoti.* Б., Ю.-сл.

Винительный падеж с предлогом *za* — *Ans fámoštr ə-umrú za lā-koto, potlə — kə̀ γa-ə-bla nawádьla stât brcz-jèst.* Б., Ю.-сл.

Родительный падеж с предлогом *zaradi* — *Irl ji v breg, lovil s poglegi stero in stopnice ter zaradi solnca zahlo zapiral veke.* Bev., 153.

Русский язык

При простом глагольном сказуемом, выраженном непереходным глаголом, встречаются следующие конструкции.

Родительный падеж с предлогом *от* — *Се уже хочемъ померети от глада, а от князя помочи нѣту.* П. вр. л., 87. *Отец Дымка был убит на германской войне, мать умерла от тифа.* Шол., Подн. цел.

Родительный с предлогом *с* — *С игры, с катанья, с бегань я, с морозу разогрелося у девушки лицо.* Некр., Кому на Руси...

Родительный с предлогом *из* — *Данилов записался не столько из сознательности сколько из желания поступить наперекор матери.* Пан., Спут.

Дательный падеж с предлогом *по* — *Все женщины плакали, но больше по привычке, чем от горя.* Горьк., Мать.

Винительный падеж с предлогом *через* (в просторечии и диалектах) — *Мама расстроилась через вашу болезнь.* Павл., Счастье.

При простом глагольном сказуемом, выраженном переходным глаголом:

Родительный падеж с предлогом *от* — *От раздражения у Коростелева сперло дыханье.* Пан., Ясн. берег.

Родительный падеж с предлогом *из* — *а иныхъ Половци побиша ис коня, а иного ис порта.* Новг. 1, 63 л., 99 об.

Родительный падеж с предлогом *с* — *Лиза роняет свечку с испугу.* Гриб., Горе от ума.

Дательный падеж с предлогом *по* — *Ваську, по просьбе Юлии Дмитриевны, перевели в санитарки в шестой вагон.* Пан., Спутн.

Родительный падеж с предлогом *ради* (в древнерусском) — *бѣ бо привелъ ю̀ отець его Святославъ, и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея.* П. Вр. л., 53.

Родительный падеж с предлогом *дѣля* (в древнерусском) — *Вдасть же за вѣно грекомъ корсунь опять царицѣ дѣля, а сам приде Киеву.* П. вр. л., 88.

Украинский язык

При простом глагольном сказуемом, выраженном непереходным глаголом:

Родительный падеж с предлогом *від* — *А як вийду за ворота — від вітру валюся.* Метл., 20.

Родительный с предлогом *з* — *Нехай те люди знають, Що з кохання умирають.* Чуб. V, 22.

При сложном сказуемом, состоящем из личной формы модального глагола и примыкающего инфинитива:

Родительный падеж с предлогом *для* — *Для нужних и слабых коней не могли пріти до того, аби тую армату здужали отвести.* Вел., IV, 271.

Польский язык

При простом глагольном сказуемом, выраженном непереходным глаголом:

Родительный падеж с предлогом *od* — *Wszystko świeciło się i błyszczało od czystości.* Nałk., Węzły ż.

Родительный падеж с предлогом *z* — ... *zaszywał się w ciemny kąt i płakał z żalu lub złości.* Opow. o F. Szop.

Винительный падеж с предлогом *przez* — *Nie broniła się wcale, cierpieć przez niego jeszcze było szczęściem.* Nałk., Węzły ż.

При простом глагольном сказуемом, выраженном переходным глаголом:

Родительный падеж с предлогом *dla* — *Ponieważ wpadł w oko Celii, ponieważ stracila dla niego głowę...* Nałk., Węzły ż. Винительный падеж с предлогом *przez* — *Może przez właściwą sobie wiarę w jego wielkoduszność nie zauważyła odwrotu...* Nałk. Węzły ż.

Мы кратко перечислили главные падежно-предложные конструкции, выражающие причинные отношения в славянских языках, не касаясь вопроса о сложной и богатой нюансами их синонимике и степени их употребительности. Из описания видно, что многие падежно-предложные конструкции причины представлены в широком кругу языков и, следовательно, идут еще из праславянской эпохи.

В современных славянских литературных языках наблюдается тенденция выражения причинных оттенков еще более совершенными средствами: вторичными предлогами и предложными сочетаниями.

Так, в русском языке, начиная с конца XVIII в., происходит формирование вторичных предлогов *благодаря, вследствие, ввиду, в силу, в результате, по причине, по случаю, по поводу*, которые представляют собой отыменные образования (за исключением предлога *благодаря* отглагольного происхождения). Причинные отношения выражаются также предложными сочетаниями: *в связи с, в зависимости от*. Акад. В. В. Виноградов называет их сложными типами предложных словосочетаний или сложно-составными предлогами. Значение этих предложных сочетаний „складывается из лексического, вещественного значения первой части и синонимического или дополнительного усилительного формального значения конечного предлога“ [1].

Формирование вторичных предлогов и предложных сочетаний вызвано потребностями общения, потребностью наиболее точно и четко выражать причинные отношения.

Сочетания падежей с вторичными предлогами и предложными сочетаниями в силу точности указания причины и ее оттенков свойственны преимущественно научной и деловой речи.

Творительный причины развивался в славянских языках в таких условиях грамматики и семантики, которые исключали возможность смешения его с другими значениями творительного, например, со значением орудия и средства (что было бы возможно при переходных глаголах) со значением ограничения при глаголе (что возможно, если в творительном падеже стоит имя существительное, обозначающее часть действующего предмета), со значением творительного ограничения при имени (что возможно, если творительным падежом обозначена часть предмета, несущего признак, выраженный именем) и т. д. Поэтому и в древних, и в современных славянских языках мы находим творительный причины преимущественно при непереходных глаголах состояния, где его значение соприкасается лишь со значением источника, но не приближается ни к одному из других значений творительного. Творительный при переходных глаголах в значении причины — явление очень редкое.

[1] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 683.

Творительный причины при именном составном сказуемом представлен немногочисленными примерами и рано исчезает из употребления, так как его значение соприкасается с ограничительным.

Творительный при непереходных глаголах состояния еще довольно широко представлен в чешском литературном языке. В других славянских языках заканчивается или закончился процесс вытеснения его падежно-предложными конструкциями, начавшийся еще в праславянскую эпоху; остатки творительного причины адвербиализуются.

Преимущество падежных форм с предлогами заключается в том, что они не скованы теми грамматико-семантическими рамками, которые были отведены в языке для творительного причины, и могут употребляться как при непереходных, так и переходных глаголах самой разнообразной семантики. Кроме того известно, что именно в кругу причинных отношений наблюдаются тонкие смысловые и стилистические различия, а разнообразные комбинации падежей и предлогов располагают громадными возможностями для передачи этих различий.

Глава шестая

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРЕВРАЩЕНИЯ И СРАВНЕНИЯ

Древнейшие примеры творительного превращения и сравнения, зафиксированные в памятниках письменности, имеют приглагольное употребление и встречаются с глаголами конкретного значения полной знаменательности.

Значение творительного при таких глаголах не остается неизменным в течение периода существования письменных памятников. Древнее значение превращения переходит в неизменяемых грамматических обстоятельствах в значение сравнения.

Наиболее четко эта эволюция прослеживается у творительного при глаголах движения. Приведем примеры.

Старославянский: ... и сънидѣ дх҃ъ стыи тѣлесънымъ зракомъ ѣко голѫбь на нь. Лук. III, 22; Мар., 28; Зогр., 87.

Древнерусский: *Крестившю же ся ему, и се отверзошася небеса, и духъ сходящь зракомъ голубинымъ на нь.* П. вр. л., 72. *... се же есть первое тѣло свое хранитъ мѣртво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ и дятлемъ, рыщуть лютымъ звѣрьмъ и вепремъ дикимъ, летаютъ зміемъ, рыщуть рысію и медвѣдьмъ.* Ио. Экз. Болг.. 211. (Пример Буслаева, стр. 260).

В „Слове о полку Игореве": *Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкаше ся мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы* 53. *Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.* 55. *Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи из Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ.* 62. *Всеславъ... скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.* 62. *Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше. Из Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя; великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше.* 62. *Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.* 62/63. *А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду.* 63. *А Игорь князь... въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ.* 63. *А Игорь князь ... потече по лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мылами.* 63. *Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече.* 63.

Украинский язык: *Исус Христос голубом лiтав.* Е. Зб., 35, 30. *Господь Бог приходит чоловiком.* Щух. Гущ., V, 25. *Вони до нас що вечора пливут селезнями.* Чуб. V, 163. *Спусти мене боже над село хмаров, а в село дрiбним дощем, ясным сонцем — оконцем.* Z. P., I, 108. *Вона приплила щукою.* Рудченко, Ск. II, 53. (Примеры Тимченко).

Таких примеров много и в русском устном народном творчестве (ниже они даются по записям XIX в.): *Ну, эта Соломонида утушкой и по́дплыла, взяла это платье скинула, эты утушкины перья сры́ла, стала моло́дой молодицей...* Онч., Сев. ск. *Вот струева дочькя и бигить вылчинихай, падьбегаить к свыяму сыну.* Черн., Мат. для изуч. гов. Мещ. у. *Нонь-ко крадци пришла скорая смеретушка, пробралась въ наше хоромное строеньице, по пути она летала чернымъ ворономъ, ко крылечку прилѣтала малой пташечкой, во окошечко влетѣла сизымъ го́лубкомъ.* Барс., Причит. сев. кр. *Быу ты в своей фатерке в лесу, а я пришеу къ тебе медведемъ.* Онч., Сев. ск. *Она собрала имущество свое, вперед горб и назад горб наклала и пошла старушкой старой, грязно́й.* Онч., сев. ск. *Соколом время пролетѣло, золотымъ кольцомъ укатилося.* Песня (пример Буслаева). *Хоть чистымъ полюшкомъ лети ты да чернымъ ворономъ, ко селу лети ведь ты да яснымъ соколомъ, ко крылечушку скачи ты да серымъ заюшком, ко крылечку беги ты да горностаюшкомъ.* Барс., Причит., сев. кр.

В русском языке творительный подобного типа до сих пор употребляется в поэтической речи, а также очень часто и в художественной прозе, когда повествование оживляется и расцвечивается средствами образной речи. Разумеется, разные жанры литературы и разные авторы пользуются творительным этого типа далеко не в одинаковой мере. *И если как-нибудь на миг удастся мне забыться, памятью к недавней старине лечу я вольной, вольной птицей.* Лерм., 1 янв. (Овс.-Кул., Синт.). *Время (дело известное) летит иногда птицей, иногда ползет червяком.* Тург., Отцы и дети (пример из „Грамматики русс. яз.“ АН СССР, I). *Улететь бы вольной птицей от всех вас, от ваших сонных физиономий, от разговоров, забыть, что все вы существуете на свете.* Чехов, Дядя Ваня. (Шахм., Синт.). *Она птицей взвилась на седло.* Тург., Вешн. воды. (Овс.-Кул., Синт.). *... медведицей двигалась бабушка.* Горьк., Детство. *Он усмехнется, наклонит голову и быком идет.* Горьк., Детство. *... волчком вертелся празднично одетый Цыганок.* Горьк., Детство. *... чуть ее тронь — щукой кидается и норовит рогами поддать.* Шолох., Подн. цел. *Вдруг он петушком подвинулся к Алеше и, вздернув брови, спросил ...* Фед., Необ. лето. *Целый день я тогда по тайге зверем ходил.* Молост., Голуб. огни. *Нивесть где он петлял по тайге и вдруг чистым голубым песцом выскочил к ногам путников.* Молост., Голуб. огни.

Польский: *No, idź, już, idź! Wszystko im tam, jak neleży, zrób, a we czwartek rano ja tam przypłynę, czajką przypłynę, aby i ciebie, i twoje rzeczy zabrać.* Orz., Cham. *Pisze* (Chwedorek. — *K. X.*), *że nijak do wojska przyzwyczaić się nie może, że ptakiem by, zdaje się do chaty rodzonej powrócił.* Orz., Cham.

При изучении творительного данного типа при глаголах движения обнаруживается изменение его значения. Если в некоторых примерах из древних текстов субъект действия (движения) меняет свою материальную оболочку, перевоплощается в животное или птицу с совершенно определенной целью, то в более позднее время тот же самый творительный в тех же самых или схожих грамматических условиях обозначает по сути дела животное или неодушевленный предмет, движение которого напоминает движение субъекта.

Из перечисленных выше примеров ясно видно семантическое перерастание творительного превращения в творительный сравнения[1].

Процесс этот происходит постепенно, и, конечно, нельзя сказать с точностью, к какой эпохе относится преобразование творительного превращения в творительный сравнения. Вероятно, большую роль в этом преобразовании сыграли изменения в сознании людей, именно, утрата остатков первобытных анимистических представлений о перевоплощениях.

Грань между творительным превращения и творительным сравнения трудно отыскать даже в наших примерах. Бесспорно, творительный превращения наблюдается в таких примерах, как ... **и сънидє д҃ꙋъ ст҃ыи тѣлесьнымъ зракомъ ѣко голѫбь на нь** из Мариинского и Зографского евангелий. То же можно сказать о примере из Иоанна Экзарха, привлекаемом Буслаевым в его „Исторической грамматике“, где рассказывается о том, что человеческое существо покидает свое тело и летает орлом, ястребом и вороном, рыщет рысью и медведем. Но уже в отрывке из „Плача Ярославны“ — *полечю, рече, зегзицею по Дунаеви...* невозможно говорить о перевоплощении; об этом ясно говорит дальнейший контекст: *омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.* Здесь мы наблюдаем уже не превращение, а сравнение: Ярославна, расставшаяся с мужем, сравнивает себя с одинокой, бездомной птицей. В последнем примере нам пришлось для определения точного значения творительного обращаться к широкому контексту. В случаях отсутствия контекста могут иногда возникать затруднения. Такие же затруднения при разграничении значений превращения и сравнения испытывал А. А. Потебня. Он писал: „Разница между творительным превращения и сравнения неграмматична, т. е. не фор-

---

[1] Ср. замечание А. А. Потебни: „Значения превращения и сравнения существуют рядом и в древнем и в новом языке, при чем некоторые сравнения вытекают из веры и превращения...“ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. I—II. Харьков, 1888, стр. 500—501.

мальна, а вещественна, и может быть определена в каждом частном случае лишь при помощи обширного круга мыслей, не составляющего грамматической единицы“ [1].

В языке художественной литературы XIX в. и нашего времени творительный в описанных грамматических условиях несомненно имеет значение сравнения.

Семантическое различие между творительным превращения и творительным сравнения в конечном итоге сводится к следующему. Если в примерах творительного превращения мы представляем себе единый действующий предмет, слившийся из субъекта действия и животного, в которое этот субъект перевоплотился, то в примерах творительного сравнения субъект и тот предмет, с которым субъект сравнивается, мыслятся уже раздельно. Эта семантическая особенность творительного сравнения в свою очередь повлекла вытеснение его сравнительными придаточными предложениями, где дистанция между субъектом и сравниваемым с ним предметом мыслится вполне отчетливо: они сравниваются друг с другом при помощи сравнительного союза и мыслятся разграниченно.

Эволюцию от творительного превращения к творительному сравнения можно наблюдать не только при глаголах движения.

Так в Супрасльской рукописи наблюдается творительный превращения при глаголе, означающем другое конкретное активное действие. **Прѣлщаѧыи бо и нечистыи врагъ вжиемъ рабомъ видѣвъ исцѣленжѫ отроковицѫ тоу єдинѫ остакъшѫ и лѣкѣ вьстакъ на правьдьнаго вждыимъ немоу нападе вѣсомъ**... Супр., 521_6.

Творительный разбираемого типа употребляется в русском языке при знаменательных глаголах, обозначающих крики животных, пенье птиц (в нашем распоряжении нет примеров из других славянских языков): *Рычат волу коровою, заѣдат сѣно соломою.* Сим., 131. *Живучи за бабою квокать жабою.* Сим., 100. *И нападе на нея бѣсъ во время переноса, — учала кричать и вопить, собакою лаять, и козою блекотать, и кокушкою коковать.* Жит. Авв., 79. *А если б соловьем запѣла я в лѣсу...* Крылов. *Какой-то смолоду скворец Так петь щегленком научился, Как будто бы щегленком сам родился.* Крылов. *Пой лучше хорошо щегленком, чем дурно — соловьем.* Крылов. *Скворец, скосив на нее круглый, живой глаз юмориста, стучит деревяшкой о тонкое дно клетки, вытягивает шею и свистит иволгой...* Горьк., Детство.

Примеры с глаголами, выражающими крики животных и пенье птиц, взяты из источников, относящихся к сравнительно позднему периоду истории русского языка и обозначают сравнения. Можно полагать, что во всех примерах творительный сравнения возник из творительного превращения, который мог связываться с этой группой глаголов в древности.

---

[1] А. А. Потебня. Из записок..., I—II, стр. 501—502.

С глаголами, обозначающими чувственное восприятие, мы смогли обнаружить лишь такие примеры, которые отражают уже творительный сравнения.

Польский: *Gdy Rzepa przychodził do chałupy, czy to pijany, czy trzeźwy, nie mówił do żony ani słowa, ale siadał na skrzynce i patrzał wilkiem w ziemię.* Sienk., Now I. *Ale Oberman spojrzał na niego wilczym okiem i wyszedł milcząc.* Prus, Lalka II.

* * *

Творительный превращения при глаголах знаменательных (типа *бежать волком* в значении 'бежать, превратившись в волка') семантически тесно связан с творительным превращения при полузнаменательных глаголах (типа *он сделался волком, он стал волком* и т. п.).

Свидетельство языка древних славянских памятников говорит об отсутствии в древности творительного превращения при глаголах полузнаменательных и связках.

Рассматриваемый творительный широко распространен в языке произведений русского народного творчества — былин, причитаний и особенно сказок, самая тематика которых обусловливает необходимость его употребления: *Увидял брат казлинаю капытцу и напилси из ней, а сястре ни зказалси, и сдѣлалси казеликом.* Буд., Скоп. ... *как бы иму паткараулить иё, штоп ана ни зделалась опять лягушкаю.* Курск. сб. ... *тряхнулась зы кустом и стала апять женьшиной; ..эты утушкины перья сры́ла, стала моло́дой молодицей, по старому...* Онч., Сев. ск. *Вышолъ молодецъ изъ моихъ бѣлокаменныхъ палатъ, пошолъ вдоль по улицѣ, шолъ, шолъ, шолъ, овернулса горносталёмъ-черно-хвостикомъ и началъ бѣгать по землѣ.* Онч., Сев. ск. *Ну, а у этой у мачехи-то дочьки повёрнуты собакамы.* Онч., Сев. ск. *Посли этого провѣдаў царьской сынъ, пришеў ѳ бо́льшей сестры подъ окошко, сокрутиўся въ ницё́ пла́тьё старикомъ...* Онч.. Сев. ск. *Превратила Ивана часовенкой, а сама монахиней превратилась.* Онч., Сев. ск.

Украинский: *Обернувшись зозулею та й в год прилетѝла.* Метл., 257. (Гадюка) *перекинулась дівкою.* Чуб. II, 12. *Чорт перекинувсь паном.* М. Пр., 50. *Василь... перекинув сї кітков.* Kolb. P. IV, 99. *Пі́дем, сестро, в дуброву, скинем ся травою.* Новогород. сів. п. Чуб. V, 918. *Скинув се* (Тром-син) *голубком.* Радом. п. Чуб. II, 338. (Примеры Тимченко).

* * *

Изредка творительный превращения при глаголах с утрачивающейся знаменательностью можно встретить и в современной художественной и научной литературе. Здесь он, конечно, не имеет мифологического содержания, а обозначает случаи, обычные в жизни и природе: пре-

вращение одного явления, предмета или вещества в другое. Примеры: *После встречи прокурора с подполковником, которую Пастухов уверенно истолковал в свою пользу, недавние терзания оборачивались курьезным анекдотом, и оставалось только выяснить.* Фед., Перв. рад. *Вскоре снег разбежался водой и оставил на земле семячко.* Пришв., Кораб. роща. *И вот он огневается, что бедные да голодные все плачут да плачут, и возьмет, соберет слезы и сделает их туманом... А не то господь росой исделает слезы.* Шолох., Подн. цел. (из рассказа матери Кондрата Майданникова).

Ср. в украинском языке: *Ой впав сніжок на обліжок та й поплив водою.* Сал. Сч., 48 (Тимч., 81). А. А. Потебня писал по этому поводу: «В „стать волком" представлением превращения служит его последний момент: некто, перевернувшись, стал на ноги в виде волка. Таким образом, творительный превращения становится совместным с научным миросозерцанием, например, в следующем: „в сильный мороз слюна льдом падает на землю". т. е. не „подобно льду", а „в виде льда", „превратившись в лед" [1]».

* * *

Творительный сравнения, возникший, как это было показано выше, из творительного превращения при глаголах полной знаменательности, получил большое развитие в современных славянских языках и в настоящее время практически возможен при глаголах самой разнообразной семантики, обозначающих как действие, так и состояние.

Большинство творительных сравнения, употребляемых в современных языках, уже не имеет связей преемственности с творительным превращения.

Следует, впрочем, отметить, что в русском языке творительный сравнения имеет некоторые свойства, дающие косвенное указание на его появление из устных поэтических источников; мы имеем в виду невозможность употребления творительного для выражения сравнений из официальной, деловой или вообще книжной сферы. Так, по-русски нельзя сказать *он говорит оратором*, но следует — он *говорит как оратор*. Нельзя по-русски образовать творительный сравнения от имени собственного (невозможно: *он поет Шаляпиным*, но говорят: *он поет как Шаляпин*).

Чаще всего творительный сравнения наблюдается в словосочетаниях привычных, установившихся, где он склонен к адвербиализации; свежие, неожиданные сравнения имеют тенденцию выражаться сравнительным оборотом. Приведем примеры.

Сербохорватский: *Istina suncem sja.* Дан., Посл. *Ovijam ti se zmijom oko grdla.* Дан., Посл. *Јунак поткива коња храбрена. Виђела га је жаба зелена. Подиже ногу, јунаку рекла: Поткуј и ме-*

[1] А. А. Потебня. Из записок..., I—II, стр. 501.

не, млади іуначе! Нека бих коњем у гору утекла. N. nj. I, 88, (Ивич, 145). *У очи Ивања дне, баш тог лета кад ће се свадити поп Вујица и учитель Грујица — натушти се озго косом изнад села црн облак, а све кркља као кад пекмез кључа у казану.* Глиш., Прип.

Русский: *Матвей уже держал, сдувая что-то невидимое, хомутом приготовленную рубашку.* Толст., Анна К. *Многое из того, что он рассказывал, не хотелось помнить, но оно и без приказаний деда насильно вторгалось в память болезненной занозой.* Горьк., Детство. *Сквозь пыль высовывается опухолями крупный булыжник.* Горьк., Детство. *Вдвойне больней, когда тело сожмешь, а ты распусти его свободно, чтобы оно мягко было, — киселем лежи!* Горьк., Детство. *... бабушка... подробно рассказывает богу о всем, что случилось в доме; грузно, большим холмом стоит на коленях, сначала шепчет невнятно, а потом густо ворчит.* Горьк., Детство. *На просторных салазках мешками висела кожа.* Толст., Холст. *... только что курица прокричала петухом да ворон прокаркал над крышей.* Гонч., Обл. *Зеленые берега петлями тянулись или ниточками извивались по сторонам парохода.* Фед., Необ. лето. *Жидкий дым винтом подымался из трубы.* Фед., Необ. лето. *Назначение ехать за шофера в Хвалынск грянуло на Виктора Семеновича громом из ясного неба.* Фед., Необ. лето.

Украинский: *Горіх під стріхою зігнувся дугою.* Чуб. IV, 321. *Він менї кісткою стоїть в горлї. Мороз та холод такий, що аж очи рогом лїзуть.* Чуб. II, 397. *На моїм щось серденьку гадиною вйється.* Чуб. V, 214. *Пріська так репйахом за нього і держиться.* Кв. М. В. I, 7. *Кров окропом грае.* Федьк. I, 97. *Я тую горну хмару пером размаю.* Метл. 87. *(Хмару размаю як перо, себ-то легко).* (Тимч., 82).

Чешский: *J přehodil pytlem koš a vyšel do nečasu...* P., Lidé na kříž. *A tedy jsme poznali kobylky po druhé. Nekonečnou červenou stuhou přepínaly step.* F., Výb. ze st.

Верхнелужицкий: *wschudźóm spadanku, cźěła a krej tam s rekami běžeche.* S., K. a. m.

Польский: *... innym razem ze swego zaimprowizowanego szezlonga nagle zerwawszy się tuż przy nim usiadła i białymi zębami błyskając, a czarne kędziory całym lasem spod chustki wywija-jąc, w samą twarz mu zajrzała.* Orz., Cham. *Lud na kościele osunął się łąwicą bezwładną społem...* Krucz., Kord. ch. *Na koniec znalazła i zaraz w ręku jej błysnał drobny siny ognik, a potem długim płomiennym językiem zapaliła się sucha trzaska.* Orz., Cham. *Silny, zdrowy, chłopski organizm Pawła Kobyckiego nie rozłożył się i nawet nie osłabł w tym kilkaletnim epizodzie życia, który ognistą błyskawicą czy burzliwą nawalnica przerznał jego niska, równa, cicha drogę.* Orz., Cham. *Myśl o widzeniu się z nim sam na sam gwoździem w mózgu siedziała i warem toczyła się w żyłach Franki.* Orz., Cham.

Творительный сравнения выступает иногда с определениями (см. в наших примерах: *болезненной* занозой, *большим* холмом), иногда же в виде еще более распространенном (см. — громом *из ясного неба*, где сравнение сопровождается обстоятельством места).

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ СРАВНЕНИЯ ПРИИМЕННОЙ

Творительный сравнения изредка наблюдается в русском языке и при именах существительных; синтаксически он выполняет функции определения или именной части сказуемого. Признак здесь выявляется при помощи сравнения одного предмета с другим.

В древних памятниках славянских языков творительный сравнения приименной не отмечен.

В современном русском языке и диалектах отмечаем следующие примеры: *Пожалей херес-то ... а то у тебя нос совсем клюквой... — У меня... нос клюквой?* Мамин-Сиб. — *Заметили, какое у ней лицо? Настоящая колдунья!... Нос крючком, глаза горят, как у волка...* Мамин-Сиб. *Илюшка шел одетый, как всегда: курточка, сапоги бутылкой, за плечами короб с вязниковским товаром...* Мамин-Сиб., V. *Бровь калисом, да сапель пад насом.* Кур. сб. *... он явился под вечер, празднично одетый в золотистую шелковую рубаху, плисовые штаны и скрипучие сапоги гармоникой.* Горьк., Детство. *Веселая собака эта Вьюшка, всем нравится: ушки — как рожки, хвостик колечком, зубки беленькие, как чеснок.* Пришв., Избр. *С виду Шубников очень опростился. У него еще оставалось кое-что от туалетов щеголя, но он носил рабочий комбинезон, сменил усы колечком на усы ниточкой...* Фед., Необ. лето.

Количество описываемых конструкций в современном русском языке ограничено. Кроме уже отмеченных, укажем следующие: *брови дугой, хвост трубой, губы сердечком, платье колоколом, борода лопатой, кепка блином, шляпа котелком.* Все эти конструкции представляют собой детали портретной характеристики и несут на себе в русском языке еле уловимый эмоциональный оттенок, который нам представляется возможным определить как слегка насмешливо-фамильярный или шутливый.

Несколько особняком стоят такие конструкции, как *дым коромыслом, пыль столбом, скатертью дорога.* В силу особой устойчивости этих конструкций, значение сравнения оказывается в них стертым.

Ср.: *Внутри дома стоял дым коромыслом: перестилали полы, меняли паркет, подновляли живопись на потолках и стенах, оклеивали стены новыми обоями...* Мамин-Сиб. *Гляжу я на тебя и думаю: здоров, молод — скатертью дорога на все четыре стороны...* Мамин-Сиб. Замечается приближение этих конструкций к идиомам: общее значение словосочетаний теряет связь со значениями их компонентов.

АДВЕРБИАЛИЗАЦИЯ ТВОРИТЕЛЬНОГО СРАВНЕНИЯ

Творительный сравнения приглагольный в славянских языках служит одним из источников пополнения грамматического разряда наречий.

Обозначая путем сравнения образ действия, творительный перестает связываться в сознании говорящих с представлением о конкретном предмете, название которого стоит в творительном падеже. Вместо представления о самом предмете возникает представление об основном свойстве этого конкретного предмета, которое, характеризуя действие, выраженное глаголом, приобретает семантические черты глагольного признака.

Так, говоря *мчаться стрелой*, мы уже представляем себе не стрелу, но основное свойство стрелы — быстроту, которая мыслится как глагольный признак, характеризующий бег. *Мчаться стрелой* значит мчаться очень быстро. Таким образом, лексическое переосмысление и адвербиализация выступают вместе, как две стороны одного и того же процесса.

Не все творительные сравнения в равной мере теряют свое прямое вещественное значение и приобретают черты глагольного признака. Среди примеров, предлагаемых ниже, встретятся такие, где этот процесс только начинается, и такие, где он уже закончен

Сербохорватский: *Милица је вехнула, јер у тој здравој и чистој души бјеше планула љубав буком, а од буктиње не смијаше ни искра врцнути напоље, те је ватра њу изнутра сагоријевала.* Мат., Ускок. *Šumä se ori gromom, lišće drkce.* Šen., Sabr. *Дође ми, прико, па... да се луфтбалоном шетам по вароши.* Срем., Прип.

Чешский: *Podobné zprávy, plné strašných podrobností, rozletly se bleskem po celém městě.* Jir., Fil. hist. *Mrkl po silnici, nebylo viděti nikoho. Vše bleskem okolo nich vzad ubíhalo.* Jir., Skal. *Chlapec bleskem se otočil, odšoupl u branky síně závoru a stál na zápsí.* Jir., Skal. *Nikdo si nevšiml, že se bleskem zakmitla ve vyši ruka a v ní že se zamihla v paprsku slunecním ocel.* Jir., Skal. *Když ale postava bílou rukou odhrnula zahalení a umrlčí obličej mu ukázala, a zuby naň vycenila, vlasy my vyvstaly dubkem.* Němc., 5 pov. *Stanislav vyrazil střelou za ním.* P., Lidé na kříž.

Словацкий: *Náš leský radce... vykladal nám tohoročný plán vážby, pri ktorem nám vstávaly vlasy dubkom.* Jilem., Kron.

Польский: *J po chwili dodał* (wójt. — *K. X.*) — *Spisy pójdą piorunem.* Sienk., Now. I. *Na świecie stawało się coraz goręcej i pot lał się strumieniem z Rzepowej.* Sienk., Now. I... *siwe jej oczki pod czerwoną opuchłą powieką słupem stawały.* Orz., Cham. *Czarne oczy Filipa pod gęstymi brwiami słupem stały...* Orz., Cham. — *A żeby on skapiał, żeby mu język kołem stanął!* Sienk., Now. I. *Mnie już wasze chłopy kością w gardle stoją, razem z waszym pisarstwem.* Sienk., Now. I. *Grzeszyła w zapomnieniu, radośnie i w kajaniu padała plackiem przed Bogiem.* Rudn., St. *Przy pałacu miejskim założyłem ogród piękny*

i bardzo obszerny; a że wrota były zawsze otworem, stał się z czasem publiczną przechądzką. Kras., Hist. *Słowa ojca, ciurkiem sącząc się, bezwład niosły i mądrość starczą, pokorną.* New., Pam. z Cel *Rozprzestrzenił szeroko przednie krzyżem łapy.* Mck., P. T.

Русский: *Шел к тебе гоголем, а как увидел твою кротость и милосердие твое, язык прилип к гортани.* Чех., Отец. *Дети идут как-то лениво, купанье какое-то неудачное, поспешное, и через двадцать минут они уже в белых чепчиках гуськом возвращаются назад в детскую.* Гар., Детство Т. *И только видно было, как он кубарем, пачкая спину в грязь, покатился с зайцем.* Толст., Война и мир. *А что говорили, так у меня волоса дыбом подымались.* Островск., 8, 241. *Сарафан Марьи Степановны был самый старинный, из тяжелой шелковой материи, которая стояла коробом и походила на кожу.* Мамин-Сиб., II. *Мысль о немке засела в голове Амфеи Парфеновны гвоздем.* Мамин-Сиб., V.

Кроме отмеченных примеров, можно назвать множество адвербиализованных творительных сравнения из разговорного языка. Таковы — *стоять столбом, петь соловьем, букой сидеть, дыбом стать* (о волосах), *рекой литься, градом литься* (о слезах), *цепью идти, реветь белугой* (кричать диким голосом, неистово) и многие другие.

Украинский: *Чого же це ти бігаеш вихром по дорозі.* Чуб. II, 369. Тимч., 81. *Став на дверях раком.* Грин. II, 3. *Не всім туди раком лізти, де зузуля кує.* Ном. № 1409. (Грин., IV, 4).

Ср. также наречие *плазом* ('плашмя', досл. 'палкой', 'как палка').

* * *

Творительный сравнения в современных славянских языках вытесняется из употребления сравнительными оборотами. Существует также полная возможность употребления вместо творительного сравнения сравнительных придаточных предложений.

Самая возможность вытеснения творительного сравнения сравнительным придаточным предложением или сравнительным оборотом могла возникнуть, по-видимому, тогда, когда значение сравнения, выделившееся, как было показано выше, из значения превращения, определилось и установилось.

Сравнительные обороты присоединяются к определенному члену предложения при помощи союзов и союзных слов.

Функции сравнительных оборотов гораздо шире, чем функции творительного сравнения. Если каждый творительный сравнения (не перешедший в идиом или до конца не адвербиализованный) может быть легко заменен сравнительным оборотом, то далеко не всякий сравнительный оборот можно заменить творительным сравнения.

Обособленный сравнительный оборот морфологически может выражаться разнообразными частями речи: именем существительным и

прилагательным, местоимением, причастием, деепричастием, глаголом, наречием. Синтаксические функции сравнительных оборотов весьма разнообразны. В предложении они выступают: в роли сравнительного определения, в роли сравнительных обстоятельств (цели, времени, места, образа действия), в роли сравнительного приложения (к подлежащему, к сказуемому, к определению, к дополнению, к различным обстоятельствам). Сравнительные обороты, в отличие от творительного сравнения, могут быть весьма распространенными, например: *Золотые облака громоздились на горах, как новый ряд воздушных гор* (Лермонтов). „Чем больше по объему сравнительный оборот, тем сильнее ощущается в нем сравнительное значение"[1].

Многообразие грамматических способов выражения сравнительного оборота, широта его синтаксической семантики, способность выступать в распространенном виде, возможность применения в различных стилях языка делают сравнительный оборот весьма удобным способом выражения сравнения, успешно конкурирующим с творительным сравнения. Ниже даются примеры сравнительного оборота из разных славянских языков.

Словенский: ... *in grmovje kraj ceste, se je vsipalo ivje, bleščeče v solnčnih žarkih kakor srebrni prah.* Kers., Cykl.

Русский: *И вот настал ее черед дрожать как девочке.* Гонч., Обл. *Тогда надо выучиться искусственно прививать любовь, как оспу.* Толст., Анна К. *Могучий дуб стоит, как боец, возле красивой липы.* Тург., Лес и степь. *Луна взошла сильно багровая и хмурая, точно больная.* Чех., Степь.

Древнечешский: *Niemci úvozem jako zeď jdiechu, Čechové ie stoiéce tepiechu.* D. chr., 119. *To słyše Vlasta łutice, zeřve jako medviedice...* D. chr., 28.

Нижнелужицкий: ... *wona lëtasch dërbi ako jaden ptaschk na wasche gori?* Niedersorb. Ps. 10.

Верхнелужицкий: *Wón ma jich kaž psy...* Kubš., Knjez a rob. ... *a lecéše* (wojsko) *kaž njesměrne stadlo ptakow přećiwo njepřećelej.* Páta, Serbsk. č.

Польский: *Jasne, gęste i długie włosy jak roztargana kądziel wznosiły się mu nad głową.* Orz., Cham. *Czegoż stoisz jak słup?* Orz., Cham. *Tu zgoła niespodzianie usłyszał Kazimierz słowa, które na chwilę olśniły go i wstrząsnęły jak błysk świetlny z łona grubej chmury.* Krucz., Kord. ch. *Aż się raz zrobił rozruch okropny, rewolucją zwany — i dawny porządek padł jak drzewo ścięte!* Krucz., Kord. ch. *Padały te odwieczne słowa w ciżbę słuchającą, jak ciężkie ziarna, jak dojrzały przeniczny omłot.* Krucz., Kord. ch.

---

[1] См. ст. Н. Т. Мальшаковой „Сравнительные обороты с союзом *как*". — „Русский язык в школе". 1953, № 6, стр. 18.

* * *

Среди описанных выше примеров творительного сравнения наибольшей устойчивостью обладают творительные сравнения, входящие в состав идиом (*дым коромыслом*) или адвербиализованные (*мчаться стрелой*).

Чем более удалено значение творительного от первоначального, тем меньше возможность заменить его сравнительным оборотом. Так, в русском языке абсолютно невозможно заменить оборотом такие наречия, получившиеся из творительного сравнения, как *гуськом* (*идти гуськом*), *чередой*.

Творительные адвербиализованные, но не переосмысленные до конца, иногда заменяются сравнительными оборотами. См. в примерах, названных выше: *Kakor vihar raznesla pamet jemljoča novica*, *мчится как стрела*, *czego stoisz jak słup?* и т. д.

Глава седьмая

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ СОВОКУПНОСТИ

Творительным совокупности[1] выражается понятие целостности или разделительности подлежащего (*птицы летят стаями, люди селятся деревнями, пошли к реке всем обществом*) или понятие частей прямого дополнения (*продавать яйца десятками, уводить детей группами*).

Творительной совокупности указывает, участвуют ли в действии обозначенные именительным или винительным падежом предметы целиком или своими составными частями. Соответственно и действие либо является единым для всех участников его (*пойти всем обществом*), либо представляет собой ряд одинаковых действий, которые разделяются определенными промежутками (*птицы летят стаями, коровы пасутся стадами*).

Творительный совокупности большинством исследователей ставится в непосредственную связь с творительным образа действия. Так, Ф. Миклошич рассматривает примеры с творительным совокупности в группе творительного образа действия, не отмечая особенностей его значения[2]. По этому же пути идет А. М. Пешковский. О сочетаниях типа *стоять лагерем, лететь вереницей* и т. д. он пишет: „Во всех этих сочетаниях глагол является не связкой, а глаголом-сказуемым..., а творительный — особым творительным, тоже характерным для славянских языков и ближе всего стоящим к творительному способа“[3].

Я. Лось рассматривает случаи употребления творительного совокупности в разделе „Функция дистрибутивная“[4]. По его мнению, эту функцию правильнее назвать тотально-дистрибутивной (целостно-разделительной). Ярче она выступает в разделительном, чем в целостном значении. Относительно связи творительного типа *бежать толпой* с твори-

---

[1] Термин „творительный совокупности“ заимствован нами у акад. А. А. Шахматова. См. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 344.

[2] Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, IV. Heidelberg, 1926, стр. 708.

[3] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934, стр. 220.

[4] J. Łoś. Funkcje narzędnika w języku polskim. Rozprawy, ser. II, t. XXV. Kraków, 1905, стр. 118.

тельным образа или способа, Лось пишет: „Во всех тех случаях, в которых творительный падеж выражает деление или неделение именного понятия, дистрибутивная функция сопровождается модальной функцией, т. е. одновременно с делением действующего предмета на части действующие и недействующие... изменяется сам характер действия. Если природа понятий, выраженных в предложении, способствует этому, дистрибутивная функция вообще затушевывается и на первый план выступает функция *модальная*“ [1].

Е. К. Тимченко объединяет творительный совокупности с творительным ограничения в один раздел под заголовком: „Творительный падеж, который находится в отношении к номинативу (аккузативу) как часть к целому или целое к части“ [2].

Шахматов выделяет творительный совокупности в отдельную группу[3].

По своей функции творительный совокупности является обстоятельством образа действия, отвечающим на вопрос *как?*.

О происхождении творительного совокупности в лингвистической литературе существуют различные предположения. Б. Дельбрюк, согласно своей общей концепции развития значений творительного падежа, считает, что творительный совокупности развился из творительного социативного. „Так как обычно говорили Wódz szedł (z) tysiącami, то образовали и оборот: Wojsko szło tysiącami, причем главное действующее лицо и его товарищ взаимно покрываются“ [4].

По мнению Лося, первоначально дистрибутивное значение было свойственно исключительно функциям локативной и темпоральной творительного падежа. Затем стали образовываться аналогичные формы с разделением действия не по месту и времени, а исходя из того, выполняет ли подлежащее действие сразу, целиком или по частям, либо из того, охватывает ли действие весь объект или его части [5].

Творительный совокупности представляет собой старую конструкцию, существовавшую в дописьменный период. В современных славянских языках многие случаи употребления творительного совокупности воспринимаются как устоявшиеся обороты.

Прямую преемственность творительного совокупности от определенного значения творительного падежа установить на материалах славянских языков трудно. Однако можно утверждать, что изложенная выше точка зрения Б. Дельбрюка относительно происхождения творительного совокупности имеет основания. По своему значению творительный совокупности смыкается с творительным социативным. Их связь особенно отчетливо можно проследить на материалах древнерусского языка.

---

[1] J. Łoś. Funkcje narzędnika w języku polskim, стр. 120.

[2] Е. Тимченко. Вокатив і інструменталь в українській мові. Київ, 1926, стр. 75.

[3] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 344.

[4] B. Delbrück. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, I. Strassburg, 1893, стр. 237—238.

[5] J. Łoś. Funkcje narzędnika w języku polskim, стр. 118.

В древнерусском языке отмечен целый ряд случаев употребления творительного падежа, значение которого может рассматриваться и как значение социативное и как значение совокупности. Грамматическим признаком, определяющим сопроводительный оттенок творительного падежа, является употребление именительного падежа существительного в единственном числе. Например: *Олегъ же поиде к нему полком.* Моск., 18, л. 18. *Володимиръ же пришед ста своим полкомъ, и король ста противу.* Моск., 55. *И Иштерекъ князь говорилъ Прокофью, что де онъ таперво на Яике кочуетъ одинъ улусомъ своимъ, а братья де ево и племянники и дѣти всѣ кочуютъ въ лѣтнемъ кочевье.* А. вр. межд., 17. *А обезьяны то те живуть по лесу, да у них есть князь обезьяньскый, да ходить ратию своею.* Хожд. Аф. Ник., 38.

Последний пример рассматривается Е. Седельниковым в его диссертации, посвященной исследованию непредикативных конструкций творительного падежа, как творительный социативный беспредложный. Однако творительный социативный беспредложный был заменен предложной конструкцией (с предлогом *с*) уже в значительно более ранних памятниках письменности. Его почти нет уже в древнейших летописных сводах. Поэтому сохранение его в памятнике конца XV в. — явление в известном смысле исключительное. С другой стороны, творительный падеж в приведенных примерах может быть рассмотрен и как творительный со значением совокупности, обозначающий способ совершения субъектом действия. В этом случае, следует предположить, субъект, выраженный существительным в единственном числе, являлся символом ряда, группы предметов. Употребление подобного творительного с именительным падежом существительного, обозначающего несколько предметов, является предпосылкой, утверждающей значение совокупности: *ту бо бяху вышли суждальци, пълкомь, и угошили около себе твьрдь.* Новг. 1, 36, л. 43 об. *И поидоша новгородци полкомь к нимъ из Новагорода, и они побѣгоша проче.* Новг. 1, 80, л. 132 об.

В диссертации Н. С. Василенко случаи употребления творительного совокупности трактуются как творительный со значением сопровождения: *С утра дом Лариной гостями весь полон — целыми семьями соседи съехались* (Пушкин, Евг. Он.). *Последние пожитки гробовщика Адриана Прохорова были взвалены на похоронные дроги, и тощая пара в четвертый раз потащилась с Басманной на Никитскую, куда гробовщик переселился всем своим домом* (Пушкин, Гробовщик).

На основании двух приведенных примеров Н. С. Василенко делает вывод: „Итак, творительный социативный в беспредложных конструкциях очень редок. В современном русском языке сохранились лишь его остатки. На смену беспредложным пришли новые формы выражения — предложные“ [1]. Отнесение Н. С. Василенко двух приведенных примеров к творительному социативному беспредложному является ошибочным.

---

[1] Н. С. Василенко. Конструкция с творительным падежом в современном русском литературном языке. Кандидатская диссертация. М., 1947, стр. 98.

Итак, материал древнерусского языка свидетельствует о том, что одним из источников образования творительного совокупности в славянских языках был творительный социативный. Однако не исключена возможность, что творительный совокупности генетически мог восходить и к другим значениям творительного падежа, например, к творительному сравнения.

В творительном падеже со значением совокупности обычно встречаются имена существительные, имеющие собирательное значение, типа русских: *толпой*, *стадом*, *стаей*, *роем*, *гурьбой*, *ватагой*, *кучкой* и т. д. Творительный совокупности чаще всего употребляется при глаголах движения, при которых значение совокупности проявляется особенно ярко (*идти гурьбой*, *гулять группами*). Случаи употребления творительного совокупности с другими глаголами ограничены (*стать лагерем*, *радоваться всей семьей*, *жить своим домом*). Именительный падеж при творительном совокупности обычно бывает выражен множественным числом существительного или существительным, обозначающим вещество (*кровь*, *вода* и т. д.).

Творительный совокупности представлен во всех славянских языках, за исключением языка словенского, в котором творительный совокупности вытеснен предложными конструкциями.

Примеры из текстов древних славянских языков.

Старославянский: *vidêaha kapljąštę otъ njego krъvi kaplêmi* (Микл., 708). *króvi strujami tekušti* (Микл., 709).

Древнесербский: *Gospodin plovan z rečenim klerom i plkom hodeći procesionom k crkvi sv. Marije* (iz XV vijeka) Mon. croat. (Ивич, 135).

Древнерусский: *и придоша Новугороду въ лодьяхъ, и ста по полю шатры на зло.* Новг. 1, 59, 91. *А боронити игумена и всихъ страчевъ всимъ Велцкимъ Новымъгородомъ.* Гр. Н. Пск., 153. *и ходили де за реку за Рудню всем миром крестьяня и мордва оберегать дер. Капаевы Троицкие вотчины.* А. х. Мор., 104, № 41. ... *и сын дхе мой Захарей живет у меня в отделе двором ы поместьем, а не вместе.* Холопы, 34.

Древнечешский: *A každý svuoj lid žene stádem v boj proti jinému.* Chelč., S. v., 226. *A nižádný se nezarmútí, když všecky do zatracenie valem žene.* Chelč., S. v., 330. *Děliny velmi široké a najlepšie osáhli jsú moie, i ležie úlehlemi a vlcí po nich běhají.* Chelč., S. v., 274. *Niemci úvozem iako zeď jdiechu, Čechové ie stoiéce tepiechu.* D. chr. 119.

Нижнелужицкий: *A te iapostoly prczysschly su k Jesussowy gromadu a schiczko iomu powely to, zco czynili byly a wuczyly.* Ev. Sv. Marka, 217.

Польский: *Woły pasą się stadami na stepach* (Mikl.). *Położyli się obozem.* B. Z., 10. (Łoś).

Примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: *А простаци њега одмах послушаше па се купише гомилама око њега.* Атан., Два идола. *Сузе су му лиле потоком а све живо плакало је...* Вес., Од срца... *Охридске улице одликују се доста*

и нечистоћом, нарочито о кишним данима, када се нечистоћа из кућа са брда слива потоцима кроз улице, па у језеро. Нуш., Крај охр. *... како им се очешљане косе све више развијају и у нереду, витицама, падају око вратова.* Станк., Неч. крв.

Русский: *Они ходят почти все вместе и отдельно веселой девичьей гурьбой.* Толст., Холст. *Мысли роем носятся в ее го́лове.* Гар., Детство Т. *Выходившие полки рассыпались по лугу, развертывались цепями и шли вперед.* Фурм., Расск. и пов.... *из углов губ, по щекам, на шею и на пол стекала кровь; она текла густыми ручьями из-под спины.* Горьк., Детство. *По этим тропам спускались к главной дороге старики и старухи в сопровождении мальчишек, которые стайками лихо сбегали вниз.* Горьк., Детство. *Был я не по годам силен и в бою ловок, — это признавали сами же враги, всегда нападавшие на меня кучей.* Горьк., Детство. *И когда по партийному призыву отвоевавшие Журбины всей семьей отправились из Питера ... Матвей Дорофеевич поселился вместе с Ильей и Агашей.* Кочет., Журб.

То же в диалектах: *Трема диривнями ходили искать.* Манс., Севвост. гов. *Потомъ онъ сходиў в байну, оны на нёγо и напали артелью, оны ужъ приготовились днёмъ.* Онч., Сев. ск. *Харанили апчиством: челэк пять, шесь, сем каждой день.* Черн., Гов. Моск. у.

Украинский: *Кров тече краплями. Турки село звоювали, громадами людей гнали.* ИП, 1, 85. *Прийми нас у свою землю курінями.* Пол., II, 1, 133. *Ото идуть уже вони всі гуртом додому.* Чуб. II, 167. *Піди синку до криниці, умийся водою, та щоб тебе полюбили усі слободою.* Чуб. V, 882. (Тимч. 77—78).

Чешский: *Zanedlouho rozložil se i zdecimovaný pluk černochů táborem.* Arb., Syn. předm. *Z očí mi proudem vystrykly slzy.* Čap., Pr. parta. *Ted' asi jdou řádkou ke klecím.* Čap., Pr. parta. *Na horách padá sníh. Chumelí ze velkými, tichými vločkami už celou noc...* Čap., Tov.

Словацкий: *Vyhrnuly sa i ženy a skupinami štebocúc idú pomedzi chlapov.* Kukuč. *Bláznil Myslia si, že naši l'udia pôjdu húfom, — zasmial som sa.* Jilem., Kron.

Нижнелужицкий: *Wótž'ělone wot nich schischcž'achu se te žen'ske gromadu.* Serb.

В нижнелужицком языке форма *hromadu* представляет собой адвербиализованную форму творительного беспредложного со значением совокупности.

Польский: *... jak tylko się albowiem rozeszła wieść po mieście, iż król sto wołów tam na ofiarę posłał, wszyscy hurmem garnęli się na miejsce uprzywilejowane.* Kras., Hist. *Podchorążowie sypnęli się ciżbą i z furią młodych źrebców rozbiegali się po salach swoich plutonów.* Krucz., Kord. ch. *Boki mydliły się, z pyska kawałami leciała piana.* Wyb. p. *Za nim kroczyli szeregiem Feluś, Massalski i Groman.* Krucz., Kord. ch. *Coraz głośniej mówiono o rewolucji. Akademicy chadzali gromadkami po ulicach, zbierali się w kawiarniach...* Krucz., Kord. ch.

То же в диалектах: *Хцору кирату рцos'l'i na-рцola.* N., Wyb.

Творительный совокупности особенно широко распространен в славянских языках восточной группы, в которых не отмечено синонимичных ему конструкций. В языках южной группы творительный совокупности имеет тенденцию быть замененным конструкцией местного падежа с предлогом *в* (*у*). В языках западной группы (отмечено в языках чешском и словацком) замена творительного совокупности конструкцией местного падежа с предлогом *в* встречается нечасто. Немаловажно отметить, что все случаи употребления предложной конструкции на месте творительного совокупности зафиксированы в современных славянских языках, что свидетельствует о сравнительно позднем времени возникновения и развития синонимичной творительному совокупности конструкции.

Ниже приводим все встретившиеся нам случаи употребления предложной конструкции в значении творительного совокупности.

Сербохорватский: *Испрва су долазили појединице, као да јој се представе, рукују се и дарују је, а после у групама једнако један за другим, да ускоро врата од сопчета осташе сасвим отворена.* Станк., Неч. крв. *Дивље патке, нарочито у јесен, плове у јатима*[1] *по 100 и по 200.* Нуш., Крај. Охр. *...те се није могло да иде у гомили, скупа, већ у реду, једно за другим.* Станк., Неч. крв. *Ни конца, као ни оној меланхоличној арији, која му из веркла допире у одломцима кроз отворен прозор, искидана лупом кола и метежем велике вароши.* Лаз., Прип.

В словенском языке творительный совокупности вообще не зафиксирован. На его месте находим конструкции местного падежа с предлогом *в*: *S fronte so ze trgali v srtnjenih skupinah.* Ostr. *Ka je tekel pot v potokih, pa smo postavili dom, da je ženskam veselje, moškim čast.* Cank. *Polzela mu je iz rokavov, izpod nog in se v debelem curku odcejala pod krov.* Bev. *I po obrazu in po rokah pa je silila na dan kri v debelih kapljah.* Tavč. *Po stopnicah me je vlekel v vežo, iz veže v hišo in k mizi, s katere so se dvignile muhe tolpah.* Tavč.

Чешский: *Někteří stojí v skupinách, jiní porůznu si hoví na zemi nebo na stupních chrámu křižovnického neb jinde, kde jest vůbec místo vhodné.* Arb., Syn. předm. *S oblak sype se sníh, v hustých chumáčích cesta jest nejistá.* Arb., Syn. předm.

Словацкий: *V skupunkách i jednotlive poberali se na všetky strany.* Sln cesta. *Jednotvárny dážď znel v hustej nepreniknutel'nej hore nástojčivo, ako bubnovanie. Vo vel'kých kvapkách padal na odpadnuté lístie.* Bolo nás., 18.

А. А. Потебня при описании творительного типа „птицы летят стаями" отмечает его близость с творительным количества и меры. „Случаи, как „писать каракулями", „молотить сыромолотом", „ружье несет дробь

---

[1] Но в то же время в современном сербохорватском языке обычны конструкции: *ићи хиљадама лете јатима* и т. п.

кучею", „заряд ложится решетом", „птицы летают стаями", „журавли — ключом", „рыба ходит рунами, руном", „люди снуют толпами"..., „кровь льется ручьем", „течет каплями" и т. п., которых, по их многочисленности, невозможно перебрать (Микл. IV, 708—711, I), незаметно и без формального различия сливаются с теми, в коих творительный образа вещественно означает меру и число (Микл., там же, 711, II): „лететь, ходить ... десятками, сотнями"..., „лить ведрами"...[1].

Связь творительного совокупности с творительным количества бесспорна. Более того — мы считаем возможным рассматривать творительный количества как разновидность творительного совокупности. Творительный количества отличается от творительного совокупности лишь количественной определенностью, обусловливаемой лексической значимостью слова (числительного) в творительном падеже (ср. *лететь стаями — лететь сотнями).*

Примеры из текстов древних славянских языков.

Старославянский: *ishoždahu storicami i tisuštami vósó tómat narodъ vьckriča.* (Mikl., 711). *Ovьce mnogy tъmami pasomy.* (Mikl., 711). *Ašte tъmami nosiši sьgrêšenij bremena vь sьvêsti* (Mikl., 711). *Tъmami prinositь lêčьby vračь.* (Mikl., 711) и т. д.

Древнерусский: *и по том иный полкъ приде, и избиша их потому же, и тамо множицею убиваху их, сшибающе вмѣсто, яко же сокол галичь сбивает.* Моск. 23, л. 25. *тѣ де послы ставливались у нихъ, у имилдешевъ, у дворниковъ, а давывали вдеветеромъ.* А вр. межд., 11.

Примеры из современных славянских языков.

Сербохорватский: *Церов жар прсну и хиљадама варница полетеше у вис.* Вес. Сл. из сеоск. жив. *Без сумње је могло хиљадама тица летети око моје главе, и ја их не бих приметио, или се не бих сетио да ловим.* Дом., Укид.

Русский: *Когда люди сотнями врывались в заводские ворота, казалось, все смешается...* Кочет., Журб. *Приговоренных поселян тысячами били кнутом или палками, чтобы сослать потом в арестантские роты.* Глинка, Старос. пов.

То же в диалектах: *Всѣ они родились въ одинъ годъ — тройчатами...* Онч., Сев. ск.. *И пошли опеть въ лесъ двоима по дороги.* Онч., Сев. ск.

Украинский: *Будеш мав робітники тисячами.* Е. Зб. 1, 54. (Тимч., 77). (*Люде*) *без числа тьмами родяться.* Ном., 8279 (Тимч., 78).

Польский: *Statki zatrzymują się tu wprawdzie tysiącami...* Sienk., L. Afr. *Potem słyszę wyrazy takie, jak: swoboda, postęp, cywilizacja słyszę setkami, tysiącami.* Sienk. Now. I. Конструкций синонимичных творительному количества нами не отмечено.

Из всего вышесказанного мы можем сделать следующие выводы.

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II. Харьков, 1888, стр. 488—489.

1. Творительный совокупности выражает понятие целостности или разделительности подлежащего (*птицы летят стаями, пошли к реке всем обществом*), или понятие частей прямого дополнения (*уводить детей группами*). Обычно в форме творительного совокупности встречаются имена существительные с собирательным значением.

2. Творительный совокупности генетически восходит к творительному социативному и, возможно, соотносителен с другими значениями творительного падежа (например, творительным сравнения).

3. Разновидностью творительного совокупности является творительный количества (*лететь сотнями*), значение которого обуславливается количественной определенностью существительного в форме творительного падежа.

4. Творительный совокупности особенно широко распространен в славянских языках восточной группы. В языках южной группы творительный совокупности уже в значительной мере заменен синонимичной конструкцией местного падежа с предлогом *в*. Процесс вытеснения творительного совокупности предложной конструкцией — процесс поздний.

Глава восьмая

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ОГРАНИЧЕНИЯ

Обычно данное значение творительного называется исследователями или творительным качества и отношения (Буслаев), или творительным признака (Шахматов), или, наконец, творительным отношения (Потебня). Однако нам кажется, что с бóльшей точностью и полнотой сущность данного значения творительного отражает принятый нами термин. Существительное в творительном падеже именно ограничивает область проявления признака, выраженного либо прилагательным, либо глаголом. Именно так данное значение творительного называется в новейших грамматиках современного русского языка (см. академическую „Грамматику русского языка", I, 1952; университетский курс лекций „Современный русский язык. Морфология", 1952).

Обычно об ограничительном значении творительного говорится только как о специфическом значении его приадъективного употребления на том основании, что значение ограничения наиболее ярко проявляется при употреблении творительного при именах прилагательных. Однако употребление творительного при именах существительных конкретных и при небольшой группе глаголов также связано с ограничительным значением творительного падежа.

В курсе лекций „Современный русский язык" автор раздела „Имя существительное" Н. С. Поспелов совершенно отчетливо указывает на то, что творительный падеж может иметь значение ограничения в различном употреблении: „При именах прилагательных кратких и, реже, полных, а также при глаголах со значением проявления какого-либо признака (разрядка наша. — *М. Г.*) может употребляться творительный ограничения, обозначающий сферу обнаружения признака, например: *слаб здоровьем, болен малярией, высок ростом, ослабел силами*" [1].

В силу грамматических особенностей употребления творительного ограничения (его соотнесенности с различными частями речи) и связанных с ними некоторых различий в происхождении исследование вопроса об ограничительном значении творительного распадается на три части:

[1] „Современный русский язык. Морфология", Изд. МГУ, 1952, стр. 72—73.

I. Творительный ограничения приадъективный.

II. Творительный ограничения при именах существительных конкретных.

III. Творительный ограничения приглагольный.

Эти три части соответствуют трем видам употребления творительного ограничительного, которые не являются однотипными ни по своему употреблению в славянских языках, ни по происхождению.

Цель данной статьи исследовать особенности употребления указанных типов творительного ограничительного, выяснить генетические связи между ними, а также установить пути развития этого значения творительного.

I. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИАДЪЕКТИВНЫЙ

Творительный ограничения при прилагательных положительной степени

Наиболее ярко ограничительное значение творительного падежа проявляется в словосочетаниях с прилагательными. Значение ограничения и является основным значением творительного приадъективного (см. раздел „Творительный приадъективный“ в главе „Творительный прииенной“).

Творительный при именах прилагательных обозначает сферу распространения признака, выраженного качественным именем прилагательным, т. е. ограничивает собою область распространения качества указанием на какую-либо часть предмета или черту характера лица. Например: *личиком беленек, да душой черненек* (пословица).

Следует отметить, что в отдельных случаях ограничительное значение приадъективного творительного осложняется значением, близким к орудийному как, например, в русском — *грабительством богаты.* Грибоедов; ... *нами дерево так пышно и кудряво.* Крылов, и пр. Однако отсутствие каких-либо грамматических критериев делает затруднительным отдельное рассмотрение подобных случаев, и все случаи приадъективного творительного рассматриваются нами как имеющие значение ограничения[1]. Оговариваются лишь случаи употребления творительного при прилагательных, имеющие несомненно причинное значение, например, в чешском — *mokrý potem, bledný hnewem* и под. (см. соответствующий раздел в главе „Творительный прииенноэй“, посвященный этому вопросу).

---

[1] А. А. Потебня считал необходимым отдельно рассматривать случаи употребления творительного при *беременна, брюхата, печальна, должна, отлична, безмерна, раздельна, трудна, страстна*, считая, что „рассматриваемый здесь падеж занимает середину между творительным орудия и творительным действующего предмета при страдательном сказуемом“ („Из записок по русской грамматике“, I—II. Харьков, 1888, стр. 475). Мы не считаем целесообразным выделять подобную группу приадъективного творительного по следующим основаниям. Во-первых, большинство случаев употребления творительного при названных прилагательных обусловливается не каче-

Приадъективный творительный с ограничительным значением представляет собою явление весьма распространенное почти во всех славянских языках. Особенно широкое распространение он имеет в южнославянских и восточнославянских языках.

Вопрос о причинах появления творительного приадъективного и степени распространения в языках рассматривается нами в главе, посвященной прииенному употреблению творительного, почему, во избежание повторения, мы и не приводим здесь материала по языкам. Там же мы высказываем наше мнение относительно наличия творительного приадъективного в праславянском языке. В данном же разделе главы мы считаем необходимым лишь определить значение творительного в его приадъективном употреблении, что необходимо для решения вопроса о наличии или отсутствии древних связей между всеми разновидностями употребления творительного ограничительного.

Творительный при прилагательных сравнительной степени

При прилагательных сравнительной степени творительный падеж может иметь два значения: во-первых, ограничительное, обусловленное самим прилагательным, и, во-вторых, значение меры или степени, обусловленное именно степенью сравнения прилагательного или наречия, а не значением его основы.

А. А. Потебня, настаивавший на необходимости особого рассмотрения творительного при сравнительной степени прилагательных, указывал, что „в *плечами шире* мы явственно различаем два значения: одно условленное именно сравнительною степенью (*на ширину плечей шире*), другое — независимое от этого условия: *в плечах шире* как *в плечах широк*“[1]. Ограничительное значение творительный падеж при прилагательном в сравнительной степени имеет в том случае, если данной конструкции соответствует конструкция с прилагательными в положительной степени (*крепче силою* — крепок силою); значение же меры или степени творительный падеж приобретает тогда, когда в творительном находится имя существительное в сочетании с числительным или определительным местоимением.

Вследствие различия выраженных ими значений конструкции с творительным при прилагательных сравнительной степени сохранились в славянских языках не одинаково, а именно: творительный падеж со значением ограничения в меньшей степени вытеснен предложными конструкциями, творительный же меры и степени сохранился лишь в отдельных группах слов и не во всех славянских языках.

ством прилагательного, а соответствующими глаголами: *отлична* — отличаться чем, *обязан* — обязать чем, и пр. Во-вторых, группа прилагательных, выделенных А. А. Потебней, очень мала и не представляет чего-либо существенно отличного от общей массы приадъективного творительного. Кроме того, и в истории языка она не пережила каких-либо особых, отличных от творительного приадъективного процессов.

[1] А. А. Потебня. Из записок. . ., стр. 473.

А. Творительный при прилагательных сравнительной степени, имеющий ограничительное значение

Данный тип творительного отмечается уже в наиболее древних памятниках славянской письменности:

Старославянский: **ꙗзыкъ мои кръстъ къниѩжнѣ҆ка ѥдропишьца. Красънѣиша доброто҆ѭ паче сн҃ъ чл҃вчъ.** (Син. пс.. XLIV, 3, 58). **Пръвое прѣдъложѫ къ словесн҃ отьца їѡана мльчаливаго иже въ монастъıри блаженаго савы. ꙗкоже и лѣты и житиемъ свѣтъломъ. инѣ҆ъ вьсѣ҆ъ старѣиша сѫшта** ... Супр. 278_{13}.

Древнерусский: *Честию они бояръ выше.* Котош., 27. ... *думные дворяне садятца по чиномъ, отъ царя поодаль, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породою ниже.* Котош., 24.

Древнечешский: *Tociš draho se vážiec, hrdaic vdovami neb manžely, ješto snad, ač v menší, čistotě duostojinstvem mají mysl čistší, aneb jinych vied šlechetností nežli ony.* Št., O. v., 79, 33.

Древнепольский: *... y wloszyl na glowǫ Effrayma, mlodszego brata, a lewǫ na glowǫ Manassena (gensze rodem starszy bil), przeloszyw rǫkǫ.* B. Z., 41, 37.

Обычными являются конструкции творительного при прилагательных сравнительной степени и в современных славянских языках.

Русский: *Лучше я не знал лошади ни ездой, ни силой, ни красотой.* Толст., Холст. *Хлопочут набирать учителей полки числом поболее, ценою подешевле.* Гриб., Горе от ума. *Познатней породою котел.* Крылов. (Примеры Потебни). *И лицом я не хуже людей.* Некрасов.

Чешский: *Vykořist'ovaní a přece nad živly sílnější strašlivým sebevědomím pánů světa.* Olbr., Anna pr.

Польский: *Nie masz pono wśród nas oficera starszego rangą nad kapitana!* Krucz., Kord. ch.

Б. Творительный при прилагательных сравнительной степени, имеющий значение меры и степени

Наиболее ранние примеры употребления данного типа творительного отмечены нами в древнерусских памятниках письменности:

бѣ бо ему възвѣщено прежде днемъ единѣмъ. Лавр., 90. *Преже своея болѣзни тремя деньми видѣ сонъ.* Ип., 79. (Примеры Потебни). *Азъ тебе старѣй есмь не маломъ, но многомъ.* Ип., 430. *...величиною та чарка бываетъ въ четвертую долю квартаря, или малымъ болши.* Котош., 141. *И кабала, государь, моя старее многими леты, его князь Васильевей кабалы.* Як. X., 368, № 9, IX.

Древнечешский: *A paní Magdalena to vím, že jest Marty nebyla starší šesti léty.* Svěd. *Pomenšils' ho málem méně od angelův.* Žalt. *Každy byl jeden druhého rokem starši.* Hr. Jel. (Zikm., Skl.) *tvé panství drašie jest sto kopami.* Chelč., S. v. 352, 6.

В современных славянских языках данный тип творительного в значительной мере утратился, заменившись иными конструкциями (см. ниже).

Однако определенные устойчивые словосочетания еще имеются в языке. Так, в русском:

И побежал вверх к доктору, который жил этажом выше. Слуги старого времени. *Являлся он всегда ровно в восемь часов, ни минутой раньше или позже.* Л. Андреев[1], Б. Шлем. *Я в этот день пошел на охоту часами четырьмя позднее обыкновенного.* Тург., Хорь и Калин.

Украинский: *Анътиохъ єще у молодых лѣтех, трома роки старший от Алексанъдра.* Тиш., Ал., 30. *Знай, хто роком старший.* Ном, 995. *Ніжин більший од Носовки тільки одною хатою.* Ном., 734. (Тимч. 91—92).

Пример подобного употребления творительного отмечен Бодуэном-де-Куртенэ в словенских диалектах: *o-njé-kopaŋ jḗtь jḗdnə senī́oə bóku daŋ màrč.*

II. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИ ИМЕНАХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КОНКРЕТНЫХ

Творительный падеж может иметь ограничительное значение и при употреблении его при конкретных именах существительных.

Значения имен существительных, управляющих творительным падежом, могут быть весьма разнообразными, но объединенными одним общим свойством — обозначением какого-либо качества. Часто эти существительные бывают близки даже по основе к качественным прилагательным: например, *красив собою* — красавец собою; *велик ростом* — великан ростом и под. В языке может и не существовать подобных соотносимых однокоренных пар — существительное — прилагательное. Однако и в этих случаях имена существительные являются по своему значению близкими к качественным прилагательным, обозначая качественную характеристику лица или предмета.

Творительный падеж, находясь при подобном имени существительном, обладает таким же значением, как и в приадъективном употреблении, а именно — обозначает сферу распространения признака, содержащегося в имени существительном, ограничивая собою область его проявления.

Творительный ограничительный при именах существительных конкретных кроме смысловой близости обнаруживает близость с приадъективным творительным и со стороны синтаксической, являясь в предложении или именной частью составного сказуемого или употребляясь в составе распространенных словосочетаний (несогласованных определений).

Степень распространения творительного ограничительного при именах существительных конкретных в различных славянских языках различна, однако отдельные примеры его употребления зафиксированы нами во всех привлеченных к исследованию славянских языках.

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 344—345. Следует отметить, что Шахматов считает первый из приведенных нами примеров творительным пространства, второй — творительным времени.

Следует отметить, что употребление творительного ограничительного прииенного в современных славянских языках имеет жанрово ограниченный характер, являясь принадлежностью устного, народного или образно-поэтического языка. Большинство имеющихся в нашем распоряжении примеров отмечено нами в диалектных записях, в пословицах и поговорках. В произведениях художественной литературы данный тип творительного представляет собою явление редкое, употребляемое как средство стилизации под народно-разговорную речь.

О значительном распространении данного типа творительного в древности может свидетельствовать широкое употребление в наиболее древних текстах славянской письменности определенных падежных форм слов — *именемъ, родомъ, чиномъ*, имеющих ограничительное значение. Данные формы повторяются в памятниках различных эпох многих славянских языков.

Старославянский: ... жена же вѣ поганыни сурофѵникиссанынии родомь. Марк., VII, 26, Мар., 43, Зогр., 159. Іс именемь, назарѣнинъ родомъ ... Супр., 476_7 ... жена нѣкто кападокиса родомъ. касиана же именемъ ... приде къ Иерусалимъ... Супр., 297_{27}. ... чл҃къ єдинъ приде къ Іс҃оу именьмь нан҃ръ. Лук. VIII, 52, Савв. кн. 35. Ассем., 79_{25}.

Древнесербский: *Аво властєли кои присєѿсмо на сто҃ и бжьствено҃ єванглиѥ именемь продань воєвода* ... Стој., I, 115. ... *азъ рабь бжи: матѣи именемь бань босньски нинославь: кльну се* ... Стој., I, 7.

Древнерусский: *Томь же лѣтѣ прѣставися блаженыи митрополитъ всѣя Руси Кыевьскыи, именьмь Кюрилъ, родомь Грьцинъ бѣ.* Новг. I, 72. *Того же лѣта приходи в Новъгород митрополитъ, Грьчинъ родомь, именемь Феогностъ.* Новг., I, 98. *Пришелъ бо бяше посолъ силенъ изъ Орды, именемь Шевкалъ, съ множествомъ татаръ.* Новг. I, 98.

В древнерусском языке подобных застывших форм слов несколько больше, чем в других языках. Часть из них сохраняет лишь форму творительного падежа, утратив в значительной степени ограничительное значение. К числу подобных относятся, на наш взгляд, следующие: форма *числом*, распространенная уже в древнейших памятниках русского языка, и более поздние по времени употребления формы — *величиною, ценою, мерою, шириною, весом, толщиною.* Значение ограничения здесь ослаблено значением определительности.

Творительный падеж, находящийся при числительном или при имени, означающем какую-либо меру, определяет имя существительное, им управляющее. *Егда пріехали к порогу ... река о томъ мѣсте шириною с версту.* Жит. Авв., 24. *Скопнова масла кадь неполна, весом пуд с четью.* А. х. Мор., 19, № 4. *И наполни до вьрха, иже бысть в нем числомь 3000 и 30.* Новг. I, 70. *Прочиише вои Володимери вывержени быша на брегъ, числомь 6000.* П. вр. л., 103. *И будетъ тѣхъ столниковъ числомъ блиско пяті сотъ человѣкъ.* Котош., 25. *Величиною та чарка бываетъ въ четвертую долю квартаря, или малымъ болши.* Котош., 148. *А бываютъ сороки ценою, по прямой царской указной*

ценѣ. Котош., 67. *Да в казенном анбаре боярских полотян 2 полотна четверниковые, мерою в них 48 арш.* А. х. Мор., 43, № 7.

В древнейших памятниках западнославянских языков творительный ограничения при конкретных именах существительных исчерпывается употреблением лишь форм двух определенных слов *jmenem* и *rodem:*

Древнечешский: *Tit' nemohú byti v pravdě křesťané než samym jmeńem.* Chelč., S. v. 234, 20.

Древнепольский: ...*powyedaly Abramowy, ze zona brata gego Nachora porodzyla syna gymieniem Hus.* B. Z., 26, 25. *Ty przedzes myedze dzysz moabskye, myasto gymieniem Bar.* B. Z., 133, 14. *Y szedl gesm do Effratam i pogrzebl gesm yǫ́ podlya drogy Euffratenskyey, a gynym gymieniem Bethleem.* B. Z., 41, 15. ...*wezwal Moyszes Aarona y synow gego, y wǫ́czszich s Israhela rodem.* B. Z., 83, 1.

Следует отметить, что в исследованных памятниках западнославянских языков степень употребительности этих форм очень незначительна: в исследованных памятниках древнечешского языка данный тип творительного представлен лишь одним примером (приведенным нами); в изученных памятниках польского отмечены обе формы — *gymynem* и *rodem*, однако *rodem* отмечено лишь однажды.

Творительный при именах существительных конкретных был известен древним славянским языкам и в свободном употреблении, т. е. вне указанных выше слов. Подобное употребление отмечено в старославянском, древнесербском и древнерусском языках.

Старославянский: ...**чловѣкъ ѥстъ а не богъ пльтиѭ отъı мариѧ родѧи сѧ.** Супр., 243_{14}. **тъчьѫ же оузьрѣвъ братиѭ и приснааго брата веньѧмина... брата ѥстьствомь и оумомъ.** Супр., 367_{25}. **Ѹсмарь сыи хытростью; тѣломъ жена есмь, а не умомъ; ѥресью же фарисѣй.** (Примеры Миклошича).

Древнесербский: *Бѣхъ ледъ срцемъ, пламъ очима.* И. Гундул. *азь рабь бж҃ы матѣи: одмѣломь нинославь.* Стој. (Пример Даничича).

Древнерусский: *Моуринъ тѣломъ.* Будилов. Щеп. 38. *Оканьни Агаряне, нечистіи, исчадья дѣломъ и нравомъ сотонины.* Ип., 127. (Примеры Потебни). *Рожею кувяка да разумомъ нимака.* П. Симони, 137.

Приименной творительный ограничения продолжает оставаться редким явлением и в современных славянских языках. Можно даже констатировать некоторое сужение его употребления.

Из современных славянских языков творительный ограничения при конкретных именах существительных наиболее широкое распространение имеет в сербохорватском языке. Примеры употребления подобного творительного весьма разнообразны, не ограничены какими-либо штампами: *Они су сви занатомъ витезови.* Грлица 4, 91. *Отачбиномъ Истріянинъ.* С. Качић, караб., 382. *Сви су, старче, стариномъ Бошняци.* А. Качићъ. *Не будите дјеца умом, него пакошћу дјетињите, а умом будите савршени.* (Примеры Даничича). *U našej je kumpaniji služio kaprol imenom Wolf Heim, pordietlom židov iz*

galicije. Šen. Sabr. *Albert bijaše poreklom uistinu slaven Horvat, ali birokratiko diete.* Šen., Sabr. *On je rodom horvat, ja sem rodem Zagrebec, imenom Nacek; pridovkom Kristijanovic.* (Mikl.).

В современном русском литературном языке творительный при существительных конкретных представляет собою явление редкое. Отдельные случаи подобного употребления творительного большею частью объяснимы стилистически: они употребляются как средство стилизации под народно-разговорную речь, как средство создания языковой характеристики образа. *Богатырь ты будешь с виду и казак душой.* Лерм. *Все глядит, бывало, в оба В супротивный дом: Там жила его зазноба Кралечка лицом.* Некрасов. *Будешь ты чиновник с виду и подлец душой.* Некрасов. *И прямизною стана, лицом и голосом герой.* Грибоедов. (Пример Потебни.)

Большая часть примеров творительного при именах существительных конкретных отмечена нами в пословицах, поговорках, а также в диалектных записях: *Дубина ростом, арап рожей.* (Пример Потебни). *Видом сокол, а голосом ворона. Видом орел, а умом тетерев. Красавец собою* и пр. Диалекты: *Из гроба фстали великан ростом...* Гришк., Лека.

Украинский язык: *Червяки чорнiе, а зростом як гусениця, были множество.* Літ. Сам., 164. *По-пiд мостом трава зростом.* Чуб. У, 78. *Моя пара біла — сизокрила, личком як калина.* Чуб. V, 320. *Газда цiлою губою.* Закр., 194. (Тимч., 89).

В современных западнославянских языках приименной творительный со значением ограничения имеет незначительное распространение.

В исследованных произведениях современной чешской литературы отмечен лишь один пример подобного творительного: *...byl každým koulem gentleman.* P., Lidé na kříž. Отмечен пример творительного ограничения и в чешских говорах: *Deti jednym otcom, ale inu matku.* Bart. Mar. 1.

Лишь однажды отмечен пример подобного употребления творительного в говорах польского языка: *To je całą gębą chłop.* Пам.

Таким образом, творительный ограничения при именах существительных конкретных представляет собою весьма древнее явление в славянских языках. Отдельные примеры его употребления мы обнаруживаем уже в древнейших памятниках. О распространении данного типа творительного в древности свидетельствует факт значительного распространения в памятниках славянских языков определенных словесных штампов — *именем, родом* и пр., являющихся по своему происхождению приименным творительным ограничения.

Творительный при именах существительных конкретных в свободном употреблении (т. е. вне оговоренных выше штампов) слабо представлен как в древних, так и в современных памятниках славянских языков. Большая часть примеров данного типа творительного отмечена нами в пословицах, поговорках, а также в диалектных записях. Это дает основание думать, что творительный ограничения приименной представ-

ляет собою явление, свойственное в большей мере народно-разговорному языку, отличающемуся бóльшей образностью. В язык художественных произведений он проникает лишь спорадически как средство стилизации под народно-разговорную речь.

III. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИГЛАГОЛЬНЫЙ

А. А. Потебня отрицал существование приглагольного творительного со значением ограничения. Он писал: «Говорят, что в *Иосиф был телом в Египте, а мыслию в земле обетованной*... творительный ограничения означает: „Иосиф не всем был в Египте, а только телом“..., но в этом смысле во всяком творительном орудия известным образом ограничивается действие» [1].

Однако согласиться с Потебней трудно. Приглагольный творительный ограничения, действительно, обнаруживает близость с творительным инструментальным, особенно с некоторыми его группами. Но значительные различия в значении творительного инструментального и творительного ограничительного приглагольного также делают целесообразным особое рассмотрение данного значения падежа. Творительный ограничительный обозначает предмет, который подвергается действию признака, выраженного глаголом, т. е. он как бы ограничивает собою область распространения признака или состояния.

Можно провести довольно четкую грань между творительным ограничения и основной группой творительного инструментального — творительного орудия: творительный орудийный употребляется в основном при переходных глаголах, основным значением которых является реальное действие, направленное на изменение в объекте; творительный ограничительный — при глаголах непереходных, обозначающих либо состояние субъекта, либо проявление какого-либо признака, не требующих по значению своей основы обозначения объекта.

Значительную трудность представляет разграничение творительного ограничения и особой группы орудийного творительного, употребляемой при непереходных глаголах, обозначающих действие или состояние (см. гл. „Творительный инструментальный“, разд. 2 — „Творительный орудийный при непереходных глаголах“).

Вот почему в разделе „творительный ограничения“ мы рассматриваем лишь случаи употребления творительного при непереходных глаголах, однокоренных с прилагательными (где значение ограничения безусловно), а также случаи употребления его в контекстах, где имеется противопоставление или сопоставление, усиливающее ограничительное значение творительного. Следует отметить, что противопоставление может быть лишь подразумеваемым.

Круг существительных, употребляемых в ограничительном значении, лексически ограничен. Существительные являются большею частью

---

[1] А. А. Потебня. Из записок..., стр. 479.

названиями частеи тела человека или животного или названиями его органов чувств. Вследствие этого творительный ограничения обнаруживает близость с группой творительного орудийного, обозначающего часть тела человека или животного, т. е. лексически круг имен существительных однороден. Но если в группе творительного орудийного существительное обозначает предмет, которым субъект производит действие, то в группе творительного ограничения оно лишь ограничивает область проявления признака или состояния.

Следует обратить внимание на то, что творительный ограничения подвергается адвербиализации с бо́льшей легкостью, чем творительный орудийный.

Данный тип творительного фиксируется уже наиболее древними памятниками славянских языков.

Старославянский: ...ꙗко быти такому тѣлесемь на томъ мѣстѣ, а мыслиѭ на ономь. Супр., 343_{11}. ...приближи ми сѧ тѣломъ и доухомъ и вѣроѭ. Супр., 503_{6}. Онъ тѣломъ оумрѣ й тѣломъ въста... Супр., 495_{14}. Въ тъ часъ въıздрадова сѧ дх҃омъ и҃съ и рече... Лук. X, 21, Мар., 242_{20}, Ассем. 83_{26}; Зогр., Лук. X, 21, 103. ...пль'тсѭ отълѫчихъ сѧ отъ тебе, нъ доухомь съ тобоѭ ѥсмъ. Супр., 295_{17}.

Древнесербский: *Оуединивсѧ дх҃омъ, и распалисѧ ѧремъ блюдати.* Жит. св. Н., 16.

Древнерусский: *Аще и тѣломъ апостоли не суть сдѣ были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣи в церквахъ.* П. вр. л., 59. *Аще еста и тѣломь отошла отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убийцю и гордаго.* П. вр. л., 97. *Просвѣщена же бывши, радовашеся душею и тѣломъ.* П. вр. л., 44. *Он же погыбе тѣломь и душею предавъся дьяволу.* П. вр. л., 121., Моск. *Отвсюду воняю—душею и тѣломъ.* Жит. Авв., 71.

Древнечешский: *A najviec, žej' Josef byl tělěm v Egyptě ale myslí v zemi svaté.* Št., O. v., $139,_{9-10}$. *ano dobré jest, duši býti u Boha...* Št., O. v., $223,_{16}$. (Zikm., Skl.) — *A také mám věřiti věrne, netolik ústy, ale i srdcem.* Št., O. v., 16_{5}. *Ale lépe by bylo, činiec některý posel tělem, myslí se Bohu modliti, než ústy se modliti, aneb tělem klečeti, a myslí nemysliti k Bohu.* Št., O. v., 250_{27-28}.

Древнепольский: *J wisslo gest wszistko mnoszstwo synow Israheliskich u opatrzeny Moyszesza, y efferowaly miszlǫ́ wyelmy gotowǫ́ǫ́ a naboznǫ́ǫ́ pyrwe urodi panu.* B. Z., 13, 3. ...*poklony sze oblyczym na szemyǫ́ y poloszy Effrayma na prawyczy swey.* B. Z., 41, 31.

Широкое распространение имеет приглагольный творительный ограничения и в современных славянских языках.

Сербохорватский: *Ако тијелом и нијесам с вама, али сам духом с вама.* Коч. *Измичући од ње ја мислима бејах једнако код ње, и мишљах само о њој.* Мил., Међудн. *Браћа се лицем ражалише, а срцем*

обрадоваше драговољна остави брата свога. Мил., Међудн. *Обликом подсећа на неке приче из Тургењевљевских „Ловчевих записника“.* Јован., Предгов.

Словенский: *Martin se je rdcy prvokrat z mislimi wstavil pri njy.* Korecnj.

Русский: ... *Арсений Романович сердцем жил в мире ребенка, привязываясь к мальчику с каждым днем все более страстно.* Фед., Необ. лето. *Мы уже давно были с тобой врозь душой и чувствами.* Кочет., Журб. *Когда в комсомоле объявили набор добровольцев, он записался одним из первых и ни на секунду не знал колебания, — наоборот, всеми чувствами, мыслями и волей вдруг напрягся в ожидании чрезвычайных, удивительных событий.* Фурм., Красн. дес. *Мать говорила, что и лицом и фигурой Павел пошел в отца.* Финн, Больш. семья. ... *спокойным, уравновешенным характером и немногословием походил на отца.* Рыбак., Е. Вор. *И об тебе и об Семушке я вся душой изболелась.* Шол., Подн. цел.

Яркие примеры употребления творительного ограничения находим в поэтическом языке: *В младые годы наш герой К театру был прикован, А ныне он отцвел душой, Устал, разочарован!* Некрасов ... *Бывало, натерпевшись скуки, Устав и телом и душой, Под игом молчаливой скуки Встречался грустно я с тобой.* Некрасов.

Украинский: *Не журись та ділом поспішай.* (Ном., 11014). *Ой летить же він. Ой, ти, дівчино, мислями блудиш.* Зогр., 61. (Тимч., 42, 43).

Чешский: *Duší jste v Praze a tělem před Vysočany.* P., Hra s ohn. *Rukama byla v hlině, očima za plotem, ožehoval ji neklid silnice.* P., Lidé na kříž. *„Tělem, — pravil hlasem pohnutým, — tělem nese se na matku, ale tváří na otce, mého nebožeho Juru“.* Němc., 5 pov.

Словацкий: *Katka Strelcovie, hoci srdcom pri svojom milom, rozumom bola tu a videla všetko.* Jilem., Kron. *Nie, nie, táto svňa už nikdy neožije, a hoci zadkom dosial' ležala v chlievku, predkom sa vyvalila sa vyvalila z dvierok ...* Jilem., Kron.

Польский: ...*co nie uchybia przepisom sztuki, co gustem zbliża się do wieku złotego Rzymian.* Brodz., Klas. ...*gustem i charakterem najbardziej się do Francuzów zbliżyć możemy.* Brodz., Klas. *Zadzierzgiwał je, ściągał sznur z leżącego mu u stóp wielkiego kłęba wywijał i zdawać się mogło że ciałem i duszą pogrążał się w tej robocie.* Orz., Cham. ... *wrastał włókno po włóknie w pierwociznę bytowania, wnikał kościami i krwią w owe bruzdy rozkwaszonej glebą aż do całizny twardej, od której sądził się być oderwanym.* Krucz., Kord. ch. *Niecierpliwiłem się, bo myślą byłem już w drodze do Piotrkowa...* Rudn., St.

Несколько своеобразной по своему употреблению в данном значении творительного падежа является группа творительного при глаголах, обозначающих проявление внутреннего — нравственного или физиче-

ского состояния субъекта, при глаголах *болеть, страдать, мучиться* и пр.[1], отмеченная нами в русском языке. Значение ограничения в данной группе глаголов ощущается и вне указанных для всей группы прииенного творительного ограничительного условий, т. е. и вне противопоставления и сопоставления.

Творительный падеж при употреблении его при данной группе глаголов ограничивает область проявления глагольного признака указанием на какую-либо часть тела или какой-либо орган чувств субъекта. Данная группа творительного, бывшая, видимо, характерной для всего древнерусского языка (отдельные примеры подобного употребления творительного мы находим в древних памятниках письменности), впоследствии вышла из употребления в русском литературном языке, но сохранилась в народно-разговорном языке. В литературном же языке сохранились превратившиеся во фразеологизмы сочетания типа *болеть душою, страдать душою* (у Некрасова — *ты грустна, ты страдаешь душою*). Наиболее древний пример подобного употребления творительного отмечен в „Повести временных лет": *По божью же устрою в се время разболѣся Володимеръ очима, и не видяше ничтоже.* П. вр. л., 75.

В настоящее время сочетания творительного с этими глаголами весьма распространены в просторечии: *мучиться зубами, грудью.* (Примеры из словаря под. ред. *Д.* Н. Ушакова). Встречающиеся сочетания в языке художественно-литературных произведений объяснимы стилистически: *Я тогда все время животом мучился.* Фед., Необ. лето. Видимо, по аналогии с этими глаголами, при глаголе переходном: *Схватило меня раз как-то сердцем, — рассуждает она вслух, — послала за дохтуром.* Мамин-Сиб.

Итак, приглагольный творительный ограничения, подобно творительному ограничения прииенному, представляет собою древнее явление в славянских языках. Древние памятники славянских языков дают картину широкого употребления данного типа творительного ограничения. В этом отношении творительный ограничения представляет собою новое явление в славянских языках и является противоположностью внешне с ним сходному творительному орудийному при непереходных глаголах, обозначающих состояние.

Однако данный тип творительного ограничения, будучи распространенным в языках значительно шире, чем творительный ограничения прииенной, и в своем приглагольном употреблении характеризует лишь определенные жанры письменного языка. Он отмечается только в тех памятниках древних славянских языков, которые характеризуют обычно как литературно-художественные. Это зависит, видимо, от того, что значение ограничения наиболее ярко проявляется при употреблении творительного в условиях противопоставления или сопоставления. Приемы

[1] Здесь мы, естественно, не рассматриваем случаев типа *болеть гриппом, ангиной*, в которых значение ограничения отсутствует.

же эти являются средствами языка художественно-поэтического, а не делового, канцелярского. Памятникам деловой древнеславянской письменности приглагольный творительный ограничения почти неизвестен.

Творительный, определяющий положение субъекта в пространстве

При употреблении творительного с группой непереходных глаголов, обозначающих движение или положение субъекта в пространстве, ограничительное значение падежа осложняется пространственно-ориентационным значением, усиливающимся почти всегда имеющимся при творительном дополнением, которое определяет направление движения (в предложениях типа — *повернулся лицом на восток*) или уточняет положение субъекта в пространстве по отношению к каким-то другим предметам окружающей действительности (в предложениях типа — *сидел спиной к окну*). Ограничительное значение творительного не исчезает при употреблении в указанных условиях: в предложении типа *он повернулся лицом к окну* творительный означает, что субъект повернул к окну только лицо, тело его могло остаться неподвижным.

Наиболее ранние примеры подобного употребления творительного отмечены нами в древнерусском языке: *потом ступи на верхъ ко встоку лицемь, и потом невидим бысть*. П. вр. л., 188. *А лось головою стоит на восток*. Хожд. Аф. Ник., 56.

Будучи близким по значению творительному ограничительному, являясь, собственно, его разновидностью, данный тип творительного не обнаруживает общности с творительным ограничения в пути развития. Если путь развития творительного ограничения состоит в выработке определенного ряда фразеологизмов (типа *болеть душой*) и в замене оборотов, не пошедших по пути фразеологизации, предложными конструкциями, то творительный, обозначающий положение субъекта в пространстве, возникнув в довольно ранний период развития славянских языков, сохраняется, в основном, без изменений.

Творительный ограничения при страдательных причастиях

Значение ограничения творительный падеж может иметь в некоторых случаях и при страдательных причастиях. Возможность получения творительным падежом ограничительного значения при страдательных причастиях заложена в близости значений последних с прилагательными [1].

Следует отметить, однако, что данный тип творительного ограничительного представляет собою явление, свойственное не всем славянским языкам как в древнем, так и в современном их состоянии. Наибольшее распространение данный тип творительного имеет в старославянском языке: ...**і придошѧ къ немоу носѧщте ослабл'ена жилами**. Марк II, 3. Зогр. 119. Мар. 120_9; Ассем., 102_{11}; Марк II, 76. Савв. кн., 62. ...**прѣбы напрасно глоухъ ꙗ нѣм'ь и всѣмъ тѣломъ раслабьѥнъ**. Супр. 552_{23}. ...**и аби сѧ вьсѣмъ акы старица растрьзана тѣломь**. Супр. 36_{21}. . ...**благовѣститъ ништиимъ посъла мѧ · ісцѣлилъ съкроушеныѩ срд҃цемь**. Мар., Лук. IV, 207_{63}, ср. Савв. кн.

---

[1] По определению академической грамматики „п р и ч а с т и е представляет собою глагольно-именную форму, обозначающую действие, приписываемое лицу или предмету как их признак, как их *свойство* (курсив мой. — *М. Г.*), проявляющееся во времени“ („Грамматика русского языка“, I, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 506).

Лук. XVIII, 122, 117; ср. Ассем., Мат. XXVIII, 143_{26}. ...и оумрьштенъ бываатъ богъ пльтиѭ. въскрѣшаѧ и мрьтвыѧ. Супр. 456_{6}. ...і изыде оумеры. обѧзанъ ногама и рѫкама. оукроемь. Мар., Ио. XI, 44, 364_{13}; ср. Ассем., Ио. XI, 1—45, 109_{22}; ср. Савв. кн. Ио XI, 83, 71. ...семоу же въздрастомъ съвършеноу бывъшоу. родителѣ ѥмоу съвѣштаста сѧ женити і. Супр. 24_{27}. И погъна чл҃ка оубога і нища. І оумілена срдцемъ оумрътвіті. Син. пс., CVIII, 16. ...и веденъ бысть съвѧ занъ рѫкама. въ преторъ пилатовъ. Супр. 431_{18}.

Подобные же примеры отмечены в среднеболгарском памятнике письменности — „Летописи Манассии“: ...*ꙗкоже оубѡ въводимъ бывааше нагъ якы рабъ бїемъ, свѧзан рѫками яко разбоіникъ.* Лет. Манас., 108_{25}. *Бѣ же нѣкто великороденъ...искоусенъ въ браняхъ мѫжъ и оураненъ тѣломъ.* Лет. Манас., 220_{10}. ... *беди и ꙋмомъ врѣжденыи.* Лет. Манас., 74_{22}. ...*человѣкъ и гноемъ исплъненъ многыим.* Лет. Манас., 81_{12}.

Некоторое количество примеров ограничительного творительного при страдательных причастиях отмечено в древнесербских памятниках письменности: *Убијен истина бивщи тијелом но оживљевши духом.* Петр, 3, 18. *Отдѣлень хлебомь и иманиемь.* Душан. зак., 591. (Примеры Даничича). *Татьми окрадень всѣмь житиемь своимь...* (пример Потебни, впервые же приведен Ф. Миклошичем).

В привлеченных к исследованию памятниках древнерусского языка отмечены лишь следующие примеры употребления подобного творительного: *И съвкуплена тѣлома, паче же душама, у въладыкы всецесаря пребывающа в радости бесконечнѣи...* П. вр. л., 93. ...*есмя приобижени от поганых нѣмець и водою, и землею, и головами.* Пск., 209 (Пот., Из зап.). *Ондрюшка заводенъ и животомъ прожиточень, і та четверть ему в силу.* Бл. б. Од., 102, V, 83. *А будетъ у которого отца, или матері, есть двѣ или трі дочері дѣвицы, и первая дочь увѣчна очми, или рукою, или глуха и нѣма...* Котош., 155. *Живу я, сирота твой, на тягломъ жеребьи, на десятине, собою я увѣченъ і вдовъ, только два сына, и тѣ малы.* Бл. б. Од., 105, V, 74.

Найден случай употребления творительного при страдательном причастии в памятнике письменности XVII в. украинского языка: *Град стѣнами развáлен.* Пам. полем. пис. XVI—XVII вв., 212.

В древнечешском языке: *Jest rozdvojen srdcem.* Štít (Zikm., Skl.). *Nebuď slovy velmi kvapen, aby v řeči nebyl lapen.* Fl., Now. r., 75_{621}. *Kde j est jistota té věci, že tak jest to, že by nebyl pastýř stáda toho, by panstvie k tomu kostelu nebylo a pokoje k tomu, aby pastýř bezpečěn byl životem?* Chelč., S. V., 332, 5.

В современных славянских языках творительный при страдательных причастиях представляет собою явление очень редкое, отмеченное нами лишь в отдельных исследованных нами языках, например, в чеш-

ском: *Lidé ve voze mlčeli, odděleni od sebe svými myšlenkami.* Řez., Nást. *Ale pak tu nenaříkej, přiznej si, že jsi tělem i duší zaprodán měšťákům.* Olbr., Anna pr.

Довольно широкое употребление данного типа творительного в памятниках старославянского языка и крайне незначительная его распространенность во всех иных привлеченных к исследованию языках дает основание думать, что творительный падеж со значением ограничения при страдательных причастиях был свойствен только старославянскому языку и лишь оттуда проникал в другие древние славянские языки. В пользу этого предположения говорит и факт почти полного отсутствия данного творительного в современных славянских языках.

СИНОНИМИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ К ТВОРИТЕЛЬНОМУ ОГРАНИЧЕНИЯ

Творительный падеж со значением ограничения уже с древнейших времен имеет целый ряд заменяющих его предложных конструкций, являющихся синонимическими. Какого-либо различия между творительным падежом и заменяющими его предложными конструкциями с точки зрения семантической не наблюдается; нет, видимо, и стилистических особенностей в употреблении творительного и предложных конструкций: в одном предложении могут употребляться в совершенно равнозначных условиях и творительный ограничительный, и синонимичная конструкция, имеющая тоже ограничительное значение. Так, в русском: *богатырь ты будешь с виду и казак душой* (Лермонтов).

Определенное отличие в употреблении той или иной конструкции — с творительным падежом или с иным падежом с предлогом — состоит, как нам кажется, в лексическом своеобразии слов, входящих в конструкцию и составляющих определенное словосочетание. Это, лишь в настоящее время намечающееся различие в употреблении творительного ограничительного и соответствующих ему предложных конструкций, вытекает из той особенности развития творительного ограничительного, которая состоит в том, что развитие творительного ограничительного идет, по нашему мнению, по линии выработки определенного ряда лексических словосочетаний (как глагольных, так и именных, и приадъективных), которые переходят со временем во фразеологические сочетания (как в русском: *хорош собою, быть врозь душою и телом, ослабеть силами, воспрянуть духом, болеть душой*, и пр.).

Говоря о синонимических конструкциях к творительному ограничительному, нельзя не отметить того факта, что синонимические конструкции могут заменять далеко не все случаи употребления творительного ограничительного. Так, два приадъективных творительных ограничительных — *красив лицом* и *высок ростом* не являются равнозначными в смысле возможности замены их падежными конструкциями: *красив лицом* — красив на лицо; но — *высок ростом* — не допу-

скает подобной замены, ибо *высок ростом* в значительной степени превратилось в неразложимое сочетание.

Синонимические конструкции, заменяющие творительный ограничительный, довольно разнообразны. По различным славянским языкам имеются некоторые расхождения как в структуре этих предложных конструкций, так и в бóльшей или меньшей способности их заменять творительный ограничения. Однако провести какую-либо определенную грань между языками, в бóльшей мере допускающими замену творительного ограничительного синонимическими конструкциями, и языками, предпочитающими употребление творительного падежа, представляется почти невозможным вследствие того, что синонимические конструкции имеются во всех без исключения славянских языках, а бóльшая или меньшая частота их употребления зависит от того, насколько далеко в том или ином языке пошел процесс фразеологизации данных лексических сочетаний с творительным.

В славянских языках существует, в основном, три разновидности предложных конструкций, являющихся синонимическими к творительному ограничительному. Все эти конструкции, независимо от того, из каких элементов они состоят, являются равнозначными с творительным ограничительным, т. е. обозначают сферу обнаружения признака, выраженного прилагательным, существительным или глаголом.

Конструкции эти следующие:

1) дательный падеж с предлогом *по*,

2) винительный падеж с предлогом *на*,

3) предложный падеж с предлогом *в*.

Каждая из этих предложных конструкций известна почти всем славянским языкам, однако имеет наибольшее распространение лишь в отдельных группах языков. Так, первые две из трех названных имеют бóльшее распространение в южнославянских и восточнославянских языках; третья группа в бóльшей мере характеризует собою западнославянские языки, хотя отдельные случаи употребления данного сочетания в ограничительном значении отмечаются и в восточнославянских и южнославянских языках. Кроме этих основных конструкций, синонимичных творительному ограничения, некоторым славянским языкам известны иные, свойственные лишь им и не известные другим языкам, предложные замены, как, например, конструкция винительный падеж с предлогом *о* для определенных случаев приадъективного творительного в чешском — *o mnoho větši*, *o malo suke*, вытесняющая в настоящее время беспредложный творительный, или конструкция родительный падеж с предлогом *из* в русском народно-разговорном языке. Подобные конструкции — за пределами нашей работы.

1. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ С ПРЕДЛОГОМ *ПО*

Одной из наиболее употребительных конструкций, заменяющих творительный ограничительный, является дательный падеж с предло-

гом *по*. Данное значение предлога *по* характеризуется в словаре под ред. Д. Н. Ушакова следующим образом: „В отношении чего-нибудь на основании каких-нибудь признаков", т. е. подчеркивается ограничительное значение данного предлога, употребленного с дательным падежом.

В исследованных нами памятниках славянских языков данные предложные конструкции наиболее широко представлены в сербохорватском языке: *У тој се књизи прича како је неки сањало, по имену Вертер, дошао у неки крај где је све тихо и мирно*...Лаз., Прип. *А сад ја, као најстарији по годинама, као отац што бих вам свитема могао бити, ја бих рекао да нешто учинимо.* Мат., Ускок. *Он је по роду мало мањи од Долгоруког.* Лаз., Прип. ... *јеврејин по пореклу*... Нуш., Крај. охр. *Како је са свију страна ограђен зградама које су веће по висини од манастира*... Нуш., Крај. охр. *Сељачка производња у Србији увећавала се по количини, али се није ни најмање усавршавала.* Марк., Срб. на ист.

Mladja dama, krupna crnka, bila je po crtama lica i njemačkom izgovoru svakako Slovenka... Šen., Sabr. *Може бити на око, али ко зна какав сам по срцу?* Мат., Ускок. и др.

Подобные же случаи употребления обнаруживаем и в русском языке. Конструкция *по*+дательный является, видимо, весьма древней. Уже в наиболее древних памятниках русского языка находим отдельные случаи употребления *по имени* вместо *именем*[1].

В современном русском языке конструкция *по*+дательный в ограничительном значении является весьма распространенной. В „Толковом словаре русского языка" под ред. Д. Н. Ушакова приводятся следующие примеры употребления ее со значением „в отношении чего-нибудь, на основании каких-нибудь признаков": *Старший по возрасту. Первый по величине. Добрый по характеру. Не злой по душе. Дешевый по цене. Лучший по качеству. Мальчик по имени Иван. Столяр по профессии. По сословию мещанин, по происхождению крестьянин, по социальному положению служащий* (т. III, стр. 316). Ср. у А. Фадеева: *Муса Нургалиев, старший по возрасту и наиболее опытный*... *будет готовить плавку к выпуску.* Фад., Дом. хоз. *По внешности братья были поразительно схожи, только старший крупнее и более силен* (там же).

В современном русском языке на месте этих конструкций в данных лексических сочетаниях слов творительный не употребляется.

В западнославянских языках подобной предложной конструкции не отмечено.

---

[1] Ф. И. Буслаев в „Исторической грамматике русского языка" (Синтаксис) отмечает: „Вместо *по имени*, *от имени*, в старинном и народном языке употребляется *именем*. Уже в О. Е. встречаем это слово в творительном, который иногда удерживается и в исправленном тексте, иногда же заменяется другими выражениями" (М., 1869, стр. 266).

2. ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ С ПРЕДЛОГОМ *НА*

Одним из значений предлога *на* с винительным падежом является, как это определяется в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, его употребление „при обозначении сферы, области каких-нибудь явлений, по отношению к которой проявляется какой-нибудь признак, какое-нибудь действие" или употребление „при обозначении предмета, действия, в отношении которых проявляется какое-нибудь свойство, действие, качество". Выступая в подобном значении, предлог *на* с винительным является в том же значении, как и творительный ограничения.

Эта предложная конструкция наиболее характерна для восточнославянских языков, хотя известна южнославянским и, видимо, западнославянским; так, в чешском: *Na srdci upřímný* (пример из книги „*Skladba jazyka českého*" В. Зикмунда). М. Ивич, отмечающая для современного сербохорватского языка „тенденцию к сужению охвата употребления творительного в целом", утверждает, что на смену приадъективному творительному в сербохорватском приходят иные конструкции „на основу", „због" [1].

Для русского языка конструкция *на* с винительным падежом отмечена уже в древнейших памятниках письменности: *Бѣ же Глѣбъ милостивъ убогымъ и страннолюбивъ, тщаные имѣя к церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ.* П. вр. л., 133. ... *разже сердце боиши на Святослава, бѣ бо храборъ крѣпокъ на рать.* Ип., 28. *Присмотритъ еѣ, что она глупа, илі на лицо дурна, или на очи не добра.* Котош., 150.

В более позднее время данная конструкция употребляется в русском очень широко, вытесняя не пошедшие по пути фразеологизации случаи употребления творительного ограничительного. Примеры его употребления многочисленны: *нечист на руку, красавец на вид, глух на одно ухо* и пр. ... *вошла строго красивая, даже суровая на вид женщина в серой военной шинели.* Копт., Дружба.

Широко употребляется в русском языке данная конструкция при сравнительной степени прилагательных: *на два часа раньше, на три рубля дороже* и пр., вытеснившая в значительной степени данное значение творительного падежа.

3. ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ С ПРЕДЛОГОМ *В*

Некоторое распространение имеет в славянских языках предложная конструкция, являющаяся синонимической творительному ограничительному, состоящая из предлога *в* с предложным падежом.

Наибольшее распространение получает данная конструкция в западнославянских языках. Для восточнославянских и южнославянских языков она менее характерна, хотя и известна: отдельные примеры ее

---

[1] М. Ивић. Значења српскохрватског инструментала и њихов развој. Београд, 1954, стр. 248.

употребления отмечены и в русском, и в украинском, и в сербохорватском языках. Однако в западнославянских языках она употребляется значительно шире.

Наибольшее количество примеров употребления этой конструкции отмечено в памятниках письменности древнечешского языка: *Ale ktož jest vĕtčie v smysle a v ctnosti ... ten bud' slúha jiných... Chelč.*, S. v. 126, 30. *Neb ne v těle, ale jen v duši sstúpil jest do těch pekelných krajin...* Št., O. v. 20, 36. *tak nám sě v těle přiblížil a v tom sě velmi ponížil...* Fl., Now. r., 53. *Měj se vždy čistě i krásně v skutku, v mysli, v každém diele...* Fl., Now. r., 157.

Случаи приглагольного употребления подобных конструкций отмечены только в древнечешских памятниках письменности; подобные же конструкции при прилагательных отмечены и в других славянских языках.

Древнесербский: *...ерь тои ѣчи^ц^хь бѣде ѣ пѣти вел҃е болѣстань а ѣ памѣти мощи на пѣнѣ крѣпакъ и паметью мощ^м^ сло^б^дань...* Stoj., II, 89, 77.

Сербохорватский: *...па после сва ова четири вола беху тако једнака и у ходу и у величини и дебљини.* Атан., Два идола.

Словенский: *Prosníškə (Božŋáškə) čəčə sʊ ʊrózno lepə́ : sʊ w — rā́manax wə́skə, pa w-rít šorokə́.* Б., Ю.-сл.

Древнерусский: *...и они садятца по роду своему и по чести, кто кого честняя породою, а не по тому, кто кого старѣе въ чину...* Котош., 46.

Известна данная конструкция и современному русскому языку: *широк в плечах, узок в плечах* и пр.

Древнеукраинский: *Правда, же он еси въ сръцю нечистъ.* Ист. Уг. Р. VII.

Польский: *Kobieta zdrowa była jak rydz, szeroka w plecach i w biodrach, smukła w stanie, gibka, słowem: łania.* Sienk., Now. I. *Najwątlejsza z mieszkanek wsi, młodziutka żona Aleksego Mokuły, była jeszcze w ramionach i pasie dwa razy szerszą i grubszą od niej ...* Orz., Cham.

Итак, исследованный материал позволяет нам сделать следующие выводы.

1. Творительный ограничения связан, в отличие от иных значений падежа, не только с глагольным, но и с приименным, и приадъективным употреблением. Он представляет собою весьма древнее явление в славянских языках: уже в наиболее ранних памятниках славянской письменности мы находим случаи употребления всех разновидностей творительного ограничительного.

Наибольшее распространение в славянских языках имеет приадъективный творительный ограничения, слабо представленный лишь в западнославянских языках. Творительный приадъективный широко распространен в различных по жанру памятниках письменности славянских языков;

отдельными примерами употребления он представлен даже в памятниках деловой древнеславянской письменности.

Имеет значительное распространение в древних и современных памятниках письменности приглагольный творительный ограничения. В отличие от приадъективного творительного ограничения данный тип характеризует собою лишь определенные жанры письменного языка: он отмечается лишь в тех памятниках славянской письменности, которые характеризуются как памятники литературно-художественные. Памятникам деловой древнеславянской письменности творительный ограничения в своем глагольном употреблении почти не известен.

Слабо представлен и в древних, и в современных славянских языках творительный ограничения при именах существительных конкретных. Однако рассмотрение имеющихся случаев его употребления, а также некоторых застывших форм, являющихся, по нашему мнению, приименным творительным ограничения, делает возможным предположение, что и творительный при именах существительных конкретных был известен славянским языкам уже в древности, но в письменность проникал спорадически. В настоящее время приименной творительный ограничения характеризует собою в большей степени язык народно-разговорный и устнопоэтический.

2. Вопрос о происхождении всех разновидностей творительного ограничительного не являлся предметом изучения исследователей, занимавшихся творительным, так как бóльшая часть из них интересовалась семантическими, а не генетическими вопросами. Лишь в исследовании А. А. Потебни имеется попытка решения данного вопроса. А. А. Потебня высказывает предположение о том, что творительный отношения (по нашей терминологии творительный ограничения) возник первоначально при именах, а затем лишь при тех глаголах, которые образованы от этих имен. Однако рассмотрение всех разновидностей употребления творительного ограничения в их взаимосвязи не подтверждает полностью этого предположения.

Три указанные разновидности творительного ограничения, обладая одним значением, не являются, однако, однотипными по своему происхождению.

Общее происхождение имеют творительный ограничения приадъективный и приименной: как приименное, так и приадъективное употребление творительного могло возникнуть вследствие того, что и прилагательные, и существительные могли употребляться в роли именной части составного сказуемого, т. е. входить в состав предикативного признака. Приглагольный же творительный ограничения связан по своему происхождению с творительным инструментальным, выделившись из него в древнейшее время.

Употребление творительного падежа при определенной группе глаголов, а именно при глаголах, обозначающих проявление какого-либо признака или состояния, создало близость в значении между приглагольным творительным ограничения и творительным ограничения при-

адъективным. Таким образом, близость в значении приадъективного творительного, с одной стороны, и приглагольного творительного ограничения, с другой, является в известном смысле вторичной, вызванной близостью значений глаголов, управляющих данным творительным, и качественных имен прилагательных.

Приглагольный творительный обнаруживает несомненную связь с творительным приадъективным, но обусловливается им лишь при употреблении творительного при глаголах однокоренных с качественными именами прилагательными, в творительном типа — *похорошеть лицом, пополнеть станом* и пр. Такие случаи употребления творительного ограничения (приглагольного), отмеченные уже в некоторых древних памятниках славянских языков, создают как бы естественный переход от приадъективного творительного ограничения к приглагольному. Однако наличие подобных переходных случаев не делает возможным возводить все случаи употребления творительного ограничительного к одному источнику — творительному приадъективному. Несмотря на различия в происхождении всех разновидностей творительного ограничительного, мы считаем, однако, возможным отнести их возникновение к глубокой древности.

3. Творительный ограничения во всех разновидностях своего употребления переживает сходную историю развития, а именно: на смену всем типам употребления творительного ограничения приходят одни и те же синонимические конструкции (различающиеся, правда, по языкам), и само развитие творительного ограничения в целом идет по пути образования и выделения ряда лексических словосочетаний, имеющих тенденцию к образованию фразеологизмов. Процесс этот, охватывая, видимо, все славянские языки, не является ни в какой мере завершенным. Определенные лексические сочетания с творительным падежом, имеющие значение ограничения, при определенной устойчивости не являются, однако, фразеологическими сращениями.

В настоящее время свободное употребление творительного ограничения (т. е. употребление его вне указанных лексических словосочетаний, идущих по пути фразеологизации) и в приадъективном, и приименном, и приглагольном употреблении в большей степени характерно для народно-разговорного и устнопоэтического языка, отличающегося большей образностью.

Глава девятая

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ВРЕМЕНИ

Творительный времени в славянских языках выступает в двух основных значениях.

1. Творительный обозначает время как отрезок, на протяжении которого происходит действие, полностью охватывая этот отрезок, т. е. действие начинается с началом отрезка времени, обозначенного существительным, и кончается с концом его: **разорите цр҃квь сиѭ і трьми деньми въздвигнѫ ѭ**. Мар. XI, 19. — в значении '... воздвигну ее', т. е. церковь (за сколько, за какое время?) за три дня, в течение трех дней; пока будут длиться три дня, будет воздвигаться церковь.

2. Творительный обозначает время, не указывая, какую его часть охватывает глагольное действие. Здесь, так же как и в первом значении, глагольное действие совпадает со временем, обозначенным существительным, но в отличие от первого значения это совпадение происходит на неопределенном отрезке времени.

Необходимо отметить, однако, что творительный времени второго типа в современных славянских языках все более утрачивает значение протяженности времени. Так, А. А. Потебня отмечает: „Позднейший язык установляет бо́льшую разницу между протяжением времени, означенным творительным, и протяжением действия, падающим в это время. ... Теперь явственнее чувствуется, что действие занимает только некоторую часть времени, означенного творительным, с чем находилась бы в некотором противоречии совершенная определенность времени в творительном. Согласно с этим при точном определении времени встречаем уже винительный без предлогов или с ними...“[1].

В результате постепенной утраты старого значения протяженности времени творительный времени в современных славянских языках начинает обозначать более общее понятие о времени действия, только называя, когда, в какой момент совершается действие. Так, в примере: *этой ночью он работал*, сообщается о том, что работа велась именно ночью, а не в какое-либо другое время суток, определение *этой*

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II. Харьков, 1888, стр. 452.

уточняет, в какую именно из ночей велась работа, но здесь отсутствует указание на то, какую часть ночи заняла работа. Т. е. творительный падеж только называет время, в которое происходило действие, не подчеркивая протяженности времени.

Исходя из сказанного выше, отметим, что творительный времени этого типа мы будем называть „творительный, обозначающий время как момент".

Эти два значения творительного времени отмечают многие лингвисты, сопоставляя действие во времени с движением в пространстве, при котором (движении) действие может совпадать со временем на некотором отрезке времени или в один из его моментов[1]. „Древность основных значений этого творительного... восходит к дославянскому времени", — отмечает А. А. Потебня[2].

Кроме двух основных значений, творительный времени имеет еще два второстепенных значения, составляющих особенность творительного времени, в отличие от других падежей, употребляющихся для обозначения времени. Так, польский исследователь Я. Лось отмечает для творительного времени (так же, как и для творительного места) побочное значение дистрибутивности, распределительности, которое особенно четко проявляется во множественном числе[3].

Нам представляется правильным различать в творительном дистрибутивном два значения: значение собственно дистрибутивности (разделительности) и значение меры времени. В первом значении творительный показывает, в какие моменты повторяется данное действие, не указывая на его протяженность: например, *ночами он работал* — работал не обязательно каждый раз всю ночь, здесь отмечается тот факт, что действие происходило ночью, а не утром, вечером и т. п. Во втором значении творительный показывает обычно, что действие занимало (или занимает) каждый раз весь отрезок времени, означенный существительным. В этом случае существительное в творительном падеже часто употребляется с определением *весь*, *целый* и т. д. (*целыми ночами он работал*), хотя может выступать и без определения (*он неделями не выходил из дому*).

Обычно творительный времени выполняет в предложении функцию обстоятельства времени. В этом случае, когда творительный времени приобретает модальный оттенок значения, он выступает в функции обстоятельства образа действия. Такая синтаксическая роль творительного времени (как и некоторых других значений творительного падежа)

---

[1] См. об этом: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, стр. 451; Е. К. Тимченко. Вокатив і інструменталь в українській мові. Київ, 1926, стр. 28; J. Loś. Funkcje narzędnika w języku polskim. — „Rozprawy Akad. Umiejętności, wydział filologiczny", seria II, t. XXV. Kraków, 1905, стр. 104; А. А. Кока. Конструкции с временным значением в современном русском языке. — Сб. „Вопросы изучения русского языка". Алма-Ата, 1955, стр. 90 и сл.

[2] А. А. Потебня. Из записок, I—II, стр. 451.

[3] J. Loś. Funkcje norzędnika..., стр. 104.

обусловила его сближение с наречием, адвербиализацию этого творительного.

Вследствие тенденции к адвербиализации творительный времени обладает некоторыми особенностями, отличающими его от других значений творительного падежа. Так, характерной чертой творительного времени является его бóльшая самостоятельность, независимость по отношению к субъекту или объекту в предложении. Творительный времени больше тяготеет к глаголу. Эту особенность отмечает Я. Лось в исследовании „Функции творительного падежа в польском языке“ [1], а также Е. К. Тимченко, который указывает, что творительные места и времени относятся к глаголу, а чаще к целому предложению и имеют глагольный характер, они не могут быть заменены именительным или винительным падежом [2]. С другой стороны, творительный проявляет также известную независимость от глагола, в отличие от других значений творительного падежа, которые нередко определяются лексическим значением глагола (ср., например, *владеть землей — засыпать землей*).

Итак, творительный времени выполняет в предложении функцию обстоятельства времени или в определенных условиях обстоятельства образа действия, что является одним из условий перехода существительного в этом падеже в разряд наречий, его адвербиализации. Не касаясь подробно вопроса адвербиализации творительного времени, который представляет собой тему специального исследования, мы будем рассматривать творительный времени с точки зрения его основных значений — времени как отрезка и времени как момента. Как было упомянуто выше, основное значение творительного времени определяется как путь, а действие во времени — как движение в пространстве [3], т. е. основное первоначальное значение творительного, времени определяется как отрезок. Как отмечает А. А. Потебня, с развитием творительного времени все более выявляется противоречие между отрезком времени, выраженным творительным, и протяженностью действия [4]. Другими словами, первоначальное значение творительного времени — значение отрезка времени — все больше затемняется и затушевывается.

Следует отметить также, что в творительном времени выступает обычно весьма ограниченный круг слов, имеющих лексическое значение времени, т. е. обозначающих части суток, времена года, месяцы и т. п. Иногда в этом значении могут выступать слова, не имеющие лексического значения времени. Например: *дорогой он читал* (правда, в современном русском языке *дорогой* — наречие).

Наше исследование будет касаться преимущественно слов с лексическим значением времени.

---

[1] J. Łoś. Funkcje narzędnika, стр. 105.

[2] Е. К. Тимченко. Вокатив і інструменталь. . ., стр. 19.

[3] А. А. Потебня. Из записок..., стр. 451.

[4] Там же, стр. 452.

Необходимо подчеркнуть еще одну весьма важную особенность творительного времени, а именно тенденцию к замене его предложными конструкциями, которая является результатом, как отмечает Л. А. Булаховский, „общей тенденции славянских языков значения временны́е и пространственные у имен выражать предлогами“ [1].

В настоящей работе наряду с творительным времени будут рассмотрены конструкции *в* + винительный, *в* + местный, а также беспредложные винительный и местный с временным значением.

В соответствии с сделанными замечаниями материал распадается на две группы:

1) творительный обозначает время как отрезок, полностью охваченный действием.

2) творительный обозначает время как момент.

I. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ, ОБОЗНАЧАЮЩИЙ ВРЕМЯ КАК ОТРЕЗОК, В ТЕЧЕНИЕ КОТОРОГО ПРОИСХОДИТ ДЕЙСТВИЕ, ЗАПОЛНЯЯ ЕГО ЦЕЛИКОМ

Этот творительный обозначает определенный отрезок времени, на всем протяжении которого совершается действие, т. е. обозначает путь совершения действия во времени, причем действие и время совпадают, и отвечает на вопросы: за какое время? за сколько?

Старославянский: ... **четырмі десѧты и шестиж лѣты съзьда сѧ прькъı сі**. Ассем., Ио. II, 12—22. **рѣшѧ же иѹдеи четырьми десѧты и шестиж лѣтъ съзъдана вы̑ цр̑кы си**. Ио. II, 20, Мар., 325_{12}, Зогр., 139. **сь рече мо̑гж разорити цр̑квь бо̑жь̑ю і трьми днѣми созъдати ж̑**. Мат. XXVI, 61, Мар., 103,2. Асс. Мат. XXVI, 21. 75, 120_{25}. Савв. кн., Мат. XXVI, 110, 104 ... **мало дождѣмъ · и лоно авраама патриарха покрыетъ ны · ѥдноиж ношти̑ж вьсь вѣкъ измѣнимъ**. Супр., 84_6.

Исследованный материал дает один пример творительного в рассматриваемом значении в древнесербском языке: *акѡ ли цо погрѣше земли кралев'ства ми и не исправе ми се. да имь се да вѣдѣние трьми мѣсеци* т̑ако *си мог*ъ *трьжьници их* ѿити *8 градь сь всѣмь своимь*. Стој., I, 33.

В современном сербохорватском языке творительный в рассматриваемом значении не отмечен.

Древнерусский: *И тако идыи трьми недѣлями доиде прежереченаго (Кыева)*. Жит. Феод. XII в. ... *преложи вся книги исполнь отъ гречьска языка въ словѣньскъ б-ю мѣсяць*. Лавр., 11. ...*бяшеть серенъ*

---

[1] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, II. Киев, 1953, стр. 267.

великъ, акоже вои неможахуть зрѣима переити днемъ до вечера. Ип., 129 (Примеры Потебни).

В последнем примере творительный употребляется без определения, но здесь он обозначает данный отрезок времени — один день, поэтому определение опущено. Кроме того, уточнение — *до вечера* еще более резко подчеркивает срок окончания действия.

Примеры творительного в этом значении встречаются в памятниках русской письменности до XVII в.[1]: *И сколко чево здѣлаетъ кто днемъ много ли мало ...* Дом., 47. *А не переядятъ потроховъ осенью ино в рождествьеной мясоедъ пригодитца.* Дом., 70. *И днем однемь перемчали девяносто верст, еле жив дотащился до Москвы.* Жит. Авв., 170.

А. А. Потебня приводит пример употребления творительного в указанном значении в комедии Грибоедова: *... я в сорок пять часов, глаз мигом не прищуря, верст больше семисот пронесся*, отмечая при этом, что подобные выражения „теперь являются уже архаизмами"[2].

В исследованном нами материале имеется еще один пример употребления творительного времени в этом значении (в русских говорах): *записала бы одной минутой.* Манс., Сев. вост. гов.

Древнеукраинский: *Не ѥмаєть ѿ нихъ то ѿстойти никоторѣмъ веремѧнємъ.* Укр. гр. I, 59.

В более поздних памятниках украинского языка и в современном литературном украинском языке творительный в значении времени как отрезка не отмечен.

В нашем распоряжении имеется один пример творительного времени в этом значении в чешском языке: *Když jest (Kristus) oněmi třmi dny... ležal.* Gebauer, 402 (Ивич, 127).

Творительный времени в рассматриваемом значении имеет следующие особенности. Грамматически этот творительный характеризуется наличием определения, уточняющего временной отрезок. Обычно в качестве определения выступают числительные (ср. *трьми деньми созъдати, переложи ...б-ю мьсяцъ* и т. п.). Иногда творительный в этом значении употребляется без определения. Это бывает в тех случаях, когда творительный обозначает одну единицу времени (один день, одну ночь). В таком случае определение может быть опущено: *перейти днемъ до вечера* — в течение одного дня.

В древних памятниках славянских языков примеры творительного времени как отрезка очень немногочисленны. Этот творительный отмечен только в памятниках древних славянских языков восточной и южной группы. Чаще всего творительный в этом значении встречается в памятниках старославянского языка. Исследованные нами памятники западнославянских языков, относящиеся к XIV—XV вв., почти не знают употребления творительного, обозначающего время как отрезок.

---

[1] См. Е. А. Седельников. Функции непредикативных конструкций с творительным падежом в древнерусском литературном языке. Канд. дисс. М., 1933, стр. 123.

[2] А. А. Потебня. Из записок..., стр. 452.

Памятники древнерусского языка (XIV в.), исследованные нами, представляют весьма ограниченный материал; редко употребляется этот творительный и в древнерусском языке, хотя единичные примеры его употребления встречаются вплоть до XVII в.

В древних памятниках славянских языков для обозначения отрезка времени, целиком заполненного действием, употреблялся также винительный беспредложный падеж. Винительный падеж в древних славянских языках мог выступать в двух значениях времени: он обозначал время как отрезок, полностью охваченный действием, и время как отрезок, неопределенная часть которого охвачена действием. Причем, как отмечают многие лингвисты, основным временным значением винительного было первое, т. е. время как отрезок, полностью охваченный действием. Первоначально винительный употребляется в этом значении параллельно с творительным. Постепенно творительный в этом значении выходит из употребления и, как отмечает А. А. Потебня, „при точных определениях времени встречаем уже винительный без предлогов или с ними: три дня, в (за) три дня“[1]. Приведем примеры употребления в этом значении винительного падежа в памятниках древних славянских языков.

Старославянский: **ѣко бо бѣ іона вь чрѣвѣ китовѣ. три дни три же ношти. тако бѫдетъ сн҃ъ чск҃ъ в срдци землѧ три дни и три ношти.** Зогр., Мат. XII, 40, 41_{4-5}. **Пріставы воды ѣко въ мѣсѣ. ї въведе ѩ облакомь въ дьне. ї вьсѭ ношть в просвѣштеніе огн҃ю.** Син. пс., 100^{6}_{5}.

Древнерусский: *Сѣдѣвъ въ Новѣгородѣ 8 лѣт и 4 мѣсяць.* Новг. 1,25. *Осень была, дождь на меня шел, всю нощь под капелию лежал.* Жит. Авв., 89. *В Енисейске зимовал и паки, лето плывше в Тобольске зимовал.* Жит. Авв., 112.

Древнеукраинский: *Которое забойство три дни тривало.* Лет. Сам., 77.

Древнепольский: *Y wzwyedze Moyszesz prǫ́ǫ́t na szemyǫ́ Egipskǫ́ǫ́, a pan wzwyodl wyatr wyeyǫ́czy ten wszitek dzen i nocz.* B. Z., 52. 17. *I tego dla zawolaw wssitek lud, plakal czalǫ́ nocz tu.* B. Z., 103, 26.

Винительный времени в значении отрезка, полностью охваченного действием, очень распространен в современных славянских языках и является основным средством выражения этого значения.

Сербохорватский: *Тако је то ишло мјесец дана.* Лаз., Прип. *Недељу дана Ивана ока на око не склопи.* Вес., Од срца. *Тако је трајало два дана.* Вес., Од срца.

Верхнелужицкий: *Tak dha bě ʒyły dʒ́eń w Baselu pobyl...* S., k. a m.

Русский: *Над степью и зиму и лето висела мгла, и в эту мглу уходили железнодорожные пути, черные и маслянистые от мазута.* Пауст., Цв. *Тот же день стал он хлопотать об отпуске.* П. (Кока, 79). *Я решил тот же час отправиться в Оренбург.* П. (Там же).

---

[1] А. А. Потебня. Из записок, I—II, стр. 452.

Был тулуп, да что греха таить, заложил вечор у целовальника: мороз показался не велик. П. (Там же)[1].

Словацкий: *Spívávali sme a hráli sme sa celi dzeň.* Vážný. *Ale co chodzili celi deň, ale len jedneho zajica ulovili.* Vážný.

Польский: *Tęskniłem za podobnym widokiem całą noc.* Sienk., Now. I. *Kobieta przeleżała noc i następny dzień...* Sienk., Now. I. *Przespał więc Rzepa w karczmie całą noc.* Sienk., Now. I. *Cały dzień tym się truł pracując na dachu.* New., Pam. z Cel.

Винительный падеж с значением временно́го отрезка, заполненного действием, употребляется так же, как творительный, в большинстве случаев с определением, уточняющим отрезок времени, обозначенный именем: *две недели, целый день, всю ночь.* При обозначении единицы времени (одного года, дня) определение может так же, как в творительном, опускаться: (*одно*) *лето плывше, в Тобольске зимовал.* Следует отметить, что во всех приведенных примерах винительный употреблен с глаголами длительного действия (*czalǫ nocz plakal cьgьbъ 8 lьtъ, chodzili celi deň* и т. п.).

В некоторых славянских языках наряду с винительным точного отрезка времени, заполненного действием, употребляется конструкция с предлогом *через*+винительный.

Конструкция *през*+винительный отмечена в памятниках украинского языка XVII—XVIII вв.: *Которій през килка лѣтъ тое робил, поколя оного зродою узято.* Лет., Сам., 97. *И там през три днѣ тяжари переправляли.* Лет., Сам., 145. *А жадних подъездовъ не отправовали нѣкуда через усе лѣто.* Лет., Сам., 148.

Современный украинский: *Коли б то можна бути через зиму котом, через літо пастухом, а на Великдень попом.* Ном. 8070. *Боско через увесь вік босий б гас.* Ном. 11231. (Тимч., Ак., 95).

Такой способ выражения временного отрезка, заполненного действием, отмечен в диалектах словацкого языка: ... *vona tam zvostala přes poledne.* Havr., 163.

Наиболее распространена эта конструкция в современном польском языке. В исследованных памятниках древнепольского языка конструкция *через*+винительный нами не обнаружена. Однако в современном литературном языке она распространена не менее широко, чем винительный беспредложный: *Swoją drogą przez całe dwa tygodnie nie mógł potem darować mi tej śmietanki.* Sienk., Now. I. *Oxeński był przez szereg lat obrońcą politycznym.* Nałk., Węzły ż. *Baraz był u Oxeńskich domowym człowiekiem, kiedyś nawet przez rok blisko mieszkał pod ich dachem.* Nałk., Węzły ż.

Конструкция *przez* (*bez*)+винительный распространена в говорах польского языка: ...*ona nie mogła prędko pomrzeć: poczwiła się*

---

[1] О винительном времени в современном русском языке см. А. А. Кока. Конструкции с временным значением..., стр. 79—88.

bez dwa dni N., Wyb. ... *i posed do lasa i siedziou tamok pszez dwa dni.* N., Wyb. *Zat innyk luźi ftym dȯmu bez dugi cas strasȧu.* N., Wyb.

Конструкцию *через* + винительный характеризуют те же черты, что и винительный беспредложный: существительное, обозначающее время, употребляется в большинстве случаев с определением, уточняющим значение времени, выраженное существительным.

II. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ, ОБОЗНАЧАЮЩИЙ ВРЕМЯ КАК МОМЕНТ

Как было отмечено выше, в творительном времени, по утверждению А. А. Потебни, все явственнее раскрывается противоречие между протяжением действия и протяжением времени, обозначенных творительным. Первоначальное значение протяженности все более стирается, затушевывается, значение творительного времени все более обобщается, абстрагируется. „Он начинает обозначать уже не протяженность, не количество времени по отношению и действию, а дает лишь *общее* указание на пункт времени (когда?)" (курсив мой. — *Л. М.*)[1].

Одновременно с процессом усиления противопоставления времени, обозначаемого творительным, и времени действия шел процесс адвербиализации творительного времени, так как новое значение, которое приобретал творительный, выходило за рамки значения падежа в системе склонения (обозначение количества времени). Принадлежность этого творительного к наречиям выражается в его способности определяться другим наречием: *поздно ночью, рано утром* — здесь *ночью, утром* выступают уже в качестве наречий.

С другой стороны, благодаря широкой употребительности всех остальных падежных форм парадигмы, творительный времени рассматриваемой группы слов может выступать в качестве существительного. Грамматически это выражается в способности творительного времени сочетаться с прилагательными, указательными местоимениями и т. п., ср. сербохорватское *радним даном*; русское *холодной ночью*; укр. *сим разом*; чешское *jarním ránem;* польское *tym razem* и т. д.

В примерах типа *рано утром — ранним утром* творительный лишь называет время совершения действия, указывает, когда оно совершалось (или совершилось), не обозначая, в течение какого времени происходило действие, т. е. обозначает время как момент.

Приведем примеры.

Старославянский: **Ѩште ли къто ѯодитъ ношть҃ю потъкнетъ сѧ.** Зогр., И., XI, 10, 157. ... **носитъ стꙑи ѿтъ ефрата рѣкы ношть҃ю водж.** Супр., 551_{23}. **погрѣвоша ношть҃ю стое его тѣло.** Супр., 538_{3}. **дьнь҃ю же ѡ҃рѣлоу то ждѣ съконьчаваѭштоу.** Супр., 537_{30}.

---

[1] О. В. Петрушинина. Наречия, образованные от имен существительных. (По памятникам русского языка XII—XVII вв.). Канд. дисс. Л., 1953, стр. 104.

Исследованные памятники старославянского языка показывают широкое употребление творительного времени для обозначения определенной части суток — ночи. Имеющийся в нашем распоряжении материал представляет примеры почти исключительно с творительным в значении „ночью“; три примера на обозначение дневного времени, один из которых употреблен в устойчивом обороте *ночью и днем* со значением 'постоянно'; один пример для обозначения зимнего времени.

Древнесербский: *ȣ понедѣлникъ нощию... настȣпише на кȣкю кнеза нашега.* Стоj. I, 580.

Древнерусский: *А думные дьяки стоятъ, а инымъ времянемъ царь велитъ имъ сидѣть.* Котош., 24. ... *и о великом заговеньи и после того великим постом станутъ снѣги перепадывать.* Хожд. Ф. Кот., 111. *И посла отрока того нощью в город, написавше ему знамение свое.* Моск., 65. *И съдумавъ съ братом своим мъстиславом, и иде нощью къ Киеву и ятъ Всеволода Юрьевича.* Моск., 83, л. 100 об. *Потом доехали до Иргеня озера: волок тут, — стали зимою волочитца.* Жит. Авв., 92.

В памятниках древнерусского языка сравнительно с другими древними славянскими языками творительный времени более употребителен. Однако следует отметить, что эта широкая употребительность творительного относится к более позднему времени. В диссертации О. В. Петрушининой, посвященной исследованию наречий в древнерусском языке, указывается, что наиболее ранние примеры такого творительного отмечены в памятниках XIII в. „Но до конца XVI в. и в XVII в. по нашим памятникам не наблюдается широкого распространения форм творительного времени“ [1]. При этом О. В. Петрушинина отмечает, что в творительном времени представлены не все слова, обозначающие времена года, части суток, а только следующие: *днемъ, ночью, лѣтомъ, осенью,* причем одни представлены довольно многочисленно, другие — единичными примерами[2].

Древнеукраинский: *Зѣмою почали давати жолнѣрове поводъ до войни.* Лет. Сам., 24. *Як повернулся царъ турецкій с под Камянца зимою.* Лет. Сам., 119. *Которая рада зараз на початку того року была зимою.* Лет. Сам., 104. *Хотячи зѣмою ити Заднѣпря воевати.* Лет. Сам., 107.

Древнечешский: *Protož v rukú božiech jest moc zemská a ohavna jest všeliká nepravost naróduov a úžitečného zprávce neb krále svým časem ustaví nad nimi.* Chelč., S. v. 164. 20. *Protož onť ustavuje krále národóm k dobrému časem svým.* Chelč., S. v. 164. 20. *Mnie by skončenié takémuž byt̄o ie sie pocátkem chlubiti.* D. chr., 789. *A když ten jed počátkem vlit jest v cierkev svatú.* Chelč., S. v. 64, 15.

Древнепольский: ...*tedi usnamyona İakob, ze oskarszon przed Labanem yako wczora a przedwczorayszym dnyem.* B. Z. 33, 29. *Y uczy-*

---

[1] О. В. Петрушинина. Наречия..., стр. 112.

[2] Там же, стр. 111.

nyl bog dwye szwyeczi wyeliczi, szwyatlo wyǫczsze,... a szwyatlo mnyeysze,... a k temu gwyazdi, ... abi szwyeczyly nad szemyǫ, a wlodly dnyem y noczǫ, a szwyatlo rozdzelily se czmǫ. B. Z., 1, 19. *...nye billibi naprzod wiplaczon, miloscivim latem ma syǫ nawroczicz ku panu svetu.* B. Z., 92. 37. *Gdze sǫ czy mǫzowye, czso przyszly k tobye noczǫ?* B. Z., 21. 37.

Итак, исследованные памятники древних славянских языков представляют следующую картину употребления творительного времени. Наибольшее количество примеров представляют памятники старославянского, древнерусского и древнеукраинского языков. Памятники древнесербского и древнепольского языков представляют единичные примеры, а в памятниках древнечешского языка встречается творительный времени с определением (типа *časem svým*) (два приведенных выше примера творительного времени без определения, возможно, не показательны). Следует отметить, что в памятниках древнерусского языка примеры творительного относятся, в основном, к XVI—XVII вв., в памятниках древнеукраинского — к XVII в.

В творительном падеже употребляются не все слова, обозначающие части суток, времен года и т. д. Наиболее распространенным представляется творительный, обозначающий ночное время: *ночью*. Он отмечен во всех славянских языках, кроме чешского. Затем идет творительный *зимой*, *осенью* и, наконец, *днем*, который чаще встречается в устойчивом обороте *днем и ночью* в значении 'непрерывно', 'всегда'.

Для обозначения вечернего, утреннего, летнего и весеннего времени в памятниках древних славянских языков употреблялись различные предложные конструкции, из которых наиболее распространенными были *в* + винительный и *в* + местный. Приведем примеры творительного времени в современных славянских языках.

Сербохорватский: *Zorom dakle polazite?* Šen., Sabr. *Ко није имао чарапа, требао је само недељом проћи поред попове куће, па већ више не би ишао босоног...* Лаз., Прип. *А црква ће се јутром и вечером молити Богу за моје здравље, и за спасење моје душе.* Мил., Међудн. *Сутра дан зором поче биров викати по селу.* Глиш., Прип.

В сербохорватском языке в значении 'днем', 'ночью' употребляется старая форма творительного *i*-основ. Очевидно творительный в этом значении рано адвербиализовался и потому сохранил архаичную форму. *Лисица само дође ноћу под легало...* Лаз., Прип. *Питајте ма ког ноћног стражара, па и оног најстаријег, онога што дању и ноћу спава — дању, јер је то таква служба, а ноћу опет, јер је ноћ од Бога за то дата.* Срем., Прип.

Это предположение подтверждается следующим фактом: выступая в предложении с определением, т. е. представляя собою в данном случае имя существительное, творительный имеет окончание современного склонения: *Радним даном по ваздан седи у дућану.* Прош. *Облачи стајаћу рубу радним даном.* Лаз., Прип.

В сербохорватском языке очень распространен творительный при обозначении середины, конца, начала какого-либо временно́го отрезка *Концем августа бијаше затегла суша.* Ђun. За крухом. *Средином нашега века био је Шабац међу градовима у унутрашњости Србије ако први а оно међу два три најнапреднија.* Јован., Предгов.

Русский: *Одной февральской ночью, часа в три, жена Вадима приехала за мной.* Б. и д. (Шахм., Синт.). *Встали из-за стола уже поздно вечером.* П. (Кока, 91). *Однажды осенью матушка варила в гостинной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки.* П. (Там же). *Наконец однажды утром Савельич вошел ко мне, держа в руках письмо.* П. (Там же). *Летом — помните? Кругом зеленело, у оврага копошились ребятишки, птицы пели.* Андр., Шир. теч. *Еще ранней осенью Егор Герасимович дважды заезжал в Высокое.* Глинка., Старос. пов. *Следующим утром Илья Матвеевич ... на Канатную улицу со своей Якорной не сворачивал.* Кочет., Журб. *Летом в лесу хорошо и привольно, беглецам тоже хорошо было.* Онч., Сев. ск.

В современном русском языке сравнительно с древним наблюдается распространение творительного на весь круг слов с лексическим значением времени (мы имеем в виду обозначения времен года и частей суток).

Украинский: *Я тое... ранком посичу, я до матюнки орлом полечу.* Чуб., V, 754 (Гринч., IV, 5). *Мотря день і ніч в роботі та в роботі: літом на полі зимою дома.* Мирн. Х. р. в. Світом тільки розіжджаються. Мирн. Х. р. в.

Чешский: *Divoká přestřelka hlučela nocí.* Řez., Nást. *...a šli jsme večerem do jedné známé hospůdky.* Němc., 5 pov. *Dneškem jsme udělali veliký krok vpřed.* Řez., Nást. *Vykročili a šli jarním ránem.* Řez., Nást. *Tichým večerem zazněly zvuky vážné písně* Jir., Skal.

Словацкий: *...spievať treba, keď ide človek nocou, o tom ste nepočuli?* Jilem., Kron. *...Keď začinyjú nocou poťahovať studenejšie vetriky, vystavili riestrané ohnisko.* Kukuč., XII, 21.

В чешском и словацком языках довольно часто употребляется выражение *dnem i nocí*, в котором сохранился творительный *dnem*, не употребляющийся в этих языках для обозначения дневного времени (в этом значении иногда употребляется творительный *dneškem*). *Dnem i nocí poroste Traktorstroj.* F., Výb. ze st. *Jak jen ti zločinci mohli uniknout pověstné bdělosti páně ministrových S. A., kteří střeží dnem i nocí jeho sídlo?* P., Hra s ohn.

Словацкий: *Dňom i nocou chodily patroly po celej obci.* Jilem., Kron. *Preto som vtedy v nedeľu dňom i nocou myslel na Dura.* Jilem., Kron.

В современном чешском языке получил распространение творительный времени, тогда как в древнечешском он был мало употребителен. В чешском и словацком языках этот творительный употребляется для обозначения некоторых частей суток.

Польский: *Wzięli mnie zimą i do końca lata jeszcze wybędę u nich... a jak jesienią do miasta wrócę odprawię się.* Orz., Cham. *Gdy był silniejszy wiaterek, wczesnym rankiem leżało parę jabłek na drodze.* Kub., Tamte l. *W tym ganku państwo pijali latem kawę po obiedzie.* Sienk., Now. I. *Wieczorem nadepnąć, to można się przestraszyć, pomyliwszy z czaszką ludzką.* New., Pam. z Cel. *Tak jakoś wczesną wiosną gruchnęła wieść, że rząd kukurydzę sprowadza.* Rudn., St. *Nazajutrz rankiem kolumna rekrucka wymaszerowała z Kalisza...* Krucz., Kord. ch. — *A co mówił ostatnią razą?* New., Pam. z Cel. *A tu ču̯ovek śe narob'i, že v́ečorym i b'edruv ńi može rušyć.* N., Wyb. *...nåv́yncy ńeʒelům byu̯y vesou̯a.* Sob., Gw.

В современном польском языке сравнительно с древним творительный времени получил широкое распространение. Следует отметить, однако, что исследованный материал не представляет ни одного примера творительного для обозначения дневного времени. Творительный *dniem* употребляется только в выражении *dniem i nocą: Będę czekał dniem i nocą.* Nałk., Węzły ż.

Материал по польским говорам также не представляет ни одного примера творительного *dniem.* В отличие от литературного польского языка в говорах употребителен творительный для обозначения дней недели, главным образом субботы и воскресенья: *sobotům, ńeʒelům.*

Кашубский: *Vjeczorę pôlélo sę l̄éczewo na kòmjnku.* Cen., Skôrb. *Króu̯l ȯs — krùo̯levna ȯs — tvȯi̯ — brãt tï — fšȁtcä nȯu̯-cą přidȯu̯ a-bóu̯-dȯu̯ cìe̯bjä cìe̯lï bjìc.* Lor., Sl.

В кашубском языке творительный, обозначающий время как момент, употребляется редко. Обычно в этом значении выступают другие конструкции.

Как было отмечено выше, одну из особенностей творительного времени составляет то, что в нем выступают имена существительные, имеющие лексическое значение времени. Однако необходимо отметить, что отношения времени в творительном падеже в славянских языках могут выражаться также именами существительными, не имеющими лексического значения времени.

Старославянский: **нич'соже не оуспѣвъше пръвыим вашїмъ пьрѣниѥмъ. послушаите мене и пожьрѣте великоуоумоу ираклоу.** Супр., 177_{23}.

Древнерусский: *И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить.* Жит. Авв., 83. *Ярополкъ же Изяславич тогда разболѣся путемъ ида и велми боленъ бысть.* Моск., 77, 94.

Современный русский: *Дорогой невольно я опять завел разговор о Бэле и Печорине.* Лерм., Гер. наш. вр. *Ну, а если он догонит его дорогой.* Толст. Х. Мур. *Была одна девочка, да развязал бог, постом похоронила.* Толст., Анна К. *Лиза встретила их, услышав высокий голос сына, и, почти скатилась по лесенке, как — от избытка счастья — скатывалась по перильцам когда-то девочкой, она обняла Витю...* Фед., Необ. лето.

В русских говорах слово *дорогой* и нек. др. часто употребляется в значении времени: *Когда ѣхали, дорогою согласились одного генеральского сына женить на царской дочери...* Онч., Сев. ск. *Этыма жарами всё высохло.* Манс. Сев.-вост. гов. *Домой я еѣо повезу аль дорогой рѣшу́?* Онч., Сев. ск. *Вот дарогай храмой чорт и гаварить...* Черн., Мат.

Сербохорватский: *У Србији дакле ратовањем развила се клица за једап привилегисан сталеж ...* Марк., Срб. на ист. *Чује се, да ће поп ђоса у први понедељак мотом ђубра возити.* Лаз., Прип.

Чешский: *Modlí sa roztržito. Modlitbou sa smujú podivné myšlienky.* Kukuč.

Творительный времени этого типа в польском языке не отмечен. Исследованный материал дает один пример обозначения времени существительным, не имеющим лексического значения времени; время выражено оборотом *по* + местный, который часто выступает наряду с творительным при обозначении места: *Po drodze umówili się, że Korbalowi nie powiedzą.* New., Pam. z Cel.

Этот оборот встречается также в русском языке: *Снова беседовали по дороге обо всех заводских и мировых событиях.* Кочет., Журб. *Они пошли, Зина спрашивала по дороге...* Кочет., Журб.

Творительный времени с дистрибутивным значением

Выступая во множественном числе творительный времени, так же как творительный места, приобретает дистрибутивное, разделительное значение[1]. Он обозначает в этом случае ряд моментов, в которые повторяется действие. Пример: *вечерами выпадал снег.* Творительный *вечерами* обозначает, что снег выпадал время от времени, в некоторые вечера.

Творительный времени дистрибутивный употребляется во всех славянских языках.

Сербохорватский: *Особито је волела да празницима, тако наслоњена и подупрта рукама, гледа доле по улици, комшилуку и чак тамо око цркве, у чаршији.* Станк., Неч. крв.

Русский: *За нее он боролся, о ней он, став председателем колхоза, думал бессонными ночами.* Крут., Родн. *Вечерами, задвинув от холода дверь вагона, пассажиры начинали разговоры...* Фед., Необ. лето. *И в ноябре он несколько раз ходил вечерами к капитану — начальнику округа, жившему с женой и детьми.* Глинка, Старосв. пов.

Украинский: *Осінніми вечорами вона рано світила світло...* Коц., Фата М. *Довгими осінніми вечорами велись безконечні розмови та суперечки.* Коц., Фата М.

---

[1] Отметим, что творительным дистрибутивным мы будем называть творительный, имеющий только разделительное значение без оттенка количества времени. Творительный с оттенком количества времени мы называем творительным меры времени.

Польский: *Szczególnie nocami było tak zimno, że w Wielkim Muzeum poczerwieniały, jak mówiono, nosy mumiom.* Sienk., L. Afr. *Tam, gdzie dawniej górnicy śpiewywali wieczorami: „I crossed Mississipi", obecnie śpiewają kujoty.* Sienk., Now. II.

Творительный дистрибутивный кроме значения разделительности имеет значение меры времени. В этом случае он обозначает не ряд моментов времени, а количество времени, ряд отрезков времени, в течение которых происходит действие, периодически повторяясь: *он неделями не выходил из дома*, т. е. он в течение многих недель не выходил из дома, и так повторялось много раз.

Этот творительный широко употребителен в современных славянских языках.

Сербохорватский: *Столећима бори се он тако за одузету слободу, али столећа равнодушно пролазе туда.* Нуш., Крај. охр. ... *и после недељама памте тај дан и те разговоре.* Срем., Из стар. *Шпиру се бар чинило да то траје мјесецима.* Мат., С мора.

Русский: ...*сидела годами возле его изголовья.* Кочет., Журб. *Не видя Егора Павловича годами, она после каждой встречи открывала в нем новые особенности.* Фед., Необ. лето. *Алексей целыми днями приглядывался к комиссару, пытаясь понять секрет его неиссякаемой бодрости.* Б. П. (Кока, 92).

Украинский: ...*і вона товклась цилими днями.* Коц., Фата М. *Годинами наді мною може выстоювати, коли щось роблю.* ОТМБр.

Чешский: *Ne hodinami, ale lety pozoroval, aby mohl dojít ne k hypothesám, ale k zákonům.* F., Výb. ze st.

Польский: *Tygodniami nie wypuszczał z rąk gwera, miesiącami stąpał w twardych szeregach wśród dzikich, lesistych skał Tyrolu,* Krucz., Kord. ch. *Jedni walkonili się w tym obozie miesiącami.* Krucz., Kord. ch.

Возвращаясь к творительному дистрибутивному, отметим, что значение разделительности иногда может быть выражено в единственном числе. Так, в русских говорах встречаем: *Рожь да пшеница годом родитца, а верен друг всегда пригодитца.* Сим., где *годом* употреблено в разделительном значении: 'урожай в иной год хорош, а в иной — плох'. Творительный *годами* здесь приближается к значению наречия *иногда*. Очевидно, то же происхождение имеют и другие славянские наречия этого значения типа *часом*, о которых речь будет ниже.

В некоторых славянских языках творительный дистрибутивный в единственном числе широко употребителен, с определением *каждый*, которое усиливает значение разделительности. Приведем примеры.

Сербохорватский: *Једино што би јој покаткад сам долазио, то би било којом суботом, када би, место оца, дошао са рабацијама, да еспап узму.* Станк., Неч. крв.

Чешский: *Republika každým měsícem armádu zvětšuje.* Olbr., Anna pr. *Každým rokem rosla tato armáda.* F., Vyb. ze st.

Словацкий: *Každým dňom ich pribúda.* Jilem , Kron. *...chodieval sam čo najčastej sie dolu do obce lebo dedina žila, dedina nala čochvil'a nové zprávy, dedina menila každym dňom.* Jilem., Kron.

Наряду с творительным дистрибутивным во множественном числе в славянских языках широко употребительна конструкция *по* + дательный (местный) (в восточнославянских), *по* + винительный (в сербском).

Сербохорватский: *Овако трајаше по године дана.* Атан., Два идола. *и остане на страни по целу недељу дана.* Атан., Два идола. *...јер се знало да код њих мора бити најлепше, те да се гости, кад дођу, морају запрепашћивати, и да се после по читаве месеце прича и једнако одржава...* Станк., Неч. крв.

Русский: *К довершению несчастья такая подошла распутица, что за лекарством по целым дням, бывало, кучер едет.* Тург., Уездн. лек. *И чорт их носит по ночам, — сказал Никита.* Толст., Х. Мур. *По вечерам и по ночам ей слышно было, как в саду играла музыка, как ложились с треском ракеты...* Чех., Душечка. *К желтой яме по субботам сходились одни и те же удильщики.* Кочет., Журб. *И по ночам, знаете ли, ходила вдова княгиня на могилку и плакала.* Чех., Печенег. *Кашель по ночам мучит.* Тург., Ерм. и мельн.

Украинский: *Мало спали по ночах.* Коц., Фата М. *По ночах гуде свисток та горять вікна.* Коц., Фата М. *По цілих днях він вештавсь од стодоли до стайни, од обори на тік.* Коц., Фата М.

Словацкий: *Tak predsa je to pravda, — pomyslel som si, pripomína. júc sie reči ktoré včera večer viedli chlapci na baraku: o vatrách, čo vraj blčia po celé noci na horách, o ozbrojených chlapoch.* Jilem., Kron.

Верхнелужицкий: *Po cyłych dnjach wot ranja zahe hač do wječora pozdźe dyrbi tu...člowjek na polu stač ...* Páta., Serbsk. č.

Польский: *Po całych dniach chodził z nami.* Prus., Wp. *Będziesz ty wałęsać się po nocach.* Twór.

Как показывает исследованный материал, в современных славянских языках творительный употребляется в дистрибутивном значении и в значении меры времени. Однако он не представляет собой единственной формы выражения этого значения. Наряду с ним употребляются другие конструкции, а именно винительный беспредложный и предложные конструкции *по* + дательный, *по* + винительный, *по* + местный. Эти конструкции существуют параллельно с творительным. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет утверждать, что все эти конструкции (включая и творительный) употребляются в современных славянских языках на равных правах и, таким образом, представляют собой параллельные конструкции.

* * *

В славянских языках параллельно с творительным употребляется целый ряд беспредложных и предложных конструкций при обозначении

времени как момента. Пестрота форм выражения этого понятия времени особенно характерна для славянских языков. Рассмотрим прежде беспредложные конструкции.

Винительный падеж

Основное значение винительного как беспредложного, так и с предлогами, как это отметил А. А. Потебня[1], выражать „точное время", т. е. время, на всем протяжении совпадающее с действием. Однако памятники древних славянских языков показывают, что он мог употребляться и для обозначения времени как момента: **ютро видѣша** — в значении утром.

Старославянский: **І мимо ѵодѧште ютро видѣша смоковьницѫ оусъхъшѫ ис коренїѣ.** Мар. Марк., XI. 20., 161_8. **Вечеръ въдворїтъ сѧ плачь.** Син. пс. XXIX. 6, $34^{в}_{15}$.

Древнесербский: ...*Koja ga ne čini spat ni mirovat noć i dan.* Dpec. 216 (в значении ночью и днем).

Древнерусский: *Въ прошломъ... году осенесь Иштерекъ князь съ ними не кочевал вмѣсте.* А. вр. межд., 9, 16, 11. *А въ Русу ти, Княже, ездити осень а лѣтѣ не ездити;* Собр. Гос. Гр., 1, 1.

Нижнелужицкий: *rano kshehl ty moy gloss ssluschasch.* Niedersorb. Ps., 4. V.

Древнепольский: *Dacz wam pan wyeczyoor myǫsso geszcz...* B. Z., 61, 32. *Wyeczoor wzwyeczye, ysze gest was pan wywyodl z szemye Egipskyey, a rano uszrzyczye slawǫ́ pana.* B. Z., 61, 25.

Винительный времени весьма широко употребляется в исследованных нами памятниках славянских языков.

В памятниках древних славянских языков винительный времени отмечен только для обозначения утра и вечера. Очевидно, эти формы очень рано адвербиализовались и сохранились в славянских языках до настоящего времени, употребляясь параллельно с творительным.

Местный падеж

Его судьба сходна с судьбой винительного: так же как винительный, местный довольно широко употребителен в памятниках древних славянских языков, особенно древнерусского языка. Как и винительный, местный рано подвергся адвербиализации и в качестве наречия сохранился в отдельных славянских языках.

Старославянский: **І исцѣлѣ отрѫкъ томь часѣ.** Зогр., Мат. XVII, 18, 59_{21}. **Молите же сѧ да не бѫдетъ бѣство ваше зимѣ ни къ сѫботѫ...** Зогр., Мат. XXIV, 20, 88_{22}. **Полоуношті въстаѫ ісповѣдати сѧ тебѣ.** Син. пс., CXVIII, 62, $158^{в}_{12}$.

---

[1] А. А. Потебня. Из записок..., стр. 452.

Древнерусский: *Того же лѣта много дождя бысть вельми, наполнищася реки аки веснѣ, а хлѣба богъ оумножи.* Пск., 52. *Семь же лѣтѣ побѣдиша Ярослава Моръдва Муромѣ.* Новг. 1, 19. *Томь же дни въведоша в дворъ Арсению цьрньця съ Хутина.* Новг. 1, 61, л. 95.

Древнечешский: *Jeho rúcho i zimě i letě jediná žíně byla.* Zikm, Skl., 170.

Древнепольский: *Isczy iutrze przdze do nasz mily xp̄t, chosczy on vasz ma swø smerczǫ́ odkupicz.* Kg., 31, 21.

Эта конструкция исчезла в большинстве славянских языков еще в древний период их развития. Наиболее устойчивой она оказалась в южнославянской группе, где сохранилась до современности и употребляется параллельно с творительным, в отдельных случаях почти вытесняя его. Так, в современном сербохорватском языке для обозначения летнего и зимнего времени употребляется наречие — *лети, зими*; творительный для этих слов не употребителен: *Сем њих, редовно сваке ноћи лети, простире се са југа целом површином језерском ноћник или Ветерник.* Нуш., Крај. охр. *...и пију врућу замедљану ракију, по три чаше и лети и зими.* Срем., Прип. *Дува само лети.* Нуш., Крај. охр. *То је било зими године 1843.* Мат., Смора. *Ја лети здраво волим лаке хаљинеса свим лаке.* Лаз., Прип.

В современном болгарском языке употребляются наречия времени — *лете, зиме*, являющиеся по своему происхождению формами местного падежа.

В + винительный

Параллельно с творительным, винительным и местным падежами в значении момента времени в памятниках древних славянских языков представлена конструкция *в* + винительный.

Старославянский: **Г҃і б҃же с҃пиѥ моего ⌊ въ день возъвахъ и въ ношти прѣдъ тобоѭ.** Син. пс., $115^{в}_{16}$. **Въ день заповѣстъ г҃ъ милость своѭ.** Син. пс., XVI, 9, $55^{в}_{8}$ **Вь день слъньце не ожежетъ тебе ни лоуна ноштиѭ.** Син. пс., $168^{а}_{22}$.

Древнерусский: *Изволилъ нас владыко еще наказать: лошедь ту по ночам и в день стали беси мучить.* Жит. Авв., 141.

Сербохорватский: *Охридско Језеро не узнемирују многи ветрови, али их има силних, нарочито у зиму.* Нуш., Крај охр.

Украинский: *А дітям — то й удень забороняли туди бігати.* Мирн., Х. р. *Хвали день у вечір а жінку рано.* Франко, Гал.-рус. прип., 8773.

Польский: *Z rozgrzanej w dzień od promieni słonecznych ziemi wstają opary.* Sienk., L. Afr. *Oni w dzień bywali na morzu, a wieczorem zabawiali się w pokiera...* Sienk., Now. I.

Конструкция *в* + винительный в различных славянских языках имеет неодинаковую судьбу. В сербохорватском языке она употреб-

ляется параллельно с творительным, преобладая над ним (например, в значении 'вечером', употребляется преимущественно *в* + винительный: *у вече*). В польском языке *в* + винительный употребляется в значении 'днем', творительный в этом значении не употребляется. В украинском языке *в* + винительный употребляется в значении 'днем', 'вечером' параллельно с творительным, но преобладает в употреблении.

В + местный

В памятниках древних славянских языков в значении времени как момента отмечено широкое употребление этой конструкции. Исследованный нами материал показывает, что в количественном отношении эта конструкция преобладает над всеми остальными.

Старославянский: **Ти҃ бѣ҆ спнѣ҆ моего̀ въ де҆нь воꙁ҆ъ҆ва҆хъ и҆ въ нощи пр҆ѣ҆дъ тобо҆ю҃**. Син. пс., $115^{в}_{16}$.

Древнерусский: *а на дворѣ и передъ вороты на улицѣ, всегда слуги сметіе приметаютъ, а грязь и въ зимѣ снѣгъ прігребати.* Дом., 98.

Древнепольский: *Wednye kazal gospodzyn myloszyerdze swoye a wnoczy pyenye yego.* PP, 73, 14.

Современные славянские языки

Украинский: *Мене мати породила у темненькій ночи* (Тимч., 37). *Та в осени прямісінько й почвалав у город наймативсь.* Мирн. Хр. в.

Чешский: *Kolikrát jela Nella v noci za Gamzou, jak se umluvili.* P., Lidé na kříž.

Словацкий: *V noci zas idem.* Jilem., Kron.

Верхнелужицкий: *Nĕ, w nocy mje nichtó wuhladał njeje.* Kubš., Knjez. a. rob. *Jeho njeboh nan je w zymje wumrěł.* Haš., Mar.

Польский: ... *w zimie przenoszą nas one, jakby pod północne niebo i sprawiają nam pewien zawód.* Sienk., L. Afr. *A to było ius ve͡ńńe.* N., Wyb. *Ve dńe mi śe myśli, a v nocy mi śe śńi, is mój miąy jedźe maš na tę vrónu kóńicku.* N., Wyb.

Кашубский: *Chłopj noszą v lece k'obukj, jak Słovjncé, a v zémje kabusze.* N., Wyb. *Chto v lece próżnéje, ten v zémje głód pòczéje.* Cen., Skôrb.

Конструкция *в* + местный широко распространена во всех современных славянских языках за исключением русского.

В западнославянских языках и в украинском эта конструкция представляется как весьма активная, вытесняющая (в украинском) или вытеснившая (в польском, чешском) из употребления творительный в отдельных значениях. Так, в значении 'днем' в чешском и польском языках употребляется преимущественно *в* + местный, совершенно вытеснив творительный и почти (в польском) *в* + винительный.

В современном русском языке конструкция *в* + местный употребляется только при обозначении месяцев, лет: *в мае, в ноябре, в прошлом году* и т. п. В остальных случаях при обозначении момента времени употребляется творительный или *в* + винительный: *днем*, но *в этот день*.

Кроме указанных конструкций в славянских языках употребляется целый ряд других предложных конструкций, каждая из которых употребительна в отдельных славянских языках и не для всех значений времени.

Так, в отдельных славянских языках находим конструкцию *о* + местный, главным образом в значении 'на рассвете', 'в сумерки', 'на заре', хотя параллельно с ней может употребляться и творительный.

Польский: *Niekiedy o zmroku ...przekradała się do nich władza w przebraniu i siadała grzecznie...* New., Pam. z Cel. *Było to o zmroku.* Orz., Cham. *...Paweł o świecie już nad rzekę poszedł.* Orz., Cham.

Итак, в современных славянских языках наряду с творительным наблюдается употребление синонимических конструкций как предложных, так и беспредложных в значении момента времени. Пестрота в обозначении времени существовала уже в древних славянских языках, как показывают исследованные памятники. Это свидетельствует о том, что разнообразие в обозначении момента времени существовало еще в праславянском языке. Обусловлено оно, очевидно, с одной стороны, усилением роли предлогов в падежной системе склонения славянских языков, а с другой стороны, нечеткостью значения падежей, употреблявшихся в значении момента времени.

Вероятно, в праславянском языке для обозначения момента времени употреблялись параллельно винительный беспредложный, творительный и местный беспредложный. В памятниках древних славянских языков они употребляются параллельно, без видимой разницы в значении.

Следует отметить, что в основе временного значения винительного и местного падежей лежит значение протяженности времени: винительный, как известно, впоследствии стал основной формой для обозначения отрезка времени; в основе значения местного падежа лежит значение пути (как в пространстве, так и во времени). Таким образом, эти падежи выражали значение момента времени, вероятно, недостаточно четко. В качестве средств уточнения значения момента времени выступили предлоги, в результате чего значение момента времени не только сделалось более явным, но и приобрело различные оттенки в зависимости от предлога, выступающего с винительным или местным падежом.

Употребляясь параллельно с винительным и местным падежами, предложные конструкции оказались в условиях, благоприятных для адвербиализации.

Одновременно с этим наблюдается исчезновение беспредложных винительного и местного падежей в значении момента времени. Очевидно, эти процессы начались еще в праславянском языке и продолжались в обособившихся славянских языках неодинаково.

Наиболее определенная картина представляется для русского языка. Отличаясь таким же разнообразием форм для выражения момента времени, материалы русского языка в XVII в. представляют преобладание творительного над другими конструкциями и позже полное господство его при обозначении времен года и частей суток; предложные конструкции утвердились в русском языке для обозначения дней недели (*в* + винительный) и месяцев (*в* + предложный).

Сербохорватский язык представляет употребление творительного и синонимичных ему предложных конструкций, главным образом *в* + винительный: ср. *зором — у зору; вечером — у вече*, но следует отметить, что предложные конструкции более употребительны. Творительный устойчив в значении 'днем', 'ночью'; в этом значении он употребляется в старой форме *дању, ноћу*, что свидетельствует, как нам представляется, о его полной адвербиализации.

В западнославянских и украинском языках находим наибольшее разнообразие форм для выражения момента времени. Причем, как показывает исследованный материал, наблюдается тенденция к вытеснению творительного предложными конструкциями. В отдельных значениях творительный не употребляется в польско-поморской и чешско-моравской группе. Так, в значении 'днем' в этих языках творительный употребляется только в обороте *днем и ночью* в значении 'постоянно', 'всегда'. В остальных случаях выступает предпочтительно *в* + местный; параллельно с ним может употребляться *в* + винительный.

В украинском творительный *днем* может употребляться, но преобладает *в день*. Для других обозначений времени употребляется творительный, но реже, чем предложные конструкции.

Таким образом, славянские языки разделяются на две неравные группы по отношению к употреблению творительного времени в значении момента. В одну входят южнославянские, западнославянские и украинский, которым противостоит русский. В первой группе проявляется тенденция к вытеснению творительного и замене его предложными конструкциями. Причем в этой группе, надо отметить, сохранились также в значении момента времени старые наречия в форме винительного (чешско-моравская, польско-поморская группы и украинский) и местного падежа (сербохорватский).

В русском языке не наблюдается параллельного употребления творительного с другими конструкциями. Употребление творительного и предложных конструкций определенно разграничено: творительный употребляется для обозначения времен года и частей суток, предложные конструкции — для обозначения дней недели, месяцев. Только в отдельных русских говорах параллельно с творительным встречается употребление старых наречий в форме винительного падежа (*летось, зимусь, осенесь*) и в форме местного падежа (севернорусские говоры — *вечере, утре*)[1].

---

[1] См. об этом в диссертации О. В. Петрушининой, стр. 106.

Творительный времени, перешедший в наречия образа действия

В современных славянских языках можно отметить ряд наречий образа действия, которые восходят к творительному времени. К таким наречиям следует отнести наречия *разом*, *мигом* и т. п. в значении 'сразу', 'моментально' или 'сообща', 'вместе' (*разом*), а также наречие *часом* в значении 'случайно', 'иногда'.

Наречие *разом* зафиксировано почти во всех славянских языках: сербохорватском, русском, украинском, чешском, словацком, польском. Наречие *мигом* отмечено в русском языке, *духом* — в украинском, *махом* — в сербохорватском в том же значении 'сразу', 'моментально', что и наречие *разом*. В этом же значении в польском и чешском языках находим наречие *okamgnieniem*, *okamřikem*. Наречие *часом* отмечено в русском, украинском и польском языках.

Первоначальное значение творительного падежа существительных *час*, *миг*, *дух*, *раз* было чисто временное — 'в течение одного мига', 'в течение одного духа (вздоха)'.

Процесс адвербиализации творительного времени для рассматриваемой группы слов пошел дальше, чем в группе существительных, рассмотренных в разделе II. Временное значение здесь абстрагировано, обобщено настолько, что дает действию уже не временную характеристику (когда?), а качественную (как?), т. е. приводит к появлению у этих форм наиболее отвлеченного значения — значения образа действия.

Наречие *разом* в значении 'сразу', 'моментально'.

Сербохорватский: *Продаје разом а купује увршено.* Карац., речн. раз.

Русский: *Разом всю шайку накроете.* А. Остр.

Украинский: *Як Бог творив землю, то її перше варив, послі разом остудив.* Чуб., Гринч., IV, 3.

Чешский: *Hovor rázem umekl a mezi dveřmi zjevil se mladík prostřední postavy.* Jir., Fil. hist. *Bagár sevřel pevněji samopal a všechna ospalost s něho razem spadla.* Řez., Nást.

Польский: *Zbiegło się wszystko razem.* Putr., Wrześ.

Наречие *разом* может употребляться в значении 'сообща', 'вместе' и обозначает в этом случае единство действий или деятелей.

Русский: *А то, помилуй бог, как разом меня, Молчалина и всех с двора долой.* Гриб., Горе от ума.

Украинский: *Одна біда — не біда; от коли дві або три разом біди.* Ном., № 2190. Гринч., IV, 3.

Чешский: *Bagár, Gromov a Griněnko rázem vstali.* Řez., Nást.,

Словацкий: *A čo bude s nami! S nami čo bude! — nariekaly Cigánky všetky razom.* Jilem., Kron.

Польский: *I poszły dziewczyny i chłopaki razem na smentorz i tan duch stojał.* N., Wyb. *Przyśliśmy tu razem.* New., Pam z Cel.

Кашубский: *Wubóższi budowalé razę s chéczamy chlevjk, czasę é stodółkę.* Cen., Skôrb.

Как показано Т. С. Тихомировой[1], наречие *razem* в польском языке приближается к значению предлога, нередко употребляясь с одной и той же конструкцией *z* + творительный: *I Prosty razem z krzesłem obrócił się do Jana.* Ścib.-R., Węg. *Chciał przecież razem z innymi chłopcami chodzić na wycieczki.* Ścib.-R., Węg.

В приведенных примерах наречие *razem* находится в тесной взаимосвязи с последующей конструкцией *z* + творительный, составляет с ней единое целое, что ведет к потере им знаменательности и через этот этап к переходу его (наречия) в предлог. Однако этот процесс в польском языке далеко не закончен. Поэтому отнесение Малецким наречия *razem* к предлогам является преждевременным.

В современном русском языке в значении, очень близком к значению наречия *разом* 'моментально', 'очень быстро', употребляется наречие *мигом*, в украинском — *духом*, в сербохорватском — *махом*. Как уже указывалось, процесс адвербиализации этих слов совершенно аналогичен процессу адвербиализации наречия *разом*.

Сербохорватский: *Чадори нам махом попадоше.* Дан., Срп. синт., 567. *Махом ће ти поклонит' баштину.* Там же. *Отолен махом побѣгох.* Грлица, 3, 86.

Русский: *Гляди ведь, как дерево, а попробуй что-нибудь подложить, мигом украдет.* Гоголь. *А пикните, так мигом успокоит.* Гриб., Горе от ума. *Чтоб мигом тут было.* А. Остр.

Украинский: *Духом прибіг.* Ном., 5573 (Тимч., 30). *Духом збігае і принесе.* Гринч., I, 458.

В том же значении употребляются наречия *mžikem*, *okamgnieniem*, отмеченные нами в чешском, польском и кашубском языках.

Чешский: *Mžikem mne projelo radostné přesvědčení, že jsou to oba přátelé moji.* Ner., M. pov.

Польский: *Wskoczył jednym okamgnieniem.* N., Wyb.

Кашубский: *A tīm — vokamĕrgńiłnịm ta frẽi̯lănă vȁvolä: „Tä — glȁpjišu!* Lor., Sl.

Связь значения образа действия с временной функцией творительного падежа ощущается и в наречии *часом*, зафиксированном нами в языках русском, украинском, польском в значении 'случайно', 'может быть'.

Наречие *часом* особенно широко распространено в русских говорах.

Уже решила, по дурости, не мириться ли, часом, прискакал. Леонов, Рус. лес. *Не ты ли, часом, сообщил в милицию об облигации?* Пан., Врем. года.

Украинский: *На руках понесут тебе, щоб не вдарився часом.* Гринч., IV, 446. *А він не прийде до нас часом?* Гринч., IV, 446.

Польский: *Nie znalazł pan czasem kobiety swego gatunku?* Prus. Lalka II.

---

[1] См. стр. 313 и сл. настоящего исследования.

Наречие *часом* употребляется в славянских языках в значениях 'иногда', 'порой', 'время от времени'.

Сербохорватский: *Čàsom vedro, a čàsom oblačno.* Дан., Срп. синт., 357. *Часом осјети болну чежњу, часом силну срубу.* Дим.

Русский: *Часом с квасом, порою с водою* (Даль).

Украинский: *І в погоду часом грім ударить.* Гринч., IV, 446.

Словацкий: *No každý človek musí časom skladať účty.* Kukuč.

Польский: *Ach, Papa jest czasem tak... impétueux, tak impoli...* Krucz., Kord. ch.

Итак, мы можем сделать следующие выводы.

1. В современных славянских языках творительный времени выступает в двух своих древних значениях: время как отрезок, в течение которого происходит действие, и время как момент действия. Кроме того творительный времени имеет два второстепенных значения: оттенок дистрибутивности и меры времени.

2. Славянские языки утратили первоначальное значение времени как отрезка, полностью охваченного действием. Это значение стало выражаться винительным падежом без предлогов или с предлогами.

3. Творительный времени как момента действия широко распространен в современных языках. Однако он не является единственной формой выражения рассматриваемого значения.

Славянские языки характеризуются разнообразием форм выражения времени. В современных славянских языках представляется сложная картина взаимодействий творительного в значении момента времени и различных предложных и беспредложных конструкций. Следует отметить лексические особенности употребления творительного: например, в западнославянских языках творительный употребляется в сфере одних слов, в русском — в других (так, в чешском и сербохорватском возможно употребление творительного *субботой*, а в русском невозможно; в русском употребителен творительный *днем*, в чешском неупотребителен и т. д.)

4. Творительный в значении момента времени наиболее последовательно употребляется в русском языке. В русском языке существует точное разграничение для употребления творительного момента времени и предложных конструкций: творительный — при обозначении времен года и частей суток, предложные конструкции — при обозначении месяцев, недель и лет.

В остальных славянских языках такой четкости употребления нет даже в том узком лексическом кругу слов, которыми мы ограничиваем наши наблюдения. Для обозначения одного понятия времени в них могут употребляться параллельно самые разнообразные конструкции: творительный, в + местный, в + дательный, о + местный.

5. Вытеснение творительного времени другими конструкциями обусловлено, с одной стороны, недостаточной четкостью выражения значения этим падежом и, с другой стороны, общей тенденцией творитель-

ного времени к абстракции временного выражения, что в свою очередь объясняется обстоятельственной функцией этого творительного в предложении. Эти условия благоприятствуют адвербиализации творительного. Вследствие адвербиализации творительный не может выражать различных оттенков значения, и в языке появляются новые средства для выражения этих оттенков.

Все приведенные факты свидетельствуют о длительности процесса вычленения временных отношений в славянских языках и показывают, что этот процесс в современных славянских языках еще не закончился.

Глава десятая

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ МЕСТА БЕСПРЕДЛОЖНЫЙ

Творительный места в славянских языках обозначает путь, по которому перемещается предмет. Предмет может пересекать пространство, выходя за его пределы, и может двигаться в пределах данного пространства (*прошел лесом, пошел лесом*). Сам творительный места не определяет вида пространства. Например, в предложении *пошел подземным ходом* нельзя установить, мыслится ли данное пространство как пересекаемое (в смысле 'через подземный ход') или как протяженное, по которому совершается перемещение (в смысле 'по подземному ходу'). В каждом конкретном случае на это указывает контекст или глагол.

Творительный со значением непересекаемого пространства и творительный со значением пересекаемого имели различную судьбу. Творительный, обозначающий пересекаемое пространство, вступал во взаимодействие с конструкцией *по* + дательный падеж в русском языке и с конструкцией *по* + местный падеж в сербохорватском, украинском, белорусском и во всех западнославянских языках. Творительный, обозначающий пространство как пересекаемое, взаимодействовал всюду с конструкцией *через* + винительный падеж.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ МЕСТА СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕПЕРЕСЕКАЕМОГО ПРОСТРАНСТВА

Творительный со значением непересекаемого пространства в древних славянских памятниках обозначал, как правило, место, по которому совершается целенаправленное движение. Цель движения может быть указана в данном предложении или устанавливается из более широкого контекста.

Старославянский: **Не възвратишѧ сѧ къ иродоу; нъ инѣмъ пѫтемъ отідѫ въ странѫ своѭ...** Ассем., Мат. II, 174_9.

Древнесербский: *Да принесе к наамь да сьда кому* к *дльжно и да поиде пѹтемь достоинѣмъ.* Стој I., 211.

Древнерусский: *Михаилъ царь изиде с вои брегомъ и моремъ на болгары.* П. вр. л., 17.

Древнечешский: *Jmát' tú cestú tento den sama desáta jíti.* D. chr., 24.

В серболужицких языках творительный со значением непересекаемого пространства не употребителен.

Древнепольский: *Tedy poydzesz drogǫ́ swǫ́ y srosumyesz yǫ́*. B. Z., 159, 8.

Лишь в единичных случаях в памятниках отдельных языков отмечается творительный места при глаголах нецеленаправленного движения.

Старославянский: **хотѧ же ходити многовлънънымъ пѫтьмь поустыньныихъ**. Супр., 547_{12}.

Древнерусский: *Незнаемою страною, языкомъ испаленым, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньем*. П. вр. л., 147. *Скитаются миромъ зъ женою и с робятишки и яровые пашни не сиял*. Бл. б. Од., 75, 22.

Древнечешский: *Y dnes, kto tú cestú chodie, též se jemu to přihodí*... Fl., Now. r., 103.

Этот творительный обозначает пространство, в пределах которого совершается перемещение (ср. в русском вместо *скитаются миромъ*, в другой грамоте вариант: *брожу в мире*). Обычно же при глаголах нецеленаправленного движения во всех изученных нами памятниках употребляется конструкция *по*+дательный или местный, обозначая место, в пределах или на поверхности которого совершается перемещение. Приведем примеры.

Древнесербский: *Да ходе трьговци дȣбровьчки свободно по моѡи змли... вьси дȣбровьчане кире ходе по моему владанию*... Стоj., I, 2.

Древнерусский: ... *и почаша ѣздити оканьнии по улицамъ пишюче домы христьянскыя*. Новг., 63.

Древнечешский: *Sám šest po zemiéch sie túláše a kniéžicié dvory ohledováše*. D. chr., 178.

Нижнелужицкий: *Psheto kotarechs po jogo drogach choishe te ssedneje slostzy nësköntzuju*. Niedersorb. Ps., 141, 3.

Древнепольский: *Czorky bǫ́dǫ́ byegacz po muru*. B. Z., 43, 31.

В ряде случаев и при глаголах целенаправленного движения пространство обозначается конструкцией *по*+дательный или местный. Употребление данного оборота при глаголах целенаправленного движения наблюдается во всех славянских языках уже с древнейших памятников.

Старославянский (отмечен один пример): **Повели ми приті к тебѣ по водамъ**... Ассем., Мат., XIV, 22, 34.

Древнесербский: *И да гредȣ ваши людие по моеи земли с трьгомь безь вьсаке боѣзни*. Стоj., I, 3.

Древнерусский: *А князь Юрьи поиде въ Орду изъ Заволочья по Камѣ рѣцѣ*. Новг., 97.

Древнечешский: ... *běžie bez studu po uliciech, po domiech*. Chelč., S. v., 298.

Нижнелужицкий: *Twoy dobry duch mno po rowney drose wëhshy*. Niedersorb. Ps., 169.

Древнепольский: *Y szly sǫ́ǫ́ trzy dni po puszczy, a nye nalyeszly sǫ́ wodi*. B. Z., 60, 8.

Во многих случаях сам контекст показывает, почему здесь при глаголе целенаправленного движения употребляется конструкция *по*+

дательный или местный. Ср. примеры из русского языка: *И поехал есми с ним на низ Волгою* (Аф. Ник., 26) и *Весною на плотах по Ингоде реке поплыли на низ* (Авв., 91). В первом предложении пространство обозначено только как путь движения. В нем не уточняется, что движение идет по поверхности. Во втором — уточняется взаимосвязь между пространством и движением, указывается, что движение происходит по поверхности данного пространства.

А. М. Пешковский указывал, что предлог *по* с дательным падежом (с дательным — для русского языка) обозначает, что „действие происходит на поверхности предмета, названного в дательном, но не на всей поверхности, а лишь в отдельных пунктах, во всяком случае, не одновременно на всей поверхности“ [1]. Этим и объясняется то, что конструкция *по* + дательный или местный может быть употреблена при глаголах любого лексического значения (*стояли по городам*, *прятались по углам* и т. д.), а также при глаголах нецеленаправленного движения. Что касается глаголов целенаправленного движения, то при них *по* + дательный или местный употреблялся в тех случаях, когда необходимо было подчеркнуть, что данное целенаправленное движение происходит по поверхности пространства или не выходит из пределов данного пространства. Таким образом, *по* + дательный или местный по своей природе давал более точную характеристику взаимоотношений пространства и движения, нежели творительный места. Употребление данного оборота при целенаправленных глаголах наряду с творительным места объясняется не тем, что эти конструкции по значению совпадают друг с другом, а тем, что в целом ряде случаев бывает важно не столько обозначить путь движения, сколько определить другие оттенки во взаимоотношении между движением и пространством.

Итак, каждая из указанных конструкций, как показали данные памятников XI—XVII вв. различных славянских языков, имела свое собственное значение. Однако сопоставление позднейшего материала говорит о том, что с течением времени по различным славянским языкам установились неодинаковые отношения между творительным места и оборотом *по* + дательный или местный. В одних языках возобладал *по* + дательный или местный за счет творительного. В других — наоборот, большее распространение получил творительный места. В результате, в одних языках мы последовательно находим *по* + дательный или местный там, где в других языках употребляется творительный места. Сравним чешский оригинал с русским переводом.

Чешский язык	Русский перевод
Stáňa se ani nedivil, že máme v Praze metro — a tou podzemní drahou projížděly vagony plné lidstva. P., Hra s ohn.	*Станю не удивляет, что в Праге метро, и по этой железной дороге проезжают переполненные вагоны.*

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934, стр. 286.

Ten holandský vrták... pobíhal tím labyrintem jako vyplašený ježek a nechal se chytit... P., Hra s ohn.

Этот голландский болван... носился по лабиринту рейхстага, как вспугнутый еж, и попал нам прямо в руки.

...červená tramvaj prolézala po malu jako hmyz mosty a nábřeží. P., Lidé na kříž.

...трамваи, похожие на насекомых, медленно ползли по мостовой и набережной.

Все современные языки по соотношению в них творительного места и оборота *по* + дательный или местный распадаются на три группы. Рассмотрим каждую из них.

1. Языки, в которых творительный места вышел из употребления или более ограничен в употреблении, нежели конструкция *по* + дательный или местный (русский, серболужицкие, словенский языки).

В серболужицких языках творительный места не употребителен. Во всех случаях употребляется конструкция *по* + местный. Приведем примеры при глаголах целенаправленного движения.

Верхнелужицкий: *Ječhajće tola po knježich łukach abo polach, abo hdžežkuli so wam hewak lubi.* Kubšč., Knjez a rob.

Нижнелужицкий: *Wjasoły psyzk gnascho psched nima po droze Serb. ... po tom puschu dalej schěgnómy.* Serb.

Приведем примеры при глаголах нецеленаправленного движения.

Верхнелужицкий: *Něhdy khodz'eše po kraju kowar'. Fr. Kral-Rachlowc, što mi wowka powědała.* Páta, Serbsk. č.

Нижнелужицкий: *A ganjašo s nim po płotach a gumnach.* Čas. mac'.

Так же, как и в серболужицких языках, в словенском языке творительный места не употребителен. Всегда употребляется конструкция *по* + дательный: *In sta šla vsak po svoji poti.* Cank.

В резьянских говорах: *Anzát tú-nedějo ə-šów po-pőt'i za jit'ь.* Б., Ю.-сл.

Русский: Творительный места употребляется реже, чем *по* + дательный, обычно при глаголах целенаправленного движения: *Надя шла лесной полосой, от одной яблоньки к другой...* Крут., Родн.

В исследованных нами записях русских сказок творительный отмечен лишь при глаголах целенаправленного движения: *И поехали они на охоту почтовым трактом и ехали несколько верст.* Онч., Сев. ск.

Оборот *по* + дательный широко употребляется при глаголах как нецеленаправленного, так и целенаправленного движения: *...а Надя еще ходила по комнате и думала.* Чех., Душечка. *Затем он идет по улице, сам маленький, но в большом картузе.* Чех., Душечка. *Я возвращался с моря по крутой песчаной улице.* Нагиб., Ком. *Вот идет по городу, задумался...* (говоры). Сокол., Сказ. и пред. Бел. кр.

2. Языки, в которых творительный места и конструкция *по* + дательный или местный распространены в равной мере, но употребляются дифференцированно: при глаголах целенаправленного движения — тво-

рительный места, при глаголах нецеленаправленного движения — *по* + дательный или *по* + местный (сербохорватский, украинский, словацкий, польский, кашубский языки).

Сербохорватский: *Сањао сам: а ја као идем неком ливадом.* Лазар., 111. *Река вијугаво тече још зеленом долином.* Дом., Укид.

Во многих случаях в русском языке здесь *по* + дательный Например:

Русский	Сербохорватский перевод
Очевидно, то были немцы, и ехали они по той же дороге. Полев., Пов. о наст. чел.	*Очигледно, то су били Немци, који су ишли истим друмом.*

Украинский: *За коливоротом по полі око м'яко бігло снігами аж до крайнеба і не мало на чому спинитись.* Коц., Ф. М. *Иду йа сибі серединойу дороги* (говоры). Гал., Рус. демонол.

Словацкий: *...ked' išiel pol'om alebo dedinou obzrela ho každá dievka.* Kukuč.

Польский: *Lub przemknął środkiem ulicy oficer na koniu głęboko otulony płaszczem.* Krucz., Kord. ch. *Jak pšyšed večur, rowamy, polamy ućekali postańce...* N., Wyb.

Кашубский: *Tï tă·puš tǫ̀ — steǵńöǫ̀, tę̀i̯-cä potköǫ̀ trä — psằ.* Lor., Sl.

Лишь изредка в этих языках при глаголах целенаправленного движения употребляется оборот *по* + дательный или местный.

Сербохорватский: *Обојица већ се стиде ићи по сокаку, канда кроз шибе пролазе, тако сви на њих гледаіу.* Игњ., Чуд. св.

Словацкий: *A už boli Nemci tu! Prihnali sa po starej ceste a vnikli do osady...* Jilem., Kron.

Польский (говоры): *Idąc po tej nowej drodze doszedł aż do pisarstwa gminnego.* Sienk., Now. I. *Ano jak postańce... natyǯmost pofšadali na kuńe, a inne to na pexty v dyrdy ućekali pu žyce...* N., Wyb.

В исследованных материалах кашубского языка *по* + местный при глаголах целенаправленного движения не отмечен.

Обычно же оборот *по* + дательный или местный во всех этих языках используется при глаголах нецеленаправленного движения.

Сербохорватский: *Хвата се, да боме, њоме и друга ситна риба, која плови по крају.* Нуш., Крај Охр. *Баш сам ја, шетајући и по ходнику почео о томе размишљати.* Лаз., Прип.

Украинский: *Ходять собі по полю та й міряють.* Коц., Ф. М. *Али бігайи дитина по вулиці тай плачи* (говоры). Гал., Рус. демонолог.

Словацкий: *Po horách chodia teraz všelijaki l'udia.* Jilem., Kron.

Польский: *Akademicy chadzali gromadkami po ulicach.* Krucz., Kord. ch. *Hodzieł po ziemi, a pote po płocie* (говоры). N., Wyb.

Кашубский: *Krącêl cę pan Kreckj pó svjece...* Gen., Skôrb.

Широко используется данный оборот и при глаголах со значением распространения. Приведем примеры.

Сербохорватский: *Увозна трговина страних прерађених еспапа, почиње све већма да се шире по Србији.* Марк., Срб. на ист.

Украинский: *Жовти курчата розкотились по грядках, як горох.* Коц., Ф. М.

Словацкий: *Chlapci i dievčatá soskákali, rozbehli sa po lúke. Jilem.*, Kron.

В исследованных материалах польского языка глаголы со значением распространения не встретились. Иногда при глаголах нецеленаправленного движения и при глаголах со значением распространения отмечается в употреблении и творительный места.

Сербохорватский: *тек што отац оде, отуда, из велике собе, кујном, целом кућом одјекну Томчин страшан глас.* Станк., Неч. крв. *Никад човек у овој жени не би могао познати ону прљаву девојку Сару, што је селом скитала.* Вес., Од срца. *Тадашња нова општинска управа ишчупала, с обећањем да ће и ту и целом улицом лево и десно засадити лепше дрвеће...* Срем., Из стар.[1].

Украинский: ... *Мажуга накрив плечі мішком і ходіть селом.* Коц., Ф. М. *Борода му земљóў са волочé, такúй стáрий* (говоры). Етнограф. мат. IV, 46.

Словацкий: *Ďaleko za nimi, tak d'aleko, že človeka nerozoznáš hlbokou snehovou kol'ajou brodí sa chlap.* Jilem., Kron.

Польский: *I oto brodząc czarną ulicą wiejską... rozważał Kazimierz osobliwą naturę tych węzłów najmocniejszych...* Krucz., Kord. ch. *chodnikami sunęły tłumy...* Krucz., Kord. ch.

Исследованный материал показал, что творительный места при глаголах нецеленаправленного движения и при глаголах со значением распространения чаще употребляется в сербохорватском языке, нежели в украинском, словацком, польском.

3. Чешский язык, в котором творительный места широко употребляется.

При глаголах целенаправленного движения: *Náhle proběhl pohyb shromážděním.* P., Lidé na křiž. *Lepši budete mi(d)-diš pudete toudle vozovou cestou, pak chvilku lesem a ste f šašovicich.* Havr.

При глаголах нецеленаправленного движения: *Brodili se vysokou travou a kvítím.* Němc., 5 pov.

Широкое распространение творительного места при глаголах нецеленаправленного движения составляет особенность чешского языка. В других славянских языках в этих условиях, как правило, употребляется конструкция *по* + дательный или местный. Например:

---

[1] Кроме того, в сербохорватском языке творительный места употребляется также и после глаголов, не обозначающих движение и распространение. Например: *Дѫбровчане да живѹ хѹмсь̃комь землѡ̃м ѹ них̃ законѹ* — пов. 44 (1332, Дубровник); *Tad biše zelen lis dubravom povenu'* — Barakovi; *Jep je пала магла Косовиjем* — Н. п., III, *219*; (см. М. Ивић. Значења српскохрватског инструментала и њихов развој. Београд, 1954, стр. 122, § 65; также стр. 123, § 67)

В исследованных материалах других славянских языков такое употребление нами не отмечено.

Чешский	Русский перевод
A také, když se vrátili domů paní Gamzová, aniž se měla k svlékání, jala se přecházet pokojem. P., Lidé na kříž.	*Когда они вернулись домой, Нелла, не раздевшись, начала ходить по комнате.*
Vlakem chodil voják, to už nebyl krasnoarméjec, byl to polský voják ... P., Hra s ohn.	*По поезду ходил военный, но уже не красноармеец, а польский солдат.*
Ondrej kroužil pokojem a bral věci do ruky. P., Lidé na kříž.	*Андрей кружил по комнате и брал в руки то одну, то другую вещь.*

Очень широко употреблен в современном чешском языке творительный места при глаголах со значением распространения и некоторых других: *Slunce zatím vzešlo a zlaté jeho světlo rozlilo se pokojem.* Jir., Fil. hist. *Pak zazvučely všechny zvony a zvuky jich roznášely se údolím.* Jir., Skal. *Zaklepání na dveře se rozlehlo pokojem.* Řez., Nást. *Stanislav se rozhlédl pokojem zpod čela.* P., Lidé na kříž.

Конструкцию *по* + дательный или местный в современном чешском находим в тех же условиях, что и творительный, т. е. при глаголах целенаправленного и нецеленаправленного движения, но гораздо реже.

При глаголах целенаправленного движения: *A jeli a jeli po širé ruské zemi...* P., Hra s ohn. *Třetí den v poledne šel po Vaclavském...* P., Lidé na kříž. *Po tranofcki sołnici huš taki bježi jeren korofskij zedňik.* Havr.

При глаголах нецеленаправленного движения: ... *a paní Polanská dnes chodila po zahradé. P.*, Lidé na kříž. *Skakała lišyčka po płotu a vlez ji trnečeg do nohy.* Havr.

Выбор творительного места или оборота *по* + дательный или местный в ряде случаев объясняется, очевидно, требованиями стиля. Целенаправленность или нецеленаправленность движения в этих случаях значения не имеет. Например:

Pobíhali dvorcem hlídajíce. Jir., Skal.	*Mluvil Gamza v nadšení a pobíhal po pokoji.* P., Hra s ohn.
Chodbičkou prošel němý průvodčí ... P., Lidé na kříž.	*Slečna Kazmarowá proběhla po chodbě ke sborovně* ... P. Hra s ohn.
Motyl kroužil pokojem jako zahradou v slunci. P., Lidé na kříž.	*Uplněk krouží po střešovickém nebi jako za starých žižkovských časů.* P., Hra s ohn.
Stanislav se rozhlédl pokojem zpod čela... P., Lidé na kříž.	*Rozhlédl se po kanceláři, podíval se na ženu.* P., Hra s ohn.

Таким образом, чешский язык сравнительно с другими языками характеризуется следующими особенностями:

а) конструкция *по* + местный в нем употребляется значительно реже, чем в других языках. Употребляться она может как при нецеленаправленных, так и при целенаправленных глаголах;

б) творительный места весьма распространен, при этом значительно чаще, чем в других языках данный падеж употребляется при глаголах нецеленаправленного движения и при глаголах со значением распространения.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ МЕСТА СО ЗНАЧЕНИЕМ ПЕРЕСЕКАЕМОГО ПРОСТРАНСТВА

Творительный места со значением пересекаемого пространства употребляется при глаголах движения (*прошел лесом*) и при глаголах с другим лексическим значением (*смотрел, беседовал, выбросил*). При глаголах движения такой творительный выражается любым существительным, обозначающим место (*поле, лес, деревня, дверь, окно и т. д.*). При глаголах с другим лексическим значением данный творительный выражается существительными со значением отверстия (*окно, дверь, ворота, горло, рот и т. д.*). Поэтому мы рассматриваем их отдельно.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ, ВЫРАЖАЕМЫЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОТЯЖЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

Творительный со значением пересекаемого пространства, выражаемый существительными типа *лес, поле, дом, село и т. д.* употребляется всегда при глаголах целенаправленного движения. Значение пересекаемого пространства передается не самим творительным места, а контекстом или следует из значения приставки глагола (*проехал селом*). Такой творительный отмечен почти во всех славянских языках.

Сербохорватский: *И све док су пролазиле чаршијом, прелазиле онај мост...* Станк., Неч. крв.

Русский: *Они прошли просторной, светлой комнатой, уставленной узкими столами.* Фед., Гор. и годы.

Украинский: *...и переправивши Сулой, сталисмо.* Лет., Сам. 66.

Чешский: *Po chvíli prodrala se zástupem diváků.* Jir., Fil. hist.

Словацкий: *Prišiel odzadu, dvorom, len čo zbadal, že som zašiel do domu.* Jilem., Kron.

Творительный со значением пересекаемого пространства очень рано стал исчезать из употребления, заменяясь конструкцией *через* + винительный. Исследованный нами материал показал, что *через* + винительный был широко распространен уже в древнейших памятниках.

Старославянский: **і тъ прохождаашє сквозѣ грады.** Зогр., Л., VIII, 1.

Древнесербский: *и по тола да си гред кралевьства ми скрозѣ мою землю.* Stoj., I, 19.

Наряду с *через* + винительный в древнесербском языке в значении пересекаемого пространства отмечена конструкция *преко* + родительный (в значении 'через', 'по поверхности').

Почьньше ѡть Гѳцерыча поутемь, кои греде... прѣзь шоумоу... и прѣко прѣзь шѳмоу до поути, кои греде... прѣко рѣке... Mon. Serb., CXI, 1336—47, 122—23.

Древнерусский: *и конь мъножьство помре, яко нѣлзѣ бѣше доити до търгу сквозѣ городъ, ни по грѣбли ни на поле выити смороды.* Новг., 30.

Древнечешский: *Když skrze Medulán iedieše obec iu zabiti chtieše.* D. chr., 83.

Нижнелужицкий: *A wony wottul preetcz vsechu a schly su psches Gallileisku.* Ev. Sv. Mark., 226.

Древнепольский: *Przepuscz myǫ, asz przedǫ przes twǫ zemyǫ.* B. Z., 173, 34.

В современных славянских языках, за исключением чешского, творительный места со значением пересекаемого пространства также встречается редко. Он заменен конструкцией *через* + винительный. Такое положение наблюдается в сербохорватском, словенском, русском, украинском, словацком, серболужицких, польском, кашубском языках.

Сербохорватский: *И јуреħи кроз шуму, кроз таму, заклањајућ и га од месечине, однео га у хан.* Станк., Неч. крв.

Кроме оборота *кроз* + винительный в современном сербохорватском языке в значении пересекаемого пространства широко представлен оборот *преко* + родительный.

Млак вјетар продухује преко кућâ. Коч. *А ваљало му је преко планине прије ħи.* Коч.

Русский: *Вот, проезжаем мы через вашу деревню.* Тург., Ерм. и мельн. *Задумавшись он побрел через двор.* Двор., Юлька.

Украинский: *Тільки дві протоптані вузенькі стежечки тягнуться через увесь двір до двох невеличких будинків...* Мирн., Х. р. в.

Словацкий: *Cez našu obec neprejde bez nášho vedomia ani myš.* Jilem., Kron.

Верхнелужицкий: *Cuza třěcha b'dz'e mje hospodowac', když ja přez kraj serbski pojědu.* Now., Posl.

Нижнелужицкий: *Melzazy gibacho se mała kopiza jězdnikow pzches zarny lěs.* Serb.

Польский: *Wreszcie z wiesołym turkotem bryczka pana Słotwińskiego potoczyła się przez wieś, drogą wiodącą ku Kaliszowi.* Krusz., Kord. ch.

Кашубский: ...*te — vò'n — mušėl přiez vodą jãxăc.* Lor., Sl.

Значительно реже в отдельных из указанных языков для обозначения пересекаемого пространства употребляется творительный места. В частности, такой творительный отмечен в русском языке.

Пройдем кухней. Чех., Три сестры. *Прихотливая череда запахов проходила комнатой.* Фед. Необ. л. *Кирилла провели в неказистый дом канцелярским двором.* Фед., Перв. рад.

В чешском языке взаимоотношения между творительным места и конструкцией *через* + винительный иные, нежели в остальных язы-

ках, перечисленных выше. В нем понятие пересекаемого пространства обычно передается творительным падежом, который используется во всех случаях.

Poslední zlatá záře nachem protkávaná vnikla stromovím... Jir., Skal. *O desáté hodině přišla soudní komise a vešla do kramu domem.* Ner., M. pov. *Korespondence Navlíčkova byla ovšem přísně centurována, procházela vždy policejním kabinetem.* F., Vyb. ze st. *U komory stojící jabloň tiše ševelila, rozložitou její korunou mrkaly jasné hvězdy.* Jir., Skal. *Hustým dýmem, jenž naplňoval jizbu, kmitala se zář lampičky.* Jir., Skal.

Мы располагаем большим количеством примеров такого употребления творительного места. В других славянских языках в подобных случаях употребляется *через* + винительный. Ср. например:

Чешский	Русский перевод
Dům-lod' je vsechny vezla tmou do příštích dnů. P., Lidé na kříž.	*Дом-корабль вез всех их сквозь тьму в грядущее.*
Stanislav vyprovázel Ondřeje bukovým lesem. P., Lidé na kříž.	*Станислав провожал Андрея через буковый лес.*
Vrah ... projde některým z průchodních domů z opuštěného nábřeží do živé Královské, třídy... P., Hra s ohn.	*... он пройдет с пустынной набережной через какой-нибудь проходной двор к оживленному Краловскому проспекту...*
Nedomluvil, když Ondřej si povšiml, že jakýsi chlapec se proplétá tlačenicí jako z novinou. P., Lidé na kříž.	*Оратор еще не кончил, когда Андрей заметил, что какой-то подросток проталкивается через толпу с таким видом, словно несет важную новость.*

Показательно также сравнение примерно однотипных случаев

Творительный места	*Через* + винительный
Чешский	Русский
Vyšel ze dveří temnou síňkou do plného světla venku. P., Hra s ohn.	*Частный поверенный проходил со своим портфелем через сени, чтобы сесть в тарантас.* Чех., Печенег.
O desáté hodině přišla soudní komise a vešla do krámu domem. Ner., M. pov.	*Жмухин ... через залу и сени прошел в кухню.* Чех., Печенег.
Poslední zlatá záře vnikala stromovím. Jir., Skal.	*Пойдет Ермолай со своим Валеткой через кусты да водомоины.* Тург., Ерм. и мельн.
	Сербохорватский
	Рака удари кроз трње (Рака побежала через кусты). Глиш., Рога.

Лишь в редких случаях в чешском языке используется конструкция *через* + винительный. *Z nechlebské radnice vykročili dva muži a mìřili šikmo přes náměstí k Nádražní ulici.* P., Lidé na kříž. *Také běhala přes ulici slecnám pro kávu...* P., Lidé na kříž. *Tak šla přez dvúr ta stráňouská tetička a viď í ...* Havr.

Анализ примеров всех славянских языков показал, что творительный места мог передавать значение пересекаемого пространства главным образом при глаголах движения с приставками: *про-*, *пере-*, *вы-*, *(в-)*. Таким образом сфера употребления творительного была до некоторой степени ограничена. Поэтому очень рано, очевидно, еще в праславянскую эпоху, для передачи пересекаемого пространства стал использоваться *через* + винительный, который мог употребляться при любом глаголе движения. К началу письменного периода жизни отдельных языков этот оборот был широко употребителен. Об этом говорит значительное распространение оборотов в древнейших памятниках. В отличие от оборота *по* + дательный или местный, который, возникнув на базе творительного со значением непересекаемого пространства, получил свое собственное значение, конструкция *через* + винительный никогда не имела своего особого значения. Она лишь уточняла то, что могло быть выражено творительным места со значением пересекаемого пространства. Таким образом, творительный и *через* + винительный были совпадающими конструкциями. Разница между ними состояла только в том, что возможности употребления конструкции *через* + винительный были шире. Поэтому отношения между ней и творительным со значением пересекаемого пространства в славянских языках были проще и ясней, нежели отношения между творительным непересекаемого пространства и оборотом *по* + дательный или местный. В большинстве славянских языков творительный места оказался вытесненным оборотом *через* + винительный как более точным, имеющим более широкую сферу применения. Лишь в чешском языке он сохранился в полной мере. *Через* + винительный используется в нем только в особых случаях, когда творительный совершенно не может быть применим, например, для обозначения движения поперек (*через улицу*) и в некоторых других случаях. Таким образом, в чешском языке получил развитие более древний способ обозначения пересекаемого пространства.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ, ВЫРАЖАЕМЫЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТВЕРСТИЯ

Творительный, образованный от существительных: *окно*, *дверь*, *ворота* и др., употребляется как при глаголах движения, так и при некоторых других глаголах: *смотреть*, *беседовать*, *брать*, *бросать*, *спускать* и т. д. Значение пересекаемого пространства здесь передается лексическим значением существительных, выступающих в творительном падеже. Поэтому творительный, выраженный такими существитель-

ными, всегда обозначает место, через которое совершается перемещение или производится другое действие.

Если же в творительном места выступает существительное, которое может обозначать место как отверстие и как пространство, имеющее протяженность, например, *труба*, *горло*, *туннель*, *ход* (подземный), то такой творительный может выражать значение пересекаемого и значение непересекаемого пространства, в зависимости от того, как трактуется место, обозначенное данным существительным (например, *вода потекла трубой* — может быть и 'по трубе' и 'через трубу'). Поэтому творительный *горлом*, *трубой*, *туннелем* и пр. может соотноситься как с конструкцией *по*+дательный или местный, так и с оборотом *через*+винительный. Например, украинские говоры: *Пішло по горлі як з маслом.* Франко, Гал.-русс. прип., 6730. *Що мав, то крізь горло пустив.* Франко, Гал.-русс. прип., 6730.

В древнейших памятниках такой творительный довольно распространен.

При глаголах движения

Старославянский: **вьнидѣте жѧзькыми краты, ѥкѡ пространа врата и ширѡкъ пѫть къводѧи къ пагꙋбѣ**... Ассем., Мат. VII, 12 — 21, 158_{30}.

Древнерусский: *Да входять въ городъ одинѣми вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья.* Пов. вр. л., 36. В более позднем памятнике: *Три залавка через всю реку зело круты, не воротами што пловет, ино в щепы изломает*... Жит. Авв., 90.

Украинский: *Але предся фортель лядскій а лацини превротность найшла дѣру, которою бы мѣла вʼлѣзти в тотъ урядъ гетманства и опановати.* Лет. Сам., 51.

Древнечешский: *Nebo kněží nesnadně mohú dveřmi vjiti k těm kostelóm.* Chelč. S. v., 346.

В исследованных памятниках других славянских языков такой творительный не встретился.

При других глаголах

Старославянский: **ѹстꙗште же извѣстьнѣѥ видѣти къзлѣзоша на ѹраминѫ тьминичьнѫѫ и дъръцами съмоштраахѫ долоу**. Супр., 184_{8}.

Древнерусский: *аще ли будяше нужьное орудье, то оконцемъ маломъ бесѣдоваше в суботу ли в недѣлю*... П. вр. л., 123. *Приносяшеть же ему великый Антоний, и подаваше ему оконцемъ, яко ся вмѣстяше рука, тако приимаше пищю.* П. вр. л., 128. *Яко разгорѣся пещь, бѣ бо утла и нача палати пламень утлизнами.* Лавр., 84.

Древнепольский: *Y spusczyla gy okencem, a tak ucyekl y uchowal syǫ.* B. Z., 184a, 32. *Nicol dzewka Saulowa patrǫc okencem uznala krolya Dawida.* B. *Z.*, 247_{8}.

В памятниках других славянских языков такой творительный не обнаружен.

Наряду с творительным места в исследованных нами памятниках употребителен и оборот *через* + винительный.

Древнечешский: *Což die Pán Ježíš; ktož nevchodí skrze dveře v ovčinec ovčí, lotr a zloděj jest.* Цитата из Jana, X, I, 10. Chelč., S. v., 347.

Древнепольский: *Y upadl Otozias przes okno palacowe. gesz myal w Lamazry a wtemto rozdraziv syǫ, nyemogl...* B. *Z.*, 209. 21.

Изученный материал современных славянских языков показывает, что взаимоотношения между творительным места и конструкцией *через* + винительный можно свести к трем типам:

1. Творительный места почти не употребителен или совсем не употребителен. Везде употребляется конструкция *через* + винительный. Так в сербохорватском, русском и украинском языках.

2. Творительный и конструкция *через* + винительный употребляются в равной степени. Такое употребление наблюдается в словацком, серболужицких, польском языках.

3. Творительный места занимает господствующее положение. Конструкция *через* + винительный употребляется в редких случаях. Так в чешском языке.

В сербохорватском языке такой творительный места отсутствует. Вместо него употребляется оборот *кроз* + винительный.

И то не оде на капију улицом, већ кроз капиџике, баште, куће... Станк., Неч. крв. *Отворише се лагано кухињска врата и кроз них прође Омлаћа...* Ранк. *Проговори он гледајући кроз прозор према себи.* Ранк.[1].

В русском языке данный творительный отмечен лишь в говорах: *Пріѣхали къ дому, розбойники окнами валятъ золото и серебро.* Онч., Сев. ск. *Она и стала класть в сани, стала метать окошкомъ.* Онч., Сев. ск.

В литературном языке такой творительный места не сохранился, его заменил оборот *через* + винительный:

Злодеи пробрались к нему через окно. Чехов (Толк. сл. русск. яз. под ред. Ушакова, т. IV, 1254.)

Творительный места остался лишь в установившихся выражениях: *кровь шла носом и горлом, прошел черным ходом.*

В украинском языке такой творительный также исчез из употребления, заменившись оборотом: *крізь* + винительный. Изредка его можно встретить в пословицах и поговорках, иногда и в других случаях.

---

[1] М. Ивич отмечает, что современный сербохорватский язык такого творительного не знает, а в древнем языке ей удалось найти только два примера. Один у чакавского писателя XVI: *Uniti tisknimi dvarmi.* Š. Budinič, другой у Венцловича — *да би прошао свой живот есним вратима* — СДЗб, 11, 211. См. М. Ивић. Значења српскохрватског инструмаентала и њихов развој. Београд, 1954, стр. 124, § 68.

То му ся вухами лє. Франко, Гал.-рус. прип., 4583. *Як ти дам, то аж ти мамине молоко носом потече.* Франко, Гал.-рус. прип., 8556. *Його дверми викинь, а він вікном лїзе.* Франко, Гал.-рус. прип., 8664. *Ти замкни двері, а я вікном улізу.* Франко, Гал.-рус. прип., 8664. Наряду с этим употребляется оборот *крізь* + винительный. *Не годит сі крізь вікно до хати говорити.* Франко, Гал.-рус. прип., 5896.

Словацкий. Творительный места: *Práve vtedy, keď som vyzeral oblokom, prichádzali do školského dvora Šimon a Mapa.* Jilem., Kron. *Uviď'a ich, že idú k ňí, ułakomiła se velice, zapřeła dveři a okíškem nade dveřma na ně povołávała: „kuku, kuku". Vážný.*

Через + винительный: *Keď počula, po čo chlapi prišli... vyskočila cez oblok do záhradky a hybaj!* Jilem., Kron.

Верхнелужицкий. Творительный места: *Najprjedy budu jich molowanja widźéć dyrbjeć, prjedy hač pjenjezy z woknom won ćisnu*[1]. Čas. Mac'. *bě wón hižom s durjemi wuts do khěže.* S., K. a m.

Через + винительный: *Duž dirbiesche w nozy psches wokno... wuleszcz.* S., K. a m.

Нижнелужицкий. Творительный места: *A gaž se Lubuscha s hoknom wen chybicho.* Serb. *Через* + винительный: *Levy glědascho psches hokno a vizásche jeju pschisch.* Serb.

Польский. Творительный места: *Uszami wylewają mi się frazesy których nikt nie wypełnia.* Prus, Lalka II. ... *gdy oknami wdzierały się ostatnie promienie zachodzącego wiosennego słońca...* Radn., St. *Tą vsyscy vyglądali "okne"...* N., Wyd. *Ona tak zrobiéła i siedziała u góry i patrzała dziurko...* (говоры) (Ch. D.) N., Wyb.

Через + винительный: *...gdy zapach jaśminu wchodził przez ot warte okna.* Sienk., Now. I. *Wpadłszy jak szalone przez niedomknięte drzwi...* Sienk., Now. I. *Jak zbójcy pozirali potem bez "okno do tru parni, to nie byuo umaruego ani piniendzy.* N., Wyb.

В чешском языке для передачи понятия пересекаемого пространства, обозначенного существительными типа *окно, дверь, ворота* и т. д., в исследованных нами текстах отмечен только творительный места. *Pochroumal si nohu, jak vyskočil před Němci z pošty oknem.* P., Hra s ohn. ... *kterou branou jste vyšli ze sněmowny?* P., Hra s ohn. ... *nedů věřivé oko na něho hledělo kukátkem ve dveřích.* P., Hra s ohn. *Hasič vytánli Horýnka oknem na poslední chvíli...* P., Lidé na kříž.

Иногда в творительном выступает название предмета, воспринимаемого как принадлежность субъекта. В этих случаях такой творительный места трудно отличить от творительного орудия: *Děda Suchánek mu kouká brejličkami přes ramene.* Čap., Pr. parta. *Abys je hledal lupou.* Kez., Nast. *Pozorovali jsme je dalekohledem.* F., Vyb. ze st.

В других славянских языках здесь обычно находим оборот *через* + винительный (в русском языке: *смотрел через лупу, сквозь очки*), который показывает, что здесь обозначается пересекаемое пространство.

[1] Творительный без предлога в серболужицких языках не употребителен.

Творительный места, выраженный существительным со значением отверстия, обычно сочетается с приставочными глаголами, указывающими направление действия. Таким образом, конструкция творительный места + глагол всегда выражает место, через которое совершается действие и направление действия. См., например, выше древнечешский: *dveřmi nevšel*; современный чешский: *vyšli branou*; словацкий: *vliezol oblokem*; польский: *wdzierały się oknami*; древнерусский: *входят вороты.*

С глаголами, не указывающими направление движения, такой творительный употребляется редко. Это бывает в тех случаях, когда направление действия ясно из общего смысла. Например, украинские говоры: *Як ти дам, то аж ти мамине молоко носом потече.* Франко, Гал.-рус. прип., 8556. *Вже му сї горлом лле, а ще би пив.* Франко, Гал.-рус. прип., 6711. Или когда нет нужды оттенять направление движения или другого действия. См. выше древнерусский: *не воротами што пловет...*, или когда направление действия ясно из контекста, например чешский: *Byla letní noc otevřeným oknem voněly akáty...* F., Rep.

Наряду с конструкцией творительный места + глагол во всех славянских языках в подобных случаях могут употребляться конструкции *из* + родительный + глагол, *в* + винительный + глагол.

Древнепольский: *I vipuscila ge po powrosku z okyencza, bo dom gey przilezal ku murovi.* B. Z., 161.

Украинский: *у вікна дивиться челядь.* Коц., Ф. М. *Де все гостина буває, там і голод в вікно заглядає* (говоры). Франко, Гал.-рус. прип., 6893.

Чешский: *Cestující... divali se z oken.* P., Lidé na kříž.

Словацкий: *prišlo mu pozriet' z obloka von.* Jilem., Kron.

Верхнелужицкий: *Storkachu so z njej ze wsi za knježi dwór hdźež wjesni runje z woknow jich surowości přihladować njemóžachu* Kub., Row.

Обороты *из* + родительный и *в* + винительный не являются синонимическими замещениями творительного места, так как они передают совершенно иные понятия места, не заложенные в значении творительного места. *Из* + родительный обозначает место как исходный пункт действия, *в* + винительный обозначает место как конечный пункт действия, в то время как творительный места обозначает место как путь движения предмета. Но конструкция творительный места + глагол и конструкция *из* + родительный + глагол и *в* + винительный + глагол могут сближаться по значению, поскольку и первая и вторые передают и место и направление действия *(выбросил окном — выбросил в окно)*. Поэтому в тех случаях, когда направления действия и место действия представляются одинаково важными, возможно использование в одной и той же ситуации как творительного места, так и указанных выше оборотов. Особенно наглядно это выступает при сравнении оригинала с переводом на другой славянский язык.

Например:

Чешский	Русский перевод
To bych ráda věděla, co to je, povídá Barborka ukazujíc oknem. P., Hra s ohn.	*Хотела бы я знать, что это такое? — сказала Барбара, указывая из окна на небо.*
Kapitán pátrá dalekohledem po obzoru. P., Hra s ohn.	*Капитан следит в бинокль за далеким горизонтом.*
Jedním uchem, jim šlo tam, a druhým ven, odpovídali na půl ust... P., Hra s ohn.	*В одно ухо у них входило, в другое выходило, отвечали елеле.*
Otevřeným oknem vstupoval de jídelny hřmot ulice... P., Lidé na kříž.	*В открытое окно проникал шум города.*

ПЕРЕХОД ТВОРИТЕЛЬНОГО МЕСТА В ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ

Употребление творительного места вне связи с глаголами движения является одним из условий перехода творительного места в творительный образа действия. Вторым необходимым условием является употребление творительного места с определением, на которое падает логическое ударение.

Творительный образа действия (из творительного места) зафиксирован нами в двух славянских языках: русском (древнем и современном) и чешском (древнем и современном). В исследованных материалах остальных языков примеры творительного образа действия из творительного места нами не обнаружены.

Приводим все встретившиеся примеры.

Древнерусский: *В то же лѣто посла Мъстиславъ Володимеричь братию свою на Кривичи четырми пути.* Моск., об. 30 л., 34. *А кто тѣмъ путемъ живетъ, первое отъ Бога грѣха нѣтъ, а от людей остуды.* Дом., 114. *Тѣм же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повьевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьскъ воюя, та Чернигову.* П. вр. л., 159.

Современный русский: *Вот какими путями распространяется просвещение.* Лерм., Бэла (пример Н. Василенко).

Древнечешский: *vždy se bielíce, perúce, těmi cestami život sodomský konajíce.* Chelč., S. v., 268. *Antikrist domácí, úhlavní nepřietel Jezukristuov, ješto všemi cestami mrtví Jezukrista.* Chelč., S. v., 294.

Современный чешский: *Mysli si, dejme tomu, že dva koně ze vší síly táhnou za oba konce provazu opačnými směry.* Čap., Tov. *Musí působit jen jedním směrem za vámi, k vám, k životu!* F., Výv. ze st. *Myslila rovnou cestou, měla pořádek v hlavě a jasnou řeč.* P., Lidé na kříž.

В приведенных примерах существительные *путем, cestami* (дорогами), *stranou* (стороной), *směry* (направлениями) теряют свое лексическое значение, семантическая значимость всего словосочетания зависит от определения при существительном. Поэтому рассматриваемые конструкции

можно без изменения значения заменить соответствующими наречиями, что служит доказательством полной потери субстанциональности существительными: *жить тем путем = жить так; сжечь тем же путем = сжечь так же, умерщвлять всеми путями = умерщвлять всеми способами (по всякому); тянуть обратным направлением = тянуть обратно* и т. д.

Эта группа творительного образа действия в древних славянских языках была представлена несколькими однотипными оборотами. В современных славянских языках она получает некоторое распространение за счет употребления при указанных существительных разнообразных по значению определений. Однако и в современных славянских языках большинство конструкций со словами *путями, направлениями* и т. д. воспринимаются как устоявшиеся, неизменяемые обороты.

ПЕРЕХОД ТВОРИТЕЛЬНОГО МЕСТА В НАРЕЧИЯ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ

Во всех славянских языках в ряде случаев творительный места переходит в разряд наречий. Адвербиализирующаяся форма творительного падежа в этих случаях приобретает новое значение — значение образа действия. Наречия образа действия по происхождению из творительного места отмечены в русском, украинском, чешском, словацком и польском языках. В сербохорватском языке наречия образа действия из творительного места не обнаружены [1].

Интересно, что в русском языке, отличающемся значительной интенсивностью развития предложных конструкций со значением места, наречия образа действия из творительного места представлены наибольшим количеством случаев.

Русский: *передом, кругом, следом, стороной, путем. Ступай передом, я за тобой.* Остр., 5, 191 (Пример Тихомировой).

Украинский: *прямцем, кругом* и др. *Прямцем до пекла поплелися.* Котл., Е. Ш., 408 (Тимч., 28).

Чешский: *křížem, krážem, zpátkem, rovnou* и др. *Prošel křížem krážem Čechy i Moravu ...* F., Výb. ze st. *Zamlkli dělnici a ženské vzrušeně mluvíci za chůze pospíchali zpátkem k Ulům ...* P., Lidé na kříž.

Словацкий: *krížom — krážom. ... bolo jej jasné, že musí trpezlivo vyčkávat moje návraty s chodníkov, ktoré sa pretínajú krížom — krážom*; Jilem., Kron.

Польский: *przodkiem, kołem, śladem. Krol wyprawił do Prus ludzi jezdnych przodkiem.* L. 4.

В польском можно отметить случаи адвербиализации творительного места с определением. Так, *swoją drogą* в польском языке представляет единое семантическое и грамматическое целое, выступающее в роли наречия образа действия в значении 'разумеется'.

---

[1] Подобные наречия не отмечены и Даничичем („Српска синтакса". Београд, 1858, стр. 533—590).

Следует заметить, что сочетание *swoją drogą* имеет тенденцию к дальнейшему ослаблению связей со словами, к которым оно примыкает, к изменению синтаксических функций в составе предложения, т. е. к переходу в вводное слово: *Swoją drogą, to bardzo porządna kobieta, ta pani Soerenson.* Krucz., 137. (Пример Тихомировой).

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Творительный места со значением непересекаемого пространства в славянских языках развивался с древнейших пор во взаимодействии с конструкцией *по* + дательный или местный.

2. Данные исследованных нами памятников XI—XVI вв. показывают, что творительный места пользовался для обозначения пути, по которому перемещается предмет, и употреблялся обычно при глаголах целенаправленного движения.

3. Конструкция *по* + дательный или местный обозначала место, по которому совершалось перемещение. Она употреблялась чаще при глаголах нецеленаправленного движения. Возможны были отклонения. Так, во всех славянских памятниках древней поры *по* + дательный или местный довольно часто отмечен нами и при глаголах целенаправленного движения и, наоборот, творительный места, правда в единичных случаях, отмечен и при глаголах нецеленаправленного движения.

4. Употребление творительного места при глаголах нецеленаправленного движения, говорит о том, что при помощи творительного места со значением непересекаемого пространства можно было обозначать не только путь движения предмета, но и пространство, в пределах которого совершается перемещение. Творительный места при глаголах нецеленаправленного движения отмечен в древних памятниках ряда славянских языков. Можно полагать, что творительный с таким значением был известен праславянскому языку. Следовательно, в начальную эпоху праславянского единства не дифференцировали место как путь движения и место как пространство, в пределах которого совершалось перемещение. В обоих случаях употреблялся творительный места. В понятие пути движения включалось и понятие пространства, в пределах или на поверхности которого происходило перемещение.

5. Однако очень рано, еще в эпоху праславянского единства, наметилась потребность разграничить два оттенка в понятии пространства, обозначаемого творительным места: пространство как путь движения и пространство как место, в пределах или на поверхности которого происходит перемещение. Для обозначения пространства, в пределах или на поверхности которого совершается перемещение, стала использоваться конструкция *по* + дательный или местный.

Таким образом, конструкция *по* + дательный или местный, возникнув на базе творительного со значением непересекаемого пространства, получила свое собственное значение. Она обозначала особый оттенок в понятии пространства. В связи с этим значение творительного места уточнилось. Он стал обозначать путь целенаправленного движе-

ния предмета. Такое уточнение значения творительного места произошло еще в дописьменный период.

6. Оборот *по* + дательный или местный оказался очень продуктивной конструкцией. Он стал употребляться и при глаголах целенаправленного движения. Следует думать, что употребление оборота *по* + дательный или местный при глаголах целенаправленного движения началось еще в эпоху праславянского единства. На это указывает то обстоятельство, что подобное употребление данного оборота зафиксировано в древнейших памятниках всех славянских языков.

Распространение его при глаголах целенаправленного движения объясняется тем, что он по своей природе более точно характеризует взаимоотношение между движением и пространством. Если при помощи творительного можно лишь указать место, по которому перемещается предмет, то при помощи указанного оборота можно подчеркнуть, что данное движение проходит по поверхности или в пределах пространства. Поэтому в целом ряде случаев к нему обращаются и для характеристики пространства, предназначенного для целенаправленного движения. Таким образом, возникнув на базе творительного места для обозначения особого оттенка в понятии пространства, *по* + дательный или местный очень рано превратился в синонимическую конструкцию творительного места.

7. Взаимоотношения между творительным места и названным выше оборотом оказались совершенно различными в разных славянских языках, даже в пределах одной группы. Отсюда можно заключить, что борьба между этими конструкциями продолжалась и в тот период, когда каждый из славянских языков уже обособился и жил своей отдельной жизнью.

8. Из сопоставления материала славянских языков видно, что в большинстве языков творительный места вытесняется предложной конструкцией. Там, где творительный места сохраняется в употреблении, он имеет довольно устойчивое значение пути целенаправленного движения предмета. Поэтому каковы бы ни были взаимоотношения творительного места и рассматриваемого оборота, творительный чаще употребляется при глаголах целенаправленного движения.

9. В современном чешском языке творительный места получил широкое развитие при глаголах нецеленаправленного движения. В исследованных нами древних памятниках славянских языков (в том числе и чешского) он был зафиксирован лишь в единичных случаях. При этом следует отметить, что такой творительный не исчезает окончательно и бесследно ни в одном из остальных славянских языков, где в той или иной степени сохранился творительный места со значением непересекаемого пространства. Например, в сербохорватском *скиталась селом*, в русском *хожу полями*, в украинском *волочиться землей*, в словацком *бродить снежной колеей*, в польском *бродя черной улицей*, хотя в этих языках при нецеленаправленных глаголах, как правило, утвердился *по* + дательный или местный.

10. Творительный пересекаемого пространства выражался существительным со значением протяженного пространства и существительными со значением отверстия (*прошел лесом*, *прошел дверью*).

11. Творительный со значением пересекаемого пространства, равно как и творительный со значением отверстия, с древнейших времен взаимодействовал с оборотом *через*+винительный. В этом они объединяются друг с другом.

12. Однако наблюдения показали, что в славянских языках творительный пересекаемого пространства и творительный отверстия развивались различными путями. Судьба творительного пересекаемого пространства (*прошел лесом*) сходна с судьбой творительного непересекаемого пространства (*шел лесом*). Творительный же со значением отверстия в каждом славянском языке стоял особняком. В этом отношении показательными являются те языки, в которых какой-нибудь тип творительного места исчез. Из наблюдений видно, что в этом случае исчезал или творительный со значением пространства (пересекаемого или непересекаемого) или творительный со значением отверстия. Так, в серболужицких языках исчез творительный типа *шел лесом* и типа *прошел лесом*, соответственно заменившись конструкциями *по*+местный и *через*+винительный, но сохранился творительный типа *смотрел*, *выскочил окном*. В сербохорватском языке, наоборот, исчез тип *смотрел*, *выскочил окном* и сохранился творительный со значением протяженного пространства, т. е. тип *шел лесом* и тип *прошел лесом*.

К сербохорватскому языку примыкают русский и украинский языки. В них также сохранился творительный пространства (пересекаемого и непересекаемого), исчез из литературного языка творительный отверстия, за исключением единичных установившихся выражений (*вошел входом*, *кровь течет носом*, *горлом*). В русских и украинских говорах такой творительный отчасти сохранился.

Остальные языки, где в той или иной мере сохранились все три типа творительного места, в этом отношении менее показательны. Однако и в них творительный типа *смотрел*, *выскочил окном* как-то обособляется. Так, во всех славянских языках только для творительного типа *смотрел*, *выскочил окном* существуют параллельные обороты *в*+винительный и *из*+родительный. Таким образом, различие путей развития творительного места со значением пересекаемого пространства обусловливалось тем, обозначал ли он место как пространство или как отверстие.

13. Творительный места при определенных условиях мог переходить в творительный образа действия и далее в наречие образа действия. Условия перехода таковы: а) употребление данного творительного с определением, на которое падает логическое ударение; б) употребление его вне связи с глаголами движения.

В наречие образа действия форма творительного места переходила в случае, если она утрачивала связь с системой склонения благодаря переосмыслению значения формы творительного падежа.

Глава одиннадцатая

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ МЕСТА С ПРЕДЛОГАМИ

Творительный падеж употребляется с предлогами *за*, *перед*, *между*, *под*, *над*. В отличие от винительного, обозначающего в сочетании с этими предлогами направление, творительный падеж имеет пространственное значение, указывая место действия или нахождения предмета. В определенных условиях творительный с предлогами *за*, *перед*, *над*, *между*, *под* может приобретать временно́е значение.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ МЕСТА С ПРЕДЛОГОМ *ЗА*

Основное значение конструкции *за* + творительный — пространственное. *За* + творительный обозначает предмет, позади которого помещается другой предмет или происходит какое-либо действие (*горело за домом*). Это основное значение творительного с предлогом *за*. В зависимости от лексического значения глаголов, при которых употребляется этот творительный, данное значение может видоизменяться. Так, при глаголах движения сочетание творительного с предлогом *за* обозначает предмет, за которым следует другой предмет. Условно назовем одно из этих значений значением следования (при глаголах движения), другое — значением места (при остальных глаголах). Все остальные значения творительного с предлогом *за*, отмеченные в исследованном материале, возникли или из значения следования или из значения места. Помимо пространственного значения *за* + творительный имеет также временно́е значение.

Творительный с предлогом *за* с пространственным значением

а) Значение места

Конструкция *за* + творительный со значением места широко употребляется в древних славянских языках.

Старославянский: **Блаженыи же кодратъ зади за вьсѣми стоѩ не дръжимъ никъıимъже к въпрошению анѳоупата пръвыи ... отъвѣштаваше.** Супр. 99_9.

Древнерусский: ...и *бишася за Калакшею, и ту побѣдиша рязанце.* Новг. 1, 35.

Древнечешский: *Aby za zdí a za příkopy mohli sebe uchovati od zlých věcí.* Chelč., S. v., 293.

Древнепольский: *To Sara usliszewszy, roszmyala syǫ stoyǫcz za drzwyamy w stanu.* B. Z., 19, 37.

За + творительный со значением места широко представлен и в современных славянских языках.

Словенский: *Za pečjo sedeti.* Slov.-nem. sl.

Русский: *За дверью направо пахло деревом и клеем.* Кочет., Журб.

За + творительный в фразеологических сочетаниях может обозначать предмет, в непосредственной близости к которому совершается действие или находится другой предмет. Обычно это в выражении *за столом.*

Древнерусский: *... и я от нея отшедъ, селъ за столом.* Жит. Авв., 78.

Древнечешский: *Když svého knieze za železným stołem uzříte.* D. chr., 11.

Изредка в форме творительного выступает существительное, обозначающее одежду. Тогда сочетание *за* + творительный обозначает предмет, как покров, прикрытие другого предмета. Ср. *Нѣкто же отъ Ляховъ, не бояринъ, ни доброго роду, не простъ сый человѣкъ, ни в доспѣсѣ, за одним мятлем* (в одном плаще, т. е. защищенный одним плащом. — *А. Б.) со сулицею, защити вся отчаяньем, акы твердым щитом, сотвори дѣло памяти достойно.* Гал. Вол., 564.

Украинский: *Лежить за селом, на самому белебні, неогорожена...* Мирн., Х. р. в.

Чешский: *Za zavřenými vraty ozval se zběsilý štěkot psa.* Jir., Skal.

Словацкий: *Ktorá dievka zdržala smiech za zubami dobre bolo.* Jilem., Kron.

Верхнелужицкий: *A słónčko běše hišće daloko za lěsami skhowane.* Páta, Serbsk č.

Польский: *Za statkiem pojawiły się znów gromady mew...* Sienk., L. Afr.

Лишь в сербохорватском языке *за* + творительный со значением места почти не употребителен. Он отмечается лишь в виде установившихся оборотов — *za gorom, za stolom.* Например, *al'za gorom oganj gori*[1]. Для обозначения места действия или нахождения предмета употребляется конструкция *за* + родительный.

Из значения места развились значения прикрытия, ограждения, помощи, значения принадлежности, владения, значение причины.

Конструкция *за* + творительный отмечена в значениях прикрытия, ограждения, помощи в древнерусском и древнечешском языках.

---

[1] T. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1899, стр. 583.

Древнерусский: *А отъѣдетъ онъ за нашею порукою въ Литву, или въ Крымъ, или въ иные въ которые государствы...* Собр. Гос. Гр., 476.

Отсюда ведет свое происхождение оборот *за подписью*. В древнерусском языке существовало несколько вариантов, употреблявшихся в значении 'за подписью': *... а прислалъ, господине, къ тобѣ запись за своею печатію, послушство свое.* Арх. Стр., 134. *А съ тое, господине, грамоты списокъ у Михайла у Шапкина да у Ивана у Головы за подписью за Васильевою Долматова.* Арх. Стр., 118. *Как тебя отпустил Матвей Микулин и отпускную тебе дал, и за чьею рукою та отпускная тебе была дана?* Ак. Х., 325.

Обороты *за подписью, за рукою, за печатию, за пометою* широко употреблялись в судейско-приказном, канцелярском стиле XVI—XVII вв. в значении 'скрепленный', 'удостоверенный'.

Первоначальное значение предлога в этом случае стерлось, приблизившись к значению предлога *с*. Изменилась и роль сочетания *за* + творительный в предложении. Данная конструкция выступает в функции определения (*бумага за подписью*), в то время как сочетание *за* + творительный с сохранившимся лексическим значением предлога выступает в предложении в качестве дополнения или обстоятельства места (*мы шли за ним, мы стояли за рекой*).

Древнечешский: *Že oni za tú moci břicha svá tukem rozširuji.* Chelč., S. v., 174. *Mezka pozva knieze českého, za mírem vylupi oči ieho.* D. chr., 59.

Нижнелужицкий: *a zinü sa twohimi kahsnami.* Nedersorb. Ps., 151, 166.

Появление этого значения основано на том, что впереди находящийся предмет может быть прикрытием, защитой. Например, *спрятался за дверью*. На основании простейших случаев типа *спрятался за дверью* развилось переносное употребление конструкции *за* + творительный с использованием в творительном падеже абстрактных существительных. Использование абстрактных существительных отмечено уже в древнейших памятниках славянских языков.

В дальнейшем сочетание *за* + творительный со значением прикрытия, защиты, ограждения не получило распространения в славянских языках. Во многих случаях конструкция *за* + творительный заменилась сочетанием *под* + творительный, как более точно передающим значение прикрытия. Например, древнерусское *за замком*, современное — *под замком*. В русском языке сохранились лишь установившиеся выражения, представляющие собой канцелярские выражения *за подписью, за номером* или поговорки *тайна за семью замками, за семью печатями*.

Также и в чешском языке: *Nebo, když nic nepřekážie ani ruši pokoje, vděčni sú jeho, ač jeho zle požievají, prospievajíce v zlých věcech za tiem pokojem.* Chelč., S. v., 284. Здесь *za tiem pokojem*

древнечешского памятника издатели поясняют посредством *pod tiem pokojem*[1].

В современном польском языке *за*+творительный со значением прикрытия, помощи отмечен в виде: *Sądzę że na większej części latarni nie ma nawet wcale ludzi i że zapalają je za pomocą drutów elektrycznych.* Sienk., L. *Afr. ... a ilużeś ty uprowadził im wtedy sprzed nosa na jeden swistek za fałszowanym podpisem — już nie pamiętasz?* Nałk., Węzły ż., а также *za półpaskiem, za biletem* и др. *Ale kupuje nie na własne imię, tylko za pośrednictwem starego Szlangbauma...* Prus, Lalka, II.

За+творительный со значением принадлежности отмечен только в восточнославянских языках. В русском он известен главным образом в памятниках XVI—XVII вв. (кроме них лишь один раз в Новгородской 1-й летописи).

Древнерусский: *Уже бы вся Германия была за православною верою...* Посл. Ив. Грозн., 49. *И крепити им тѣхъ людей за собою никому не велено...* Гр. Кот. л., 177, об. *...а объявилась моя беглая кабальная женка Овдотьица у Матфея Иванова сына Поздеева за него человеком ево, за Фетькою, замужом*[2]. Як. Х., 488.

В современном русском литературном языке эта конструкция не употребительна. В говорах она чаще всего ограничивается случаем *за мужем* или подобными ему. *Потом яна вышла за другога. Жыла яна и за другим два годы.* Мат. по русск. диалектол. *За харошаю галавою* (мужем) *пат кустом хлеба наесси, а за дурною и у теримя падависси.* Курск. сб.

Ср. в украинском языке: *От бы за Грицьком бути! хата є, город є ...* Мирн., Х. р. в.

Можно обнаружить связь между значением прикрытия, охраны, помощи и значением принадлежности, владения. Например, в древнечешском *za этой властью брюхо жиром наливают* и в русских говорах *за хорошим мужем под кустом хлеба наешься.*

Очевидно, значение принадлежности возникло из значения прикрытия, охраны и т. д. в связи с оформлением категории одушевленности, а не непосредственно из значения пространства.

Значение причины отмечено в следующих случаях.

Древнерусский: *За далнею дорогою и за поветриѣмъ птицы и звѣри помираютъ.* Котош., л. 84 об.

Древнечешский: *Ale za dětmi a za hospodářstvem aby své zapomněly nestatečnosti a rozkoši.* Št., O. v., 85, *by meče nemohł držeti, ani za ščitem vidieti.* D. chr., 27.

---

[1] Chelčický. Síť víry. Poznámky, стр. 433.

[2] Значение принадлежности, выражаемое конструкцией *за*+творительный, в русских памятниках может иметь особый оттенок. Данное сочетание может обозначать предмет, которому приписывается какое-либо отрицательное качество с чужих слов: *Или иной какой дурной обычай за ним вѣдает.* Гр. Кот., л. 217 об.

За + творительный со значением причины не получил развития в славянских языках. В исследованных материалах польского, чешского, словацкого, серболужицких, сербохорватского языков он вообще не обнаружен. В русском языке данный оборот со значением причины остался в поговорках (например, *за деревьями не видать леса*) и в установившихся выражениях *за давностью, за неимением*, ставших принадлежностью главным образом канцелярского стиля, изредка и в некоторых других случаях, например: *Но, за житейскими хлопотами, не успел.* Фед., Необ. лето.

Значение причины имеет *за* + творительный в обороте: *дело стало за... (за нами, за машиной* и пр.).

В словенском языке *за* + творительный со значением причины употребляется только при глаголах *заболеть, умереть* в виде фразеологических сочетаний: *bolan sem za sušico* (Brezn., Slov.) *za lákoto je umrl.* Слов. русск., 331. При этом словенское *za lakoto* и русское *за давностью, за неимением* не равнозначны. Последние переводятся на словенский язык при помощи *zaradi, zavoljo* с дательным падежом или посредством обстоятельственных предложений.

Лишь в украинском языке творительный с предлогом *за* со значением причины является продуктивным: *За тими волами я посивів парубком, побила б їх морока.* Коц., Ф. М. *Зав'язала собі світ за тим ледащом ...* Коц., Ф. М.

Как видно из примеров *за* + творительный имеет значение 'препятствующей причины'[1]. Значение именно препятствующей причины в случаях типа *не видел за щитом, не могли достать за щитом* тесно связано с основным значением данной конструкции и вытекает из нее. Предмет, обозначенный конструкцией *за* + творительный, всегда можно представить как препятствие для позади находящегося предмета. Следовательно, значение причины у данного сочетания развилось, очевидно, очень рано. Однако употребление данной конструкции со значением причины не пошло дальше указанных выше простейших случаев: *не достал, не увидел за чем-то.* Во всех других случаях в дополнение к творительному причины развились различные другие обороты со значением причины. Правда, в русском языке в период XVII в. *за* + творительный со значением причины был достаточно распространенным для существительных с абстрактным значением, употребление которых в творительном с предлогом *за* для обозначения причины в современном русском резко сократилось.

б) Значение следования

При глаголах движения *за* + творительный обозначает предмет, за которым следует другой предмет. Творительный падеж в этих случаях обычно выражается одушевленным существительным.

---

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934, стр. 277.

Старославянский: **іди за мъноѫ сотоно**. Зогр., Марк. 8, 33, 61.

Древнерусский: ... *а Мьстиславъ поеха за ними на конихъ*. Новг. I, 56, л. 85 об.

Древнечешский: *i od ženy jeho mohl odvésti a za sebú jemu kázati choditi*. Chelč., S. v., 144.

Нижнелужицкий: *Ale wone kinhsh za drugim chwataju wëliku tschuchlostz mësch budu*. Niedersorb. Ps., 13, 4.

Древнепольский: *Yacz yesm bog wszech mogǫ́czi, poydzi za mnǫ́* ... B. Z., 18, 28. ... *wstaw s posrzotka wyelikosci ... wszedl iest za mǫ́zem İsraelskim do domu nyepoczesnego*. B. Z., 118, 24.

Значение следования может затемняться. Обычно это наблюдается в тех случаях, когда творительный падеж выражается неодушевленным существительным.

Такой творительный отмечен в древнерусских памятниках: *Семенов шел из Сибири за государевою верхоленскою соболиною казною в целовальниках вверх*. Тамож. кн., 11, об. *Вологжанин ... Давыд Кирилов ... повез к Вологде товарную кладь на шестидесяти на семь лошадях ... За теми же возами пошли вверх торговые люди*. Тамож. кн., 31.

Здесь *за* + творительный приобретает значение сопроводительности, т. е. *ехал с казною, пошли вместе с возами*. Иногда в этих случаях при глаголах, выражающих идею перемещения, в творительном может выступать и одушевленное существительное. *А будет доведется отдати кому по крепости жену, а у нее есть муж: отдати за жоною и мужа*. Ул. АМ, 20, 60. *Паша же... провожатых послал за дочерью седьм сот человек*. Сказ. Ав., 85[1].

Изучение древних памятников славянских языков показало, что в старославянском и древнейших памятниках русского языка при глаголах движения вместо сочетания *за* + творительный значительно чаще употребляется оборот *по* + местный.

Старославянский: **се вьсь миръ по немь іде**. Зогр., И., XII, 19.

Иногда в старославянском языке в этих случаях употребляется оборот **въслѣдъ** + родительный: **Ідѣаше же вь слѣдъ его мъногъ народъ людиі**. Зогр., Лук. XXIII, 27. 132.

Конструкция *за* + творительный в старославянском языке отмечена в единичных случаях.

Древнерусский: *Она же рече: „Идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего“*. Пов. вр. л., 42. *Володимѣр же и Данилъ поидоста по нихъ*. Гал. Вол., 513.

Лишь изредка *за* + творительный: *Дворьскому же повелѣ за собою ходити*. Гал. Вол., 551.

---

[1] Примеры из диссертации Е. А. Седельникова „Функции непредикативных конструкций творительного падежа в древнерусском литературном языке“. М., 1953, стр. 298—299.

В западнославянских языках *по* + местный обычно не употребителен. В исследованных нами древних памятниках западнославянских языков данная конструкция отмечена лишь в единичных случаях в чешском языке. В „Сети веры" обнаружено два примера. Один раз в цитате: *Pod'te po mně, a učiním vás rýbaře lidské.* Мат. IV (19). Chelč., S. v., 11. Другой раз в: *Chtěli by skrze svaté k Bohu, ale cestú po svatých v dobrých činech nechtí jíti.* Chelč., S. v., 391[1].

В Далимиловой хронике найдено два примера: *Páni po koni pojedú až do Bieliny řeky dojedú.* D. chr., 12, 175 (т. е. 'поехали вслед за пущенным без узды конем'). *Dřieve než na hrad přiběhú, mužie po nich na most vzbiehú.* D. chr., 29[2].

Единичными являются такие примеры и в других древних памятниках чешского языка.

В исследованных нами материалах старопольского языка подобные примеры не отмечены.

В современных славянских языках *по* + местный со значением следования не отмечен. Всюду употребляется конструкция *за* + творительный.

Словенский: *Prišla je jesen, za njo je prišla zima...* Tavč., 321.

Русский: *Отряд пошел дальше вслед за горцами.* Толст., Х. Мур.

Украинский: *Вийде Мотря на вулицю, — малі діти слідком за нею ...* Мирн., Х. р. в.

Чешский: *Syn klusal za vozem.* Jir., Skal.

Словацкий: *Za Bezákom a jeho vernými nahrnulo sa do kancelárie plno l'udí.* Jilem., Kron.

Польский: *Za nim w znacznej od niego odległości szła wątła skurczezona kobieta...* Orz., Cham.

Можно предположить следующий путь развития значений сочетания *за* + творительный во взаимоотношении с оборотом *по* + местный.

В эпоху праславянского единства во всех диалектах для обозначения предмета, позади которого происходит какое-либо действие или находится предмет, использовался *за* + творительный. Для обозначения предмета, за которым следует другой предмет, по различным диалектам использовались различные приемы. В западных диалектах для этой цели использовался, как правило, *за* + творительный; в восточных и южных диалектах — главным образом *по* + местный, хотя был употребителен также и *за* + творительный.

Таким образом, *по* + местный по значению совпадал с *за* + творительный. Позже *по* + местный исчез из употребления. Исчезновение именно конструкции *по* + местный в этом значении объясняется, очевидно, тем, что *за* + творительный имел более широкую

---

[1] В комментариях издателя пояснение: *po svatých — za svatými*. См. Chelčický. Sít' víry. Poznámky, стр. 441.

[2] В двух последних примерах значение следования несколько видоизменяется, превращаясь в значение преследования, приобретая, таким образом, целевой оттенок.

сферу применения: он употреблялся при глаголах любого лексического значения, *по* + местный — только при глаголах движения.

Из значения следования развились: значение цели, значение последовательности и значение объекта.

Приведем примеры со значением цели.

Древнерусский: *А коли приѣдутъ тѣ Лопнянѣ въ Новгородъ съ товаромъ, или за какимъ дѣломъ ни буди: ино ихъ судили діакижъ нашы во всемъ.* Собр. Гос. гр., 436, № 158.

Древнечешский: *Uzřevše že na Vyšehradie veliký hład, za přiémieřiém pozvachu jich na svói hrad.* D. chr., 24.

В исследованных древних памятниках других славянских языков *за* + творительный в таком значении не встретился.

Появление значения цели у конструкции *за* + творительный основано на том, что существительное, выступающее в творительном падеже, может представлять предмет, за которым не просто следуют, а который преследуют. Здесь особенно показательно употребление *за* + творительный при глаголах *гнаться, гнать.*

Древнерусский: *Гнаша бо ся тѣ за Татары и до половины града* ... Моск., 260. Также: Ул. АМ., 21. Жит. Авв., 103. Пск., 60.

Нижнелужицкий: *Za mohimi winikamy zu ja gnasch.* Niedersorb. Ps., 17.

В этих случаях значение следования осложнено оттенком целевого значения. На основе подобных случаев развилось переносное употребление конструкции *за* + творительный с использованием в творительном падеже неодушевленных существительных предметных и непредметных. Ср. в современном русском: *В гражданскую войну не всегда преследовали цель уничтожения врага как живой силы — чаще гнались за территорией, а особенно за видными, известными городами.* Фурм., Чап. В таких случаях значение следования окончательно затемняется, переходя в значение цели[1].

В некоторых случаях мог расширяться и лексический круг глаголов, при которых употребляется *за* + творительный со значением цели. Становится возможным употребление данной конструкции не только при глаголе движения, но и при глаголе с другим лексическим значением. (См. выше в чешском языке: *pozvachu za přiémieřiém*). Правда, в дальнейшем *за* + творительный со значением цели не получил распространения при других глаголах. В современных славянских языках *за* + творительный с данным значением употребляется обычно при глаголах движения.

Приведем примеры со значением последовательности.

---

[1] Там же, где в творительном падеже используется одушевленное существительное, иногда бывает трудно различить в пределах одного предложения, имеет ли сочетание *за* + творительный значение следования или значение цели, например, *поехал за братом.* В этих случаях значение следования обычно уточняется словом *вслед.*

Словенский: *Korak za korakom se mi je blizal.* Tavč. *...krenili dalje, kolona za kolono.* Ostr.

Русский: *Он выжил, но месяц за месяцем оставался в постели, полуслепой, полуоглохший.* Кочет., Журб.

Украинский: *...гонили в голові думку за думкою, гадку за гадкою.* Мирн., Х. р. в.

Чешский: *A vozač Standa nosí kámen za kamenem a nemyslí už na nic jiného.* Čap., Pr. parta.

Словацкий: *I jedna za druchou ide na chodník s plným čbarom na hlave.* Kukuč.

Польский: *Ciągną one długim sznurem, jeden za drugim, kołysząc jukami na obie strony ...* Sienk., L. Afr.

Выражения типа *месяц за месяцем, шаг за шагом* представляют собой образования наречного характера и в предложении всегда выступают в качестве обстоятельства образа действия.

За + творительный может иметь значение объекта. В таком значении сочетание *за* + творительный известно почти всем славянским языкам.

Русский: *... но глаза его невольно обращались к ней и следили за ее движениями.* Толст., Х. Мур.

Чешский: *Všichni se dívali za panem Rybářem, krácějícím dolů.* Ner., M. pov.

Словацкий: *...a pozeral za nimi, ako vedú nešťastníkov dolu dedinou.* Jilem., Kron.

Часто предлог *за* теряет свое лексическое значение, превращаясь в грамматический показатель объектных отношений. В одних языках такой предлог *за* получает распространение при большом круге глаголов (в сербохорватском, украинском, польском языках), в отдельных языках (в русском, чешском, словацком) сфера употребления его ограничена лишь некоторыми глаголами.

Творительный с предлогом *за* с временным значением

В исследованных памятниках *за* + творительный с временным значением обнаружен лишь в редких случаях в русском и польском языках. Данное сочетание обозначает промежуток времени, в течение которого совершается какое-либо действие.

Русский: *И поставиша новгородци полкъ за Рожествомь Христовомь в конци.* Новг. 1, 80 *л.*, 133 *об. За чаем говорили о детстве, о рыбной ловле, об электросварке ...* Коч., Журб.

Польский: *Taki był stan Hiszpanii za moim w tamtejszy kraj przybyciem.* Kras., Hist. *Robią to co dzień, lub kilka razy na dzień, za każdym przybyciem statku.* Sienk., L. Afr.

Кроме того, в кашубском языке отмечен *за* + творительный со значением промежутка времени, после которого совершилось какое-либо действие: *Za dvụụma latama ụon přəšet nazwt.* Sob., Gw.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ МЕСТА С ПРЕДЛОГОМ *ПЕРЕД*

Творительный с предлогом *перед* с пространственным значением

1. *Перед* + творительный обозначает предмет, перед которым находится или совершает какое-либо действие другой предмет.

Старославянский: **Звѣрі҃ прѣкелнѣ҃ стоѧть прѣдъ дверьми.** Супр., 558_{26}.

Древнерусский: *и сташа пред градомь.* П. вр. л., 101.

Древнечешский: ... *aby všecko mnozstvie padlo před sochú.* Chelc., S. v., 176.

Древнепольский: *Sgromadziw mnostwo przed skalǫ rzeczi k nim...* B. Z., 112, 2.

В этом значении данная конструкция широко распространена в современных славянских языках.

2. *Перед* + творительный обозначает лицо или несколько лиц, в присутствии которых совершается действие.

Старославянский: **За нижде вінѫ прикоснѫсѧ елѵ҃ покѣда прѣдъ късѣмн людьмн.** Ассем., Лук. VIII, 41, 56.

Древнерусский: *но хочю вы почтити наутрия предъ людьми своими* ... П. вр. л., 41.

Древнеукраинский: ... *а продали и оуздали емоу добровоулно и оу вѣки дѣтемь его, передъ паномь Пилецкимь, старостою роусковъ земли.* Укр. гр., I, 12.

Древнечешский: ... *že když David hudl před Saulem...* Št., O. v., 3.

Нижнелужицкий: *My smy se snowego we tej schuli psched twojim wobliżom sgromadzili.* Čas. mac'.

Древнепольский: *A gdiszcze syǫ wroczili plakaliscze przed panem...* B. Z., 132.

В этом значении *перед* + творительный отмечен и в современных славянских языках.

3. Творительный обозначает предмет, в непосредственной близости к которому совершается действие или находится другой предмет.

Старославянский: **и прѣвыкъ къ гостинѣнщи нже прѣдъ градомъ.** Супр., 282_{15}.

Древнечешский: *také před Ołomúcem sie stavichu, tu kralevice stratichu...* D. chr., 138.

Древнепольский: *Y wiwyodl ge i postawyl ge przed myastem.* B. Z., 22. 5.

На основе пространственного значения развилось значение сравнения, когда творительный с предлогом *перед* обозначает предмет, с которым сравнивается какой-либо другой предмет. А. М. Пешковский, приводя пример *он перед ним ничто*, объясняет его как отвлеченную метафору пространственного значения[1].

---

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис..., стр. 277.

Перед+творительный со значением сравнения в древних памятниках встречается очень редко, при этом не во всех славянских языках. Лишь один пример отмечен в старославянском языке: **Єє пѧдьѭ ізмѣрены положілъ єсі дні моѩ: ї ѵпостасъ моѣ ѣко ничъже прѣдъ тобоѭ.** Син. пс., XXXVIII, 6, 51^{a}_{16}.

Несколько примеров отмечено нами в древнерусском языке в памятниках не раньше XV в.: *Бѣ же их множство много пред христианьскими полкы.* Моск., 262. ... *и переходу, государь, передъ прежними годами в лошадяхъ двадцать семь рублевъ, три алтына, две деньги.* Бл. б. Од., 110, V, 84[1]. *А Асаф митрополит не мог уговорити Алексея Айгустова, чтоб товаров прибавили перед чудотворцевым, как при чюдотворце было немного...* Посл. Ив. Гр., 177, и некоторые другие.

В памятниках других языков *перед*+творительный в данном значении нами не обнаружен. Не обнаружен в данном значении *перед*+творительный и в современных славянских языках. Мы встретили лишь один пример в нижнелужицком языке: *Lěto 1905 běšo pśed drugimi važne za našo narodne žyw'en'e.* Páta, Serbsk. č.

На основе пространственного значения развилось отложительное значение конструкции *перед*+творительный. В этих случаях творительный с предлогом обозначает предмет, от которого удаляется, прячется другой предмет. *Перед*+творительный с таким значением широко употребителен в памятниках западнославянских языков. Я. Гебауэр, говоря о значении творительного с предлогом *před* в чешском языке, указывает, что в чешском *krýti se před kým* творительный с *před* возник на месте бывшего родительного отложительного (*odluky*)[2].

Древнечешский: ... *a pak před Nerodem utiekala do jiné země, do Egypta. Št.*, O. v., 290.

Верхнелужицкий: ... *psed tem swarnuji naβ nebeski Wotce.* Katech. War., 86, A, 29.

Нижнелужицкий: *Bog ussluschy moju modletwu a nechowavsse pshed mohim platzom.* Niedersorb. Ps., 61, LV.

Древнепольский: *Przed obliczym Saray, panyey mey uczyekam.* B. Z., 17, 37. *Potem gest Abram szedl do Egipta, abi tam bil goszczem, bo nye mogl przed glodem bicz w zemy.* B. Z., 14.18.

Перед+творительный с отложительным значением обнаруживается в единичных случаях в старославянском языке: **Горе вамъ... ѣко затварѣєте цр҃ьствиє бж҃іє прѣдъ ч҃кы.** Зогр., Мат. XXIII, 14. **Исоуни оржжиє и завьри прѣдь гоньѧштиімь мѧ.** Син. пс., XXXIV, 3, 42^{a}, 7.

В единичных случаях — в древнерусском языке: *И послуша его Ярополкъ, и избѣгъ пред нимъ затворися въ градѣ Родьни.* П. вр. л., 55.

---

[1] Небольшое количество примеров дается в диссертации Е. А. Седельникова.
[2] J. Cebauer. Historická mluvnice jazyka českého, IV. Praha, 1929, стр. 484.

В настоящее время *перед*+творительный с отложительным значением широко распространен в западнославянских языках. В других языках он не отмечен.

Чешский: ... *uprchli včas do Anglie před Hitlerovým rasistickým zákoní kem.* Řez., Nást. Также при глаголах: *utajiti, utíkati, zachrániti, skrývati, chýliti se (před kým).*

Словацкий: *Nie, nijako sa nám nechcelo skrývať sa pred Gútom...* Jilem., Kron.

Верхнелужицкий: *Kajki by tuta skromna kerčina škit pred njepřecelom dawała?* Kub. Row. *Jako dyrbjesche so psched swojimi njepscheczelemi... khowacʒ'.* S., K. a m.

Нижнелужицкий: *Kopiʒe ʒ'iwiny... rozegnachu psched spěschnym pszyʒkom.*

Польский: *Schroniliśmy się przed ich natręctwem do jakiejś kawiarni.* Sienk., L. Afr. Также при глаголах: *ukrywać, zamykać (się).*

Кашубский: *Střeš są před nimi.* Lor., Sl. *Uon uucekwł před ṅim.* Lor., Sl. *U̯on sa ne bu̯oiwł před di̯włą.* Lor., Sl.

Помимо указанных выше значений *перед*+творительный имеет значение предмета, по отношению к которому совершается какое-либо действие или проявляется какое-либо качество другого предмета, т. е. имеет объектное значение. Объектное значение данного сочетания развилось на почве пространственного в результате ослабления конкретного значения предлога *перед*. „Многие предлоги, — пишет В. В. Виноградов, — ослабляют свое конкретное значение в качестве посредника между глаголами и зависимыми от них объектами. Они становятся простыми грамматическими знаками объектных отношений. За ними сохраняется функция показателей и выразителей того или иного падежа косвенного объекта“ [1]. В большей мере это относится к предлогам *о, за, из, в, на.* Однако и предлог *перед*, почти полностью сохранивший свое конкретное лексическое значение, также затронут процессом ослабления реального значения. Сочетание *перед*+творительный в таком значении отмечено в древних памятниках почти всех славянских языков.

Старославянский: **Отъче съгрѣшихъ на небо и прѣдъ тобѭ.** Мар., Лук. XV, 18, 21, 269$_{8, 16}$.

Древнерусский: ... *и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити пред ними.* П. вр. л. 42.

Древнеукраинский: ... *и ꙗкнѧзь кистютии буду правъ передъ въгорьскимь королемь.* Укр. гр., 6.

Древнечешский: *Neb jest, jakož sem dřéve řekl, tiem upadl před Bohem v kletvu.* Št., П. v., 237.

Аналогичную картину находим во всех современных славянских языках.

---

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 700.

Творительный с предлогом *перед* с временны́м значением

Конструкция *перед*+творительный обозначает отрезок времени, которому предшествует какое-либо действие. Это временно́е значение данной конструкции развилось на основе пространственного.

При глаголах движения и посылания при помощи *перед*+творительный выражаются отношения предшествования в пространстве.

Старославянский: **прѣдъиде҃ши бо прѣдъ лицемъ господьнемъ оуготовати пѫть его** (шел впереди господа). Ассем., Лук. 1, 197_{23}.

Древнерусский: *Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду.* П. вр. л., 50.

Древнечешский: *že Jan poslán jest před Pánem Ježišem.* Chelč., S. v., 143.

Древнепольский: *Y poslal gest posly naprzod przed sobǫ́.* B. Z., 36, 1.

По аналогии стали передавать отношения предшествования во времени. *Перед*+творительный с временны́м значением отмечен в древнейших памятниках славянских языков.

Старославянский: **наи҆дѣте же прѣдъ сѫ҆нъмъ молитъвы творѧще**... Супр., 274_{27}.

Древнерусский: *Тои же зимы, пред великымь заговѣниемь, привѣха князь Юрьи в Новъгород на столъ*... Новг. 1, 94, л. 158 об.

Древнеукраинский: ... *писано листо оу луцкоу... предъ рускими мясопусты.* Укр. гр., I, 37.

Древнечешский: *Biskup Heřman svieta snide, před smrtiú hlas k niemu přijde*... D. chr., 112.

Древнепольский: *Toto gest pozegnanye, gimzeto gest pozegnal Moyzesz, czlowyek bozi, synom Israhelskim przed smyerczǫ́.* B. Z., 156. 30.

Материал современных славянских языков показывает, что *перед*+творительный с временны́м значением имеет различную судьбу в зависимости от значения существительного, выступающего в творительном падеже. С существительным, обозначающим ограниченное во времени явление, данная конструкция во временно́м значении употребляется во всех славянских языках.

С существительным, имеющим значение меры, времени, конструкция *перед*+творительный употребляется в западнославянских языках, а также в словенском. В виде отдельных фразеологических сочетаний она сохраняется и в других славянских языках, где отношения временно́го предшествования в настоящее время выражаются иными грамматическими средствами.

Чешский: *pochodily všecka místa, kde se před třemi roky honívaly.* Němc., 5, pov.

Словацкий: *Vtedy mi znova sišlo na um. Čo bolo práve takto pred rokom.* Jilem., Kron.

Верхнелужицкий: *Mac je před lětom znjezbožiła.* Kubš., Knjez. a rob.

Польский: *Przed paroma laty, właśnie w Paryżu, Rossi był ideałem panny Izabeli...* Prus, Lalka II.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ С ПРЕДЛОГОМ *МЕЖДУ*

Творительный с предлогом *между* с пространственным значением

Творительный с предлогом *между* обозначает два или несколько предметов, между которыми находится еще предмет или между которыми совершается действие.

Старославянский: оуѣ҆сте между҃ цр҃ковиж и олтаремъ. Ассем., Мат. XXIII, 34, 39, 146$_{\text{об}}$.

Древнерусский: *... и стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне.* П. вр. л., 54.

Древнечешский: *V svéi zemi mezi svými sed'.* D. chr., 117.

Верхнелужицкий: *... ton wodswaczuie besnami to meno Bohsche.* Katech. War., 86, A, 10.

Нижнелужицкий: *Knehsso, busy mnë gnadni, glëdni na moju shalohstz mehsy timy winikami.* Niedersorb. Ps., 8, 14.

Древнепольский: *Y polozó ge myedzi stany, tu gdzesz rosbygece teyto nocy swe. stany.* B. Z., 162. 14.

Между + творительный в таком значении широко распространен в современных славянских языках.

Данная конструкция может приобретать различные оттенки в зависимости от значения существительных и глагола.

В отдельных случаях творительный с предлогом *между* представляет собой установившийся оборот, который в предложении выступает как обстоятельство образа действия. Например, в чешском языке отмечено выражение: *mezi čtyřma očima* в значении 'с глазу на глаз', 'без свидетелей'. *... my si potřebujeme promluvit s Vlastou mezi čtyřma očima.* P., Hra s ohn.

В древнечешском и древнепольском языках отмечен *между* + творительный в значении 'среди':

Древнечешский: *Túhať iest mezi cuziémi.* D. chr., 11.

Древнепольский: *... gdzesz bil zwoy stan dzevyey rozpyól, a oltarz uczynyl myedzi Betelem.* B. Z., 14.20.

Творительный с предлогом *между* с временны́м значением

Между + творительный почти не употребителен во временно́м значении. По памятникам отмечены лишь единичные случаи. Сочетание

между + творительный в этих случаях обозначает временны́е отрезки, между которыми совершается действие.

Старославянский: Аще бѫдетъ а҃ · сѫбота и недѣлѣ между родствомъ и просвѣщениемъ речетъ сѧ сиі... Ассем., Мат. III, I—II, 178_{11}.

Древнерусский: *Поставлена бысть церковь камена Покровъ святѣи богородици, в Домантовѣ стѣнѣ межю святым Рожествомъ и Духомъ святымъ.* Пск., 26.

Словацкий: *Medzi robotu sa ma spýtal...* Jilem., Kron.

Наречное выражение *между тем* с временны́м значением представлено во многих славянских языках.

Старославянский: междю же симь молѣахѫ і оученици его глѭште... Зогр., И. IV., 141, 31.

Сербский: *Међу тим проћоше неколико месеци.* Атан., Два идола.

Словацкий: *Medzitým, ĭo som sa usiloval rozluštit' túto hádanku, zbadol som, že môj pes začína prejavovat' [nepokoj...* Jilem., Kron.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ МЕСТА С ПРЕДЛОГОМ *ПОД*

Творительный с предлогом *под* с пространственным значением

Творительный с предлогом *под* обозначает предмет, ниже которого (под которым) или у нижнего основания которого происходит действие или находится другой предмет.

Старославянский: пси подъ трапезоѭ · ѣдѧтъ отъ кроупиць дѣтьскъ. Зогр., Марк. VII, 28, 59.

Древнерусский: *...и не мог стерпѣти противу, подъбѣгъ ста подъ мостом, одва укрыся противных.* П. вр. л., 85.

Древнечешский: *...pod'te a pod stínem mým odpočievajte.* Chelč., S. v., 134.

Нижнелужицкий: *Ze ptaschky pod nëhbom a te ribi v tom morü a stosh tom morü plüwa.* Niedersorb. Ps., 7, 7.

Древнепольский: *...rosstǫ́pywszi syǫ́ zemyǫ́ pod nogami gych, a odtworziwszi usta swa, pozarla ge z gich stany y ze wszim gich nabitkem.* B. Z., 108. 13.

Это основное значение может видоизменяться. Творительный с предлогом *под* может обозначать место, в непосредственной близости к которому совершается действие или находится предмет. Творительный падеж в этих случаях чаще выражается существительным со значением местности (обычно город).

Древнерусский: *...и стояше под градомъ 3 дни и отъидоша съ громомъ.* Пск., 15.

Древнепольский: *A gdisz usrzala anyola stoyǫ́czego: padla poa nogami sedzǫ́czego...* B. Z., 114, 24.

Конструкция *под* + творительный с указанными значениями широко представлена в современных славянских языках.

На основе пространственного значения развилось подчинительное значение данного сочетания, когда *под* + творительный обозначает предмет, в подчинении, в распоряжении или под защитой которого находится другой предмет.

Старославянский: **Ібо азъ чл҃вкъ есмъ подъ властелы оучиненъ. Імѣѩ подъ собоѭ воѩ.** Мар., Лук. VII, 8, 221_9.

Древнерусский: *иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его...* П. вр. л., 25.

Древнечешский: *Kteříž jsú stáli pod zákonem starým.* Chelč., S. v., 191.

Древнепольский: *Panem twim gegosm ostawyl, y wszitkǫ́ twoyǫ́ braczyǫ́ pod gego panstwem...* B. Z., 30. 21.

Также в современных славянских языках.

В случаях, когда другой предмет не является одушевленным, то отношения, выражаемые сочетанием *под* + творительный, являются скорее отношениями принадлежности, а не подчинения: — *а земли подо мною десетіна съ четью...* Бл. б. Од., 95.

На основе значения подчинения или принадлежности позже могли развиваться отдельные частные значения, свойственные какому-либо одному языку, но не получившие дальнейшего развития. Так, в древнерусском языке в памятниках XIII—XVI вв. отмечен творительный с предлогом *под* со значением „лица, которое стараются чего-либо лишить“ и со значением „лица, за которым по старшинству, по возрасту следует другое лицо“ [1].

В исследованных нами материалах древнерусского языка *под* + творительный с таким значением отмечен лишь в произведении Котошихина (XVII в.). Очевидно, появление такого значения связано с местничеством. С исчезновением местничества выражение *сидеть под кем* в смысле 'ниже кого по старшинству' также утратилось.

Из пространственного значения развилось значение прикрытия. Творительный с предлогом *под* обозначает предмет, под прикрытием которого совершается действие.

В творительном падеже в таких случаях используются существительные с непредметным значением, и предлог теряет конкретное лексическое значение.

---

[1] См. рец. В. И. Борковского и П. С. Кузнецова на книгу Л. А. Булаховского „Исторический комментарий к современному русскому литературному языку“ (изд. 3. Киев, 1950) в журн. „Русский язык в школе“, 1951, № 2, стр. 74.

Древнечешский: *A protož tak u nich smišeně jde viera pod jménem zákonův papežovych.* Chelč., S. v., 283. *Často črt pod dobrého podobenstvím poradí člověku...* Št., O. v., 199.

Современный чешский: *Když nastal nějaký svátek Panny Marie, oblekl vždy šedomordé pantalony, jež v rodině i dále mimo dům pod jménem „marianských" známy byly.* Jir., Fil. hist.

Польский: *I zżymał się wewnętrznie pod maską chłodnej, nieruchomej twarzy.* Krucz., Kord. ch. *...pod różnymi nazwami tworzyli sobie wciąż nowe organizacje legalne.* Nałk., Węzły ż.

Также в русском языке: *под названием, под именем.*

Иногда одно и то же значение прикрытия может передаваться двояко: то при помощи конструкции *за* + творительный, то при помощи конструкции *под* + творительный.

Польский: *Jednakże pod powłoką obojętnych zajęć kipiała w nim burza.* Prus, Lalka II.

Выражениям *под названием, под именем* в западнославянских и русском языках соответствует *за прозвиськом* в украинском языке: *В садах водиться шкідничок такий за прозвиськом грушовий клоп.* Гонч., Мик. Бр.

В исследованных памятниках отмечено незначительное количество разнотипных примеров, когда предлог *под* превратился в грамматический показатель объектных отношений. Такое употребление данного предлога отмечено в древнерусском языке при глаголе *льстити: И на том вси цѣловаша крестъ, яко под Игорем под Святославомъ не льстити* (т. е. им не льстить). Моск., стр. 37. Также в Повести временных лет — *льстити под кем*, стр. 50, 55, 90. В современном польском языке лексически не мотивировано употребление предлога *под* в выражении *pod względem: Bo teraz jest już gorzej ze mną pod tym względem, niż dotąd.* Nałk., Węzły ż.

Творительный с предлогом *под* с временны́м значением

В западнославянских языках (в чешском, польском, верхнелужицком) изредка отмечен *под* + творительный с временны́м значением. Такое значение придается данному сочетанию контекстом.

Древнечешский: *A pod tiem Pilátem Ponským neb Poncem, ukřižován, umřel, pohřeben, sstúpil do pekla.* Št., O. v., 19.

Верхнелужицкий: *Czerpil pod Ponciom Pilatom kschischowane.* Katech. War., 74, A, 11.

Чешский: *Byl to moudrý, dobrý a krásný princ a jeho poddani měli pod jeho žezlem zlaté časy.* Němc., Nár. bách. *Vzpomeňme si jen, so to bylo za chudáky pod carem.* Řez., Nást.

Польский: *...teraz pod to najzaszczytniejsze znaczenie podciągnięto prawie wszystko, co nie uchybia przepisom sztuki, co gustem zbliża się do wieku złotego Rzymian, albo do gustu Francji, szczególniej pod Ludwikiem XIV.* Brodz., Klas.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ МЕСТА С ПРЕДЛОГОМ *НАД*

Творительный с предлогом *над* с пространственным значением

Творительный с предлогом *над* обозначает предмет, поверх которого или выше которого происходит действие или находится другой предмет.

Старославянский: облачьцъ малъ ꙗви сѧ надъ народомъ... Супр., 568_{17}.

Словенский: *Ravno nad srcem mu je tičala globoko v prsih tanka puščica.* Tavč... *nad njimi so krožili galebi.* Bev., 233.

Древнерусский: *и малъ столпъ мраморен постави надъ ним.* П. вр. л., 30.

Древнечешский: *Zlicko miesto tvrdé bieše, nad niém dobrý hrad stoieše.* D. chr., 132.

Нижнелужицкий: *Alë knëhssho, swihgni nad namy twojog hoblitza sswëtlo.* Niedersorb. Ps., 3, IV, 8.

Древнепольский: *W wydzyenyu gego stani postawyczye nad morzem.* B. Z., 58.4.

Так же в современных славянских языках.

Употребляясь при глаголах со значением 'господствовать', 'царствовать', сочетание *над* + творительный выражает отношение управления господства. Творительный обозначает предмет, над которым господствует другой предмет.

Старославянский: Въцри сѧ бъ надъ вьсѣми и ꙗзыкы. Син. пс., XIV, 1, 9.

Древнечешский: *Ne ont' jest sám jediný tvói pán, však já také panují nad tebú.* Št., O. v., 18.

Верхнелужицкий: ... *a kneschtei nad riebami w tem moaru a nad ptakami pod tem nebom, a nad schitkej swierini kisch na zemi chodzi.* Katech. War., 97, A, 7.

Нижнелужицкий: ... *ash woni nade mnu nëknëssne.* Niedersorb. Ps., 19, 15.

Древнепольский: ... *a pod moczǫ́ mǫ́szkǫ́ bǫ́dzesz, a on bǫ́dze nad tobǫ́ panowacz.* B. Z., 4, 14.

При обычном в древнепольском *panowacz nad kym* встретилось другое управление: *panowacz komu: Y rzekl: uczynmi czlowyeka ku oblyczu a ku podobyenstwu naszemu, abi panowal ribam morskym, a ptakom...* B. Z., 2., 23.

Со значением господства тесно связано значение возвеличения, возвышения, когда творительный в сочетании с предлогом *над* обозначает предмет, над которым возвышается другой предмет.

Старославянский: нѣстъ оученикъ над оучителемь, ни рабъ надъ гмь своимь. Мар., Мат., X, 25. ѣко вьзвеличи сѧ надь вьсми їмѧ свтое твое: Син. пс., CXXXVII, 3, $177^{в}_{6}$.

Древнечешский: *Protož ta přechuthá ovotce nechtěla kralovati a povýšena býti nad jiným dřievím planým proto, aby...* Chelč., S. v., 135.

Нижнелужицкий: *Kak dlugo dërby sse moy nëpshiaschel nade mnu poswigasch?* Niedersorb. Ps., 11, XIII, 3.

Древнепольский: *Przichodzen, genze bidli s tobǫ́ w zemi, zwyssi syǫ́ nad czǫ́...* B. Z., 150, 3.

На основе пространственного значения данного сочетания развилось значение направленности действия. Творительный падеж в таких случаях обозначает предмет, на который направлено действие или по отношению к которому совершено действие.

Русский: *Мужъ ли придетъ или гостья обычная придетъ, а она бъ всегда сидѣла надъ рукадѣліемъ сама...* Дом., 80. Также в современном языке: *В марте 1953 г. Катя должна была поехать в Москву, в Институт лесоведения для доклада о работах над секвоей.* Пауст., Цв.

Чешский: *Ivan Petrovič Pavlov od začátku swé dlouhé vědecké činnosti pracoval právě nad těmito nejsložitějšími otázkami* F., Vyb. ze st.

Словацкий: *... že túto otázku budú ťažko riešiť a že si nad ňou dlho posedia.* Jilem., Kron.

Польский: *Przyjaciołom profesora było wiadomo, że pracuje on od dawna nad dziełem zatytułowanym...* Natk., Węzły ż. То же в говорах: *a pšettym to couki z'in' s'ézóu nad ks'ǫškom...* N., Wyb.

В этих случаях пространственное значение предлога *над* несколько затемняется.

Во всех славянских языках сочетание *над* + творительный употребляется при глаголах со значением радости, печали, насмешки и некоторых других глаголах. *Над* + творительный в этих случаях обозначает косвенный объект действия.

Старославянский: **Надо вьсѣмі сімі съгрѣшішѩ пакы ємоу ї не ѩсі вѣры чюдє сємъ ємоу.** Син. пс., LXXVII, 32, 102^{a}_{7}.

Древнерусский: *... а се нынѣ не вѣмъ, что събыеться надо мною.* Моск., 265.

Древнечешский: *Páni hřešie nad nimi, bezpráví jim činiece.* Chelč., S. v., 172.

Нижнелужицкий: *Tehn knës zimi dëbrë nad mnu.* Niedersorb. Ps., 16, 21. *Zosch ty nad namy nimmernë sse gnëwasch?* Niedersorb. Ps., 100, 6. *A won by truchly nad teju rcezu...* Ev. Sv. Mark.

Древнепольский: *... a smyluyǫ́ sze, nad kym chczǫ́ǫ́, y myloszczyw bǫ́dǫ́ǫ́ nad kim my szyǫ́ lyuby.* B. Z., 70, 27.

Так же в современных славянских языках

Словенский: *ali morda žaluje nad svojim življenjem...* Tavč. *in predvsem Ana Renata ni prikrivala svojega veselja nad odgovorom.* Tavč.

В этом примере вместо глагола употреблено отглагольное существительное.

В словенском языке *над*+творительный употребляется также при глаголе *grešiti: kar smo grešili nad to zensko, to nam Bog odpusti...* Tavč. При глаголе *znesti se: Ves srd, kiga je notel se malo prej znesti nad Juco je napesil na Tonika.* Bev.

Русский: *Он ... всегда был готов играть, лизаться и подшутить над лошадью и человеком.* Толст., Холст.

Украинский: *І обоє вони клопоталися об одним над поживою та наживою...* Мирн., Х. р. в.

Чешский: *Přikývla a Bagár se zasmál, trochu samolibě, šťasten nad svou neselhávající pamětí.* Řez., Nást. Кроме того: *otrásati se hrůsou nad tim trestem, zaslzeti nad čím, zúfati, diviti se, radovati se, strachovati se nad kým, čím.* При глаголе *překvapiti* возможно двоякое управление: *překvapen nad tou krásou.* Řez., Nást. *Komorník ustoupil překvapen před velikou tou obludou.* Jir., Skal.

При отглагольном существительном возможно иное управление: *Naše překvapení z příchodu policie nebylo o nic větší než jejich nad tím že mě tam našli.* F., Rep.

Словацкий: *a aby sme sa nad ich odchodom príliš neradovali, vysielali k nám na ukážku svojej moci malé patroly.* Jlem., Kron.

Верхнелужицкий: *smilichu so wokolni zemjenjo ... nad njezbožownym městom.* Páta, Serbsk. č.

Польский: *Agata cierpiała nad tym, co uważała w Romanie za zaślepienie.* Nałk., Węzły ż. *Nie lubiła Dziadka wtedy najbardziej, gdy się nad nim wczyscy unosili...* Nałk., Węzły ż.

Кроме глаголов со значением печали, радости, гнева, *над*+творительный в польском языке отмечен при других глаголах: *naradzała nad wyjazdem.* Nałk., Węzły ż., *czuwał nad nami,* Sienk., Now. l.

При глаголе *смеяться* употреблен другой оборот: *Cóż to za upokorzenie smiać się z tryumfów jakiegoś byka albo gęsiora, a jednocześnie płakać nad własnym sercem ...* Prus, Lalka, II. Литературный перевод: *Какое унижение смеяться над победами какого-нибудь быка или гусака и в то же время плакать над собственным сердцем...* Прус, Кукла, II.

Кашубский: *Mãu̯cä-vä nad-nq̃mă mjĭlosè · rné, te nq̃mă pümožä̀ · cä nã-dòu̯l!* Lor., Sl.

Этим исчерпывается круг значений сочетания *над*+творительный, свойственный всем исследованным нами славянским языкам.

Иногда сочетания *над*+творительный и *перед*+творительный сближаются по значению. Ср. древнечешское *грешить над кем* со старославянским и древнепольским *грешить перед кем.* Также двоякое управление в чешском языке *překvapen před kým, překvapen nad kým.*

Творительный с предлогом *над* с временны́м значением

Сочетание *над* + творительный с временны́м значением в редких случаях отмечено в польском и словацком языках. Обычно данное сочетание обозначает время суток, раньше которого совершается действие.

Словацкий: *Nad ránom vyviedol ho z obce...* Jilem., Kron.

Польский: *Nad wieczorem posłał służącego do sklepu po Obermana.* Prus., Lalka, II. Литературный перевод: *Под вечер он послал слугу в магазин за Оберманом.* Прус., Кукла, II.

Один пример использования данного сочетания во временно́м значении отмечен в древнерусском языке: *Еще же надъ тѣмъ приняли есте нашего ворога княжа Юрьева сына* ... Моск., 241.

Временно́е значение не утвердилось за конструкцией *над* + творительный. В отдельных языках оно сохранилось в виде выражений *над утром, над вечером.*

Из всего сказанного выше можно сделать следующие выводы.

1. Значение места является одним из древнейших и устойчивых значений творительного падежа. Творительный беспредложный обозначает пространство как путь движения предмета. Творительный с предлогами *за, перед, между, над, под* обозначает пространство как место действия или нахождения предмета. Пространственное значение творительного падежа с указанными предлогами может видоизменяться, приобретать различные оттенки в зависимости от лексического значения глаголов, с которыми сочетается творительный падеж.

2. На базе пространственного значения развиваются иные абстрактные значения творительного с предлогами. Абстрактные значения начали появляться, по-видимому, еще в эпоху праславянского единства. Очевидно, праславянского происхождения следующие значения: значение объекта, свойственное творительному падежу в сочетании с предлогами *за, перед, над,* так как оно наблюдается во всех славянских языках с давних пор; значения прикрытия, защиты, подчинения, принадлежности, отмеченные у творительного в сочетании с предлогами *за, под.* Эти значения также известны всем славянским языкам. Кроме того, сюда же следует, по-видимому, отнести значение цели у творительного с предлогом *за,* наблюдаемое в большинстве славянских языков, значение причины у творительного с предлогом *за.* Последнее значение творительного с предлогом *за* возникло лишь в определенных восточных диалектах, поскольку конструкция *за* + творительный с таким значением отмечена только в восточнославянских языках. В некоторых случаях, кажется, можно сделать попытку более точно определить приблизительный период появления данного абстрактного значения у сочетания творительного с предлогом. Так, обращает на себя внимание тот факт, что некоторые абстрактные значения, свойственные сочетанию творительного с данным предлогом во всех славянских языках, имели раз-

личную судьбу по отдельным славянским языкам. Например, *за* + творительный имеет значение объекта во всех славянских языках, но состав глаголов, при которых употребляется данная конструкция в таком значении, по языкам весьма различен. Точно так же *за* + творительный со значением цели отмечен в восточнославянских и западнославянских языках, но употребляется он по-разному в различных славянских языках. В русском, украинском, польском языках данная конструкция сохранилась наряду с *по* + винительный. В словацком она является основной для выражения цели. В чешском языке указанная конструкция используется редко. Очевидно, данные абстрактные значения творительного с предлогами появились в более поздний период праславянского единства, возможно в период, непосредственно предшествующий обособленной жизни славянских языков. Конструкции с данным значением получили то или иное развитие уже в каждом из славянских языков в отдельности. Поэтому судьба их оказалась различной.

Отдельные абстрактные значения или частные оттенки значений появились в письменный период в отдельных языках. В таких случаях конструкции, выражающие оттенки значений, большей частью не получали особого распространения, сохраняясь иногда в виде отдельных фразеологических сочетаний. Так, например, от синонимически разнообразных оборотов *за подписью*, *за рукой*, *за пометой*, *за печатью* древнерусского языка, выражающих частный оттенок значения прикрытия, ограждения, в современном русском осталось лишь *за подписью*. Не развилась конструкция *под* + творительный со значением объекта, отмеченная в древнерусском языке при глаголе *льстити* и др.

3. Количество абстрактных значений творительного с предлогами резко колеблется и зависит от того, с каким предлогом сочетается творительный падеж. Наиболее развитую систему пространственных значений имеет творительный в сочетании с предлогами, лексическое значение которых не столь конкретно, в связи с чем предлог легко мог становиться многозначным (например, предлог *за*). Гораздо беднее значениями творительный с конкретными предлогами (например, с предлогом *между*). Однако и в тех случаях, где предлог имел особую склонность абстрагироваться, число абстрактных значений сочетания творительного с данным предлогом с течением времени не увеличивалось. Более того, изученные нами памятники показали, что в ряде языков произошла потеря некоторых прежних значений сочетания творительного с предлогом. Это относится главным образом к сочетанию творительного с предлогом *за*. Так, не получил распространения *за* + творительный со значением причины, отмеченный в древних памятниках русского языка и изредка чешского. В современных славянских языках значение причины выражается различными другими конструкциями. Исключение составляет украинский язык, где *за* + творительный со значением причины является продуктивной конструкцией. Не получил распространения *за* + творительный со значением прикры-

тия, принадлежности, подчинения, защиты. Эти значения в современных славянских языках обычно передаются конструкцией *под* + творительный. В ряде случаев в одних и тех же языках для обозначения прикрытия в древнее время употребляли *за* + творительный, а в современном языке *под* + творительный. Из сочетаний творительного с другими предлогами не получила распространения конструкция *перед* + творительный со значением сравнения, отмеченная в старославянском, древнерусском и современном нижнелужицком языках.

4. Наряду с системой пространственных значений творительный в сочетании с указанными предлогами может передавать и временны́е значения. В. В. Виноградов, говоря о значении различных предлогов, пишет: „Временные значения совмещаются с пространственными и развиваются на их основе“ [1]. Сочетание творительного с предлогами приобретает временно́е значение при условии, если в творительном падеже выступает существительное, которое обозначает явление, ограниченное во времени (*собрание*, *обед*, *спектакль* и т. д.), или существительные со значением меры времени (*день*, *ночь* и др.). Иногда сочетание творительного с предлогом имеет временно́е значение и в тех случаях, когда в творительном выступает существительное иного лексического значения. В этих случаях временно́е значение определяется только контекстом (см. *под* + творительный с временны́м значением в чешском языке).

Временны́е значения у сочетаний творительного с предлогами начали появляться, очевидно, в эпоху праславянского единства, но они не получили развития в славянских языках. В современных славянских языках конструкции творительного с предлогами с временны́м значением в большинстве своем представляют собой фразеологические сочетания с ограниченным кругом существительных, выступающих в творительном падеже.

---

[1] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 686.

Глава двенадцатая

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРИИМЕННОЙ

Вопрос о прииенном употреблении творительного падежа является в известной мере обособленным от других разделов книги „Творительный падеж в славянских языках". В основу данного раздела работы положен принцип соотнесенности творительного не с глаголом (как обычно), а с иными морфологическими группами слов, в частности с именами существительными и прилагательными.

В зависимости от соотнесенности творительного с существительными или прилагательными в данной главе выделяются два раздела:

I. Творительный собственно прииенной (при отглагольных именах существительных) и

II. Творительный приадъективный.

Связанные с этими разделами проблемы основываются на явлениях, имеющих различную историческую давность в славянских языках. Кроме того, они требуют различного объяснения и вследствие различия выражаемых ими значений.

Творительный падеж, как известно, является приглагольным падежом, т. е. зависимым от глагола. Однако уже в древнейших памятниках славянских языков можно отметить случаи его прииенного употребления, когда творительным падежом управляет не глагол, а имя существительное или прилагательное.

Анализ случаев прииенного употребления творительного падежа как при отглагольных именах существительных, так и при прилагательных убеждает нас в том, что и собственно прииенное, и приадъективное употребление творительного развилось на основе его глагольного употребления.

I. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ПРИ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕНАХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Мысль о том, что прииенное употребление творительного развилось из приглагольного, не нова. Четко она была сформулирована академиком А. А. Шахматовым в „Синтаксисе русского языка". А. А. Шахматов, определив родительный падеж как падеж прииенной, отмечает, что „в прииенном употреблении известны также и другие падежи, а именно дательный и творительный... но едва ли можно сомневаться, — пишет далее А. А. Шахматов, — что прииенное употреб-

ление таких падежей вызвано употреблением их при глаголах, частью это свидетельствуется тем, что такие падежи находят себе место преимущественно после отглагольных существительных"[1]. И далее: „Редкое употребление творительного падежа в таком синтаксическом положении (творительный приименной. — *М. Г.*) вызвано влиянием приглагольного его употребления, а именно можно найти творительный падеж после некоторых существительных, произведенных от таких глаголов, которые управляют творительным падежом"[2].

Подобный взгляд на приименной творительный не вызывает никаких сомнений, и данное мнение относительно происхождения творительного приименного приводится обычно во всех грамматиках[3]. Однако в исследованиях, специально посвященных творительному падежу, вопрос о приименном его употреблении обычно трактуется в самых общих чертах.

Тем не менее творительный при отглагольных именах существует, получает в некоторых современных славянских языках значительное распространение. Это и делает необходимой постановку настоящего исследования.

В данном разделе мы ставим перед собою следующие задачи. На материале древних и современных славянских языков мы исследуем вопрос о развитии творительного падежа в приименном употреблении — при отглагольных именах существительных, о границах, сфере его употребления в древних и современных славянских языках, а также стремимся по возможности решить вопрос о том, был ли известен творительный в приименном употреблении праславянскому языку или же его появление относится к более позднему периоду развития языков.

В разделе „Творительный падеж при отглагольных именах существительных" следует выделить два вопроса: 1) беспредложное употребление творительного при отглагольных именах существительных и 2) предложное употребление творительного при отглагольных именах существительных. Явления, соответствующие выделенным подразделам, получили различное распространение в языке, почему и требуют раздельного рассмотрения.

Беспредложное употребление творительного при отглагольных именах существительных

Как известно, круг значений отглагольных имен существительных очень широк. Однако в сферу нашего рассмотрения войдут в силу специфики основного значения творительного падежа (см. ниже) только

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 314.

[2] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 320.

[3] См., например, в курсе лекций под ред. В. В. Виноградова: „В именных конструкциях творительный падеж может употребляться только в том случае, когда они связаны по своему значению или по происхождению с глаголами"; или в „Грамматике русского языка" „Творительный приименной возможен в сочетании с именами существительными, связанными по происхождению и значению своему с теми или иными глаголами" (Изд-во АН СССР, 1952, стр. 128).

отглагольные имена существительные, обозначающие действия, состояния или (что редко) результат действия. Отглагольные имена существительные, обозначающие деятеля (nomina agentis), типа *торговец хлебом* нами не выделяются в особый раздел.

Мы считаем, вопреки мнению А. А. Потебни[1], что значение творительного существенно не меняется, если на месте глагола ставится соответствующее ему отглагольное существительное, и характеризуем эти значения так же, как значения при глагольном употреблении, т. е. выделяем значения орудия, причины, места, времени и пр. Верно то, что все словосочетание, действительно, получает несколько иной оттенок, но это происходит, по нашему мнению, не от изменения значения самого творительного, а в связи с изменением значения отвлеченного имени существительного по сравнению с соотносимым с ним глаголом.

Отглагольные имена существительные имели широкое распространение уже в древних памятниках славянских языков.

Так, А. Мейе говорит о распространении отглагольных имен существительных в праславянском языке[2], А. Вайан констатирует факт их широкой употребительности в старославянском[3]. В. Д. Левин, которому принадлежит наиболее обстоятельное исследование об отглагольных именах в русском языке, отмечает частое их употребление и свободное образование в памятниках древнерусского языка[4].

Однако употребление отглагольных имен существительных как в древних, так и в современных языках не является однородным в различных жанрах письменности. Наибольшее распространение имеют отглагольные имена существительные в языке книжном, „больше всего — в его научно-технических и газетно-публицистических стилях“[5].

Современный русский литературный язык избегает излишнего употребления отглагольных имен. Как отмечает Г. О. Винокур, „на конструкции с отглагольными существительными, получившими очень широкое распространение в современной письменной речи, не раз указывали как на образчик стилистической дефектности“[6].

Это относится в большей степени к отглагольным существительным на *-ние*, *-тие*, однако в значительной мере распространяется и на отглагольные существительные типа удар, стук, которые характеризуют

[1] А. А. Потебня пишет: „Если свойство известного творительного условлено глаголом, то этот падеж не может остаться сам собою, как скоро на место глагола становится другая часть речи... Орудие предполагает энергию, глагол. Когда признак, который представляется возникающим в глаголе, становится данным, готовым результатом в имени, то и творительный орудия, стоявший при глаголе, получит уже другой оттенок“ (А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. I—II. Харьков, 1888, стр. 472).

[2] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 288.

[3] А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 278.

[4] В. Д. Левин. Отглагольные существительные в русском языке. Канд. дисс., М., 1940, стр. 51.

[5] В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 117.

[6] Г. О. Винокур. Глагол или имя? Сб. „Русская речь“ (новая серия), вып. III. Л., 1928, стр. 75.

собою более „сниженные“ стили речи, широко употребляясь в деловом языке.

Исследуя вопрос об употреблении творительного при отглагольных именах существительных, следует прежде всего отметить, во-первых, редкость употребления в народноразговорном языке и жанрах письменности, отражающих народноразговорную речь, самих отглагольных существительных, и, во-вторых, редкость употребления при них творительного падежа.

Сочетания творительного с отглагольными существительными представляют собою явление исключительно редкое и в языке произведений художественной литературы.

В грамматиках в разделах, посвященных творительному прииенному, приводится обычно целый ряд разных по значению творительных в сочетании с отглагольными именами. Характерным при этом является то, что большинство из них образовано авторами данных разделов, а не извлечено из произведений художественной литературы. Так, акад. А. А. Шахматов, иллюстрирующий в „Синтаксисе русского языка“ выдвигаемые им положения лишь примерами из художественной литературы, в разделе „Творительный прииенной“ приводит большое количество примеров, образованных им самим[1]. Академическая грамматика в разделах, посвященных творительному прииенному, вообще ограничивается приведением подобных „теоретически“ образованных примеров[2].

Незначительное количество примеров употребления творительного при отглагольных именах существительных приводится и в диссертациях, построенных на материале современного русского языка. Так, в диссертации В. П. Сухотина „Синтаксис прозы М. Ю. Лермонтова“, в разделе, посвященном творительному, не приводится ни одного примера подобного употребления творительного; в диссертации же Н. С. Василенко „Конструкции с творительным падежом в современном русском литературном языке“ приводится лишь один случай употребления творительного при отглагольном существительном: *Помнишь, Нетте, в бытность человеком Ты пивал чаи Со мною в дипкупе?* (Маяковский).

Просмотр газетных статей, предпринятый нами в целях определения сфер употребления интересующих нас конструкций в русском языке, показал, что в газетно-публицистическом языке подобные конструкции встречаются сравнительно часто. Ограничимся двумя примерами: *После взаимного обмена мнениями был принят текст совместного коммюнюке, содержание которого присутствующие встретили бурными аплодисментами; ни истерические вопли проповедников новой войны, ни бряцание смертоносным оружием не могут устрашить миролюбивые народы земного шара.* („Правда“, 10. IV 1954).

---

[1] См. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 320.

[2] „Грамматика русского языка“. Изд-во АН СССР. М., 1952, стр. 128.

В стилях языка, далеких от газетно-публицистического и научно-технического, творительный падеж при отглагольных именах существительных представляет собою явление исключительно редкое.

Просмотр „Материалов для древнерусского словаря“ И. И. Срезневского показывает, что при употреблении отглагольного существительного со значением действия дополнение, ранее бывшее в творительном падеже, тоже либо переходит в определение, либо заменяется иными оборотами[1]. *Мнози, падше с кони, оумреша, инии оуꙗзвени быша ѡт крѣпости оударениꙗ копѣиного.* Ип. *Оубьени ... оубоемъ мечнымъ* Виц., XIV; *Црь же побеже ѿ нихъ и оугони ѥ на коньнемъ търгу.* Новг. 1; *В. Бедери же торгъ на кони, да на товаръ, да на камкы.* Хожд. Аф. Ник. *Избавитель нашь и Богъ изгна торжники, продающая овца и голуби и птенцы.* Пут.

В русском народноразговорном языке, а также языке художественных произведений при замене глагольной конструкции именной творительный падеж обычно заменяется родительным — падежом последовательно приименным[2].

В современных западнославянских литературных языках отглагольные имена существительные употребляются значительно шире, чем в русском языке. Поэтому в этих языках именные конструкции с творительным падежом встречаются чаще. Следует, однако, обратить внимание на то, что мы не обнаружили ни одного примера данной конструкции в записях народной речи.

В древнейших памятниках славянских языков мы находим по нескольку примеров употребления подобных конструкций. Так, в привлеченных нами к исследованию памятниках старославянского языка отмечено всего два примера употребления творительного приименного; в памятниках древнерусской письменности, относящихся к эпохе до XV в., творительный приименной представлен несколькими очень однотипными конструкциями, отмеченными лишь в „Повести временных лет по Лаврентьевскому списку летописи“, написанной, как известно, летописцем, широко пользующимся литературными оборотами речи. Более широкое употребление творительного падежа в приименном употреблении в русском языке наблюдается лишь в XVII в.

Не отмечено ни одного примера употребления творительного при отглагольных именах в исследованных памятниках древнепольского языка. Памятники письменности древнечешского языка дают лишь пять примеров его употребления, отмеченных в одном памятнике — в „Сети веры“ Хельчицкого. Творительный приименной остается весьма редким

---

[1] В словаре И. И. Срезневского нами отмечено лишь несколько именных конструкций с творительным.

[2] Так, в рассказе Чехова „Попрыгунья“ мы можем наблюдать следующую замену: „. . . ей послышалось, как будто в мастерской что-то тихо пробежало, по-женски шурша платьем. . .“ И здесь же: „Из мастерской послышались торопливые шаги и шуршанье платья“. Подобные замены происходят в языке постоянно.

явлением и в современных славянских языках, хотя употребление его несколько возрастает.

Круг значений творительного, представленного в приименном употреблении, очень невелик. Особенно узок круг значений творительного в приименном употреблении в древних памятниках славянских языков.

Основную массу случаев употребления творительного приименного в древности представляет творительный вспомогательного материала и содержания действия. Значительным количеством примеров представлен творительный места. Однако почти все случаи его употребления отмечены в одном памятнике одного языка — в русском памятнике XVII в. „Хождение на Восток Афанасия Котова". Рассмотрим каждое из значений на материале древних славянских языков.

1. Творительный вспомогательного материала и содержания действия.

Старославянский: вь' вь'нѣшьн'иїхъ бо праздь'нь'ствиїхъ житиїскыихъ глаголѫ вь' нихъже много величань'ѥ й вь'нѣшн'иїмъ одѣаниѥмъ и многомъ различиѥ мъ трепезы. Супр. 491_3. Слышаша по мороу хождениѥ недѣланоѥ винодатиѥ нетѧжаннѫѭ пиштеѭ кр'ьмл'ениѥ. Супр., 323_{21}.

Древнерусский: *Преображение бысть... водою, яко же Гедивонъ преобрази посемь.* П. вр. л., 73. *А еже водою обновленье, понеже при Нои умножившемъся грѣхом в человѣцѣхъ...* П. вр. л., 73. *И святою водою кропленіе и честнымъ крестомъ осѣненіе от болшаго попа.* Дом., 36. *Присла же ту к нему и дары многы паволоками и скорою и одари его и жену его и дружину его повелику.* Моск. 39, 46. *У Архангелского города торговля — хлѣбомъ, пенкою, поташью, смолчюгою, шолкомь, сырцомъ, ревенемъ.* Котош., 145. *Круг гумна городьба забором.* А. х. Мор., 59. *Окола церквей и окола монастыря городьба тыном, ворота притворныя.* А. х. Мор., 16. *Окола двора городьба забором, ворота к притвору.* А. х. Мор., 18. *И поѣхали на добычу въ смѣлости и въ надеждѣ его заговору замками страсти никакой не возымѣли.* Ист. о В. Кор., 115. *Занятие себя делами.* Зап. Бол., 272. *И святою водою кропленіе, и честнымъ крестомъ осѣненіе,* Дом., 36. *I въ то время бываетъ ему помазание елеомъ, и потому именуется помазанникъ.* Котош., 5.

Древнечешский: *Kdež se jest nadánie kněze zbožím a panstvím stalo od ciesaře?* Chelč., S. v. 45. 19. *A to v nich stojie z pýchy a z přidišného pohredánie stvořenim sobě podobným.* Chelč., S. v., 79. 6. *Najprvé o pánu duchovniem, jenž se jest uvalil v běhy zemské a v panovánie pohanské, chtě s tiem následovati viery apoštolské aneb úřadu apoštolského a chtě vlásti světem i verú.* Chelč., S. v., 55. 11.

2. Творительный места действия.

Древнерусский: *А ходу камышенкою рѣкою три версты въ степь.* Хожд. Ф. Кот., 71. *А ѡтъ ардевиля до халкана ходу три дни горами и ручьями нужно.* Там же, 85. *Ѡтъ Дербени три дни ходу до шаврани степью промежъ горъ и моря на вьюкахъ.* Там же, 81. *Ал*

отъ азова да кафы ходятъ на корабляхъ моремъ,.. а ходъ моремъ на корабляхъ и сия повесть доздѣ. Там же, 72. *А городъ терекъ стоитъ отъ моря верстъ с пять и тою тюменкою выѣздъ в море не однимъ устьемъ а около все камышъ.* Там же, 72. *Жидокъ путь водою а ѣ*[3]*дя*[т] *имъ з бѣдою.* Сим., 102.

3. Творительный средства.

Древнерусский: *а мѣсто итти тиновато а черезъ реку бродъ и перевозъ стругами.* Хожд. Ф. Кот., 78.

4. Творительный совокупности.

Древнечешский: *Ale v jedno tovarystvo viery aby se spojili a spolu úcastnost miestem v duchovniech věcech a v slovu božiem měli.* Chelč., S. v., 23, 17.

5. Творительный орудия действия.

Древнерусский: *По усекновении же его мучительскими руками, глава его кровью и прахом омрачена бысть.* Хрон. Амарт., 538. *И святою водою кропленіе, и честнымъ крестомъ осѣненіе отъ болшаго попа.* Дом., 36. *Потомъ главою поклонитися до пояса; а великіи поклонъ въ землю главою, а молитву и моленіе во устѣхъ.* Дом., 33. *А пишетъ Крымской ханъ и Калмыки въ грамотахъ своихъ о всякихъ дѣлехъ коротко, и не съ прошеніемъ, или упоминаніемъ, для того, что у нихъ бываетъ приказъ словомъ с послами.* Котош., 38. *И тому бъ человѣку учинено было наказание кнутомъ.* Котош., 30.

Древнеукраинский: *Якоже глаголетъ Христосъ: „Блажени слышащіи слово Божіе и хранящіи ё, по разумѣнію и некнижныхъ мірянъ, во услышание ушима и во разумѣніе умомъ“.* Ист. Уг. Р., VII.

Древнебелорусский: *...для такое рани въ голове...для битья киемъ, кугами, дубцы и интьшими приправами за вину...будетъ дванадцать недель на дне у вежы седети...* Ст. кн. Лит.

Древнечешский: *A aby člověk měl tú svátostí obranu a posilenie protiv hřiechóm a očištěnie dopustilým.* Št., O. v., 222.

Этими примерами и исчерпывается наша картотека по древним памятникам.

В современных славянских языках, как отмечалось выше, употребление творительного при отглагольных именах несколько расширяется, однако следует отметить, что то соотношение значений творительного, которое имелось в древнеславянских языках сохраняется в основном, и в современных. По-прежнему наиболее распространенным в приименном употреблении остается творительный со значением материала и содержания действия, по-прежнему слабо представлен (кроме польского языка) творительный орудийный.

В современных славянских языках появляется ряд значений творительного, не отмеченных в приименном употреблении в древнеславянских (творительный причины в чешском и творительный времени в польском), что происходит в результате общего развития приименного употребления творительного. Однако случаи употребления творительного с подобными значениями при отглагольных именах существительных являются

единичными и не меняют общей картины прииенного употребления творительного падежа.

1. Творительный вспомогательного материала и содержания действия

Сербохорватский: *Nije ni čudo, istorija njegovih avantura i njegova gospodarenja ženskim srcima traje već nekakvih dvadeset i pet godina.* Nuš., Priče. *Спрег — то је помагање стоком у време орања.* Марк., Срб. на ист.

Русский: *В две-три минуты, которые выбирались на обмен мыслями без боязни подслушивания, едва успевали они переговорить о другом предмете.* Черныш., „Что делать?“ *В начальствовании армией были две резкие, определенные партии.* Толст., Война и мир. (Шахм., Синт.). *Кроме почета, немало и выгод от управления десятью-то округами.* Глинка, Старос. пов. *Постыдная эта торговля людьми еще процветала во времена нашего рассказа...* Стан., Вокр. св. *...всегда веселый, легкомысленный, играющий своею и чужими жизнями, из-за этой игры жизнью вышедший теперь к русским...* Толст., Х.Мур. *Жадные старухи ползали под брюхами лошадей, собирая трясущимися руками верблюжий помет. То были торговки кизяком.* Пауст., Избр. *Иногда плохое содержание, иногда частые наказания голодом, иногда многие потребности... все это, соединившись, рождало в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье.* Гог., Тарас Б.

Украинский: *Хіба да свабоднага гандлю сумленьнем и гонарам.* Я. К. Т. *Не знаю, наскільки я правий, але мені здається, що такими причинами суть... ...маріння державного величию русьсского племені, маріння велиюю князів та бояр...* Граб., В. Т. *Радите, друже, взятиев за оповідання прозою.* Граб., В. Т. *Не сподобалась декату того енергія, його захоплення Мічуриним та-дружба миенком.* О. Т. М. 112. *Закони управління природою.* О. Т. М. Пр.

Чешский: *Tvrdím, že všechny strašáky proletariátem a dělnickou třídou jsou nesmysl.* Řez., Nást. *Zdálo se, že i dodavatelka jemného ženského prádla, květinářka, voňavkář, a obchodník galanterním zbožím měli tajné detektivy a báli se, aby jim dlužník neumřel.* P., Hra s ohn. *Pan Ryšánek býval obchodníkem s kanafasem, pan Schlegl obchodníkem se železným zbožím.* Ner., M. pov. *Martoň měl také sklad plátnem ve městě a čas po čase jezdíval do Vlach.* Němc., 5 pov. *Pod jeho střechami sedělo víc strachu a omrzelosti válkou, ...než bojového odhodlání.* Řez., Nást. *Zachování klidu, spokojenost s drobnými úspěchy...jsou jeho největší moudrosti.* F., Vyb. ze st.

Польский: *łatwo zrozumieć, iż energia inkwirenta zyskiwała w jego osobie sukurs dość wyraźny, jeśli chodziło o napełnianie stojących przed tymże stołem chłopków poczuciem ważności chwili.* Krucz., Kord. ch. *Predsiębiorca — handlarz niewolnikami, nie ryzykował niczym.* Wójt., Czarn. *Handel niewolnikami, najpoważniejsza i najbardziej dochodowa*

pozycja w bilansie rozwijających się gospodarczych stosunków. Wójt., Czarn. ...*fortuna marszałka urosła głównie ze szczęśliwych pogorzeli no...i troche z handlu bydłem.* Prus, Lalka II. ...*jak wywalczyła sobie zastępstwo w sklepie matki, jak żyje teraz hanlem meblami.* New., Pam. z Cel. — *Dziękuję ci, panie Stanisławie,* — *mówił* — *i za pomoc i za zajęcie się moimi interesami.* Prus, Lalka II. *Czuć nakoniec piękności Greków więcej jesteśmy w stanie, niżeli je naśladować; do zajęcia się nimi nie tak może przyczyniają się same przez siebie, ile do tego nasze raczej wyobrażenie jest pobudką.* Brodz., Klas. ...*wódz naczelny wymagał, aby żołnierz przychodził tak jak najlepiej przysposobiony zarówno w obratach wszelakich jak w robieniu bronią.* Krucz., Kord. ch. *Rewolucja u nas to nie samo tylko postrzelanie okien w Belwiederze...nie samo tylko Warszawą owładnięcie!* Krucz., Kord. ch. *Otdąd wszystko potoczyło się na złamanie karku. Był bieg na przełaj, było noszenie papieru z Fordonka „do kantoru", pakowanie z Madzią...zabijanie skrzyń deskami, ładowanie na wóz.* New., Pam. z Cel. *Widziałem jego podpis czerwonym atramentem.* New., Pam. z Cel.

2. Творительный места действия

Русский: *До ближнего села семь часов ходьбы лесом.* Фед., Перв. рад. *Я сей дорогой не ходок.* Леск., Собор. 1,5. (Шахм. Синт.).

Чешский: *Měl bych jít domů, říkal si, ale představa cesty tím ztichlým městem mu svazovala nohy.* Řez., Nást. *A když za přestávky procházka sálem nastala, byla Lottynka jako obklopena.* Jir., Fil. hist. *Však chůze hlubokým sněhem byla obtížná, zapadali, zahřáli se, pot jim vyvstával na tváři.* Jir., Skal.

Польский: *Ale wszyscy wiedzą, czym jest brak dachu nad głową, albo gniezdzenie się kątem, wieczne swary o używanie kuchni czy łazienki.* Bieńk., Dach nad gł.

3. Творительный средства передвижения

Чешский: ...*odznak svědčící o tom, že ovládají techniku seskoku padákem.* F., Vyb. ze st. ...*a cesty packardem, to není nic?* P., Hra s ohn.

Польский: *Rozwiały się jak dym fajczany niecierpliwe rojenia... o promenadach na Krakowskim Przedmieściu ba! nawet o wzbronionych podchorążym przejazdzkach warszawskimi dorożkami.* Krucz., Kord. ch. *Powrót samochodem do domu nie poszedł gładko.* Nałk., Węzły ż.

4. Творительный времени

Польский: ...*pobudki, wymarsze wczesnymi rankami, kurzawa błoń parysowskich, upalne popołudnia powrotów...* Krucz., Kord. ch. *A no i żołnierzom dobrze się widziało to wyjście wiosenną porą z nudnych koszar czy kwater po miastach i miasteczkach Królestwa.* Krucz., Kord. ch.

5. Творительный причины

Творительный причины, утраченный почти во всех современных славянских языках, сохранился лишь в чешском литературном. Он представлен в нем и в приименном употреблении.

Чешский: *Smrt olovem jako mor obchází zemí a nevybírá.* F., Rep. *Pro to všechno že jest odsouzen k smrti provazem.* Jir., Skal. *Dnes v noci odvážejí mou Gustinu do Polska „na práci". Na galeje, k smrti tyfem.* F., Rep. *Posílají ho z „Rudého plamene", řekl a zamračil se, přemáhaje posykávání zimou.* P., Hra s ohn.

6. Творительный орудия действия (вещественного и невещественного)

Сербохорватский: *— И у том, за тебе, „пезевенк", толико је било страшног презирања и одгуривања ногом од себе нечег гадног, нечистог да Томча под тим као поклекну...* Станк., Неч. крв. *Када почеше пред поноћ већ петлови да певају и све око куће настаде тако мирно и тамно, чу се куцање алком.* Станк., Неч. крв. *Опет наста куцање гашкама, песма и смеј.* Мат., Ускок. *Обмањивање публике лажним лековима.* Јован., Предгов.

Русский: *Всякие потрясения для него, как удар палкой по луже грязи.* Горьк., Мещ. *После двух или трех хваток серпом, бросает его на земь.* Взгл. м. ж. *И она чувствовала его движение рта и сопенье носиком.* Толст., Война и мир. (Шахм., Синт.). *Их любовь выдержала испытание разлукой, и вот настала пора свадьбы...* Руд., Солд. *...им предстояла „разведка боем".* Каз., Сердце др. *Тема замечает, что Гнедко от удара кнутом взял сразу в галоп, и приказывает Иоське, когда он сядет, снова ударить лошадь.* Гар., Детство Т.

Чешский: *Jako odpověď zaznělo bouchnutí bytovými dveřmi a Mařenčin běh pro cigarety.* P., Hra s ohn. *První cvik, ráz, dva, raz, dva, údery kladivem.* F., Rep. *...pádná rána soukovitou holí ho porazila.* Jir., Skal.

Словацкий: *Samo záporné krútenie hlavou.* Sln. cestá.

Польский: *Niekiedy w tę ciszę i ciemność wpadało silne stuknięcie do wystrzału z pistoletu albo do uderzenia kameniem o ścianę podobne.* Orz., Cham. *Bolało mnie to bardziej niż razy drewnem za jakiegoś nieopatrznego psikusa.* Rudn., St. *Gdyż choć utrzymanie łączności wypadnie nam trudniej, to znów zyskamy możność sięgania wpływem na oddziały...* Krucz., Kord. ch. *A Szczęsny, słuchając go, wciąż tym się krzepił, że jednak zwrócił, czego się w wojsku nauczył przy rzutach granatem.* New., Pam. z Cel. *...znaglił i ani za prośby jej, ani na gniewne tupanie nogami nie zważając odpłynął.* Orz., Cham. *Jeżeli sen, to w takim razie dlaczego pan Lukasz doświadcza w okolicy krzyża tępego bólu, jakby od uderzenia diabelskim kolanem?* Prus., WP. *Sprowadza się li do ojcowskiego twardą ręką garbowania skóry kmiot-*

kom, w których synowską wdzięczność nigdy nie mógłbym uwierzyć. Krucz., Kord. ch. *Tuśkę ten tłum niecierpliwił i drażnił. Rzadko kiedy mogła, pozostać sam na sam z Porzyckim. Przy tym straciła z nim kontakt oczyma.* Zap., Sez. mił.

Итак, наибольшим количеством примеров представлен творительный материала и содержания действия; наименьшим — орудийный творительный. Это сохраняющееся в течение длительного времени соотношение значений творительного, представленного в прииенном употреблении, убеждает нас в том, что оно не является случайным, и дает основание для следующего предположения.

Творительный орудийный с наибольшим трудом сочетается с отглагольными существительными, для которых характерно отвлечение от действующего лица потому, что орудие обязательно предполагает наличие субъекта действия, деятеля, который производит им действие. Творительный падеж вспомогательного материала и содержания либо указывает на область распространения действия, обозначенного глаголом, либо уточняет его содержание, находясь, таким образом, целиком в сфере глагольного признака, почему и получает наибольшее развитие в прииенном употреблении. Творительный места и времени имеет искони более слабую связь с субъектом действия. Наиболее ранние примеры их прииенного употребления мы находим уже в древних языках.

Таким образом, мы полагаем, что различная степень употребления разных значений творительного объясняется степенью их связанности с субъектом действия.

Предложное употребление творительного при отглагольных именах существительных

Данные сочетания представляют собою явление иного порядка, чем беспредложный творительный с отглагольными именами. Эти конструкции отличаются друг от друга временем возникновения и различным распространением в языках.

В отличие от беспредложных сочетаний творительного предложные конструкции творительного с отглагольными именами весьма распространены в древних памятниках славянских языков, в частности в тех из них, в которых не было отмечено ни одного примера употребления беспредложного творительного прииенного, например в древнепольском и древневерхнелужицком.

В современных славянских языках предложные сочетания творительного с отглагольными именами представляют собою явление вполне обычное, не ограниченное определенными стилями только письменного языка[1].

[1] Насколько предложные сочетания творительного с отвлеченными именами существительными являются более распространенными в языке по сравнению с беспредложными, довольно ярко свидетельствует следующее наблюдение над их употреблением в современном русском языке. В диссертации А. С. Василенко „Конструкции с творительным падежом в современном русском литературном языке", в которой учтены

Исходным значением предложных сочетаний творительного является пространственное значение. И если, например, орудийное значение беспредложного творительного ограничивает возможность его сочетания с отглагольными именами (характерной особенностью которых является отвлечение от действующего лица), то пространственное значение предложных сочетаний творительного не препятствует их употреблению с отглагольными именами, так как действие, в котором деятель не обозначен, может также протекать в пространстве.

Обычность употребления предложных сочетаний творительного с отглагольными именами в древних и современных славянских языках, а также отсутствие смысловых различий последних от глагольных конструкций (*ход под парусами* и *ходить под парусами*) делает целесообразным рассмотрение предложных именных сочетаний творительного в общем разделе „Предложные сочетания творительного“ без специального их выделения.

В настоящем разделе работы мы ограничимся приведением отдельных примеров употребления предложных сочетаний творительного с отглагольными именами.

Предложные именные конструкции отмечены во всех древнеславянских языках.

Древнерусский: *и браци не бываху въ них, но игрища межю селы.* П. вр. л., 15. *И бысть тяжа про то велика предъ благовѣрнымъ княземъ Андрѣемъ.* Лавр., 6672. *Боудѣть ли тѧжа Смоленичу с Немѣчкимь на готьсчѣмь березѣ.* Смол. гр. 1230 г.

Древнечешский: *Však i žádný člověk neměl by nad druhým moci ani nad tělem, ani nad sbožím.* Št., O. v. 30, 1. ...*drání nad bratřími děje se.* Chelč., S. v., 135. *Ty sú jmiely s Cyrem svádu.* D. chr., 20.

Древнепольский: ...*genze bil wlodarzem nad gego wszym sbozym.* B. Z., 27. 30.

Нижнелужицкий: *Ten knez jo ssudnik nad lüshimy.* P. S. 6.

В современных славянских языках подобные конструкции являются обычными.

Сербохорватский: *Трговање с новцима постало је најсигурнији и најкористнији рад у Србији.* Марк., Срб. на ист.

Словенский: ...*in predvsem Ana Renata ni prikrivala svojega veselja nad odgovorom.* Tavč.

Русский: *Борьба с лодырями, рвачами у нас с тобой общая.* Андр., Шир. теч. *До Батавии оставалось трое-четверо суток хорошего хода под парусами.* Стан., Вокруг св. *Разница была только в том, что вместо сидения за указкой и пошлых толков учителя, они производили набег на пяти тысячах коней...* Гог., Тарас Б.

все случаи употребления творительного в ряде произведений художественной литературы XIX и XX вв., отмечены лишь один случай употребления беспредложного творительного при отглагольном существительном и пятнадцать случаев подобного же употребления творительного с различными предлогами.

Чешский: *Ovšem, že takoví a podobní lidé jim nadávali, po městě je roznášeli, že jsou skoupí, že nemají slitování s chudým člověkem.* Němc., 5 pov.

Словацкий: *...ukázal se i nadporučik..., čo začal nadavkovať tajné styky s... Mad'armi.* Jilem., Kron. и пр.

II. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРИАДЪЕКТИВНЫЙ

В исследованиях творительного падежа обычно имеется раздел, посвященный вопросу о приадъективном его употреблении. Как правило, указывается, что наряду с глагольным употреблением творительного известно и приименное его употребление — при отвлеченных именах существительных и при прилагательных и дается определение значения творительного приадъективного. „Творительный приименной при именах прилагательных качественных, — говорится в академической грамматике, — указывает на область проявления того признака, который обозначается данным прилагательным; иначе говоря, такой творительный уточняет, ограничивает область проявления соответствующего признака, почему и называется творительным ограничения“ [1]. Здесь дано наиболее точное определение значения творительного приадъективного и впервые обращено внимание на особую синтаксическую роль имен прилагательных, управляющих творительным падежом: „Творительный ограничения сочетается преимущественно с краткими прилагательными (в роли именного сказуемого), но может сочетаться и с полными прилагательными (в роли определения), напр.: *известен трудами, слаб здоровьем, гордый успехами, сильный духом*“ [2].

В других исследованиях (специально посвященных творительному или же в соответствующих разделах грамматики) на синтаксической роли прилагательных, управляющих творительным, не фиксируется внимания. Исследователей, занимающихся творительным, значительно больше интересует вопрос об оттенках значения творительного приадъективного [3].

В некоторых исследованиях по творительному примеры приадъективного употребления рассматриваются внутри некоторых значений творительного приглагольного без специального их выделения на том основании, что значение ограничения, или, как его называют некоторые зарубежные грамматисты, „дистрибутивное“ значение, совершенно не меняется в зависимости от того, управляет ли данным творительным глагол или имя прилагательное [4].

---

[1] „Грамматика русского языка“. Изд-во АН СССР, ч. 1, 1952, стр. 128.

[2] Там же.

[3] А. А. Потебня. Из записок..., А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка (стр. 347). Потебня и Шахматов выделяют по два-три значения творительного приадъективного.

[4] См. F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. B. IV, Syntax. Heidelberg, 1926, стр. 723; J. Łoś. Funkcje narzędnika w języku polskim, — „Rozpr. Akad. Umiejętn., Wydz. filol.“, ser. II, t. XXV, Kraków, 1905, стр. 121—122;

Действительно, для изучения собственно лексических значений вопросы синтаксических особенностей употребления творительного приадъективного и не важны. Однако для нас изучение синтаксического употребления творительного приадъективного имеет особое значение[1].

В данном разделе главы мы должны, по возможности, решить вопрос о причинах его появления в языке.

По нашему мнению, основанному на наблюдении над особенностями синтаксического употребления прилагательных, управляющих творительным падежом, появление и употребление творительного приадъективного обусловливается целиком его глагольным употреблением, а именно тем, что прилагательное, управляющее творительным, является в подавляющем большинстве случаев составной частью именного сказуемого, т. е. находится в сфере предикативного, глагольного признака.

В тех славянских языках, в которых сохраняется различие двух форм качественных имен прилагательных — именной и местоименной, творительный падеж большею частью употребляется при кратких формах, которые, как утверждает А. М. Пешковский „осказуемились" благодаря своему употреблению почти всегда при связке[2].

В языках древнеславянских, где краткие прилагательные широко употреблялись и в роли определения, творительный падеж наблюдается, однако, большей частью лишь при тех кратких прилагательных, которые являются именной частью составного сказуемого.

В современном русском языке краткие прилагательные „обозначают качественное состояние, протекающее или возникающее во времени; полные — признак, мыслимый вне времени..."[3].

Употребление творительного падежа при именных формах качественных прилагательных, где „значение качества" переходит в значение „качественного состояния"[4], т. е. где имя прилагательное приобретает временну́ю характеристику, получая предикативный оттенок значения, является весьма характерным. Там же, где прилагательное выполняет только атрибутивную функцию, творительный падеж при нем явление исключительно редкое.

Четкое противопоставление полных и кратких форм качественных имен прилагательных наблюдается далеко не во всех славянских языках.

книгу St. Szobera „Gramatyka języka polskiego", а также соответствующий раздел в „Српска синтакса" Даничича (Београд, 1858).

[1] В разделе о приадъективном употреблении творительного мы не рассматриваем случаев употребления творительного при причастиях, считая, что без всех условий перехода причастия в прилагательное случаи употребления творительного при причастии следует рассматривать в главах, посвященных глагольному употреблению творительного, ибо управление творительным при неадъективизировавшихся причастиях остается совершенно таким же, каким оно было при глаголах.

[2] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, М.—Л., 1934, стр. 204, 151.

[3] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 263.

[4] Там же, стр. 262.

Естественно, что наши наблюдения над употреблением творительного при именных или местоименных прилагательных касаются главным образом тех языков, которые сохранили противопоставление полных и кратких форм в полной мере.

Творительный приадъективный получил неодинаковое развитие в различных славянских языках.

Широкое распространение творительный при прилагательных имеет в южнославянских и восточнославянских языках. В западнославянских языках — польском, чешском, словацком он употребляется значительно реже.

Широкое развитие творительный приадъективный имел в старославянском языке. Несмотря на то, что в нем была широко развита система полных прилагательных, творительный падеж употребляется в подавляющем большинстве случаев лишь при кратких качественных прилагательных, являющихся именной частью составного сказуемого: ...кротъкъ есмь и҆ съмѣренъ срьдцемь. Савв. кн., Марк. V, 135 воѥвода рече ѥште ли пакы дръзаѥши и жестокъ ѥси срьдьцемъ савине. Супр., 150_4. Неповіненъ рѫкама и чъстъ сръдъцемъ. Син. пс., $28^{а}_{9}$. Она же рѣсте...іже бы мѫжь пророкъ сильнъ дѣломъ и҆ словомъ прѣдъ бм҃ь всѣми людьми. Зогр., XXIV, 19, 134; ...азъ на нашей земи славенъ сы племенемъ высокъ же саномъ. Супр., 63_8. ...и блаженый сь вьздрастомъ хоудъ бѣ дш҃еѭ же велик. Супр. 546_{18}. И ѥстъ зѣло старъ и свѣтѣлъ лицемъ. Супр. 302_{21}. Сілоѭ твоеѭ і правъдѫ твоѭ...бж҃е къто подобенъ тебѣ. Син. пс. LXX, 19, $87^{в}_{13}$. И тъ бѣ богатъ и искааше видѣті исуса къто естъ, и не можааше народомъ, ѣко тѣломъ малъ бѣ. Ассем., XIX, 1—10, 91_7. Обрѣте облаженика савѫ...въ мнозѣ оубо пльть нѣѣмъ оубожьствѣ ходѧштемъ доуховъныими же благодѣтьми богатомъ сѫштемъ. Супр., 283_{10}. Коль добръ бъ Іи҃левъ правымь сръдьцемъ. Син. пс. LXXII, 1, $90^{а}_{19}$.

Случаи подобного употребления творительного составляют значительное большинство отмеченных примеров творительного приадъективного в исследованных памятниках старославянского языка.

Однако в старославянском, как и в некоторых других славянских языках, творительный приадъективный мог употребляться не только в отмеченных выше синтаксических условиях. Так, в старославянском языке находим некоторое количество примеров приадъективного творительного, когда творительный падеж употребляется при кратких именах прилагательных в роли определения.

В этом нет резкого противоречия с тем, что мы сказали выше, так как определение, выраженное именной формой прилагательного, обладало в древнем языке известной степенью предикативности. Проф. Борковский обращает внимание на то, что для определения, выраженного краткой формой прилагательного, характерна постпозиция относительно

определяемого им существительного[1]. Наш материал подтверждает это положение: **виждѫ вы мѫжи растомъ добры. и красъны и словомъ оумѫдрены.** Супр. 175_{23}. **И нарекоша некꙋтариꙗ нѣкого. мѫжа именита и доброговѣина. кротъка образомъ.** Супр. 202_{14}. **Възмѩсѩ вьсі неразоумьні сръдьцемь.** Син. пс., LXXV, 6, $96^{в}_{2}$.

Много примеров приадъективного употребления творительного отмечено в среднеболгарском памятнике — „Летописи Манасии" (XIV в.): *...съи имѣше женѫ красотоѭ прѣдивнѫ.* Хрон. Манас., 276_{6} *...създа и чловѣка ...мала оубо видѣніемъ ꙗко изѧшныимъ величьствомъ.* Там же, 9_{2} *...здати начѧшѫ стлъпъ халанскыи прѣвъзѧта, высока, прѣвелика высотоѫ.* Там же, 16_{1}.

Случаи употребления творительного при местоименных прилагательных в старославянском очень немногочисленны и однотипны[2]. Творительный падеж большею частью употребляется при субстантивированных именах прилагательных и составляет вместе с ними как бы неразложимое лексическое сочетание. Иногда в подобных же условиях употребляются и краткие имена прилагательные, которые мы отдельно не оговариваем, рассматривая их в общем ряду подобного употребления творительного. **Блажені чісти сръдъцемъ, ѣко ті бога оузьрѧтъ.** Ассем. ев., Мат. IV, 25, V, 1—12; 144_{18}. **Блажени нищи доухомь, ѣко тѣхъ естъ цѣсарство небесъное.** Ассем., Мат. IV, 25, V, 1—12, 144_{12}. Савв. кн., Лук. VI, 133, 128; Лук., 1, 125, 119. Зогр., Мат., V, 3, 2. Зогр., Лук., VI, 20, 91 **Ї похвалѩтъ сѩ вьсі праві срдцемъ.** Син. пс. LXIII, 11. **Глагола ѝма Іс ѿ неразоумьна и моудьнаа срьдцемъ вѣровати о всемъ ѥже глаголашѧ пророци.** Супр. 477_{25}. **Пробаві мілостъ твоѭ вѣдѫщімъ тѩ: И правъдѫ твоѭ правыімъ сръдъцемъ...** Син. пс. XXXV, $45^{в}_{12}$. **Й съмѣреныѩ дхомь спетъ.** Син. пс. XXXIII, 19, $41^{в}_{10}$. **На кого вьзьрѫ нъ на кротъкааго и мльчаливааго и сьмѣренааго срьдьцемъ и трепештѫштааго моих' словесъ.** Супр. 173_{29}.

Значительное распространение приадъективный творительный получил в сербском языке — как в древнем, так и в современном.

Синтаксические условия его употребления те же, что и в старославянском языке. Многочисленные случаи употребления творительного приводит Даничич в своей работе „Србска синтакса". Интересующие нас примеры употребления творительного приводятся им в ряду примеров глагольного употребления, имеющих, на наш взгляд, ограничительное значение. „Примеры, которые следуют ниже, отличаются от приведенных выше тем, что состояние в них выражается не глаголом, а дру-

---

[1] См. В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949, стр. 225.

[2] В исследованных нами памятниках старославянского языка отмечено 55 случаев употребления творительного при кратких прилагательных и лишь 14 — при полных, причем и эти 14 случаев представляют собою ряд устойчивых лексических словосочетаний.

гим словом", — пишет Даничич[1]. *Да соу волни и обласни ними.* Спом., 171. *Да* є *онь волинь всѣмь покладомь за своєга живота.* Спом., 175. *Ако* є *комоу чимь дльжьнь.* Шаф. Хрисов. 7, 38. *Благо вама који сте сиромашни духом.* Лук., 6, 20. *Прави духом сруемь вѣрни.* Ђ. Палмотић. *Колико су год људи различни тѣломъ на овомъ свѣту, Іошъ су различніи душомъ или управъ разумомъ.* Препр., 39. *Ако* є *кои доубровчанинь комоу дльжьнь или чимь кривъ.* Спом., 129. *Будите задовољни својом платом.* Лук., 3, 14. *Ти си цвитнякъ пригодный Свакимъ липимъ цвићемъ плодный.* П. Кнежевић, 75. *Ты си добримъ виномъ родна.* П. Катанчић. *Те је Бачка житом изобилна, Те је Фрушка вином изобилна,* 1, 680. *А некмоли да е чим оскудна.* С. Милутинов. *Рѣдко е оружана, и слаба* є *фишекомъ.* С. Милутинов. Ист. срб. 153. *Тамо су људи ниски растомъ.* Грлица, 4, 98. *Како ћу весела лицем бити кад ми је душа болесна.* Л. Лазаревић, влад. 35. *Нездрави и тѣломъ и душомъ.* Препр. 11. *Овдѣ* є *земля горовита, но доста е родна пшеницомъ, виномъ и улѣмъ.* Грлица 4, 90. *На Француза боемъ славна.* П. Петровић. *Девом вила а невом гњила.* Посл. *Свака је добра девом, но да је видимо невом.* Посл. *Велики тијелом а мален ћелом.* Посл. *Дужан је и косом на глави.* Посл.

Исследованные нами памятники также дают картину широкого употребления творительного приадъективного. В подавляющем большинстве случаев творительный употребляется при тех прилагательных, которые входят в состав сказуемого. Подобное употребление характеризует как древний, так и современный сербохорватский язык. Например: *Истина омалена растом, али је била крепка и снажна, црномањаста а по једром лицу осуле се здравице; црте на лицу биле су доста правилне...* Весел., Од срца. *Први по власти брат мали је растом, ситан телом, гибак душом, снебивљив опхођењем...* Мил., Међудн

Широкое распространение имеет творительный при именах прилагательных в восточнославянских языках — русском и украинском.

Творительный падеж в древнерусском языке употребляется почти исключительно при кратких прилагательных, играющих в предложении роль именной части составного сказуемого. Случаев употребления творительного приадъективного вне указанных синтаксических условий значительно меньше, чем в старославянском языке, и все они структурно повторяют случаи, оговоренные для старославянского языка.

Приадъективное употребление творительного почти исключительно при кратких именах прилагательных, функционирующих в предложении в роли именной части составного сказуемого, наблюдаемое в древнейших памятниках русского языка, сохраняется и в более поздних документах русской письменности, относящихся к XVI—XVII вв., а также в говорах современного языка.

Те же синтаксические условия его употребления наблюдаются и в современном русском литературном языке, в котором произошло, как это будет показано ниже, некоторое сужение его употребления.

[1] Ђ. Даничић. Srbska sintaksa. Београд, 1858, стр. 572.

Приведем примеры приадъективного творительного в исследованных нами памятниках письменности древнерусского языка: *Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломь, черменъ лицем, великыма очима...* П. вр. л., 100. *Бѣ же Изяславъ мужь взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобливъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду.* П. вр. л., 134. *И митрополита ужасть обиде, бѣ бо нетвердъ верою к нима.* П. вр., л., 121. *Но Ярополкъ же благъ сый, милостивъ нравомъ, страхъ божій имѣя въ сердци.* Ип., 15. *...и угрязе подъ нимъ конь, бѣ бо ногама боленъ.* Ип., 24. *бѣ же сеи муж не книженъ, но умомъ простъ.* Моск., 13. *И челмы на головахъ бѣлые же, а родомъ недородны, и лицѣмъ блѣды и сухи и черноваты.* Хожд. Ф. Кот., 114. *...круглолик, нос прям, глаза истемнасеры, волосом голова темноруса, ус и бороденка исветлорусы...* Як. Х., 448, XIII. *А на том дворе боярских лошедей на стойле: жеребец сер аргамачей розинка, левым глазом крив, гриво направо:* А. Х. Мор., 74. *И будетъ исъ тѣхъ бояръ бояринъ, или околничей. или столникъ зъ бояриномъ породою своею ровенъ...* Котош., 43. *А боле того не виноватъ есми никому ницимъ, развѣе богу душею.* Гр. Н. П., 248, гр. 226. *Красно гумно стогами а сто*[т] *пирогами.* Сим., 115. *Женихомъ бракъ честенъ.* Сим., 103. *Фонарь да пономарь свѣчами пригожы.* Сим., 148. *Брадою чтенъ старъ а рузумомъ хвале*[ч] *мла*[д]. Сим., 78. *Бои красенъ мужество*[м] *а приятель дружествомъ.* Сим., 83. *Красна пава перьемъ чесна жена мужемъ.* Сим., 112. *Государыня наша, любезная дщерь, прекрасная королевна. Или ты недомогаешь, что ты видомъ очень печальна?* Ист. о В. Кор., 125. *Азъ же крестомъ благословя, и с тѣхъ местъ простилъ, и бысть здрава душою и тѣломъ.* Жит. Авв., 79. *иже словомъ являющися мудры, и крѣпки, яко львы, сущее же рещи яко волцы: дѣломъ же юроды и безумны, и яко мравіи безсилни.* Др. гр. Ряз. кр., 93, № 36.

В древнерусском языке очень мало случаев употребления творительного при прилагательных, не входящих в состав сказуемого, они представляют собою однородные синтаксически примеры, когда прилагательное находится в постпозиции по отношению к определяемому слову. Например: *И пожьженъ бысть град и церкви несказьны лѣпотою.* Новг., 46. *Въ се же лѣто преставися игуменья Лазорева монастыря, свята житьем, мѣсяца сентября в 4 надесять день...* Ип., 4. *И свѣдавъ царь у нѣкоторого своего ближнего человѣка дочь, дѣвицу добру ростомъ и красотою.* Котош. *Имѣлъ у себя сына Василия, лицемъ зѣло прекрасна.* Ист. о В. Кор., 108.

Случаи употребления творительного при местоименных прилагательных в древнерусском очень немногочисленны, причем большинство из них представляет собою составную часть фразеологизмов: *блаженыи душою и телом, правыи сердцем* и пр. Например: *И веселяшеся блаженыи душею и теломь, устроивъ собе память вѣчьную.* Новг., 44. *Оружья извлекоша грѣшьници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемь.* П. вр. л., 154. *А какъ царевичъ будетъ лѣтъ пяти, и къ нему приставятъ, для бережения и науче-*

ния, боярина, честью великого, тиха и разумна... Котош., 17. *Приведе съ собою перваго митрополита в Россію Михаила, великого житіемъ.* Густинск., 256.

В современном русском литературном языке и его говорах сохраняются те же синтаксические особенности употребления творительного приадъективного. Но в современном русском языке в предикативной функции могут выступать не только краткие формы качественных прилагательных, но и полные, местоименные формы. Поэтому творительный падеж может выступать и в сочетании с полными прилагательными. Однако различие в значениях, развившееся в определенный период истории русского языка, между полными и краткими прилагательными (наличие временного момента у кратких и отсутствие его у полных прилагательных) препятствует широкому употреблению творительного при полных прилагательных. Несмотря на развившуюся предикативность полных прилагательных в русском языке, творительный падеж чаще употребляется при кратких качественных прилагательных. Так, в говорах: *Каков у Вас Илья, говорй, кóрпусом?.* Онч., Сев. ск. *Красен человек статью.* Даль, III, 120; Шахм. *Хорош город делами, да плох головами.* Посл. (Пот., Из зап. ...). *Велик телом, да мал делом.* (Посл.); *речами тих, да сердцем лих.* (Посл.). *Бел лицом, да худ отцом.*

Для современного русского литературного языка можно констатировать некоторое сужение употребления творительного приадъективного, его замену иными, описательными конструкциями [1].

Широко представлен в русском литературном языке приадъективный творительный в определенных сочетаниях *высок ростом, хорош собою* и пр., идущих по пути превращения во фразеологические словосочетания. Однако, несмотря на существующую, видимо, в настоящее время тенденцию к замене творительного приадъективного иными оборотами речи, творительный при прилагательных ни в коем случае нельзя рассматривать как какой-либо архаизм, во всяком случае для литературного языка XIX в. *О ты, пространством бесконечный, теченьем времени превечный* (Державин). *Кто благостью велик, как Бог?* Державин. *Грабительством богаты.* Гриб., Горе от ума. *Нами дерево так пышно и кудряво.* Крылов. *Видно, молодец механикой был страстен.* Крылов. *Деньги счетом крепки, рубль цел копейкой.* (Пот., Из зап.). *Он был из рода семенгальских царей, был крепок силой, ростом высок; был чуток слухом и так очами зорок, что ночью видел он как днем.* Жук., 6, 116. (Бусл., Ист. грам.). *Ежели ты чист совестью, если чалму ты надевал собственно только для спасения души, то ты прав...* Толст., Х. Мур. *Она была довольна, счастлива детьми.* Толст., Анна К. *Но ведь я оттого и боюсь сказать, что я счастлив, счастлив хоть надеждой.* Толст., Анна К. *Ей был очень смешон Петр Михайлович и своей наружностью и своим хлопаньем.* П., Тыс. Душ. (Шахм., Синт.). *Воспрянул бы словно из гроба. И словом и делом*

[1] См. главу „Творительный ограничения в славянских языках".

могуч. Смирились бы дерзкие оба И отдали б старому ключ. Некрасов. *Грозен осанкой и пышен нарядом, Молча поводит властительным взглядом.* Некрасов. *Ростом Щукин мал, лицом серо-желт, глазами постоянно взволнованно-тороплив, движениями непоседлив и суетлив, речью бессвязен, умом недалеко ушел; середняк одно слово.* Фурм., Мятеж. *Все, чем теперь сильны мы и богаты, Все, чем отныне Родина горда...* (Песня).

Как отмечалось выше, творительный в современной литературе может сочетаться и с полными именами прилагательными, которые, однако, в большинстве своем являются именно частью составного сказуемого. Например: *И, действительно, Юсуф, сын Хаджи Мурата, худой, бледный, оборванный и вонючий, но все еще красивый и своим телом и лицом, уже стоял у ворот внешнего двора...* Толст., Х. Мур. *Он был телом сильный, как бык, и храбрый, как лев, а душой слабый, как вода.* Толст., Х. Мур. *Мастью он был вороно-пегий.* Толст., Холст. *Поев у себя обед, который принесла ему остроносая, черная, неприятная лицом и нелюбимая, но старшая жена его, Зайдет, Шамиль пошел в кунацкую.* Толст., Х. Мур. *Хаджи-Мурат этот был знаменитым своими подвигами наиб Шамиля.* Толст., Х. Мур. *Чернов черен, как черника, весь черный лицом, волосами, бровями, усами, бритой густой щетиной бороды.* Фурм., Мятеж. *Хороший человек Аржанов. Ученый и простой сердцем.* Копт., Дружба.

Творительный при прилагательных, выполняющих только атрибутивную функцию, в современном русском языке — явление редкое. Нами не отмечено ни одного случая употребления творительного при прилагательных, являющихся определениями. Однако творительный при прилагательных (кратких) в составе распространенных определений, предшествующих определяемому слову, существует в русском языке: *Богат, хорош собою, Ленский Везде был принят как жених.* Пушкин.

Однако и здесь прилагательные обладают какой-то долей предикативности. Например: *Но, по счастью, этот дикарь, слабоватый умом и сердечком, принялся за французский букварь, чтоб с тобой обменяться словечком.* Некрасов. *Тянулась жизнь — как у всех, кто живет, — богатая длинными горестями и бедная короткими радостями.* Шол., Подн. цел.

В украинском языке творительный приадъективный чаще, чем в русском, употребляется при полных именах прилагательных. Однако основное синтаксическое условие — принадлежность прилагательного к предикату — соблюдается во всех отмеченных примерах из украинского языка: *Зима барзо великая была так снѣгами, як тож и морозами.* Літ., Сам. 133. *Тонкий, высокий, сподом широкий.* Е. Зб., 35, 210. *Тонке* (дерево) *високе, листом широке.* Гр. III, 41. *Ой мак чистий, головастий, коренем коренастий.* Чуб. III, 47. *Ой ти, дубе, кучерявий, сам листом кудрявий. Славний козак дохоналий, словами ласкавий.* Х., Сб., VI, II, 117. (Ср., *на слова ласковий* — Чуб. 392). *Чим ти силен, чим ти красен? Ой силен я все річками Та крутими берегами, Жов-*

тенькими пісочками, Ой красен я козаками, молодими рибалками. Чуб. V, 127—128. *Хоч я ростом і висока.* (Ср. *на виріст не високий.* Ном., 8665). *Ой ти, дубе, кучерявий, ей ти верхом красний.* Чуб. V, 103. *Ой як вишня, як черешня ягідками рясна.* Чуб. V, 24. *Ти* (дубочку) *листом прерясен.* Чуб. V, 185. *Стояла сосна золотом рьісна.* Шух., Гуц., IV, 109. (Тимч., 91).

В исследовании проф. Е. К. Тимченко „Вокатив і инструменталь в украіньскоі мові" (1926) приводятся следующие примеры употребления творительного приадъективного. *Була вагітна близнятами (вагоніти близнятами). Вона тим дуже й була втішна.* Kolb, P, IV, 44. *Я тим гріхом не грішний.* Е. Зб., XVI, 461. *Всякими вигодами довольні.* Ж. С., II, 209. *Старими людьми село порадне, Парубками село горіжне.* Ип., I, 49. *Чи мною раді чи не раді.* Чуб., IV, 519. *Переказами вовк не ситий.* Е. Зб. 16, 241. *Славна Чута товстими дубами.* Лукаш., 56. *Дам тобі своє вінчальненьке кільце і будеш ти ним щасливий.* Чуб. II. 292 (Тимч., 91).

Итак, мы наблюдаем картину широкого развития творительного приадъективного в южнославянских и восточнославянских языках. Однако в западнославянских языках он представлен очень незначительным количеством примеров.

В польском языке почти все примеры приадъективного употребления творительного сводятся к употреблению его в определенном, очень узком лексически, круге фразеологических оборотов. Со стороны синтаксической в польском языке (как древнем, так и современном) часто наблюдаются не характерные для творительного приадъективного в иных славянских языках отношения: прилагательные не являются именной частью составного сказуемого, а функционируют в предложении в роли определения.

Древнепольский: *Prawa pomocz moya od boga, yenze zbawyone czyny prawe szyerczem.* P. P., 10, 10, 5. *Y uczynyly sǫ wszitczy mǫdrzy szerczem...* B. Z., 74, 6. *Ten psalm powyada, ysz xps kraszny oblyczym mymo syny lyudzke, od boga oycza przylǫczon czerekvy, blogoslawyony.* P. P., 77, 12. *Y sly sǫ starszy Moabscy y wyǫczszy urodzenim y Madian...* B. Z., 144, 2. *Przyszedwszy Moyszesz, a zawolal wszytkich wyǫczszich rodem z luda.* B. Z., 65, 37. *Y przydǫ wyǫczszy urodzenym z myasta tego ku zabitemu y umyyǫ rǫcze swee nad ialoviczǫ...* B. Z., 140, 11. *Tedi szebraw Iozue wszistki syni Israhelskye w Sichen, a priwolaw wiǫczszych urodzenim y ksyǫzǫt...* B. Z., 169, 20.

Современный польский: *Przyzwyczajeni do słodkiego obcowania z tym nie tak panem, jak ojcem i przyjacielem naszym, równi mu wiekiem, obawialiśmy się nowych rządów.* Kras., Hist. *Nie masz pono wśród nas oficera — starszego rangą nad kapitana!* Krucz., Kord. ch.

Примеров употребления творительного приадъективного вне подобных лексических словосочетаний очень немного:

Древнепольский: *...a ty bǫdǫcz zaloscziw syerczem twim we wszech narodzech, w nichzeto wasz rosprossil pan bog twoy...* B. Z., 153, 9.

Современный польский: *Nie podobna pomyśleć by przy komendach swoich pozostać mieli nasi generalowie, chocby zasługami przeszłości najświetnejsi.* Krucz., Kord. ch. *Tylko Matkę Boską Gidelską, sławną cudami babka powiesiła na zewnętrznej frontowej ścianie.* Rudn., St. ... *nie tylko naówczas kruszcami złotymi, ale łagodnością powietrza i obfitościa ziemi sławny i znakomity.* Kraś., Hist. *A siedem onych młodzienców machabejskich, tak pięknych niewinnością i cnotą, jakże się Pośród okrutnych katuszy pociesza i umacnia.* Krucz., Kord. ch.

На существование творительного приадъективного в польском языке указывает проф. Я. Лось в работе „Funkcje narzednika u jezyku polskim"; он приводит следующие случаи употребления творительного приадъективного: *Ty, będąc zalosciw siercem twym.* B. Z. *Niewinowaty rękama* (Fl.). *Urądny wyobrażenin* (Fl.). *Weszła jest we ćmach światłość prawym siercem* (Fl., III, 4). *Więcszych z Izraela rodem.* (B. Z. Ex. 36, 8). *Gdyby zubożał brat twój albo był medl ręką* (B. Z., Zev., 25, 35). *Rzekł ku wiecszym urodzenim* (B. Z.). *Przesilni udatności ku działaniu* (B. Z.). *Chrystus Kraśny obliczym* (Pul., 92). *Błogosławeni ubodzy duchem* (Wuj Mat). *Plemiona, różne mową, postawą językiem obyczajem* (Mochn.). *Wielki rozumem — mały sercem, Twój całym sercem* и т. д.

Указывает на существование в польском приадъективного творительного и Ст. Шобер.

Творительный приадъективный с ограничительным значением был известен в древности и чешскому языку. Приведем примеры. *Ale kteráž vdova, ač mlada letmi, chtěla by slúžiti svým vdovstvím Bohu...* Št., O. v., 85. *neb ty věci činie člověka neprava v žádosti ... a neprawa take často i skutkem.* Št., O. v., 183. ... *aby srdcem i ústy, i také skutkem věrna jí byla.* Št., O. v., 114. *Panna myslí, kak by se líbila Bohu a byla svatá tělem a duchem.* Št., O. v., 68. *Protož kdyby vy pokorny byly a čisty myslí a postavú, i kto by byl hrd aneb smilen, vida, ano to jest vám protivno?* Št., O. v., 104. *Panna a nevdaná myslí, kak by se Bohu slíbila, a byla čista tělem a duchem.* Št., O. v. 82. *Neb netolik srdcem. ale i ústy máme všichni boží býti.* Št., O. v., 111. *Druhé, mezi přivuznými jsú nam někteří přivuzni přirozením nebo rodem, a toho nemohú nikdy ztratiti, by ciš nebyli nám přivuzni rodem.* Št., O. v., 42. *Ti, ježťot' slovú popravce, a skutkem jsú zlí bezpravce.* Fl., Nov. r. 1256.

В современном же чешском языке творительный приадъективный с ограничительным значением совсем выходит из употребления, но получает значительное развитие творительный приадъективный с каузальным значением, отмеченный нами уже в древнейших памятниках письменности: ... *jsa čist ode všech poškvrn, a čist ctnostmi a šlechetnostmi.* Št., O. v., 110. *A tak jeden ne obrácením božstvie v tělo máme, ale vretím člověstvie v božstvie...* Št., O. v., 15.

Современный чешский: *Stranky rukopisu byly ještě horké první republikou.* P., Hra s ohn. *Růža se vrátila, nežívá rozčilením do krámu...* P., Lidé na kříž. *A bylo jitro černé zástupem.* P., Lidé ha kříž. *Správce byl vášní slepý.* Jir., Skal. *Je mokrý potem a stěžl se drží na nohou.*

Čap., Pr. parta. *Bledý hněvem povstal a měře lesknoucíma se očima řady nespokojených posluchačů, chtěl k nim promluviti.* Jir., Fil. hist.

Таким образом, развитие творительного приадъективного в западнославянских языках происходит иначе, чем в южнославянских и восточнославянских языках. Здесь в результате каких-то неясных для нас причин творительный приадъективный не получает значительного развития. Примеры употребления его в современных западнославянских языках весьма ограничены и лексически однородны. Употребление же творительного приадъективного в древнейших памятниках этих языков дает основание полагать, что творительный приадъективный был получен в наследие от праславянского языка и западнославянскими языками.

Изучение творительного падежа в его прииенном употреблении убеждает нас в следующем.

Как собственно прииенное (при отглагольных именах), так и приадъективное употребление творительного обусловливаются его глагольным употреблением. Однако эти разновидности прииенного представляют собою явления, различные как по времени и причинам появления в языке, так и по степени употребительности в славянских языках.

I. Изучение собственно прииенного употребления творительного позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Исключительная редкость употребления беспредложного творительного при отвлеченных именах существительных в древнейших памятниках славянских языков, а также его отсутствие в некоторых древних языках дает основание для предположения о том, что развитие творительного собственно прииенного относится к периоду уже после распада праславянского языка. Сходство данного процесса, начавшегося после эпохи первоначальной общности, в различных славянских языках является вполне закономерным, так как „одинаковые или сходные изменения происходили даже после разделения и начала дифференциации языков, развившихся из «общего языка»“ [1].

2. Распространенность творительного прииенного лишь в определенных стилях языка — научно-техническом и газетно-публицистическом, узость его употребления в языке жанров письменности, близких к народноразговорному языку, и полное его отсутствие в диалектах убеждают нас в том, что творительный прииенной не является чертой народноразговорного языка, а представляет собою элемент только книжной речи.

3. Возможность образования прииенного творительного определяется своеобразием значений отглагольных имен, обозначающих действие, и глаголов, легших в основу их образования. Специфическая же особенность в значении отглагольных имен существительных, состоящая в отвлечении от действующего лица, препятствует широкому распространению прииенного творительного. Таким образом, возможность образования прииенного творительного реализуется только в определенных жанрах письменного языка, далеких от народноразговорной речи.

[1] А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, стр. 45.

4. В отличие от беспредложного творительного приименного предложные сочетания творительного с отглагольными именами представляют собою явление вполне обычное и в древних, и в современных славянских языках, ни в коей мере не ограниченное определенными стилями только письменного языка. Причину этого мы склонны видеть в различии основных значений предложного и беспредложного творительного падежа.

II. Рассмотрение же приадъективного употребления творительного дает основание для следующих выводов:

1. Приадъективный творительный, получивший большое распространение в южных и восточнославянских языках, развивался, видимо, еще в праславянскую эпоху. Наиболее древние памятники письменности южных и восточнославянских языков дают картину его широкого употребления.

Возможно, что его возникновение следует отнести к эпохе еще более ранней, так как подобное употребление творительного свидетельствуется латинским и литовским языками.

2. Приадъективность данного падежа обусловлена в значительной мере его глагольным употреблением. Как показывает анализ материала, творительный приадъективный большей частью употребляется лишь при тех прилагательных, которые входят в состав сказуемого, т. е. несут в себе значение предикативности. Употребление творительного падежа при прилагательных, играющих в предложении лишь атрибутивную роль, является, видимо, позднейшим явлением и не получает до настоящего времени значительного развития.

Глава тринадцатая

ПРОЦЕСС АДВЕРБИАЛИЗАЦИИ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
(на материале польского языка)

Творительный падеж в современных славянских языках обладает рядом значений и функций, отличающихся большой самостоятельностью. Он насыщен различными обстоятельственными значениями, что и создает возможность для перехода падежных форм в категорию наречий [1]. В наибольшей степени общеобстоятельственное значение творительного падежа проявляется в формах, выступающих в предложениях в качестве обстоятельства: в творительном времени, места, причины, выражающих обстоятельства проявления действия, в творительном образа и способа действий и в творительном сравнения, несущих качественно-обстоятельственную характеристику действия. Выражая определенные обстоятельственные и качественно-обстоятельственные отношения, формы творительного времени, места, причины, образа и способа действия совпадают по значениям и функциям с соответствующими наречиями.

Изучить процесс адвербиализации на материале польского языка входит в задачу нашей работы.

Материалом для исследования послужили художественные произведения польской литературы XIX—XX вв., а также тексты польского языка XVI—XVIII вв., записи современных польских говоров. Были использованы произведения Шимоновича, Красицкого, Мицкевича, Пруса, Ожешко, Сенкевича, Рудницкого, Неверли, Путрамента, Пытляковского, Василевской, Стибор-Рыльского и других писателей.

Для разрешения этих вопросов необходимо прежде всего выяснить сущность процесса адвербиализации. Наречие как особая часть речи выделяется на основе синтаксической функции, морфологических признаков и значения. Следовательно, проблема адвербиализации охватывает вопросы синтаксического, морфологического и семантического порядка.

---

[1] В связи с этим надо отметить встречающуюся в дальнейшем изложении двойственность этого термина „обстоятельственный" — с синтаксической точки зрения, т. е. свойственный обстоятельству как определенному члену предложения (поэтому данный термин может относиться ко всем адвербиализирующимся формам творительного падежа) и „обстоятельственный" — с семантической точки зрения, т. е. указывающий на обстоятельства протекания действия, именно: время, место, причину, цель.

Изменение синтаксических функций данной формы при переходе в наречие представляет собой, в основном, иное синтаксическое употребление и осмысление ее говорящим, иную связь с другими частями речи в предложении, а именно: переход от дополнения к обстоятельству и соответственно от управления к примыканию.

При адвербиализации имен существительных процесс перехода в наречие заключается в так называемой „изоляции" падежа из общей системы склонения. Подобная изоляция вызывается рядом факторов (на рассмотрении которых подробно останавливается А. М. Пешковский), а именно: „либо тем, что остальные падежи понемногу переставали употребляться, отмирали, либо тем, что они начинали употребляться не в том значении всего слова, в котором употреблялся данный падеж, либо тем, что сам данный падеж начинал употребляться не в своем падежном значении или не в том значении всего слова, в каком употреблялись остальные падежи, либо тем, что он получал какое-нибудь звуковое отличие от остальных падежей... либо тем, что предлог сливался с падежом в одно целое понятие и тем вырывал его из системы" [1]. Таким образом ощущение падежной принадлежности данной формы бледнеет: падежная форма „перестает образовываться путем присоединения к основе требуемого окончания, но помнится и употребляется целиком" [2], застывая в неизменной форме. Флексия именной формы перестает осознаваться как флексия данного падежа, переосмысляется в суффикс наречия при общем окостенении формы. „Степень близости именной формы к наречию определяется степенью ее изоляции, характером ее обособления от живой системы падежей и функций соответствующего имени существительного" [3].

Существенным условием адвербиализации является приобретение формой новых, наречных значений. Наречие, являясь знаменательной частью речи, несет между тем более общие, более отвлеченные значения, нежели, например, значения имен, — в этом специфика его семантики, как выразителя признака. Поэтому переход в категорию наречий характеризуется не потерей знаменательности, а тем, что значение на базе новых синтаксических функций и морфологических свойств принимает более общий характер.

Потеря субстанциональности, переход к обозначению признака действия или качества — вот существенная черта отыменного наречия. „Разница между таким наречием и дополнением, — пишет А. А. Потебня, — может вовсе не выражаться внешним образом и состоять лишь в том, что в одном случае слово есть существительное или употреблено существительно, а в другом уже чувствуется не как другой предмет,

---

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М.—Л., 1938, стр. 153.

[2] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, стр. 192—193.

[3] В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 381.

а как признак признака“ [1]. В связи с этим существительное теряет способность определяться прилагательным, что является характерной приметой перехода падежной формы в наречие. Адвербиализация падежной формы является, таким образом, процессом приобретения синтаксических, морфологических и семантических примет наречия, насыщения формы наречными значениями. В процессе адвербиализации все эти три группы факторов составляют сложную систему взаимовлияний и взаимозависимости.

Процесс образования наречий далеко не завершен. Поэтому мы встречаем в языке слова, стоящие на разных ступенях адвербиализации, что и позволяет их синтаксически использовать в двух функциях — в старой функции дополнения и в новой — обстоятельства. Наряду с наречиями, в которых с трудом восстанавливается первичная падежная форма, имеются имена существительные, которые, оставаясь в рамках падежа, получают заметные оттенки адвербиальных значений. Отнесение переходных форм к категории наречия или имени существительного зависит от многих причин — от положения конкретной данной формы в системе всех падежей, контекста, характера управления, стиля и т. д. В задачу настоящей работы не входит определение для каждой отдельной формы ее места в системе частей речи.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ВРЕМЕНИ

Творительный падеж времени в славянских языках означает вообще время, в течение которого совершается действие.

Внутри творительного времени, кроме того, выделяют два основных оттенка значения, а именно, время как промежуток, в течение которого происходит действие, и время как момент; в последнем случае творительный падеж только называет время, в которое совершается действие, без дальнейших уточнений [2].

С точки зрения своих синтаксических особенностей творительный времени характеризуется тем, что в предложении выступает в качестве обстоятельства времени. Этот момент имеет большое значение при адвербиализации творительного времени, ибо, как известно, наречие выступает в предложении в синтаксической функции обстоятельства. Обстоятельственность творительного времени, как и других функций творительного падежа, является как бы залогом адвербиализации, делает возможным сближение форм творительного падежа с наречием, их переход в наречие.

Характерной чертой творительного времени является отсутствие связи между творительным времени и субъектом или объектом действия. Творительный времени связан не с подлежащим, а со сказуемым,

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II. Харьков, 1888, стр. 122.

[2] Подробнее см. в главе „Творительный времени“ настоящего исследования стр. 222 и сл.

тяготеет к глаголу и имеет, по выражению Я. Лося, „исключительно наречный характер“ [1].

Исследования творительного падежа, проведенные русскими лингвистами — Ф. И. Буслаевым, А. А. Потебней, Д. Н. Овсянико-Куликовским, А. А. Шахматовым, В. А. Богородицким, А. М. Пешковским, В. В. Виноградовым и др., показывают, что в истории творительного времени в общем наблюдаются две очень активные тенденции — замена творительного времени предложными конструкциями или переход творительного времени в категорию наречий. Первую тенденцию этого исторического процесса необходимо связать, как это сделал Л. А. Булаховский, с общей тенденцией славянских языков значения временны́е и пространственные у имен выражать предлогами [2]. Результаты второй тенденции подтверждаются современным состоянием форм творительного времени. Академик В. В. Виноградов рассматривает формы творительного времени (наряду с творительным сравнения образа) как гибридные наречно-субстантивные образования [3]. Проф. Е. К. Тимченко называет их „полунаречными“.

Вопрос об адвербиализации творительного времени соотносится с вопросом о тех двух значениях творительного времени (как промежуток времени и как общее указание на время действия), о которых говорилось выше. Исследование материала на базе всех славянских языков [4] показывает, что творительный падеж со значением промежутка выражается формами имени существительного, всегда имеющего при себе определение, в то время как формы творительного падежа с общим значением указания на момент действия представляют собою обычно наречные образования. Возможно, что, адвербиализуясь, творительный времени приобретает (или же сохраняет, в зависимости от первоначального значения) значение „называния“ момента действия как самого общего определения времени, времени вообще, без указания на протяженность, продолжительность и т. п. В связи с этим, несомненно, находится и бо́льшая независимость от глагола, наблюдаемая среди творительного времени с данным значением.

Постараемся ответить на следующие основные вопросы: какие формы творительного времени адвербиализируются, каковы причины этого явления, как протекает этот процесс, что и как влияет на него, как развивается адвербиализированная форма дальше.

Все адвербиализирующиеся формы творительного времени согласно их значениям, степени адвербиализации и общности протекания процессов адвербиализации можно разделить на несколько групп.

---

[1] „Syntaktyczne użycie form gramatycznych“. (Encyklopedia polska, t. 3. Kraków, 1915, стр. 131).

[2] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, II. Киев, 1953, стр. 267.

[3] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 171.

[4] См. главу „Творительный времени“.

Первая группа объединяет формы творительного падежа от существительных, обозначающих меру времени: *chwilami*, *godzinami*, *miesiącami*, *latami*. К этой группе по характеру адвербиализации относятся наречия *czasem*, *czasami*.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что все формы творительного падежа данной группы в данном значении, т. е. в течение часов, лет, месяцев и т. д., выступают только во множественном числе при отсутствии в языке соответствующих форм единственного числа — *godziną*, *rokiem* и т. п. В тесной связи со множественным числом этих форм находится высокая степень дистрибутивности данного творительного падежа. Множественное число в данном случае обозначает повторение единицы времени, что ясно дает почувствовать значение творительного времени как соприкосновение времени и действия в нескольких, а не в одной точках, т. е. усиливает дистрибутивность, вообще свойственную данному значению творительного падежа.

Множественное число этих форм усиливает дистрибутивность, по словам А. А. Потебни, „множественное число в славянских языках вообще наклонно изменять значение существительных по направлению к значению состояний и обстоятельств“ [1]. Таким образом, дистрибутивность вместе с множественным числом стимулирует адвербиализацию этих форм, так как способствует приобретению этими формами нового, более широкого, общего значения, свойственного наречию как особой семантической категории. Поэтому все эти формы испытывают явное тяготение к категории наречий. Примеры: *Można było miesiącami chodzić od bramy do bramy fabrycznej na próżno.* Rudn., St. *Ale żem karku latami nie rozginał.* Putr., Wrześ. *Los czasami mocno żartuje z ludźmi.* Prus, Lalka II.

Оставляя пока в стороне *czasami*, *czasem*, *chwilami* как более наречные формы, отметим, что стремление к адвербиализации форм *latami*, *godzinami* и т. п. выражается не только в выполнении синтаксических функций наречия (что, как уже отмечалось выше, вообще свойственно творительному времени), но также в некотором отрыве от остальных форм этого слова. Здесь конкретное лексическое значение слов *rok* — *lata*, *godzina* и т. п. стирается и тускнеет перед значением более общего определения периода времени бóльшей (*rok*) или меньшей (*godzina*) протяженности. Эти формы далеко еще не наречия, но в случае, например, *gada się na ten temat godzinami*, форма *godzinami* никак не воспринимается как обозначение меры времени, она здесь выступает с более общим временным значением указания на конечные границы этого более или менее продолжительного (в сравнении, например, с *latami*), может быть, прерывистого или многократного действия. Последние два момента распределительности особенно подчеркиваются несовершенным видом глаголов, с каковыми, как правило, выступают данные формы.

---

[1] А. А. Потебня. Из записок . . ., стр. 491.

Нельзя не обратить внимания на частое (если не исключительное) употребление данных форм с определением *cały*. Сама эта исключительность определения уже говорит о многом, потому что, как указывал А. М. Пешковский[1], избирательный подход к определению, т. е. положение, при котором далеко не всякое прилагательное возможно при данном существительном, является одним из симптомов переходного состояния от существительного к наречию. Точно такое же явление мы наблюдаем и здесь.

Определение *cały* имеет задачей подчеркнуть, усилить понятие, выраженное творительным падежом существительного, т. е. подчеркнуть, уточнить значение меры, количества времени (ср. *целый день* и *день*).

Интересно, однако, что прибавлением этого определения усиливается дистрибутивность данной формы и еще более стирается лексическая определенность слова. Словосочетания *całymi dniami* (при отсутствии в языке аналогичной формы *dniami*), *całymi latami*, *całymi godzinami*, как и соответствующие русские *целыми днями* и т. п., составляют единое понятие, единое полуфразеологическое сочетание. Примеры: *Powtarzał całymi godzinami: „Stupiętrowy, biały dom“.* Ścib.-R., Węg. *Ale i u siebie w domu tylko ze dwie osoby z chorujących ocalały i to z zatwardziałych grzeszników, którzy latami całymi u spowiedzi nie byli.* Rudn., St. *Całymi dniami nie wychodzi z laboratorium.* Krucz., Dram. *Ja całymi tygodniami skazany byłem wyłącznie na roboty ciężkie.* Rudn., St. *Myślał, że za parę minut stanie się to, o czym marzył całymi miesiącami.* Sienk., R. Połan. II.

В этих словосочетаниях наречность чувствуется сильнее, чем в формах без определения. Более сильное стремление к адвербиализации, более слабые связи с конкретным значением существительного — все это не может не быть следствием добавления определения. Определение усиливает дистрибутивность, сливается с определяемым в одно целое, дистрибутивность стимулирует адвербиализацию. Расширение первоначальных значений до более общих, наречных — так представляется здесь этот процесс.

В дальнейшем многие из этих форм с приближением к наречию получают пока еще слабый новый смысловой оттенок — оттенок качественной характеристики действия: ср. *работать целыми днями* и т. п.

Эта тенденция в какой-то мере проявляется уже в формах без определения *pracować godzinami*, но более четко выступает в словосочетаниях с определением *cały*, как следствие и доказательство большей близости к наречным образованиям. В таком случае эти формы являются в предложении не обстоятельствами времени, но обстоятельствами образа действия.

В польских говорах данные формы творительного падежа, а именно *godzinami*, *latami*, *całymi dniami* и т. п. вообще не встречаются.

---

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис. . ., стр. 155.

Особенно ярко процесс адвербиализации можно видеть на примере наречий *chwilami, czasem, czasami.* Все они выступают лишь в общем значении 'иногда', однако слово *chwilami* еще несет на себе груз исконных, первичных лексических значений, обозначая, в отличие от слов *czasem, czasami* более краткие промежутки времени. Примеры: *Pan Pławicki przymykał chwilami oczy, chwilami ściskał rękę Maszki.* Sienk., R. Połan. I. *Chwilami myślał, że tamten umyślnie zgrywa się na głupca.* Putr. Wrześ. *Kama pozostała tylko bierną, choć chwilami szczerze przejętą słuchaczką.* Pytl., Fund.

Все исследователи творительного падежа указывают на формы *czasem, czasami* как на наречия.

Единственное число в данном случае в значении множественного возможно в силу того, что единица времени принимается, как отмечал Потебня, за образ многих подобных и становится дистрибутивной, что и ведет, так же как и во множественном числе, к адвербиализации, к приобретению более общих семантических значений наречия. Примеры:

XVI в. — *Jescz, pycz, czasshem veszolim bicz, thego nye moze nykth bronicz.* Pr. f. 2. *Czosz tho, wierze, szkodzicz bendzie, isz czashem wesseli liudzie, bi szie zawshe smuczicz miely?* Pr. f. 2.

XVII в. — *Czasem słońce świeci, Czasem z burzą pochmurną deszcz haniebny leci.* (Zimorowicz, Sielanka — пример Линде, 1, 350).

XVIII в. — *Dobrego sąsiada nieźle czasem podpoić.* Kras., Wyb. *Spytany, od kogo te poselstwa i bilety, czasem z misterną miną, czasem z uśmiechem powiadaj.* Kras., Wyb.

XIX—XX вв. — *Chwilami, gdy żaby milkły, słychać było derkacze, grające po rosie, a czasem zdaleka, od błotnistych stawów... odzywał się, jakby spod ziemi, głos bąka.* Sienk., R. Połan. I. *Postępujesz czasem jak człowiek bez serca.* Krucz., Dram.

Широко представлено это наречие и в народных говорах: *Pšydno" kob'ety, źifcyny, casem χłopy.* N., Wyb. *A czasam śniech porywa, słuszqc niewłáściwe wyrazy.* N., Wyb. *Casem připrowadzǫ x"opa "odźánego.* N., Wyb. *A czasem též i z naszy Warmii chtóś sia łodezwał.* N., Wyb.

Здесь наблюдается усиление синтаксической связи формы с глаголом (примыкание), соотносительность не с именем существительным, но с наречием. Наречность данной формы проявляется, например, в случаях синтаксического сочинения в предложении с наречиями. Примеры: *Gazety czasem o tym trąbiły, częściej milczały.* Putr., Wrześ.

В современном русском языке форма *часом* в том же общем значении времени утратилась, только в редких случаях можно встретить: *часом с квасом, порою с водою* (поговорка). Ср. серб. *časom vedro, a časom oblačno.*

Украинский: *І в погоду часом грім ударить* (по Тимч.) и т. п.

Другая линия адвербиализации данной формы объясняется модальностью. Адвербиализируясь, такая форма *czasem* становится не наречием времени, но наречием образа действия — наречие *czasem* в значении 'случайно' встречается в литературном языке, но чаще в говорах.

В литературном языке: *A propo czy niema tam czasem kapitana.* Prus, L. I. *Nie znalazł pan czasem kobiety swego gatunku?* Prus, Lalka II. *Rąbicz podszedł, też przystanął, zaniepokojony, czy czasem adiutant nie przekręcił czego.* Putr., Wrzes.

В говорах: *A straśnie sie boi, zeby ji casem przez to nie porzuciuł.* N., Wyb. *Zaglundaųa doni bezkilka nocuf, cy śe casem ńećeli, bo krova ius caųkem ųotpuśćiųa.* N., Wyb.

Czasami — форма множественного числа — также воспринимается как наречие: *Cryzą, piją, czasami w kącie zapomniana puknie na toast duchom butelka szampana.* Mck., P. T. *Czasami coś przeczytać, czasami gdzie wyjechać, wysłuchać koncertu i tak doczekać starości.* Prus, Lalka II.

Наречие *czasami* появляется в языке сравнительно поздно, в XVIII—начале XIX в., когда форма единственного числа *czasem* прочно вошла в употребление. И до сих пор форма единственного числа употребляется чаще. Следует обратить внимание на то, что говоры почти не знают слова *czasami*, нам встретился всего один случай: *Jak chtóry je ciekawy, to se składa i składa z Alimentarza, i tak jeden od drugiego se przejma czytanie. A czasami to sie przygodzi.* N., Wyb.

Для адвербиализации этих форм *czasami*, *czasem* несомненно сыграло большую роль отвлеченное, абстрактное, лексическое значение существительного *czas* — время — самого общего для обозначения времени.

Итак, рассмотренные формы первой группы явно стремятся к адвербиализации, более или менее близко приближаются к наречию или даже полностью переходят в категорию наречий. Решающими факторами при адвербиализации наряду с основным значением этих форм творительного времени являются дополнительные сопутствующие: дистрибутивность и модальность.

Вторая группа охватывает адвербиализирующиеся формы творительного падежа от существительных, обозначающих пору дня или года, — *rankiem, dniem, nocą, wieczorem, wiosną, latem, jesienią, zimą.* Все эти формы относятся исследователями к полунаречным образованиям. Они, по выражению Овсянико-Куликовского, „сбиваются на наречия". Примеры: *Pacierz rano i wieczorem musiał być na klęczkach odmówiony bez względu na okoliczności.* Rudn., St. *Robak często chadzał nocą do karczmy.* Mck., P. T. *Jeszcze snuł się zgorzeli zapach, gdyśmy rankiem do wsi wkraczali.* Worosz. *Wiosną równie jak latem zbiegać pola, knieje.* Mck., P. T.

Множественное число: *Piotruś błądził wieczorami w pobliżu świetlicy.* Ścib.-R. Węg. *Nawet psy — i te szczekały teraz nocami inaczej, przeciągle, niemal wyjąc.* Putr., Wrześ.

Все эти формы, как мы видим, дают самое общее определение времени или, как отмечает Красновольский, означают вообще пору дня или года [1].

---

[1] A. Krasnowolski. Systematyczna składnia języka polskiego. Warszawa, 1909.

Как следует из вышеприведенных примеров, активную роль в процессе адвербиализации форм данной группы играет множественное число. Как уже отмечалось выше, множественное число усиливает дистрибутивность формы. И эта дистрибутивность является в подобных случаях сильнейшим фактором адвербиализации. Примеры: *Nocami wychodzą jacyś kapłani i odprawiają nad jeziorem pogańskie obrzędy.* Sienk., R. Połan. II. *Skutkiem tego od czasu do czasu odwiedział Litkę, której kamień grobowy pokrywały już rankami białe, zimowe szrony.* Sienk., R. Połan. II. *Szczeniaka jednego, Brylka, przygarnął i niekiedy wieczorami siadywał z nim nad Wisłą.* New., Pam. z Cel.

Аналогичная картина наблюдается в польских говорах: *Noi̯pirf to v́idyvali luʒ́e, iaγ-bezv́eś χoʒ́iu̯a v́ecoramy su̯uḿunka.* N., Wyb. *Wieczorami, kiedy matka pszóndła, synek strugoł szlajsy, a łojciedz‿łopowiadoł roztomajte dziwy* (Teksty z Pol. Śląsku, 7). *...nawet pilnowali nocami.* N., Wyb.

Так же как и в предыдущей группе, добавление определения *cały* ведет к усилению дистрибутивности и, таким образом, к усилению, активизации процесса адвербиализации. Примеры: *Wojsko maszeruje w te i wewte całymi nocami.* Putr., Wrześ. *To cau̯eḿi nocaḿi t́ak p'èrały tė smaty.* N., Wyb.

Для удобства изложения формы единственного числа мы делим на две подгруппы — от существительных, обозначающих пору дня, и от существительных, обозначающих пору года, хотя никакой принципиальной разницы в истории их адвербиализации нет.

В польском языке каждое из существительных, обозначающих пору дня, развивалось и адвербиализировалось по-своему. По этой причине мы и рассматриваем их в отдельности.

Rankiem, porankiem

Форма *rankiem* в истории польского языка появилась сравнительно поздно. В старопольском языке вплоть до XVIII в. для обозначения этого понятия 'утром' выступала адвербиализированная форма *rano*, по происхождению форма винительного падежа единственного числа. Примеры:

XVI в. *Jpo wszystkyey slvszbye boskyey rano ... stala cztacz szwyate pyszmo.* Pr., f. 3.

XVII в. *Siedziałem rano wedle narożnej topoli.* Siel., p.

XVIII в. *...tę (gramatykę) nazajutrz rano ofiarowałem Damonowi.* Kras., Wyb.

В современном языке: *Rano, w południe, wieczorem, o każdej porze dnia cięgi.* Was., Obl. d.

Интересно, что форма творительного времени никогда не образовывалась от существительного *rano*, т. е. *ranem*, а всегда от уменьшительной формы данного существительного — *ranek* — *rankiem*. Как мы увидим впоследствии, адвербиализация форм творительного падежа от суще-

ствительных с уменьшительным суффиксом — явление весьма распространенное. Надо отметить, что здесь уменьшительное значение этой формы *rankiem* совершенно утратилось, в отличие, например, от русского *утречком*, которое ощущается именно как ласкательно-уменьшительное образование.

Адвербиализация захватывает не только форму имени существительного, но и словосочетание имени существительного с определением — именем прилагательным. Так, например, словосочетание *wczesnym (po)rankiem*, в сущности представляя собою полуфразеологическое сочетание, близкое к слиянию в одно смысловое целое, выступает в предложении скорее в роли наречия, чем в значении имени существительного со своим определением. Более того, это словосочетание, приближаясь по своему значению к наречиям, и, в частности, к наречной форме *rankiem*, начинает выражать, так же как и она, общее определение, название момента действия, отрываясь таким образом от словосочетаний типа — *chłodnym rankiem*, *zimowym porankiem* и т. п., определяющих время действия как промежуток. Примеры: *Wyjechał wczesnym rankiem, prawie o świcie.* Putr., Wrześ. Ср. ... *kiedyś chłodnym rankiem tak samo z nią szedł w obrosę przez te zapusty.* New., Pam. z Cel.

В говорах мы встречаем только *rano*. Форма *rankiem* известна только литературному языку: *Rano v ńeʒele sfaχa, abo ńeṽasta, ᵘuḃero pańům młodům ve ṽińce.* N., Wyb. *Ranᵘo gdy fstane, umyi̯e śe i pᵘćyż zmȯyṽe.* N., Wyb.

Wieczorem

В истории польского языка форма творительного падежа *wieczorem*, так же как и *rankiem*, тесно соприкасается с синонимичной формой винительного падежа *wieczór*. Так, в древнепольском языке на месте творительного, а равно и местного с предлогом *w* выступала форма винительного времени *wieczór*. Примеры: *Przyszli sǫ́ dwa anyoli wyeczor do Sodomi.* B. Z., 21. *Mow k nym arzkǫ́: wyeczyor bǫ́dzeczye geszcz myǫ́sso, a rano nasyczeny bǫ́dzeczye chlyebem.* B. Z., 61. *A gdisz bil wyelblǫ́di ostawyl przed myastem u studnycey wyeczor tegoto czassu, gegoszto czasu myali zoni po wodǫ́ chodzycz.* B. Z., 27.

Эта же форма *wieczor* широко (шире, чем творительный падеж) представлена в настоящее время в говорах: *V́ečur žatko śṽećil'i, na pomack'i rozmavᵢali.* N., Wyb. *F sobote ṽecur muzykantuf půn młody zṽus.* N., Wyb. *Vrućyli my puźno ṽecur du‿dȯmu.* N., Wyb. *Dopyro ṽečůr χćał puść do důmu a ńe χćeli go barʒo puśćić i̯ešče.* N., Wyb.

Однако в говорах, наряду с этой весьма распространенной формой, встречается и форма творительного падежа *wieczorem*. Примеры: *Źečoram słȯnko zaχoʒuu̯o i̯asno.* N., Wyb. *A tu ču̯oṽek s'e narob'i, že ṽečorym i ḃedruv ńi može rušyć.* N., Wyb. *A rås, to i̯uz beʒe skylkanaśće låt temu, i̯eχåu̯em ṽecorem z Veŋgžynova.* N., Wyb.

Адвербиализация захватывает также форму с уменьшительным суффиксом — *wieczorkiem*. Примеры: *Wieczorkiem zaszedłem do restauracyjki na piwko*. Prus, Lalka II. В говорах: *i̯Ide i̯o sob́e rås v́ecorkę vńeʒ́ele pónespože*. N., Wyb.

Ср. в русском языке: *И как должно быть это приятно, в такую погоду, вечерком, и с девушкой про любовь говорить*. (Остр., 5, 197).

Эти формы (*wieczorem*, *wieczorkiem*) дают самое общее определение времени действия, собственно говоря, называют время, момент действия, не уточняя его — значение, свойственное всей этой группе адвербиализирующихся форм.

Адвербиальность этих форм ясно проявляется в случаях определения наречием, например: *Wrócił późno wieczorem*. Pytl., Fund. *Do Kielc dotarli dopiero wieczorem*. Putr., Wrześ.

Итак, основой адвербиализации, так же, как в случае *rankiem*, следует считать именно общеобстоятельственное значение творительного времени.

Падежные значения подобных полунаречных форм „освежаются и поддерживаются", по словам Овсянико-Куликовского, сочетаниями типа *wczesnym wieczorem*, *zimowym wieczorem* и т. п. Однако надо отметить, что и эти словосочетания поддаются общей тенденции адвербиализации. Например, *późnym wieczorem* явно под воздействием параллельной формы *późno wieczorem*, стремится слиться в одно целое, приобрести самое общее значение. Примеры: *Wracał do domu późnym wieczorem, zmęczony, skołowany i zasiadał do czytania*. Pytl., Fund. *Zawiłowski opuścił późnym wieczorem willę Osnowskich*. Sienk., R. Połan. III.

Nocą

На пути перехода к наречию стоит также и форма *nocą* — ночью. Примеры: *Cdze sǫ́ czy mǫ́zowye, czso przyszly k tobye noczǫ́?* B. Z., 21.

В говорах: *K'e śe i̯us ᵘo‿tak'e mei̯sce dopyᵉtåł, sel nocom abo pᵘo‿ćḿe i sukåł*. N., Wyb.

Форма *nocą* обозначает общее понятие части суток, ночи. В старославянском языке, равно как и в других славянских языках, выступала также форма творительного времени *noštiją*. Исследователь старославянских наречий А. Дорич[1], относя эту форму к наречиям, делает одно очень любопытное замечание: по его наблюдениям, эта форма обозначала раньше 'в одну ночь', потом стала обозначать 'вообще ночью' (in einer Nacht — general Nachts), т. е., таким образом, творительный падеж времени со значением винительного падежа адвербиализировался, следствием чего явилось общее значение — вообще обозначение части суток, а не точного количества.

Рядом с формой *nocą* в истории адвербиализации стоит также адвербиализирующая форма *dniem* с тем же общим, назывным значением.

[1] A. Doritsch. Gebrauch der altbulgarischen Adverbia. Leipzig, 1910, стр. 154.

Впрочем, как в литературном языке, так и в говорах эта форма малоупотребительна. Так, нам встретилось всего два случая употребления этой формы: *Wiwat bez przestanku, który dniem okrzykniony, brzmiał aż do poranku.* Mck., P. T. *W nocy przymrozki, dniem temperatura maksymalna od 12 stopni.* Trybuna Ludu.

В современном литературном языке находим единое полуфразеологическое словосочетание *dniem i nocą*, которое выступает в роли и значении наречия. Примеры: *Wtedy palą się u niego dniem i nocą światła.* Prus, Lalka II.

Ясно, что данное словосочетание адвербиализируется целиком. Эти формы вследствие частоты употребления в совместном сочетании образуют единое полуфразеологическое сочетание с определенным модальным значением, какого они, взятые отдельно, не знают.

Адвербиализация этих форм творительного падежа *nosą*, *dniem* теснейшим образом связана с судьбой параллельных форм местного падежа с предлогом *w — w dnie*, *w nocy*[1].

Формы творительного времени *zimą*, *latem*, *wiosną*, *jesienią*, обозначающих времена года, являются полунаречиями. Примеры: *Jesienią piekli w Harwarowej chacie chleb z jęszmienia, zimą z plewy, a na wiosnę i plewy zabrakło...* Wypisy I. *Niebo silniejsze skwary latem i rzęsistsze deszcze wiosną zesłało.* Wypisy I. *Zimą zabawa odbywała się w izbie.* Rudn., St. *Jak smiesz... szczuć wiosną łanię kotną tuż pod carskim nosem?* Mck., P. T.

Однако наречиями их назвать нельзя в силу живых связей этих форм с именами существительными, связей, поддерживаемых наличием в языке форм типа: *Tak jakoś wczesną wiosną gruchnęła wieść, że rząd kukurydzę sprowadza.* Rudn., St.

Кроме приведенных основных значений, в языке также находятся формы творительного времени от слов, означающих промежуточные части суток, времен года: *szarą godziną*, *świtaniem*, *zmierzchem*, *zimową szarugą* и т. п. (Ср. *сумерками*). Формы эти развиваются под несомненным влиянием аналогичных форм *nocą*, *zimą*, *latem* и т. п. и посему также приближаются к наречиям. Например: *Pierwsza zaczęła o tym mówić z panią Emilią, gdy szarą godziną zostały sam na sam w saloniku.* Sienk., R. Połan. I. *O mój majsterku, co téz to tak sarom godzinom syjecie?* N., Wyb.

Адвербиализация творительного времени охватывает не только формы творительного времени, но и словосочетания творительного падежа имени существительного с прилагательным в качестве определения. Таково, например, кроме отмеченных выше *wczesnym rankiem*, *późnym wieczorem* словосочетание *dawnymi czasy* (*dawnymi czasami*). *Ale u nas, panie, to tacy panowie nie bywają... Podobno bywali dawnymi czasy.* Prus, Lalka, II.

---

[1] Подробнее см. в главе „Творительный времени".

Однако наряду с этой формой употребительна и форма *dawnymi czasami*, в частности, в народных говорах мы встречаем: *B̯ǫgeńk'i to dâwnėḿi casámi u nas byva(u̯)y.* N., Wyb. *Dovnyḿi časaḿi żu̯ᵉ barz̯ᵘo psⁿotnyį Ianek.* N., Wyb.

Падежная форма со своим определением слились в одно семантическое целое, что связано с адвербиализационными процессами.

Процесс адвербиализации захватывает не только сочетания имени существительного с определением — прилагательным, но еще активнее — с определением — местоимением. Это подтверждает следующая группа адвербиализирующихся форм творительного времени, выделенная не по значению имен существительных, но по способу адвербиализации. Группа охватывает формы творительного времени, адвербиализирующиеся вместе со всеми определениями — местоимениями.

Первую ее подгруппу составляют формы творительного падежа от существительного *raz* в сочетании с определениями — местоимениями, числительными и прилагательными: *tym razem, innym razem, następnym razem, zeszłym razem* и т. п. Все эти выражения представляют собой фразеологически связанные словосочетания, в предложении выполняют функцию обстоятельства времени и стремятся перейти в категорию наречий: *Aż oba, jednym razem, pociągnęli kurki.* Mck., P. T. *Ale za to następnym razem — wyrok będzie murowany.* Tarn. *Bądź tak dobra, moja droga, odwdzięczę ci się innym razem.* Ścib.-R., Węg. *Wziął się znowu do czytania, tym razem podróży.* Prus, Lalka II.

Как видно из приведенных примеров, время действия, обозначенное полуадвербиализированным сочетанием формы творительного времени с определением, представляется как момент.

Среди этих сочетаний, стремящихся к наречию, особенно выделяется словосочетание *tym razem*, целиком выступающее в значении и функции наречия, в ряде случаев имеющее значение не 'на этот раз' в противопоставлении 'тому разу', а вообще 'теперь', 'сейчас': *Jak zwykle, tak i tym razem wydobył wszystkie* (zabawki — T. T.), Prus, Lalka II. *I to się zdarza na świecie, ale tym razem masz mnie za głupszego niż jestem.* Sienk., R. Połan, II. *Raczÿ dzÿ}ÿa, roβchÿrzÿcz ÿ offÿerowacz̨ twoÿą gorz̨ką βmÿercz bogu oczczu nÿebÿefβkÿemu fa tego thÿmraβ vmÿeraÿąc̨ego czlowÿeka.* Pr. f. I. (XVI в.). В сравнении, например, с *Narębskiego znowu wzięli, tym razem do Berezy.* Putr., Wrześ.

Полному слиянию этого словосочетания и переходу в наречия, видимо, в известной степени препятствуют тесные синтаксические (в силу синтаксического параллелизма), семантические и прочие связи с вышеуказанными словосочетаниями *innym razem* и т. д., у которых падежная принадлежность еще достаточно ярко выражена.

Вторую подгруппу составляют формы творительного падежа от существительного *czas* в сочетании с определением — местоимением: *tymczasem, swoim czasem.*

Наречие *tymczasem* по своему значению оторвалось от остальных падежей словосочетания — *ten czas* и может обозначать 'тем временем':

A do domu Paraszka już była tym czasem wróciła się. Siel. p. *A tymczasem zagrzmiały tysiące oklasków.* Mck., P. T. *Tymčasym tyn zu̯ožiį, co byu̯ u̯ukryty f‿kšokaχ, vžun byka f‿ḱeretyne...* N., Wyb.,

'в это время' (одновременность): *Kiedy tak za szarakiem goniono, tymczasem ukazał się pan Hrabia pod zamkowym lasem.* Mck. P. T. *Przysed i stáu̯, a tomcasom sed ta ktosik ku kuźnie.* N., Wyb.

'между тем': *Sprawa przeciągała się, a tymczasem należało działać szybko.* Pytl., Fund. *A tymczasem tutaj chodziło o coś znacznie ważniejszego.* Pytl., Fund.;

'пока': *Posłano do komisariatu po oficera, a tymczasem nikomu nie wolno się było ruszyć.* Pytl., Fund.

Таким образом, словосочетание *tymczasem* и с точки зрения его значений, и с точки зрения его синтаксической роли можно рассматривать как единое смысловое целое. Показателем единства двух составных частей и адвербиальности данного выражения может служить способность выступать в качестве основы для образования новых слов со значением 'временный' — *tymczasowy, tymczasowość*, наречие *tymczasowo. Normy obecne są tymczasowe.* Pytl., Fund. *Pochowano go na Campo Santo tymczasowo.* Sienk., R. Połan. II.

Кроме того, в дальнейшем своем развитии это наречие *tymczasem*, потеряв все приметы падежной формы и сочетания имени существительного со своим определением, как бы субстантивируется и употребляется с предлогом (без изменения формы слова) — явление, довольно распространенное среди наречий (ср. *na zawsze* русское нелитературное *на сейчас, на совсем* и т. п.), причем новообразование также остается в рамках наречия. Так возникла форма *na tymczasem. Ojciec przy pożegnaniu dał mu na bilet powrotny i parę złotych na tymczasem.* New., Pam. z Cel. *...bo się znów porozchodzili po domach w pobliskich wioskach, — zawiadomić musieli, że się poszczęściło z robotą, i życie ułożyć na tymczasem.* New., Pam. z Cel.

Эти случаи еще ярче показывают полную семантическую и морфологическую неразложимость наречия *tymczasem.*

Наречие *tymczasem* в современном языке имеет несколько близких значений, которые отмечались выше, — 'в это время', 'тем временем', 'между тем', 'пока', однако нельзя не обратить внимания на тот факт, что вышеперечисленные признаки наречности данного слова (т. е. образование от этой основы ряда других слов и употребление с предлогом) относятся к наречию *tymczasem* только с определенным значением, а именно — 'пока', т. е. 'временно', со значением, наиболее удаленным и отвлеченным от первоначального 'тем временем'. Напрашивается вывод, что слово с этим значением стоит на высшей для данной формы ступени адвербиализации.

В говорах, впрочем, это значение — 'пока', 'временно', — совсем не представлено. Везде наречие *tymczasem* выступает в значении 'в это время'. Примеры: *Tymczasem umaru̯y zapuku̯ nogami w trumne.* N., Wyb. *Temcasem stała kobyła, zaceła χrapać, ńe χćała iść.* N., Wyb. *Kowál*

tomcosom posmarówáu gruske. N.,Wyb. *Timczasem już ból łobjat ji fszistke pośli jeść.* N., Wyb.

Наречное выражение *swym czasem* также выступает с новым значением 'своевременно', 'во-время' и носит явно оттенок качественности в определении действия, а не обстоятельственности, причину чего следует искать в модальных оттенках первоначального значения —*swym czasem* 'в свое время'.

Итак, творительный времени в польском языке склонен к адвербиализации вплоть до полного перехода в категорию наречий.

Основой адвербиализации творительного времени является общеобстоятельственное значение времени, свойственное творительному падежу. Активным стимулом адвербиализации являются дистрибутивность и модальность творительного падежа времени.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ МЕСТА

Творительный места характеризуется рядом специфических черт и особенностей, многие из которых совпадают с аналогичными чертами творительного времени.

По своим синтаксическим функциям творительный места в предложении выступает как обстоятельство и соотносится с наречиями места. Творительный места связан не с подлежащим, а только со сказуемым. Как и творительный времени, творительный места отличается определенной свободой по отношению к глаголу, или слабой, по свидетельству Овсянико-Куликовского, зависимостью от глагола наряду с творительным образа действия, сравнения и пр. Другими словами, слабое управление, близкое к переходу в примыкание, — вот что характеризует творительный места. Однако, как убедительно показывают в своих исследованиях Тимченко и Лось, значение творительного падежа места находится в определенной связи со значением глагола.

Одним из характерных отличий творительного места от соответствующего значения местного падежа является, по наблюдениям Потебни и Лося, наличие оттенка дистрибутивности, правда, более слабого, чем в творительном времени. Наряду с оттенком дистрибутивности, особенно сильным во множественном числе, в творительном места отмечается бо̀льшая активность модальности. Модальные значения творительного места, как это будет показано ниже, оказывают большое влияние на адвербиализацию соответствующих форм.

В истории славянских языков, в частности русского языка, наблюдается сужение употребляемости форм творительного места при активной замене их предложными конструкциями[1].

С другой стороны, творительный места характеризуется адвербиализацией форм, правда, менее интенсивной, чем у творительного времени. В польском языке адвербиализация форм творительного места: представ-

[1] См. главу „Творительный места", стр. 246 и далее.

лена очень ограниченным числом случаев: *miejscami*, *wierzchem*, *przodem*, *śladem*, *spodem*, *górą*, *dołem*, *brzegiem*, *swoją drogą* и некоторыми другими. Однако и на истории этих нескольких форм можно проследить черты, характерные для адвербиализации творительного места.

Адвербиализация творительного места протекает под явным влиянием побочных значений, т. е. отмеченных выше — оттенка дистрибутивности, когда единица пространства принимается за тип многих подобных, и оттенка модальности.

Miejscami

Примеры: *W alejach Ujazdowskich był już taki natłok powozów i dorożek, że miejscami należało jechać stępa.* Prus, Lalka I. *Miejscami cmentarz wydawał się wprost lasem, pełnym mroku i chłodu.* Sienk., R. Połan. III. *Miejscami las spływa aż ku morzu.* Sienk. (По Красновольскому). *Twarz miała przezroczystą, miejscami jakby uczynioną z perłowej masy.* Sienk., R. Połan. II.

По своим особенностям адвербиализация формы *miejscami* подобна адвербиализации аналогичной формы творительного времени — *czasami*. В обеих формах — как *czasami*, так и *miejscami* — в качестве основного значения выступает распределительность. Это, по существу, самые общие наречия распределительности со значением времени и места. Обе эти формы выступают как возможная замена других общих наречий с распределительным значением: *niekiedy* и *gdzieniegdzie*. Форм, аналогичных формам *godznami* и т. п., т. е. форм от существительных с обозначением точной единицы площади или протяженности, нет. Нам встретился всего один случай подобного использования: *tam milami do roboty chodzą*. Rudn. St.

Падежные формы *dołem*, *gorą* наряду с формами *wierzchem*, *przodem* и т. п. переживают сложный процесс адвербиализации, все ближе и теснее связывают свои значения и судьбу со значением и судьбой наречий. Например, от формы имени существительного творительного падежа места *ty pójdziesz górą*, *a ja doliną* — к наречному употреблению *górą* со значением, по словарю Линде, 'верхним путем' в противопоставлении слову *dołem*: *Górą buia sokoł, a czapla niżej.* L. II. *Modra Wisła dołem płynąca, a górą, po wysokich brzegach, łany zboża.* New., Pam. z Cel.

В говорах: *Co zamajtnie* (*zamachnie*) *sitkiem, to wróble góro ido.* N., Wyb. *Wiater wielgi gurom jest, bo siski z dżżewa lecą.* N., Wyb.

Во всех этих случаях форма *górą* выступает в роли и значении наречия места, определяет, как наречие, обстоятельство места. Употребляясь в переносном значении, *górą* выступает как наречие не места, но образа действия: *Górą nasi, górą.* Mck., P. T. ... *bo wiara w to, żeby rzeczy lepsze i szlachetniejsze były w świecie górą nad złymi i płaskimi.* Sienk., R. Połan. I.

Подобный переход в наречие места наблюдается у форм: *przodem*, *wierzchem*, *spodem*, *spodkiem*, *środkiem* (ср. в русском языке: *низом*,

передом, верхом, стороной, сторонкой). Примеры: *Korzeń ten wietrzności w ciele zamknięte tak górą jako i dołem pędzi* L. I. *Dedałus przyprawił sobie skrzydła i wyleciał wierzchem precz.* L. VI. *Drzewa owocne, zasadzone w rzędy, ocieniały szerokie pole; spodem grzędy.* Mck. P. T. *Spodkiem ziemia drży.* L. V. *On szedł przodem, mając dłuższy koniec, ja z tyłu — z krótszym.* Rudn., St.

Переходом в наречие места не кончается история этих форм. В процессе адвербиализации эти формы приобретают иногда очень слабый, еле заметный, иногда более сильный оттенок качественной характеристики действия, а изредка переходят не в наречие места, а в наречие образа действия. Примеры: *Trzech rzeczy żałował, przodkiem, jeśli się komu tajemnicy zwierzył...* L. IV. *Goście weszli w porządku i stanęli kołem.* Mck., P. T. *I nasz* (*patrol.* — *T. T.*) *ani chybi także, za mną gdzieś śladem.* Putr., Wrześ.

Все эти формы, как замечает Лось, обладают значением, в котором на передний план выступает отношение предметов, положение в пространстве и при котором особенно силен модальный оттенок, превращающийся здесь из побочного в доминирующий.

Модальный оттенок, выступающий активно в творительном места, является здесь не только причиной адвербиализации, но и стимулирует переход формы со значением места в наречие образа или способа действия. Ярким примером этого явления может служить полностью перешедшая в наречие образа и способа действия такая форма, как польское *wierzchem* (konno) — 'верхом', 'верхами'. (Ср. русское — *стороной слышать, узнать, путем сделать*, т. е. толково и т. д.).

Более устойчивым по отношению к адвербиализации является творительный места при глаголах движения: *iść lasem, ulicą* и т. п. Но и эти формы склоняются к наречным значениям, хотя едва ли правомерно относить их к обстоятельственным наречиям места, как это делается в курсе лекций Московского государственного университета[1]. Формы такого типа выступают в предложении в значении наречий, но они не обладают еще ни морфологическими особенностями наречий — неразложимостью, изоляцией от других падежных форм и т. п., ни их семантическими признаками.

Адвербиализация творительного места затрагивает словосочетания имени существительного с определением, но обнаруживается она только с определением-местоимением, а не с определением-прилагательным, так как местоимение в силу своей абстрактности более склонно выражать обобщенные значения. В польском языке примером адвербиализации такого словосочетания является история словосочетания — *swoją drogą*. Слившись в единое целое, став в определенной степени фразеологическим сочетанием, *swoją drogą* выступает в современном языке как наречие образа действия. Примеры: *Swoją drogą nie przysiągłbym,że pan nie masz racji.* Prus, Lalka II.

---

[1] См. „Современный русский язык. Морфология". Изд. Моск. ун-та, 1952, стр. 366.

A swoją drogą to zabawne, że temu chłopcu akurat dzisiaj udało się zwiać! Krucz., Dram.

Надо отметить, что словосочетание *swoją drogą* стремится в ряде случаев вообще выйти за пределы предложения и, таким образом, за пределы какой бы то ни было части речи, а именно, стать вводным словом. Как вводное слово, словосочетание явно ощущается, например, в следующих примерах: *Swoją drogą, to bardzo porządna kobieta, ta pani Soerenson.* Krucz., Dram. *Swoją drogą, jak się lata lecą!* Krucz., Dram.

Большую роль играет потеря знаменательности и переход в предлоги или полупредлоги. Так, русские *кругом, путем*, отчасти польское *drogą* могут выступать в предложении не только в наречном использовании, но и в значении предлога. Примеры: *Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с вольным русским словом.* Ленин, т. 18, 15. *Давно уж точно во сне все вижу, что кругом меня происходит.* Остр., 8 ... *aby mógł drogą pytań zdobyć potrzebne informacje.* Pytl., Fund.

В вышеприведенных случаях ясно чувствуется, что бывшая форма творительного места лишена самостоятельного значения, знаменательность притуплена, центр тяжести словосочетания — на имени существительном в родительном падеже. С другой стороны, центр тяжести в наречии, как говорил В. А. Богородицкий, переходит на формальный оттенок — и тогда перед нами так называемое препозиционное наречие. *День был так хорош, солнце так ярко, кругом все так весело.* Толст., Война и мир. *Помещики у нас кругом богатые...* Остр. 6. *Ты погляди сначала кругом-то* (ср. *кругом себя*). Остр. 6.

Кругом теряет самостоятельное значение в предложении, переходит от связи с глаголом к связи с именем существительным или местоимением. *Лодка настоящая и ездят по пруду кругом острова.* Остр. 5.

Подобные примеры хорошо показывают, как постепенно меняется синтаксическая роль, значение, смысловая нагрузка наречия, как происходит грамматическое переосмысление формы, как возникает новый предлог. Процесс — долгий, сложный, поэтому-то возможны переходные случаи: то наречие употребляется в значении предлога, оставаясь в той же форме, то „это же самое слово в другом контексте может выполнять и функцию наречия“ [1].

Итак, при адвербиализации творительного места, которая протекает на базе общего обстоятельственного значения, соотносительности с наречием и слабой связи с глаголом, основными стимулами адвербиализации выступают побочные функции творительного места — дистрибутивность и модальность.

На основе дистрибутивного оттенка значения адвербиализированная форма творительного места переходит в наречие места с общим значением распределительности.

---

[1] Е. М. Федорук-Галкина. Наречие в современном русском языке. М., 1939, стр. 144.

Модальное значение, как показывает материал, выступает всего ярче у форм, которые выражают общие пространственные отношения между предметами, между их положением и которые в силу этого адвербиализируются, а в ряде случаев и проявляют тенденцию к переходу в наречия образа действия.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРИЧИНЫ

Творительный причины (наряду с творительным места и времени) относится к группе обстоятельственных функций.

Некогда более широкий в славянских языках творительный причины в своем развитии переживает процессы, общие всем обстоятельственным функциям творительного падежа, а именно — либо вытесняется предложными конструкциями — *из-за*, *от* — с родительным падежом, *благодаря* — с дательным, *на* — с винительным и т. п., либо адвербиализируется.

Адвербиализация творительного причины представлена в польском языке всего лишь несколькими случаями: *przypadkiem*, *wypadkiem*, *trafem*, *szczęściem*, *nieszczęściem*, *cudem* (ср. русск. *чудом*, *случаем*, *счастьем*).

Все вышеперечисленные формы выступают в предложении в роли обстоятельства причины, несут на себе адвербиальные, общие значения, словом, более или менее приближаются к наречиям причины. Примеры: *Czy mówisz to wypadkiem, czy umyślnie?* Sienk., R. Połan. I. *Prócz tego przykro jej było, że on jakby tylko wypadkiem spostrzegł jej piękność.* Sienk., R. Połan. II. *Usta trafem ku skroniom Telimeny zbliżył.* Mck., P. T. *Migoń wszedłszy przypadkiem bez pukania dojrzał zarządzenie.* Ścib.-R., Węg. *Krysia westchnęła i pewnie przypadkiem silniej oparła się o Potockiego.* Putr., Wrześ. *Wstrząsał się ze zdumienia, jak człowiek, który cudem znalazłby się w nieznanej sobie okolicy.* Prus, Lalka II. *Nauczył się... zręcznie drzemać na wykładach, szczęściem rzadkich, z regulaminu polowego.* Putr., Wrześ. (Ср. в русск. *Он уцелел только чудом.* Чехов. — *А много денег собрать можно? — Счастьем ведь это.* Остр., 6).

Адвербиальность этих форм подтверждается не только синтаксическими особенностями, присущими только разряду наречий, а именно, синтаксическим параллелизмом с наречием и определяемостью наречием, но также полной независимостью от глагола.

Процессы адвербиализации охватывают, как при адвербиализации творительного времени и места, словосочетания имен существительных с определением и, таким образом, устойчивые полуфразеологические словосочетания типа *dziwnym trafem* выполняют в предложении функции наречия — обстоятельства причины и несут на себе наречные значения. Примеры: *Dziwnym bowiem trafem, ani Stach, ani ja nie czuliśmy ochoty do uściskania go.* Prus, Lalka II. *Dziwnym trafem z Dowejką zjechał się u promu.* Mck., P.T.

Адвербиализация творительного причины протекает на базе обстоятельственных значений, свойственных этим формам, как формам творительного падежа. Кроме того, она идет под воздействием наречий, например, *przypadkowo*, параллельное *przypadkiem*, *wypadkiem*. Наречие *przypadkowo* поддерживает благодаря семантической и синтаксической аналогии связи форм творительного падежа с наречными значениями, с наречными функциями. С другой стороны, существует тенденция приближения форм с первоначальным значением причины к значениям образа действия: *Powstań — wołał, wołał o boju, który ich czeka, aby przypadkiem szczęście wolności nie wydało się nikomu spokojem.* Putr., Wrześ. *Czy pan przypadkiem nie pracuje w fabryce wagonów?* Pytl., Fund.

Склонность к таким значениям, как значения образа действия, заложена в самой природе причинных значений падежа. В отличие от значений места и времени, внутренне не связанных с действием, а выражающих лишь форму существования действия, значение причины выражает не внешние, но внутренние обстоятельства проявления действия. С другой стороны, значения образа действия также тесно связаны с внутренней, а не внешней стороной действия, с внутренними его свойствами, а не формами проявления. В этом отношении значения образа действия смыкаются со значениями причины, и поэтому творительный причины тяготеет к наречиям образа действия.

Некоторые наречия причины из форм творительного причины характеризуются совершенно иной тенденцией развития, тенденцией к полному освобождению от связи с глаголом, к разрыву всех связей с предложением вообще, к переходу, следовательно, во вводные слова. Это стремление проявляют слова *szczęściem*, *nieszczęściem*, которые в современном языке выступают в подавляющем большинстве случаев как вводные слова. Примеры: *Szczęściem, człowiek nie zbłądzi do tego ostępu.* Mck., P.T. *Szczęściem, padając, trafił w objęcia pana Maleckiego.* Prus Lalka, II. *Nieszczęściem, trącił krzaki suchego agrestu.* Mck., P.T.

Здесь, как и в других случаях, сам порядок слов, а именно препозиция слова *szczęściem*, *nieszczęściem* к предложению, как бы подчеркивает, что слова эти относятся целиком ко всему предложению, ко всей высказанной мысли, а не только к сказуемому. Подобные отношения еще четче проявляются в случаях типа: *Szczęściem, że nauczyciel ładny i niesrogi.* Mck., P.T. *Szczęściem, że matka nieprzytomna.* Sienk., R. Połan. I.

Здесь слово *szczęściem* выступает в роли главного предложения — подлежащего, относится, таким образом, ко всему высказыванию.

По своему значению эти предложения напоминают конструкции типа: *жаль, что...*, *хорошо, что...*, и т. д., где аналогичными предложениями — подлежащими выступают формы категории состояния: *жаль*, *хорошо* и т. д. Возможно, что и слова *szczęściem* и т. п. приближаются в данном случае к значениям категории состояния.

Итак, в современном польском языке творительный причины представлен, как правило, наречными образованиями. Адвербиализация падежных форм творительного причины протекает на основе обстоятельственных падежных значений.

Значение причины как внутреннего обстоятельства действия обусловливает в ряде случаев склонность форм творительного причины к наречиям образа действия.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗА И СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ

Творительный образа и способа действия[1] обозначает, каким образом, каким способом протекает действие, т. е. выражает качественные и качественно-обстоятельственные отношения. В тесной связи с синтаксической функцией (обстоятельство образа действия) и значением форм творительного образа действия находится взаимодействие этих форм с глаголом.

Синтаксической ролью творительного образа действия в предложении определяется его соотносительность как по значениям, так и по функциям с качественными (или необстоятельственными, или определительными) наречиями, обозначающими качество действия, количество и степень его проявления, а равно с качественно-обстоятельственными наречиями, обозначающими в основном способ и характер протекания действия. Творительный образа действия во всех его значениях и оттенках отвечает на вопрос как?, который, — по словам А. А. Потебни, — „заключает в себе верное указание грамматического свойства, именно то, что падеж, служащий ответом на него, в большей или меньшей мере теряет реальность объекта и приближается к адвербиальному значению, затем становится наречием“[2]. В связи с вышесказанным становится понятной интенсивная адвербиализация творительного образа действия.

Исследователи творительного падежа неоднократно отмечали близость творительного образа действия к наречиям, частое использование данных форм в функции наречия и, наконец, полный переход ряда их в наречия образа действия. Так, по определению А. А. Потебни, творительный образа действия „есть момент, предшествующий переходу дополнения в наречие“[3].

В процесс адвербиализации вовлекаются все новые и новые формы творительного образа действия. Об интенсивности этого процесса свидетельствуют случаи полной потери субстанциальности и связей с другими падежами вплоть до утраты остальных падежей вообще (ср. *chyłkiem*, *raptem*, *żywcem*, *cichcem*, *milczkiem* и т. п.). Этому, несомненно,

---

[1] В дальнейшем изложении наравне с этим термином мы употребляем „творительный образа действия“.

[2] А. А. Потебня. Из записок . . ., стр. 484.

[3] Там же.

способствует и „малозаметная или фиктивная“ [1] субстанциональность творительного образа действия, о которой писал Потебня. Отметим, что такой степени адвербиализации не наблюдалось у творительного времени, места или причины.

При рассмотрении вопросов адвербиализации необходимо отметить еще одну характерную особенность творительного образа действия, а „именно его разносоставность по происхождению: в него втекают различные творительные при легком изменении своего значения по направлению к потере субстанциальности“ [2]. (Ср., например, формы со значением образа действия, бывшие формы творительного времени, места, орудия, сравнения и т. д.: *razem*, *duszkiem*, *gwałtem*, *przypadkiem* и т. д.).

Формы творительного образа действия переживают процессы адвербиализации, однако степень приближения к категории наречий различна. Некоторые формы целиком перешли в наречия и обладают всеми синтаксическими, морфологическими и семантическими признаками наречия. Это наречия *raptem*, *chyłkiem*, *mimochodem*, *ukradkiem*, *pokotem*, *duszkiem*, *społem*, *cichaczem*, *półgębkiem*, *omackiem* и т. д. Ср. русские наречия — *мельком*, *босиком*, *пешком*, *опрометью*, *ничком*, *толком*, *ненароком*, *молчком*, *прямиком*, *обиняком*, *чередой*. Аналогичные случаи характерны для всех славянских языков (ср. сербск. *крадом*, *дупком*; чешск. *honem*, *pěšky*, *kradí*, *úprkem*).

Другие же формы при сохранении остальных падежных форм оторвались от них грамматически и семантически, изолировались при смещении лексического значения слова: *gwałtem*, *ciągiem*, *razem*; ср. русск. *даром*, *кругом*; чешск. *bleskem*, *oklikem*, *prawem*; словацк. *silou*, *nahódou*, т. е. перешли полностью в наречия.

Ряд форм творительного образа действия только становится на путь адвербиализации, выполняя в предложении синтаксические функции наречия и приближаясь к наречию семантически, не теряя, впрочем, связи с остальными падежами, — *żartem*, *rzędem*, *przebojem*, *pustką*, *otworem*, *słupem*, *siłą*, *chórem* (ср. русск. *проездом*, *столбом*, *волком*, *волчком*, *стрелой*, *порядком*; сербск. *трком*, *скоком*; чешск. *šeptem*, *krokem*, *poklusem*).

Несмотря на различную ступень адвербиализации, все эти формы характеризуются одной общей тенденцией — стремлением к адвербиализации, обнаруживают одни и те же характерные черты.

Среди наречий и наречных форм с общим значением образа и способа действия прежде всего надо выделить формы творительного падежа, издавна несущие значение образа действия и составляющие группу, которую можно назвать собственно образа действия: *ukradkiem*, *przebojem*, *żartem*, *półżartem*, *zezem*, *milczkiem*, *rzędem*, *pędem*, *nawiasem*, *chórem*, *ciągiem*, *mimochodem*, *omackiem* и т. д. (ср. русск. *тайком*,

---

[1] А. А. Потебня. Из записок . . ., стр. 484.

[2] Там же.

украдкой, порядком, босиком, нагишом, мельком, ничком, прямиком, тихомолком, торчком, тычком, кувырком, ощупью). Примеры: *Pamiętają i swoi i nieprzyjaciele jego damaskowaną krzywą karabelę, ... której żartem skromnie dał imię rózeczki* Mck., P. T. *Anetko, a coby się ze mną stało? — spytał półżartem, półpoważnie, pan Osnowski.* Sienk., R. Połan. II. *Ta jakby ukradkiem przed nim się wymykała.* Putr., Wrześ. *... z czego, mówiąc nawiasem, rad jestem mocno.* Sienk., R. Połan. I. *Sędzia gości obejrzał porządkiem.* Mck., P. T. *Tadeusz milczkiem za nią na grzyby pośpieszył.* Mck., P. T. *Tamten majstrował przy broni — zaczął uciekać pędem.* Pytl., Fund.

Формы творительного падежа данной группы ближе всего подходят к категории наречий. Многие из них являются в современном языке единственными формами данных имен существительных, уже ушедших из языка. Таковы *milczkiem, zezem, ukradkiem, omackiem.* Причина такой интенсивной адвербиализации состоит в том, что они определяют действие со стороны его качественных особенностей. В силу этого значения формы данной группы проявляют сильную тенденцию встать в ряды наречий, оформиться и морфологически как наречие (синтаксические и семантические черты наречия уже во многом свойственны и творительному образа действия).

При рассмотрении процессов адвербиализации творительного собственно образа действия следует отдельно отметить так называемый творительный тавтологический, особенно распространенный в русском языке: *волочить волоком, валить валом, бросать броском, умереть смертью, казнить казнью* и т. п.[1]

Остановимся подробнее на творительном тавтологическом без определения, так как именно в нем наиболее ярко обнаруживается процесс адвербиализации.

В процессе адвербиализации творительного тавтологического на первое место выступает свойственное ему значение образа действия, отсюда понятно, почему данные адвербиализирующиеся формы выступают в конце концов как наречия образа действия. Например: *skokiem, ciągiem, chyłkiem, biegiem, milczkiem* и т. п.; *ciągiem = ciągle* из *ciągiem ciągnąć: Trzy dni z nim ciągiem jednę drogę zwiedza.* L. I.

В говорах: *Cegós me dźiśaj tak ćęgem dżes?* N. Wyb. *I ten kupec od tégo casu ćęgem tera pżewoźi.* N., Wyb. *Milczkiem = milcząc: Życie jest jakby lasem, w którym nieszczęścia tropią człowieka, gorzej niż psy zwierza, bo tropią milczkiem.* Sienk., R. Połan. *Chyłem przez powietrze pędzi.* L. I. *Chyłkiem wyskakiwali, oglądali się — czy nie nadchodzi niemiecka piechota.* Putr., Wrześ.

Как видно из примеров, формы творительного тавтологического при адвербиализации, приобретая новые, более широкие, более общие значения и переходя в наречия образа действия, теряют свою „тавтологичес-

---

[1] Подробнее см. в главе „Творительный инструментальный" настоящего исследования, стр. 76 и сл.

кую" окраску, перестают ощущаться как творительный тавтологический. Это проявляется, прежде и ярче всего, в потере такой формой связи с лексическим значением глагола и в полном отрыве, таким образом, от своего однокоренного глагола.

Наречные значения этих форм требуют от них как бы полного перехода в разряд наречий, в том числе и разрыва с лексическим значением глагола.

Примером тому может служить любая из вышеприведенных форм, например, наречия образа действия — *даром*, *недаром*, *задаром* [1].

Другим путем развития значений форм творительного тавтологического в процессе адвербиализации является переход не к качественной, но к количественной характеристике действия (без изменения своего основного значения — значения образа действия). Именно в таком виде выступают формы творительного тавтологического в современном русском языке. Это так называемый творительный усиления — *пропадать пропадом*, *ходуном (ходенем) ходить*, *сидеть сиднем*, *ползком ползти* и т. п.

Значение формы творительного падежа данного типа как усиление, подчеркивание понятия, выраженного глаголом, берет свое непосредственное начало в значении творительного тавтологического как выразителя основного качества действия. Субстантивность таких форм потеряна, „значение падежа почти совершенно побледнело и не чувствуется" [2].

Все формы творительного усиления представляют собой по существу фразеологические единства, где синтаксические и прочие связи во многом уступили место застывшему штампу, что несколько затушевывает адвербиальность падежных форм. Однако и тут можно заметить стремление этих форм разорвать фразеологическое, устойчивое сочетание и стать наречием образа и способа действия.

В системе творительного образа действия к творительному тавтологическому примыкает группа адвербиализированных форм творительного, который мы условно называем, следуя терминологии проф. Тимченко, творительным сопроводительного действия — *mimochodem*, *mimojazdem*, *przejazdem* и т. д. (ср. русск. *мимоходом*, *проездом* и т. п.). Заслуживают внимания некоторые особенности процессов адвербиализации этих форм.

В своей работе „Наречие в современном русском языке" Е. М. Галкина-Федорук высказывает относительно формы творительного усилительного следующее любопытное предположение: „Возможно, что „ползком", „кувырком", „броском" и не были никогда существительными, что это особый вид усилительного слова, образованного от глагола... потом уже такие усилительные слова стали отрываться от однокоренного глагола, и получились наречия..." [3] Оставляя в стороне конкретную

---

[1] См. главу „Творительный инструментальный".

[2] Е. М. Федорук-Галкина. Наречие..., стр. 35.

[3] Там же, стр. 57.

историю данных форм, необходимо отметить принципиальную возможность такого явления. Материал для такого утверждения дает нам адвербиализация форм творительного сопроводительного действия. Формы данной группы потеряли способность употребляться и ощущаться субстантивно, более того, в процессе адвербиализации утеряли свое первоначальное значение — определителя сопроводительного действия и выступают ныне в языке, как наречия образа действия. Примеры: *Pierwszy uśmiech, niby mimochodem, pierwsze słowo, takie niemądre!* Worosz. *A jednak znać było, że spojrzenia tłumów padają na te osobliwe stroje, na te barwy i na te twarze, jakby mimochodem, że oczy szukają czegoś innego.* Sienk., R. Połan. II... *rzekł Rejent mimojazdem.* Mck., P.T. *Bawisz przejazdem w Wrocławiu?* Pytl., Fund.

Что касается происхождения этих наречий, то нельзя не высказать сомнения по поводу утверждения, что формы *мимоходом, мимоездом, mimojazdem, mimochodem* представляют собою исторически падежные формы от имен существительных *mimochód, mimjazd* и т. п. Скорее всего перед нами отмеченное Е. М. Галкиной-Федорук явление — форма, образованная непосредственно от сочетаний с глаголом *мимо ходить, мимо ездить* и т. п.

Процесс адвербиализации захватывает даже имена существительные в творительном падеже образа действия, имеющие при себе определение. Это существительные: *sposób, obyczaj, zwyczaj* и т. д. В значении творительного образа действия эти существительные выступают всегда с определением, ибо в своем лексическом значении они не несут никакой качественно новой характеристики действия; носителем же признаков нового качества, таким образом, выступает определение. Примеры: *Ale woli mówić po polsku, gdyż zdaje mu się, że zyska tym sposobem na czasie.* Filip., Zw. *Jakim sposobem on sam znalazł się w doróżce?* Prus, Lalka II. *Więc dawnym zwyczajem na pojedynek nasze pozwolenie dajem.* Mck., P. T.

Как видно из приведенных выше примеров, многие из этих словосочетаний — существительное вместе со своим определением представляют собою устойчивые, семантически неразложимые фразеологические образования и выступают в функции наречия.

Любопытно, что формы творительного образа действия от существительных *sposób, zwyczaj* и др. обнаруживают больше всего наречных признаков с определениями, выраженными местоимениями, — *taki, jaki, ten, swój, żaden.* Примеры: *Takim sposobem od pierwszego dnia wiedziałem, co ona za jedna.* Prus, Lalka II. *Ale ona odpowiedziała mi swoim sposobem.* Prus, Lalka II.

Абстрактность местоимения как части речи и общее лексическое значение имен существительных данного типа, которые уже сами по себе выражают понятие способа, облегчают приобретение данными словосочетаниями более общих наречных значений, т. е. облегчают процесс адвербиализации. Не случайно поэтому менее всего этот процесс захватил формы:... *zwyczajem,... obyczajem.*

Следующей группой форм творительного падежа, вливающихся в наречия образа и способа действия, является группа адвербиализирующихся падежных форм, имеющих общее значение переменного свойства действия: *półgłosem*, *półszeptem*, *truchcikiem* и т. п.

В отличие от творительного тавтологического, к которому они близки по своему значению (ср. например *mówić głosem — mówić półgłosem*), данные адвербиализирующиеся формы означают не основное качество, сущность действия, но свойство действия, не постоянное и не неотделимое от глагола, но переменное (*mówić* можно только *głosem*, но при этом или *półgłosem*, или *szeptem*, или *półszeptem*).

В настоящее время, адвербиализируясь, формы этой группы становятся, как правило, наречием способа, а не образа действия, склоняясь, впрочем, иногда вследствие адвербиализации и отрыва от лексического значения глагола к наречиям образа действия.

Рассматриваемые формы творительного падежа составляют две подгруппы: формы, связанные с глаголами говорения, и формы, относящиеся к глаголам движения.

а) При глаголах говорения: *półgłosem*, *półgębkiem*, *półszeptem*, *szeptem*, *basem* и т. п.

Для адвербиализации большинства этих форм положительную роль сыграла словообразовательная частица *pół-*, которая вносит в лексическое значение слова новый качественный оттенок, позволяющий форме определять действие, стать признаком, т. е. перейти в наречие (ср. аналогичное *biegiem—półbiegiem*, *żartem—półżartem* и т. п.). Примеры: *Gadają półgłosem.* Putr., Wrześ. *Wokulski podał jej kartkę; zaczęła czytać półgłosem.* Prus, Lalka II. *Rzucił półgłosem całą serię wybornych przekleństw.* Putl., Fund. *Winszuję panu zupełnego tryumfu — rzekł półgłosem.* Prus, Lalka I.

К вышеприведенным формам примыкает форма *półgębkiem*, близкая по значению к *półgłosem*, равно являющаяся теперь наречием способа, образа действия. Примеры: *Potocki słyszał rzucane półgębkiem komentarze...* Putr., Wrześ. *Patrzysz nieruchomo, jakbyś nie mógł mrugnąć, i uśmiechasz się dziwnie, półgębkiem.* New., Pam. z Cel. *...opowiadał mu półgębkiem i z nachmurzoną twarzą.* Prus, Lalka I.

Адвербиализация форм *półgłosem*, *półszeptem*, *półgębkiem* оказала влияние на адвербиализацию формы *szeptem*, чему несомненно способствовало то, что падежная форма *szeptem* в силу лексического значения этого слова несет качественную характеристику действия. Примеры: *Przy stole prezydialnym naradzali się szeptem organisatorzy zebrania.* Ścib.- R. Węg.

К этой группе относится ряд форм, также обозначающих свойство действия: *basem*, *sopranem* и т. п. Примеры:... *i nucąc basem jakąś arię z „Rigoletta" zaczął przeglądać papiery.* Ścib.-R., Węg. *Wtedy dopiero panna Leokadia zacznie wyśpiewywać swoje gamy i wokalizy z rana sopranem, a po południu kontraltem.* Prus, Lalka I.

б) При глаголах движения формы *stępem*, *galopem*, *kłusem*, *grędą*, *truchtem*, *truchcikiem* и т. д. Данные адвербиализированные формы означают переменное свойство действия — темп и способ движения и приближаются к наречиям способа действия. Примеры: *Oficerowie podpędzali żołnierzy, któraś grupka nadbiegła truchtem.* Putr., Wrześ. *Jeden się koń urodził z krzywymi nogami, drugi z prostymi. Więc jeden inochodą, drugi chodzi grędą.* L. II. *Kilka minut jechali kłusem.* Prus, Lalka II. *Wtedy trzasnęła konia spicrózgą i poleciała cwałem.* Prus, Lalka II.

Тесно связанные с лексическим значением глагола формы данной группы в процессе адвербиализации стремятся освободиться от влияния глагола: *Teraz już mogę opowiadać galopem wszystkie wypadki, które później nastąpiły.* Prus, Lalka II.

Рассмотренные формы творительного переменного свойства в современном польском языке стремятся перейти в категорию наречий и в ряде случаев представляют собою наречие образа и способа действия. Возможность перейти в наречие дает этим формам их способность самостоятельно вносить в понятие действия новое значение, чаще всего — определять действие с точки зрения его качественно-обстоятельственной стороны — с точки зрения способа совершения действия. Таким образом, модальное значение данных форм, являющееся причиной их адвербиализации, в процессе ее приводят данные формы к категории наречий образа действия. Это значение не средства, но способа действия является не только следствием адвербиализации, но, возникнув, само способствует адвербиализации, дальнейшему переходу к категории наречий, поддерживая в данной форме живые связи с наречным значением.

До сих пор мы рассматривали образ и способ действия, не отделяя один от другого. Теперь более подробно остановимся на формах со значением способа действия. Значения образа и способа действия относятся к значениям качественного определения действия, что позволяет включать образования со значением образа действия и со значением способа действия в одну группу под общим названием — образа и способа действия или просто образа действия.

Однако при всей близости этих значений и неустойчивости их границ необходимо отметить, что значение способа действия, будь то наречия или падежные формы, выражает не только качественное определение действия, но и имеет оттенок обстоятельственности, т. е. внешнего момента по отношению к действию. И адвербиализационные процессы, которые переживают в силу своего качественного, модального значения формы творительного способа действия, являются по своему содержанию промежуточными, так как имеют черты как адвербиализации форм с необстоятельственным значением, так и адвербиализации форм с обстоятельственным значением и стимулируются, таким образом, обоими видами значений. Примером может служить бывшая падежная форма *piechotą* и ее видоизменение *piechotką*, выступающие ныне как наречия способа действия. Примеры: *Wziął pałkę, ruszył piechotą.* Mck.,

P. T. *Na rogu wysiadł i poszedł piechotą w jedną z poprzecznych ulic.* Prus, Lalka I. *Wobec tego dyrektor postanowił pójść piechotą razem ze wszystkimi.* Pytl., Fund. *Czasy^em t^o navet ślejźli z v^oza i śli pech^otkům.* N., Wyb.

На примере данного наречия хорошо видны некоторые свойства наречий и наречных форм со значением способа действия. Таким свойством является способность этих форм выступать в предложении в роли сказуемого, что означает полную потерю субстанциональности. Примеры: *Jeden Niemiec za cyngiel pociągnął i od razu cały batalion w tyralierę biegiem, przez goły teren.* Putr., Wrześ. *Potem nie wytrzymał, odwrócił się, biegiem, w kierunku na szczekanie.* Putr., Wrześ.

Таким свойством является и некоторая прикрепленность ряда этих форм к глаголам, стремление застыть в этом прикреплении, создать фразеологическое сочетание, выражающее единое понятие *ходить пешком, ездить верхом* и т. п.

Еще одно свойство форм со значением способа действия необходимо здесь отметить, а именно: часто в процессе адвербиализации стремление этих форм к более общим, наречным значениям может определять переход к значениям наречия образа действия. Примеры: *Łomy — woła Krawczykowa bezmyślnie, jakby z tyłu stał ktoś i czekał tylko na jej polecenia, by je galopem wykonywać.* Putr., Wrześ.

Особенно четко эти процессы перехода от менее общего к более общему значению в связи с изменением функций данной формы прослеживаются при адвербиализации творительного инструментального. Творительный инструментальный близок по значениям и образованию к творительному способа действия. Красновольский пишет, что „способ определяется также косвенно, через сопутствующее обстоятельство либо через орудие и средство“ [1].

Способ действия является, таким образом, для многих форм творительного инструментального как бы основой значения; именно таким путем, через значение способа действия связывается творительный инструментальный с качественным определителем действия — значением образа действия.

С другой стороны, как значение способа действия, так и инструментальное значение, только в еще большей степени, связано с обстоятельственными функциями. Буслаев и Лось относят творительный инструментальный к обстоятельственным функциям данного падежа. В силу этих двух сторон творительный инструментальный в потенции способен адвербиализироваться, что и происходит при наличии в форме модальных оттенков; модальный же оттенок явится причиной адвербиализации данной формы и перехода ее в наречие способа действия, иногда и в наречие образа действия. Большое влияние на эти процессы оказывает грамматико-лексическая связь творительного инструментального с глаголом — сильное управление. „Существенно важно, — подчеркивал

[1] A. Krasnowolski. Systematyczna składnia..., стр. 77.

А. А. Потебня, — что везде этот творительный стоит при сказуемом“ [1]. Отсутствие в падежном значении творительного инструментального обстоятельственных значений препятствует переходу этих форм в наречие. Однако в ряде форм качественные, модальные значения доминируют, и тогда возникают наречия и наречные формы типа *gwałtem*, *siłą*, *przemocą*, *raptem*. Сюда же относятся возможные — *prozą*, *wierszem*.

Адвербиализация форм подобных значений охватывает и сочетания с определением — *pełną parą*, *pełnym gazem*, *całym gazem*, *jednym słowem*, *jednym wyrazem*. *Szkolenie idzie pełną parą*, *zawiązały się grupy partyjne*. Ścib.-R., Węg.

Творительный инструментальный связан через посредство творительного способа с определительными значениями образа действия. При адвербиализации эти связи проявляются в том, что формы творительного инструментального через стадию способа действия переходят к наречиям образа действия или склоняются к подобным значениям. Примеры: наречие образа действия: *raptem* (*rapt — porwanie*, *uniesienie*) — в современном польском языке выступает в значении ‘вдруг’, ‘неожиданно’, ‘очень быстро’. *I raptem boczne drzwi otwarto*. Mck., P. T. *Brzozowski poczuł raptem głód i przyjął poczęstunek*. Pytl., Fund. Форма *gwałtem* со значением ‘стремительно’ имеет значение образа действия: *Gwałtem łzy*, *podobne dżdżowi*, *Rzuciły się człowiekowi*. L. II.

Итак, формы творительного инструментального при наличии модальных оттенков и на базе своего основного значения, сочетающего в себе обстоятельственные и отчасти качественно-обстоятельственные черты, могут склоняться к категории наречий. В процессе адвербиализации, в процессе перехода от дополнения к обстоятельству и от обстоятельства именного к наречию, форма приобретает новые, более общие, наречные значения, что выражается в развитии ее значений — от обозначения орудия, средства действия к более отвлеченному понятию способа и далее — к определению образа действия — качественной характеристике действия.

В систему творительного образа действия вливаются, как отмечалось выше, не только формы со значением качественного и качественно-обстоятельственного определения действия, но и формы, определяющие действие с точки зрения обстоятельств его протекания.

Переходя к рассмотрению этих форм, предварительно оговоримся, что для удобства изложения и показа взаимосвязи самых различных функций в системе одного падежа мы рассматриваем в этой части работы формы, имеющие функции не целиком обстоятельственные — творительный ограничения, например, но так или иначе связанные с данным типом форм.

Рассматриваемые ниже формы — творительного ограничения, совокупности и количества, места — объединяются одной чертой; все эти формы являются выразителями соотношений предметов или их частей. Остановимся на адвербиализации каждой группы отдельно.

---

[1] А. А. Потебня. Из записок. . ., стр. 457.

Ряд наречий (наречных форм) образа и способа действия восходит к творительному ограничения: *tyłem*, *bokiem*, *boczkiem*, *sztorcem* и т. п. В современном языке эти формы выступают со значениями образа и способа действия, но, надо отметить, сохранили еще некоторые связи со своим первоначальным значением.

Адвербиализация вышеперечисленных форм: *tyłem*, *bokiem*, *boczkiem* и т. п. проявляется как в синтаксической функции данных форм в предложении, возможности определяться наречием, как в новых, более общих значениях этих форм, в затемнении первоначальных лексических значений слов, так и в потере способности определяться именем прилагательным, чего мы не наблюдаем еще у многих полунаречий-полусуществительных образа действия. Примеры: *Wokulski siedział tyłem do okna, ze spuszczoną głową*. Prus, Lalka II. *I te lata, które tak jakoś przebiegają boczkiem jedno po drugim*. Putr., Wrześ. *Panie! — skłonił się Snow jakoś bokiem*. Putr., Wrześ. *Odwrócili się do siebie plecami i leżeli obrażeni*. New., Pam. z Cel.

Ср. в русском языке: *Он сидел немножко боком на кресле подле графини...* Толст., Война и мир.

Рассмотренный нами материал показывает, что формы *tyłem*, *bokiem* и т. п. адвербиализируются по разным значениям. Формы *tyłem*, *bokiem* адвербиализируются по двум значениям, близким к значению способа действия. Первое из них — способа действия, ближе всего к исконному значению творительного ограничения — 'боком, спиной к чему-либо' и, таким образом, выражает соотношение предметов; формы с таким значением часто выступают с прилегающим к ним словосочетанием предлога *do* с родительным падежом имени существительного. Предложная конструкция *do* + родительный падеж при своей зависимости от всего словосочетания глагола с бывшей падежной формой отмечается большей связью с творительным падежом, чем глаголом (ср. *odwrócić się od kogoś*, *odwrócić się tyłem do kogoś*), что несомненно усиливает ощущение связи значения данной формы с творительным ограничения и что, в свою очередь, задерживает переход данных форм к наречию. Примеры: *Pani Felicja odwróciła się do swego sąsiada prawie tyłem*. Prus, Lalka II. *Idzie w róg izby, staje tyłem, wyciąga buteleczkę wódki z kieszeni, pije długo*. Krucz., Dram. *Do Tadeusza siedzi Telimena bokiem*. Mck., P. T. *Następnie, odwróciwszy się bokiem do Wokulskiego, mowi...* Prus, Lalka II.

В том же значении, и, что очень показательно, только в этом значении, выступает начавшая адвербиализироваться форма *plecami*, большей частью употребляющаяся с предложной конструкцией *do* + родительный падеж. Примеры: *Jeden z wyrostków stał daleko, odwrócony wstydliwie plecami*. New., Pam. z Cel. *Zastępowy i drużynowy obracali się nazajutrz plecami do niesłownego druha*. Ścib.-R., Węg.

Наличие аналогичной наречной формы *tyłem* поддерживает в форме *plecami* ее связи с наречиями и таким образом облегчает процессы адвербиализации.

Во втором значении — более переносном — в полную силу выступает оттенок образа и способа действия — как? — *идти спиной, пролезть бочком* и т. п. Таковы формы *tyłem, bokiem*, только в таком значении выступает *boczkiem*.

Иногда данные формы обнаруживают очень тесную, устойчивую взаимосвязь со значением глагола *идти задом, идти боком*, что, как отмечалось выше, свойственно наречиям способа действия (ср. *идти пешком* и т. п.). Значение способа действия, отсутствие связей с исконным значением соотношения, являясь следствиями адвербиализации, дают возможность яснее почувствовать наречность этих форм. Примеры: *Naciska klamkę, cofa się tyłem*. New., Pam. z Cel. *Klęknęła i powoli schyliła się bokiem*. Mck., P. T. *Boczkiem przez myśl Geni przebiegło: chmurzy się, będzie deszcz*. Putr., Wrześ.

Ср. в русском языке: *Петр тихо боком прокрадывается в дверь*. Остр., 6. *Он бочком выбирался наружу...* Леонов, Русск. л.

Итак, формы творительного ограничения при адвербиализации приобретают новые значения, значения качественного, а не обстоятельственного определения действия — образа действия и приближаются по значению и функциям к наречиям образа и способа действия. Степень адвербиализации проявляется в степени удаления данной формы от первоначального значения творительного ограничения. Из моментов, задерживающих процесс адвербиализации, надо отметить связи с именем существительным, субстантивностью, падежным значением ограничения через зависимые от форм предложные конструкции.

Второй группой форм со значением соотношения является творительный количества и совокупности, который объединяет формы со значением общего охвата предмета действием — *kupą, tłumem, hurmem, ogółem, ryczałtem* и т. д. и формы, выражающие количественные отношения, — *parami, tuzinami, grupami, gromadami, garściami* и т. д. Примеры: *Poszli hurmem do komory*. Putr., Wrześ. *Poszli kupą do szefa kompanii*. Putr., Wrześ. *Hurmem zjechali się gości*. Kras., Wyb. *Gały jej sens polegał na rozbiciu grupami odwodów tych jego (wroga. — T. T.) uderzeń, którym by zrazu udało się tę linię przełamać*. Putr., Wrześ. *Szli gęsiego, parami, jak się przytrafiło*. Putr., Wrześ.

Стремление данных форм перейти в категорию наречий кроется в наличии у данных форм побочных значений, отмеченных Я. Лосем. Я. Лось писал, что во всех случаях, где творительный падеж выражает деление или неделение понятия, дистрибутивной функции сопутствует модальная[1]. Такое же явление, т. е. значение деления и неделения понятия, наблюдается в рассмотренной группе форм творительного ограничения, также адвербиализирующихся. Таким образом, становится ясна основа адвербиализации форм этих двух групп, стимул ее — дистрибутивность и модальность.

---

[1] J. Łoś. Ук. соч., стр. 120.

Для данной группы адвербиализирующихся форм первое значение — дистрибутивность — особенно ясно проявляется при адвербиализации в следующих моментах.

Во-первых, в отличие от других форм образа действия, здесь адвербиализируются формы творительного падежа во множественном числе, которое, как нам известно из рассмотрения творительного времени и места, является одной из форм проявления и одновременно усиления дистрибутивного значения формы — *grupami*, *gromadami* и т. п.

Во-вторых, ряд форм творительного совокупности и образа действия адвербиализируется со своим определением *cały*, которое, подчеркивая понятие, выраженное в данном слове, усиливает дистрибутивность (установлено, что понятие, выраженное творительным падежом, больше понятия деятеля) — *całym domem*, *całą gębą*, *całą bandą* и т. п. Примеры: *Nastąpił nowy atak pożegnań, pocałunków, pocieszeń i ledwie że wyszli na złamanie karku całą bandą, ceremoniując się jeszcze w drzwiach i na schodach.* Prus, Lalka II. *Widzę — magnat całą gębą!* Prus, Lalka II.

Модальное же значение данных форм проявляется в их стремлении оторваться от своего основного, первоначального значения, и, получив более общие, отвлеченные значения, перейти в наречия образа или способа действия. Так, например, *tłumem* означает уже не количество или совокупность, но скорее способ действия 'толпой', т. е. неорганизованно. Те же значения образа или способа действия чувствуются в формах *kupą*, *społem* и других, причем первоначальное значение в них сильно побледнело. Примеры: *Wyprzedzają go pierwsi, już nie gęsiego, ale tłumem.* Putr., Wrześ. *Gdzieś tam, w Janowie czy w Szopienicach, próbują inaczej, kupą.* Ścib.-R., Węg. *Więc i do zamku społem na ucztę z sobą zaprosił.* Mck., 2.

Итак, адвербиализация творительного ограничения и творительного образа действия стимулируется модальным и дистрибутивным значением этих форм. В силу этих же причин адвербиализация этих форм характеризуется их постепенным отходом от своего первичного значения и приобретением значений образа или способа действия.

Среди значений творительного падежа, переходящих в процессе адвербиализации к значениям образа и способа действия, отметим два — творительный места и творительный времени.

В системе адвербиализирующихся форм формы творительного места примыкают к творительному ограничения с другой стороны, чем творительный количества и совокупности, именно со стороны общих им обоим разделительных (по терминологии Вондрака) значений соотношения понятий. Как отмечалось выше, интенсивнее всего адвербиализация форм творительного места протекает при этих значениях, значениях соотношения предметов в пространстве — *przodem* (аналогично возможное *tyłem — сзади* — и в польском и в русском языках представлено предложной конструкцией *z tyłu — сзади*), *spodem* и т. п.. Отмечено, далее, что возможны случаи частичного или полного перехода этих форм на базе свойственного творительному места модального значения

к значениям образа и способа действия: *nasi — górą* и т. п. Примером полного перехода в наречие способа действий является наречие *wierzchem*, вытесненное, впрочем, наречием *konno*.

Другая функция творительного падежа с обстоятельственными значениями — творительный времени. Как было отмечено выше — это наречия *razem* и др.

Остановимся подробнее на судьбе наречия *razem*, относящегося по своему происхождению к творительному времени, но в настоящее время выступающего в языке, главным образом, в качестве наречия образа действия 'сообща', 'вместе' и в таком значении подчеркивающего не единство места и времени, а единство деятелей, действия. Примеры: *Zespół? Tak mówisz? I wszyscy razem?* Ścib.-R., Węg. *Było dwa braći, barzok śe ꙋoba šanowali, razem rob'il'i i razem gospodarowal'i.* N., Wyb. *Cebulak, wreszcie Mielimąka i Felek Dąbrowski — to już razem siedmiu.* Ścib.-R., Węg.

В процессе адвербиализации, процессе перехода к более общим значениям постепенно стираются как грамматические связи данной формы с именем существительным, так и первичные значения этой формы — значение лексическое и значение падежное.

Очень часто наречие *razem* выступает с предложной конструкцией *z* + творительный падеж. Примеры: *I Prosty razem z krzesłem obrócił się do Jana.* Ścib.-R., Węg. *Chciał przecież razem z innymi chłopcami chodzić na wycieczki.* Ścib.-R., Węg.

Мы видим, что наречие *razem* почти управляет этой предложной конструкцией, более того, наречие и предложная конструкция дополняют и усиливают друг друга, что близко подходит к связыванию наречия с определенным падежом, к потере им самостоятельности, т. е. к переходу в предлог. Здесь мы сталкиваемся с возможным дальнейшим ходом развития наречия, с переходом наречия в предлог. А. А. Шахматов отмечает, что общность значения бывшей падежной формы и последующей формы косвенного падежа определяет объединение их в этом общем значении, потерю наречием вследствие этого своей знаменательности и переход его в предлог. Здесь этим общим значением оказалось значение совместности, социативности, свойственное форме *razem* на всех ступенях ее адвербиализации.

Предложная конструкция *z* + творительный падеж втягивает в орбиту своего значения наречие *razem*, в котором все больше на первый план выступают формальные значения.

Итак, причина адвербиализации творительного образа и способа действия заключается в модальности как способности определять действие с точки зрения его качественных и качественно-обстоятельственных черт.

В процессе адвербиализации ряд групп падежных форм с модальными и дистрибутивными оттенками основного значения приобретают значения творительного образа действия и переходят в наречия образа действия (творительный ограничения, средства и т. д.). В процессе адвербиализации у этих форм наблюдается стирание первичных падежных значений,

сдвиг лексического значения и переход ко все более общим значениям — значениям способа и образа действия, что ускоряет процесс адвербиализации, усиливает ощущение наречной принадлежности данной группы форм.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ СРАВНЕНИЯ

В силу своего основного значения в ряде случаев адвербиализируется и творительный сравнения: на первый план выступают адвербиальные значения образа действия, форма творительного падежа стремится морфологически оторваться от остальных падежей, стать в категорию наречий и семантически. Наиболее ярко эти тенденции в польском языке проявляются в следующих, кстати, очень немногочисленных формах: *ciurkiem*, *nurkiem*, *piorunem*, *słupem*, *słupkiem*, *plackiem*, *krzyżem*, *fuksem*. Примеры: *Słowa ojca, ciurkiem sącząc się, bezwład niosły i mądrość starczą, pokorną.* New., Pam. z Cel. *Służę piorunem — odpowiadał Józio.* Prus, Lalka I. *P"oẹdyn t"o do⌣ostatńa tańcuvał χoć śe ś neg"o v"oda låła ćurkiem.* N., Wyb. *Cały tłum na nich murem runął.* New., Pam z Cel. *Rozprzestrzenił szeroko przednie krzyżem łapy.* Mck., P. T. *A było tam ptactwa przeszło sto sztuk; szły sznurkiem, przechylając się na krótkich nóżkach to na prawo, to na lewo.* Wypisy, I.

Аналогичные процессы переживают формы творительного уподобления: *otworem*, *pustkami*, *pustką*, *cichaczem*, *cichcem*, возможно сюда же — *żywcem* и т. д. Примеры: *Do sadu może jednak wejść cichaczem jakiś gość niepożądany.* New., Pam. z Cel. *Tacy czarni i zamyśleni, co cichcem siedzą — są najgorsi.* New., Pam. z Cel. (*cichacz* – в XVIII в. — тихий человек, отсюда *cichaczem*, *cichacem*, *cichcem*. См. словарь Линде). ... *kasy fabryki świeciły pustkami.* Pytl., Fund. *Od tej pory żadnemu studentowi nie wynajmie lokalu, choćby na wieki miał stać pustkami.* Prus, Lalka, II (*pustka*, ед. = *i* мн. — 'пустое место', 'пустота'. Ср. *Muszialbi dom pusthkami bicz* ('если бы не было кухарки'. — *T. T.*). P., f. 2. *Opancerzona szafa stała otworem.* Putr., Wrześ. *I bardzo śpieszył, bo drzwi zostawił otworem.* Mck., P. T.

Полному переходу этих форм в категорию наречий несомненно препятствует как связь с именем, так и большая конкретность самих имен существительных, выступающих в творительном падеже. Однако стремление творительного сравнения к категории наречий очевидно.

В процессе адвербиализации у ряда форм творительного сравнения этот оттенок сравнения постепенно как бы стирается, а у некоторых форм почти совсем исчезает: *plackiem*, *nurkiem*, *cichaczem*, *fuksem*, и т. д. Например: *Grzeszyła w zapomnieniu, radośnie i w kajaniu padała plackiem przed Bogiem.* Rudn., St. *Ubrała się śpiesznie i boso, z bucikami w ręku, wyszła cichcem na schody.* New., Pam. z Cel.

Элемент сравнения в таких формах, да и во многих других ощущается очень слабо, что во многом способствует новому восприятию этих форм творительного падежа, именно как наречий образа действия. Таким образом, здесь близость к наречиям образа действия и затемнение сравнительного оттенка указывает на степень адвербиализации.

Большинство адвербиализирующихся форм творительного сравнения проявляет стремление слиться с глаголом в единое фразеологическое целое. (Ср. *ujść płazem*).

Итак, можно сделать следующие выводы.

Ряд значений творительного падежа в польском языке, а именно: времени, места, причины, образа и способа действия, сравнения — эволюционируют в сторону приближения к наречиям вплоть до полного перехода в категорию наречий.

Адвербиализация этих форм протекает на базе основного падежного значения творительного падежа. Можно считать, что способность к адвербиализации заложена в значении творительного падежа, падежа самого абстрактного и наиболее приближающего к функциям и значениям наречия.

Рассмотрение обстоятельственных функций творительного падежа показывает, что значения времени, места, причины в польском (как и в других славянских языках) в своей истории либо заменяются предложными и беспредложными конструкциями и наречиями, либо переходят в категорию наречий и, таким образом, выпадают из склонения. Причиной адвербиализации является насыщенное обстоятельственными оттенками падежное значение данных форм, благодаря чему эти формы смыкаются с соответствующими обстоятельственными наречиями времени, места, причины, их значениями и функциями.

Подобную же судьбу переживает творительный образа и способа действия, который несет качественно-обстоятельственную характеристику действия. Всякая форма творительного падежа, насыщенная обстоятельственными значениями, стремится перейти в категорию наречий.

Итак, адвербиализация является одним из путей дальнейшего развития творительного времени, места, причины, образа и способа действия, сравнения. Наличие переходных наречно-субстантивных форм указывает на то, что процесс адвербиализации еще не закончился, но основная тенденция развития несомненна.

Адвербиализация форм творительного падежа от разных имен существительных (по различным славянским языкам), но одного значения — ср. *drog* — путем — *cestou; całkiem* — полностью, целиком: *kłusem, truchtem* — рысью и т. д. и т. п., вовлечение в процессы онаречивания форм-новообразований, а равно словосочетаний имени существительного с определением в творительном падеже (см. *całym pędem, jednym tchem, pełną parą* и т. д.), стимул и возможность адвербиализации, более того, ее необходимость, лежат в самом значении данных разновидностей творительного падежа и не зависят от семантики отдельной формы, имени существительного.

Что касается адвербиализации сочетаний имени существительного с определением в творительном падеже, то необходимо отметить, что чаще всего в роли такого определения выступает местоимение как

выразитель самых общих абстрактных понятий (*swoją drogą*, *tymczasem*, *takim sposobem* и т. п.). Адвербиализация подобных словосочетаний тесно связана со слиянием их в единое, семантически и грамматически неразложимое целое, во фразеологическое образование.

Стимулами адвербиализации форм творительного падежа являются побочные, как правило, дистрибутивные и модальные оттенки значений, свойственные многим значениям творительного падежа.

Оттенок дистрибутивности (распределительности) особенно четко выступает в формах множественного числа, что усиливает и ускоряет приближение данных форм к категории наречий (см. *czasami*, *miejscami*, *nocami* и т. п.).

В процессе адвербиализации, в процессе накопления новых, наречных особенностей и свойств, адвербиализирующиеся формы стремятся приобрести более общее значение, свойственное наречию, что в ряде случаев выражается в сдвиге лексических значений формы в сторону обозначения качественной характеристики действия или состояния, в сторону обозначения способа или образа действия. Во многих случаях (творительный сравнения, творительный ограничения, тавтологический и пр.) это выражается в стирании основного значения, в потере лексической связи с однокоренным или, вообще, управляющим глаголом. Сдвиг этот в сторону качественно-обстоятельственных значений, как более общих, происходит в процессе адвербиализации и на основе модальных значений, носителем которых выступает данная форма. Модальные значения обусловливают переход ряда адвербиализирующихся форм обстоятельственных функций в наречия образа и способа действия.

Адвербиализация падежных форм как процесс перехода к новым синтаксическим функциям, к новым морфологическим и семантическим признакам, как переход от дополнения к обстоятельству, от управления к примыканию, от обозначения субстанции к обозначению признака действия, состояния или качества протекает только при глаголе как носителе этого действия, состояния или качества во времени. Изменение в процессе адвербиализации лексико-грамматических связей форм творительного падежа с глаголом характеризуются переходом от слабого управления к чисто синтаксической связи примыкания. В процессе адвербиализации „изолированный падеж, теряя свои нормальные связи в предложении, притягивался синтаксически исключительно к глаголу, начинал обозначать признак признака и делался наречием“ [1].

Лексическая связь ряда форм с глаголом, как правило, со значением образа и способа действия, сравнения, тесно связанных в силу этого со значением глагола перерастает иногда в связи фразеологического характера — глагол с примыкающей к нему формой застывает в неразложимое, единое грамматическое и семантически устойчивое соединение — фразеологическое сочетание (*spadać kamieniem*, *świecić bokami*, *ujść płazem* и т. д.).

---

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис . . ., стр. 153.

Лексическое значение слова не имеет решающего значения для адвербиализации данной формы, но меньшая конкретность оказывает ускоряющее воздействие на процессы адвербиализации, облегчая переход данной формы к части речи более общих значений, к наречию.

Следует отметить, что адвербиализации подвергаются самые различные, по наблюдениям исследователей [1], падежные формы от одних и тех же имен существительных, выражающих общее понятие: *czas*, *miasto*, *koło*, *raz*, *dzień* и др., что указывает на некоторую зависимость грамматических изменений от лексического значения слова.

Среди фактов формального порядка, сопутствующего адвербиализации творительного падежа, представляется необходимым отметить частные случаи адвербиализации имен существительных, во-первых, с уменьшительным суффиксом — *rankiem*, *boczkiem*, *wieczorkiem*, *przodkiem*, *truchcikiem*, *spodkiem* и т. д. (ср. — *пешочком*, *шепотком*, *бочком*, *сторонкой*) и, во-вторых, имен существительных, образованных с помощью словообразовательной частицы *pół* 'пол' — *półgłosem*, *półbiegiem*, *półżartem* и т. п.

Степень адвербиализации различных форм творительного падежа различна. Некоторые из них целиком перешли в категорию наречий, и в современном языке такие наречия нередко с трудом восстанавливаются как падежная форма по происхождению. Большинство же адвербиализирующихся форм творительного падежа только приближается к наречиям. Первым признаком и шагом по пути адвербиализации является выполнение в предложении формой творительного падежа функций обстоятельства. Можно выделить много примет изоляции данной формы от других падежей, ее окостенения, т. е. ее адвербиализации. Таковыми являются, например, потеря способности определяться прилагательными — *tyłem*, *milczkiem*, *gwałtem*, *bokiem* и т. п., исчезновение форм других падежей — *żywcem*, *ukradkiem*, *duszkiem*, *omackiem* и т. п.; сохранение старой формы — *dawnymi laty;* смена грамматического рода: *ukradką* — *ukradkiem*, *omacką* — *omackiem*; форма получает возможность входить в новые связи, в которые раньше не могла входить, — *na tymczasem* и т. д. Важным является, как известно, семантический фактор, т. е. потеря субстанциональности, приобретение формой более общих значений. В связи с этим часты случаи использования адвербиализирующихся форм не просто в значении наречия, т. е. в роли обстоятельства, но в значении и функции сказуемого глагола — *biegiem*.

Процесс адвербиализации является сложным взаимодействием всех трех факторов — синтаксического, морфологического и семантического. В процессе адвербиализации в связи с изменением синтаксических и морфологических черт формы возможно и изменение лексического значения слова (см. *razem*, *wierzchem-konno* и т. п.).

Адвербиализация падежных форм протекает в языке не изолированно, но во взаимосвязи с различными другими явлениями языка. Адвербиализирующиеся формы соотносятся с параллельными падежными

[1] L. Rysiewicz. O pewnych zmianach funkcji form przypadkowych. Warszawa, 1937.

формами и наречиями, что оказывает свое влияние на протекание процесса адвербиализации.

В дальнейшем ходе исторического развития некоторые наречия, по происхождению формы творительного падежа от имен существительных, проявляют тенденцию к потере знаменательности и переходу в категорию предлогов (*względem*, *tytułem*, *kosztem*, *drogą*, *кругом*, *посредством*, *путем* и т. п.).

Возможны случаи полного отрыва адвербиализированной формы творительного падежа от сказуемого вплоть до выделения их из состава наречия и перехода в категорию вводных слов (*swoją drogą*, *słowem*, *szczęściem* и т. д., ср. *случаем*, *другими словами* и т. д.).

Глава четырнадцатая

ОБЩИЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Творительный падеж в славянских языках имеет разнообразные грамматические значения и выступает в различных синтаксических функциях. Среди основных значений мы различаем творительный социативный, творительный инструментальный, творительный логического субъекта, творительный причины, творительный сравнения, творительный совокупности, творительный ограничения, творительный времени и творительный места. Все эти значения обнаруживаются у творительного приглагольного. Приименное употребление творительного падежа характеризуется лишь несколькими значениями.

Кроме основных значений творительного, мы различаем производные, которые возникают на основе изменения синтаксических функций, на основе перехода дополнения в различного рода обстоятельства. Так, в социативном значении легко обнаружить производные значения социативного цели, социативного времени, социативного образа действия, социативного качественной характеристики и др. Аналогичные явления обнаруживаются и в других значениях творительного.

Все указанные выше основные значения творительного падежа представлены были уже в праславянском языке, многие из них идут от еще более древнего времени. Вот почему славист лишен возможности принимать участие в обсуждении вопросов об исконном значении индоевропейского творительного. Следует обратить внимание на то, что некоторые производные значения (например, творительный образа действия) начали формироваться на почве праславянского языка.

Исследованный материал славянских языков не дает возможности установить иерархию основных значений славянского творительного. В этом направлении было сделано много усилий, но все они не принесли результатов. Нельзя утверждать, что, например, социативное значение древнее инструментального или времени. Мы можем лишь говорить о более устойчивых значениях и менее устойчивых (ср., например, творительный инструментальный и творительный причины). Все это, однако, не дает основания утверждать, что славянский творительный объединяет в себе различные падежи.

2. Социативное (сопроводительное) значение во всех современных славянских языках выражается конструкцией *с + творительный*.

Только в сербохорватском языке наряду с предложной конструкцией встречается творительный социативный беспредложный. Предложная конструкция здесь заменила собой более ранний творительный социативный беспредложный, единичные случаи употребления которого отмечены в старославянском и древнерусском языках. Данные славянских языков свидетельствуют о том, что процесс утраты творительного социативного беспредложного начался в праславянскую эпоху и наиболее интенсивно проходил в собственно социативном употреблении. В памятниках письменности творительный социативный беспредложный встречается лишь в значениях, производных от творительного собственно социативного, к которым относится прежде всего творительный образа действия.

Творительный социативный предложный отличается от старого беспредложного некоторыми новыми значениями. К последним относятся творительный цели и творительный времени, сформировавшиеся в поздний период. Другие значения творительного социативного, возникновение которых относится к праславянскому периоду, в отдельных славянских языках получили особое распространение. Их интенсивное развитие в ряде случаев связано с новым периодом истории славянских литературных языков (например, творительный образа действия).

В современных славянских языках различаются следующие группы творительного социативного: собственно социативный, образа действия, качественной характеристики, цели, времени, косвенного объекта. Данные значения творительного социативного установлены на основе учета ряда грамматических и лексических факторов.

Творительный социативный качественной характеристики является единственной группой творительного социативного, которой свойствен синонимический параллелизм в трех современных славянских языках — сербохорватском, словенском и польском. Особенностью синонимических связей творительного качественной характеристики является соотнесенность его с двумя различными конструкциями — родительным падежом беспредложным в сербохорватском языке и местным падежом с предлогом *о* в польском языке. Обе синонимические конструкции активно соперничают с творительным падежом в определенных условиях. Местный падеж в славянских языках (не только в польском) первоначально выражал отношения количественного признака (*конь о четырех копытах*). В польском языке эта конструкция стала употребляться для обозначения качественного признака предмета.

3. Инструментальное (орудийное) значение творительного падежа является одним из основных его значений, несомненно существовавшим в праславянском языке.

В творительном инструментальном исторически выделяются три семантические группы: творительный инструментальный орудия (*засыпать яму лопатой*), творительный инструментальный средства (*вспахать поле волами*), творительный инструментальный вспомогательного материала или содержания (*засыпать яму землей*).

Творительный орудия употребляется при глаголах переходных и непереходных, которые образуют четыре группы: 1) глаголы абсолютно переходные, при которых творительный орудия обозначает предмет, которым субъект воздействует на объект (*написать письмо пером*); 2) глаголы, которые с одним и тем же составом существительных выступают то в роли переходных, то в роли непереходных; 3) глаголы, которые с одним составом существительных выступают в роли переходных, с другим — в роли непереходных (*мотать головой*, ср. *мотать нитки*); 4) глаголы абсолютно непереходные (*всплеснуть руками*, *блестеть золотом*). Творительный средства известен при глаголах переходных и непереходных. Творительный инструментальный вспомогательного материала возможен только при глаголах переходных или при глаголах возвратных.

Три выделенные группы творительного инструментального существенно различаются историей своего развития по славянским языкам. Творительному орудия в основном не свойствен синонимический склад параллелизма с предложными конструкциями. На определенном этапе развития славянских языков творительный орудия стал возможным при глаголах непереходных. Особенностью развития творительного орудия является изменение синтаксической функции — от функции дополнения до функции обстоятельства образа действия. Для творительного средства характерны синонимические связи с целым рядом предложных конструкций. Творительный, обозначающий человека, заменен синонимическими конструкциями по всем славянским языкам. Процесс вытеснения творительного средства передвижения в основном закончен лишь в русском, белорусском и словацком языках. Творительный вспомогательного материала или содержания сохранился в славянских языках на протяжении их истории без существенных изменений; в этом значении творительного падежа расширения синтаксических границ употребления не наблюдается. Замена синонимическими конструкциями здесь ограничена узким кругом глаголов, при которых творительный вспомогательного материала последовательно вытесняется предложной конструкцией.

В древних славянских языках отмечена группа творительного инструментального, обозначающего материал, из которого что-либо сделано. Она очень рано утрачена по всем языкам (XV—XVI вв.). Процесс вытеснения творительного материала, несомненно, берет начало еще в праславянском языке.

Творительный инструментальный подвержен процессу адвербиализации, который особенно характерен для группы творительного орудия, являющейся одним из основных источников формирования творительного образа действия — позднейшего значения творительного падежа. В процессе адвербиализации творительного инструментального можно наблюдать ряд ступеней — от зачаточного состояния этого процесса до его завершения — перехода падежной формы в наречие. Во многих случаях значение способа обусловливается употреблением при существи-

тельном определения. Важно отметить, что в тех группах творительного инструментального, которым процесс адвербиализации в основном не свойствен, наблюдается почти полная (творительный средства) или частичная (творительный вспомогательного материала) замена творительного падежа предложными конструкциями.

4. Творительный падеж является одним из важнейших средств выражения значения логического субъекта страдательных конструкций. Однако не всякий творительный падеж в страдательных конструкциях следует рассматривать как логический субъект: в страдательном обороте может быть употреблен и творительный орудия (*письмо написано пером*).

Страдательные конструкции в славянских языках употребляются обычно реже, чем действительные. Это относится и к литературным славянским языкам, и, в еще большей степени, к разговорному языку и диалектам.

Употребление творительного логического субъекта в старославянском языке характеризуется следующими чертами. Творительный употребляется для обозначения логического субъекта — лица и не лица при возвратных глаголах и страдательных причастиях от глаголов разнообразной семантики, чаще переходных, чем непереходных. Синонимичным творительному падежу способом выражения значения логического субъекта в старославянском была конструкция *от* + родительный.

В отличие от творительного, эта конструкция выражала только действующее лицо и не выражала действующий предмет.

В среднеболгарских текстах наблюдается интенсивное распространение родительного с предлогом *отъ* и вытеснение творительного падежа, что связано, вероятно, с развитием аналитизма. Современный болгарский для выражения логического субъекта пользуется именем существительным с предлогом *от*.

В древнем словенском языке творительный мог служить для выражения логического субъекта — не лица. В современном словенском творительный падеж в этом значении не употребляется: он вытеснен конструкцией *от* + родительный, которая обозначает и действующие лица, и действующие предметы.

В древнесербском языке творительный падеж обозначал логический субъект — лицо. В современном сербохорватском он обозначает и лицо и самостоятельно действующие неодушевленные предметы, однако его распространение не отличается широтой. С ним конкурирует конструкция *от* + родительный, известная еще в древних памятниках сербского языка.

В русском языке творительным падежом обозначается как логический субъект — лицо, так и неодушевленный предмет. В современном литературном языке, так же как и в большинстве диалектов, творительный падеж является единственным средством выражения логического субъекта страдательной конструкции. В истории русского языка наряду

с творительным были известны и другие способы выражения этого значения. Употребление конструкции *от*+родительный было результатом влияния на него языка старославянского. Оно было значительным в первые века существования письменности на Руси, усилилось в эпоху второго южнославянского влияния, было известно в XVIII в. и держалось до первых десятилетий XIX в.

В произведениях некоторых писателей XVIII в. иногда употреблялась конструкция *через*+винительный для обозначения действующего лица в страдательной конструкции. В литературном языке она не удержалась.

В севернорусских диалектах в функции логического субъекта безличных страдательных оборотов иногда употребляется конструкция *у*+родительный. Такой способ выражения логического субъекта наблюдается там и в страдательных конструкциях обычного типа.

В старом белорусском языке наряду с творительным падежом известна была конструкция *от*+родительный. В современном белорусском рассматриваемое значение выражает творительный падеж.

В старом украинском языке наряду с творительным падежом имела распространение конструкция *от*+родительный, которая еще держалась в языке писателей первой половины XIX в.

В чешском языке творительный падеж употребляется с древних пор одновременно с конструкцией *от*+родительный. В современном чешском творительный служит главным способом выражения значения действующего лица и предмета страдательной конструкции. В древнечешском литературном языке XIV—XV вв. было употребительно выражение логического субъекта конструкцией *skrze*+винительный, обозначающей действующее лицо.

В современном словацком логический субъект выражается творительным падежом. В текстах начала XIX в. была, наряду с творительным, употребительна конструкция *от*+родительный, возникшая, возможно, под чешским влиянием.

В старых текстах нижнелужицкого языка логический субъект чаще всего выражался конструкцией *от*+родительный. Эта конструкция сохранилась до сих пор. Кроме того, в современном языке известна и конструкция *pschez*+винительный.

В старых текстах верхнелужицкого языка логический субъект выражался конструкциями *от*+родительный, *с*+творительный, *pschez*+винительный. Эти три способа сохранились в верхнелужицком до нашего времени.

В древнепольском творительный падеж логического субъекта служил для обозначения как одушевленных, так и неодушевленных производителей действия. В современном польском литературном языке роль логического субъекта взяла на себя другая форма — *przez*+винительный, а творительный в значении логического субъекта, лица и не лица, сохранился в диалектах.

В кашубском языке творительный логического субъекта отсутствует.

Творительный падеж во всех славянских языках обозначал издавна и логический субъект — одушевленный предмет, и логический субъект — неодушевленный предмет. Это широкое значение его идет, по-видимому, из праславянского языка. Падежно-предложные конструкции, существуя параллельно с творительным падежом, обычно обозначали одушевленный предмет, чаще всего лицо. В тех языках, где они вытеснили творительный падеж и стали основным способом выражения значения логического субъекта, их значение расширилось.

5. Творительный падеж в безличных предложениях имеет значение действующего предмета, которое восходит или к значению орудия, или к значению вспомогательного материала. Можно полагать, что безличные предложения с творительным падежом восходят к праславянскому языку. Однако дальнейшая их судьба сложилась по-разному: в различных группах славянских языков они имеют разную степень употребительности, а южнославянские языки вообще не знают безличных предложений с творительным падежом.

Широко распространены и продуктивны безличные предложения с творительным падежом в восточнославянских языках. Они отмечены еще в древних текстах русского языка, хорошо известны современному русскому литературному языку и диалектам, украинскому и белорусскому языкам.

Безличные предложения с творительным мы отметили также в западнославянских языках: чешском, словацком, в польских диалектах. Здесь они непродуктивны.

Творительный падеж действующего предмета, восходящий к значению орудия или вспомогательного материала в безличных предложениях с главным членом, выраженным переходным глаголом, встречается в тех славянских языках, где логический субъект страдательной конструкции известен в форме творительного падежа. Эта связь, возможно, указывает на семантическое взаимодействие двух рассматриваемых синтаксических категорий.

6. Творительный причины в древности отличался широтой семантического объема. Им обозначалась и причина, вызывающая состояние или действие, и причина, препятствующая их проявлению, и внутреннее обоснование действия, и причина, влекущая за собой отрицательные последствия, и другие разновидности значения причины, которые в современных языках выражаются различными грамматическими средствами.

Творительный причины обозначал обстоятельство причины чаще всего при простом глагольном сказуемом, выраженном непереходным глаголом. Случаи с переходными глаголами более редки, значение причины в них выражено менее ярко. Кроме того, есть примеры творительного причины при составном сказуемом.

Еще в древние эпохи наметился процесс вытеснения творительного причины, позднее он приобрел широкие масштабы. В современных

языках это синтаксическое явление встречается редко, его остатки более типичны для диалектов, чем для литературных языков. Совершенно особую картину дает лишь чешский литературный язык, где выражение отношений причины осуществляется преимущественно при помощи творительного падежа. Здесь он употребляется в основном в тех же самых условиях, которые были связаны с этой формой в древних славянских языках.

В современных славянских языках (кроме чешского) заканчивается или закончился процесс вытеснения творительного причины падежно-предложными конструкциями, начавшийся еще в праславянскую эпоху; остатки творительного причины адвербиализуются.

Преимущество падежных форм с предлогами заключается в том, что они не скованы теми грамматико-семантическими рамками, которые оказались отведенными в языке для творительного причины, и могут употребляться как при непереходных, так и при переходных глаголах самой разнообразной семантики. Кроме того, они имеют громадные возможности для передачи различных оттенков значения причины: известно, что именно в кругу причинных отношений наблюдаются смысловые и стилистические различия, обусловленные употреблением разных комбинаций падежей и предлогов.

7. Древнейшие примеры творительного превращения и сравнения, зафиксированные в памятниках славянской письменности, встречаются с глаголами конкретного значения полной знаменательности.

Само значение творительного при таких глаголах не остается неизменным в течение периода существования письменных памятников. Древнее значение превращения переходит в неизмененных грамматических обстоятельствах в значение сравнения. Наиболее заметно эта эволюция прослеживается у творительного при глаголах движения.

Творительный превращения при глаголах знаменательных (*бежать волком*) семантически тесно связан с творительным превращения при глаголах полузнаменательных и связках (*он сделался волком, он стал волком*). Этот творительный широко распространен, в частности, в языке произведений устного народного творчества — былин, причитаний и, особенно, сказок, самая тематика которых обусловливает его употребление. Творительный превращения при глаголах полузнаменательных и связках изредка можно встретить в современной художественной и научной литературе. Здесь он обозначает случаи, обычные в жизни и природе: превращение одного явления, предмета или вещества в другое.

Творительный превращения при глаголах с утрачивающейся знаменательностью в свою очередь ближе к творительному предикативному: последний отличается еще большей утратой знаменательности глагола, а также большей широтой круга имен существительных, от которых может образовываться творительный падеж.

Творительный сравнения иногда наблюдается в русском языке при именах существительных, синтаксически он выполняет функции опреде-

ления при именной части сказуемого. Признак здесь выявляется при помощи сравнения одного предмета с другим (*брови дугой, хвост трубой*). Несколько особняком стоят такие конструкции, как *дым коромыслом, пыль столбом.*

Творительный сравнения приглагольный в славянских языках служит одним из источников пополнения грамматического разряда наречий, так как существительное в данном значении творительного падежа часто приобретает семантические черты глагольного признака.

Творительный сравнения в современных славянских языках вытесняется из употребления сравнительными оборотами. Функции сравнительных оборотов гораздо шире, чем функции творительного сравнения. Чем более удалено значение творительного от первоначального, тем меньше возможность заменить его сравнительным оборотом.

8. Творительный совокупности, генетически связанный с творительным социативным, выражает понятие целостности или разделительности подлежащего (*птицы летят стаями*), или понятие частей прямого дополнения (*уводить детей группами*). Творительный совокупности характерен для существительных с собирательным значением.

Разновидностью творительного совокупности является творительный количества (*лететь сотнями*), значение которого обусловливается количественной определенностью существительного в форме творительного падежа.

Творительный совокупности особенно широко распространен в восточнославянских языках. В южнославянских языках творительный совокупности уже в значительной мере заменен синонимической конструкцией *в*+местный.

9. Творительный ограничения является весьма древним значением данного падежа в славянских языках. В отличие от других значений этого падежа, он связан не только с глагольным, но и с приименным и приадъективным употреблением.

Наибольшее распространение в славянских языках имеет приадъективный творительный ограничения, слабо представленный лишь в западнославянских языках. Творительный приадъективный широко распространен в различных по жанру памятниках письменности славянских языков; довольно широко он представлен в памятниках древнеславянской письменности.

Значительно распространен в древних и современных славянских языках приглагольный творительный ограничения. В отличие от приадъективного творительного ограничения он отмечается лишь в памятниках художественной литературы и почти неизвестен древнеславянской деловой письменности.

Слабо представлен и в древних и в современных славянских языках творительный ограничения при именах существительных конкретных. Однако правомерно предположить, что и творительный при именах существительных конкретных был известен славянским языкам уже в древности, но в письменность проникал спорадически. В современ-

ных славянских языках приименной творительный ограничения характеризует собою преимущественно язык народноразговорный или устно-поэтический.

Все три разновидности творительного ограничения, обладая одним значением, не являются, однако, однотипными по своему происхождению.

Общее происхождение имеют творительный ограничения приадъективный и приименной, так как и прилагательные, и существительные могли употребляться в роли именной части составного сказуемого, т. е. входить в состав предикативного признака. Творительный ограничения приглагольный генетически связан с творительным инструментальным.

Употребление творительного падежа при определенной группе глаголов (обозначающих проявление какого-либо признака или состояния) создало близость в значении между приглагольным творительным ограничения и творительным ограничения приадъективным. Таким образом, близость в значении приадъективного творительного и приглагольного творительного ограничения является в известном смысле вторичной, обусловленной близостью значений глаголов, управляющих данным творительным, и качественных имен прилагательных.

Хотя творительный типа *похорошеть лицом*, *пополнеть станом* и пр. отмечен в некоторых древних памятниках славянских языков и создает впечатление как бы естественного перехода от приадъективного творительного ограничения к приглагольному, нельзя все же возводить все случаи употребления творительного ограничительного к творительному приадъективному.

В современных славянских языках на смену всем типам употребления творительного ограничения приходят одни и те же синонимические конструкции (различающиеся, правда, по языкам), и само „развитие" творительного ограничения в целом идет по пути образования и выделения ряда словосочетаний, имеющих тенденцию к образованию фразеологизмов, но не являющихся фразеологическими сращениями. Процесс этот, охватывая, видимо, все славянские языки, не является завершенным.

В настоящее время употребление творительного ограничения вне указанных лексических словосочетаний, идущих по пути фразеологизации, и в приадъективном, и приименном, и приглагольном употреблении преимущественно свойственно образному языку поэзии и устного народного творчества.

10. В современных славянских языках творительный времени выступает в двух своих древних значениях: время как отрезок, в течение которого происходит действие, и время как момент действия. Творительный времени имеет два оттенка: оттенок дистрибутивности и меры времени.

Славянские языки утратили первоначальное значение времени как отрезка, полностью охваченного действием, оно стало выражаться винительным падежом без предлогов или с предлогами.

Творительный времени как момента действия широко распространен в современных языках. Однако он не является единственной формой выражения рассматриваемого значения. Славянские языки характеризуются разнообразием форм выражения времени.

В современных славянских языках представляется сложная картина взаимодействий творительного в значении времени как момента действия и различных предложных и беспредложных конструкций. Следует отметить также лексические особенности употребления творительного времени в отдельных славянских языках. Так, в чешском и сербохорватском возможно употребление творительного *субботой*, а в русском невозможно; в русском употребителен творительный *днем*, в чешском неупотребителен, и т. д.

Творительный в значении момента времени наиболее последовательно употребляется в русском языке, в котором творительный употребляется при обозначении времен года и частей суток, а предложные конструкции — при обозначении месяцев, недель и лет.

В остальных славянских языках такого четкого разделения не наблюдается. Для обозначения одного понятия времени в них могут употребляться наряду с творительным самые разнообразные синонимические предложные конструкции: *в*+местный, *в*+дательный, *о*+местный.

Вытеснение творительного времени другими конструкциями обусловлено, с одной стороны, недостаточной четкостью выражения значения этим падежом и, с другой стороны, общей тенденцией творительного времени к абстракции временного выражения, что в свою очередь объясняется обстоятельственной функцией этого творительного в предложении. Эти условия благоприятствуют адвербиализации творительного. Вследствие адвербиализации творительный не может выражать различных оттенков значения, и в языке появляются новые средства для их выражения.

Процесс вычленения временных отношений в славянских языках, начавшийся в древности, в современных славянских языках еще не закончился.

11. Творительный места со значением непересекаемого пространства в славянских языках развивался с древнейших пор во взаимодействии с конструкцией *по*+дательный или местный.

Материал памятников XI—XVI вв. показывает, что творительным места обозначается путь, по которому перемещается предмет. Творительный места употреблялся обычно при глаголах целенаправленного движения.

Конструкция *по*+дательный или местный обозначала место, по которому совершалось перемещение. Она употреблялась чаще при глаголах нецеленаправленного движения. Возможны были отклонения. Так, во всех славянских памятниках древней поры *по*+дательный или местный довольно часто отмечен и при глаголах целенаправленного движения и, наоборот, творительный места в отдельных случаях отмечен и при глаголах нецеленаправленного движения.

Творительный места при глаголах нецеленаправленного движения отмечен в древних памятниках ряда славянских языков. Можно полагать, что творительный с таким значением был известен праславянскому языку. Следовательно, в начальную эпоху праславянского единства не дифференцировали место как путь движения и место как пространство, в пределах которого совершалось перемещение. В понятие пути движения включалось и понятие пространства, в пределах или на поверхности которого происходило перемещение.

Тогда же, в эпоху праславянского единства, появилась и потребность разграничить два оттенка в понятии пространства, обозначаемого творительным места: пространство как путь движения и пространство как место, в пределах или на поверхности которого происходит перемещение.

Для обозначения пространства, в пределах или на поверхности которого совершается перемещение, стала использоваться конструкция *по+дательный или местный*.

В связи с этим значение творительного места уточнилось; он стал обозначать путь целенаправленного движения предмета. Такое уточнение значения творительного места произошло еще в дописьменный период.

Конструкция *по+дательный или местный* оказалась очень продуктивной. Она стала употребляться и при глаголах целенаправленного движения. Следует думать, что употребление конструкции *по+дательный или местный* при глаголах целенаправленного движения началось еще в эпоху праславянского единства, так как подобное употребление зафиксировано в древнейших памятниках всех славянских языков. Распространение данной конструкции при глаголах целенаправленного движения объясняется тем, что она по своей природе более точно характеризует взаимоотношение между движением и пространством. Возникнув на базе творительного места для обозначения особого оттенка в понятии пространства, конструкция *по+дательный или местный* очень рано стала синонимичной творительному места.

В большинстве славянских языков творительный места вытесняется предложной конструкцией. Там, где он сохраняется в употреблении, он имеет довольно устойчивое значение пути целенаправленного движения предмета. Поэтому каковы бы ни были взаимоотношения творительного места и рассматриваемой предложной конструкции, творительный чаще употребляется при глаголах целенаправленного движения.

В современном чешском языке творительный места получил широкое развитие при глаголах нецеленаправленного движения. В исследованных нами древних памятниках всех славянских языков (в том числе и чешского) он зафиксирован лишь в единичных случаях, при этом следует отметить, что такой творительный не исчезает бесследно ни в одном из остальных славянских языков, где в той или иной степени сохранился творительный места со значением непересекаемого пространства.

Творительный пересекаемого пространства выражался существительным со значением протяженного пространства и существительными со значением отверстия (*прошел лесом, прошел дверью*).

Творительный со значением пересекаемого пространства, равно как и творительный со значением отверстия, с древнейших времен употреблялся параллельно с конструкцией *через*+винительный. Творительный пересекаемого пространства и творительный отверстия развивались различными путями. Судьба творительного пересекаемого пространства (*прошел лесом*) сходна с судьбой творительного непересекаемого пространства (*шел лесом*). Творительный же со значением отверстия в каждом славянском языке развивался самостоятельно. В этом отношении показательными являются те языки, в которых какой-нибудь тип творительного места исчез. В этом случае исчезал или творительный со значением пространства (пересекаемого или непересекаемого), или творительный со значением отверстия. Так, в серболужицких языках исчез творительный типа *шел лесом* и типа *прошел лесом*, соответственно заменившись конструкциями *по*+местный и *через*+винительный, сохранился творительный типа *смотрел, выскочил окном*. В сербохорватском языке, наоборот, исчез тип *смотрел, выскочил окном* и сохранился творительный со значением протяженного пространства типа *шел лесом* и типа *прошел лесом*.

В русском и украинском языках также сохранился творительный пространства (пересекаемого или непересекаемого), исчез из литературного языка творительный отверстия, за исключением единичных установившихся выражений (*кровь идет носом, горлом*). В говорах такой творительный сохранился отчасти. Остальные языки, где в той или иной мере сохранились все три типа творительного места, в этом отношении менее показательны. Но и в них творительный типа *смотрел, выскочил окном* как-то обособляется. Так, например, во всех славянских языках только для творительного типа *смотрел, выскочил окном*, существуют параллельные обороты *в*+винительный и *из*+родительный. Таким образом, различие путей развития творительного места со значением пересекаемого пространства обусловливалось тем, обозначал ли он место как пространство или как отверстие.

Творительный места при определенных условиях (наличие при творительном логически выделяемого определения и отсутствие связи с глаголами движения) мог переходить в творительный образа действия, далее в наречие образа действия.

12. Одним из древнейших и устойчивых значений творительного падежа является значение места. Творительный беспредложный обозначает пространство как путь движения предмета. Творительный с предлогами *за, перед, между, над, под* обозначает пространство как место действия или нахождения предмета. Пространственное значение творительного падежа с указанными предлогами может видоизменяться, приобретать различные оттенки в зависимости от лексического значения глаголов, с которыми сочетается творительный падеж.

На базе пространственного значения развиваются иные абстрактные значения творительного с предлогами, которые начали появляться, по-видимому, еще в эпоху праславянского единства. Праславянского про-

исхождения, очевидно, следующие значения: значение объекта, свойственное творительному падежу в сочетании с предлогами *за*, *перед*, *над*, наблюдаемое во всех славянских языках с давних пор; значения прикрытия, защиты, подчинения, принадлежности, отмеченные у творительного в сочетании с предлогами *за*, *под*, известные всем славянским языкам. Кроме того, сюда же следует, по-видимому, отнести значение цели у творительного с предлогом *за*, наблюдаемое в большинстве славянских языков. Значение причины творительного с предлогом *за* возникло лишь в определенных восточных диалектах, так как конструкция *за*+творительный с таким значением отмечена только в восточнославянских языках.

Ряд абстрактных значений творительного с предлогами появился в более поздний период праславянского единства, возможно, в период, непосредственно предшествующий обособленной жизни славянских языков. Конструкции с данным значением получили то или иное развитие уже в каждом из славянских языков в отдельности. Поэтому судьба их оказалась различной. Отдельные абстрактные значения или частные оттенки значений появились в письменный период в отдельных языках. В таких случаях конструкции, выражающие оттенки значений, большей частью не получили особого распространения, сохраняясь иногда в виде отдельных фразеологических сочетаний.

Количество абстрактных значений творительного с предлогами резко колеблется и зависит от того, с каким предлогом сочетается творительный падеж. Наиболее развитую систему пространственных значений имеет творительный в сочетании с предлогами, лексическое значение которых не столь конкретно, в связи с чем предлог легко мог становиться многозначным (например, *за*). Гораздо беднее значениями творительный с конкретными предлогами (например, с *между*). Однако и в тех случаях, где предлог имел особую склонность абстрагироваться, число абстрактных значений сочетания творительного с данным предлогом с течением времени не увеличивалось. В ряде языков утратились некоторые прежние значения сочетаний творительного с предлогом *за*. Так, не получил распространения *за*+творительный со значением причины, отмеченный в древних памятниках русского языка и изредка чешского. В современных славянских языках значение причины выражается различными другими конструкциями, только в украинском языке *за*+творительный в этом значении является продуктивной конструкцией. Не получил распространения *за*+творительный со значением прикрытия, принадлежности, подчинения, защиты. Эти значения в современных славянских языках обычно передаются конструкцией под+творительный. Не получила распространения конструкция перед+творительный со значением сравнения, отмеченная в старославянском, древнерусском и современном нижнелужицком языках.

Сочетание творительного с предлогами приобретает временно́е значение обычно при условии, если в творительном падеже выступает существительное со значением явления, ограниченного во времени (*собра-*

ние, обед, спектакль и т. д.) или существительное со значением меры времени (*день, ночь* и др.).

Временны́е значения у сочетаний творительного с предлогами начали появляться, очевидно, в эпоху праславянского единства, но они не получили развития в славянских языках. В современных славянских языках эти конструкции с временны́м значением в большинстве своем являются фразеологическими сочетаниями с ограниченным кругом существительных.

13. Исключительная редкость употребления беспредложного творительного при отвлеченных именах существительных в древнейших памятниках ряда славянских языков, его отсутствие в некоторых древних языках говорят о том, что развитие творительного собственно прииме́нного относится к периоду после распада праславянского языка.

Распространенность творительного прииме́нного лишь в определенных стилях языка — научно-техническом и газетно-публицистическом, узость его употребления в языке жанров письменности, близких к народноразговорному языку, и полное его отсутствие в диалектах показывают, что творительный прииме́нной не свойствен народноразговорному языку, а представляет собою элемент книжной речи.

Возможность образования прииме́нного творительного связана со значениями отглагольных имен, обозначающих действие, и глаголов, от которых они образованы. Специфическая же особенность отглагольных имен существительных, состоящая в отвлечении от действующего лица, препятствует широкому распространению прииме́нного творительного. Предложные сочетания творительного с отглагольными именами представляют собою явление вполне обычное для всех стилей и древних, и современных славянских языков. Это объясняется различиями основных значений предложного и беспредложного творительного падежа.

14. Приадъективный творительный, получивший большое распространение в южных и восточнославянских языках, развивался, видимо, еще в праславянскую эпоху. Данные древних памятников письменности южных и восточнославянских языков свидетельствуют об его широком употреблении. Возможно, что его возникновение следует отнести к эпохе еще более ранней, так как подобное употребление творительного свидетельствуется латинским и литовским языками.

Приадъективность данного падежа обусловлена в значительной мере его глагольным употреблением. Творительный приадъективный большей частью употребляется лишь при тех прилагательных, которые входят в состав сказуемого. Употребление творительного падежа при прилагательных, играющих в предложении атрибутивную роль, является, видимо, позднейшим явлением и не получило до настоящего времени значительного развития.

15. Творительный падеж представляет многочисленные примеры адвербиализации. Как мы видели выше, адвербиализация характеризует развитие многих значений. Славянские языки представляют разнообразные этапы этого процесса. Кроме изучения адвербиализации по отдельным

значениям, мы сочли целесообразным рассмотреть этот важнейший для истории творительного падежа процесс на материале одного славянского языка. Мы остановились на польском языке, который дает богатейший материал для суждения о различных типах адвербиализации творительного.

Творительный падеж в польском языке часто переходит в категорию наречий, что объясняется многообразием его обстоятельственных значений. Это приводит к изоляции падежа из общей системы склонения. Флексия перестает осознаваться как форма творительного падежа. Она превращается в суффикс наречий.

Процесс адвербиализации творительного падежа связан с потерей субстанциональности. Это находит внешнее грамматическое выражение в том, что существительное в творительном падеже теряет способность иметь определение. Таким образом, адвербиализация падежной формы связана с новыми морфологическими, синтаксическими и семантическими чертами, которые уже характеризуют не существительное, а наречие. В чисто синтаксическом плане адвербиализация представляет собою одну из завершающих стадий перехода дополнения в обстоятельство.

Процесс адвербиализации творительного времени зашел далеко, так как творительный времени всегда выступает в функции обстоятельства времени. Характерной чертой творительного времени является отсутствие связи между творительным времени и субъектом или объектом действия. Творительный времени связан не с подлежащим, а со сказуемым. Активным стимулом адвербиализации является дистрибутивность и модальность творительного времени.

Творительный места выступает как обстоятельство. Он связан только со сказуемым. Существенное значение имеет модальность, меньшее — дистрибутивность. Модальное значение выступает особенно ярко у форм, которые выражают общие пространственные отношения между предметами.

Творительный причины вытесняется предложными конструкциями или адвербиализуется. Адвербиализуется творительный причины редко. В предложении он выступает в роли обстоятельства причины.

Широко адвербиализуется творительный образа действия, представляя различные стадии на пути перехода падежной формы существительного в наречие. Здесь выделяется группа творительного тавтологического, получившая особенное распространение в русском языке.

Часто адвербиализуется и творительный сравнения. В процессе адвербиализации стирается реальное значение сравнения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ С УКАЗАНИЕМ ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Старославянский язык

„Саввина книга". Изд. В. Н. Щепкиным. „Памятники старославянского языка", I, вып. 2. СПб., 1903.	Савв. кн.
„Синайская псалтырь". Глаголический памятник XI в. Приготовил к печати С. Северьянов. Пг., 1922.	Син. пс.
„Супрасльская рукопись". Издана с примечаниями С. Северьяновым. „Памятники старославянского языка", II, вып. 1. СПб., 1904.	Супр.
V. Jagič. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.	Зогр.
V. Jagič. Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus. Ptb., 1883.	Мар.
F. Rački. Assemanov ili Vatikanski evangelistor. Zagreb, 1865.	Ассем.

Среднеболгарский язык

J. Bogdan. Cronika lui Cost-Manasses. Text şi glosar de Ivan Bogdan. Bucureşti, 1932.	Манас.

Сербохорватский язык

Древнесербский язык

П. А. Лавров. Жития св. Наума Охридского и служба ему. „Изв. ОРЯС ИАН", 1907, XII, кн. 4. СПб., 1908.	Жит. св. Н.
Љ. Стојановић. Старе Српске повеље и писма. I, II. Београд—Ср. Карловци, 1929, 1934.	Стој. I—II.

Современный сербохорватский язык

Б. Атанацковић. Два идола. Београд, 1893.	Атан., Два идола
Ј. Веселиновић. Од срца-срцу. Београд, 1893.	Вес., Од срца
Ј. Веселиновић. Слике из сеоскога живота. Свеска прва. Београд, 1896.	Вес., Сл. из сеоск. жив.
М. Глишић. Приповетке, кн. 1. Београд, 1879.	Глиш., Прип.
Ђ. Данићић. Српска синтакса. Београд, 1858.	Дан., Срп. синт.

Р. Домановић. Укидање страсти и друге приче. Приповетке из српскога живота. Београд, 1902.	Дом., Укид.
Ј. Игњатовић. Чудан свет. Прештампано изданије за 1868 69 годину. У Новом Саду, 1869.	Игн., Чуд. св.
Љ. Јовановић. Лаза К. Лазаревић (предговора). (Лазаревић. Приповетке). Београд, 1898.	Јован., Предгов.
В. Караџић. Српски рјечник, истумачен немачким и латинским ријечима. Београд, 1935.	Караџ.
Л. Лазаревић. Приповетке. I—II. Београд—Загреб, 1899.	Лаз., Прип.
С. Марковић. Србија на истоку. Нови Сад, 1872.	Марк., Срб. на ист.
С. Матавуљ. С мора и с планина, приповетке. Нови Сад. 1901.	Мат., С мора
С. Матавуљ. Ускок. Београд, 1902.	Мат., Ускок
М. Миличевић. Међудневица. Писма, приче и слике из живота у Србији. Београд, 1885.	Мил., Међудн.
Љ. Ћ. Ненадовић. Целокупна дела. Свеска једанаеста. Београд, 1894.	Ненад., Св. 11.
Б. Нушић. Крај обала Охридскога језера. Београд, 1894.	Нуш. Крај. Охр.
B. Nušić. Priče. Zagreb, 1912.	Nuš.
С. Сремац. Приповетке, књ. 1, 3. Београд, 1933.	Срем., Из стар.
Б. Станковић. Нечиста крв. Београд, 1910.	Станк., Неч. крв.
A. Šenoa. Karanfil sa pjesnikova groba (Sabrane pripovijesti). Zagreb, 1919.	Šen., Sabr.
Л. Толстој. Ана Каренина. Перев. на сербск. З. Велемировић. Београд—Загреб, 1946.	Толст., Ана К.
Л. Толстој. Рат и мир, кн. 1. Београд, 1946.	Толст., Рат и мир
И. Ћипико. За крухом. Нови Сад, 1904.	Ћип., За крухом

Словенский язык

F. Bevk. Zbrani spisi, zv. II (Vihar). Ljubljana, 1925.	Bevk
И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. СПб., 1904.	Б., Ю.-сл.
Dr. A. Breznik. Slovenska slovnica za srednje šole. Tretja izdaja, Ljubljana, 1924.	Brez., Slov.
I. Cankar. Zbrani spisi. Zv. 11—„Hlapec Jernej". Zv. 13 — „Kurent". Ljubljana, 1925—1936.	Cank.
J. Kersnik. Cyklamen. Ljubljana, 1924.	Kers., Cykl.
M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar. I-II. 1894-1895.	Slov.-nem. sl.
„Словинско-русский словарь", сост. М. Хостник. Горица, 1901.	Слов.-русск. сл.
J. Tavčar. Zbrani spisi. Ljubljana, 1932—1938.	Tavč.
L. Tolstoj. Vojna in mir. Ljubljana, 1932—1934.	Tolst., Vojna in mir

Древнерусский язык

„Акты времени междуцарствия 1610—1613 гг." „Чтения ОИДР". Пг., 1915, кн. 4.	А. вр. межд.
„Акты *хозяйства боярина* Б. И. *Морозова*". ч. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940.	А. х. Мор.
„Архив П. М. Строева", т. 1. РИБ. Пг., 1915.	Арх. Стр.
„Переписка боярина Одоевского с Галицкою вотчиной". „Чтения ОИДР". СПб., 1903.	Бл. б. Од.
„Галицко-Волынская летопись". „Полное собрание русских летописей", II. СПб., 1843.	Гал.-Вол.
„Густинская летопись XVII в.".	Густинск.
„Домострой по коншинскому списку и подобным". К изданию подготовил А. С. Орлов, М., изд. ОИДР, 1908.	Дом.
„Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А. Пискаревым". СПб., 1854.	Др. гр. Ряз. кр.
„Житие Нифонта в Русском списке 1219 г.". Изд. А. В. Рыстенко. Одесса, 1928.	Жит. Ниф.
„Житие протопопа Аввакума, им самим написанное". „Памятники истории старообрядчества XVII в.", кн. 1, вып. 1. РИБ, XXXIX, Л., 1927.	Жит. Авв.
„Ипатьевская летопись". „Полное собрание русских летописей", II. СПб., 1908.	Ип.
„История о Василии Кориотском". „Русские повести XVII—XVIII вв." Под ред. Сиповского. СПб., 1905.	Ист. о В. Кор.
Гр. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4. СПб., 1906.	Котош.
„Московский летописный свод конца XV в.". „Полное собрание русских летописей", XXV. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.	Моск.
„Новгородская первая летопись по Синодальному списку". „Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов". М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.	Новг. 1.
„Остромирово евангелие". СПб., 1883.	Остр.
„Повесть временных лет". Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, ч. 1—2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.	П. вр. л.
„Повесть о Савве Грудцине". „Русские повести XVII—XVIII вв." Под ред. Сиповского. СПб., 1905.	Пов. о Савве Груд.
„Псковская летопись". Под ред. Погодина. М., изд. ОИДР, 1837.	Пск.
П. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX вв., вып. 1. Изд. ОРЯС ИАН. СПб., 1899.	Сб. посл.

„Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел", ч. 1. М., 1813. — Собр. гос. гр.

„Собрание писем царя Алексея Михайловича". Изд. П. Бартенева. М., 1856. — Собр. пис. Ал. Мих.

„Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466—1472)". Под ред. акад. Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948. — Хожд. Аф. Ник.

„Хождение на Восток Ф. А. Котова в 1624 г." „Изв. ОРЯС ИАН", XII, кн. 1. СПб., 1907. — Хожд. Ф. Кот.

„Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.", т. 1. Под ред. А. Яковлева. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1943. — Холопы

„Хроника Амартола. Временник Георгия Амартола по нескольким спискам XIV—XV вв." (Цит. по „Словарю древнерусского языка" И. И. Срезневского). — Хрон. Амарт.

Диалекты русского языка

Е. В. Барсов. Причитания северного края, I—III. М., 1872, 1882, 1885. — Барс., Причит. сев. кр.

Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. „Изв. ОРЯС ИАН", III, кн. 3. СПб., 1898. — Будде, Гов. Тульск., и Калуж. губ.

Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. „Сб. ОРЯС ИАН", т. 76, № 3. СПб., 1904. — Будде, Гов. Тульск. и Орл. губ.

В. П. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. „Изв. ОРЯС ИАН", т. XIX, кн. 4. Пг., 1914. — Манс., Сев.-вост. гов.

В. П. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии „Изв. ОРЯС ИАН", т. XVII, кн. 2. СПб., 1912. — Манс., О гов. Шенк. у.

А. Д. Нечаев. Материалы, собранные летом 1912 г. Материалы по русской диалектологии. Под ред. Е. Карского. „Варшавские унив. известия", IX, 1914. — Мат. по русск. диалектол.

Н. Е. Ончуков. Северные сказки (Архангельской и Олонецкой губ.). „Зап. Русск. геогр. об-ва по отд. этнографии". СПб., 1908. — Онч., Сев. ск.

Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915. — Сокол., Сказ.

В. И. Чернышов. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. „Сб. ОРЯС ИАН", т. 68, № 3. СПб., 1900. — Черн., Гов. Моск. у.

Современный русский язык

В. Ажаев. Далеко от Москвы. „Моск. рабочий", 1948. — Аж., Далеко от Моск.

Ал. Андреев. Широкое течение. „Октябрь", 1953, № 1—2. — Анд., Шир. теч.

Н. Вирта. Вечерний звон. М., 1951. — Вирта, Веч. зв.

Н. Г. Гарин-Михайловский. Детство Темы. М., 1954.	Гар., Детство Т.
В. Глинка. Старосольская повесть. М., „Сов. писатель", 1948.	Глинка, Старос. пов.
Н. В. Гоголь. Тарас Бульба. М., ГИХЛ, 1951.	Гог., Тарас Б.
И. А. Гончаров. Обломов. М., Гослитиздат, 1949.	Гонч., Обл.
М. Горький. Детство. М., 1953.	Горьк., Детство
М. Горький. Мать. М., 1952.	Горьк., Мать
М. Горький. Мещане. М.—Л., 1950.	Горьк., Мещ.
И. Дворецкий. Юлька. „Огонек", 1953, № 43.	Двор., Юлька
Э. Казакевич. Сердце друга. „Новый мир", 1953, 1.	Каз., Сердце друга
В. Кетлинская. Дни нашей жизни. „Знамя", 1952, № 8.	Кетл., Дни н. ж.
А. Д. Коптяева. Дружба, 1—2. М., Гослитиздат, 1954.	Копт., Дружба
В. Кочетов. Журбины. Л.—М., „Сов. писатель", 1952.	Кочет. Журб.
С. Крутилин. Родники. „Октябрь", 1953, № 8.	Крут., Родн.
Л. Леонов. Дорога на океан. М., „Сов. писатель", 1950.	Леонов, Дор. на ок.
Л. Леонов. Русский лес. М., „Молодая гвардия", 1954.	Леонов, Русск. л.
М. Лермонтов. Герой нашего времени. М., ГИХЛ, 1953.	Лерм., Гер. наш. вр.
М. Лермонтов. Колыбельная песня	Лерм., Кол. песня
М. Лермонтов. Первое января	Лерм., 1 янв.
Стихотворения и поэмы. М., Гослитиздат, 1950.	
Д. Н. Мамин-Сибиряк. Соч., I—V. М., 1954.	Мамин-Сибиряк, I, II и т. д.
В. Маяковский. Стихи о советском паспорте. Избранное, 1—2. М., 1953.	Маяк., Стихи о сов. пасп.
Г. Молоствов. Голубые огни. Кемерово, „Кузбас", 1953.	Молост., Голуб. огни
Ю. Нагибин. Паук. „Огонек", 1954, № 8.	Нагиб., Паук
Н. Островский. Как закалялась сталь. М., 1947.	Н. Остр., Как закал. ст.
П. Павленко. Счастье. М., 1952.	Павл., Счастье
В. Панова. Времена года. „Новый мир", 1953, № 12.	Пан., Времена года
В. Панова. Спутники. М.—Л., Гослитиздат, 1951.	Пан., Спутн.
В. Панова. Ясный берег. М.—Л., Гослитиздат, 1951.	Пан., Ясн. берег
К. Паустовский. Избранное. „Сов. писатель", 1947.	Пауст., Избр.
К. Паустовский. Цветы из линованной бумаги. „Огонек", 1953, № 13.	Пауст., Цв.
Н. Погодин. Когда ломаются копья. „Знамя", 1953, № 4.	Погод., Когда лом. копья
Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке. М., Гослитиздат, 1952.	Полевой, Пов. о наст. чел.
М. Пришвин. Избранное. М., „Сов. писатель", 1948.	Пришв., Избр.

М. Пришвин. Корабельная чаща. М., „Сов. писатель", 1955.	Пришв., Кораб. чаща
А. С. Пушкин. Пиковая дама. Полн. собр. соч. в десяти томах, VI. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.	Пушк., Пик. д.
Г. Рассадин. На севере Франции. „Огонек", 1954. № 10.	Расс., На сев. Фр.
Вл. Рудим. Солдаты вернулись домой. „Огонек", 1954, № 9.	Руд., Солд.
А. Рыбаков. Екатерина Воронина. „Новый мир", 1955, № 1.	Рыб., Е. Вор.
М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы. М., Гослитиздат, 1950.	Салт.-Щедр., Госп. Гол.
К. М. Станюкович. Вокруг света на „Коршуне". М., 1953.	Стан., Вокр. св.
А. Твардовский. Избранное. М.—Л., 1950.	Твард.
Н. Тихонов. Рассказы горной страны. „Огонек", 1954, № 10.	Тих., Расск. горн. стр.
А. Н. Толстой. Хождение по мукам. I—II. М., ГИХЛ, 1946.	А. Толст., Хожд.
Л. Толстой. Анна Каренина. Киев, 1953.	Толст., Анна К.
Л. Толстой. Война и мир. М., Гослитиздат, 1953.	Толст., Война и мир
Л. Толстой. Хаджи-Мурат. М.—Л., 1945.	Толст., Х.-Мур.
Л. Толстой. Холстомер. Минск, 1953.	Толст., Холст.
И. С. Тургенев. Записки охотника. Собр. соч., I. М.—Л., ГИЗ, 1928.	
Ермолай и мельничиха	Тург., Ерм. и мельн.
Лес и степь	Тург., Лес и степь
Уездный лекарь	Тург., Уездн. лек.
Хорь и Калинич	Тург., Хорь и Калин.
Бежин луг	Тург., Беж. луг
И. С. Тургенев. Вешние воды. Собр. соч., VIII. М.—Л., ГИЗ, 1929.	Тург., Вешн. воды
А. Фадеев. Домашняя хозяйка. „Огонек", 1954, № 42.	Фад., Дом. хоз.
К. Федин. Города и годы. Сочинения в шести томах, I. М., Гослитиздат, 1952—1954.	Фед., Гор. и годы
К. Федин. Необыкновенное лето. М., 1950.	Фед., Необ. лето
К. Федин. Первые радости. М., 1950.	Фед., Перв. рад.
К. Финн. Большая любовь. М.—Л., „Искусство", 1940.	Финн, Больш. любовь
Д. Фурманов. Красный десант. Избранное, М., Гослитиздат, 1946.	Фурм., Красн. дес.
Д. Фурманов. Мятеж. Избранное. М., Гослитиздат, 1946.	Фурм., Мятеж
Д. Фурманов. Рассказы и повести. М., 1953.	Фурм., Расск. и пов.
Д. Фурманов. Чапаев. Избранное. М., Гослитиздат, 1946.	Фурм., Чап.
Н. Г. Чернышевский. Что делать? М., Гослитиздат, 1951.	Черн., Что делать?

А. П. Чехов. Дядя Ваня. Собрание сочинений, т. 10. М., 1950.	Чех., Дядя Ваня
А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем. Серия первая (Сочинения). М., ГИХЛ.	
Душечка	Чех., Душечка
Ионыч	Чех., Ионыч
Ночь перед судом	Чех., Ночь перед судом
Отец	Чех., Отец
Печенег	Чех., Печенег
Попрыгунья	Чех., Попрыгунья
Степь	Чех., Степь
Чайка	Чех., Чайка
М. Шолохов. Поднятая целина. „Правда", 1947, а также „Огонек", 1954, № 21, 23.	Шолох., Подн. цел.
М. Шолохов. Тихий Дон. т. I. 1947.	Шолох., Тих. Дон

Украинский язык

Древнеукраинский язык

„Етнографічни материали з угорської Руси", II. Львов, 1898.	Етногр. мат.
„Летопись Самовидца с приложениями". Издана временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1878.	Лет. Сам.
„Материалы для истории Угорской Руси", VII. СПб., 1906.	Ист. Уг. Р.
В. Розов. Українськи грамоти. I, XIV в. і перша половина XV в. Київ, 1928.	Укр. гр.

Диалекты украинского языка

„Галицько-руські народні приповідки", I, вып. 2. Зібрав, упорядкував і пояснив Др. Іван Франко. Львов, 1901—1905.	Франко, Гал.-рус. прип.

Современный украинский язык

О. Гончар. Микита Братусь. Київ, 1951.	Гонч., Мик. Бр.
М. Коцюбинский. Фата Моргана. Київ. „Молодь", 1952.	Коц., Ф. М.
П. Мирний та І. Білик. Хіба ревуть воли, як ясла повні? Київ, 1954.	Мирн., Х. р. в.

Белорусский язык

Древнебелорусский язык

„Статут великого князьства Литовского 1588 г.". Новое издание имп. Моск. об-ва истории и древностей российских.	Ст. кн. Лит.

Диалекты белорусского языка

Е. Карский. Материалы для изучения белорусских говоров. Вып. 1—6. „Изв. ОРЯС ИАН", II, кн. 2; III, кн. 3; IV, кн. 4.	Карск., Мат.

И. И. Носович. Сборник белорусских пословиц, XII, № 2. СПб., изд. ОРЯС, 1874.	Нос., Бел. посл.
Е. Романов. Белорусский сборник. Киев, 1885.	Ром., Бел. сб.

Чешский язык

Древнечешский язык

«Dalimilova chronika česká» od Václeslava Hanky, otisk druhý. Praha, 1851.	D. chr.
Petr Chelčický. Sít víry. Upravil Emil Smetánka. Praha, 1929.	Chelč., S. v.
«Nová rada, baseň pana Smila Flašky z Pardubic». Praha, 1876.	Fl., Nov. r.
«Píseň svatováclavská». «Nejstarší památky jazyka a písemnictví českého», vyd. Dr. Flajšhans, I. Praha, 1903.	Pís. svatováci.
«Slovo do světa stvořené (píseň ostrovská)». «Časopis musea kralovství českého», 1878, ročník LII.	Sl. do sv. stv.
«Staročeská píseň o božím těle», ze XIII stol. «Časopis musea kralovství českého». Praha, 1882.	St. pís.
Štítný. Knížky šestery ob obecných věcech křesťanských. «Dodavky z rukopisů pozdějších». Praha, 1852.	Št., Ob. v.
«Tomaše ze Štítného knížky šestery ob obecných věcech křesťanských». Vyd. Erbena. Praha. 1852.	Št., Ob. v.
«Výbor z literatury české», II. Praha, 1868.	Vyb. II.
V. Zikmund. Skladba jazyka českého. Praha—Litomyšl, 1863.	Zikm., Skl.

Диалекты чешского языка

Fr. Bartoš. Dialektologie moravská, I. Brno, 1886.	Bart., Mor. I
B. Havránek. Nářečí česká. Československ. vlastivěda, III, 1934.	Havr.

Современный чешский язык

J. Arbes. Syn předměstí. Praha, 1950.	Arb., Syn. předm
K. Čapek. První parta, Praha, Borový, 1948.	Čap., Pr. parta
K. Čapek. Továrna na Absolutno. Praha, Borový, 1947.	Čap., Tov.
K. Erben. České pohádky. Praha, 1951.	Erb., Poh.
J. Fučík. Reportáž psaná na oprátce. Nakladat. cizojaz. liter. Moskva, 1950.	F., Rep.
J. Fučík. Výbor ze studií, článků a dopisů. Nakladat. cizojaz. liter. Moskva, 1950.	F., Vyb. ze st.
A. Jirásek. Filosofská historie. Svoboda, 1948.	Jir., Fil. hist.
A. Jirásek. Skaláci. Brázda, 1950.	Jir., Skal.
B. Němcová. Národní báchorky a povídky. Spisy, I. Praha, Československ. spisovatel, 1950.	Němc., Nár. bách.
B. Němcová. Pět povídek Boženy Němcové. Praha. Hladka, 1948.	Němc., 5 pov.

J. Neruda. Malostranské povídky. Československ. spisovatel. Praha, 1950. — Ner., M. pov.

J. Olbracht. Anna proletářka. Praha, 1946. — Olbr., Anna pr.

M. Pujmanová. Hra s ohněm. Československ. spisovatel, 1950. — P., Hra s ohn.

M. Pujmanová. Lidé na křižovatce. Československ. spisovatel, 1950. — P., Lidé na kříž.

V. Řezáč. Nástup. Československ. spisovatel, 1951. — Řez. Nást.

Словацкий язык

P. Jilemnický. Kronika. Moskva, 1952. — Jilem., Kron.

J. Kotoułek. Bolo nás osemnást'. II vyd. Bratislava, 1950. — Kot., Bolo nás 18.

M. Kukučín. Sebrané spisy. Sv. XIV. Matica slovenská, 1948. — Kukuč.

«Ohłas stalinových prác o jazykovede». Bratislava, 1951. — Ohl.

«Sborník na počesť J. Škultétyho», 1933. — Sborn. Škult.

«Slnečná cesta». Sborník poézie a prozy. Bratislava, 1950. — Sln. cesta

Диалекты словацкого языка

V. Vážný. Nářečí slovenská. Československ. vlastivěda, díl III, 1934. — Vážný

Серболужицкие языки

Верхнелужицкий (древний) язык

H. Lotze. Der Brief des Jakobus von H. Lotze. Leipzig, 1867. — Br. Jak.

K. H. Meyer. Slavische Forschungen, H. I. Leipzig, 1923. Der oberwendische (obersorbische) Katechismus des Warichius, 1597. — Kat. War.

R. Štyrirohač. Wjeselo hra we dwěmaj jednanjomaj. Z českeho wot W. K. Keicpery přełožił Jan Cešla. Časopis Maćicy Serbskeje, III zw., 1862. — Štyr., Wjes.

Верхнелужицкий (современный) язык

«Časopis maćicy serbskeje», 1915. — Čas. mać.

J. Erben. Powěsće. Slovanská čítanka. Sešít I, 1863. — Erb., Slov. čit.

M. Haška. Maria abo Wjelk u Kralowskej holi, Budyšin, 1914. — Haš., Mar.

M. Kubašec. Row w serbskej holi. Budyšin, 1949. — Kub., Row.

J. Kubšćan. Knjez a robočan. Hra ze serbskich stawiznów u 3-x jednanjach. Spisał J. Kubšćan. Budyšin, 1931. — Kubš., Knjez. a rob.

J. Nowak. Posledni kral Činohra u 6-jednanjach Wot J. Nowaka. Budyšin, 1921. — Now., Posl.

J. Páta. Serbska čítanka, výbor z łužickoserbskeho písemnictví. Praha, 1920. — Páta, Serb. č.

Sykora. Kschiż a mjecz, 1879. — S., K. a m.

Нижнелужицкий (древний) язык

«Evangelium Sv. Marka — das sorbische Neue Testament 1548» «Archiv f. slav. Philologie», v. I, 1876, von Leskien.	Ev. Sv. Marka
«Der Wolfenbütteler niedersorbische Psalter (XVI)».	Niedersorb. Ps.

Нижнелужицкий (современный) язык

Bósch Fidus. Historicki roman s 15 st. We nimskej rězy spisał Bósch Fidus. S górnoserbskeje do delnoserbskeje řeze pscheložyła Mina Witkoic u Chóśebuzu, 1927.	Serb.
«Delnołužycke ludowe bajki». «Časopis maćicy serbskeje», 1876, Zešiwk I.	Čas. mać.
Jenč. Pismowstwo a spisowarjo delnołužyckych Serbow. Časopis maćicy serbskeje, 1880.	Jenč., Pism.
J. Pata. Úvod do studia łužickosrbského písemnictvi, 1925.	Páta, Łuž.-srb. p.

Польский язык

Древнепольский язык

«Altpolnische (Posener) Eidelsformen aus dem XIV J.» (W. Nehring). «Archiv für slavische Philologie», IV, 1880.	Altp.
«Biblia Królowej Zofii». «Z kodeksu szaroszpatackiego». Wydana przez Antoniego Małeckiego. Lwów, 1871.	B. Z.
«Kazania Gnieźnieńskie». «Rozprawy Akademii Umiejętności», wydział filologiczny, seria II, X. Og. zb., XXV. Kraków, 1897.	Kg.
J. Ossoliński. Pamiętnik. Wrocław, 1952.	Oss., Pam.
«Psałterz Floriański», pod red. Bernackiego. Lwów, 1939.	P. Fl.
«Psałterz Puławski». Warszawa, 1916.	P. P.

Польские говоры

K. Nitsch. Wybór polskich tekstów gwarowych. Lwów, 1929.	Wyb.
Z. Sobierajski. Gwary Kujawskie. Poznań, 1952.	Sob., Gw.

Современный польский язык

D. Bieńkowska. Dach nad głową. Warszawa, 1953.	Bieńk., Dach nad. gł.
K. Brodziński. O klasyczności i romantyczności. Wyd. czwarte. Kraków.	Brodz., Klas.
J. Dziarnowska. Miasto nowych ludzi. Warszawa, 1953.	Dziarn., Miasto now. l.
S. Grodzieńska. Plagi i plażki. Warszawa, 1951.	Grodz., Pl.
J. Iwaszkiewicz. Odbudowa Błędomierza. Warszawa, 1951.	Iwaszk., Odb.
I. Krasicki. Historia na dwie księgi podzielona. Warszawa, 1951.	Kras., Hist.
I. Krasicki. Wybór pism. Lwów, 1938.	Kras., Wyb.

L. Kruczkowski. Dramaty. Warszawa, 1950.	Krucz., Dram.
L. Kruczkowski. Kordian i cham. Moskwa, 1950.	Krucz., Kord. i ch.
M. Kubicki. Tamte lata. Warszawa, 1953.	Kub., Tamte l.
S. Linde. Słownik języka polskiego, t. 1—6, Wyd. 2. Lwów, 1854.	L.
Z. Marchlewska. Z pięciu miast. Warszawa, 1951.	Marchl., Z 5 miast
A. Mickiewicz. Pan Tadeusz. Dzieła Adama Mickiewicza. Wydanie zupełne, przez dzieci autora dokonane, III. Lwów, 1880.	Mck., P. T.
H. Mortkiewicz-Olczakowa. Spotkanie z panem Kościuszką. Warszawa, 1951.	Mortk., Spotk.
Z. Nałkowska. Niedobra miłość. Wyd. piąte. Warszawa, 1952.	Nałk., Nied. mił.
Z. Nałkowska. Węzły życia. Warszawa, 1948.	Nałk., Węzły ż.
J. Newerly. Pamiątka z Celulozy. Wyd. III. Warszawa, 1952.	New., Pam. z Cel.
E. Orzeszkowa. Cham. Warszawa, 1949.	Orz., Cham.
«Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян». I—IV. Изд. ОРЯС ИАН, 1852—1856.	Пам.
„Prace filologiczne", II. Warszawa, 1888.	Pr. f. II
B. Prus. Lalka, II. Warszawa, 1946.	Prus, Lalka, II
B. Prus. Wybór pism. Warszawa, 1951.	Prus, W. p.
J. Putrament. Wrzesień. Wyd. Min. Obrony Narodowej, 1952.	Putr., Wrzes.
Pytlakowski. Fundamenty. Moskwa, 1950.	Pytl., Fund.
L. Rudnicki. Stare i nowe. Moskwa, 1951.	Rudn., St.
«Śielanka polska». «Biblioteka-narodowa», N 48, ser. 1. Kraków, 1922.	Siel. p.
H. Sienkiewicz. Listy z Afryki. Warszawa, 1898.	Sienk., L. Afr.
H. Sienkiewicz. Nowele, I—II. Warszawa, 1905.	Sienk., Now. I. II.
H. Sienkiewicz. Rodzina Połanieckich, II. Nakład Gebethnera i Wolfa. Warszawa, 1895.	Sienk. R. Połan. II.
Ścibor-Rylski. Węgiel. Warszawa, 1951.	Scib.-R., Węg.
A. Tarn. Zwykła sprawa. Warszawa, 1952.	Tarn
„Twórczość", 1952, N 8.	Twór.
W. Wasilewska. Oblicze dnia. Moskwa—Leningrad, 1935.	Was., Obl. d.
Wojtowiczowa. Czarna Ameryka. Warszawa, 1952.	Wojt., Czarn.
W. Woroszylski. Poematy. Warszawa, 1952.	Worosz.
„Wybór pism". Moskwa, 1950.	Wyb. p.
„Wypisy z literatury polskiej XIX—XX wieku". Moskwa, 1951.	Wypisy
St. Vrtel-Wierczyński. Rozmyślanie przemyskie. Wyd. St. Vrtel-Wierczyński. Warszawa, 1952.	Rozm. przem.

G. Zapolska. Sezonowa miłość. Warszawa, 1950. Zap., Sez. mił.
„Życie słowiańskie", 1952, N 10. Ż. słow.

Кашубский язык

Fl. Cenôva. Skôrb kaszèbskosłovjinskjè mòvè. Svjece, 1866. Cen., Skôrb.
Fl. Cenôva. Rozmova Pólocha s Kaszebą, napjsano przez p. Xędza Szmuka z Pucka. V Svjecu nad Vjsłą. 1865. Cen., Rozm.
Fr. Lorentz. Slovinzische Texte. СПб., 1905. Lor., Sl.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава первая. Методы и задачи изучения истории значений и функций падежей в славянских языках... С. Б. Бернштейн 5

Глава вторая. Творительный социативный... Д. С. Станишева 41

Глава третья. Творительный инструментальный... Д. С. Станишева . . 76

Глава четвертая. Творительный падеж в страдательных конструкциях и безличных предложениях... К. И. Ходова 127

Глава пятая. Творительный причины... К. И. Ходова 159

Глава шестая. Творительный превращения и сравнения... К. И. Ходова . 181

Глава седьмая. Творительный совокупности... Д. С. Станишева 193

Глава восьмая. Творительный ограничения... М. А. Гадолина 201

Глава девятая. Творительный времени... Л. С. Малаховская 222

Глава десятая. Творительный места беспредложный... А. М. Булыгина . 246

Глава одиннадцатая. Творительный места с предлогами... А. М. Булыгина 266

Глава двенадцатая. Творительный приименной... М. А. Гадолина . . . 289

Глава тринадцатая. Процесс адвербиализации творительного падежа... Т. С. Тихомирова 313

Глава четырнадцатая. Общие итоги исследования 351

Список использованных источников с указанием принятых сокращений 366

Творительный падеж в славянских языках

Утверждено к печати
Институтом славяноведения АН СССР

Редактор издательства *Р. М. Цейтлин*
Технический редактор *А. А. Киселева*

*

РИСО АН СССР № 63-77В. Сдано в набор 26/XII 1956 г.
Подп. в печать 28/II 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆
Печ. л. 23,75 = 32,55 усл. л. Уч.-изд. лист. 27,1.
Тираж 2200. Изд. № 1663. Тип. зак. 965. Т—00090.

Цена 17 р. 25 к.

Издательство Академии Наук СССР.
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21

1-я Тип. Изд-ва АН СССР, Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12.